

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
Ивановский филиал ЧОУ ВО «Институт управления»

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ

Материалы XXII Международной научной конференции

Иваново, 29–30 марта 2023 г.

Иваново
Издательство «Ивановский государственный университет»
2023

ББК 63.3(2):86.372(2)

Г 72

Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXII Междунар. науч. конф., Иваново, 29–30 марта 2023 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2023. – 588 с.

ISBN 978-5-7807-1411-2

В сборнике представлены материалы XXII Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков», в которых анализируются различные проблемы истории Русской Православной Церкви в контексте истории российского государства и общества, исследуются малоизученные аспекты этого сложнейшего периода в истории нашей страны, вводятся в оборот неизвестные источники, делается попытка найти новые подходы в изучении новейшей отечественной истории.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **А.А. Корников** (ответственный редактор),
д-р ист. наук **С.М. Усманов**,
д-р ист. наук **Ю.А. Ильин**,
д-р ист. наук **В.Л. Черноперов**,
канд. ист. наук **И.А. Комиссарова** (ответственный секретарь)

Рецензенты:

А.А. Федотов, д-р ист. наук, профессор
(Ивановский филиал ЧОУ ВО «Институт управления»)
Г.А. Будник, д-р ист. наук,
профессор кафедры истории, философии и права,
(Ивановский государственный энергетический университет)

За содержание материалов ответственность несут авторы

ISBN 978-5-7807-1411-2

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2023

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Ivanovo State University
Institute of Management, Ivanovo branch

**STATE, SOCIETY, CHURCH
IN THE HISTORY OF RUSSIA
(20th – 21st CENTURIES)**

Proceedings of the XXII International Scientific Conference

Ivanovo, March 29–30, 2023

Ivanovo
Ivanovo State University
2023

State, Society, Church in the History of Russia (20th – 21st centuries):
proceedings of the XXII International Scientific Conference, Ivanovo, March
29–30, 2023. – Ivanovo: Ivanovo State University, 2023. – 588 p.
ISBN 978-5-7807-1411-2

The proceedings include discussion of the XXII International scientific conference «State, Society, Church in the History of Russia in the 20th – 21st centuries». A wide range of problems covering the history of Russian Orthodox Church, Russian State and society are analyzed. Aspects of the turbulent period of history that have not been studied a lot so far are explored. Unknown sources are introduced. An attempt to find new approaches to the study of Contemporary Russian History is made.

*Printed according to the decision
of the Editorial Board of Ivanovo State University*

Editorial board:

A.A. Kornikov, Doctor of History (Editor-in-Chief)
S.M. Usmanov, Doctor of History
Y.A. Ilyin, Doctor of History
V.L. Chernoperov, Doctor of History
I.A. Komissarova, Candidate of Science, History (Secretary-in-Chief)

Reviewers:

A.A. Fedotov, Doctor of History, Professor
(Institute of Management, Ivanovo branch)
G.A. Budnik, Doctor of History,
Professor of the Department of History, Philosophy and Law
(Ivanovo State Power Engineering University)

The content is the responsibility of the authors

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 316.346.32-053.6; 316.346.36

И.А. Грошева,

доцент, Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области (Тюмень)

И.Л. Грошев,

профессор, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова (Тюмень)

Л.И. Грошева,

доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова (Тюмень)

ЦЕННОСТИ ПАТРИОТИЗМА В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД

В статье авторы, опираясь на данные научно-исследовательского проекта РОС «Российское студенчество о Великой Отечественной войне», проводят гендерный анализ формирования ценностей патриотизма среди российской студенческой молодёжи. Выявлена неоднозначная оценка молодёжью патриотических установок.

Ключевые слова: молодёжь, патриотизм, гендерный подход, ценности, патриотические установки, трансформация.

I.A. Grosheva,

Associate Professor, Branch of ANO VO "IDK" in the Tyumen region (Tyumen)

I.L. Groshev,

Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineer Troop A.I. Proshlyakov (Tyumen)

L.I. Grosheva,

Assistant Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineer Troop A.I. Proshlyakov (Tyumen)

VALUES OF PATRIOTISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT: GENDER APPROACH

In the article the authors, based on the data of the research project of the ROS "Russian students about the Great Patriotic War", conduct a gender analysis of the formation of patriotism values among Russian student youth. The ambiguous assessment of patriotic attitudes by young people is revealed.

Key words: youth, patriotism, gender approach, values, patriotic attitudes, transformation.

Проблема трансформации ценностей современной российской молодёжи имеет длительную историю, активно изучается, но до сих пор не потеряла своей актуальности. С одной стороны, исследуется механизм взаимодействия поколений, с другой – изучается собственно молодёжь как социально-демографическая группа и субъект социальных отношений. Оба направления широко представлены в научной литературе [5, с. 64]. Рост неопределённости, случайности, акцент на саморефлексии в эпоху постмодерна ведёт к многовариантным формам развития. В условиях текущей современности (в терминах З. Баумана) актуализируется изучение особенностей социализации современного поколения, поставившего под вопрос целесообразность преемственности культурных ценностей [3, с. 40].

В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года сказано, что в процессе культурного развития России сложилась система духовно-нравственных ценностей, таких как «человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьёй и своим Отечеством» [6]. Она призвана способствовать формированию механизмов, обозначенных в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», определяющем неразрывную связь образования и воспитания. Среди научно-методических механизмов реализации в том числе предусмотрено проведение социологических исследований, дающих представление о тенденциях развития культурных ценностей.

В связи с этим представляет научный интерес гендерный аспект формирования ценностей патриотизма среди российской студенческой молодёжи. Первичный анализ результатов социологического исследования осуществлялся на основе итогов четвёртой волны научно-исследовательского проекта Российского общества социологов (РОС) «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (N=10065 человек, 2020 г.), осуществлённого при активном участии авторов статьи. Проект существует, начиная с 2005 года, анкетный опрос проводится в режиме мониторинга, что позволяет выявлять изменения в ценностных ориентациях студентов, обучающихся в российских вузах. Метод сбора данных четвёртой волны – онлайн-анкетирование с использованием Google-форм. Репрезентативность выборки не учитывалась, в опросе респонденты принимали участие по желанию, имеется смещение в сторону девушек (61 %).

Вопрос соотношения мнений юношей и девушек в ходе предыдущих исследований не поднимался, поскольку значимых различий не было. Однако в ходе проведения в 2015 г. третьей волны исследования (N=4691) выяснилось, что девушки реже по сравнению с юношами помнили о вещах военных лет, в меньшей степени были склонны полагать, что патриоты – это те, кто честно и добросовестно трудится, готовы к самопожертвованию ради интересов страны [4, с. 213]. Некоторые авторы отмечали скептицизм девушек в идентификации молодых людей как защитников Отечества [1, с. 114].

По итогам четвёртой волны исследования выявлено следующее: патриотами себя не считали 6,7 % девушек и 12,1 % юношей, т. е. их оказалось в два раза меньше. Однако девушек, готовых с точностью назвать себя патриотами, также оказалось меньше, чем юношей (15,5 % против 19,1 %).

Патриотизм в гендерном измерении (% от ответивших)

№	Варианты ответов	Юноши	Девушки
1.	Уважать и знать историю России	54,8 (1)	66,6 (1)
2.	Испытывать гордость за свою страну	40,9	58,3 (2)
3.	Уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста, инвалидам	43,1 (3)	54,9 (3)
4.	Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	50,1 (2)	54,9 (3)
5.	Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	30,2	38,3
6.	Не уклоняться от службы в армии	13,9	19,6
7.	Принимать участие в общественной и политической жизни страны	29,7	32,6
8.	Честно и добросовестно трудиться	24,1	23,9
9.	Патриотизм – устаревшее понятие в эпоху открытых границ. Родина там, где тебе комфортно	16,4	10,4

Как видно из таблицы, представления о патриоте у юношей и девушек имеют некоторые отличия. Интересным представляются женские приоритеты в тех позициях, которые в исследованиях РОС в предыдущие годы (2005, 2010 и 2015 гг.) оставались за молодыми людьми. Например, быть готовыми к самопожертвованию и не уклоняться от службы в армии. В ходе исследования определились нюансы мужского и женского восприятия патриотизма, отразившие гендерную трансформацию из созерцательного, пассивного в деятельное и активное. Девушки

в меньшей степени, по сравнению с юношами, считали патриотизм устаревшим понятием. Патриот в представлениях обеих категорий – это уважающий и знающий историю России. Для юношей более значимым оказалось чувство ответственности, а для девушек – гордость за свою страну. В портрете патриота у обеих категорий лидирующее место заняли пассивные критерии идентификации патриотизма («испытывать гордость», «уважать»). Обнаружилось, что активистские критерии («принимать участие», «быть готовым») сместились на последние места. Позиция «не уклоняться от службы в армии» вообще ушла из приоритетных признаков патриотизма. В ходе сравнения общих результатов опроса молодёжи в 2015 и 2020 гг. количество выбравших эту позицию молодых людей уменьшилось в два раза (с 31 % в 2015 до 17 % в 2020 г.).

На вопрос о том, что будет в случае повторения военного конфликта, подобного июню 1941 года, более половины девушек (56,5 %) и юношей (56,1 %) высказались, что на фронт ушло бы гораздо меньше добровольцев. На открытый вопрос «Почему Вы так считаете?» можем привести аргументы представителей тюменской молодёжи (N=205). Самым популярным ответом женской части респондентов стало указание на низкий уровень способности нынешних молодых людей быть защитниками Отечества и нежелание идти в армию: «многие из парней даже постоять за себя не могут» (18 лет); «...элементарно не идут в армию, пытаюсь уклониться от службы» (18 лет); «...сейчас не армия, а детский сад» (20 лет); «...мужской пол похож в большей степени на девушек» (18 лет); «...потому что люди стали относиться к Родине просто как к месту жительства, поколение не готово защищать её» (18 лет); «...у нынешнего поколения нет патриотизма, ответственности, мужественности, нежели раньше» (20 лет).

Для юношей значимыми оказались объективные факторы, оказывающие влияние на готовность защищать страну: «глобализация стирает патриотизм» (18 лет); «утрачена вера в страну, многие забыли о подвиге граждан СССР» (23 года); «люди не пойдут умирать за нынешнюю власть» (18 лет). Последняя фраза вполне согласуется с выводами, изложенными в статье Г.С. Широкаловой и О.К. Шиманской: за спасение миллиардных состояний олигархов желающих умирать нет, а с реальным отношением чиновников к российским инвалидам локальных войн молодёжь хорошо знакома [7, с. 247]. Необходимо заметить, что в ответах как юношей, так и девушек прослеживается проблема ценностного формирования образа патриота что отразилось в общих высказываниях: «изменились идеалы и ценности по сравнению с периодом жизни во времена СССР», «плохое» (или «другое», «современное») воспитание, «спад патриотизма», «патриотизм – забытое понятие», «стремление

уйти от ответственности», «слишком много комфорта», «отсутствие сплочённости», «личные интересы выше интересов государства», «молодёжь менее патриотична», «патриотизм затемняется на фоне Запада», «мало патриотизма и много эгоизма», «другие интересы», «ценность жизни выше».

При этом молодые люди и сами отмечают проблемы формирования патриотических установок в молодёжной среде. Выборочные результаты опроса другого масштабного проекта РОС «Культурное наследие и связь поколений», состоявшегося в период с 10 марта по 31 мая 2022 года (N=9751, онлайн-анкетирование с использованием Google-форм), охватившие студентов трёх из двадцати одного вуза: Ставропольского государственного педагогического института (СППИ) (N=900), Астраханского государственного технического университета (АГТУ) (N=239), Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова (ЧГУ) (N=217) позволили выявить самооценку российской молодёжи в сравнении трёх поколений. Портрет современного молодого человека на основе обобщённой оценки по трём вузам: обладающий чувством юмора, гибкий и добрый человек. Поколение «отцов» – это трудолюбивые, отзывчивые и сопереживающие люди. «Деды» – трудолюбивые, патриотически настроенные, ответственные люди. В результате критической самооценки молодых людей оказалось, что такие качества как коллективизм, патриотизм и трудолюбие меньше всего присущи молодому поколению.

Согласно опросам Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведённым в 2022 г (N=1600), оказалось, что в меньшей степени патриотические чувства проявляются среди молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет: космополитами и гражданами мира ощущают себя 35 %. Больше всего патриотически настроенных оказалось среди респондентов в возрасте 14–15 лет (70 %), что вселяет определённые надежды на будущее [2].

Снижение патриотических установок в молодёжной среде имеет свои причины. Формирование системы ценностей патриотической направленности сталкивается с отсутствием эмпирической интерпретации феномена, что чаще всего не позволяет сформировать направление деятельности государственных и общественных организаций в едином целевом пространстве; не определено проблемное поле, а также доминирующие в этом поле негативные факторы; не сформированы оценочные критерии; не разработан механизм саморегулирования и самосовершенствования и др. Наличие этих и сопутствующих недостатков априори предопределяют низкую эффективность планируемых и достигаемых результатов как на уровне малых, так и больших социальных групп.

Библиографический список

1. Балабанов С.С., Саралиева З.Х. Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий подход // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.

2. ВЦИОМ рассказал о духовно-нравственных ориентирах российской молодежи // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20221210/molodezh-1837767394.html> (дата обращения: 30.12.2022).

3. Грошева И.А., Грошев И.Л. Образы прошлого в сознании молодежи: конструирование новой идентичности // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинецв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020.

4. Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. О гендерных различиях в оценке студенческой молодежью событий Великой Отечественной войны // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.

5. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3.

6. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/t5Z8N9tgUK5Y9qtJ0tEFnyH1BitwN4gB.pdf> (дата обращения: 01.12.2022).

7. Широкалова Г.С., Шиманская О.К. Историческая память & патриотизм // Философия хозяйства. 2020. № 1.

Н.Н. Павлюченков,

доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕРКВИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

В истории России к началу XX века, наряду со всеми другими общественными разделениями, особо проявило себя отделение интеллигенции от Церкви. В статье обращается внимание на парадоксальный характер противопоставления Церкви отдельных частей общества, а также на необходимость восприятия Церкви во всей полноте ее самоопределения.

Ключевые слова: Церковь, государство, общество, интеллигенция, народ, мистика, таинства, история.

N.N. Pavliuchenkov,

Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox university

ON THE FORMULATION OF THE PROBLEM OF THE INTERACTION OF THE CHURCH, SOCIETY AND THE STATE IN RUSSIA IN XX – EARLY XXI CENTURIES

In the history of Russia from the beginning of the twentieth century, along with all other social divisions, the separation of the intelligentsia from the Church especially manifested itself. The article draws the attention to the paradoxical nature of contrasting of the Church to certain parts of society, as well as the need of the perception of the Church in its entirety of self-determination.

Key words: Church, state, society, intelligentsia, people, mysticism, sacraments, history.

Хорошо известно, что постановка проблемы взаимоотношений Церкви, общества и государства в России имела место задолго до общественно-политического переворота 1917 года. В Российской империи официально Церковь не была «отделена» от государства, но по факту «передовая» часть российского общества, российская интеллигенция, жила вне Церкви достаточно длительное время, что выражалось отнюдь не только в отрыве от внешнего «народного благочестия» и в пренебрежении внешними признаками церковности (формальным соблюдением молитвенных правил, постов, участием в богослужениях и т. п.).

В 1901–1903 гг. в Петербурге проходили тоже достаточно известные «Религиозно-философские собрания», которые их инициаторы (главным образом, – Д.С. Мережковский и его супруга, З. Гиппиус) позиционировали как попытку добиться взаимопонимания между Церковью и интеллигенцией. Сказать, что эти собрания закончились безрезультатно, нельзя. Результат был, и был сугубо отрицательным: фактически, вместо взаимопонимания и сближения обнаружились непреодолимые разногласия, причем не только в решении каких-либо частных вопросов или проблем, а в самих отправных точках мировоззрения.

Российское общество уже испытало к тому времени одну из величайших трагедий в своей истории, выразившуюся в разделении интеллигенции и «народа». Когда хотели это разделение преодолеть, то «ходили в народ» для его просвещения, приобщения к передовой культуре и т. п. Но тем самым наилучшим образом свидетельствовался сам факт разделения, поскольку, если я «иду в народ», то я, конечно, уже давно и прочно не «часть» этого народа. Самими же попытками сблизить интеллигенцию и Церковь, или, вернее, самой постановкой проблемы такого сближения, свидетельствовался факт, как представляется, не только еще более трагический, чем отпадение интеллигенции от «народа», но и гораздо более парадоксальный. Парадокс заключался в том, что многие представители интеллигенции, противопоставлявшие свои убеждения учению и деятельности Российской Церкви, вовсе не переставали при этом быть религиозными людьми, связывающими свою религиозность с Православием. Отделяя себя от этой Церкви, они оставались связанными с нею таинством Крещения и, фактически, либо не понимали мистического характера этой связи, либо сознательно ею пренебрегали, стремясь установить мистические связи иные, например, с какой-либо «внутренней церковью» образца масонских орденов или каких-либо иных мистических сект.

Много сказано о том, что именно мировоззренческие разделения в российском обществе в начале XX века явились причиной революции и гражданской войны, существенно подорвавших мощь российского государства и нанеших обществу до сих пор не исцеленные раны (память о репрессиях, ГУЛАГах и т. д.). Также давно даны, в числе прочих, и достаточно объективные оценки, не позволяющие идеализировать деятельность отдельных представителей как интеллигенции, так и самой Церкви в России в первые десятилетия XX века. Но очень часто во всех подобного рода анализах, оценках и дискуссиях выпадает из внимания вопрос о природе Церкви, о которой она свидетельствует в своем самоопределении. Проблема взаимоотношений Церкви и общества (или Церкви и государства) рассматривается, как правило, точно так же, как в начале

XX века, когда интеллигенция видела в Церкви как будто только некую особую структуру, с которой приходится иметь дело и необходимо как-то уживаться на общем общественно-политическом пространстве.

С такой точки зрения, Церковь объединяет своих членов по типу обычной общественной или общественно-политической организации, причем репутация такой структуры страдает точно также, как падает авторитет обычной организации в случае недостойного поведения отдельных ее высокопоставленных чиновников. То, как сама Церковь позиционирует себя, как правило, упускается из виду или не воспринимается, поскольку самоопределение Церкви уводит в область мистики, еще со времен Декарта почитаемой неуместной при обсуждении естественнонаучных, общественных и политических вопросов. Между тем, вообще из жизни человека мистику изгнать не удалось ни на Западе в эпоху господства позитивизма, ни в России в эпоху воинствующего атеизма и материализма. Получалось так, что, выводя свою жизнь из среды церковных таинств, человек заполнял образовавшуюся пустоту мистикой иного рода, от веры в таинственную силу факта перехода через дорогу черной кошки до внимания к гороскопам, заговорам и более серьезным оккультным практикам. Во всяком случае, теперь уже новая полоса современной истории, определяемая как пост-секулярная, требует гораздо большего внимания к тому, чем сама Церковь претендует быть в этом мире.

Согласно изданному в XIX в, но остающемуся до сих пор наиболее авторитетным «Пространному» Катехизису «Православной Кафолической Восточной Церкви», Церковь «есть от Бога установленное общество людей, соединенных православной верой, Законом Божиим, священноначалием и Таинствами». Этот краткий текст, который обычно принимают за определение Церкви, данное свт. Филаретом митрополитом Московским, является, по существу, лишь начальным предложением, первым вводным тезисом ко всему тому, что в Катехизисе сказано о Церкви. В совокупности со всем изложенным, его можно прочитать так: будучи мистическим «Телом Христовым», имея одну Главу – Христа, единая на земле и на небе и являющая в себе невидимо присутствующую благодать Божию, Церковь, вместе с тем, есть «от Бога установленное общество людей, соединенных православной верой, законом Божиим, священноначалием и Таинствами». Сказать так, значит, в попытке дать определение Церкви, двигаться из невидимой глубины тайны «Тела Христова» в область видимую, где, только как на вершине айсберга, Церковь представляется определенным образом устроенным «обществом верующих». Если следовать обратным путем, то от этой видимой поверхности айсберга нужно пройти глубже, как бы через воды Таинства Крещения, чтобы там увидеть его основание, где Церковь,

как мистическое Тело Богочеловека Христа Спасителя, вмещает в себя единую для всех своих членов (на земле и на небе) Божественную благодать.

По большому счету, катехизическое учение о Церкви, данное свт. Филаретом, можно воспринять как излагаемое именно по такой логике – от «видимого» к «невидимому», когда та область христианской экклесиологии, о которой апостол Павел сказал «тайна сия велика есть» (Ефес. 5, 30-32), раскрывается не сразу, а с благоговейной постепенностью. «Видимое в Церкви, – говорил свт. Филарет в одной из своих проповедей, – проникнуто святым, невидимым» [2, с. 497]. Это – как бы постепенное посвящение в тайну, сокрытую за видимым образом иерархически структурированной церковной организации, благодаря которой эта организация оказывается неуничтожимой в течение более двух тысяч лет, несмотря на все попытки уничтожить ее извне и изнутри.

Те представители российской интеллигенции начала XX века, которые имели опыт жизни в этой мистической сфере бытия Церкви, либо, вслед за А.С. Хомяковым, признавали, что «Церковь не доктрина, не система и не учреждение. *Церковь* есть живой организм, организм истины и любви, или, точнее: *истина и любовь как организм*» [1, с. XXI], либо просто воспринимали Церковь как самую подлинную жизнь, которую, как и всякую вообще, протекающую на грани «видимого» и «невидимого», жизнь, невозможно втиснуть в рамки какого-либо понятийного, логического определения [3, с. 8].

Церковь не может лишиться своей мистической основы вследствие того, что этот уровень ее бытия не всем понятен или не всеми приемлем в современном российском обществе. Исторические и современные примеры мученичества за Христа, честного исполнения своего гражданского, общественного и патриотического долга церковными людьми, свидетельствуют, что Церковь в России не перестает решать свою главную задачу, заключающуюся в глубоком духовно-нравственном преображении человека. Формируемый Церковью для будущей вечной жизни человек и здесь, на земле, оказывается нужным для общества носителем высоких человеческих качеств.

Все вышесказанное, конечно, не должно восприниматься как попытка навязать православное церковное мировоззрение законодательно отделенному от Церкви многоконфессиональному российскому обществу или государству. По факту исторически сложившихся обстоятельств, сама постановка проблемы взаимодействия Церкви, общества и государства в России, уже не может быть «отменена». Речь идет лишь о том, чтобы при решении подобных проблем всеми заинтересованными сторонами учитывалось то самоопределение Церкви, которое отражает

ее подлинную природу и которое, как показала история, не могут отменить никакие общественно-политические преобразования. И если считать православное богословие, как минимум, одной из гуманитарных дисциплин (а экклесиология, учение о Церкви – один из разделов богословия), то учитывать его положения необходимо также и при междисциплинарном подходе в осмыслении истории России.

Библиографический список

1. Самарин Ю. Предисловие к первому изданию // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Изд. 3-е. М., 1886.
2. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи: в 5 т. М., 1873–1885. Т. 4.
3. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М., 1914.

УДК 13. 130.3

Т.А. Чикаева,

заведующая кафедрой, Московский художественно-промышленный институт (Москва)

Г.В. ФЛОРОВСКИЙ О РОДИНЕ И ПАТРИОТИЗМЕ

Статья анализирует концепцию Родины и патриотизма Г.В. Флоровского. Сущность Родины для него духовна, но находит отражение в конкретных образах. Патриотизм — зрячая любовь, соединяющая рациональное и чувственное, требующая следования нравственным принципам.

Ключевые слова: Родина, патриотизм, любовь, нравственность, Г.В. Флоровский.

T.A. Chikaeva,

Head of the Department, Moscow Art and Industrial Institute (Moscow)

G.V. FLOROVSKY ABOUT THE MOTHERLAND AND PATRIOTISM

The article analyzes the concept of the Motherland and patriotism of G.V. Florovsky. The essence of the Motherland is spiritual for him, but it is reflected in concrete images. Patriotism is sighted love that combines the rational and the sensual, requiring adherence to moral principles.

Key words: Motherland, patriotism, love, morality, G.V. Florovsky.

В 2023 году исполняется 130 лет со дня рождения русского философа и богослова, священнослужителя Георгия Васильевича Флоровского. Мыслитель известен, прежде всего, своими исследованиями патристики и путей отечественного богословия, философы также чтут его вклад в развитие концепции евразийства.

На наш взгляд, есть ещё одна тема размышлений Г.В. Флоровского, на которую следует обратить внимание, как для того, чтобы лучше понять его творческое духовное наследие, так и для того, чтобы найти оптимальные ответы на вечные вопросы о том, как следует жить, к чему стремиться, каких ценностных ориентиров придерживаться. Эту тему можно сформулировать так: Родина и патриотизм.

Судьба распорядилась таким образом, что Г.В. Флоровский был вынужден значительную часть своей жизни прожить в эмиграции, наблюдая за своей Родиной-Россией со стороны. На годы его жизни пришлось ключевые события как отечественной, так и мировой истории, что способствовало тому, что представление о содержании Родины и сущности патриотизма в концепции мыслителя приобрело характеристики, позволяющие ориентироваться на него в процессе формулирования и обоснования дефиниций данных понятий и определения их содержания и места в системе иерархии ценностей. Участие мыслителя в экуменическом движении обеспечивает проработанность указанной проблематики с точки зрения сочетания всеобщего и национального, что влечёт за собой заинтересованность в тщательном анализе его идей со стороны всего мыслящего человеческого сообщества.

Текущая ситуация в России и мире также побуждает с особым вниманием обращаться к наследию Г.В. Флоровского, поскольку оно создавалось в период, схожий по своим характеристикам к современному. Сейчас, как и тогда, общество нуждается в серьёзных переменах, качество и результаты которых зависят во многом от того, какие ценности будут лежать в основе управления социокультурными процессами, какими ценностями будут руководствоваться люди при принятии решений. Родина и патриотизм справедливо можно отнести к высшим ценностям, поэтому интерес актуален.

В трудах мыслителя сложно найти прямые указания на то, как он трактует понятие «Родина», но из совокупности его мыслей и высказываний можно сформулировать следующую концепцию. Родина для Г.В. Флоровского – Бог. Это следует из всех его богословских рассуждений. Те характеристики, которые мы адресуем Родине, такие как духовная субстанция, источник бытия всех объектов, наделяющий людей и народы определёнными духовными и нравственными качествами, высшая ценность, святыня [7, с. 53], для мыслителя очевидные атрибуты

Бога. Вместе с тем, в его трудах мы находим связь между Родиной-Богом и земной Родиной человека, указание на то, что истинная Родина-Бог познаётся и принимается через понимание земной Родины, принятие и понимание образов Родины, которые формируются и актуализируются через восприятие реальных объектов природы, труда и творчества. С.Н. Артановский обращает внимание на цитату мыслителя: «Ранние христиане искали свою новую Родину в пределах монастырской ограды и прилегающих к ней земель» [1, с. 10]. О такой взаимосвязи свидетельствует и призыв философа в письме к П.П. Сувчинскому: «Бога надо любить ... больше Земной Родины» [2, с. 139–140]. Заметим, что Бог противопоставляется здесь именно Земной Родине, то есть предполагается, что есть иная, Небесная Родина, то есть Бог. Принцип взаимодействия с Земной и Небесной Родиной качественно един – любовь.

Под нахождением новой Родины в данной фразе, очевидно, понимается обретение веры в нового Бога, о котором не ведали предки, а не о смене гражданства или подданства. Но духовная сущность Родины, её близость должны раскрыться через созерцание и осмысление образов, которые возникают вблизи тех, кто начал исповедовать новую религию. Родина и Отечество, которые Г.В. Флоренский рассматривает как понятия тождественные, для философа являются ключевыми понятиями национальной культуры. Это означает то, что понимание Родины требует конкретности, образности, её нельзя сводить к некоторой абстракции. Этот вывод находит подтверждение в утверждении мыслителя о том, что необходимо бороться за «за что-нибудь определённое, за живой и конкретный образ Новой России, а не за отвлечённую идею Родины, ad hoc конкретизируемую в какой-то переливчатый образ, колеблющийся и шаткий» [5, с. 138].

Из вышеизложенного следует отрицание философом идеи космополитизма и рассмотрение патриотизма как высокой нравственной ценности. На наш взгляд из этого может следовать вывод о том, что всеобщее объединение может происходить только на основе сохранения и признания значимости своего. Но, поскольку онтология Родины духовно, её воплощение в реальности может быть различным. Философ признаёт возможность наличия второй Родины, которое понимает как место, где можно сохранить и развивать свои духовные, интеллектуальные и нравственные представления и идеалы [6, с. 48].

Теме патриотизма Г.В. Флоровский уделяет больше внимания. Он рассматривает проблему того, что можно назвать истинным патриотизмом, какие ему свойственны характеристики, какими нравственными качествами должен обладать патриот. Анализ трудов мыслителя позволяет выделить следующие характеристики истинного или праведного

патриотизма. Во-первых, это объективность оценок, зрячесть любви. Мыслитель утверждает недопустимость квасного патриотизма, безоглядного возвеличивания, рассмотрения всего своего, национального как превосходящего всё прочее. Он пишет: «Любовь к отечеству совсем не требует забвения о «каиновых братьях... Только полнота исторической памяти воспитывает творческое дерзновение и волю...» [3, с. 245].

Патриотизм как любовь, следовательно должен быть направлен на совершенствование своего бытия, на приложение творческого потенциала социальных субъектов к созиданию, для чего необходимы объективные оценки настоящего состояния и всего того, что ему предшествовало. Зрячесть патриотизма Г.В. Флоровский связывает с нравственностью, следованием духовному идеалу. Он обращает внимание на то, что не всякую любовь к родине можно назвать праведной и благословенной, и добавляет: «Далеко не безразлично, за что мы любим Родину, в какое её «призвание» мы верим... Содержание нашего идеала, а не темп и страстность, с которыми мы его переживаем, должно определять ...оценку нашего пути [5, с. 143].

Обращение патриотической любви на политическую программу государства как властного органа, оцениваемую мыслителем отрицательно, как зло, то, что, по его мнению, греховно. Нельзя, с его точки зрения любить, невзирая на недостатки, надо актуализировать воплощать в реальность духовный идеал Родины.

Зрячесть любви к своей Родине ведёт к пониманию ценности другого, к нахождению общего между народами, а в последующем обретению единой духовной Родины – Бога. Г.В. Флоровский, рассуждая о воззрениях славянофилов и западников упоминает упоминание последними Европы как «второго отечества», как место, где находится дорогое кладбище, связанное с общей историей [5, с. 93]. Необходимо заметить, что такая характеристика Европы не была связана с переменой гражданства, то есть речь идёт о духовных ценностях, святынях, чтимых у нескольких народов. Зрячесть патриотизма позволяет видеть и объективно оценивать свои и чужие недостатки, а, значит, способствовать всеобщему творческому развитию.

Во-вторых, патриотизм должен соединять разум и чувства, рациональное осмысление и чувственное ощущение близости между человеком и Родиной. Опора только на рациональные характеристики, с точки зрения Г.В. Флоровского, недопустимо. Он замечает то, что «в царстве чистого разума нет места ... живым и конкретным чувствам. «Любовь к отечеству» здесь невозможна; то, что является здесь под этим именем, в действительности есть любовь к принципу, к «идее», к «убивающей букве». В этом случае человек перестаёт творить, становится фанатиком, следующий предписанием, не понимая их смысла [4, с. 106].

Как следует из высказываний мыслителя, патриотизм требует конкретности, объективности и, вместе с тем, веры в свою Родину, неформальное принятие ее потребностей в качестве своих, творческого подхода к обустройству своего бытия. Критерием и мерой отнесения патриотизма к праведным ценностям, святыням, а не к формальной поддержке политических органов и деяний, является нравственность.

Патриотизм, по мнению Г.В. Флоровского, должен быть связан с духовным здоровьем, так как вывести ... Родину из тупика смогут только духовно-здоровые люди, а больные утопят её ещё глубже, будь они во всеоружии... техники [5, с. 169]. Там, где нет любви одухотворённой, просветляющей и дерзновенно-жертвенной: есть голая «зоологическая» стихийная страсть к родимой плоти, – к «родимому хаосу, в следовательно патриотизм будет сливаться с цинизмом [5, с. 185–186].

Основной добродетелью патриота Г.В. Флоровский называет смирение. Понимая, что для многих атеистов данное качество скорее отрицательное, чем положительное, мыслитель особо оговаривает, что «ни в коей мере не есть рабская покорность» [4, с. 106]. Смирение нельзя отождествлять с покорностью, оно, как объясняет философ означает принятие объективной реальности такой, какова она есть, без самообмана или пустого отрицания очевидного, когда человек живёт в выдуманном мире, который существует только в его воображении. Самостоятельность, свобода действий и оценок личности сохраняется [5, с. 143–144]. Заметим, что это замечание Г.В. Флоровского, на наш взгляд, полностью актуально для наших дней.

Итак, мы можем указать на то, что воззрения Г.В. Флоровского подтверждают нашу дефиницию Родины как духовной субстанции, нравственные отношения с которой у человека, народа, социальной группы есть патриотизм. Патриотизм – это соединение почитания духовной святыни и объективная оценка реальности, выполнение задачи достижения духовного идеала в настоящем, реальном бытии. Начинать, по мнению философа, надо с себя, со своего нравственного преобразования, с отказа как от эгоистических, субъективных оценок, так и от формального рационализма. Другим важным аспектом в формировании и развитии истинного патриотизма, с точки зрения мыслителя, является познание своего прошлого. Здесь речь идёт как о конкретных исторических событиях, так и о понимании системы ценностей и святынь своего народа, его изначальной веры.

Библиографический список

1. *Артановский С.Н.* Понятие Родины: современные модификации// Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, 2012. № 3. С. 6–10.

2. *Мосийчук Н.С.* Философское наследие Григория Сковороды и Георгия Флоровского в диалоге славянских культур // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 3 (33). С. 136–143.

3. Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I–VI). М., 1992. 752 с.

4. Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. 539 с.

5. *Флоровский Г.В.* Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. 432 с.

6. *Флоровский Г.В.* Пути Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

7. *Чикаева Т.А.* Родина. Патриотизм: социально-философское исследование М.: МХПИ. 129 с.

УДК 281.2(091)(47)

В.Л. Черноперов,

профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений
Ивановского государственного университета (Иваново);

профессор кафедры богословия и Священного Писания Ветхого и Нового Завета
Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии
(Иваново)

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И МИССИОНЕРСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО
ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО**

В публикации рассматриваются вопросы социального служения святого праведного Иоанна Кронштадтского. Отмечено, что он рассматривал благотворительность в тесной связи с миссионерством. В укреплении Православия о. Иоанн видел барьер на пути распространения революционных настроений.

Ключевые слова: святой праведный Иоанн Кронштадтский, благотворительность, миссионерство, Дом трудолюбия, протестные настроения.

V.L. Chernoperov,

Professor of the Department of General History and International Relations
of Ivanovo State University (Ivanovo); Professor of the Department of Theology and
Holy Scripture of the Old and New Testament of the St. Alexius Ivanovo-Voznesensk
Orthodox Theological Seminary (Ivanovo)

**CHARITABLE AND MISSIONARY ACTIVITY
OF ST. JOHN OF KRONSTADT**

The publication discusses the issues of the social ministry of St. John of Kronstadt. It is noted that he considered charity in close connection with missionary work. In strengthening Orthodoxy fr. John saw a barrier to the spread of revolutionary sentiments.

Key words: St. John of Kronstadt, charity, missionary work, House of Diligence, protest moods.

Интерес к жизни и трудам святого праведного Иоанна Кронштадтского (Иоанна Ильича Сергиева (1829–1908)) начался еще при его жизни. Не угасает он и сегодня (см., напр.: [17]). В настоящем сообщении основное внимание обращено на благотворительность и миссионерство о. Иоанна в контексте его борьбы с нищетой, тунеядством и угрозой протестных настроений.

Отец Иоанн начал готовить себя к проповеди христианства еще в юности. Известно, что в семинарии он думал о миссионерстве среди диких племен [11, с. 27]. Однако жизнь сложилась иначе. В декабре 1855 года Иоанна Сергиева после окончания Санкт-Петербургской Духовной Академии со степенью кандидата богословия и рукоположения в сан священника определили в собор святого апостола Андрея Первозванного в Кронштадте. Хотя город считался главной базой императорского Балтийского флота, и основная часть гарнизона исповедовала Православие, ситуация здесь не была благополучной. В Кронштадте росло количество люмпенов. Их ряды регулярно пополняли, во-первых, высылаемые из столицы нищие и бродяги, во-вторых – приезжающие в порт на сезонные работы крестьяне и мещане. Не заработав, эти люди застревали в городе, селились в лачугах или землянках, побирались, пьянствовали, воровали [1, с. 73; 3], даже разбойничали [9, с. 118]. Многие потеряли веру во Христа, в то, что смогут выбраться «с общественного дна». Эта нище-уголовная среда была благоприятной для протестных настроений.

Отец Иоанн воспринял проблемы Кронштадта близко к сердцу. Совершал требы в трущобах, раздавал нуждающимся одежду и обувь, возвращаясь домой раздетым и босым, отдавал жалование и пожертвования поклонников, коих становилось все больше. Со временем о. Иоанн увидел, что его милостыни положения не меняют. Возможно, даже способствуют росту среди бедноты настроений бездельничая и паразитизма [12]. Тогда священник обратился к опыту российской благотворительности. Изучив оный, у него вызрел план – создать организацию, через которую неимущие не только получали бы минимум необходимого, но и сами могли заработать на пропитание и ночлег. Причем в этом деле следовало объединить разные слои общества.

Реализуя план, преп. Иоанн в двух номерах «Кронштадтского вестника» за 1872 год обратился к пастве за помощью. Призыв услышали. «При поддержке военного прокурора барона О.О. Буксгевдена и великой княгини Александры Иосифовны в июне 1874 года при Андреевском соборе, где служил о. Иоанн, было основано Попечительство

святого апостола Андрея Первозванного» [1, с. 75]. В Попечительский совет вошли офицеры, купцы, священники, чиновники и т. д. Приоритеты Андреевского попечительства существенно расходились с Положением о приходских попечительствах при православных церквях, которое было принято в 1864 году. В пяти пунктах этого документа приоритеты были расставлены следующим образом: 1) нужды храма; 2) забота о духовенстве; 3) устройство домов причта; 4) учреждение «в приходе школы, больницы, богадельни, приюта и других благотворительных заведений»; 5) поддержка бедных [15]. У отца же Иоанна на первом месте оказались последний и предпоследний пункты, а также соработничество.

В 1881 году о. Иоанн, пережив убийство Александра II как большую личную трагедию, предложил увековечить память об императоре строительством при Андреевском попечительстве Дома трудолюбия. Строительство началось 23 августа 1881 года. Несмотря на задержки в работах из-за пожара, к 12 октября 1882 года Дом трудолюбия был готов [16, с. 31]. Основные средства на строительство поступали от о. Иоанна, которому жертвовали со всей России. В слове при освящении Дома трудолюбия святой связал осуществление проекта с небесной Любовью «ко всем сынам и дочерям человеческим, утружденным грехами, борениями, лишениями, невзгодами, скорбями, бедами, бурями душевными и обремененным беззакониями» [14, с. 145].

После открытия Дома трудолюбия, где сложилась своя система управления, строительные работы продолжились. К 1891 года было возведено 5 крупных построек: собственно Дом трудолюбия, 3-х этажный ночлежный приют, дом Андреевского попечительства, загородный дом милосердия и 4-х этажный каменный странноприимный дом. Постепенно расширялось количество сфер деятельности. В результате возник целый городок, в домах которого разместились разнопрофильные учреждения [1, с. 76–77; 3; 13]. Их можно разделить условно на 5 групп: 1) мастерские (пенькощипальная, картузная, портновская, сапожная); 2) социальные объекты, где за небольшую плату предоставлялись пропитание и кров (народная столовая, ночлежный приют, странноприимный дом); 3) бесплатные социальные заведения (лечебница, дом презрения, приюты, летний загородный дом); 4) бесплатные учебные заведения (народное училище, воскресные школы, начальные училища для мальчиков и девочек с трехгодичным обучением по программе Министерства народного просвещения); 5) просветительские учреждения (народная читальня, детская библиотека, лавка с душеполезной литературой и т. д.). Для снабжения Дома трудолюбия были разбиты огороды. Кроме того, нуждающиеся могли получить одежду, обувь и единовременное денежное пособие на погребение, лечение и т. д. Плата в

мастерских была небольшая, но позволяла выжить. Так, занятые на щипании пеньки могли заработать в день 12–14 коп. [10]. Для сравнения. Ночлег в Доме трудолюбия стоил 3 коп. (входил также стакан чая с хлебом), в частной ночлежке – 5 коп., койка в квартире – 10 коп. С женщин плату не брали [13]. На Рождественской и Пасхальной неделях ночлег был бесплатным. Заработок позволял также оплатить обед [10, 13].

Социальный проект о. Иоанна сталкивался со многими проблемами. Прежде всего, с тем, что производимая продукция не редко была неконкурентоспособной. Для решения вопроса вводились различные новации, но закрыть все вопросы финансирования не удавалось (см.: [10]), поэтому Дом трудолюбия оставался преимущественно благотворительной организацией. Сколько на нее тратил сам о. Иоанн сказать невозможно. Обычно называют цифру от 40 до 60 тыс. руб. ежегодно [3; 13]. Но, возможно, суммы были больше. Яркое свидетельство о масштабах деятельности о. Иоанна содержит запись одного из лидеров послереволюционных обновленцев митрополита Евдокима (Мещерского), писавшего под псевдонимом В.М.: «Нам так много рассказывали в Кронштадте о его благотворительности, что о размерах ее нельзя составить и приблизительного представления. Несомненно, только одно, что она выражается в громадных цифрах, даже не в десятках, а в сотнях тысяч. Некоторые утверждают, что вся благотворительность отца Иоанна ежегодно простирается более чем на миллион рублей» [7, с. 154]. В начале XX века Дом трудолюбия оценивался более чем в 1 млн. рублей [1, с. 78].

Устроение немущих у о. Иоанна неразрывно связано с миссионерством, с приведением ко Христу неверующих, иноверцев и отпавших. Он трудился на этом поле постоянно: «Я стараюсь быть искренним пастырем не только на словах, но и ... в жизни. Я целый день в делах, с утра и до поздней ночи. Свое пастырское служение я совершаю не только в Кронштадте, но приходится часто путешествовать для этого по разным местам России. Где бы я ни был, ... я каждодневно ... совершаю литургию и искренно, сердечно, усердно и благоговейно приношу святую бескровную жертву Богу о грехах своих и всех православных христиан. Молящиеся видят и чувствуют мое искреннее, благоговейное служение и сами проникаются святыми чувствами и молятся усердно. За каждой воскресной литургией я проповедую живое Слово Божие. <...> Благодарение Богу – я сам вижу плоды своих пастырских трудов. Когда я выхожу из храма, меня с любовью окружает народ, все с сияющими лицами, у всех ... благодатно-радостное настроение» [16, с. 152].

В своих проповедях, которые отличались сжатостью, краткостью, точностью, основательностью, простотой, задушевностью и народным языком [8, с. 248], прав. Иоанн не только обличал грехи, «пороки и

страсти человеческие», «заблуждения сектантов и раскольников» [8, с. 248], но и призывал паству не отступать от Православия и царя, чем вызывал резкое неприятие и критику явных и скрытых антицерковных сил (подр. см.: [6]). Их раздражение нарастало и от того, что проповеди о. Иоанна широко распространялись.

Еще один путь привлечения людей в лоно Православия о. Иоанн видел в строительстве новых храмов, организации или поддержке монастырей, на что также выделял значительные суммы [2, с. 44]. При его участии было заложено, построено и освящено множество церквей в разных городах России. Отец Иоанн поддерживал также связи с более чем тридцатью монастырями. Сам организовывал обители. Святой праведный считал, что жизнь иноков и инокинь – лучший наглядный пример в деле православного просвещения. Этой же цели служила большая благотворительность многих обителей, связанных с ним. В Иоанновском монастыре Санкт-Петербурга нуждающимся (в частности, бездомным детям) были доступны богадельня, лечебница, кухня, трапезная и воскресная школа [4, с. 24]. В Леушинском Иоанно-Предтеченском женском монастыре на реке Шексне имелись училище для девочек, приюты для сирот и престарелых вдов [11, с. 31]. В женской Богородице-Рождественской обители в Лесне были организованы «богадельня и больница, где нуждающиеся могли получить бесплатную медицинскую помощь и лекарства» [11, с. 32]. Здесь же существовали «церковно-учительная школа и школа-приют», в котором проживали и воспитывались более 400 девочек. Местная игуменья Екатерина (Ефимовская) следовала завету отца Иоанна: «Побольше дела, поменьше самолюбования и возни с собой» (цит. по: [5]).

В заключении отметим. Святой праведный Иоанн Кронштадтский с болью смотрел на падение веры и нравов россиян. Он прилагал усилия к тому, чтобы не допустить победы сил, отвернувшихся «от Евхаристии, от Церкви, от православного царя» и готовивших «царство антихриста» [6, с. 490]. В этом ряду свое место заняли благотворительность и миссионерство. Они были призваны поддержать неимущих, объединить в благородном деле людей разных социальных слоев и достатка, укрепить в обществе Православие, почитание царя и, тем самым, предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Библиографический список

1. Акишин Г.Г. Исторические и общественно-социальные аспекты благотворительной деятельности св. прав. Иоанна Кронштадтского // Христианское чтение. 2014. № 1. С. 71–83.

2. *Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп.* Отец Иоанн Кронштадтский. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. 380 с.
3. *Беловолов Геннадий, прот., Большакова С.Е., Ильешенко Филипп, священ., Фирсов С.Л., Хондзинский Павел, священ.* Иоанн Кронштадтский // Православная энциклопедия. Т. XXIV. М.: Православная энциклопедия, 2010. С. 353–382. URL: <https://www.pravenc.ru/text/471321.html> (дата обращения: 10.12.2022).
4. *Берташ А.В.* Свято-Иоанновский ставропигиальный женский монастырь // Православный паломник. 2002. № 4 (6). С. 23–29.
5. Бровко В. Духовная цитадель русских эмигрантов. Ч. 2. URL: <https://proza.ru/2008/09/07/45> (дата обращения: 12.12.2022).
6. *Виталий (Уткин), игум.* Святой праведный Иоанн Кронштадтский vs церковный либерализм и либеральные СМИ // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 488–501.
7. *Евдоким (Мецкерский), митр.* Два дня в Кронштадте: из дневника студента. Репринт. 2-е изд., ил., значит. испр. и доп. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. [Jordanville: The Holy Trinity Monastery, 1960]. 458 с.
8. Жизнь и пастырско-просветительская деятельность отца Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского (из уроков по практическому руководству для пастырей и гомилетике в Костромской духовной семинарии) // Костромские епархиальные ведомости. 1910. № 8. С. 241–249.
9. *Иоанн Кронштадтский, св.* Моя жизнь во Христе. М.: Сретенский монастырь, 2005. 1070 с.
10. *Кайшаури Н.* Дом трудолюбия Иоанна Кронштадтского: милосердия больше, чем труда // Милосердие.RU. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/dom-trudolyubiya-ioanna-kronshtadskogo-miloserdiya-bolshe-chem-truda/> (дата обращения: 12.12.2022).
11. *Любомудрова М.М.* Кронштадтский батюшка // Пастырь. 2008. № Декабрь. С. 27–34.
12. *Меньшиков М.О.* Завещание отца Иоанна // Меньшиков М.О. Выше свободы: статьи о России. М.: Современный писатель, 1998. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/menshikov3/menshikov32.htm> (дата обращения: 09.12.2022).
13. *Петроченкова К.* Дом трудолюбия св. Иоанна: «Учреждение первых христиан времен апостольских» // Милосердие. RU. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/dom-trudolyubiya-svioanna-uchrezhdenie-pervyh-hristian-vremen-apostolskih/> (дата обращения: 12.12.2022).
14. Полное собрание сочинений прот. Иоанна Ильича Сергиева. 2-е изд. репр. Т. 3. СПб.: Изд-во Яковлевой, 1994. 503 с.
15. *Скворцов В.М.* Миссионерский спутник: Настольная справочная книжка по расколосектоведению и миссионерству. 2-е изд., доп. С.-Пб.: Типолит. В.В. Комарова, 1904. 738 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/misionerskij-sputnik/> (дата обращения: 12.12.2022).
16. *Сурский И.К.* Отец Иоанн Кронштадтский. М.: Паломник, 1994. 598 с.
17. Тетради по консерватизму. 2020. № 1 (спец. выпуск: Святой праведный Иоанн Кронштадтский).

УДК 27-9

О.С. Смирнова,

кандидат исторических наук, преподаватель воскресной школы
Свято-Покровского женского монастыря г. Суздаля

Ю.Ю. Павлычева,

внештатный экскурсовод Владимиро-Суздальского музея-заповедника

ЗАКРЫТИЕ ХРАМОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОМАНОВСКОГО СЕЛЬСОВЕТА СУЗДАЛЬСКОГО РАЙОНА В 1930-е ГОДЫ

На основе делопроизводственных документов и воспоминаний описываются события, связанные с закрытием и переоборудованием храмов сел Романово, Менчаково, Омутское Суздальского района. Показана роль местных органов советской власти в государственно-церковных отношениях в 1930-е годы.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, закрытие храма, церковная «двадцатка», законодательство о культах, сельсовет, переоборудование церковного здания.

O.S. Smirnova,

Teacher of the Sunday school of the Holy Intercession Women's Monastery in Suzdal

Yu.Yu. Pavlycheva,

Freelance tour guide of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve

THE CLOSURE OF CHURCHES ON THE TERRITORY OF THE ROMANOVSKY VILLAGE COUNCIL OF THE SUZDAL REGION IN THE 1930s

On the basis of office documents and memoirs, the events associated with the closure and refurbishment of churches in the villages of Romanovo, Menchakovo, Omutskoye of the Suzdal region are described. It is shown the role of local authorities in state-church relations in 1930s.

Key words: state-church relations, temple closing, church “twenty”, cult legislation, village council, church building renovation.

Село Менчаково расположено в восьми километрах от Суздаля на высоком берегу реки Ирмес. До XVIII века церковь в селе была деревянной. В 1795 году из-за ветхости ее разобрали. На средства прихожан и помещика Кашинцева была построена каменная пятиглавая церковь, которую освятили в честь Рождества Пресвятой Богородицы [5, с. 241]. В конце XIX века причт храма совершал богослужения и исполнял требы в храме соседнего села Романово, расположенного в километре от

села Менчаково. Здесь имелась каменная Богородице-Рождественская церковь, построенная в 1795 году. Своего священника в селе Романово не было, и там попеременно служили священники из храмов сел Омутское и Менчаково [5, с. 244].

Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 года государство признавало только «двадцатки» мирян, которые составляли приход и брали у местных властей в пользование храмовые здания [9, с. 29]. Поэтому отсутствие своего священника в храме села Романово не было препятствием для заключения договора о пользовании церковным зданием. Члены приходского совета брали на себя обязательства хранить церковное имущество, ремонтировать здание, платить налог на строение, земельную ренту и страховку. Но религиозное общество села Романово просуществовало недолго. 3 августа 1932 года председатель Романовского сельсовета Хомяков сообщил в Суздальский райисполком, что храм как молитвенное здание уже не функционирует, все церковное имущество вывезено, колокола сняты и отправлены во Владимир, в летнем помещении церкви устроен магазин, в зимнем – зернохранилище. Здание находилось в плачевном состоянии, на его ремонт и переоборудование под избу-читальню требовалось потратить 1000 рублей [1, л. 3–6].

Закрытие храма в селе Романово было осуществлено сельсоветом в нарушение всех возможных правил: церковь переоборудовали под хозяйственные нужды колхоза еще до расторжения договора с религиозной общиной, не было на закрытие ни утверждения областной власти, ни разрешения ВЦИК. Около двух лет ушло на переписку чиновников местных, областных и центральных органов власти по узаконению «ликвидации», т. е. «передачи церковного здания райисполкому для использования на хозяйственные нужды местного населения» [1, л. 12]. Такие случаи несоблюдения базовых пунктов постановления «О религиозных объединениях» стали в начале 1930-х годов массовыми. При этом Комиссия по вопросам культов при облисполкоме, задачей которой было контролировать соблюдение советского законодательства о религии, начала рассматривать случаи грубого нарушения закона чисто статистически. Чтобы вести переписку с Президиумом ВЦИК уже не по отдельным, а сразу по нескольким храмам районов, «29 июля 1933 года председателем комиссии по вопросам культов при облисполкоме Ивановской промышленной области был направлен циркуляр, содержащий 2 формы, которые должны были заполнить райисполкомы: список по учету действующих церквей и список недействующих, но не закрытых по постановлению облисполкома или ВЦИК (то есть закрытых с нарушением действующего законодательства)» [8, с. 43]. Важной деталью

является сокрытие факта незаконной «ликвидации» церкви Романовским сельсоветом в переписке с ВЦИК. Сохранился черновик ходатайства, в котором чиновник облисполкома сообщает не о состоявшемся уже переоборудовании здания под хозяйственные нужды колхоза, а только о намерении это сделать [1, л. 10]. Окончательное решение о ликвидации церкви в селе Романово было подписано председателем Ивановского облисполкома 15 октября 1934 года [1, л. 12].

Что касается храма в селе Менчаково, то договор с группой верующих был заключен 9 декабря 1930 года. 12 марта 1938 года был арестован священник храма протоиерей Михаил Иванович Вальков. Его приговорили к восьми годам лагерей, из заключения он уже не вернулся [6, с. 29]. С 1938 года богослужения в храме больше не совершались. По причине отсутствия дохода исполнительный орган церковной «двадцатки» перестал платить положенные налоги. Нарушения договора о пользовании молитвенным зданием допускались со стороны «двадцатки» и раньше, но пока приход вовремя производил выплаты, эти нарушения мало кого волновали.

3 апреля 1939 года на заседании президиума Суздальского райисполкома рассматривалось ходатайство пленума Романовского сельсовета о закрытии церквей в селах Менчаково и Омутское [4, л. 13]. При этом важно отметить, что представители местных органов власти – и в сельсовете, и в райисполкоме – не понимали различия между расторжением договора с группой верующих и закрытием церкви. Райисполком ссылался на ст. 52 «Инструкции постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» от 16.01.1931 г. Однако в том же документе ст. 60 гласит, что расторжение договора с религиозным обществом само по себе не ведет к окончательному закрытию молитвенного здания [7]. Областной исполком со своей стороны в письме от 29 апреля 1939 года отказался утвердить какое-либо решение местных властей, не получив от них доказательств того, что приходы действительно не функционируют. По цепочке требования облисполкома были спущены назад в сельсовет. Председатель сельсовета Александр Прохорович Суриков лишь через полтора месяца начал сбор материалов о храмах в селах Менчаково и Омутское.

Церковь преп. Ефрема Сирина в селе Омутское не функционировала уже с 1936 года. Ее священник отец Иоанн Александрович Арбузов в декабре 1932 года был арестован. Его приговорили к пяти годам ссылки в Архангельск, но в декабре 1937 года вновь арестовали за «устройство контрреволюционных сборищ» и приговорили к расстрелу. Вероятно, после ареста отца Иоанна богослужения в Омутском совершал

отец Михаил Вальков из с. Менчаково или отец Алексей Якиманский из с. Весь, служивший до 1937 года [2, л. 5]. 13 июня 1939 года председатель Романовского сельсовета А.П. Суриков с двумя помощниками в присутствии пяти членов церковной «двадцатки» провел проверку состояния церковного имущества. Обнаружилось, что церковь не охраняется, оконные стекла выбиты, растаскивается кирпич и кровельное железо церковной ограды, похищено шесть наименований церковной утвари; задолженность по налогам составляет 947 рублей. А.П. Суриков предложил представителям «двадцатки» в двухнедельный срок отремонтировать храм и возместить недоимки. Однако масштаб работ превышал возможности прихода, который уже больше года существовал только формально [4, л. 10]. К тому времени из состава церковной «двадцатки» семь человек поменяли место жительства, трое уже умерли, в том числе и председатель церковного совета Ефим Дмитриев, который умер в тюрьме. Из пяти членов исполнительного органа «двадцатки» в селе остался только один. Сразу после общения с комиссией оставшиеся члены церковной «двадцатки» написали заявление в сельсовет с просьбой расторгнуть договор [4, л. 7]. Согласно закону «О религиозных объединениях» 1929 года (ст. 34) после расторжения договора власти вывесили на церковном здании объявление о возможности заключить в семидневный срок новый договор с группой верующих, желавших принять храм. Но таких в селе уже не нашлось.

Сбор материалов по состоянию церкви в селе Менчаково сельсоветом затягивался. Ускорить процесс заставляли областные власти [4, л. 14]. К обследованию положения прихода в селе Менчаково председатель сельсовета А.П. Суриков приступил 7 августа 1939 года. В присутствии представителей от группы верующих комиссия начала свою работу и выявила, что церковное здание не охраняется, стекла выбиты, упала одна главка, поломана паперть; сумма задолженности по налогам составляет 495 рублей. Про недостаток имущества в документах ничего не сказано, хотя комиссия работала очень тщательно. Из церковной «двадцатки» в селе остались только четыре человека. Нужно отметить, что боясь преследований, связанных с процессом коллективизации, местные жители покидали свои дома и уезжали в Иваново, Владимир или Суздаль. Оставшиеся четыре члена церковной «двадцатки», опасаясь взысканий за несоблюдение условий договора, написали заявление о его расторжении [3, л. 5]. Как и в селе Омутское на вывешенное объявление о возможности заключить новый договор никто из жителей не отреагировал. Согласно рекомендации облисполкома перед закрытием церкви и передачей ее в распоряжение местных властей требовалось провести разъяснительную работу среди колхозников и собрать подписи в поддержку закрытия. Однако в архивном деле таких документов не обнаружено.

Материалы по закрытию церкви в селе Менчаково собирались быстро и ходатайства о закрытии обоих храмов поступили на рассмотрение Суздальского райисполкома одновременно. На заседании президиума Суздальского райисполкома 28 августа 1939 года закрытие церкви было одобрено. Ивановский облисполком утвердил решение по закрытию церкви села Омутское 25 декабря 1939 года [4, л. 1], а села Менчаково 30 декабря 1939 года [3, л. 1]. Первоначально областные власти одобрили использование закрытых церквей только под культурно-просветительские цели, однако в реальности оба церковных здания использовались под колхозные склады.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 года было призвано упорядочить государственно-церковные отношения. Но советские чиновниками по-разному понимали задачи государственной политики в отношении Церкви. К.А. Полозова видит причину такого разномыслия в опоре не на писанный закон, а на целесообразность текущего момента и конкретного места [8, с. 4]. К 1939 году сменился председатель Романовского сельсовета, в связи с чем, поменялся и подход к церковному вопросу. Закрытие оставшихся храмов Романовского сельсовета по сравнению с 1933 годом прошло менее форсировано, с полным соблюдением законности и под контролем областных властей. Однако уже после передачи храмовых зданий сельсовету допускалось грубое нарушение закона. Согласно пункту «в» статьи 40 инструкции «О порядке проведения в жизнь законодательства о культурах» от 16.01.1931 г.: иконы, облачения и хоругви отдавались верующим для переноса в действующий храм [7]. Вместо этого оставшееся храмовое имущество разграбили и уничтожили. Сведения об этом остались в памяти жителей села Менчаково.

К закрытию храма в селе Менчаково жители отнеслись по-разному: кто-то принимал участие в разорении церковного здания, а кто-то пытался уберечь храмовые святыни от поругания.

По воспоминаниям старожилов, в селе Менчаково жили супруги Степан Иванович и Варвара Васильевна Ивановские. Варвара Васильевна работала уборщицей в сельской школе. Когда церковь Рождества Богородицы закрыли, иконы свезли в школу, чтобы пустить на дрова, желая, по-видимому, показать детям, что никакого наказания за осквернение святыни не будет. Варвара Васильевна стала свидетелем сожжения икон в школьной печи. Она кинулась спасать их прямо из топки и при этом не получила ни одного ожога. Спасенные иконы спрятали, а аналойный образ Успения Божией Матери из менчаковского храма Варвара Васильевна хранила всю жизнь, завещав передать образ обратно в храм. Она дожила до глубокой старости и своим детям, внукам и правнукам рассказывала о Спасителе, учила молиться.

Совсем другими были судьбы разорителей храма села Менчаково. По воспоминаниям старожилов, всех нераскаявшихся богоборцев постигла трагическая гибель в молодом возрасте: кто-то погиб на войне, кого-то сразила болезнь, кто-то подвергся роковому несчастному случаю. Один житель села во время изъятия икон из закрытого храма разрубил топором храмовое Распятие. И его ровно в том же месте разрубило поездом при аварии.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 118.
2. ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 770.
3. ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 1111.
4. ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 1112.
5. *Добронравов В.Г.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии: Вып. 3: Суздальский и Юрьевский уезды / сост. В. Березин; [Добронравов В.Г.]. Владимир, 1896.
6. За Христа пострадавшие в земле Владимирской: Синодик и биографический справочник. Александров, 2000.
7. Инструкция постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» от 16.01.1931 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=27349Times> (дата обращения: 11.10.2022).
8. *Полозова К.А.* Отражение советского законодательства о религии на деятельности православных религиозных объединений в СССР в 1929–1990 гг. (по материалам Верхнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2014.
9. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 2: 1929–1939. М., 1959.

К.А. Юдин,

доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет
исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена

**СССР И США: ЭПИЗОДЫ «ХОЛОДНЫХ»
КУЛЬТУРНО-КИНОПОЛИТИЧЕСКИХ СОПРЯЖЕНИЙ
(КОНЕЦ 1960 – НАЧАЛО 1980-Х ГГ.)***

В статье исследуется советская политика в сфере кинематографии на одном из этапов «холодной войны». На основе вводимых в научных оборот архивных материалов подвергаются детализации эпизоды культурно-политического взаимодействия с США, проясняется сопряжение личностно-персональных, институциональных и других акторов, формировавших систему контроля над киноискусством и определявших идейно-политические ориентиры представителей отечественного и зарубежного киносообщества.

Ключевые слова: советская кинополитика, культурная дипломатия, «холодная война», идеологический контроль, пропаганда, киносообщество.

K.A. Yudin,

Associate Professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology
grant executor, The Herzen State Pedagogical University of Russia

**USSR AND USA: EPISODES OF «COLD» CULTURAL-
CINEMA-POLITICAL CONNECTIONS (LATE 1960 – EARLY 1980's)**

The article examines the Soviet policy in the field of cinematography at one of the stages of the «cold war». On the basis of archival materials introduced into scientific circulation, the episodes of cultural and political interaction with the United States are detailed, the conjugation of personally-individual, institutional and other actors that formed the system of control over cinematography and determined the ideological and political guidelines of representatives of the domestic and foreign film community are clarified.

Key words: Soviet film policy, cultural diplomacy, «cold war», ideological control, propaganda, cinema community.

© Юдин К.А., 2023

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Особенностью «холодной войны» как типа конфронтации являлось то, что арена противостояния изначально не была детерминирована механистичными системно-идеологическими параметрами, а стала интегральным пространством для сложных институциональных, личностно-персональных, связей, сопряжений различных форм массовой и элитарной культуры [2; 5; 8; 9,10; 11]. В этом отношении показательным становится период конца 1960-х – начала 1980-х гг., когда наиболее отчетливо, в сформированном виде проявилась амбивалентность «холодного потепления» – сосуществование атмосферы «разрядки», располагавшей к активному сотрудничеству сфере кинематографии, и – возведения дополнительных цензурно-идеологических, «дисциплинирующих» барьеров, установления контроля над советской интеллигенцией. Они были направлены на предотвращение нежелательно избыточного сближения с Западом, кинематографической «гиперреальностью», особенно в которой «приукрашиваются порядки в современном капиталистическом мире, идеализируется капиталистический образ жизни, проповедуются буржуазные идеи классового мира» [3, с. 109].

На официальном административно-распорядительном уровне это нашло отражение в документах, исходивших от партийно-государственных органов. Самым известным из них стало принятое 7 января 1969 г. секретное постановление Секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио и телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» [4, с. 188–191]. Через 3 года, 21 января 1972 г., вышло постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» где, как отмечает А.В. Федоров, «было четко сказано, что нужно пропагандировать социалистические фильмы с коммунистической идейностью и изо всех [сил] критиковать западное кино» [9, с. 6]. Это «верифицировалось», аргументировалось апелляцией к «правильной» позиции, занятой «политически сознательными» деятелями культуры. В одной из докладных записок, составленной председателем КГБ при Совете Министров СССР Ю.В. Андроповым 16 сентября 1970 г., говорилось что «Комитет государственной безопасности располагает данными об озабоченности некоторых советских кинематографистов недостатками в работе с зарубежными фирмами по постановке совместных фильмов» и ими отмечается, что «созданные за последние годы и находящиеся в производстве картины часто страдают потерей классовых позиций и идеологическими уступками буржуазной пропаганде». В качестве примера приводились высказывания известных кинодеятелей – режиссеров Л.А. Кулиджанова, Б.И. Волчека, М.С. Донского, сценариста Е.И. Габриловича, полученных «агентурным путем» в ходе частных

бесед. Так, например, согласно данным КГБ, Л.А. Кулиджанов полагал, что «совместные постановки с зарубежными странами развращают не только режиссерские, редакторские кадры, но и второстепенные звенья съемочных коллективов» [7, оп. 62, д. 91, л. 126, 128].

Вполне вероятно, что на подобную модальность оценок повлиял медиа-политический резонанс от показа кинофильма «Топаз» (США, 1969, реж. А. Хичкок), признанного антисоветским, направленным на дискредитацию отношений СССР с Индией, где была организована трансляция фильма, и в целом враждебно-пропагандистским. В записке, составленной заместителем заведующего Международным Отделом ЦК КПСС В.С. Шапошниковым, заместителем заведующего Отделом культуры ЦК КПСС И.С. Черноуцаном и заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС Ю.А. Скляровым 23 сентября 1970 г. на основании предыдущих «сигналов» от Оргсекретаря Союза кинематографистов Г.Б. Марьямова, заместителя председателя Госкино СССР В.Е. Баскакова, резюмировалось: «Считаем целесообразным, чтобы МИД СССР дало указание совзагранпредставительствам следить за возможным появлением фильма на экранах зарубежных стран, информировать об этом в центр и в каждом отдельном случае с учетом обстановки и условий в той или иной стране заявлять в соответствующей форме протест против намерений демонстрировать фильм, добиваясь его снятия с экрана» [там же, л. 115–116].

Однако, примечательно, что именно тогда были достигнуты определенные договоренности с американской стороной, которые, несмотря на отсутствие компромиссов по некоторым организационным и материальным аспектам, в целом продолжали выполняться, составляя основу культурного сотрудничества и дипломатии, подготовки совместных проектов (см. подр.: [11]). Этому способствовала принятая на XXIV съезде КПСС «Программа мира», а также последовавшие вслед за этим визиты советского и американского лидеров – Л.И. Брежнева в США в 1972 г. и Р. Никсона в СССР – в 1973 г. соответственно. В информационной записке, датированной 26 декабря 1969 г. и адресованной заместителю заведующего культурных связей МИД СССР В.Н. Софинскому, сообщалось: «Установились хорошие деловые контакты между “Госфильмофондом” и американским музеем современного искусства. В 1969 году в США проводилась большая ретроспектива советских фильмов (40 фильмов). В 1970 году в СССР будет проведена ответная ретроспектива американских фильмов...» [6, ф. 2944, оп. 13, д. 1509, л. 140].

В июне 1973 г. было подписано долгосрочное Общее соглашение между Соединенными Штатами Америки и СССР о контактах, обменах и сотрудничестве до 31 декабря 1979 г. В рамках соглашения были

разработаны программы обменов, рассчитанные на трехлетний период: на 1974–1976 гг. и на 1977–1979 гг. [6, ф. 2329, оп. 35, д. 8, л. 3]. В постановлении Секретариата Союза кинематографистов СССР «О задачах Союза кинематографистов СССР в свете постановления апрельского (1973) пленума ЦК КПСС», принятом 17 мая 1973 г., говорилось о необходимости выполнения двойственной телеологии: «Предусмотреть в планах проведение двухсторонних и многосторонних творческих встреч кинематографистов с зарубежными коллегами, усиление идеологической борьбы с силами войны и реакции, совершенствование форм и методов пропаганды достижений нашей страны и ее миролюбивой политики...» [7, оп. 66, д. 234, л. 56]. Поэтому, в весьма дружественно-уважительной или нейтрально-дипломатической модальности была выдержана корреспонденция – переписка между руководством советской кинематографией – заместителем председателя Госкино СССР В.Е. Баскаковым, заместителем председателя Оргкомитета Союза работников кинематографии СССР А.В. Карагановым, кинодраматургом, секретарем правления Союза кинематографистов СССР А.Я. Каплером с их американскими коллегами – президентом Гильдии режиссеров США Д. Манном, продюсером Р.Х. Лоуганом, режиссером, сценаристом, монтажником Т. Холкомбом и другими [6, ф. 2936, оп. 4, д. 2381, л. 50; ф. 2944, оп. 13, д. 1509, л. 60].

С 28 апреля по 7 мая 1976 г. в США находилась делегация Госкино СССР, которую возглавлял сам руководитель этого ведомства – Ф.Т. Ермаш. Также за рубеж выезжали: председатель в/о «Совинфильм» О.В. Тенейшвили, начальник Отдела Англии и Америки в/о «Совэкспортфильм» Ю.С. Бабенков, актриса М.Б. Терехова, композитор А.П. Петров и народный артист СССР О.К. Попов. Целью делегации являлось участие в премьере совместного советско-американского фильма «Синяя птица» (США-СССР, 1976, реж. Д. Кьюкор). Однако, помимо этого обсуждались перспективы закрепления экспортно-импортных связей, перспективы расширения которых ставились под сомнение, поскольку 25 февраля 1972 г. Госдепартамент США в памятной записке «отклонил предложения советской стороны об открытии представительства в/о “Совэкспортфильм” в США, сославшись на то, что советская сторона с целью расширения проката советских фильмов <...> “может консультироваться с соответствующими частными американскими компаниями, занимающимися прокатом фильмов, чье знание положения на кинорынке США и условий сбыта фильмов дает им возможность высказать конструктивные предложения”» [1, с. 358–359]. Для исправления этого положения 5 мая 1976 г. состоялась встреча председателя Госкино СССР Ф.Т. Ермаша и заместителя Государственного секретаря США Э.Л. Ричардсона, в ходе которой в очередной раз

был поднят вопрос об открытии в США представительства в/о «Совэкспортфильм». Как отмечалось в отчете о пребывании делегации, достичь компромисса не удалось: «Господин Ричардсон отказался от предложенного товарищем Ермашом принципа взаимного проведения фестиваля американских фильмов в СССР, посвященного 200-летию Америки и фестиваля советских фильмов в США, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, сославшись на отсутствие у Госдепартамента США кинозалов и материальных средств на проведение иностранных мероприятий на территории США». И далее: «Ричардсон также ушел от обсуждения вопроса, связанного с открытием представительства в/о “Совэкспортфильм” в США, сославшись на негативную позицию по этому вопросу, занятую МПА» (Американской ассоциацией кинокомпаний / Motion Picture Association) [6, ф. 2944, оп. 13, д. 2915, л. 22].

Аргументы американской стороны в определенной степени подтверждались. Еще в январе 1976 г. секретарь правления Союза кинематографистов СССР А.В. Караганов направил Ф.Т. Ермашу переводные материалы – полученную анонимно вырезку статьи из газеты «Голливуд рипортер», в которой «с антисоветских позиций критиковались некоторые деятели Гильдии сценаристов США, пытающиеся развивать отношения с Союзом кинематографистов СССР». В статье, вышедшей в номере «Голливуд рипортер» 4 декабря 1975 г. под названием «Сценаристы пререкаются по поводу советских контактов», была обнародована следующая информация. Отмечалось, что по требованию бывшего президента телевизионного отделения Гильдии Д. Карпа бюллетень «Новости Гильдии сценаристов Америки. Западное отделение» опубликовал письмо, в котором Д. Карп резко осуждает президента Гильдии сценаристов Д. Ринтелса и бывшего президента этой же организации М. Шелвелсона за продолжение диалога с представителями Союза советских кинематографистов. Не требуя отставки Ринтелса, Д. Карп заявлял: «Всякий, кто хочет очаровать коммунистических функционеров светской болтовней и дружелюбием в надежде добиться того, что принято считать разрядкой, волен это сделать только не будучи официальным деятелем любого союза, членом которого является Ринтелс». И далее: «Ринтелс волен отказаться от президентства и отправляться на любые удобные ему званые обеды, в погоне за дружескими отношениями и разрядкой» [там же, л. 3–4].

Все это показывает, в каких сложных и неоднозначных условиях приходилось налаживать советско-американские связи в сфере кинематографии, которые продолжались с переменным успехом. Особенно все это проявилось в начале 1980-х гг., когда ввод советских войск в Афганистан стал долговременным отягчающим фактором. Правительство

США даже не «возобновило переговоры о межправительственном соглашении по культурным обменам с СССР, существовавшим с 1958 г.» [7, оп. 77, д. 182, л. 56–57], что вызвало ответную негативную реакцию советской стороны. В то же время, несмотря на неблагоприятную обстановку, действовавший в США «запрет на получение кредитов фирмами, прокатывающими советские фильмы», в целом сотрудничество продолжалось, подтверждая ранее обозначенный концепт антимногично-амбивалентной морфологии «холодного» политического климата. В октябре 1982 г. между в/о «Совэкспортфильм» (СССР) и «Armand Hammer / Jerry Weintraub production» (США) было подписано соглашение в области копродукции, производства фильмов и видеопроектов. Накануне этого президент Американской ассоциации кинокомпаний Д. Валенти заявил, что «наши отношения с русскими должны быть теплыми и дружественными», но при этом потребовал, чтобы это опиралось на конкретные деловые обязательства [6, ф. 2944, оп. 13, д. 4157, л. 198, 209, 235]. Это в очередной раз показывает необходимость дальнейшего изучения и прояснения сопряжений коммерческо-прагматических и культурно-интеллектуальных мотивов, акторов кинополитики.

Библиографический список

1. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973–1978. Документы: в 2 т. Т. 1. 1973–1976. М.: РОССПЭН, 2011. 1055 с.
2. *Белошанка Н.В.* Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. 317 с.
3. *Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е гг. М.: Диалог-МГУ, 1999. 396 с.
4. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 1997. 672 с.
5. Летопись российского кино. 1966–1980 / отв. ред. В.И. Фомин. М.: РООИ «Реабилитация»: Канон+, 2015. 688 с.
6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
7. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5.
8. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989: коллективная монография. М.: ПЭН, 2018. 445 с.
9. *Федоров А.В.* Кинематограф в зеркале советской и российской кинокритики. М.: МОО «Информация для всех», 2019. 310 с.
10. *Юдин К.А.* «Вот до чего довела Вас дружба с американцами!». Особности советской культурной политики в середине 1950–1970-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. № 1. С. 30–46.
11. *Юдин К.А.* Советская кинополитика второй половины 1950 – конца 1970-х годов // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 752–773.

Секция 1

«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (РУБЕЖ XIX–XX ВВ. – НАЧАЛО XXI В.)»

УДК 908

Е.А. Бурдин,

профессор, Ульяновский государственный педагогический университет

К.В. Сафин,

студент 3 курса, Ульяновский государственный педагогический университет

РЕНЕССАНС РПЦ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ВЕРОТЕРПИМОСТЬ (1990–2010-е гг.)

В статье рассматриваются отдельные аспекты возрождения Церкви в регионе. Это прежде всего восстановление старых и строительство новых храмов и монастырей, а также открытие православных учебных заведений. Отдельно анализируется актуальная для Средневолжья проблема веротерпимости.

Ключевые слова: возрождение, Русская православная церковь, Среднее Поволжье.

E.A. Burdin,

Professor, Ulyanovsk State Pedagogical University

K.V. Safin,

3rd year student, Ulyanovsk State Pedagogical University

RENAISSANCE OF THE ROC IN THE MID-VOLGA REGION: CULT BUILDINGS, EDUCATIONAL ACTIVITIES AND VEROTERPISM (1990s–2010s)

The article examines certain aspects of the revival of the Church in the region. This is primarily the restoration of old and construction of new churches and monasteries, as well as the opening of Orthodox educational institutions. Separately, the problem of religious tolerance, relevant to the Middle Volga region, is analyzed.

Key words: revival, Russian Orthodox Church, Middle Volga region.

Ренессанс Русской православной церкви после более чем 70 лет богоборческой политики советской власти начался в конце 1980-х гг. и

идёт до сих пор. Этот процесс является неизбежным, сложным и многоаспектным. Мы уже рассматривали на примере Среднего Поволжья такие его аспекты, как восстановление построенных до 1917 г. приходских городских и сельских храмов и возведение новых, а также реституцию церковной собственности. В рамках данной статьи мы затронем те стороны возрождения РПЦ в вышеуказанном регионе, которые не анализировали раньше.

Показательно, что в постсоветской России произошёл ренессанс дореволюционной традиции храмостроительства при больницах, тюрьмах и прочих казённых и частных учреждениях. Для того, чтобы лучше понять те проблемы, которые вставали перед РПЦ после распада СССР в плане возрождения данной традиции, кратко рассмотрим практику использования православных культовых зданий в советское время. После закрытия храмов они использовались государством для различных нужд. В сельской местности распространённой являлась практика размещения в бывших культовых зданиях складов для хранения зерновых культур, стройматериалов, пустой стеклянной тары и т. д. Реже в них оборудовались клубы, мастерские, гаражи. В городах на базе храмов и монастырей нередко устраивались производственные помещения (самый яркий пример – табачная фабрика на территории Казанского Богородицкого мужского монастыря – месте легендарного обретения Казанской иконы Божьей Матери). Часто в самых значимых культовых зданиях располагались государственные архивы (Свято-Воскресенско-Германовский и Благовещенский соборы соответственно в Ульяновске и Казани), планетарии (Петропавловский собор в Казани) и другие учреждения и организации. Так, в Болгарском музее-заповеднике в Успенской церкви (Республика Татарстан (РТ) находились административные, хозяйственные и музейные помещения. В монастырях часто размещали исправительно-трудовые лагеря – достаточно вспомнить Свяжскую Богородице-Успенскую и Раифскую Богородицкую обители в Татарстане.

Любопытно, что в 1939 г. президиум Верховного Совета ТАССР указывал на недопустимость использования культовых зданий для хозяйственных целей, а только под культурные учреждения – клубы, избы-читальни и школы [2, л. 4–4 об.]. Однако в реальной жизни чаще всего было наоборот. Более того, часто решение о размещении в храме склада зерна принималось под давлением местной православной общины, в результате чего помещение содержалось в относительной чистоте и в нём старались поддерживать сухой температурный режим, ремонтировали крышу и пр. Тем самым культовое здание сравнительно неплохо сохранялось до лучших времён. Иногда сопротивление верующих приводило к тому, что даже закрытые церкви долго не использовались властями – просто они со всей утварью запирались на замки, ключи от

которых были у прихожан-активистов. В этих случаях там иногда удавалось проводить тайные богослужения.

После распада СССР восстанавливали не только старые и организовывали новые приходы и храмы в населённых пунктах, но и начали возводить церкви, как правило, небольшие, при больницах и исправительных колониях (если не хватало места и средств, то строили часовни и обустраивали помещения под молитвенные комнаты). Тем самым частично возобновилась дореволюционная традиция. Так, в Ульяновской области в числе первых в 2000 г. появились храмы святого апостола Луки при Центральной районной больнице г. Инзы и святого великомученика Пантелеимона при больнице г. Барыша [6].

В качестве примера строительства подобных сооружений в За-волжском районе Ульяновска можно привести кирпичный храм Андрея Первозванного, возведённый в 2007–2013 гг. на средства работников ЗАО «Авиастар-СП» и ООО «Силен» на территории Городской клинической больницы № 1. В 2011–2017 гг. у Центральной городской больницы по инициативе прихожан на частные средства построили деревянную Киро-Иоанновскую церковь. Приходить в них на службу могут как сотрудники и пациенты медицинских учреждений, так и жители близлежащих домов. Кроме того, в этом же районе действуют три приходских храма, возведённых в 1990–2010-х гг., в т. ч. главный – Николая Чудотворца (деревянную церковь построили в 1997 г., после пожара 2002 г. её восстановили из кирпича к 2013 г.).

Немаловажным индикатором постепенного возрождения православных традиций являются монастыри. На данный момент в Республике Татарстан действуют 11 монастырей (5 в Казани), в Ульяновской и Самарской областях – соответственно 3 (1) и 10 (4), а всего – 24. Сейчас они выполняют не только обычные функции, но и новые – например, являются объектами культурного наследия, которые показывают туристам. Наиболее ярко эта тенденция выражена в Свияжске.

Важным направлением современной деятельности РПЦ является взаимодействие с учреждениями уголовно-исполнительной системы. Например, в Ульяновской области в 1996 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между Управлением Симбирской и Мелекесской епархии и Управлением федеральной службы исполнения наказаний [7]. Первую церковь построили в 1997 г. в исправительной колонии № 3 в г. Димитровграде. Сейчас в местах лишения свободы на территории Ульяновской области действуют семь православных храмов, шесть из которых возвели в 2007–2013 гг.

Возрождение Церкви было бы невозможно без открытия учебных заведений, которые готовят кадры священно- и церковнослужителей.

В первую очередь надо сказать о Казанской православной духовной семинарии (КазПДС), воссозданной в 1998 г. Напомним, что её фактические предшественники (архиерейская элементарная школа, духовная академия и т. д. действовали с перерывом с 1723 по 1921 гг., сначала в 1997 г. открыли духовное училище, а в 1998 преобразовали его в семинарию). Поэтому данное учебное заведение по праву считается старейшим и самым авторитетным в Среднем Поволжье. Сейчас помимо него в РТ работают православная гимназия имени святителя Гурия Казанского, катехизаторские курсы (г. Казань), школа катехизаторов (г. Набережные Челны) и епархиальные богословские курсы имени праведного Иоанна Кронштадтского (г. Чистополь) [8].

Что касается Ульяновской области – правопреемнице Симбирской губернии, то в губернском центре с 1840 по 1918 гг. действовала Симбирская духовная семинария. Ныне в Ульяновске есть лишь епархиальные образовательные курсы, а также направление подготовки «Теология» в местном педагогическом университете (направленность «Практическая теология православной конфессии») [5]. В 2022 г. в городе открыли Центр подготовки церковных специалистов Симбирской епархии.

В Самарской области на данный момент существует шесть образовательных учреждений РПЦ: духовная семинария (первоначально работала в 1858–1918 гг., вновь открыта в 1994 г. – сначала как училище, а с 1997 получила статус семинарии), духовно-просветительский центр «Кириллица», детский епархиальный образовательный центр (все располагаются в Самаре), Поволжский православный институт, гуманитарный колледж святителя Алексия митрополита Московского и православная классическая гимназия (Тольятти). Кстати, Поволжский православный институт – уникальное учебное заведение, получившее лицензию на право ведения образовательной деятельности в 2014 г. Он является высшей ступенькой непрерывного гуманитарного и православного образования: гимназия – колледж – институт. Это третий вуз подобного типа в России и первый в Приволжском федеральном округе [4].

Отметим, что в настоящее время в Среднем Поволжье царят веротерпимость и межрелигиозный мир. Тем самым продолжают исторические и культурные традиции, заложенные тут ещё в средние века. Типичной в этом плане является Республика Татарстан. Часто именно здесь в одном и том же населённом пункте можно увидеть культовые здания разных конфессий. Не случайно в Казанском кремле соседствуют новодельная мечеть Кул-Шариф, построенная в 1996–2005 гг., и Благовещенский собор. Серьёзным подтверждением взвешенной и миролюбивой религиозной политики служат грандиозные работы, с 2010 г.

проводимые в рамках деятельности Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и Государственного историко-архитектурного и художественного музея «Островград Свияжск» [3]. Болгар сейчас является святыней для мусульман и значимым местом для христиан, а Свияжск – для православных.

Картина в целом мирного сосуществования православного христианства и мусульманства в постсоветское время нарушалась редко. К числу самых вопиющих можно отнести события осени 2013 г., когда группа радикально настроенных приверженцев ислама в РТ пыталась поджечь строящийся православный храм в г. Чистополе, а затем сожгла молельный дом в с. Ленино Новошешминского района и ряд других культовых зданий в республике – всего семь [1]. Однако вскоре незаконная деятельность этих людей была пресечена сотрудниками МВД и ФСБ, а власти и общественность Татарстана осудили их действия. За короткое время уничтоженные православные сооружения по указанию президента РТ были восстановлены.

В настоящее время мусульманские мечети находятся во многих населённых пунктах Средневолжского региона, причём как старые, так и новые. Более того, возводятся и духовные учебные заведения. Например, в сентябре 2017 г. в г. Болгаре при поддержке федерального центра была открыта Исламская академия. Таким образом, преемственность мусульманских традиций поддерживается как на государственном, так и общественном уровнях.

Без сомнения, строительство или восстановление культовых православных зданий – это важная задача, но на современном этапе ещё более важной представляется задача их духовного наполнения, привлечения новых, в т. ч. молодых прихожан. Понятно, что это задача не только представителей Церкви, но и государства и общества. Одной из главных здесь мне представляется такая серьёзная проблема, как опустынивание сельских территорий, когда подавляющая масса храмов и других строений и прихожан сосредотачивается в городах. Но в силах РПЦ ставить перед обществом и властями вопросы, которые надо каким-то образом решать (и подсказывать пути их решения). Кроме того, думаю, рано или поздно служителям Церкви придётся пойти на более глубокие реформы, которые должны обновить РПЦ и привлечь к ней новых приверженцев, особенно молодёжь, прежде всего за счёт общественных проектов. Это позволит усилить социальную направленность православия, приблизит его к обывателям. Надо ли говорить о том, что в стране со сравнительно низким уровнем жизни население духовенство не должно увлекаться стяжательством, как это часто бывает на практике. Безусловно, реформы должны проводиться комплексно и постепенно.

Библиографический список

1. Временные трудности – преодолеем сообща [Электронный ресурс]. URL: <http://trt-tv.ru/events-week/vremennyye-trudnosti-preodoleem-soobshha/> (дата обращения: 09.03.2021); За осень в Татарстане сожгли семь православных храмов [Электронный ресурс]. URL: <http://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=50&PubID=28838> (дата обращения: 09.03.2021).
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 2.
3. Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <http://yanarysh.tatarstan.ru/> (дата обращения: 17.03.2021).
4. Самарская епархия. Поволжский православный институт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.samepar.ru/dukhovnoe-obrazovanie/pravinst/> (дата обращения: 31.03.2021).
5. Симбирская епархия. Учебные заведения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/31521.html> (дата обращения: 31.03.2021).
6. Симбирская митрополия. История Симбирской кафедры с 1989 г. по современный период [Электронный ресурс]. URL: <http://mitropolia-simbirsk.ru/eparhy/history/today/> (дата обращения: 06.02.2021).
7. УФСИН России по Ульяновской области. Взаимодействие с религиозными организациями [Электронный ресурс]. URL: <http://www.73.fsin.ru/actions/vz-obsh-org/> (дата обращения: 06.02.2021).
8. Учебные заведения Татарстанской митрополии [Электронный ресурс]. URL: <http://tatmitropolia.ru/vs/> (дата обращения: 31.03.2021).

УДК 2.272.5

Н.Э. Вашкау,

профессор, Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

Н.С. Новиков,

студент, Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В 1920–1930-Х ГГ. НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «БЕЗБОЖНИК»

Статья посвящена анализу антирелигиозной пропаганды 1920–1930-х гг. Она осуществлялась разными методами, в первую очередь, через печать. Анализ публикаций в главном журнале «Безбожник» показывает повседневную практику дискредитации священников и церкви в глазах населения и, в первую очередь, молодежи.

Ключевые слова: Безбожник, государственно-церковные отношения, православная церковь, антирелигиозная пропаганда, периодическая печать, образ священника.

N.E. Vashkau,

Professor, Lipetsk State Pedagogical University
named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

N.S. Novikov,

Student, Lipetsk State Pedagogical University
named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA IN THE 1920S AND 1930S ON THE PAGES OF THE «BEZBOJNIK» (ATHEIST) MAGAZINE

The article is devoted to the analysis of anti-religious propaganda of the 1920s–1930s. It was carried out by various methods, primarily through printing. The analysis of publications in the main magazine «Bezbojnik» (Atheist) shows the daily practice of discrediting priests and the church in the eyes of the population and, first of all, the youth.

Key words: Bezbojnik (Atheist), state-Church relations, orthodox church, anti-religious propaganda, periodical printing, the image of a priest.

Антирелигиозная пропаганда являлась неотъемлемой частью политики Советского государства. Религия для большевиков являлась пережитком старого буржуазного мира, в то время как они стремились к коммунизму, где не было места Богу. Декрет СНК от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [7, с. 286–287] стал направляющим вектором в развитии государственно-церковных отношений. Этот документ предоставил свободу организаторам антирелигиозной пропаганды.

Значительное место в пропаганде атеизма занимала периодическая печать, поскольку она была самым массовым и действенным методом влияния на массы в условиях развернувшейся борьбы с неграмотностью населения.

Изучение этого источника важно для понимания процессов, которые происходили в обществе, для сопоставления того, что публиковалось в журналах и газетах с действительностью того времени. Анализируя такие источники, мы можем понять позицию и отношение официальных органов власти к Русской Православной Церкви.

Одним из первых периодических изданий антирелигиозной направленности являлся журнал «Революция и церковь», выходивший в 1919–1924 гг. В конце 1922 года выходит первый номер газеты «Безбожник». Редакция газеты «Безбожник» объединила корреспондентскую сеть

по всему СССР, подготовив фундамент Союза Безбожников в масштабе всей страны, который был создан в июне 1925 года [12, с. 323–326].

В октябре 1925 года будет выпущен первый номер журнала «Безбожник» [12, с. 330]. Он имел подзаголовок «Двухнедельный иллюстрированный журнал» и ориентировался на массового читателя. Номера могли продаваться как отдельно, так и по подписке. Изначально стоимость одного номера составляла 15 коп., впоследствии цена повысилась (50 коп.). Главным редактором являлся Емельян Михайлович Ярославский, а с 1933 – Федор Максимович Путинцев. В очерке «Что такое союз безбожников» автор Ф.Н. Олещук утверждал, что помимо всего прочего издательство проводит работу и среди национальных меньшинств: татар, киргизов, башкир, немцев Поволжья и других, секции по работе с национальными меньшинствами печатали специальные издания. Например, для татар – журнал «Фен-Эм-Дин» на родном языке [6, с. 8–9].

Журнал «Безбожник» на своих страницах пытался сформировать у читателя отрицательный образ священника, кулака и верующего человека. Критике подвергалось не только православие, но и иудаизм, католичество, ислам и другие вероисповедания. В то же время происходила пропаганда «нового человека» – безбожника.

Прихожане церкви описываются как люди двуличные, вызывающие отвращение. В одном из рассказов на страницах журнала дается следующее описание: «Лицо у Настасьи безобразное: вместо рта трещина слюнявая и зуб желтый сосанный торчит; носа нет, – одна дырка со свистом; глаза слезливые, мутные. Приложилась Авдотья к кресту, а после – губы обтерла и оправдалась в молитве. Прости, господи!.. Уж больно Настасья слюнява!..» [8, с. 2–3]. Такими описаниями журнал дискредитировал верующих и формировал в общественном сознании отрицательное отношение к таким людям.

Авторы заметок высмеивали различные суеверия, утверждали, что они могут привести к смерти. В одном из номеров упоминается история мальчика, родители которого занимались нетрадиционным лечением и ребенок умер. Причем показывается, что люди не видят в таких методах лечения ничего плохого: «Так вот, когда у Аленки заболел мальчишка, моя баба за пять аршин холста посоветовала поить мальчишку настойкой куриного помета... Мальчишка, правда, помер, да ведь баба-то моя причем здесь...» [4, с. 6].

Церковные обряды подвергались критике, утверждалось, что из-за них можно заразиться инфекциями. В одной из статей в пример приводится церковная салфетка, которая используется для обрядов и не дезинфицируется: «При крещении и после крещения через шесть недель ребенка обязательно несут в церковь для «причащения». По принятии

«святых таин» губы причащаемого ребенка обтирают салфеткой. Эта салфетка состряпана одновременно с церковью, т. е. лет 300 тому назад и с той поры не мылась...», «Таким образом, эта тряпка становится источником распространения всех видов болезней» [1, с. 14].

Многие выпуски журнала сообщают об успешной деятельности безбожников, о том, что они ведут большую культурную работу среди населения: «Местные безбожники сообщают, что в результате такой пропаганды закрылись 2 церкви, а от попов и след простыл. На 480 домов стали выписываться 232 экз. газеты, в том числе 31 экз. газеты «Безбожник»» [9, с. 17].

Журнал не обходит стороной и монастыри, в одном из рассказов повествуется о женском ските, где монахинь привязывали на цепи для очищения грехов: «Через ту цепь сестра Евросиния, прикованная по приказу игумены Агнии к стене в коровьем хлеву, от грехов очищалась. К владыке небесному, жениху неземному, невестой чистой предстать готовилась, в монастыре том – Спасова согласия» [5, с. 4].

Священнослужители изображаются людьми со злыми помыслами, а приход как собрание стариков и старух: «Как выйдет во время служения из царских врат на амвон да насчитает всего десятка полтора стариков и старух, лепящихся у икон в темной глубине церкви, так и загорится в нем бессильная старческая злость», «Ишь, до чего довели, безбожники проклятые! Не то что на церковное благолепие, а даже пасырю, отцу духовному на хлеб насущный не наскребешь» [2, с. 10].

Особенно заметна на страницах журнала критика священников по поводу их отношения к колхозам, сообщается, что священнослужители препятствуют вступлению крестьян в колхозы: «Выступая против колхозов, церковники и сектанты ссылаются на Библию», «Больше всего кулаки, попы и сектанты пугали и пугают верующих “приближающимся концом света”, “страшным судом” и “антихристом”» [13, с. 3].

Обложки представляют собой сатирические изображения на антирелигиозную тему. Так, в выпуске за апрель 1927 года на обложке (Безбожник, № 8, 1927 год) изображается буржуа, который сидит на кресте. Крест же несет на своих плечах крестьянин. Все изображение сопровождается надписью: «Прииде крестом радость всему миру». Это строчка из православного песнопения, посвященное воскрешению Иисуса Христа.

В номере № 19 за 1930 год на обложке изображен кулак с шарманкой, перед ним стоит на коленях крестьянка. На шарманке изображен священник, который представлен в виде попугая. Этот попугай держит в клюве записку, где говорится «Письмо от Святой Богородицы. Я Богородица реку: Не ходи в колхоз к большевику!». Мы можем

видеть, что журнал «Безбожник» высмеивал и изображал религию, как нечто безобразное. Статьи журнала посвящены тому, что духовенство якобы мешает вступлению крестьян в колхозы.

В действительности многие крестьяне не хотели отказываться от своей веры, а церковники лишь стремились сохранить свой приход, право служить в нем. Прихожане отстаивали церкви, в которые они ходили, посещали священников, для того чтобы они дали совет.

Из опубликованных архивно-следственных документов ЦА ФСБ РФ мы узнаем о массовых крестьянских выступлениях в защиту церкви, против снятия колоколов. Так, в селе Белоомуты Белоомутского района Коломенского округа 29–30 июля 1929 г. происходило массовое выступление верующих [11, с. 671–673].

В Липецком государственном архиве сохранилась информация о массовом выступлении женщин в селе Студенки (ныне часть города Липецка) 19–20 апреля 1935 года против снятия колоколов с местной церкви. В ходе допроса одна из подозреваемых Титова Акулина Ивановна признала, что посещала местного епископа Уара (Шмарина), спрашивая его совета по вопросу снятия колоколов с церкви: «Взяла билет на поезд на ж/д и предварительно решила зайти к епископу Уару, придя к нему на квартиру. Владыка на квартире был один, я его спросила: владыка, что вы мне посоветуете ехать в город Воронеж, обжаловать на местную власть о недопуске снятия колоколов» [3, л. 58]. На этих примерах мы можем видеть, что священник выступал в качестве духовного советчика, не он шел и пропагандировал против Советской власти, а сами люди шли к такому человеку. Церковь же являлась для людей традиционным местом духовной общности, от которого большинство крестьян на деревне не хотели отказываться.

Таким образом, в периодической печати, кинохронике, на радио, во время проведения лекций в клубе или школе районными агитаторами религия очернялась, священник выставлялся в качестве врага. Звучали речи о том, что большинство людей отказались от религии и направили все силы на построение светлого коммунистического будущего. Однако, судя по архивно-следственным документам, верующие люди и духовенство не хотели отказываться от религии, несмотря на пропаганду безбожия. Многие из таких людей были подвергнуты гонениям со стороны государства. Так, через Соловецкий лагерь особого назначения прошли более 80 митрополитов, архиепископов и епископов, около 400 священнослужителей, а также известны многие миряне, пострадавшие за веру [10, с. 21].

Библиографический список

1. Бурундовский В. М. Источник заразы // Безбожник. 1926. № 2.
2. Градов Г. Типаж // Безбожник. 1927. № 24.
3. Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р2210. Оп. 1. Д. 25008.
4. Зорский А. Радия // Безбожник. 1927. № 19.
5. Лукашин И. Пепел // Безбожник. 1927. № 9.
6. Олецук Ф. Что такое союз безбожников // Безбожник. 1926. № 23, 24.
7. Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Издательство «Управление делами Совнаркома СССР», 1942.
8. Петелин Гр. Зараза // Безбожник. 1926. № 2.
9. Покровский М. Работа союза безбожников // Безбожник. 1926. № 23, 24.
10. Сошина А.А. На Соловках против воли: судьбы и сроки. 1923–1939. 3-е изд. Соловки-Москва: Изд-во ТСМ, 2021.
11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т., Т. 1. М.: РОССПЭН, 1999.
12. Шишаков В. Союз воинствующих безбожников (1925–1931) // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. М.: ОГИЗ; Государственное антирелигиозное издательство, 1932.
13. Шишаков В. Религиозное мракобесие в борьбе с социалистическим переустройством сельского хозяйства // Безбожник. 1930. № 19.

УДК 322

И.Ф. Верещагин,

доцент, Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова (Архангельск)

СОТРУДНИЧЕСТВО ЦЕРКВИ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И ПАРЛАМЕНТОМ В РОССИИ

Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в России в современных условиях приняли характер сотрудничества. В данной статье автор анализирует примеры взаимодействия Церкви с правительством и парламентом.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государственно-церковные отношения, конфессиональная политика.

I.F. Vereshchagin,

Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)

THE COOPERATION OF THE CHURCH WITH GOVERNMENT AND PARLIAMENT IN RUSSIA

The relationship between the state and the Russian Orthodox Church in Russia in modern conditions has taken on the character of cooperation. In this article, the author analyzes examples of the interaction of the Church with the government and parliament.

Key words: Russian Orthodox Church, relationship between state and church, denominational politics.

Согласно Основам социальной концепции Церковь вступает во взаимодействие с государством для совершения благих дел. Сотрудничество государства с РПЦ основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга и ограничено рядом областей (так церковь понимает принцип светскости государства) [5]. Государство должно уважать самостоятельность Церкви, как организации, но и та в свою очередь не должна исполнять чисто государственные функции. Оба института могут обращаться друг к другу за помощью: государству не хватает идеологии и легитимации, а Церкви юрисдикции и властных полномочий.

Сферы, в которых возможно «сотраотничество» с государством, РПЦ обозначает в Основах социальной концепции предельно четко: сохранение мира в обществе и на международной арене; сохранение нравственности в обществе; духовное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; социальные программы; забота о историко-культурном наследии; обсуждение законопроектов; работа в армии, правоохранительных органах, местах лишения свободы; наука и культура; здравоохранение и поддержка семьи, материнства и детства; экология; СМИ; экономическая деятельность; противодействие экстремизму. В то же время Церковь не может принимать участие в политической борьбе.

Однако Церковь считает себя выразителем мнения части общества, поэтому оставляет за собой право «печалования» перед государственной властью о нуждах народа. Тем самым она все равно неизбежно включается в политические процессы. Хотя работать в органах исполнительной и законодательной власти духовенство не должно, оно может контактировать с органами государственной власти на разных уровнях непосредственно или через различные советы и комиссии.

Взаимодействие государственных органов и церковных подразделений весьма наглядно, поскольку значительная часть событий,

связанных с их деятельностью, освещается в СМИ. Потребители информации не могут не замечать некую сопряченность РПЦ событиям, на первый взгляд совершенно не связанным с ее функциями. Регулярными событиями, которые транслируют СМИ, являются освящение клириками какого-либо объекта, что конечно вызывает вопросы в светском государстве. Например, в Архангельской области в Северодвинске закладка или спуск на воду подводных лодок постоянно проходит в присутствии священнослужителей [1]. Когда члены экипажа берут с собой кресты или иконы, это их частное дело. Но подлодки в нашей стране являются делом не просто государственным, а военным (т. е. закрытым). Церковь в данном случае окормляет свою паству, а государство ей не препятствует.

То же самое можно сказать и о других закрытых государственных сферах. В последнее время Церковь активно работает с военнослужащими. Привычной стала картина отправки солдат к месту службы с благословения православного священника. При этом военное начальство несколько не смущает, что среди солдат могут оказаться не верующие или представители других конфессий. В самих местах службы свобода совести соблюдается. С 2010 г. министром обороны Российской Федерации введено в действие положение «Об организации работы священнослужителей с военнослужащими в воинских частях Российской Федерации», на основании которого в вооруженных силах вводится должность полковых священников. При этом богослужение солдатам никак не навязывается, а представители традиционных конфессий могут быть обеспечены духовными лицами своего вероисповедания. Хотя наглядно православные батюшки в армии активнее.

Довольно плотно РПЦ сотрудничает с органами исполнения наказания. Заключение точно так же, как остальные граждане обладают свободой вероисповедания. Совершенно логично, что им необходимы встречи с духовным лицом без участия надзирателей. Все конфессии согласны с такой потребностью, но опять же в силу преобладания в России православных граждан деятельность РПЦ в стенах исправительных учреждений более заметна.

Православная церковь сотрудничает не только с министерствами обороны, внутренних дел и юстиции, но и рядом экономических органов. Так, например, РПЦ и Счетная палата заключили соглашение о сотрудничестве. Исходя из соглашения, совместными задачами обозначаются забота о сохранении нравственности в обществе, противодействие коррупции, экстремизму, духовной экспансии, участие в восстановлении и развитии исторического и культурного наследия [7]. Несмотря на то, что сохранение нравственности в обществе – это, очевидно, не функция Счетной палаты, а противодействие коррупции – не функция

Церкви, стороны согласны друг другу помогать. Например, представители РПЦ могут участвовать в проведении мероприятий Счетной палаты, если понадобятся их специальные знания. По нашему мнению, подобные соглашения между РПЦ и органами государственной власти и контроля как на федеральном, так и региональном уровнях не имеют практической значимости, а носят скорее декларативный характер, имеют цель показать гражданам партнерство государства и православной церкви.

Подобное сотрудничество государства и РПЦ спикер Совета Федерации В.И. Матвиенко считает благом для России. Она назвала необоснованными обвинения РПЦ в том, что она «вторгается в области, которые в светском государстве должны быть свободны от влияния, а тем более от прямого присутствия церкви» [3]. Валентина Ивановна считает, что присутствие Церкви в жизни общества носит не политический, а духовно-нравственный характер, и отражает исторические традиции и нынешний запрос граждан. РПЦ и государство действительно сотрудничают в разных сферах. В частности, совместно обсуждают семейную политику в России.

Церковь действительно работает не только с чиновниками, но и депутатами от разных политических партий. В январе 2015 г. патриарх Московский и всея Руси Кирилл впервые выступил в Госдуме в рамках Рождественских образовательных чтений. Главный посыл его речи состоял в том, что депутатам нужно защищать вместе с Церковью нормы традиционной морали. «В значительной мере от активной позиции российских парламентариев будет зависеть способность нашей страны устоять перед лицом современных псевдоценностей, губительных для личности и человеческой цивилизации в целом» [6]. Церковь в лице патриарха призвала фактически к идеологическому единству: политическая борьба между российскими политическими партиями не должна выражаться в борьбе ценностей. По нашему мнению, нынешний состав Государственной Думы как раз выражает то, на что надеется патриарх. Идеологические различия действительно стираются под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Пожалуй, ярким примером является распространение православия среди представителей коммунистической партии.

В ответ на идеологическую поддержку чаяния Церкви никогда не будут забыты, государство постарается оградить ее от нападков со стороны оппозиционно настроенных граждан. Например, в ноябре 2015 г. Госдума приняла закон, который запрещает признавать священные книги традиционных российских конфессий, а также цитат из них экстремистскими материалами [2]. Параллельно с этим Госдума приняла закон, освобождающий религиозные организации (нефинансируемые

из-за рубежа) от надзора государства за их финансами, его активно лоббировала РПЦ. Точных данных о доходах и расходах Церкви нет в открытом доступе; лишь то, что лежит на поверхности, может быть каким-то образом оценено. Но у простых граждан это и вызывает представление о невероятных богатствах РПЦ.

Помимо строительства новых храмов Церковь получила возможность вернуть то, что ей принадлежало до советской власти. В 2010 г. был принят Федеральный закон № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», определяющий «порядок безвозмездной передачи в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения» [8]. При этом с 2014 г. религиозные организации могут претендовать на финансовую поддержку субъектов федерации для сохранения объектов культурного наследия, находящихся в их собственности.

Духовенство плотно сотрудничает с министерством культуры (и не только в музейной сфере). В частности, иерархи настояли на том, чтобы в «Основах государственной культурной политики Российской Федерации» была отражена особая роль православия в формировании системы ценностей России [4]. Церковь довольно часто обращает внимание на важность нравственности, традиционных, семейных ценностей. Она пытается совместно с региональными властями запрещать молодежные музыкальные фестивали, как рассадники разврата и наркомании, и новые праздники, как нарушающие общественную мораль. Также плотно Церковь работает с министерством просвещения. С 2012 г. во всех школах России введен курс «Основы религиозной культуры и светской этики» (один из его модулей – «Основы православной культуры»). Кроме того, есть инициативы допустить религиозные организации к разработке новых учебников по истории, литературе и русскому языку. По этим вопросам РПЦ находится в диалоге с министерством просвещения.

Таким образом, спектр сфер взаимодействия государственных органов и церковных подразделений достаточно широк как на федеральном, так и региональном уровне. Государство декларирует отделение Церкви от него, а Церковь декларирует невмешательство в политику. Но в реальности «соработничество» двух институтов, очевидно, не носит эпизодический характер, оно системно и во многом взаимовыгодно. Церковь распространяет свое влияние и увеличивает свой достаток, контактируя с органами исполнительной и законодательной власти. А государство с помощью финансов и административно-правовых

решений поддерживает РПЦ, получая взамен легитимацию, идеологическую опору и средство пропаганды.

Библиографический список

1. Благословение на «Архангельск» // Вестник Архангельской митрополии. 2015. № 2. С. 2.
2. Госдума приняла закон о неподсудности священных текстов. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2015/11/11/n_7874453.shtml (дата обращения: 08.01.23).
3. Матвиенко назвала союз власти и РПЦ залогом победы в информационной войне. URL: <https://lenta.ru/news/2016/01/28/matvienkorpc/> (дата обращения: 08.01.23).
4. Основы государственной культурной политики. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420242192> (дата обращения: 08.01.23).
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 08.01.23).
6. Патриарх Кирилл впервые выступил перед Госдумой. URL: <http://rg.ru/2015/01/22/patriarh-anons.html> (дата обращения: 08.01.23).
7. Соглашение о сотрудничестве между Русской Православной Церковью и Счетной палатой Российской Федерации. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4172539.html> (дата обращения: 08.01.23).
8. Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». URL: <http://rg.ru/2010/12/03/tserkovnoedobro-dok.html> (дата обращения: 08.01.23).

УДК 37.01

В.В. Гаврилова,

доцент, Пермский институт железнодорожного транспорта (Пермь)

СИСТЕМА МОРАЛЬНЫХ ОРИЕНТИРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РПЦ И РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Для многих граждан церковь остаётся моральным оплотом общества. Сегодняшняя ситуация заставляет задуматься о необходимости выстраивания воспитательной системы в современном обществе. Мораль является одним из моментов, определяющих для личности картину мира. Рассматривается возможность взаимодействия РПЦ и общества в вопросах воспитания.

Ключевые слова: Мораль, этические принципы, РПЦ, воспитание.

V.V. Gavrilova,

Associate Professor, PIRT USURT (Perm Institute of Railway Transport
Urals State University of Railway Transport)

THE SYSTEM OF MORAL GUIDELINES IN THE MODERN RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND RUSSIAN SOCIETY

For many citizens, the church remains the moral stronghold of society. The current situation raises the issue of the need to build an educational system in modern society. Morality is one of the moments that determine the picture of the world for the individual. The possibility of interaction between the ROC and society in matters of education is considered.

Key words: Morality, ethical principles, ROC, upbringing.

Наше недавнее прошлое было связано с атеистическим курсом образования и воспитания. Во второй половине 1980-х гг. в стране начинаются изменения во всех сферах жизни общества, связанные с перестроечным процессом. Атеистическая пропаганда сменяется интересом к истории и культуре страны, связанной с православием. В 1988 г. широко отмечалось 1000-летие Крещения Руси. Значимость деятельности Русской православной церкви для становления русской и российской государственности была признана на государственном уровне. Ежегодные «Дни славянской письменности и культуры» всегда включают в себя исследования, связанные с религиозной тематикой. В 1990-е гг. в нашей стране наблюдается «религиозный ренессанс». На сегодняшний день более половины россиян позиционируют себя как верующие, из них большая часть причисляет себя к христианам. Государство видит в РПЦ структуру, на которую можно переложить решение части важных общественных задач. Общество и власти полагают, что именно РПЦ способна реализовать нравственное воспитание подрастающего поколения. Для многих граждан церковь остаётся моральным оплотом общества, именно религиозным организациям люди склонны доверять больше, нежели государственным.

Сегодняшняя ситуация заставляет задуматься о необходимости выстраивания воспитательной системы в современном обществе. Общество ищет подходы к формированию личности, опираясь на традиционные духовные скрепы. Одной из таких традиций выступают религия и вера. Уже достаточно давно в школьный курс внедряются факультативы «Основы православной культуры», «Основы религиозной культуры» и т. п. курсы. Многие туристические маршруты выстроены «вокруг» православных храмов и святынь. В армии возрождается институт военных капелланов. На территории исправительных учреждений организуются

приходы. Больницы и учебные учреждения также восстанавливают и организуют церковные сооружения и службы. Разрабатываются образовательные программы «Теология» на базе высших учебных заведений. Большинство людей полагает, что именно религиозная вера позволит сохранить и приумножить нравственные ориентиры в обществе. Общество формирует запрос на моральные нормы, соблюдение моральных принципов.

Что позволяет личности жить в обществе, служит ориентиром, основанием её существования? Это этические ценности. Этические ценности дают понимание того, что «хорошо» и «плохо», что делает возможной совместную жизнь людей. Сформированность данных предостережений даёт возможность каждому человеку отказаться от полного осуществления жизненных ценностей в пользу осуществления ценностей социальных. Это – мораль. В «Основах социальной концепции РПЦ», не давая определение морали, авторы документа совершенно ясно очертили те правила, которыми должен руководствоваться каждый нравственный человек. Нравственными принципами пронизана каждая глава концепции. Моральным может быть человек, осознавший свою двойственную природу («тварность» и «сотворение»), и готовый к искуплению греха. Возникает сложная проблема: светский человек не способен быть нравственным. Он настолько привязан к собственной частной воле, что не способен ощутить зависимость от воли общей и, тем более, божественной. Получается, что носителем морали человек может быть постольку, поскольку он верит. Является ли Бог основанием морали? Должен ли Бог быть основанием морали? В секулярном обществе это не возможно. Хотя, в качестве Бога может выступать и закон, и права человека, т. е. какие-то ценности. Наличие этих ценностей и будет определять моральные основания общества. Утратившее «советскую» мораль общество, пытается заполнить пустоту «новыми старыми смыслами».

Христианство должно предусматривать изменение сложившейся системы ценностей. Дуализм человека, описанный христианством, может склонить его либо в ту, либо в другую сторону. Человек – это образ и подобие Бога, но не Бог. Человек – раб божий, но дух его свободен. Он стремится к совершенству, но должен молиться о нём. Человеку всегда много не достаёт, и он пытается преобразовать этот мир. Часто преобразования оказываются губительны для окружающего мира. «Человеку нужно, поэтому стремиться не к могуществу, а к совершенству, в центре системы ценностей должна оказаться именно необходимость его самоограничения» [4; 14]. Человек может злоупотребить своей свободой (как отмечает концепция), и, идя за своим ложным сознанием, изменить мир. «Дьявол играет нами, когда мы мыслим неточно», – говорил об

этой ситуации человека М. Мамардашвили» [4; 14]. «Ложное сознание может быть предотвращено только одним средством – одухотворённым мышлением; иными словами, человек обязан осуществлять интеллектуальное усилие согласно моральному закону» [4; 14].

«Основы социальной концепции РПЦ» затрагивают «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности». Речь идёт об истоках и принципах христианской нравственности. Важен раздел, который затрагивает тему целомудрия. Эта добродетель «является основой внутреннего единства человеческой личности» [5; 10.6]. Церковь осуждает всё, что нарушает целостность человеческой личности, семьи, имеет отрицательные последствия для человека и общества. Особое отношение у церкви и к программам «полового просвещения», которые признают нормой добрачные связи и различные извращения. По-мнению авторов, школа должна воспитывать целомудрие, противостоять пороку, готовить юношество к созданию крепкой и верной семьи. Мнение и опыт церкви в подобном воспитании может и должен быть использован. В этом смысле союз школы и церкви возможен и полезен. Позиция РПЦ в данном случае совпала и с позицией государства. В Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» были внесены изменения и принят Федеральный закон от 05.12.2022 № 478-ФЗ, которые привлекают к ответственности за пропаганду ЛГБТ, педофилии и смену пола. Вместе с тем, внедрение церковных институтов в школу, даже ради благих целей, будет нарушать принципы светского государства, принцип отделения школы от церкви.

Воспитательные усилия общества, государства направлены в первую очередь на молодёжь. Насколько молодое поколение готово к восприятию христианских ценностей? Как показывают наши исследования [1, 2, 3], в студенческой среде примерно 30–40 % относят себя к верующим. Большинство верующих студентов идентифицируют себя как христиане. Большинство из верующих студентов не знают основ своего вероучения и не участвуют в культовой практике. Несколько большую приверженность религии выражают студенты техникума. Многие из студентов разделяют общепринятые моральные ценности, заложенные во всех традиционных религиях. Вместе с тем, вопросы религии и веры для студентов являются скорее вопросами национальной идентификации, современных общественных ориентиров. В современных исследованиях мы видим запрос молодёжи на честность и уважение. На первое место в иерархии ценностей студенческой молодёжи выходят семья, самореализация, любовь. Не готовы молодые люди отказаться и от свободы во всех её проявлениях.

Современный мир секуляризован. Религиозная вера является личным выбором каждого. Принцип свободы совести является одним из важнейших моментов демократического режима и гражданского общества. К сожалению, мы можем отметить, что увлечение религиозной тематикой, упование на её моральную силу не приводит людей к готовности выстраивать свою жизнь в соответствии с религиозными этическими принципами. Важность и ценность их признаётся, но не всегда практически осуществляется. Попытка вернуть в учебные заведения и другие светские организации «закон Божий» – это поворот вспять, обречённый на провал. Этап, когда религия являлась ведущей формой общественного сознания, пройден. Да, порой интересы государства и церкви совпадают, как в случае с изменениями федеральных законов. Но церковь не должна превращаться в государственное ведомство, выполняющее государственный заказ. РПЦ очень важно сохранять свою независимость, чтобы воздействовать на моральные устои общества.

Моральные принципы, которые исповедует церковь, безусловно, важны и в светском обществе. К господствующей морали у всех народов и во все времена, кроме социальных ценностей, принадлежат также и те, которые расцениваются религией как благое поведение (любовь к ближнему, благотворительность, гостеприимность, почитание предков и т. д.). Светская мораль не отрицает абсолютное большинство религиозных положений. Для общества светского не менее важно, чтобы его граждане были морально здоровыми людьми. Мораль делает возможной совместную жизнь людей, в которой каждый отказывается от полного осуществления жизненных ценностей (потребление пищи, половое влечение, стремление к значимости и обладанию) в пользу осуществления ценностей социальных (признание прав другой личности, справедливость, самообладание, правдивость, благонадёжность, верность, терпимость, вежливость и т. д.). Мораль – это составная часть микрокосмоса, она является одним из моментов, определяющих для личности картину мира. Таким образом, мораль способствует личностному развитию. В данном случае нужно не подменять одну мораль другой, а действовать в одном направлении. Нам думается, в системе воспитания и образования важно заложить принципы свободы совести и ответственности человека за свои поступки. В сознании человека не должен действовать двойной стандарт: мораль светская и мораль религиозная. Моральные основы общества должны стать едиными.

В условиях многонационального государства, поликонфессионального общества, демократического режима, гражданского общества должны сохраняться нормы светского государства. Церковь должна сохранять свою независимую позицию в государстве. Все мы должны

прислушиваться к голосу разума. Нет необходимости подменять одну систему ценностей другой. В большинстве случаев мы стремимся к традиционным моральным установкам, какими бы не были наши предпочтения в рамках свободы совести.

Библиографический список

1. *Гаврилова В.В.* Студенты верующие и неверующие // Духовно-нравственные аспекты формирования гражданственности: коллективная монография (по материалам Всероссийской НПК «Культурные, религиозные и нравственные аспекты гражданского единения». 19-20.11.2020 г.) / под общ. ред. А.А. Лисенковой, М.Г. Писманика, П.Ф. Сироткина, А.А. Субботиной; Перм. гос. ин-т культуры. Пермь, 2021.

2. *Гаврилова В.В.* Мироззренческие ценности студентов / под общ. ред. М.Г. Писманика, А.А. Лисенковой, А.А. Субботиной; Перм. гос. ин-т культуры. Пермь, 2022. Гражданственность. Религия. Образование: коллективная монография. Пермь, 2022, Пермский государственный институт культуры, 2022.

3. *Гаврилова В.В.* Интересы студентов сегодня // XVII Всероссийская научно-практическая конференция «Культура. Образование. Религия. Гражданственность». 1-2.12.2022, Пермь, ПГИК.

4. *Киселёв Г.С.* Постмодерн и христианство // Вопросы философии. 2001. № 12.

5. Основы социальной концепции Русской православной церкви, 2000.

УДК 908

М.Ю. Горожанина,

доцент, Кубанский государственный университет (Краснодар)

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО КУБАНИ В 1930-Е ГОДЫ

Статья посвящена рассмотрению одного из сложных периодов в истории православия на Кубани – времени репрессий против православного духовенства. В работе освещается конфессиональная политика советской власти в некогда казачьем регионе, обозначаются причины борьбы с тихоновцами и их приходами. В исследовании много места отводится анализу «безбожной пятилетки» и ее последствиям.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Кубань, советская власть, взаимоотношение, разрушение храмов, репрессии, церковная жизнь.

M.Yu. Gorozhanina,
Associate Professor, Kuban State University

THE SOVIET GOVERNMENT AND THE ORTHODOX CLERGY OF KUBAN IN THE 1930S.

The article is devoted to the consideration of one of the most difficult periods in the history of Orthodoxy in the Kuban – the time of repression against the Orthodox clergy. The paper highlights the confessional policy of the Soviet government in the once Cossack region, identifies the reasons for the struggle with the Tikhonites and their parishes. The study devotes a lot of space to the analysis of the "godless five-year plan" and its consequences.

Key words: Russian Orthodox Church, Kuban, Soviet power, relationship, destruction of churches, repression, church life.

Сегодня особенно значимо изучение взаимоотношений Церкви, общества и государства в условиях смены политической идеологии. События, происходящие на Украине, наглядно показывают, что история ничему не учит современных политиков, которые вновь повторяют ошибки прошлого. В этом плане представляется особенно актуальным рассмотрение одной из драматичных страниц в истории РПЦ на Кубани – времени борьбы с казачеством и православием.

Период 1929–1939 гг. связан с началом второй волны гонений против Церкви, его наступление во многом было обосновано началом политики раскулачивания, на Кубани она была направлена в первую очередь против остатков казачества. Заметно сократив казачье население Кубани, советская власть приступила к закрытию и уничтожению храмов. Тихоновцы, по мнению представителей советской власти, были опасны своей приверженностью к старой монархической идеологии; в противопоставление им, как известно, были созданы обновленцы, но поддержкой среди местного населения они особо не пользовались. С целью окончательного уничтожения тихоновцев, советская власть с одной стороны, активизировала атеистическую пропаганду, с другой приступила к массовому закрытию тихоновских храмов. Первый удар был нанесен по войсковому собору во имя св. Благоверного князя Александра Невского. Примечательно, что данный храм до революции считался духовным центром казачества и особенно был любим кубанцами.

28 октября 1929 г. пленум Краснодарского городского Совета принял единогласное решение «немедленно изъять Белый собор из ведения религиозной общины и передать в распоряжение Совпрофа для использования под культурное учреждение». Новую власть особенно не устраивал колокольный звон, который, по ее мнению, мешал

нормальной работе учреждений, школ и предприятий, расположенных неподалеку [5, л. 7].

Объявив бой Церкви, советская власть пыталась заменить религиозные праздники светскими мероприятиями. Так, 7 января 1930 г. в Краснодаре в здании бывшего войскового собора, где теперь размещался Дом культуры, был проведен антирождественский карнавал. Площадь перед собором была запружена демонстрантами... Христианский храм был «украшен» снаружи «лентами разноцветных огней», а изнутри плакатами и лозунгами, «наглядно рисующими зло религии». Над колоннами демонстрантов победно реял лозунг «Трактор в поле – конец Божьей воле» [6, с. 533].

21 января 1930 г. газета «Красное Знамя» сообщала: «Не так давно, в г. Краснодаре, по настоянию рабочих, был закрыт Белый собор. Здание используется для культурных целей, Совпроф решил организовать в нем «Дом пролетарской культуры имени тов. Сталина» [7]. 30 марта 1932 г. на заседании президиума Краснодарского городского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов было принято решение произвести разборку не представляющего «никакой архитектурной и исторической ценности» здания «к 1 мая сего года», что вскоре было выполнено [2, л. 213]. Войсковой собор, на строительство которого ушло 19 лет (1853–1872 гг.), был уничтожен до основания.

Таким же образом в г. Краснодаре закрывались и другие церкви. Новая власть, объявив бой религии, уничтожала ее духовные центры. Так, в 3 апреля 1931 г. Успенская церковь на Дубинке была преобразована в детские ясли. В 1934 г. были закрыты Троицкий и Екатерининский храмы, возведенные в свое время в память о чудесном спасении императорской семьи в 1888 г. во время крушения поезда близ станции Борки.

В это же время Союз воинствующих безбожников разрабатывал программу дальнейшей борьбы с Церковью. Школа, которая до революции была носителем православной идеологии, теперь превращалась в центр антирелигиозной пропаганды. Через школьные кружки и самостоятельность предлагалось усилить агитацию среди «родителей и населения за закрытие церквей» под лозунгом «превратить церкви в очаги культуры» [6, с. 533]. Постепенно отменялись рождественские каникулы, церковные праздники заменялись советскими.

15 мая 1932 г. советским правительством был принят декрет, объявивший «безбожную пятилетку», согласно которой к 1932–1933 гг. должны были закрыться все церкви, молитвенные дома, синагоги и мечети; к 1933–1934 гг. – исчезнуть все религиозные представления, привитые литературой и семьей; к 1934–1935 гг. всю страну и прежде всего

молодежь необходимо было охватить тотальной антирелигиозной пропагандой; к 1936–1937 гг. должны были исчезнуть все оставшиеся еще храмы и священнослужители, а к 1 мая 1937 г. «имя Бога должно быть забыто на территории всей страны, к 1938 г. религия должна быть изгнана из самых укромных уголков СССР.

Для православных наступало особенно трудное время. Самый тяжелый период для кубанских станиц – 1933–1937 гг. Именно на это время пришлось наибольшее количество разрушенных и закрытых церквей, обесиленный голодом и репрессиями народ не в силах был противостоять натиску властей. Вот лишь несколько примеров борьбы с православной Церковью на Кубани.

В 1933 г. были закрыты храмы ст-цах Усть-Лабинской и селе Белом Красногвардейского района. В 1934 г. храм в ст-це Ново-Романовской Тихорецкого района был закрыт, а здание превращено в молодежный клуб. В этом же году было закрыто и переоборудовано под клуб здание церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы в ст-це Выселки [4, л. 4].

В 1937 г. был снесен храм во имя Архангела Михаила в ст-це Староджерелиевской, в 1939 г. была разобрана на стройматериалы Покровская церковь в ст-це Холмской [1, с. 121].

Массовое закрытие православных храмов на Кубани, как правило не вызывало народных протестов, что было обусловлено следующими факторами:

– изменением социального состава кубанского населения, основную часть которого составляли не казаки, а иногородцы, ненавидевшие все казачье.

– активизацией антирелигиозной пропаганды среди молодежи. Именно комсомольцы чаще всего выступали инициаторами закрытия храмов и превращения их в очаги «народной культуры»;

– негативным отношением основной части кубанцев к пережиткам прошлого, особенно к адептам самодержавия. Как известно, в монархической России православие было не просто религией, а долгие годы выполняло функцию государственной идеологии. С нашей точки зрения, именно сращивание церковной и государственной власти стало одной из причин борьбы с православием.

– страхом перед репрессиями. Сочувствующий православным священникам народ в большей своей массе боялся открыто выразить свою поддержку, во многом это было связано и с последствиями духовного кризиса.

Объявив войну религии, советская власть активизировала репрессивную политику против православного духовенства, обвинив его в антисоветской деятельности. Первыми под удар попали архиереи. Так, в

1933 г. перед следствием предстал архиепископ Феофил (Г.С. Богоявленский), которого обвиняли в организации антисоветской деятельности. По данному делу к суду было привлечено свыше 30 лиц духовного звания. Среди арестованных ни мало было краснодарских священников. Вот лишь некоторые из них: Иеромонах Аркадий (Кобяков П.А.), протоиерей А.М. Темномеров – настоятель молитвенного дома на Дубинке, протоиерей М.Г. Кодацкий – настоятель Георгиевского собора, протоиерей И.М. Гаевский – настоятель Крестовоздвиженской церкви, И.Г. Сахаров – священник Георгиевской церкви и др. Архиепископ Феофил, как и многие тихоновцы был приговорен к расстрелу.

Учитывая предыдущий опыт, власть отказалась от публичных слушаний, нередко использовалось физическое уничтожение неугодных под видом инсценированного самоубийства.

Самым нашумевшим делом стала жестокая расправа над епископом Памфилом, который сменил арестованного Феофила. Примечательно, что с первых дней своего пребывания на Кубани епископ Памфил столкнулся с сильным противодействием со стороны власти. Разрешение служить получил от местной власти лишь спустя несколько месяцев после приезда в Краснодар. Владыка находился под пристальным вниманием сотрудников НКВД. В 1935 г. епископа Екатеринодарского Памфила (Лясковского) нашли повешенным в саду снимаемого им дома. Накануне вечером соседи владыки слышали шум, какую-то возню и приглушенные человеческие критики, но никакого следствия произведено не было. Власть объявила пастве о самоубийстве их владыки.

На смену епископу Памфилу из Москвы был прислан архиепископ Софроний. Прослужил он здесь совсем недолго, спустя несколько месяцев после своего назначения был арестован и выслан с Кубани. После владыки Софрония на Кубанскую кафедру архиереев не назначали, епархия подчинялась непосредственно митрополиту Сергию.

Таким образом, поддерживая обновленцев и уничтожая тихоновские храмы, советская власть стремилась создать абсолютно послушное ей духовенство, но просчиталась. Несмотря на сильные позиции в регионе обновленцев, коренные жители Кубани им не доверяли, тихоновская Церковь не была уничтожена, а лишь ушла в глубокое подполье.

Примечательно, что в годы Великой Отечественной войны кубанское православное духовенство выступило единым фронтом, оно осталось верным своему народу и Отечеству, с честью выполнило свой долг перед Родиной. Только за вторую половину 1943 г. в кубанских храмах было собрано на оборону до 300 тыс. р., на танковую колонну – до 400 тыс. р.; на больных и раненых воинов – до 300 тыс. р.; на теплую одежду и продукты для Красной Армии – до 500 тыс. р. За 1944 г. в

Кубанской епархии патриаршей Церковью собрано 600 000 р. – на танковую колонну им. Александра Невского. Обновленцами на нужды обороны также собрано до 700 000 р. [5, л. 12]. Помогали кубанские священники и в восстановление разрушенного народного хозяйства, 6 из них: епископ Краснодарский и Кубанский В.Л. Иванов – управляющий Кубанской епархией; протоиерей Н.Н. Бессонов – настоятель Ильинской церкви г. Краснодара; протоиерей Л.Ф. Дмитриевский – настоятель Троицкой церкви г. Армавира; протоиерей П.И. Колосов – настоятель молитвенного дома ст-цы Тимашевской; благочинный протоиерей В.С. Маляровский – настоятель церкви в г. Армавире; протоиерей М.И. Миноранский – настоятель церкви в г. Сочи были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В июле 1943 г. на Кубани было восстановлено епархиальное управление, а к концу 1944 г были закрыты все обновленческие приходы. Таким образом, власть, осознав опасность духовного раскола общества, изменила свою политику, правда, лояльное отношение к РПЦ продолжалось недолго.

Библиографический список

1. *Бабыч А.В., Рыбко С.Н.* Непокоренные граждане вечности. Из истории православных приходов Кубани 1920–1941 гг. // Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность: сборник материалов XII Международ. науч.-практ. конф. Краснодар, 2012.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-988. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАКК Ф. Р. 1519. Оп. 2. Д. 318.
4. ГАКК. Ф.-Р. 1549. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАКК Ф. Р-1700. Оп. 2. Д. 925.
6. Екатеринодар – Краснодар 1793–1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1993.
7. Красное знамя. 21 января. 1930.

Игумен Герман (Г.И. Дворцов),

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЩИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1920 ГГ.:
количественный состав и имущественные отношения**

В статье рассматривается положение православных общин на территории вновь образованной Иваново-Вознесенской губернии в 1918–1920 гг.: их количественный и качественный состав, состояние земельных владений и порядок пользования богослужебным имуществом на основании договоров с местными органами власти.

Ключевые слова: Российская Православная Церковь, Иваново-Вознесенская губерния, православные общины.

Abbot German (G.I. Dvortsov),

Postgraduate Student, Ivanovo State University

**ORTHODOX COMMUNITIES ON THE TERRITORY
OF IVANOVO-VOZNESENSK PROVINCE IN 1918–1920:
quantitative composition and property relations**

The article examines the situation of Orthodox communities on the territory of the newly formed Ivanovo-Voznesensk province in 1918–1920: their quantitative and qualitative composition, the state of land holdings and the order of use of liturgical property on the basis of contracts with local authorities.

Key words: Russian Orthodox Church, Ivanovo-Voznesensk province, Orthodox communities.

Одной из актуальных и малоизученных тем в истории Русской Церкви является история ее приходов в первые годы существования Советского государства. В нашей статье будет сделана попытка рассмотреть положение православных общин в 1918–1920 годах на материалах Иваново-Вознесенской губернии. Актуальность данной темы обусловлена тем, что православные общины в этот период были единственной легальной формой организации верующих и их изучение не нашло своего отражения в исследовательской и краеведческой литературе.

20 июня 1918 г. решением ВЦИК РСФСР была образована Иваново-Вознесенская губерния, состоявшая к концу 1918 г. из бывших 3 уездов и 36 отдельных волостей Владимирской и Костромской губерний [1, с. 7–13]. В результате этого православные приходы и монастыри

Владимирской и Костромской епархий оказались на территории новообразованной Иваново-Вознесенской губернии, которая, однако, за весь период своего существования (1918–1929 гг.) не имела единого самостоятельного епархиального центра.

Глава Владимирской епархии с 1916 г. носил титул «Владимирский и Шуйский» [6, с. 97]. С 10.08.1917 г. по 16.06.1922 г. Владимирскую епархию возглавлял архиепископ (с 28.11.1917 г. – митрополит) Сергей (Страгородский) [14, с. 123, 177]. Шуйский уезд с г. Иваново-Вознесенском, Суздальский и Ковровский уезды, частично сформировавшие новую губернию, входили в его непосредственное управление. Только в 1920 г. было создано Иваново-Вознесенское викариатство Владимирской епархии, которое с 03.07.1920 г. возглавил епископ Иерофей (Померанцев) [13, с. 256].

В составе Костромской епархии в этот период существовали Кинешемское и Нерехтское викариатства. В связи с этим 1918–1920-х гг. приходами и монастырями Кинешемского, Юрьевоцкого и Середского уездов Иваново-Вознесенской губернии управляли правящие или викарные архиереи Костромской епархии.

Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. позволил викарным епископам «под общим руководством епархиального Архиерея ... управлять на правах самостоятельных епископов» [15, с. 252].

Статистические сведения, собранные нами из различных источников [1; 2; 3; 12; 16; 17; 18], характеризуют православные общины Иваново-Вознесенской губернии следующим образом:

Таблица 1

Православные общины Иваново-Вознесенской губернии в конце 1918 г.

Адм.-терр. единица	Приходские общины	Бесприх. общины	Монашеские общины	Всего общин	Кол-во храмов
г. Иваново-Вознесенск	9	1	1	11	15
Кинешемский уезд	96	1	2	99	114
Середской уезд	85	-	-	85	97
Тейковский уезд	50	-	1	51	71
Шуйский уезд	58	4	2	64	91
Юрьевоцкий уезд	77	-	2	79	109
Всего:	375	6	8	389	497

Таблица 2

**Соотношение количества православных общин и храмов
на территории Иваново-Вознесенской губернии в 1918 г.
по их епархиальной принадлежности**

Епархия	Приходские общины		Бесприх. общины		Монашеские общины		Всего общин		Кол-во храмов	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Владимирская	117	31,2	5	83,3	4	50	126	32,4	177	35,6
Костромская	258	68,8	1	16,7	4	50	263	67,6	320	64,4
Всего:	375	100	6	100	8	100	389	100	497	100

Приведенные выше данные показывают, что в 1918–1920 гг. на территории Иваново-Вознесенской губернии количественно преобладали общины Костромской епархии (67,6 %), к которым относилось большинство храмов (64,4 %) региона.

Таблица 3

**Соотношение жителей Иваново-Вознесенской губернии в 1920 г.
по их епархиальной принадлежности [19]**

Епархия	Население	%
Владимирская	255 323	40,3
Костромская	377 365	59,7
Всего по И-В губернии	632 688	100

Сопоставление данных таблиц № 2 и № 3 показывает, что 126 общин (32,4 % от общего количества), относившихся к Владимирской епархии, имели в своем ведении 40,3 %, а 262 общины викариатств Костромской епархии (67,6 %) – 59,7 % населения губернии. Таким образом, мы можем говорить о большем влиянии костромских викариатств на жизнь православных общин Иваново-Вознесенской губернии.

Как выглядела картина имущественного состояния общин? Декрет II Всероссийского съезда Советов «О земле» от 26.10.1917 г. постановил передать монастырские и церковные земли волостным земельным комитетам и уездным Советам крестьянских депутатов [9, с. 13]. Земельные владения приходов на территории Иваново-Вознесенской губернии были достаточно велики, но особого дохода им не приносили. Так, например, в конце 1890-х гг. 14 приходов 1 Шуйского уездного благочиния владели 775,2 га земли, большую часть которой могли сдавать в аренду. Их общий годовой доход составлял 10 995 р. 43 коп., в котором доход «от земли» составлял всего 382 руб., т. е. всего 4,8 % [3,

с. 45–78]. Естественно, что к 1917 г. абсолютные суммы доходов были другие, но вряд ли «доход от земли» составлял его значительную часть. В аренду сдавалось небольшое количество удобных церковных земель, а их значительная часть пустовала. Таким образом, изъятие церковных земель по декрету «О земле» не нанесло приходам значительного материального ущерба.

20 января 1918 г. Совет Народный Комиссаров принял «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», согласно которому все религиозные сообщества лишались права собственности и права юридического лица, а все их имущество объявлялось «народным достоянием». В декрете указывалось, что здания и предметы богослужебного назначения «отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ» [9, с. 371].

Поскольку при исполнении норм «Декрета о свободе совести» возникали вопросы по его применению, 24.08.1918 г. была издана обширная инструкция, регулирующая взаимоотношения советского государства и религиозных организаций [10, с. 61].

На ее основании в ноябре 1918 г. исполкомы Иваново-Вознесенской губернии издали обязательное постановление, согласно которому представители приходов и монастырей обязаны были предоставить им сведения об имеющемся у них имуществе, капиталах, бумагах и ценностях, а также инвентарные описи богослужебного имущества. В декабре 1918 г. Иваново-Вознесенский Губернский отдел Юстиции издал три постановления, согласно которым под угрозой военно-революционного трибунала предписывалось в 2-х недельный срок: 1) всем банковским, кредитным организациям предоставить сведения о хранящихся у них церковных средствах; 2) всем представителям религиозных организаций и обществ представить сведения об имуществе не богослужебного назначения, включая недвижимость; 3) всем благотворительным религиозным и просветительским обществам предоставить сведения о капиталах, движимом и недвижимом имуществе [5, л. 1, 37–39]. Таким образом, требования декрета «О свободе совести» стали осуществляться только в конце 1918 г. и фактическая национализация церковного имущества в Иваново-Вознесенской губернии стала происходить с 1919 г.

В конце 1919 года местные исполкомы Советов рабочих и крестьянских депутатов стали заключать типовые договора с «группами верующих» на пользование церковным имуществом. В типовом договоре, помимо требований о его сохранности и учете, как «народного достояния», по отношению к верующим выдвигались и требования политического характера: «не допускать: а) политических собраний, враждебного Советской власти направления; б) раздачи или продажи

книг, брошюр и листов и посланий, направленных против Советской власти и ее представителей; в) произнесения проповедей и речей, враждебных Советской власти или ее отдельным представителям; г) совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти» [4, л. 74].

Созданные в период «церковной революции» 1917 г. организации священнослужителей – «Объединенный Союз священников Иваново-Вознесенского и Шуйского церковных округов Владимирской Епархии» [7, с. 278–280], «Епархиальное братство отцов диаконов и псаломщиков» [8, с. 357], «Союз духовенства Костромской епархии» [11, с. 19], фактически самораспустились и прекратили свое существование. В 1918 г. прекратилось издание епархиальной прессы – «Владимирских епархиальных ведомостей» и «Костромского церковно-общественного вестника», были закрыты епархиальные семинарии и духовные училища, в том числе Шуйское и Кинешемское, прекращена деятельность церковно-благотворительных организаций, бесприходных церквей при учебных заведениях и тюрьмах.

Таким образом, состояние 389 православных общин Иваново-Вознесенской губернии в 1918–1920 гг. характеризовалось церковно-административной разобщенностью, лишением юридических прав, национализацией денежных средств, движимого и недвижимого имущества. Но при этом их значительное количество влияло на негативное отношение к Советской власти части населения Иваново-Вознесенской губернии.

Советская власть не признавала каких-либо юридических прав за управленческими структурами Российской Православной Церкви: благочиниями, епархиями, Синодом и Патриархом. Однако, осуществив передачу храмов и их имущества в ведение «групп верующих» – местных православных общин, она фактически закрепила итоги приходской «церковной революции» 1917 г. и, не смотря на различные формы жесткого государственного противодействия, создала условия для определенного расцвета церковно-общинной жизни в 1920-е гг.

Библиографический список

1. *Бабичев В.А. и др.* Справочник по административно-территориальному делению Ивановской области 1918–1965 гг. Иваново.
2. *Березин В., Доброзрагов В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Т. 3. Владимир, 1896.
3. *Березин В., Доброзрагов В.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Т. 5. Владимир, 1898.
4. ГАИО. Ф. Р-211, оп. 2, д. 3.
5. ГАИО. Ф. Р-211, оп. 2, д. 5.

6. Владимирские епархиальные ведомости. 1916. № 15–16.
7. Владимирские епархиальные ведомости. 1917. № 29.
8. Владимирские епархиальные ведомости. 1917. № 41–42.
9. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957.
10. Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. М., 1967.
11. Костромской церковно-общественный вестник. 1917. № 2–3.
12. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911.
13. *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.
14. *Одинцов М.И.* Патриарх Сергей. М., 2013.
15. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви «Об викариальных епископах» от 2 (15). 04.1918 г. // Тугунов Савва, иг. Епархиальные реформы. М., 2011.
16. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб., 1913.
17. Список населенных мест и алфавитный указатель к нему по Иваново-Вознесенской губернии (составлен на основании материалов переписей 1920 г.). Иваново-Вознесенск, 1922.
18. *Тихомиров А.М.* Ивановская митрополия Русской Православной Церкви. Иваново-Вознесенская епархия. Иваново, 2019.
19. Труды Центрального статистического управления. Т. 1. Вып. 1. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М., 1920.

УДК 93/94.2-9

Е.В. Дианова,

доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск)

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ СТАТЬИ Е.М. ЯРОСЛАВСКОГО В ЖУРНАЛЕ «ПИОНЕР»

В статье анализируются публикации советского идеолога атеистической пропаганды Я.М. Ярославского в журнале «Пионер». Установлен заказной характер публикации накануне антирождественской кампании 1924 года, выявлена связь с другими антирелигиозными изданиями автора.

Ключевые слова: журнал «Пионер», атеизм, Рождество, история религии.

E. V. Dianova,

Associate Professor Petrozavodsk State University

ANTI-RELIGIOUS ARTICLES BY E.M. YAROSLAVSKY IN THE PIONEER MAGAZINE

The article analyzes the publications of the Soviet ideologist of atheistic propaganda Ya.M. Yaroslavsky in the Pioneer magazine. The ordered nature of the publication on the eve of the anti-Christmas campaign of 1924 is established, the connection with other anti-religious publications of the author is revealed.

Key words: Pioneer magazine, atheism, Christmas, history of religion.

В коммунистическом воспитании подрастающего поколения страны Советов большая роль отводилась периодике. В 1920-е годы печатались детские журналы «Воробей», «Ёж», «Жаворонок», «Затейник», «Мурзилка». С марта 1924 года издавался иллюстрированный журнал «Пионер», орган Центрального бюро детских коммунистических групп имени В.И. Ленина при ЦК РКСМ и Народного комиссариата просвещения. Первый год выпуска журнала «Пионер» ознаменовался рядом антирелигиозных статей Емельяна Михайловича Ярославского (1878–1943), редактора журнала «Безбожник», председателя «Союза воинствующих безбожников» (1925–1943).

В статье «Что должен знать пионер о Рождестве» («Пионер», 1924, № 9) Е.М. Ярославский вкратце изложил легенду о рождении 25 декабря спасителя мира, «отцом которого был Бог, сидящий на небесах, а матерью Мария, которая имела мужа плотника Иосифа, и в историю вошел непонятным для человека образом какой-то святой дух в виде голубя». Далее говорилось о том, что в древности другие народы, которые ничего не знали об Иисусе Христе, праздновали рождение своих богов. За 322 года до Рождества Христова было постановлено считать полководца Александра Македонского или Александра Великого богом и день его рождения установили 25 декабря. Также 25 декабря праздновали день рождения древнего бога Адониса, греческого бога Диониса, персидского бога Митры». Ярославский утверждал, что «рассказы про их рождение, их жизнь и смерть, как две капли воды, похожи на рассказы об Иисусе Христе. Так как самое Рождество было выдуманно, т.е. никакого Рождества Спасителя не было, то отцы церкви долго спорили о том, когда это было, и только в 354 году от Рождества Христова установили день рождения 25 декабря» [7, с. 7].

Ярославский несколько лукавит, упоминая 354 год н. э. как первый год празднования Рождества Христова. В этом году появился «Хронограф 354 года», сборник хронологических и календарных

текстов. «Хронограф 354 года» известен и как «Календарь Филокала», так как был создан каллиграфом и иллюстратором Фурием Дионисием Филокалом для богатого римского христианина по имени Валентин. В «Календаре Филокала» рождение Иисуса Христа упоминается в части 8 «Список (fasti) римских консулов», в которой говорится, что «Господь Иисус Христос родился за восемь дней до январских календ» (то есть 25 декабря). «Nos cons. dominus Iesus Christus natus est VIII kal. Ian. d. Ven. luna xv.» – «Когда эти [Цезарь и Пауло] были консулами, Господь Иисус Христос родился за 8 дней до январских календ [25 декабря] в день 15 луны Венеры». В «Хронографе 354 года» часть 12 «Дни памяти святых» начинается со слов: «VIII kal. Ian. natus Christus in Betleem Iudeae» – «Восьмой день перед январскими календами [25 декабря] от Рождества Христова в Вифлееме Иудейском» – древнейшее упоминание о рождении Иисуса как ежегодном празднике [4].

Таким образом, среди исторически значимых сведений в «Хронографе 345 года» содержится самое раннее упоминание о праздновании 25 декабря Рождества Христова как ежегодного праздника. Кроме того, в нем указано, что 25 декабря: «N · INVICTI · CM · XXX» – «День рождения непокоренных, игры заказаны, тридцать рас» – старейшее литературное упоминание о языческом празднике Sol Invictus. В 274 году н.э. император Аврелиан провел религиозную реформу, поставив во главе римского пантеона культ «Непобедимого Солнца» (Sol Invictus), который должен был восстановить идеологическое единство Римской империи. Реформа Аврелиана создала новый культ Sol, получивший эпитет Invictus, «который оказывал влияние на императорский культ и формировал восприятие личности императора подобно восточным царям, ассоциирующимся с Солнцем». Введение культа Sol Invictus способствовало отождествлению императора с Солнцем, поскольку люди хотели видеть в нем те же черты, что и в солярном божестве. Теперь правитель не просто избранник Солнца, он близок к нему по своей божественной природе [3, с. 52, 60–62]. Sol Invictus («Непобедимое солнце») долгое время считался официальным богом солнца поздней Римской империи, праздничные торжества в его честь проводились 25 декабря.

Протоиерей Владимир Долгих согласен с тем, что «установка торжества Рождества Христова 25 декабря связана с распространением в Римской империи культа Солнца. Тогда это был день зимнего солнцестояния (определенный еще Юлием Цезарем). Данное событие для язычников имело мистический и символический смысл как отступление тьмы и победа света. У христиан же, благодаря пророку Малахии (Мал. 4:2), «Солнце Правды» стало одним из наименований Христа, потому что установление Рождества именно 25 декабря способствовало проповеди Евангелия и замене языческого праздника христианским. Постепенно

эта дата была принята на Востоке. Окончательная фиксация Рождества Христова 25 декабря произошла на Эфесском (Третьем Вселенском) соборе 431 года» [2].

Емельян Ярославский считает нужным доказать, что «Спасителя мира, сына божьего не было, так же, как не было бога Диониса, бога Митры, бога Будды. Так же, как придуманы были эти боги, так же придуман был и бог Иисус Христос». В подтверждение своих выводов он указывает на «массу путаницы на счет Христа» в евангельских рассказах, поэтому «каждое Евангелие по-своему рассказывает об этом», «родословная Христа у одного евангелиста придумана одна, у другого – другая и не сходится. Даже у царей была точно записана родословная, а как же так родился Сын Божий, Спаситель мира от человека, и неизвестна его родословная точно». Кроме того, «Евангелия составлялись более 100–160 лет, а некоторые писатели около 300 лет после так называемого Рождества Христова передавали все с чужих слов, и выходило так, что «мой дядя видал, как наш барин едал» [7, с. 8].

В настоящее время можно узнать, когда были написаны Евангелия. Так, журнал «Фома» сообщает: «Церковь считает, что Евангелия написаны в I веке по Р. Х., когда жили написавшие их авторы: Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Но Предание, хранимое Церковью, до недавнего времени не было прямо подтверждено находками Евангельских рукописей, относящихся к I веку. Но и до этого существовали свидетельства церковных писателей II–IV веков, рассказывающие о Евангелистах и об обстоятельствах написания ими Евангелий». Большинство этих свидетельств было собрано в начале IV века Евсевием Кесарийским в его «Церковной истории». Как правило, церковные писатели ссылаются на дошедшую до них более древнюю традицию. Другим важным подтверждением того, что Евангелия написаны уже в I веке, служит наличие евангельских цитат в сочинениях конца I – начала II веков: в Первом Послании св. Климента Римского, в «Учении двенадцати апостолов», в Посланиях св. Игнатия Богоносца и в других текстах [1].

Идеолог воинствующего атеизма взял на себя смелость сравнить Христа и «вождя мирового пролетариата»: «Вот, скажем, сейчас умер Ленин, так, сколько о нем написано, каждая даже мелочь в его жизни описывается, и не только друзья об этом пишут, но и враги». Также Ярославский «ничтоже сумняшеся» утверждал, что «никто из живших в то время писателей не описал ни жизни, ни личности Иисуса Христа». Дескать, современники «описывали жизнь любого военачальника, правителя мелкой какой-нибудь области, а спасителя целого мира пропустили, не заметили», а о Христе – ни слова у самых крупных писателей того времени». И только позже «попы присочинили кое-что, подделали и вставили несколько строчек в сочинение еврейского историка Иосифа

Флавия и в сочинения греческого писателя Тита Ливия» [7, с. 8]. Здесь необходимо внести ясность относительно ссылок на Иосифа Флавия (37–100 гг. н. э.), во-первых, он жил в I в. н. э. Будучи современником описываемых в Евангелии событий, Иосиф Флавий изложил их в книге «Иудейские древности», где находится хронологически первое нехристианское упоминание об Иисусе Христе. Во-вторых, Е.М. Ярославский ссылается на выводы только западноевропейских теологов конца XIX века, полагавших, что главы книги «Иудейские древности» с упоминанием жизни и распятия Иисуса Христа являются вставками позднейшего происхождения. Однако у других историков подлинность сочинений Иосифа Флавия не вызывала сомнений.

Что касается Тита Ливия (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.), то он был древнеримским историком, а не греческим писателем. Другой историк Римской империи Корнелий Тацит (55–120 гг. н. э.) в своем труде «Анналы» приводит свидетельства о первых христианах и Иисусе Христе. Кроме того, имеется целый ряд свидетельств со стороны противников христианства. Они подтверждают историчность личности Иисуса Христа, Иоанна Крестителя и Иакова брата Господня. К ним относятся не только Иосиф Флавий, Тацит, но и Светоний, Плиний Секунд Младший, Лукиан, Цельс и др.

Советские школьники не могли обратиться к трудам древних авторов, они даже и не подозревали об их существовании, поскольку с начала 1920-х годов в Единой трудовой школе РСФСР обучение проходило по комплексным программам, исключившим изучение гражданской истории (отечественной и всеобщей). Учащиеся знакомились с историей революционного движения и классовой борьбы. Единственным событием из истории Древнего мира, которое им следовало знать, было восстание рабов под предводительством Спартака.

Статья Е.М. Ярославского «Что должен знать пионер о Рождестве» была напечатана в ноябрьском номере журнала «Пионер» 1924 года. В преддверии новогодних и рождественских праздников партийный функционер задавался вопросом: «Нужны ли нам церковные праздники?». В принципе было ясно, что все «как-то привыкли к прежним праздникам, и отвыкнуть от них сразу трудно даже неверующему человеку», а «человеку, который трудится, который работает до усталости, надобен перерыв в работе время от времени». В советской стране «освобожденный народ делает перерывы в своей работе, празднует дни, когда совершались те или другие важные события в его жизни: 1 мая, 7 ноября и др. А такие дни, которые связаны с хозяйством, может быть, в будущем останутся днями отдыха, днями праздника. Нам надо только освободить эти дни от всяких вымыслов, всяких сказок о несуществующих богах и чудесах. Нам надо наполнить эти праздники разумным

весельем, знанием, научиться, как нам дальше улучшать нашу жизнь, как вести освобождение хозяйства от власти природы, как покорить эту природу человеку» [7, с. 8].

Антирелигиозная статья «Что должен знать пионер о Рождестве» Е.М. Ярославского появилась в журнале «Пионер» неслучайно. Она предшествовала антирождественской кампании, развернувшейся в декабре 1924 года с призывами заменить Рождество Христово «комсомольским рождеством». Для проведения антирелигиозной кампании сначала вышла из печати брошюра «Как рождаются боги» Е.М. Ярославского, а затем и книга «Как рождаются, живут и умирают боги». В этом издании он, признав, что «в широких массах существует потребность в знании истории религии», стремился «показать земной источник всех религиозных понятий и представлений», «разоблачить тайны религиозных культов, обнажить корни происхождения этих культов» [6, с. 2, 3].

В книге «Как рождаются, живут и умирают боги» изложены в общих чертах основные характеристики древних религиозных культов (анимизм, тотемизм), дан анализ евангельских текстов. Надо отдать должное широкой эрудиции Ярославского, его знанию истории языческих верований древних народов и мировых религий (христианства, иудаизма, ислама). В приложении включены очерк «Шаманизм у бурят», отрывок из книги С.В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила», руны «Финская Калевала», отрывок из иранской книги «Авеста», старинный гимн «Плач Иштар по Думузи», очерки «Учение о загробной жизни у египтян», «Культовые животные в Египте», «Культовые крокодилы». Материал о Рождестве, представленный в изданиях «Как рождаются боги» и «Как рождаются, живут и умирают боги» Е.М. Ярославского, напечатали в журнале «Пионер».

После публикации статьи «Что должен знать пионер о Рождестве» в журнале «Пионер» (1924, № 9) Е.М. Ярославскому стали поступать письма. На них он ответил заметкой «Басни нам не нужны» (1924, № 10), в которой повторились основные тезисы из предыдущей статьи: «Все, что рассказано в Евангелии про жизнь Иисуса Христа, про его детство, про бегство в Египет, избивание Иродом младенцев, про чудеса, сотворенные Иисусом, его смерть и воскресение, почти все это точно-точно рассказано про других богов и других народов. А придуманы эти рассказы для оправдания тех верований, тех образов, которые сложились веками у разных народов во времена непроглядной темноты, непонимания окружающего, когда эти верования поддерживались духовенством, поддерживались господствующими классами общества, потому что им выгодно было, чтобы народ боялся богов. Пусть, кто хочет, тешился этими баснями. Нам они не надобны» [5, с. 6].

Вульгарная интерпретация Библии и Евангелия, практический запрет чтения Ветхого и Нового завета, попытка замены их трудами классиков марксизма-ленинизма соответствовала задачам коммунистического воспитания молодежи. Однако незнание Священного писания оторвало поколения людей от христианских основ европейской и русской культуры, сделало непонятными произведения многих писателей и художников, поскольку в их основу положены библейские и евангельские сюжеты. Духовный поиск заставлял самостоятельно добывать сведения о священной истории.

Библиографический список

1. *Артамонов В.* Когда были написаны Евангелия? URL: <https://foma.ru/kogda-byili-napisani-evangeliya.html> (дата обращения: 08.01.2023).
2. *Долгих В.* Дата празднования Рождества и проблема календаря. URL: <https://pravlife.org/ru/content/data-prazdnovaniya-rozhdestva-i-problema-kalendaraya> (дата обращения: 08.01.2023).
3. *Куликова Ю.В.* Место культа Митры в религиозной реформе императора Аврелиана // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 52–66.
4. Хронограф 354 года. URL: https://ru.on1.click/tiki-index.php?page=info_Хронограф_354 (дата обращения: 08.01.2023).
5. *Ярославский Е.М.* Басни нам не нужны // Пионер. 1924. № 10 (декабрь). С. 6.
6. *Ярославский Е.М.* Как рождаются, живут и умирают боги. М.: Красная новь, 1923. 283 с.
7. *Ярославский Е.М.* Что должен знать пионер о Рождестве // Пионер. 1924. № 9. С. 7–8.

УДК 930.1

Н.А. Дмитриев,

преподаватель, Тверской государственный университет, Тверь

ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ АРХИЕПИСКОПА КАЛИНИНСКОГО И КАШИНСКОГО ВАРСОНОФИЯ (ГРИНЕВИЧА)

На материалах личного дела, отчетов уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви рассмотрена деятельность архиепископа Варсонофия (Гриневича) по укреплению православной веры. Характеризуется взаимодействие владыки с уполномоченными, духовенством и верующими.

Ключевые слова: архиепископ Варсонофий (Гриневич), Калининская епархия, уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви, духовенство, верующие, приход.

N.A. Dmitriev,

Applicant for the degree, Tver State University, Tver

THE LIFE AND MINISTRY OF ARCHBISHOP KALININSKY AND KASHINSKY VARSONOFIY (GRINEVICH)

The work of Archbishop Varsonofiy (Grinevich) on strengthening the Orthodox faith was reviewed on the materials of the personal file and reports of the commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church. The interaction of the bishop with the commissioner, clergy and believers is characterized.

Key words: Archbishop Varsonofiy (Grinevich), Kalinin Diocese, Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, clergy, believers, parish.

Несмотря на «потепление» государственно-церковных отношений после 1943 г., автономия управляющих епархиями была ограничена. Все свои действия – открытие храмов, рукоположение и перемещение духовенства, приобретение церковного имущества – архиереи согласовывали с уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви. В таких условиях нужно было умение договариваться, быть настойчивым, не сдавать позиции церкви.

В историографии остается дискуссионным вопрос о роли личности управляющих епархиями в послевоенный период. По мнению М.В. Каиля, зависимость архиереев от местных властей приводила к «безрадостной картине духовной жизни» в Смоленской епархии: обилию некомпетентных священнослужителей недостойного поведения, внутрприходским конфликтам, расхищению церковных средств [6, с. 515, 518]. Взаимодействие с уполномоченным, зависело от «широты кругозора, вовлечённости в церковный контекст и интеллигентности» чиновника и от «гибкости, коммуникативных способностей и возраста» архиереев [7, с. 103, 104].

В других работах, напротив, подчеркивалась активность архиереев по утверждению православной веры. Прот. Виктор Лисюнин отметил, что за два года управления Тамбовской епархией (1944–1946 гг.) архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому) удалось сделать очень многое для возрождения церковной жизни: открытие храмов, пополнение кадрового состава духовенства, возобновление приходской жизни (проповеди, крестные ходы, помощь нуждающимся [8, с. 183, 185]. А. Роккучи при характеристике послевоенного епископата выделил архиепископа Луку как наиболее яркого представителя группы «реакционных» архиереев, отмечая его проповеди против материализма в период управления Крымской епархией [9, с. 346–357].

В Калининской епархии сменилось за 1945–1950-е гг. пять архиереев. По степени активности в отстаивании церковных интересов перед светскими властями архипастыри проявили себя по-разному, что зависело от их личных качеств, наличия обновленческого прошлого, религиозной политики государства. Сравнивая характеристики управляющих Калининской епархии в отчётах уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Калининской области В.И. Хевронова, можно сделать вывод, что наиболее ревностным в церковном служении оказался архиепископ Варсонофий (Гриневич).

Из собственноручно написанной обширной автобиографии известно, что Константин Диомидович Гриневич (мирское имя архиепископа Варсонофия) родился 16 мая 1875 г. в д. Катънь Смоленской губернии, закончил Могилёвскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. После смерти сына в октябре 1920 г. рукоположен во священники, служил в г. Могилеве, в 1922 г. овдовел. Не обошли стороной о. Константина и репрессии. В 1927 г. он был приговорён к пяти годам заключения за «распространение тревожных слухов о войне с Польшей и об административных высылках епископов» и отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения. После досрочного освобождения из лагеря по болезни в 1931 г. был выслан в Онежский край, с ноября 1932 г. служил в храмах г. Москвы [5].

14 декабря 1945 г. о. Константин пострижен в монашество с именем Варсонофий в честь святителя Варсонофия, епископа Тверского. А уже 30 декабря 1945 г. хиротонисан во епископа, затем последовательно управлял Гродненской (30 декабря 1945 – 18 ноября 1949), Семипалатинской (18 ноября 1949 – 31 октября 1950), Чкаловской епархией (31 октября 1950 – 16 ноября 1953) [5]. Как архиерей, он заботился о повышении авторитета духовенства и церкви. Для этого, например, в Гродненской и Чкаловской епархиях владыкой были организованы пастырско-богословские курсы, введены обязательные проповеди [5]. Кроме того, по информации из отчёта за I квартал 1946 г. уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Белорусской ССР, он планировал организовать православное братство при кафедральном соборе в Гродно по подобию софийского в Польше, ходатайствовать о возобновлении преподавания Закона Божия в школах. На собрании благочинных требовал от духовенства «совершать службы истово, ходить на дом с требами, проповедовать о нравственности и любви к Родине» [2, л. 7].

С назначением в Калининскую епархию 29 июля 1954 г. епископ Варсонофий сразу начал активную церковную деятельность. Уполномоченный по Калининской области В.И. Хевронов отмечал в справке о

деятельности владыки секретарю Калининского областного комитета обновление кадрового состава духовенства: приглашение им 46 священников и дьяконов из Украины и Белоруссии [3, л. 73–75]. Из послужных списков, например, известно, что настоятелем собора «Белая Троица» в г. Калинин, секретарём управляющего епархией и казначеем епархиального управления 8 июля 1955 г. был назначен епископом Варсонофием митрофорный прот. Лонгин Тарановский (переведён из Волынской епархии) [10, л. 1, 2]; настоятелем Спасо-Кладбищенской церкви в Бежецке 25 февраля 1956 г. назначен священник Василий Левитский (переведен из Ивано-Франковской епархии) [10, л. 3, 4]. Кроме приглашения духовенства из других епархий владыка Варсонофий поддерживал связь с духовными учебными заведениями Москвы и Ленинграда, запрашивал выпускников на распределение в Калининскую епархию [4].

Важным мероприятием стало и возобновление службы в церквях, где её не было несколько лет, требование ежедневных богослужений и проповедей [3, л. 73–75]. Так, на момент вступления в должность управляющего Калининской епархией владыки Варсонофия в 1954 г. насчитывалось только 60 действующих храмов, а в конце его энергичной пастырской деятельности в 1958 г. их стало 89 [13, л. 4]. Возобновлены богослужения в с. Завидово Конаковского района, с. Троица Удомельского района [17, л. 3, 12]. Примечательно, что предыдущий управляющий Калининской епархией архиепископ Алексей (Сергеев) отказывал в открытии этих храмов, несмотря на разрешение Совета по делам Русской православной церкви и множество письменных ходатайств верующих [1, л. 68, 81]. В восьми сельских зарегистрированных, но недействующих церквях из-за отсутствия духовенства, владыка благословил возобновить службы городским священникам по совместительству [2, л. 36–38]. Вместе с тем он настойчиво ходатайствовал перед уполномоченным об открытии православного храма во Ржеве, третьего храма в Калининне [16, л. 8].

Восстановление богослужений в ранее закрытых церквях привело к увеличению доходов Калининской епархии. Так, в отчете за 1954 г., в отличие от предыдущего отчёта предшественника за 1951 г., владыка Варсонофий свидетельствовал о достаточном материальном положении епархии – выплачивались все взносы, оказывалась единовременная помощь семьям духовенства [11, л. 9]. Кроме того, из доходов епархии в 1954 г. 500 тысяч рублей было направлено на развитие московских духовных учебных заведений, а 300 тысяч рублей – на восстановление Троице-Сергиевой лавры [11, л. 10] (в 1951 г. 65 и 15 тысяч рублей соответственно [12, л. 22]).

Как и в предыдущих местах служения, епископ Варсонофий следил за церковной дисциплиной и нравственным состоянием духовенства. Об этом свидетельствуют письма благочинным: 12 ноября 1954 г. владыка настойчиво призывал бороться с распространением пьянства под угрозой лишения сана провинившихся [11, л. 23]. 21 декабря 1954 г. он потребовал соблюдать порядок в алтаре, храме, иметь опрятный внешний вид, сохранять семью: «Отцы церковные! Внемлите гласу Божию! Учтите – за проявление такого небрежения – в дальнейшем я вынужден буду строго взыскивать – вплоть до изгнания из епархии с соответствующими аттестациями, через что Вы оставите себя и свои семьи без куса хлеба. Пеняйте тогда на себя» [11, л. 26].

Владыка регулярно поддерживал контакты с верующими при посещениях приходов епархии. Например, за 5 месяцев 1954 г. 79-летний епископ Варсонофий проехал по Калининской и Великолукской (как временный управляющий Великолукской епархией) областям около 7000 км, посетив в Калининской епархии города Кимры, Бежецк, Кашин, Торжок, Бологое, Вышний Волочек, села Сутоки, Куженкино и Ильинское [11, л. 8; 13, л. 6]. По словам архиерея, «народ, как и везде, оказывал сугубое внимание к епископу». За это же время он совершил около 50 богослужений и освятил для церквей более 50 антиминсов [11, л. 8, 9, 22, 24; 14, л. 5, 17–21; 16, л. 7]. В 1955 и 1956 г. выезды епископа Варсонофия (с 8 февраля 1956 г. архиепископ) за пределы Калинина продолжались [15, л. 4, 15–17]. Общий настрой верующих при посещении архипастырем оставался прежним, и они его «просили чаще посещать» их. На приходах владыка совершал богослужения, принимал посетителей, проводил совещания с духовенством для улаживания конфликтных ситуаций [15, л. 4, 5]. В 1957 и 1958 г. он уже не мог активно совершать выезды на приходы в силу возраста и плохого самочувствия, но продолжал служить и заниматься епархиальными делами в г. Калинине.

Умер владыка Варсонофий 13 марта 1958 г. Все 4 дня после смерти, когда его тело находилось в соборе Белая Троица в г. Калинине, «пасомые непрерывным потоком наполняли храм, прощаясь со своим любимым архипастырем и молясь об его упокоении». 17 марта отпевание в том же храме возглавил епископ Можайский Макарий в сослужении 36 священников и 5 дьяконов [13, л. 3].

Таким образом, владыка Варсонофий ревностно выполнял архипастырские обязанности, несмотря на запреты светских властей. По словам уполномоченного, занимая должность Калининского архиепископа, Варсонофий «не принимал во внимание рекомендации Совета по делам Русской православной церкви, по политическим вопросам был

настроен антисоветски и даже отрицательно относился к руководству Московской Патриархии, подозревая его в соглашательстве с Советом» [2, л. 31, 32]. За счет личных качеств в отстаивании церковных интересов архиепископу Варсонофию удалось значительно укрепить Калининскую епархию – количество действующих церквей увеличилось в 1,5 раза, пополнился кадровый состав духовенства, улучшилось финансовое положение. В свою очередь, это помогло епархии с меньшими потерями пережить «хрущевское наступление» на церковь.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–6991. Оп. 1. Д. 765.
2. ГАРФ. Ф. Р–6991. Оп. 7. Д. 20.
3. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 15.
4. *Дмитриев Н.А.* Православные пастыри Калининской епархии в 1940–1950-е гг. // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2022. № 4. С. 125–137.
5. *Дорош Н.И., Колесник А.Е.* Варсонофий (Гриневич) // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ Православная энциклопедия, 2003. Т. 6. С. 679–680.
6. *Каиль М.В.* Православный епископат в послевоенной провинции: между верой и властью // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1943–1953 гг.: материалы VII Международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Полит. энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. С. 509–518.
7. *Каиль М.В.* Российское православное духовенство и верующие: самосознание и вера в исторических реалиях 1914–1960-х гг. // Персональная история православия: судьбы церкви и верующих в новейшей истории России: коллективная монография / под ред. М.В. Каиля. М.: Изд-во СмолГУ, 2021. С. 57–106.
8. *Лисюнин В.Ф., прот.* Годы служения святителя-исповедника Луки (Войно-Ясенецкого) на Тамбовской земле по зафиксированным свидетельствам и воспоминаниям очевидцев // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 178. С. 182–192.
9. *Рокучи А.* Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / пер. с итал. О.Р. Щелоковой. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 582 с.
10. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел (ТЕНБ АО). Ф. 2. Д. 11.
11. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 39.
12. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 87.
13. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 240.
14. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 321.
15. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 322.
16. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 324.
17. ТЕНБ АО. Ф. 2. Д. 331.

УДК 94 (47+57) 1914/1918

Т.П. Иванова,

доцент, Витебский филиал Международного университета «МИТСО» (Витебск)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Важнейшие сферы деятельности Русской Православной Церкви в годы Первой мировой войны: поддержка и защита воинов молитвой, организация госпиталей и лазаретов, оказание благотворительной помощи, героизм священнослужителей на фронте.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российское государство, Русская Православная Церковь, патриотизм, благотворительность.

T.P. Ivanova,

Associate Professor, Vitebsk Branch of the International University «MITSO» (Vitebsk)

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE FIRST WORLD WAR

The most important fields of activity of the Russian Orthodox Church during the First World War are the support and protection of warriors, the organization of hospitals, charitable assistance, the heroism of clergy on front.

Key words: the First World War, the Russia State, the Russian Orthodox Church, patriotism, charity.

Первая мировая война явилась первым глобальным вооруженным конфликтом в истории человечества. В условиях начавшейся Первой мировой войны Священный Синод стал вырабатывать программу мер, обращенную на нужды Отечества.

В связи с манифестом от 20 июля 1914 года Святейший Синод определил особым указом от 2 августа 1914 года для православного духовенства проведение следующих мероприятий: «...во всех церквях приносить молитвы Господу Богу о даровании победы христоролюбивому воинству, призвать монастыри, церкви и православную паству к пожертвованиям на врачевание раненых и больных воинов, на вспомоществования семействам, призванным на войну; во всех церквях установить особые кружки для сбора, пожертвований в пользу Красного Креста и семейств, пострадавших от войны; призвать монастыри, общины, все духовные учреждения к отводу помещений под госпитали, а

также к подысканию и подготовке способных и благонадежных лиц для ухода за ранеными и больными воинами».

С особой силой зазвучала церковная проповедь. В армии и госпиталях отправлялись Евангелия, молитвословы, миллионы листовок и брошюр религиозно-нравственного содержания.

В Первой мировой войне православные священники приняли участие, имея конкретную инструкцию. Полковому и бригадно-артиллерийскому священнику было указано, что их место во время боя – передовой перевязочный пункт, где обычно концентрируются раненые; строевому священнику вменялось в обязанность помогать врачам, заведовать вынесением с поля боя раненых и убитых, заботиться о поддержании в порядке военных могил и кладбищ, обстоятельно извещать родственников погибших, развивать библиотеки. От госпитального священника требовалось совершать богослужение для больных, ежедневно обходить палаты, писать письма от больных родным.

Во главе духовенства военного и морского ведомства стоял протопресвитер, при нем функционировало Духовное правление, в котором в военное состояло свыше 5 тысяч человек (для сравнения: в мирное время – 730 священников). Между протопресвитером и подчиненным ему духовенством находились дивизионные и благочинные священники местных церквей. Священники присутствовали при штабах армий, совершали богослужения; на них были возложены и обязанности благочинных запасных госпиталей. В 1916 году учреждены должности главного священника Балтийского и Черного флота, армейских проповедников.

Не только молитвами, но и личным участием священников в сражениях поддерживался боевой дух воинов. Личным примером своего бесстрашия они старались вдохновлять воинов, своим участием согревали их души, спасали солдат от ожесточенности и озверения. Не редкими были случаи героизма. Старец-иеромонах Евтихий (Тулупов) в переломный момент боя с крестом в руках возглавил атаку русских солдат и сам погиб в этом бою. Священник артиллерийской бригады отец Константин, узнав о повреждении телефонной линии, направился для ее исправления; ободренный его примером, телефонист бросился за ним – связь была восстановлена.

Отец Антоний погиб на судне «Пруст» осенью 1914 года. Он стал первым из тринадцати священнослужителей русской армии и флота, которые в течение Первой мировой войны были награждены орденом Святого Георгия IV степени [12, с. 93].

Полковые священники в полной мере разделили со своей воинской паствой все трудности армейской жизни. С 1914 по 1918 годы 2 500 священников были отмечены наградами Российской империи за проявленный ими героизм и отвагу на полях сражений [9].

Из Московской духовной академии добровольцами на фронт с санитарными поездами Императрицы Александры Федоровны для оказания помощи раненым только в июле 1914 года отправились иеромонахи Валериан (Рудич) и Вассиан (Пятницкий) и 2 студента [3, с. 12].

10 % воспитанников Витебской духовной семинарии ушли на фронт, а если учесть желающих в возрасте 14–16 лет, не подходящих по возрасту к службе, число стремившихся попасть на фронт составило 15 % [5, с. 118].

На фронтах рядом с простыми священниками трудились и архиереи. Так, vikарий Московской епархии, Дмитровский епископ Трифон (Туркестанов) по собственному желанию отправился на галицкий фронт, где служил в качестве простого полкового священника, исполняя одновременно обязанности благочинного дивизии. Вблизи передовых позиций совершали богослужения и ободряли воинов Преосвященные: Варшавский Николай (Зноров), Минский Митрофан (Краснопольский), Экзарх Грузии Питирим (Окнов). Незабвенны патриотические труды Холмского епископа Анастасия (Грибановского) и Гродненского архиепископа Михаила (Ермакова) [13]. В качестве военных пастырей и проповедников на войне побывали архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), миссионер и просветитель Камчатки архимандрит Нестор (Анисимов) и иеромонах Николай (Ярушевич), впоследствии митрополит, а также известные философы иереи Павел Флоренский, Валентин Свентицкий и др. [9]. Архиепископ Тихон (Белавин), позже патриарх, часто приезжал на передовую, благословлял и вдохновлял на ратные подвиги солдат, прибывающих на фронт, освещал лазареты и совершал в них молебны, обходил тяжелораненых, успокаивал беженцев, совершал панихиды с поминовением погибших.

Православная церковь на собственные средства открывала лазареты по уходу за ранеными. Вот лишь отдельные примеры. Так, в Петрограде Крестово-Воздвиженской общиной был сформирован лазарет на 100 мест, расходы по его содержанию взяла на себя Александроневская Лавра. Петроградским Иоановским женским монастырем был организован лазарет на 50 мест. Организованный в Петрограде Серафимовский лазарет был направлен на кавказский фронт. В Новгороде на 50 мест открыт лазарет при Юрьевом монастыре [3, с. 11]. Часть помещений епархиального общежития Костромской духовной семинарии отдана под размещение лазарета для 210 раненых 25-го эвакуационного госпиталя [11, с. 112]. В здании Минской духовной семинарии действовал лазарет на 100 кроватей, устроенный во имя преподобного Серафима Саровского. В одном из зданий Витебской духовной семинарии, церкви равноапостольных Кирилла и Мефодия, был также организован госпиталь.

Священникам на фронте приходилось выполнять работу, говоря современным языком, психотерапевтов: они проводили беседы, успокаивали, старались снять ощущение страха, естественные для человека на поле сражения [6, с. 60–62].

В тылу Церковь оказывала помощь раненым и беженцам. Помощь беженцам в 1914–1920-х гг. можно рассматривать как одну из масштабных гуманитарных программ того времени. Эта была помощь тысячам беженцев, которая основывалась не только на принципах гуманизма, братства, но и на принадлежности к восточно-европейскому пространству [3, с. 9–13; 12, с. 96].

Кроме специальных ассигнований, источником для получения средств на нужды раненых и больных воинов, согласно распоряжению Священного Синода от 2 августа 1914 года № 6502, являлись особые пожертвования в пользу Красного Креста и семейств, пострадавших от войны.

Монастыри посылали на фронт посылки, организовывали отpravку благотворительной помощи. Служители церкви принимали участие в работе Комитета Красного Креста.

В крупных приходах создавались попечительские советы, которые помогали семьям военнослужащих вести хозяйство, и беженцам [7, с. 86–90; 8, с. 108; 10, с. 30].

Есть примеры образования в епархиях попечительских братств о военнопленных австро-венгерской армии православного и греко-униатского вероисповеданий. С этой целью издавалась миссионерская литература на молдавском, сербском, немецком языках, издавались религиозно-православные листки и брошюры, которые распространялись между военнопленными [1, с. 23–27].

Учащиеся духовных училищ организовывали посильные денежные сборы, посылали на фронт подарки. Воспитанницы женских училищ шили белье. Ученицы Минской женской церковно-приходской школы Минской епархии деньги на устройство новогодней елки единодушно решили потратить на подарки защитникам Родины [13].

В сентябре 1915 года в губерниях Российской империи начался сбор продовольствия «Ковш нового урожая». Накануне священники благословляли своих прихожан на добрые дела. Епархиальные комитеты помощи беженцам духовного звания обеспечивали беженцев продовольствием. Епархиальные комитеты проводили кружечные и тарелочные сборы в церквях [2, с. 53; 4, с. 15–107].

Как видно, благотворительность Церкви осуществлялась на трех уровнях: общецерковном, епархиальном и местном.

В годы 100-летия Первой мировой войны эта деятельность нашла увековечивание. В Петербурге в 2014 году на Витебском вокзале уста-

новлен памятник воинам Первой мировой войны; памятник представляет бронзовый крест, стилизованный под вагон, в котором солдаты отправляются на фронт. Открыт памятник в Туле, который освятил митрополит Тульский и Ефремовский Алексей, возведены другие памятники.

4 июля 2010 г. в Минске в Храме всех святых произошло перезахоронение останков неизвестных солдат трех самых кровопролитных войн: солдата войны 1812 года, погибшего под Островно; воина Первой мировой войны, погибшего под Гродно и военнослужащего Великой Отечественной войны, принимавшего участие в битве за Днепр и погибшего под Лоевом. Тем самым храм превратился в духовную национальную святыню. В 2014 году открыт монумент в Сморгони (Гродненская область Беларуси).

Библиографический список

1. *Береснев В.В.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди австро-венгерских военнопленных в годы Первой мировой войны на примере Вятской епархии // Карамзинские чтения, 16 декабря 2020 г. Санкт-Петербург: изд-во ФКУ «Российский государственный исторический архив». 2020.

2. *Бондаренко В.* Утраченные победы Российской империи. События Первой мировой войны на белорусских землях. Минск: Харвест. 2010. 448 с.

3. *Борищукова Е.Д.* Деятельность православной церкви в организации медицинской помощи раненым в начальный период первой мировой войны // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2011. № 132.

4. *Овсейко В.П.* Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в Оренбургской епархии в годы Первой мировой войны // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5.

5. *Костунова Н.И.* Электронная коллекция «Витебщина: документальное наследие» как источник информации по истории города Витебска в годы Первой мировой войны // Вестник Международного «Института управления». 2014. № 5–6.

6. *Котков В.М.* Духовно-санитарные отряды в Первой мировой войне // Военно-исторический журнал. 2012. № 11.

7. *Князева О.Р.* Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Первой мировой войны на Западном и Среднем Урале (на материалах Пермской и Екатеринбургской епархий) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы и проекты: в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2015. Ч. 1.

8. *Попова О.В.* Православная церковь Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Социально-политическая история XVIII–XX вв. Псков. 2004. № 21.

9. Подвиг православного духовенства в годы Первой мировой войны / Сайт Калининградской епархии.

10. *Родионова О.А.* Православное духовенство белорусских епархий в начальный период Первой мировой войны (июль – декабрь 1914 г.) // Веснік

Гродненскага універсітэта. Серыя 1. Гісторыя. Філасофія, Паліталогія, сацыялогія. 2009. № 2.

11. *Табаченко А.А.* Деятельность церкви по организации помощи раненым воинам в начале Первой мировой войны (август – декабрь 1914 г.) // Ипатьевский вестник. 2018. № 6 (6).

12. *Хечинов Ю.* Война и милосердие. Страницы истории Отечества. М.: Открытое решение, 2009.

13. *Щеглов Г.Э.* Церковь и Первая Мировая война // Ступени. 2005. № 1.

УДК 281.93

М.В. Кашаева,

доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул)

РЕАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РПЦ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ. НА АЛТАЕ

Осуществление конфессиональной политики в Алтайской губернии в начале 1920-х годов проходило на фоне последствий гражданской войны. Мероприятия конфессиональной политики Советского государства встречали противодействие со стороны общества, что объяснялось высоким уровнем религиозности населения в данный период. Несмотря на это, политика по устранению канонического православия проводилась агрессивно с использованием различных механизмов атеистического толка.

Ключевые слова: православие в Алтайской губернии, конфессиональная политика Советской власти, церковные ценности.

M.V. Kashchaeva,

Associate Professor, Altai State University (Barnaul)

IMPLEMENTATION OF THE SOVIET CONFSSIONAL POLICY TOWARDS THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE EARLY 1920S. IN ALTAI

The implementation of confessional policy in the Altai province in the early 1920s took place against the background of the consequences of the civil war. The activities of the confessional policy of the Soviet state were opposed by society, which was explained by the high level of religiosity of the population during this period. Despite this, the policy of eliminating canonical Orthodoxy was carried out aggressively using various atheistic mechanisms.

Key words: Orthodoxy in the Altai province, confessional policy of the Soviet government, church values.

Начало 1920-х гг. в истории Алтайской губернии можно назвать самым сложным историческим периодом, но именно в это период закладывались основы советской конфессиональной политики, определявшие ход государственно-церковных отношений в течение последующих семидесяти лет. В данной работе предпринимается попытка проанализировать факторы, оказывавшие влияние на реализацию конфессиональной политики в отношении РПЦ. Сложность социально-политического развития региона, на фоне которой происходила реализация государственно-конфессиональной политики, сопряжена с событиями гражданской войны и последствиями социальной политики большевистского правительства. В течение декабря 1919 года советская власть была восстановлена во всех значимых населенных пунктах Алтайской губернии, а немногим ранее были преодолены попытки военного вмешательства интервенции. В декабре 1919 года Сибревком создает Алтайский губернский революционный комитет, ставший главным органом государственного управления. Не смотря на решение главного политического вопроса и победу советской власти, в период 1920 до 1922 года губернию сотрясали крестьянские мятежи, вызванные политикой продразверстки, трудовыми повинностями, насильственным объединением крестьян в коммуны [1, с. 64]. Вторым фактором, определявшим политику в отношении Русской православной церкви, стал фактор развития обновленческого движения. Начиная с осени 1922 года конфликты между ортодоксальным православным священством и священством обновленческой православной церкви приводили к арестам и публичным судам в отношении православного ортодоксального духовенства и их устранению [2, с. 37]. Как отмечает Р.В. Мезенцев, в случаях осуществления политики противостояния и дискредитации ортодоксального православного духовенства представители обновленческой церкви находили помощь у органов государственной власти, что и обуславливало мгновенные аресты, обвинения в «противоправной» деятельности и беспрецедентные наказания [3, с. 31].

Для реализации советской конфессиональной политики в декабре 1920 года при губернском исполнительном комитете было создано «ликвидационное» отделение для проведения в жизнь декрета Совета Народных Комиссаров от 20 января 1918 г. «Об отделении Церкви от государства». Основной задачей данного периода было изъятие ценностей и денежных знаков под предлогом помощи голодающим Поволжья и других регионов. Осуществление данной политики потребовало создания местными органами власти особых учетных комиссий для учета церковного имущества. Они были призваны предотвратить хищение народного достояния, находящегося в ведении Русской православной

церкви со стороны населения, а также самой церкви. Такие комиссии составляли описи церковного имущества, производили осмотры храмовых зданий и передавали их в бессрочное бесплатное пользование церковным общинам.

В целях согласованного и последовательного проведения государственной религиозной политики были созданы губернский отдел юстиции и отдел управления губисполкома. Поскольку Советская власть еще не имела опыта в осуществлении подобной политики, эти органы не обладали единой централизованной подчиненностью, а также не были четко обозначены обязанности по работе с церковью, следовательно, не отвечали напрямую за выполнение или невыполнение предписаний декрета об отделении церкви от государства [4, с. 2]. В Алтайском губернском исполкоме начала 1920-х годов царил хаос, отделы перекладывали обязанности по взаимодействию с церковью друг на друга. Органы Советской власти хорошо понимали сущность политики, но на данном историческом этапе, для которого характерно преобладание религиозно ориентированного населения, излишняя рачительность могла усугубить и без того сложную социальную ситуацию, характеризующуюся многочисленными крестьянскими мятежами.

В начале 1920 года в г. Бийске руководство Алтайского губотдела юстиции попыталось переложить с себя ответственность за религиозную политику в пользу отдела управления губисполкома. Губисполком перелажал ее на не имевшие административных функций отделы ЗАГС, которые, за исключением подотдела ЗАГС, подчинявшегося Бийскому ревкому, так и не приступили к выполнению требований декрета в силу своей малочисленности [5, с. 18].

Очевидными и понятными мерами для Алтайского губернского отдела ЗАГС были меры по закрытию домовых церквей в г. Барнауле. В других населенных пунктах Алтайской губернии не было сделано и этого. Отсюда следовало, что ни о какой ответственности за конкретное исполнение требований к Русской православной церкви и выполнение положений права о свободе совести не существовало. Органы власти выполняли очевидные задачи, не усложняя для себя меры по учету и анализу имущества, которое необходимо Русской православной церкви для ведения культовой деятельности. Последствием такой политики стало то, что к началу 1922 года регистрация религиозных общин и групп верующих на Алтае в полном объеме проведена не была, необходимые договоры между верующими и местными исполнительными комитетами не заключены, ответственность за сохранность церковного имущества юридически не установлена. Как отмечает М.Л. Белоглазов, «в ноябре 1923 года административный отдел Алтайского губернского исполкома сообщал, что зарегистрировано 523 религиозные общины.

Однако, в начале 1924 г. оказалось, что более сотни православных общин не были зарегистрированы» [6, с. 14].

Исследуя документы архивных фондов, конфессиональную политику органов управления на Алтае начала 1920-х годов можно охарактеризовать четырьмя направлениями: изъятие из церквей метрических книг, печатей и штампов; изъятие «излишков» денежных сумм; удаление из школ преподавателей-церковнослужителей и закрытие монастырей и домовых церквей.

Первые два направления выполнялись государственной властью наиболее последовательно. Не возникло больших проблем и в случае с устранением влияния Русской православной церкви на систему образования. Из храмов изымались метрические книги, печати и даже архивные документы, отражавшие деятельность Русской православной церкви. Объявив своей задачей помощь голодающим, государство изымало денежную наличность православных церквей за исключением небольшой суммы в 25 тысяч рублей советскими денежными знаками. Для начала 1920-х эту сумму можно считать незначительной, поскольку происходила постоянная девальвация рубля. К середине 1921 года зарплата технического специалиста Алтайского губернского комитета превышала данную сумму на 10 тысяч рублей. Очевидно, что данных денег не хватало на необходимые для культовой деятельности продукты, и, тем более, на закупки дров для отопления храмов, приобретения облачения для священства и других первостепенных нужд.

На протяжении всего XIX века Русская православная церковь на Алтае создавала условия для обучения в миссионерских и церковно-приходских школах. В 1915 году имущество миссионерских школ было передано государству. В начале 1920-х годов, потеряв возможность получать оплату за преподавание, священники оставляли деятельность на ниве народного просвещения. Анализируя влияние священства на грамотность населения, И.Д. Эйнгорн отмечает, что в марте 1920 года Славгородский уездный крестьянский съезд принял решение отозвать из школ не священников, а «поповских жен» [7, с. 85]. Можно предположить, что школьное образование понесло урон от таких мер, так как священнические семьи были представителями и без того немногочисленной сельской интеллигенции. Заменить «поповских жен» кем-либо в то время, без ущерба для качества образования, вряд ли было возможно.

Отдельным аспектом конфессиональной политики была деятельность по ликвидации «домовых» церквей. Как явствует из источников, по мнению Советской власти к «домовым» могла быть причислена любая церковь, не имевшая обособленного помещения. Ярким примером такого решения была Барнаульская церковь Святителя Димитрия Ростовского, в смежном здании которой находилась богадельня. В 1920

году возник вопрос: храм находится при богадельне или богадельня при храме? После длительных дискуссий власти решили, что храм является домовым при богадельне и приняли решение о закрытии. Этот шаг органов власти вызвал небывалое общественное возмущение. Ответным шагом послужила акция тысячи прихожан, подписавших заявление приходского совета, которое было направлено в губернский отдел юстиции, в котором говорилось: «решение отдела записей гражданского состояния, потребовавшего в трехдневный срок освободить здание Дмитриевской Церкви и передать ему все церковное имущество, нарушает основные положения декрета СНК «Об отделении церкви от государства», провозгласившего религиозную свободу граждан, их право пользоваться соответствующими культовыми сооружениями и имуществом» [8, с. 144]. В заявлении справедливо указывалось на то, что Свято-Дмитриевская церковь не домовая, а приходская, обслуживавшая прихожан около 90 лет. В ней велись и метрические книги, а потому она не подлежала изъятию. Однако Алтайский губернский отдел юстиции, не вдаваясь в правовые аспекты вопроса и жалоб населения, признал требования заявления приходского совета «необоснованными», ссылаясь на то, что: «Дмитриевская церковь является пристройкой к главному зданию бывшего управления земледелия, преобразованному в Рабочий Дворец, назначение которого противоречит целям религии, которая является частным делом каждого гражданина» [9, с. 115]. Таким образом, в начале 1920-х годов реализация конфессиональной политики на Алтае была сопряжена с двумя факторами. Государство со свойственным ему идеологическим посылом стремилось к уничтожению влияния Русской православной церкви, используя различные механизмы. Однако религиозность значительной части населения препятствовала атеистическому натиску. Ввиду сложности социальных событий, а также недостаточной организованности органов власти в начале 1920-х годов Русская православная церковь продолжала оказывать влияние на мировоззрение населения Алтайской губернии.

Библиографический список

1. *Гришаев В.Ф.* За чистую советскую власть. Барнаул. 2001.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 138. Оп. 1. Д. 25. Л. 35–38.
3. *Мезенцев Р.В.* Обновленческий церковный раскол 1922–1943 гг. на Алтае // Горный Алтай: исторический сборник. Горно-Алтайск, 2002. Вып. 6.
4. *Адлыкова А.П., Мезенцев Р.В., Сидоренко Д.И.* Конфессиональная политика советских органов власти на Алтае в 1920–1923 гг. // Мир Евразии. Горно-Алтайск, 2013. № 1(20).
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р. 10. Оп. 1. Д. 626. Л. 18.

6. Белоглазов М.Л. Взаимоотношения органов государственной власти и православной церкви на Алтае: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992.

7. Эйнгорн И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири: 1917–1937 гг. Томск, 1982. С. 85.

8. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 76. Л. 144.

9. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 76. Л. 115.

УДК 930.1

А.Н. Кураев,

профессор, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируется религиозный вопрос в России в начале XX века: деятельность основных религиозных конфессий и правительственная политика в отношении их. Указаны проблемы и достижения православия. Сделан вывод о кризисе в религиозной сфере, об его причинах и значении.

Ключевые слова: Российская империя, религиозный вопрос, христианство, Русская Православная Церковь, старообрядцы, «инославные», «иноверные».

A.N. Kuraev,

Professor, K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University)

THE RELIGIOUS QUESTION IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article analyzes the religious issue in Russia at the beginning of the XX century: the activities of the main religious denominations and government policy towards them. The problems and achievements of Orthodoxy are indicated. The conclusion is made about the crisis in the religious sphere, its causes and significance.

Key words: the Russian Empire, religious question, Christianity, the Russian Orthodox Church, Old Believers, "non-Orthodox".

Для Российской империи в начале XX столетия был характерен сложный поликонфессиональный состав. Господствующей в стране была православная религия, считавшаяся государственной. Согласно

Основным законом Российской империи, православие являлось «первенствующим и господствующим» исповеданием. Российский император, обязанный придерживаться исключительно православия, являлся «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем прав веры и всякого в Церкви святой благочиния» [9, с. 10]. Православие исповедовали главным образом великороссы, украинцы и белорусы, а также грузины, румыны, небольшое число финских и северных народов. Православные составляли, по данным переписи 1897 г., 87 млн 384 тыс. 480 человек (69,54 % населения страны) и проживали преимущественно во внутренних губерниях Европейской России, но расселились и по всем другим областям и окраинам империи. В России действовало 44 938 православных церквей, 18 860 часовен и молитвенных домов. Численность белого духовенства составляла 98 551 человек (в том числе 1 858 протоиереев, 40 129 священников, 12 629 диаконов, 43 935 причетников), черного – 14 171 человек (6 865 монахов и 7 306 монахинь). В стране насчитывалось 60 архиерейских домов, 437 мужских и 228 женских монастырей [6, с. 2; 4, с. 1–6].

Приверженцы образовавшегося в русской церкви в конце XVII в. раскола называли старообрядцами. На наш взгляд, их нельзя называть «староверами», так как споры с «никонианцами» шли именно из-за обрядов. А религия, вера была у тех и других одинаковой – православие. Общее число старообрядцев, по отчету обер-прокурора Святейшего Синода за 1894 и 1895 гг., составляло до 13 млн человек, а переписью 1897 г. было учтено 2,2 млн старообрядцев и сектантов. По мнению специалистов, в действительности их насчитывалось не менее 20 млн человек; подвергаясь полицейским и судебным преследованиям, большинство старообрядцев и сектантов скрывало свою истинную веру [7, с. 77; 10]. 2/3 русских старообрядцев принадлежали к категории «применяющих австрийское или белокрыницкое священство». Их официально называли «раскольниками».

Христианские церкви неправославного исповедания именовались в России «инославными». К ним относились римско-католическая, протестантская (лютеранская), армяно-григорианская и армяно-католическая конфессии. Католиками, составлявшими 9,1 % населения Российской империи, являлись поляки и большинство литовцев, а также часть армян. Латыши, немцы, финны исповедовали протестантскую религию (2,7 %, не считая жителей Финляндии).

К числу нехристианских исповеданий, которые в России относились к группе «иноверных», принадлежали магометане, евреи, ламаиты и караимы, проживавшие в Крыму. Наиболее многочисленными (11,1 % населения империи) были магометане (мусульмане). Эту религию исповедовали турецко-татарские народности и кавказские горцы. Иудаизм

исповедовали евреи – 4,13 % населения страны; из них лишь 6 % жили вне черты оседлости. Буддистами и ламаитами были монголо-буряты, китайцы, корейцы, японцы, северные народы, проживавшие в Сибири и некоторых губерниях Европейской России. Перепись 1897 г. зафиксировала и другие, более мелкие группы – баптистов, язычников и т. п. [4, с. 1–60].

Несмотря на провозглашенную законом свободу любой веры, в России существовало много религиозных ограничений. Лишь Русская Православная Церковь могла проповедовать свое учение. Проповедь неправославной веры не разрешалась и рассматривалась как «хула на Православие». Всем христианам безусловно запрещался переход в нехристианскую веру. Православным вообще воспрещался выход из Православной церкви. Переход из одного инославного исповедания в другое допускался только с разрешения министра внутренних дел, а нехристиан в инославные церкви – с особого каждый раз высочайшего разрешения, которое испрашивалось через министра иностранных дел. Исключения составляли евреи, которые могли переходить в инославные церкви с разрешения министра внутренних дел, и все нехристиане Кавказского края, получавшие такие разрешения от главноначальствующего гражданской частью. Не исповедовать никакого вероучения, и тем более, быть атеистами в России не допускалось.

В инославных церквях существовала духовная цензура для книг духовного содержания. Для всех христиан и нехристиан, кроме раскольников и баптистов, была обязательна религиозная форма браков. При этом имелись религиозные ограничения при вступлении в брак. Все брачные дела требовали разрешения и были подсудны духовным «установлениям» (учреждениям) соответствующих исповеданий.

В 1905–1917 гг. депутаты от духовенства принимали участие в работе Государственной думы всех четырех созывов. Участие в политических органах управления противоречило канонам, однако священники имели право баллотироваться, так как проходили по цензу землевладельцев или имущественному цензу. Сама идея создания Государственной думы вызывала у духовенства скорее опасения, чем надежды. Многоконфессиональная Дума как законодательный орган должна была решать вопросы, в том числе касающиеся и непосредственно Православной Церкви. Нежелание подчиняться такому органу было одной из причин, заставлявших духовенство стремиться к преобразованиям в Церкви, к ее самостоятельности и непосредственному подчинению императору.

На протяжении столетий православие распространялось в России не только с помощью убеждения и проповеди, но и посредством принуждения. Так, путем обмана, посулов, давления были обращены в православие

многие язычники Сибири, поволжские татары, башкиры, эстонцы, латыши и т. д. Такие лица в большинстве случаев становились православными лишь формально. Фактически же они продолжали исповедовать прежнюю веру, посещая тайком свои мечети, кирхи, костелы, молельни. Это не могло не сказаться на состоянии Русской Православной Церкви.

В результате правительство вынуждено было принять 17 апреля 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости», в котором признавалось, что «отпадение» от православия в другое христианское исповедание не подлежит преследованию и каким-либо ограничениям прав. Расширились права старообрядцев и сектантов [5, с. 257–258]. С этого момента число отошедших от православной веры непрерывно росло. В западных губерниях бывшие униаты, «воссоединенные» в 1839 г. с православием, стали переходить в католичество. Всего за 1905–1907 гг. из православия в католичество перешла 171 тыс. человек. Кроме того, 36 тыс. насильственным крещенных татар и башкир вернулись в магометанство; 11 тыс. человек перешли в лютеранство. К православию же за этот отрезок времени присоединилось менее 34 тыс. человек [3, с. 64; 8, с. 397–398].

Однако численные показатели не дают полного представления о том цивилизационном значении, которое имело распространение православия. Этот процесс являлся важной составной частью общегосударственной политики по обрусению и окультуриванию нерусских народов окраин империи, их ассимиляции с пришлым населением, уравниванию в способах хозяйствования и в правах с большинством крестьянства страны. Так, крещенные сибирские инородцы часто переходили от кочевого образа жизни к оседлости и занятиям земледелием, что приводило к возникновению их деревень, мало отличавшихся от крестьянских сел. Это было одним из проявлений взаимопроникновения местной и русской цивилизаций в Сибири [1, с. 98–99]. Аналогичной была государственная политика в Поволжье, Приуралье и других районах.

В начале XX века Русская Православная Церковь и другие конфессии переживали в целом кризис. Помимо усиления межконфессиональных противоречий, наблюдался заметный упадок влияния Церкви на народные массы, их постепенный отход от Церкви, росла религиозная индифферентность православных. Уменьшалась посещаемость храмов. Учащались случаи, когда население работало в воскресные дни во время церковной службы, не ходило на исповедь, сокращала плату за исполнение церковных треб (крещение, венчание и т. д.). Особенно усилилась индифферентность православных во время Революции 1905–1907 гг. Наиболее ошутимо это проявлялось в крупных городах. В деревне отход народа от Церкви происходил медленнее и незаметнее, но все же имел место. Модернизационные процессы в русском обществе,

бурное развитие в стране капитализма значительно меняли лицо деревни, приводя к развитию отходничества и переселению крестьян в город. Это способствовало разрушению традиционного типа народной религиозности, определявшегося принадлежностью к религии по рождению, коллективизмом, публичностью в выполнении обрядов, тесной связью с аграрным годом, господством обычая, патриархальностью.

Неудовлетворенность православием была одной из причин и роста религиозных разномыслий и разного рода шатаний. Они выражались как в религиозных исканиях интеллигенции (толстовство, богоискательство, богостроительство), так и в сектантских народных движениях (баптизм, молоканство, хлыстовство и др.).

Как видим, интенсивно происходивший в России модернизационный процесс, радикальные социально-политические и экономические изменения поставили на повестку дня в т. ч. и религиозный вопрос. Он требовал крайне деликатного решения. Модернизация в той или иной мере способствовала активизации процесса секуляризации, стимулировала постановку на повестку дня проблем равноправия религиозных конфессий, веротерпимости, усилила обновленческие тенденции в церковной и внецерковной среде. И тем не менее сфера конфессиональных отношений в России, в силу прочных исторических традиций, оказалась крайне слабо затронутой модернизацией. В поисках выхода из создавшегося положения церковные власти осознали необходимость перемен, возникла идея реформирования синодального строя. В 1906 г. на Предсоборном присутствии был выработан основной вектор церковных реформ, проведена подготовка к Поместному собору, созыв которого был отложен императором Николаем II на неопределенный срок. Конфессиональная политика правительства и церковных властей в это время была не решительной и носила противоречивый характер. Она была направлена на укрепление начал веротерпимости, но одновременно – при сохранении господствующего положения Русской Православной Церкви и государственного администрирования «терпимых» конфессий. Православная Церковь непоколебимо и последовательно отстаивала нравственно-этические ценности христианства, стремилась "отгородить" свою паству от проникновения чуждых атеистических идей и других "модных" рационалистических и мистических влияний. Усиление позиций «инославных» и «иноверных» исповеданий и старообрядцев, а также обсуждение вопроса о возможности провозглашения свободы совести вызывали неоднозначную реакцию в среде православной общественности. Затрудняли проведение реформ в религиозной сфере и другие важные факторы: Русско – Японская война 1904–1905 гг., Первая Российская революция, а затем начавшаяся в 1914 г. Первая Мировая война.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в России, как и в национальном вопросе, удалось избежать религиозных войн. Этому способствовало уважительное отношение православной церкви и подавляющей массы русского народа к представителям других конфессий. Очаг напряженности в религиозной сфере в Российской империи проходил по линии противостояния, с одной стороны, сторонников сохранения государственного статуса православной церкви, а с другой – теми, кто выступал за освобождение церкви от государственной опеки, за ее реформирование (восстановление патриаршества, расширение прав прихода) в русле современных для того времени религиозно-философских идей. Кризис в религиозной сфере являлся составной частью системного кризиса всей Российской империи в начале XX века [2, с. 6–8].

Библиографический список

1. Дамешек Л.М. Проблемы интеграции коренных народов Сибири в императорскую систему России XVIII – начала XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Сборник материалов Всероссийской конференции. Томск, 2003.
2. Кураев А.Н. Россия в начале XX века. Крах царского самодержавия (1900–1917 гг.). М., 2002.
3. Народный календарь. Год 1912. СПб., 1911.
4. Общий свод по империи. Т. 2. С. XXXII. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 6. СПб., 1905.
5. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26125. Ст. 1, 7, 8, 11; № 26126. Ч. 1. Ст. 1. Ч. II. Ст. 3, 4, 5, 6, 9.
6. Распределение населения Империи по главным вероисповеданиям: разработано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по данным Первой всеобщей переписи 1897 г. СПб., 1901.
7. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. С.-Пб., 1912.
8. Русское православие: веки истории. М., 1989.
9. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1: Основные государственные законы. СПб., 1857. Ст. 40–42. С. 10.
10. Старобрядчество в России XVIII–XX вв. М., 1999.

А.Н. Лещинский,

профессор, Казанский федеральный университет (Казань)

К ПЕРИОДИЗАЦИИ ЦЕРКОВНЫХ РАЗДЕЛЕНИЙ

В статье на основе системного метода и историософского подхода выделяются периоды церковных разделений в истории христианства. Больше внимание уделяется современному периоду и процессам происходящим в русском православии.

Ключевые слова: Периодизация, Православие, Церковные разделения, Русская православная церковь, Россия.

A.N. Leshchinsky,

Professor, Kazan Federal University (Kazan)

ON THE QUESTION OF THE PERIODIZATION OF CHURCH DIVISIONS

The article identifies four periods of church divisions based on the systematic method and the historiosophical approach. More attention is paid to the modern period and processes taking place in Russian Orthodoxy.

Key words: Periodization, Orthodoxy, Church Divisions, Russian Orthodox Church, Russia.

В христианстве с самого начала его истории и до Вселенских соборов формировалось учение о единстве церкви. С объявлением христианства государственной религией при императоре Константине Великом государство берет на себя функцию наблюдения за утверждением и сохранением единства церкви. Однако вся история христианства показывает, что реальное воплощение созданной модели единой церкви так и не завершилось. История христианства изобилует церковными разделениями, многие из которых доходили и доходят до расколов. Причин и факторов много. Историк раннего христианства Б.М. Мелиоранский обращая внимание на внутренние причины разделения церквей, приводит мнение св. Василия Великого о том, что причина всех этих разделений в слабости у некоторых христиан чувства взаимной братской любви и уважения: в случаях разномыслия они ставят мнение свое или своей партии выше мнения всякого другого лица, не соглашаются подчинить его даже голосу целых церквей во всей вселенской церкви, всех хотят учить, а сами ни у кого не считают возможным учиться [4, с. 147]. Однако

нередко преимущественное значение имели и социальные детерминанты, то есть внешние причины.

Для глубокого изучения процессов, происходящих в церковных разделениях, большое значение имеет их периодизация. Деление фактографических материалов на отдельные периоды при применении сравнительного метода и историософского подхода приводит к их систематизации и периодизации. Более того, дает возможность изучить эволюционные процессы, происходящие в церковных разделениях.

Прежде чем перейти к периодизации, задержусь на объяснении некоторых терминов, относящихся к обозначению объединений в православии и на понятии «разделение». Как следует из истории христианства существует два рода вопросов, по которым возникают разделения – догматические и церковно-управленческие. К первым стали относиться ересь, ко вторым – схизму (с греч. – раскол, расщепление). Общности в разделениях получили названия церкви, секты, деноминации. Все они рассматриваются с разных оценочных позиций, так как причастные к этому люди имеют разные мировоззренческие ориентации. Понятие «церковное разделение» традиционно чаще всего характеризуется как негативное. Однако оно может рассматриваться и как вполне объективно положительное явление в церкви. Здесь следует сделать некоторые уточнения, связанные с богословским объяснением «Что такое единство церкви?» С догматических позиций христианская церковь рассматривается как «мистическое тело Христа». С другой стороны, церковь «...есть от Бога установленное общество верующих во Христа». В философии и социологии религии церковь определяется как социокультурное явление, включающее утвержденное вероисповедание, догматику, социальное учение, культовую практику и институциональные, т. е. организационные субструктуры. Церковь представляет собой единство в многообразии. Это многообразие выражено, прежде всего, в существующих крупных направлениях. Имеется в виду православие, католицизм, протестантизм. Вот это разделение оценивается как явление отрицательное. Направления или конфессии уже не имеют одного центра и одного подчинения. В каждой конфессии, где больше, где меньше, существуют свои разделения, имеющие своих руководителей со своими центрами. Больше всего таких разделений в протестантизме. Меньше – в православии, и совсем мало в католицизме.

Что касается православия, то в нем существуют положительно оцениваемые юрисдикционные разделения, происхождение которых уходит в апостольские времена. Они основываются на географических или территориальных, отчасти национальных принципах. Речь идет об автокефальных поместных церквях, которые имеют своего предстоятеля

в сане епископа. И это не противоречит единству вселенского православия и канонам утвержденным на Вселенских соборах.

Итак, один из известных современных богословов митрополит Диоклийский Каллист (Уэр) из Константинопольской церкви находит в истории разделений христианства три этапа (периода) [1, с. 9–10]. Каждый этап занимает 500 лет. Так происходило, что после каждого, примерно, 500 лет возникали крупные разделения или расколы. Правда, владыка Каллист не дает расширенную характеристику указанным этапам, ограничиваясь несколькими предложениями. Причем, не касается церковных разделений в Русской православной церкви.

1. Первый период приходится на V–VI вв, когда официального Христианства после Халкидонского собора (451 г.) отпадают ассирийские (их называют несторианскими) церкви, не признавшие главных положений христологического учения. В этом же периоде по тем же причинам, объявив себя полностью независимыми отпали от официального христианства шесть Ориентальных Древневосточных православных церквей (Армянская, Маланкарская, Коптская и др.)

2. Второе 500-летие разделения церкви – Великая схизма происходит в XI веке. Христианство разделяется на западное – католическое и восточное – Византийское, православное. Согласно православному богословию именно западное христианство отпало от восточного. Исследователи насчитывают до 200 причин и факторов внутренних и внешних, включая и политические, разделения церкви на восточную православную и западную католическую. Причем различия начали проявляться задолго до 1054 г. – года великой схизмы, после которой разделение усугублялось. В этом же периоде Католическая церковь под главенством папы Римского начинает создавать унии (соединения) из отпадающих приверженцев церковей восточного христианства.

3. Третий период разделений (с XVI в.) начинается отпадением от Римско-Католической церкви структур, которые стали объединять понятием «протестантские», относящиеся также к западному христианству. Возникновение последних непосредственно связано с чрезвычайно крупными изменениями в социуме Западной Европы и сменой социальной парадигмы. Все эти изменения были определены понятием Реформация. Активно начинается процесс секуляризации западного общества. Во многих странах начинают утверждаться светские государства. Протестантизм входит в процесс обмирщения церкви, упрощая догматику, религиозную практику – культ и подрывая фундаментальные основы церковного институционализма, на котором держится и современная католическая церковь.

В России же в XIV – первой половине XVI в. происходили реформационные движения, в которых нашли выражение религиозно-

общественные воззрения, отчасти антицерковные настроения и еретические мнения о некоторых догматических положениях христианства. Наиболее обстоятельно эти вопросы были исследованы А.И. Клибановым [2]. Автор приводит параллели с западной Реформацией, но в России разделения церкви не произошло.

Однако через 100 лет после утверждения протестантизма на Западе, произошел, как его впоследствии назвали, старообрядческий раскол. Россия стояла на пороге смены социальной парадигмы, произошедшей в период правления одного из великих реформаторов – Петра I и надвигающейся эпохи российского Просвещения. Оппозиция, выступившая против церковной реформы патриарха Никона, почувствовала симптомы крушения Святой Руси. Начавшийся раскол между старообрядческими объединениями и Русской православной церковью (юрисдикции Московской патриархии) продолжается.

На исходе третьего 500-летия в XX в. появились новые волны разделений как в России, так и в некоторых странах с преобладающим православным населением. Россия за один прошлый век пережила две такие смены парадигм – в первой четверти века и в последней. С их сменами связаны две волны разделений.

Уже с 20-х годов после свершения двух революций православие было разделено на несколько групп объединений. Первая, прежде господствовавшая, как ее называли на Церковном соборе 1917–1918 гг., Российская православная церковь, избравшая после 200-летнего перерыва нового патриарха св. Тихона. Вторая – обновленческие церковные юрисдикции, вышедшие из подчинения Российской православной церкви как Поместной автокефальной, инспирированные государственными органами для ослабления и последующего исчезновения прежней церкви. Третья группа – эмигрантская или карловацкая зарубежная церковь, уже с двадцатых годов находившаяся в процессе отделения от Матери-Церкви. В тридцатые годы этот процесс завершился. Четвертая группа – это церкви, согласия и толки древлеправославных христиан – старообрядческие объединения. В пятую группу входят структуры катакомбного движения – представители православных христиан, которые ушли в церковное подполье и тайно продолжали свою религиозную практику. Лишь небольшая часть из них сохраняла связь с официальной церковью, многие же другие отошли от нее. Шестая группа – структуры иосифлянского движения, основоположником которого стал митрополит Иосиф (Петровых) (1872–1937), не согласившийся с церковной политикой митрополита Сергия (Страгородского) (1867–1944), признавшего новый режим со всей его, как тогда оценивали, безбожной деятельностью. В данном движении возникла церковь, которая получила название Истинно-православная (ИПЦ). Ее представители считали,

что они являются наследниками богослужебной практики, социального учения, включавшего отношение к государству, дореволюционной православной церкви. По воззрению иосифлян, теперешняя официально признанная церковь предала прежние церковные традиции, а ее направление по отношению к государству получило название «сергианство». Вначале иосифляне или представители ИПЦ действовали легально, в дальнейшем же они были вынуждены из-за гонений уйти в церковное подполье. Наконец, седьмая группа – структуры, которые чаще всего относят к сектантским объединениям. Среди них наиболее известные иоанниты, иннокентьевцы, молчальники, федоровцы. Они сформировались в православной среде, но существовали чаще всего отдельно и независимо, то есть в расколе. Все названные группы объединений стали жертвами ненормальных государственно-конфессиональных отношений, существовавших несколько десятилетий.

В последней четверти века социальные перемены и смена социальной парадигмы стали факторами прекращения давления на религиозные объединения партийно-государственного прессы. Но при всем при том не только стали возрождаться некоторые расколы, почти сходявшие к тому времени на нет, но появились и новые независимые объединения, к примеру, так называемые апостольские и общины богородичного движения. Заметны также влияния социальных перемен на церковные разделения во время распада государств, которые происходили в последнем десятилетии XX в. Такие разделения переживает Русская православная церковь по поводу того, что произошло в Эстонии, Молдавии и происходит в Украине. Многие из названных групп или объединений переходят в следующее 500-летие церковных разделений. Таким образом мы являемся современниками четвертого периода церковных разделений.

4. Уже в начавшемся четвертом периоде существует такое многообразие церковных разделений, что автор настоящей статьи счел необходимым прибегнуть к их типологизации. В частности, в православной конфессии были выделены четыре типа разделений. Кратко перечислю их, так как подробно они были охарактеризованы на одной из прошедшей в ИГУ конференции [3, с. 127–129]. Итак, первый тип – поместные церкви Вселенского православия, называемые каноническими; второй – параллельные структуры; третий – объединения альтернативного православия, в которое входят семь подтипов – дореформенные, эмигрантские, катакомбные, истинно-православные, апокалиптические автоткефалистские, реформированные. К четвертому типу отнесены объединения исторического сектантства.

Наконец, следует отметить, что в первой четверти XXI в. на Украине и в Латвии из отошедших и ныне отходящих от Матери-Церкви (РПЦ) структур образованы Православные церкви Украины и Латвии.

Причем, они законодательно утверждены местными властями, но РПЦ считает их неканоническими и находящимися в расколе.

Завершая настоящую статью, определим выделенные периоды церковных разделений кратко через то или иное понятие. Первый период постхалкидонский, второй – догматическо-схизматический, третий – реформаторско-революционный, четвертый – современный. Автор настоящей статьи не претендует на окончательное утверждение понятий, определяющих периоды церковных разделений. Однако, во-первых, в представленных понятиях выражены критерии, на основаниях которых строится периодизация; во-вторых, обнаруживается сильная социальная обусловленность церковных разделений.

Библиографический список

1. *Каллист (Уэр), еп. Диоклийский.* Православная церковь. М.: Библейско-Богословский Институт св. Апостола Андрея, 2001.
2. *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. / АН СССР. Ин-т истории; отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Издательство АН СССР, 1960. 411 с.
3. *Лецинский А.Н.* Церковные разделения в православии на рубеже XX–XXI вв. (религиоведческий анализ) // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы VII Международной научной конференции 13–14 февраля 2008 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008.
4. *Мелиоранский Б.М.* Разделение церквей // Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, т. 51. С.-Пб.

УДК 908

И.С. Менщиков,

доцент, Курганский государственный университет (Курган)

«СЕМЬЯ ПРАВОСЛАВНОГО – МАЛАЯ ЦЕРКОВЬ». РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ЗАУРАЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН В НАЧАЛЕ XX В.

В статье исследуется русская крестьянская семья в религиозном аспекте в начале XX в. Автор рассматривает религиозные функции семьи и отдельных её членов. Опираясь на опубликованные источники, он приходит к выводу, что религиозные практики в семье были не менее важны для крестьян, чем церковные службы.

Ключевые слова: крестьянская семья, сельское духовенство, православная церковь. Зауралье, сибирская деревня начала XX века.

I.S. Menshchikov,

Associate Professor, Kurgan State University

**«THE FAMILY OF THE ORTHODOX MAN IS A SMALL CHURCH».
RELIGIOUS LIFE OF ZAURAL PEASANTS
IN THE EARLY XX CENTURY**

The article analyzes the Russian peasant family in the religious aspect at the beginning of the twentieth century. The author examines the religious functions of the family and its individual members. Based on published sources, the author comes to the conclusion that religious practices in the family were no less important for peasants than church services

Key words: peasant family, rural clergy, Orthodox Church. Trans-Urals, a Siberian village of the early twentieth century.

В начале XX века практически все русское крестьянство было верующим. Если элиминироваться от споров о природе и сущности русской религиозности этого периода («народное христианство», обрядовере, двоеверие и т. п.), то надо признать, крестьяне считали себя православными, даже раскольники и разного рода сектанты [2, с. 191]. Религиозность проявлялась не только в храме, во время молебнов, в посещении святынь на богомолье или крестных ходов, «но и в самом обыденном поведении и повседневных занятиях и во многих чертах домашней обстановки четко проступает состояние верь», – отмечает М.М. Громько [3, с. 151].

Русская крестьянская семья в начале XX века выполняла множество функций, среди них религиозная играла не последнюю роль. Родители должны были воспитывать детей в нормах христианства (как они их понимали, это уже другой вопрос) и поддерживать эти нормы даже когда дети вырастут и обзаведутся собственными детьми. Слово матери имело в вопросах религиозного воспитания не меньшее значение, чем слово отца. В рамках семьи совершались ежедневные молитвы и религиозные обряды годового цикла. Наконец, в любом крестьянском доме, даже самом бедном, был красный угол в котором находились иконы и лампада. М.М. Громько замечает в связи с этим: «Желание сделать дом местом святым, наиболее защищенным, насколько позволяли реальные жизненные условия, от воздействия злых сил, создать в нем как бы малую церковь, реализовывалось прежде всего в освящении дома и в наличии в доме икон и других святынь» [3, с. 151]. Иконы приобретались к праздникам, а так же по особым случаям (свадьба, рождение ребенка, исцеление от тяжелой болезни), у зажиточных крестьян было до сорока и более домашних образов [2, с. 204]. Помимо Распятая в красном углу, который также назывался киот, божница, поставец, вышка [2, с. 204],

находились иконы Богородицы, Николая Угодника, св. Георгия, Иоанна Крестителя, а также местночтимых святых [3, с. 153]. Иконами благословляли при помолвке, вступлении в брак, перед уходом в длительное или опасное путешествие. Кроме того, рядом с иконами помещали освященные вещи (ветки вербы, ладан и т. д.), календари, тексты молитв, свечи.

Образа выполняли охранительную функцию, но, безусловно, прежде всего перед ними молились. Домашние молитвы сопровождали действия русского крестьянина на протяжении всего дня начиная с пробуждения и заканчивая отходом ко сну, перед приемом пищи и после нее, при входе в дом другого человека. Кроме того, широко практиковалась «индивидуальная молитва, т. е. члены семьи молились в разное время иногда по разным поводам» [2, с. 191]. Более ревностно к количеству молитв относились старообрядцы, у которых было 6–10 обязательных случаев для молитв.

Известный шадринский краевед А.Н. Зырянов приводит несколько сказок в которых отражено народное представление о месте молитвы в жизни. В первой, «Мать и два сына» рассказывается как некий купец приехал к двум женатым братьям. Они его угостили, а он у них спросил, кто еще есть в доме, заметив нищую старуху под лавкой. «Это сумасшедшая старуха», – ответили братья. Купец догадался, что это их мать и предложил продать её за двести рублей. Братья согласились, но едва купец со старухой отъехали, как они «тотчас после них провалились сквозь землю со всем домом, с животом». Через некоторое время старуха, которая «жила у новых деток во всем довольстве и почитали её, и одевают, и поят, и кормят» затосковала по детям и купец согласился её отвезти. «Приезжают на место и видят, что дом провалился сквозь землю, а провалился не весь, а вершок его видать в земле-то». Позвали священника и стали читать молитвы. Священник трижды спрашивал старуху, прощает ли она сыновей и три раза она отвечала: «Прощаю и рарешаю» и после этого дом поднялся на прежнее место, а сыновья попросили прощения. Сказка завершается моралью: «материны молитвы со дна моря вытянут» [5, с. 164].

В другой сказке рассказывается, как «баба кака-то заводила опару» без молитвы. «Про это узнал Потанька-дьявол... он пришел да и сел в опару-то её». Однако в это раз баба перекрестила квашню и прочитала молитву и черту не поздоровилось. Когда вернулся он к своим, они спросили, где он был. «Где был? В молитве... Будь она проклята – бабато!... Только я сел в опару, она ровно нарощно стала цедить её, да перекрестила меня с молитвой... и теперь я больше ни за што не пойду к ей в опару» [5, с. 178].

Следует сказать, что знак к началу семейной молитвы подавал почти всегда глава семьи (большак), особенно в начале трапезы. Он также представлял семью на церковной службе, когда его домочадцы по каким-то причинам не могли присутствовать [9, с. 13]. Так, в описаниях больших и престольных праздников в исследуемый период отмечается, что большак вместе с двумя-тремя наиболее близкими или важными гостями шел в церковь к праздничной службе, остальные гости и члены семьи оставались дома, поскольку в церкви не хватало на всех места, ведь на такие праздники на один двор могли съезжаться более сорока гостей [6, с. 97–98].

Большак представлял семью в отношениях с сельским клиром, где выступал в двух качествах. Во-первых, он выступал инициатором домашних молебнов и праздничных обходов, приглашал священника и сослужащих ему в дом. «Праздничные молебны на дому почитались у крестьян делом престижным и их заказывал на Пасху, в храмовый, обетный или почитаемый двенадесятый праздник любой мало-мальски состоятельный домохозяйин» [2, с. 275]. В Зауралье на Пасху духовенство обходило село с иконами, его приглашали почти в каждый дом и угощали. Священник при исполнении требы или молебна «почитается как ангел Божий» [4, с. 40]. Младшие клирики во время таких обходов нередко злоупотребляли вином и пивом [4, с. 150]. Такие обходы, сообщает священник И.М. Первушин, продолжаются 2–3 дня: «служат еще и порознь одному и тому же сам хозяин, его невестка, либо мать и бабушка – всякому желательно от себя наособицу. Вот простота веры и чувство теплое сердечной благодарности» [8, с. 98].

Кроме того, молебны совершались в поле, куда приглашались не только представители духовенства, но и соседи которые могли принять участие в оплате требы, а могли отплатить им таким же приглашением в свою очередь [9, с. 12]. Кроме того, совершался молебен «над сеянием». Для этого крестьяне собирались и приглашали священника. «Иконы ставятся на хлеб зерновой. Стоящий обыкновенно на столах в решетках и сеялках... тут же бывает семя огуречное или горох. Иной от усердия поставит к переднему углу целый мешок гороху с развязанным устьем. Все это окропляется святой водой – после водосвятия, разумеется, и по особой просьбе читает молитва. В деревне М-вой обыкновенно бывает общий молебен на улице водосвятный, с молитвой особенной, – над семенами, приносимых в стаканах и чашках со всей деревни. Вера, простейшая вера в силу благодати Божией и угодников его» [8, с. 99].

Кроме того, глава семьи решал с духовенством имущественные вопросы, связанные с содержанием храма, платой за требы и т. д. Здесь характер отношений совершенно менялся. Крестьянин вел себя как

равный или даже разговаривал свысока, на что жалуются многие священнослужители от дьячка или пономаря до иерея. Эту сторону отношений крестьянства и клира мы рассматривали в нашей предыдущей статье, поэтому останавливаться на ней больше не станем [7].

Завершая краткое рассмотрение заявленной темы, хочется отметить, что объем статьи не позволил более подробно рассмотреть существующие интересные источники.

В заключении можно согласиться с мнением Ю.И. Белоноговой, которая отмечает, что православие в его житейском понимании было весьма сложной и многообразной системой представлений соединившей в сознании крестьян традиции, архаические представления и народную догматику. Это породило странное явление, которое выразилось в почитании храма, икон и святых, наряду с порой пренебрежительным отношением крестьян к духовенству, накладывавшийся на достаточно невысокий общий нравственный уровень народа [1, с. 115–116].

Библиографический список

1. *Белоногова Ю.И.* Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX в. (по материалам Московской епархии) М.: Издательство ПСТГУ, 2010. 176 с.
2. *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: СПбГУ, 2007. 311 с.
3. *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007. 528 с.
4. *Золотов Е.Д.* Першинская летопись // Фольклор и литература Зауралья: Из истории русской фольклористики. Хрестоматия. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2005. С. 22–179.
5. *Зырянов А.Н.* Сказки и притчи. Записанные в Шадринском уезде // Пермский сборник: Повременное издание. Кн. 2. М.: Типография Грачева, 1860. С. 162–179.
6. *Менщиков И.С.* Культура Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX века: монография. Курган: Изд-во КГУ, 2006. 156 с.
7. *Менщиков И.С.* Сельское духовенство и крестьянский мир в Зауралье в начале XX века. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXI Международной научной конференции. Иваново: Ивановский государственный университет, 2022. С. 93–98.
8. *Первушин И.М.* Сельская пасха // Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1997. С. 97–100.
9. *Успенский Т.И.* Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1997. С. 4–31.

УДК 281.2(091)(476)

С.И. Минько,

магистр исторических наук, главный специалист Дзержинского райисполкома
(г. Дзержинск, Минская область)

ПРАЗДНОВАНИЕ 1030-ЛЕТИЯ ПРАВОСЛАВИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

В статье раскрываются основные периоды тысячелетней истории Белорусской Православной церкви, показаны значимые мероприятия, прошедшие в Республике Беларусь в 2022 году в честь 1030-летия православия на белорусских землях.

Ключевые слова: Белорусская Православная церковь, православие, духовное возрождение, крестный ход, литургия, паломничество, белорусское государство.

S.I. Minko,

Master of Historical Sciences, chief specialist of the Dzerzhinsk District Executive Committee (Dzerzhinsk, Minsk region)

1030 ANNIVERSARY OF ORTHODOXY IN BELARUS

The article describes the main periods of hundred-year history of Belarussian Orthodox church, it shows important events, that took place in the Republic of Belarus in 2022 in honor of 1030 anniversary of Orthodoxy in Belarus.

Key words: Belarussian Orthodox church, Orthodoxy, spiritual revival, sacred procession, liturgy, pilgrimage, Belarussian State.

В 2022 году исполнилось 1030 лет со времени основания первой на территории белорусских земель Полоцкой епархии (992 год). Ровно тридцать лет назад, в 1992 году под председательством митрополита Филарета, первого Патриаршего Экзарха всея Беларуси, проходили научные диспуты, на которых обсуждалось время создания первой епархии на белорусских землях. Тогда была согласована дата – 992 год – год основания Полоцкой епархии. Именно от этих событий и ведет отсчет официальная история Православной Церкви на территории Беларуси.

Тысячелетняя история православия в Белоруссии неразрывно связана с историей государственных образований, существовавших на ее территории в разные периоды: Полоцкого и Туровского княжеств, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, БССР, Республики Беларусь. Исходя из этого в истории Православной Церкви в Беларуси можно выделить шесть периодов:

1). От времени Крещения Руси до середины XIII века, когда под ударами монголо-татар пала Восточная и Южная Русь (X век – первая половина XIII века). Это был период утверждения христианского вероучения, становления церковной структуры, традиций православной культуры.

2). От образования Великого княжества Литовского до провозглашения Брестской церковной унии (вторая половина XIII века – конец XVI века). Этот период характеризовался постепенной утратой позиций Православной Церкви и открытой поддержки Римско-католической церкви. Закончился данный период принятием Брестской церковной унии.

3). Существования Речи Посполитой (XVII век – конец XVIII века) – время борьбы за выживание в условиях господства католицизма и антиправославного законодательства.

4). Четвёртый период (1795–1917 гг.) характеризовался включением белорусских территорий в состав Российской империи и возрождением православия.

5). Пятый период (1917–1988 гг.) связан с тяжёлыми испытаниями, которые Православная Церковь пережила в советское время.

6). Новейший период в истории Белорусской Православной Церкви начинается с учреждения Белорусского Экзархата Московского Патриархата в 1989 году и продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Он характеризуется непростым процессом духовного возрождения общества и стремительного восстановления позиций православия в суверенной Республике Беларусь [5].

Сегодня в Беларуси насчитывается 1789 приходов и 35 монастырей. Еще 100 храмов строятся. Белорусская православная церковь сегодня объединяет более 1700 общин. Под патронажем Белорусского экзархата Русской православной церкви работает Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла при Белорусском государственном университете. Его ректором является Патриарший Экзарх всея Беларуси Вениамин. Также в Беларуси открыты духовные училища, семинарии. Высшим духовным учебным заведением БПЦ, ее научно-богословским и образовательным центром является Минская духовная академия.

Начало празднованию 1030-летия православия на белорусских землях было положено 5 июня 2022 года в г. Полоцке, в день памяти преподобной Евфросинии, игуменьи Полоцкой. По случаю столь значимого события в Беларусь с визитом прибыл Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Здесь святейший Патриарх Кирилл совершил божественную литургию в соборе Воздвижения Креста Господня Спасо-Евфросиниевского женского монастыря Полоцка. На торжественном богослужении присутствовал белорусский епископат, а также члены Священного синода Русской православной церкви.

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко участникам торжественных мероприятий в Полоцке направил поздравление: «Это событие стало началом славной летописи православия на родной земле, знаменовало культурный и мировоззренческий выбор наших далеких предков.

Пройдя многовековой путь эпохальных испытаний и свершений, православная церковь и ее святые подвижники оставили нам примеры духовных подвигов во имя веры, мира и сохранения христианских ценностей. Это наследие и сегодня является нравственным ориентиром для верующих, фундаментальной частью нашей исторической памяти, объединяет белорусов с братьями славянскими народами.

Убежден, что высокий авторитет, мудрая и социально ответственная деятельность Белорусской православной церкви всегда будут служить сохранению преемственности исконных традиций, укреплению национального единства и межконфессионального согласия во благо народа и во имя мира на святой белорусской земле» [3].

На следующий день, 6 июня 2022 г., Патриарх Кирилл провел встречу с президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в Минске, а также возглавил богослужение в Свято-Духовом кафедральном соборе Минска. В память о совместной молитве Патриарх преподнес митрополиту Вениамину, настоятелю Белорусской Православной церкви, крест и две панагии, а для белорусских приходов передал 21 экземпляр напрестольного Евангелия. В свою очередь Владыка Вениамин поблагодарил его Святейшество за участие в торжествах и преподнес один из списков Оршанской иконы Божьей Матери – лучший образец белорусской иконописи XVII века.

29 июля 2022 г. эстафету празднования юбилея принял еще один древний город Беларуси – Заславль, основанный в 985 году крестителем Руси, святым равноапостольным великим князем Владимиром. И назван в честь старшего сына Владимира и Рогнеды – князя полоцкого Изяслава.

Божественная литургия, которую возглавил владыка Вениамин, прошла под открытым небом в г. Заславле. Митрополит Минский и Заславский Вениамин, Патриарший Экзарх всея Беларуси отметил: «Главное достижение 1030-летней истории православия на белорусских землях в том, что наш народ сохранил веру, которая помогала преодолевать трудности и идти по пути спасения души. Люди, которые проявляли в этом особое усердие и достигли высот духовно-нравственного развития, и есть наше самое богатое наследие. Перед нами сегодня стоит непростая задача – говорить о Боге и его заповедях современным языком. Так, чтобы было интересно и молодежи, и людям постарше. Будем работать с подрастающим поколением, которое сможет реализовать принцип «равный обучает равного» [1].

Во время празднеств в Заславле для паломников работала выставка-ярмарка «Кладезь» Свято-Елисаветинского монастыря города Минска с изделиями монастырских мастерских, монастырской выпечкой, мёдом, книгами и подарками близким. Для маленьких посетителей была предусмотрена работа детской гостиной, кукольные спектакли театра «Батлейка», мастер-классы по народным ремеслам. Все желающие смогли поучаствовать в семейной игре-приключении: «Святая Русь. История Православия на белорусских землях» и иные мероприятия.

Еще одним значимым мероприятием к 1030-летию Православия на белорусских землях стал 8-дневный Всебелорусский крестный ход из Свято-Успенского Жировичского монастыря в Минский Свято-Духов кафедральный собор к Минской иконе Божией Матери. Путь паломников продолжался с 19 по 26 августа 2022 года, во время которого они прошли 250 километров, а маршрут пролегал через 4 епархии и 18 храмов.

Перед началом крестного хода архиепископ Новогрудский и Слонимский Гурий совместно с духовенством Новогрудской епархии и братией обители совершил Божественную литургию в Успенском соборе Жировичского монастыря. По завершении богослужения владыка напутствовал паломников и возглавил начало молитвенного шествия.

Ранним утром 26 августа крестный ход вышел из Заславля к храму Покрова Пресвятой Богородицы в Минске на проспекте Победителей, а затем направился к Свято-Духову кафедральному собору. В молитвенном шествии по проспекту Победителей города Минска, которое возглавил епископ Слуцкий и Солигорский Евсевий, приняли участие многочисленные священнослужители, жители и гости города.

Завершился крестный ход возле Свято-Духова кафедрального собора, где Патриарший Экзарх всея Беларуси Вениамин в сослужении архиереев и священнослужителей Белорусского Экзархата возглавил Божественную литургию. После Божественной литургии Патриарший Экзарх совершил молебен перед чудотворной иконой Божией Матери «Минская» в Свято-Духовом кафедральном соборе.

Данная икона считается одной из главных и почитаемых православных святынь белорусской земли. Согласно преданию она была обнаружена в 1500 году на водах реки Свислочь. С тех пор икона пребывает в Минске. Прихожане всегда относились с большим благоговением к святому образу, сумели сберечь его во время гонений на веру и в годы Великой Отечественной войны. В 1945 году икона Божией Матери была перенесена в Свято-Духов кафедральный собор, где и хранится по сей день.

«Посмотрите, насколько живо православие в Беларуси. Сколько нас собралось! Посмотрите, сколько сейчас народа идет. Колонна растянулась на несколько километров. Идет несколько тысяч», – делился впечатлениями с корреспондентом БЕЛТА руководитель оргкомитета

крестного хода Сергей Мелешко. Из Заславля вышли примерно 400 человек, а в Минске присоединились несколько тысяч верующих.

Сергей Мелешко отмечал, что было нелегко: «Вечером приходим к месту ночлега, некоторые люди даже до трапезы дойти не могу. И думают, как они завтра пойдут. И начинается молитва, начинаем идти и эти люди вновь идут до вечера. Вечером умирали, а утром воскресали и шли дальше. Второй день оказался самым сложным: верующие прошли 46 км» [2].

Для паломников в этот день работала выставка-ярмарка «Клады», мастер-классы народных ремесленников, фотовыставка «Связь времен» к 1030-летию православия на белорусских землях (Верхний город). Всем желающим были предложены обзорные экскурсии по историческим местам города «Минск православный». Организаторами торжеств выступили – Минская епархия Белорусской православной церкви, Свято-Елисаветинский женский монастырь, Минский городской исполнительный комитет.

Еще одно значимое мероприятие состоялось в конце года. Так, 15 декабря 2022 года в Минской духовной семинарии прошла работа монашеской секции VIII Белорусских Рождественских чтений «Восхождение Духа. 1030 лет Православия на белорусских землях», которую возглавил Высокопреосвященнейший митрополит Минский и Заславский Вениамин, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Организатором конференции выступил Синодальный отдел Белорусской Православной Церкви по монастырям и монашеству. Работа форума началась с Божественной литургии в Трехсвятительском храме Минской духовной семинарии, которую совершили Высокопреосвященнейший митрополит Вениамин, епископ Лидский и Сморгонский Порфирий, председатель Синодального отдела по монастырям и монашеству; епископ Светлогорский Амвросий, викарий Гомельской епархии. Архипастырям сослужили настоятели и насельники белорусских монастырей, участники конференции в священном сане.

По итогам выступлений участников чтений были сделаны следующие выводы:

историческое прошлое каждого народа – это не просто факты и события, эпизоды и даты, это реальная жизнь и духовная работа над собой каждого человека, от которого зависит и история, и благосостояние всего общества;

церковная жизнь на белорусских землях, не смотря на всевозможные запреты и гонения, не остановилась. Изгнанное из монастырей монашество, например, в XX веке было подобно евангельской закваске, благодаря которой православие смогло, пережив годы гонений, не только возродиться, но и приносить духовные плоды;

исторический путь белорусского православия был сложен и во многих случаях трагичен. Порой могло показаться, что Православие на белорусских землях прекратит свое существование. Но Бог хранит белорусов. Он не допустил, чтобы духовное наследие святого равноапостольного князя Владимира перестало вести белорусский народ по пути спасения [4].

Таким образом, мероприятия, прошедшие в честь 1030-летия православия на белорусских землях были организованы и проведены на высочайшем организационном уровне при участии всех заинтересованных лиц и поддержке белорусского государства. И это неслучайно. Так как на сегодняшний день православное вероисповедание является самым распространенным в Беларуси. Оно сформировало мировоззрение и нравственные устои белорусов, предопределило исторический путь и является духовной основой белорусского народа.

Библиографический список

1. В Заславле отметили 1030-летие православия на белорусских землях. URL: <https://www.sb.by/articles/torzhestvo-i-radost-very.html>.
2. Всебелорусский крестный ход завершился в Минске. URL: <https://www.belta.by/society/view/vsebelorusskij-krestnyj-hod-zavershilsja-v-minske-520589-2022/>.
3. Лукашенко: основание Полоцкой епархии стало началом славной летописи православия на родной земле. URL: https://www.belta.by/president/view/lukashenko-osnovanie-polotskoj-eparhii-stalo-nachalom-slavnoj-letopisi-pravoslavija-na-rodnoj-zemle-505763-2022/?utm_source=belta&utm_medium=news&utm_campaign=accent.
4. Патриарший Экзарх возглавил работу монашеской секции VIII Белорусских Рождественских чтений в Минской духовной семинарии. URL: <http://church.by/news/patriarshij-ekzarh-vozglavil-rabotu-monasheskoj-sekcii-viii-belorusskih-rozhdestvenskih-chtenij-v-minskoj-duhovnoj-seminarii>.
5. *Теплова В.А.* Православие на землях Беларуси: страницы истории. Ортодоксия. 2021; (2): 12–71. URL: <https://doi.org/10.53822/2712-9276-2021-2-12-71>.

УДК 908; 271.2

Епископ Рыбинский и Романово-Борисоглебский Вениамин,
заведующий кафедрой теологии, Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль)

А.М. Новоторцева,

доцент, Московский педагогический государственный университет (Ярославль)

**ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ
В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ В 1946–1953-е ГОДЫ
(по материалам отчетно-информационных докладов и переписки
по вопросам Церкви уполномоченного Совета
по Ярославской области)**

К 1939 г. Русская православная церковь (далее – РПЦ), как организационная структура, в результате жесточайших гонений и открытого террора была практически разгромлена, но Великая Отечественная война положила начало новому этапу новейшей истории РПЦ. В условиях уже новых гонений в послевоенное время продолжается сохранение духовно-религиозной жизни в стране, включая Ярославский край. Основным источником для изучения данного периода являются отчеты уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви на местах.

Ключевые слова: духовно-религиозная жизнь в XX веке, Ярославский край, уполномоченный Совета по Ярославской области, старообрядчество, иудейская община Ярославля, Русская православная церковь.

Bishop of Rybinsk and Romanov-Borisoglebsk Veniamin,

Head of the Theology Department, Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl)

A.M. Novotortseva,

Associate Professor, Moscow Pedagogical State University (Yaroslavl)

**SPIRITUAL AND RELIGIOUS LIFE OF THE YAROSLAVL
REGION IN THE POST-WAR PERIOD IN 1946–1953
(based on the materials of reporting and information reports
and correspondence on Church issues of the Authorized Council
for the Yaroslavl region)**

By 1939, the Russian Orthodox Church (hereinafter referred to as the ROC), as an organizational structure, in result of the most severe persecution and open terror, was almost defeated, but the Great Patriotic War marked the beginning of a new stage

© Епископ Рыбинский и Романово-Борисоглебский Вениамин,
Новоторцева А.М., 2023

in the modern history of the ROC. In the conditions of new persecutions in the post-war period, the preservation of spiritual and religious life in the country, including the Yaroslavl Region, continues. The main source for studying this period are the reports of the commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the field.

Key words: spiritual and religious life in the twentieth century, Yaroslavl Region, commissioner of the Council for the Yaroslavl region, Old Believers, the Jewish community of Yaroslavl, the Russian Orthodox Church.

К 1939 г. Русская православная церковь, как организационная структура, в результате жесточайших гонений и открытого террора была практически разгромлена. Летом 1939 г. в Патриаршей Церкви осталось только четыре правящих архиерея – Патриарший Местоблюститель митрополит Московский Сергей (Страгородский), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), управлявший Новгородской и Псковской епархиями и архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский), с 1937 г. занимавший должность управляющего делами Московской Патриархии. Без епископов – нет канонической Церкви. Так, в середине XX века могла закончиться почти тысячелетняя история Русской православной церкви, но в 1941 г. началась Великая Отечественная война, явившаяся мощным отрезвляющим фактором и своеобразным якорем духовного спасения как многих современников тех событий, так и нас – последующих поколений.

«Нет худа без добра»: 4 сентября 1943 года, Сталин принял в Кремле митрополитов Сергея (Страгородского), Алексея (Симанского) и Николая (Ярушевича). Он разрешил открыть часть церквей, монастырей и семинарий, приступить к изданию официального «Журнала Московской патриархии» и сделать ряд других послаблений. С чем было связано его такое решение есть разные версии, при всех объективных факторах однозначно это произошло ни без Промысла Божия и Его Милости к нам, поскольку к тому времени уже наметился явный перелом в войне, чтобы считать отчаянность положения нашего государства исключительно основной причиной. Война закончилась победой русского воинства, и советские граждане приступили к обустройству мирной жизни. Какое же место уже в новых спокойных мирных условиях построения социалистического общества на атеистических принципах марксистско-ленинской идеологии должна была занять Русская православная церковь? Казалось, что места в социальной структуре советского общества ей снова нет, однако духовно-религиозная жизнь в нем не только не затухла, но с преодолением уже новых гонений получила свое продолжение в послевоенное время.

В том же 1943 году был образован Совет по делам Русской православной церкви – государственный орган при Правительстве СССР, занимавшийся вопросами Русской православной церкви в период с 1943 по 1965 годы. Без согласия Совета местные власти не имели права закрывать церкви. На местах от имени Совета действовали его уполномоченные, назначаемые и финансируемые местными органами власти. Несмотря на формальную подотчетность уполномоченных Совету, они фактически подчинялись местным властям. В Ярославской области также появляется свой уполномоченный, и отчеты уполномоченных, которые они делали ежеквартально, то есть четыре раза в год, становятся для нас сейчас интересным информативным источником [5].

В результате работы, проведенной по выявлению религиозных культов, уполномоченным Советом по Ярославской области 25 января 1946 года был сделан вывод, что на территории Ярославской области преимущественно действовали старообрядческие общины. Во второй половине 1945 года были выявлены и зарегистрированы 4 общины старообрядцев – Белокриницкого согласия. Из них 2 общины – Павликовская и Елохинская находились на территории Некрасовского района и 2 – Глуховская и Павлеихинская на территории Ярославского района. Все эти общины существовали примерно с 1905-1907 гг., имели специальные молитвенные здания и объединяли довольно значительное число верующих: Павликовская община – до 200 человек, Елохинская – 150 человек, Павлеихинская – 220 человек и Глуховская до 300 человек [2].

Каждая община имела своего священнослужителя. Кроме этих общин, прошедших регистрацию, имелись сведения, что на территории Ярославской области действовали также: в Середском районе (Никольский и Мауринский сельские советы) – две общины старообрядцев-беспоповцев; в Любимском районе (деревня Розбугино Андрейковского сельсовета) – одна община старообрядцев-беспоповцев; в Ярославском районе (Телищевский, Ермаковский, Бекреневский сельсоветы) – сохранились отдельные старообрядцы, принадлежавшие к толку бегунов-скрытников. Привлечь к регистрации общин старообрядцев-беспоповцев на конец 1945 года не удалось, но работа в этом направлении продолжала проводиться [2].

До октябрьского переворота общины старообрядцев также действовали в г. Ярославле (две) и в г. Рыбинске (одна). В 1946 году их молитвенные здания в Ярославле и Рыбинске были заняты под квартиры и государственные учреждения, и какой-либо концентрации старообрядцев в этих городах не наблюдалось. Отдельные старообрядцы, проживавшие в Ярославле, для удовлетворения своих религиозных потребностей примкнули к Глуховской и Павликовской общинам [2].

Из числа других религиозных общин на территории Ярославской области в 1946 г. имелась иудейская (еврейская) община, насчитывавшая до 300 человек верующих в г. Ярославле. С 1946 г. община не имела раввина. Руководителям общины неоднократно предоставлялся срок для подыскания раввина, но несмотря на это они продолжали настойчиво утверждать, что наличие раввина в еврейской религиозной общине необязательно, и что требование о раввине вытекало из неосведомленности советских работников в специфике иудейского вероисповедания. Но видимо местные «неосведомленные власти» так достали ярославских евреев, что в 1949 году исполнительный орган еврейской религиозной общины все-таки представил в облисполком протокол общего собрания общины, на котором якобы раввином был избран гражданин Симкин Мовша Нотович, но зарегистрироваться как служитель культа он отказался [3].

Советские чиновники на протяжении последующих лет искали повод, чтобы закрыть синагогу, в 1950 г. посчитав, что здание на ул. Чайковского не пригодно для молитвенных собраний в следствии отсутствия технических, санитарных, противопожарных условий. По наблюдениям в обычные дни посещало от 10 до 15 верующих, в дни больших религиозных праздников от 100 до 120 человек, причем большинство из них приезжало из Ивановской, Костромской, Владимирской и других областей. В итоге уполномоченным был сделан правильный вывод, что по сути синагога была на тот момент не столько местом молитвенных собраний, сколько местом национального общения евреев, как это было и до не давнего времени в Ярославле [3].

Очень характерным рубежным годом является 1953 год, связанный со смертью 5 марта И.В. Сталина, приходом к власти Н.С. Хрущева и началом уже новых «хрущевских гонений» на Церковь. В этой связи, интерес представляют неопубликованные и частично использованные в диссертации О.С. Смирновой архивные дела фонда Р-6991 «Совета по делам религий при Совете министров СССР. г. Москва (период времени 1943–1991 гг.)» Государственного архива Российской Федерации, раскрывающие религиозную и церковную жизнь в Ярославском крае в том числе и в этом порубежном, во многом эпохальном 1953 году [1].

Цитата из отчета ярославского уполномоченного: «Весть о кончине дорого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина глубокой болью отозвалась в сердцах всех советских людей. Имя товарища СТАЛИНА бесконечно дорого для советского народа, и в тяжелые дни скорби верующие граждане, выражая чувства скорби, шли в церковь, просили духовенство отслужить панихиды. В траурные дни увеличилась посещаемость церковных служб. По сообщению некоторых

священников, верующие самостоятельно или группами заказывали панихиды, выражая тем самым свою горячую любовь к вождю и учителю товарищу Сталину и глубокую скорбь по поводу необратимой утраты, которую понесли советский народ и все прогрессивное человечество» [1].

В результате в первом квартальном отчете уполномоченного по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Ярославской области Н.В. Абарыкова за 1953 г. отмечалось, что в отчетном году ему поступило 7 ходатайств об открытии 6 церквей, шесть ходатайств были повторными и ранее рассматривались Исполкомом Областного Совета депутатов трудящихся, в просьбе заявителям тогда было отказано. Одно из ходатайств об открытии церкви в селе Николо-Эдома Тутаевского района, подписанное 103 прихожанами, было направлено вновь, повторно [1].

Кроме ходатайств об открытии церквей в начале 1953 года уполномоченному поступило 10 жалоб и заявлений по различным вопросам, наиболее характерные уполномоченный приводит в своем отчете, одна из них такая: «Секретарь Первомайского Райкома КПСС тов. Сухов, сообщая о факте крещения ребенка председателя колхоза коммуниста Рыбкина, просил принять меры к священнику Леониду Ильинскому, окрестившему ребенка. Мною сообщено тов. Сухову о том, что коммунист Рыбкин имеет право привлечь данного священника к уголовной ответственности, если последний действительно окрестил ребенка без согласия родителей» [1]. Действительно, натиск на Церковь и волна разоблачений скрывающих свое сочувствие Церкви коммунистов, советских рабочих и служащих в середине следующего 1954 года заставил уполномоченных усилить внимание к проведению в областях Верхнего Поволжья научно-атеистической пропаганды [5].

В своем отчете за первый квартал 1953 г. (январь, февраль и март) уполномоченный Н.В. Абарыков также отмечал, что им было принято 168 человек, из них духовенства 60 человек, членов исполнительных органов религиозных общин – 61 человек, граждан – 41 человек и советских работников – 6 человек. Среди характерных вопросов, озвученных на приеме, Абарыковым приводилось в отчете несколько, среди них настоятеля Воскресенского собора в Тутаеве протоиерея Иоанна Ястребцова (у уполномоченного в отчете – Ястребцев). Он обращался с просьбой разрешить ему сфотографировать собор и отпечатать 400 штук фотокарточек для распространения их среди верующих, поскольку без разрешения уполномоченного артель фотографов не имела право фотографировать. В итоге уполномоченный такого разрешения не дал [1].

Еще один примечательный вопрос, с которым обратились к уполномоченному в 1953 г., и о котором он также отмечал в своем отчете,

была просьба старосты церкви села Балобаново Рыбинского района по фамилии Курилков разрешить приобрести 4–5 колоколов и восстановить колокольный звон. В беседе со старостой храма выяснилось, что церковный совет договорился с горпромкомбинатом г. Щербакова (современного Рыбинска), руководство которого дало разрешение отлить колокола, если религиозная община предоставила бы для этого соответствующее сырье, то есть медь. Церковный совет решил организовать сбор металлолома (медных вещей) среди верующих. Однако уполномоченным это было запрещено, а о факте согласия руководства горпромкомбината г. Щербакова отлить колокола религиозной общине был поставлен в известность Обком КПСС [1].

Таким образом, Ярославский край в советское время был своеобразным микросрезом государственно-церковных отношений на общероссийском уровне. Изучение духовно-религиозной жизни Ярославского края в послевоенное время в 1946–1953 гг. интересно и актуально, оно может быть произведено на разных группах источников, главными из которых будут, безусловно, архивные, но с привлечением и публикаций в «Журнале Московской Патриархии» и советской периодической печати, а также уникальных источников личного происхождения из частных и епархиальных архивов и фотодокументов. Материал может быть использован при написании новейшей истории Ярославской митрополии в XX веке [4, с. 181–191].

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р.-6991. Оп. 1. Д. 1053.
2. ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 3. Д. 899.
3. ГА РФ. Ф. Р.-6991. Оп. 3. Д. 900.
4. *Новоторцева А.М.* Материалы «Журнала Московской Патриархии» по новейшей истории Ярославской епархии в середине XX века // Трефоловские чтения: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции [17–18 февраля 2022 г.] / под науч. ред. Г.Н. Кочешкова, А.М. Ермакова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. С. 181–191.
5. *Смирнова О.С.* Деятельность института уполномоченных совета по делам Русской Православной Церкви в 1944–1965 гг.: на материалах Верхнего Поволжья: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Смирнова Ольга Станиславовна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. Иваново, 2010. 24 с.

УДК (470. 342)“18”

М.Ю. Половникова,

доцент, Вятский государственный университет (Киров)

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ И ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В.

В статье на основе опубликованных источников раскрываются связи Вятской губернии и ее населения и Святой Земли. Интерес к Святой Земле, а также возможность совершения паломнических поездок к святым местам связаны с деятельностью Вятского отдела Императорского Православного Палестинского общества.

Ключевые слова: Вятская губерния, Вятская епархия, Святая Земля, паломничество, Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества, Н.Г. Гусев, С.С. Липягов.

M.Yu. Polovnikova,

Associate Professor, Vyatka State University (Kirov)

THE HOLY LAND AND THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINIAN SOCIETY IN THE HISTORY OF THE VYATKA PROVINCE AT THE END OF THE XIX CENTURY

The article, based on published sources, reveals the connections of the Vyatka province and its population and the Holy Land. Interest in the Holy Land, as well as the possibility of making pilgrimage trips to holy places, are connected with the activities of the Vyatka Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society.

Key words: the Vyatka province, the Vyatka Diocese, the Holy Land, a pilgrimage, the Vyatka Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society, N.G. Gusev, S.S. Lipyagov.

В 2022 г. исполнилось 140 лет с момента образования Православного Палестинского общества. В честь этой важной даты в главном здании Кировского областного краеведческого музея им. П.В. Алабина начала свою работу выставка «Святая Земля. Россия. Вятка», на которой представлены как христианские святыни, привезенные вятскими паломниками из Святой Земли, так и фотографии, а также материалы воспоминаний паломников.

Вятская земля, Императорское Православное Палестинское общество и Святая Земля имеют тесные связи, которые связаны с интересом

местного духовенства к Святой Земле и развитием религиозно-дипломатической, паломнической и исследовательской работы на Ближнем Востоке.

В мае 1882 г., после продолжительной подготовки, в Российской империи начинает свою деятельность Православное Палестинское общество. Так, 8 мая 1882 г. был утвержден Устав Православного Палестинского общества, 21 мая того же года состоялось открытие общества. К 1889 г. на Ближнем Востоке ряд организаций прекратил полностью или сократил сферу своей деятельности, поэтому Православное Палестинское общество взяло на себя исполнение их обязанностей, например, «лежащих на Палестинской Комиссии по заведыванию нашими странноприимными учреждениями в Святой Земле, а так же капиталов и дел Комиссии» [3, с. 241]. Тогда же, в 1889 г., в силу укрепления авторитета организации, «Православному Палестинскому Обществу присвоится название Императорское» [7, с. 262]. Так возникло Императорское Православное Палестинское общество (ИППО), деятельность которого была сконцентрирована на Ближнем Востоке, а центры изначально располагались в Иерусалиме и в Москве.

С течением времени члены Императорского Православного Палестинского общества пришли к выводу о необходимости создания сети местных отделов на территории Российской империи, члены которых помогали бы обеспечивать финансовую помощь деятельности общества на Ближнем Востоке, а также вели просветительскую работу среди местного населения по распространению сведений о Святой Земле.

Императорское Православное Палестинское общество «существовало в основном за счет пожертвований, собираемых по всей России, и большинство его членов никогда не бывали в Палестине в качестве паломников» [4]. Поэтому ИППО стремилось помогать желающим совершить паломнические поездки на Святую Землю. Данные поездки были обременены многочисленными сложностями, которые при содействии Императорского Православного Палестинского общества и Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) были хотя бы частично устранены и облегчены. Поэтому в конце XIX – начале XX в. некоторые жители Российской империи, ранее не имевшие подобных возможностей, решались на посещение Святой Земли.

Нужно отметить, что в Вятской губернии интерес к Святой Земле проявлялся раньше открытия отдела ИППО. Еще при епископе Вятском и Слободском Агафангеле (Соловьеве), возглавлявшем епархию с 1860 по 1866 гг., начали устанавливаться связи Вятки и Святой Земли. Епископ Агафангел активно интересовался историей Святой Земли и «начал активно устанавливать связи с Афоном, и это дело не прекратилось с его переходом 17 июня 1866 года на Волынскую кафедру» [6, с. 171].

Но только в конце XIX в. при епископе Сергии в Вятской епархии открывается полноценный отдел ИППО. Местные отделы ИППО возникали по решению его членов и, в первую очередь, его председателя великого князя Сергея Александровича. Об открытии отдела общества в Вятской губернии [2; 8] великий князь Сергей Александрович писал следующее: «мне особенно было бы желательно открытие такого отдела в г. Вятке, на точном основании Высочайше утвержденных 2 марта 1885 г. правил..., будучи вполне уверен, что он послужит существенным средством для распространения сведений о целях, деятельности и потребностях Общества, которые ежегодно возрастают в виду усиленной деятельности католической пропаганды» [11, с. 41–42].

Так, 16 января 1894 г. «по инициативе Августейшего Председателя Императорского Православного Палестинского Общества, Великого князя Сергея Александровича, при просвещенном содействии бывшего Вятского Преосвященного Сергия и живом его сочувствии к задачам названного Общества, открылся Отдел Палестинского Общества» [10, с. 321]. Сам преосвященный Сергий (управлял епархией с 1887 по 1896 гг.) являлся почетным членом ИППО, поэтому своей работой всесторонне способствовал развитию деятельности Вятского отдела среди населения Вятской епархии. В 1895 г. «состоялось первое Общее Собрание этого Отдела для заслушивания годового отчета, который показал, что первоначальный сбор от членских взносов разных категорий дал по губернии весьма почтенную сумму на удовлетворение нужд Палестинского Общества» [10, с. 321–322].

С этого времени свои поездки в Святую Землю совершили некоторые жители Вятской губернии. По итогам этих поездок публиковались материалы о святых местах в ведущих губернских и епархиальных органах печати, также издавались отдельными работами воспоминания и заметки о таких путешествиях. И в рамках просветительской деятельности Вятского отдела ИППО преподавателями и представителями епархии проводились чтения о Святой Земле.

Чтения о Святой Земле стали важной частью работы Вятского отдела Православного Палестинского общества. В 1898–1899 гг., после возобновления чтений о Святой Земле и самом обществе, было постановлено «распорядителем назначить преподавателя Вятского епархиального женского училища Николая Григорьевича Гусева и помощника смотрителя Духовного училища Сергея Семеновича Липягова, посетившего летом 1898 Святую Землю» [5, с. 5]. Чтения «устраиваются в помещениях общественных учреждений и учебных заведений; на оные могут быть приглашены певчие и сами чтения сопровождаются, по возможности, соответствующими содержанию туманными картинками» [5, с. 41]. Такие картинки при необходимости высылали из Канцелярии

общества для временного использования. В 1899 г. подобные чтения проводились в зале Общественного собрания г. Вятка, в епархиальном женском училище, в мужском духовном училище, в образцовой школе при епархиальном училище, в доме трудолюбия, в образцовой школе при Вятской духовной семинарии, в помещениях 3-его приходского градского училища.

Николай Григорьевич Гусев (1867–1934) [9] побывал в Палестине летом 1898 г., о чем не только опубликовал воспоминания и описания в «Вятских епархиальных ведомостях», но и активно делился своими впечатлениями и информацией о Святой Земле с посетителями чтений. Подробный анализ мемуаров Н.Г. Гусева дается в статье д-ра ист. наук К.Е. Балдина [1].

Относительно инспектора Вятского училища Сергея Семеновича Липягова необходимо отметить, что он так же, как и Н.Г. Гусев, будучи лектором чтений о Святой Земле, совершил в 1898 г. собственное паломничество в Святую Землю. Биографические сведения о С.С. Липягове достаточно скудны. Известно, что Сергей Семенович Липягов родился в марте 1867 г. (по другим данным – в 1868 г.) в семье Симеона (Семена) Самсоновича Липягова, настоятеля Успенского храма в селе Глебово-Городище Зарайского уезда Рязанской губернии. С.С. Липягов прошел обычный путь для детей из семьи священнослужителя – получив начальное духовное образование, он продолжил обучением сначала в Рязанской духовной семинарии, а затем в Московской духовной академии. Академию он окончил со степенью кандидата богословия. После получения образования С.С. Липягов прибыл в Вятку, где начал работу в Вятском духовном училище в должности преподавателя. Позднее он был назначен смотрителем Вятского духовного училища, в должности которого проработал 12 лет.

Ведя активную общественно-политическую и религиозно-просветительскую работу, С.С. Липягов в ходе подготовки и проведения чтений о Святой Земле в рамках деятельности Вятского отдела ИППО почувствовал необходимость в совершении поездки в Святую Землю. Паломническая поездка состоялась в 1898 г., что дало возможность как С.С. Липягову, так и Н.Г. Гусеву рассказывать о святых местах с опорой на собственное впечатление от их посещения.

Таким образом, в конце XIX в. связи Вятской губернии и Святой Земли укреплялись посредством активной религиозно-просветительской работы Вятского отдела Императорского Православного Палестинского общества, особенно в рамках проведения чтений о Святой Земле, а также совершения паломнических поездок в Святую Землю отдельными представителями Вятской губернии, которые впоследствии делились

своими впечатлениями от увиденного в печатных органах и при личных встречах. Деятельность Вятского отдела ИППО поддерживала интерес местного населения к святым местам и работе общества, а также способствовала оказанию материальной помощи его центральным отделам.

Библиографический список

1. *Балдин К.Е.* Мемуары Н.Г. Гусева о паломничестве в Палестину (конец XIX в.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3 (8). С. 33–43.
2. *Балдин К.Е.* Создание местных организаций Императорского Православного Палестинского общества (1890-е гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (12). С. 8–16.
3. Донесение министра иностранных дел Н.К. Гирса председателю ИППО великому князю Сергею Александровичу // Россия в Святой Земле: Документы и материалы: в 2 т. Т. 1 / Арх. вн. политики Рос. имп., МИД РФ и др. сост., вступ. ст., комментарии и общ. ред. Н.Н. Лисового, предисловие П.В. Стегния. М., 2000. С. 241.
4. *Нечаева М.Ю.* Региональные отделы Императорского Православного Палестинского общества на Среднем Урале в контексте развития общественных религиозных организаций в конце XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые дан. 2015. URL: <http://ippo.ru/history/rs/ural/8/>. Загл. с экрана. (20.12.15).
5. Отчет Вятского отдела Императорского Палестинского общества за 1898/9 г. Вятка, 1889. 23 с.
6. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350-летие Вятской епархии / под ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка, 2007. 640 с.
7. Письмо секретаря ИППО В.Н. Хитрово уполномоченному Общества в Иерусалиме Д.Д. Смышляеву от 25 марта 1889 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы: в 2 т. Т. 1 / Арх. вн. политики Рос. имп., МИД РФ и др. сост., вступ. ст., комментарии и общ. ред. Н.Н. Лисового, предисловие П.В. Стегния. М., 2000. С. 261–264.
8. *Половникова М.Ю.* Императорское Православное Палестинское общество в Вятке, 1894-1914 // Университетский научный журнал. 2022. № 68. С. 67–73.
9. *Половникова М.Ю.* Н.Г. Гусев и его деятельность по устройству чтений о Святой Земле (конец XIX – начало XX в.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVII Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае. 2018. С. 164–168.
10. Почетный член Императорского Православного Палестинского Общества Преосвященный Сергей, Епископ Астраханский и Енотаевский // Вятские епархиальные ведомости. 1897. № 7. Отдел неофициальный. С. 321–327.
11. Рескрипт Его Императорского Высочества, Августейшего Председателя Великого князя Сергея Александровича // Вятские епархиальные ведомости. 1894. № 3. С. 41–42.

УДК 271.2

О.А. Рашитова,

кандидат исторических наук, преподаватель СПб ГБПОУ
«Реставрационно-художественный колледж» (Санкт-Петербург)

ВКЛАД СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В ЗАЩИТУ ОТЕЧЕСТВА

Во все времена с первых дней войны духовенство Русской Православной церкви благословляло воинов на ратный подвиг, оказывала материальную помощь, вселяла надежду на торжество правого дела.

Ключевые слова: Православная церковь, война, священник.

O.A. Rashitova,

Candidate of Historical Sciences, teacher of St. Petersburg State Educational Institution «Restoration and Art College» (St. Petersburg)

THE CONTRIBUTION OF THE CLERGY TO THE DEFENSE OF THE FATHERLAND

At all times, from the first days of the war, the clergy of the Russian Orthodox Church blessed soldiers for military feat, provided material assistance, and inspired hope for the triumph of a just cause.

Key words: Orthodox Church, war, priest.

Связь Церкви и армии в России всегда была органичной. Во всех войнах рядом с русским солдатом шел священник, рядом с воином мирским – воин духовный. Не утрачена эта традиция и в наши дни.

Во время Отечественной войны 1812 года военные священники сыграли большую роль в победе русского оружия, вместе с армией подвергавшиеся смертельным опасностям и укреплявшим ее воинский дух. Священнослужители сами проявляли примеры героизма, для них оружием стал крест, а местом проповеди – поле брани.

Нельзя не упомянуть имена священников Санкт-Петербургской епархии, которые храбро находились под пулями и снарядами среди окормляемых ими солдат и офицеров.

Священник Лейб-Гвардии Измайловского полка Антип Гаврилович Гаврилов участвовал в Бородинской битве, в заграничном походе русской армии, где был в сражениях при Кульме и Лейпциге. Получил бронзовый наперсный крест в память 1812 года и серебряную медаль за взятие Парижа [1, с. 221].

Василий Яковлевич Сицилинский участвовал в походах против неприятеля, в сражении под Смоленском, битвах под Бородино, Малоярославцем и Красном. Был во Франции при взятии Парижа. Награжден бронзовым наперсным крестом на владимирской ленте, серебряными медалями в память 1812 года и за взятие Парижа.

Петр Дмитриевич Песоцкий, священник церкви Благовещения пресвятой богородицы, на Васильевском острове был в походах с Санкт-петербургским ополчением в достоинстве благочинного над духовенством Санкт-Петербургского и Новгородского ополчений. По свидетельству военного начальства проходил должность свою рачительно и примерно, внушая воинам ополчений, как верным сынам Отечества дух неустрашимости и храбрости, и немало тем содействовал взятию приступом города Полоцка [2, с. 110]. Награжден медалью на голубой ленте и бронзовым крестом на владимирской ленте в память 1812 года.

Громкую славу и историческую известность заслужил первый полковой священник кавалергардского полка, протоиерей Михаил Грагинский. 26 августа 1812 г. отец Михаил принял участие в Бородинском сражении, а 9 августа, он отправился в Москву «для исправления починкою церковных вещей». Отец Михаил добился у французов разрешения отправлять богослужение в уцелевшей церкви св. Евпла на Мясницкой улице, где уже 15 сентября, он провел молебен о даровании «победы русскому христоролюбивому воинству и об изгнании врага». Богослужения и проповеди отец Михаил проводил почти каждый день, призывая к беспощадной войне с поработителями. Слух о храбром священнике быстро распространился среди немногих оставшихся в столице жителей, и на его проповеди, несмотря на смертельную опасность, всегда собирались люди. К своему полку, находившемуся в немецких землях, о. Михаил вернулся только 3 марта 1813 г., а 19 марта вступил с полком в Париж и с полком же по окончании кампании прошел обратно через Европу [3, с. 158–159].

Большое количество участников войны и изгнания Наполеона было представлено к наградам Российской империи. 14 августа 1814 года вышел манифест императора Александра «Об учреждении бронзовых крестов для духовенства». Всего было изготовлено и выдано около 40 тысяч таких крестов.

С началом Первой мировой войны Русская Православная церковь мобилизовала все свои ресурсы для поддержки фронта и оказания помощи раненым. Уже 20 июля 1914 года Священный Синод своим Определением № 6502 призвал монастыри, церкви и паству делать пожертвования для раненых и помощь лицам, призванным на войну. Монастыри и другие подведомственные Православной Церкви учреждения призывались

подготовить места под госпитали, а также подобрать способных людей для ухода за ранеными.

В храмах Петрограда с первых дней совершались молебны о даровании победы и успехе русского оружия. Духовенство города не только утешало молитвами прихожан, но и вселяло в них глубокую и непоколебимую веру в торжество правого дела.

Попечительский Совет Казанского собора к празднику Казанской иконы Божьей матери 22 октября 1914 года решил приготовить пакеты с теплым бельем для раздачи военным на передовых позициях. Каждый пакет должен был заключать теплые рубашки, кальсоны, портянки или чулки, и перчатки, завернутые в платок. Кроме того, в каждый пакет предполагалось вложить Святое евангелие и образок Казанской Богоматери [4, с. 7]. Этот призыв нашел отклик не только среди прихожан Казанского собора, но и других городских и провинциальных храмов. Люди несли и присылали деньги, теплые вещи, перчатки, евангелия. В общей сложности было приготовлено 3000 пакетов. К этому прибавлено было 7 ящиков чаю, 3 ящика соли, 2 ящика баранков и пр. В общем, получился солидный транспорт около 100 ящиков, для доставки которого на вокзал потребовалось 10 подвод, погрузивших товар до 600 пудов весом, в два вагона [5, с. 2].

Митрополит Владимир благословил настоятеля собора Ф.Н. Орнатского сопровождавшего груз и передал для воинов 1000 евангелий и образов Воскресения Христова, а преосвященный Геннадий 1000 молитвословов. 16 ноября груз был отправлен под Краков пяти Донским казачьим полкам, одному боевому пехотному полку и в малой части нижним чинам двух автомобильных рот. Начальники этих частей и сами воины присылали письма с благодарностью в Казанский собор.

Не единожды пришлось отцу Философу побывать на передовой. 15 февраля 1915 года митрополит Владимир объявил о сборе средств на пасхальные подарки воинам от церквей и приходов Петрограда. Подарки были отправлены на пасхальной неделе. Доставку на передовые позиции принял на себя протоиерей Орнатский.

Непосредственно на фронте служение несли полковые священники. Всего за время войны в действующей армии побывало более 5 тысяч капелланов, и их деятельность не ограничивалась молебнами. Зачастую место нахождения полкового священника должно было быть на передовом перевязочном пункте, где скапливались раненые, нуждавшиеся в моральной поддержке и медицинской помощи. Поэтому от священника требовалось помимо выполнения своих прямых функциональных обязанностей уметь выполнять обязанности медперсонала.

Известно немало случаев, когда священнослужители, жившие в окопах вместе с солдатами, проявляли настоящий героизм. 24 июня

1915 года героически погиб отец иеромонах Амвросий, священник 3-го Гренадерского Перновского полка. Он с крестом в руках повёл за собой солдат, одержавших уверенную победу над противником, и был убит в ходе атаки. Аналогичный случай произошёл 7 ноября 1916 года в 154-м пехотном Дербентском полку. Протоиерей Павел Смирнов повел батальон на турецкое укрепление, которое было успешно взято штурмом. Сам священник при этом был тяжело ранен. В ожесточённых боях, ведя за собой солдат, героически погибли также священник 439-го пехотного Илецкого полка отец Михаил (Дудицкий), иеромонах отец Евтихий (Гулунов), священник Черноярского пехотного полка отец Александр (Тарноуцкий) и многие другие [7].

Во всех бедах Русская Православная церковь всегда была со своим народом, воодушевляя пастырским словом, назидая своим духовным опытом, утешая в скорбях. В годы Великой Отечественной войны дух православного русского воинства вспыхнул вновь.

В Красной Армии, как известно, не было полковых священников, но были служители церкви, надевшие гимнастерку и взявшие в руки оружие. Священнослужители Ленинградской епархии, ушедшие за штат перед войной, так же призывались в действующую армию, как и миряне.

Протоиерей Алексеев Николай Сергеевич с июля 1941 по 1943 гг. находился в частях Советской Армии на финском фронте в качестве рядового. В 1943 г. в соответствии с приказом НКО № 360 был демобилизован по ранению. В ноябре в 1943 г. возобновил священнослужение в Спасо-Преображенском соборе [7, л. 3].

Протоиерей Старопольский 22 июня был мобилизован в действующую Красную Армию. Воевал на всех фронтах Великой Отечественной войны. Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и орденом Красного Знамени [8, л. 5].

Диакон Долгинский Иван Иванович призван был на флот, на второй день войны. Плавал он на буксирах, переделанных в тральщики, выуживал фашистские мины в Балтийском море и Финском заливе, защищал Кронштадт. Был контужен, но вернулся на корабль. Награжден орденом Красной Звезды и медалью адмирала Ушакова [9, с. 10].

Невозможно переоценить значение Русской Православной церкви в поднятии морального духа защитников Отечества в период Великой Отечественной войны, но не одними молитвами и проповедями жила Церковь в эти годы. РПЦ внесла большой вклад в Фонд обороны и Фонд Красного Креста. Но среди всех собранных средств есть деньги особые: они пожертвованы жителями осажденного Ленинграда. Общая сумма патриотических взносов духовенства и мирян Ленинградской епархии за годы войны составила около 17,5 млн руб. [10, с. 193]. Часть

их этих денег пошла на строительство колонны танков имени Дмитрия Донского и эскадрильи имени Александра Невского.

Немало священнослужителей и сейчас находятся в войсках на передовой, помогают войскам как материально, так и духовно. С февраля 2022 года несколько священников уже погибли на боевом духовном посту.

С первых дней войны, руководствуясь христианскими чувствами, духовенство Русской Православной церкви благословляло воинов на ратный подвиг, вселяло веру в победу над врагом, надежду на торжество правого дела. Прихожане храмов искали утешение и моральную поддержку в ежедневных молитвах о даровании победы, в молебнах о здравии родных и близких. Проповеднической деятельностью и своим примером православные священнослужители вдохновляли к активному участию в организации отпора врагу.

Полковые священники готовили паству к тяжелым испытаниям. Священнослужители на поле брани оказывали помощь раненым, облегчали их страдания в лазаретах. Перед боем с напутствием обходили войска, а после сражения они через слова утешения и молитвы облегчали страдания раненых и отпевали погибших.

Русская Православная церковь всегда материально оказывала помощь государству, практически по всем приходам собирались пожертвования на нужды войны.

Но самое главное: во всех сложных обстоятельствах военных действий Православная церковь не перестает служить укреплению морального единства нашего народа.

Библиографический список

1. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 5. СПб., 1876.
2. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 4. СПб., 1875.
3. Там же.
4. Война и Петроградское духовенство. Казанский собор. // Известия по Петроградской епархии. 1915. № 4.
5. Известия по Петроградской епархии. 1915. № 8.
6. Капков К. Военное духовенство Российской империи. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravoslavie.ru/28242.html> (дата обращения: 07.01.2023).
7. Архив Санкт Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3 (2). Д. 4.
8. Архив Санкт Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 2 (3) Дело протодиакона Старопольского Александра Александровича.
9. Кононенко В. Память блокады // Наука и религия. 1988. № 5.
10. Война и общество 1941–1945 / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004.

Е.С. Ревякин,

доцент, Ивановский государственный университет

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ
И РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В 1929–36 ГОДАХ
(по материалам Ивановской Промышленной области)**

В 1929–36 годах государство проводило активную антирелигиозную политику. Прежде всего это выразилось в массовом закрытии храмов, которое осуществлялось административными методами, сопровождалось нарушением законности, вызывало сопротивление духовенства и верующих.

Ключевые слова: церковь, духовенство, атеистическая пропаганда, государственно-церковные отношения, религиозные организации, религиозность, атеизм.

E.S. Revyakin,

Associate Professor, Ivanovo State University

**RELATIONS BETWEEN THE STATE
AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN 1929–36
(based on the materials of the Ivanovo Industrial Region)**

In 1929–36, the state pursued an active anti-religious policy. First of all, this was expressed in the mass closure of churches, which was carried out by administrative methods, was accompanied by a violation of the rule of law, caused resistance of the clergy and believers.

Key words: church, clergy, atheistic propaganda, state-church relations, religious organizations, religiosity, atheism.

Взаимоотношения государства с религиозными организациями с конца 20-х годов строились на основе резкого ужесточения политики в религиозном вопросе, когда государство перешло в открытое наступление на религию, всячески боролось с ней. Основанием для этого стало то, что партийно-государственное руководство страны увидело в религии «помощницу классового врага», «единственную легальную контрреволюционную организацию». В связи с этим был провозглашен лозунг «Борьба с религией – борьба за социализм». Характерным проявлением этой борьбы стало массовое закрытие православных церквей и других культовых зданий. При этом учитывалось мнение только неверующей части населения, а общины верующих могли лишь обжаловать решение местных органов власти в вышестоящих инстанциях.

Однако ходатайства об оставлении в их пользовании культовых зданий в подавляющем большинстве случаев отклонялись. Кроме того, закрытие храмов осуществлялось с грубейшими нарушениями законодательства того времени.

Во-первых, кампания по сбору подписей за закрытие храмов часто сопровождалась всесторонним давлением на людей с угрозами ссылки, ареста противников закрытия. Во-вторых, большинство церквей было закрыто сельсоветами самовольно, без учета мнения населения, решения вышестоящих органов власти и соответствующей подготовительной работы. Проверки показали, что данное явление в период 1929–30 годов было характерно для большинства районов области. В итоге на территории Ивановской области на 1 января 1936 года было 575 действующих церквей, но только 234 из них были закрыты официально. Остальные были незаконно ликвидированы сельсоветами или райисполкомками. В это число входили и фактически действующие, но официально незакрытые церкви [5, л. 67].

В-третьих, административная ликвидация храмов во многих районах была тесно связана с насильственной коллективизацией, которая сопровождалась массовым закрытием церквей. Журнал «Безбожник у станка» писал в связи с этим: «Воинствующий безбожник сам понимает, что колхоз с церковью и попом – это нечто достойное юмористического журнала», сплошная коллективизация требует от воинствующих безбожников решительной постановки вопросов о закрытии церквей, мечетей, синагог, баптистских, евангелистских и т. д. помещений, переливки колоколов в полезные вещи» [10, с. 2].

Кроме того, ликвидации культовых зданий нередко сопутствовало осквернение храмов, публичное сожжение икон и других предметов религиозного культа. Это оскорбляло верующих, вызывало их недовольство. В результате администрирования со стороны местных органов власти количество действующих молитвенных зданий в Ивановской области за период 1929–30 годов сократилось в области с 3187 до 2500 [8, с. 16], а число православных общин с 2941 до 2482 [2, с. 5–6].

В целом грубые формы и методы с борьбы с религией, нарушения законности вызывали недовольство духовенства, верующих и сектантов. Это выразилось в попытках всячески препятствовать закрытию церквей, снятию колоколов, в результате чего происходили столкновения и конфликты между верующими и представителями власти, активистами Союза воинствующих безбожников. Профессор Белградского университета С.В. Троицкий, эмигрировавший из России, писал по этому поводу: «Иногда из-за закрытия церквей между комсомольцами и верующими происходили настоящие сражения с убитыми и ранеными» [12, с. 26]. При этом имели место такие явления как агитация против

Советской власти и ее мероприятий, массовый выход из колхозов, после закрытия церквей. Кроме того, часть духовенства и верующих открыто выступила против Советской власти, что выразилось в антиправительственных демонстрациях и выступлениях, участии в различных террористических актах. В ответ на это Советская власть применила репрессивные меры, которые коснулись и высших церковных иерархов.

Стремясь спасти Русскую Православную церковь от полного разгрома, ее фактический предстоятель митрополит Сергей (И.Н. Страгородский) в интервью представителям советской и зарубежной печати в феврале 1930 года был вынужден публично отрицать факты гонений на церковь, необоснованного закрытия храмов, грубых нарушений свобод вероисповедания. Он утверждал, что духовенство и верующие преследуются не за религиозную, а за контрреволюционную деятельность, как и остальные граждане. При этом церкви закрываются по просьбам местного населения и только с согласия верующих [6]. Однако вскоре он направил председателю постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П.Г. Сидовичу меморандум, в котором ярко описал реальное положение дел в религиозной сфере. При этом он особо подчеркнул, что при закрытии храмов необходимо учитывать не мнение неверующих, а наличие прихожан, которые хотели бы использовать данное церковное здание [3, с. 32–34].

В условиях резкого обострения внутривластной обстановки в стране, роста сопротивления со стороны значительной части верующего населения проводимой политике в религиозной сфере партийно-государственные органы были вынуждены принять меры по преодолению допущенных перегибов в области борьбы с религией. Основанием для этого стало Постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» [7, с. 103–104]. Так, Ивановское областное административное управление 10 декабря 1930 года в специальном циркуляре в адрес райисполкомов потребовало соблюдения законности при закрытии церквей, глубокого обоснования необходимости этого [5, л. 1–2].

С 1931 года отношения государства с религиозными организациями в области строились на тех же принципах, что и раньше. Однако партийно-государственные органы стремились к более строгому соблюдению закона, недопущению прежних ошибок. Комиссия по вопросам культов при Президиуме Ивановского облисполкома, созданная в 1931 году, контролировала соблюдение законности, отклоняла ходатайства райисполкомов о закрытии храмов в случае их недостаточного обоснования, в результате число закрываемых церквей значительно сократилось. Так, в 1935–36 годах в области закрывалось только по 30–50 церквей. Однако в целом антирелигиозная деятельность государства привела

к значительному сокращению числа действующих храмов. Так, в 1937 году в Ивановской области (в границах 1936 года) действовало 63 % церквей от их количества в 1917 году [4, л. 63]. Этот показатель является очень высоким, поскольку в СССР он составил 28 %, в РСФСР – 35,6 %, в Украине – 9 %, в Азербайджане – 4,3 % [9, с. 54].

Главная причина ошибок и перегибов на антирелигиозном фронте заключалась в глубоком противоречии между задачами антирелигиозной политики и методами ее осуществления. Партийно-государственное руководство требовало от местных органов власти бороться с религией как с «классовым врагом», но без нарушений законности. Однако это было невозможно без длительной и тщательной культурно-просветительской работы с населением. Кроме того, установка партии на «воинствующее безбожие», враждебность многих религиозных организаций к Советской власти, их тайное или явное противодействие ее мероприятиям в условиях «наступления социализма по всему фронту» и сплошной коллективизации питали идеи о необходимости «покончить» с религией как можно скорей. Партийные и советские работники несогласные с этим обвинялись в «примиренчестве», в «правом уклоне», который, по утверждению И.В. Сталина, являлся главной опасностью на пути к социализму [11, с. 346–347]. Поэтому местные органы власти были вынуждены нарушать закон, применять административные меры. Они склонялись к «левым загибам», так как быть обвиненным в них было менее опасно, чем в «правом уклоне». Представитель Русского зарубежья богослов А.А. Боголепов так писал по этому поводу: «На насилии толкала сама идеологическая установка коммунизма по отношению к религии». По его мнению, если религию и коммунизм противопоставлять друг другу как «два мира», находящихся в непримиримой борьбе так, что «где побеждает религия, там ослабевает коммунизм», то религия «неизбежно оказывается стоящей на дороге к коммунизму». Поэтому при беспощадной враждебности марксизма ко всякой религии атеизм «мог и должен был стать воинствующим» [1, с. 18–19].

Впоследствии государство отказалось от грубых и административных форм и методов политики в отношении религии. В результате взаимоотношения между государством и религиозными организациями перестали носить характер конфликта и противостояния. Однако конечная цель в религиозном вопросе осталась прежней. Атеистическая пропаганда, борьба с любыми проявлениями религиозности сохраняли статус государственной политики вплоть до конца 80-х годов, когда наступили коренные перемены в жизни общества, в том числе и сфере государственно-церковных отношений.

Библиографический список

1. *Боголепов А.А.* Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958.
2. *Головкин А., Попов И.* Рясники и сектанты Ивановской области. Вып. 2. Иваново, 1930.
3. *Глеб РАР (А. Ветров).* Плененная церковь. Франкфурт-на-Майне, 1954.
4. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 5. Д. 1314.
5. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 24.
6. Известия. 1930. 16 февраля.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1984.
8. На ленинском пути. 1930. № 11–12.
9. На пути к свободе совести. М., 1989.
10. *Сарабьянов В.* Сплошная коллективизация и антирелигиозная работа // Безбожник у станка. 1930. № 2.
11. *Сталин И.В.* Ответ товарищам колхозникам // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 2-е изд. М., 1952.
12. *Троицкий С.В.* Почему и как закрываются храмы в Советской России. Белград, 1931.

УДК 94 (574) «19/20»:2-76

З.Т. Садвокасова,

главный научный сотрудник Института истории и этнологии им.Ч. Валиханова

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КРЕЩЕНИЯ КАЛМЫКОВ В КАЗАХСТАНЕ В 60–70-Х ГОДАХ XIX ВЕКА (по материалам ЦГА РК)

Во второй половине XIX века после подавления восстания против империи Цин на территорию Казахстана переселяются уйгуры, дунгане и вместе с ними, калмыки. Среди них проводилась миссионерская работа православными проповедниками. Принимая новую веру, обучаясь русской грамоте, ремеслу, калмыки, тем не менее, нарушали каноны русской православной церкви, сохраняя свои традиции.

Ключевые слова: калмыки, вера, православие, крещение, миссионер, священник.

Z. T. Sadvokasova,

ChRF of Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology

**SOURCES FOR STUDYING OF THE BAPTISM OF KALMYKS
IN KAZAKHSTAN IN THE 60–70s OF THE XIX CENTURY
(According to the materials of the CSA of the Republic of Kazakhstan)**

In the second half of the XIX century, since a failed uprising against the Qing Empire, Uighurs, Dungans and Kalmyks moved to the territory of Kazakhstan. Among them, missionary work was carried out by Orthodox preachers. Accepting a new faith, trained in Russian literacy and crafts, the kalmyks, however, violated the canons of the Russian Orthodox Church, keeping their traditions.

Key words: Kalmyks, faith, Orthodoxy, baptism, missionary, priest.

Деятельность православных миссионеров в Казахстане, по некоторым сведениям, относится к началу XIX века. Она была еще слабо развита, но некоторые результаты уже имела. Они были связаны с крещением купленных детей у бедных казахов. Дальнейшее распространение православие шло в районах, приграничных с территорией Российской империи. Основной контингент неофитов был представлен беднейшей частью казахского населения, что подтверждается высказываниями отдельных высокопоставленных чиновников колониальной администрации. «Известно,

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта по программно-целевому финансированию КН МВОИ РК OR11465469 по теме: «Разработка академического издания «История Казахстана» с древнейших времен до наших дней» в семи томах»

что все принявшие до сих пор православную веру киргизы принадлежат к числу бедняков, кочующих вблизи линии, следовательно, вблизи русских поселений, и нет между ними ни одного зажиточного. Поэтому не подлежит сомнению, что движимую силою в перемене религии было не убеждение в несостоятельности исповедуемой религии, а по преимуществу какие-либо материальные расчеты» [1, л. 12].

Как свидетельствуют документы именно на эту категорию кочевников делали ставку миссионеры. Позже, в числе крещенных были личности, более обеспеченные и зажиточные. Но численность их была незначительна. Неслучайно представители гражданской администрации отмечали, что если православная церковь протянет руку помощи этим отверженцам мусульманского мира, то в самом непродолжительном времени они образуют многолюдные и зажиточные селения, вокруг которых сгруппируются постепенно и прочие небогатые киргизы, утомленные борьбой с лишениями, необеспеченностью и опасностями кочевой жизни. Не исключением стали нерусские переселенцы в Казахстане.

К числу их относятся калмыки, представляющие собой одну из этнических групп многонационального Казахстана. Их появление на казахской земле связывают с насильственной депортацией народов в годы Великой Отечественной войны [2].

Однако переселение калмыков в пограничную область с Китаем произошло намного раньше – во вторую половину XIX века, когда в 1865–1866 годах в «Семиреченскую область перешло 15 тыс. беженцев» [3, с. 7].

Цель доклада – на основе документальных материалов Центрального государственного архива Республики Казахстан показать процесс христианизации калмыков в первые годы проживания в новых обстоятельствах.

В 1868 году в предписании генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана военному губернатору Семиреченской области Г.А. Колпаковскому указывается о необходимости ассигновании средств на содержание церковного причта и учителя для китайских переселенцев «вступивших в русское подданство и пожелавших принять православную веру». Для этого было решено «внести подлежащее подразделение расходной сметы Главного интендантского управления на 1868 г. 920 руб.» [4, л. 1].

Православие принимали семьями. Крещенные полностью освобождались от государственных податей, если к моменту перехода в православие ими не уплачивалась кибиточная и другие виды налогов в местах своих причислений в списке калмыков, принявших новую веру в Алматинской церкви города Верного, 3 декабря 1868 года перечисляются лица с указанием родственных связей: отец, сын, дочь, брат. Самому маленькому мальчику Шубке было семь лет, ставшему Николаем. Девушка Бюльта 11 лет, получила имя Варвара. Юноше Шара в 14 лет, дали новое имя Иоанн. Крещенные мужчины: Амыр-Менде, Чага-дешы, Раши в возрасте 59, 60 лет, 71 года стали именоваться соответственно: двое Николаями и один – Иоанном [5, л. 9].

Будучи в сложной жизненной ситуации, гонимые из насиженных мест на чужбину, они нуждались в самом необходимом. И поддавшись на обещания православных миссионеров, и получая порой поддержку со стороны гражданской администрации, калмыки отказывались от своей веры. Как приведено выше, довольно немолодые люди становились неопитами. Кстати, выдаваемые пособия были настолько мизерными, что хватало лишь на самые необходимые вещи. О выдаче пособия, принявшим православие калмыцким семьям в 1869 году выдавалось «по 5 руб. на семейство, собственно, на покупку местных материалов для покрытия избушек, вырытых ими в земле» [5, л. 99].

Крещенные калмыки не всегда проявляли преданность новой вере и русскому правительству. Священнослужители и миссионеры докладывали гражданскому начальству о нарушении новокрещенными канонов русской православной церкви. Так, в письме от 10 ноября 1869 года священника Василия Покровского генерал-губернатору Степного края Г.А. Колпаковскому отмечалось несоблюдение ими догматов христианства. «В первом письме моем, от 3 апреля, я имел честь доложить Вам, что крещенные саркандские калмыки не выказывают доселе ни усердия и расположения к Церкви, ни желания расставаться со своими старыми обычаями, костюмом, косами и пр., чтобы могли походить на крещенных, хотя по внешности. До утверждения моего миссионером, а говорил им как «частный человек», что, если они крестились, приняли подданство, и наконец, согласно их же личному желанию, приняты казачье сословие, после этого уже, жить по-калмыцки, шить новые калмыцкие костюмы, носить косы и не выказывать ни малейшего расположения к церкви, – значит, обманывать Бога и русское правительство» [4, л. 139].

Далее священник пишет о том, что к нему для венчания явились два кара-калмыка, ранее принявшие православие. Возмущение у него вызвало то, что «жених в косе, невеста в полном, своем, калмыцком уборе и шапке, мало того, перекреститься не умеют» [4, л. 139].

Причем, священник неоднократно предупреждал молодых людей, что посещение церкви также обязательно, как и правильно креститься. «Потом, призвал в школу отцов жениха и невесты, и сделав им внушение сказал, что допуская костюмы их, я требую от жениха, чтобы он острил косу, а от невесты, чтобы явилась на венчание без шапки и без этих сделанных из лошадиного хвоста, кос, которые висят у нее до колен по обе стороны» [4, л. 142].

Самое интересное то, что священник услышал от родителей жениха и невесты, заявивших о прошедшем обряде венчания жениха и невесты по калмыцкому закону. «Бросить свои обычаи, костюмы, косы, и учиться жить по-русски, ходить в церковь и прочим требованиям от них, они удивляются, потому что они с тем и крестились, чтобы 15 лет жить по старому, что им так и начальство сказало об этом» [4, л. 173].

Заканчивая свое письмо, священник с сожалением отмечает, «что же я за миссионер, если моих убеждений и законных требований не будут исполнять калмыки и вовсе не будут меня слушать. Покорнейше прошу Ваше превосходительство обратить на это Ваше начальническое внимание».

В скором времени внимание было обращено. 3 марта 1870 года в рапорте командира 1-го конного полка Семиреченского казачьего войска

войскового старшины Половцева из Копала военному губернатору Семиреченской области Г.А. Колпаковскому указывалось, что если новокрещенные не внимают совету миссионера священника Василия Покровского – не заводить вновь калмыцкого платья, стричь косы, то принудить их к этому [4, л. 200–200 об.]. Реакция крещеных калмыков на насильственное изменение внешнего вида была довольно резкой, так как они категорично отказывались выполнять эти указания. «Я объявил предписание, чтобы не заводить им вновь калмыцкого платья и обрезать косы, как они калмыки на принуждение мое с азартом отвечали в присутствии миссионера Покровского, что мы косы стричь не согласны, лучше обрежете нам головы, нежели наши косы. Конечно, силою я таковы обстричь косы не могу» [4, л. 201–202].

Ограничиться принятием новой веры было недостаточно. Встал вопрос о распространении русской грамоты среди крещеных калмыков. О некоторых результатах проводимой работы на поприще просвещения 4 октября 1870 года пишет в своем письме миссионер Василий Покровский из выселка Саркандский военному губернатору Семиреченской области Г.А. Колпаковскому: «Развитие русской грамотности между детьми новокрещенных с Божьею помощью идет вперед. Кроме обучающего 29 человек, мною ныне набрано вновь еще 10 мальчиков (5 из солонов и 5 кара-чакыр калмыков). Но эмигрантская школа помещена мною опять пока отдельно. Причина этому та, что выселковая школа, несмотря на заверения общественников окончить постройку оной к 1-му сентября, не отстроена и по сие время» [4, л. 243].

Миссионер добивается прибытия двух мастеров из Туркестанского батальона, которые должны были обучать детей калмыков сапожному и столярному мастерству. Проповедник православия указывает на желание молодых людей обучаться этим ремеслам. Однако вновь возникает проблема, упирающаяся в наличии помещения, которого «в Саркандском выселке не имеется, то потому осмеливаюсь почтительнее спросить Ваше превосходительство, на какие источники я могу нанять в Саркандском выселке помещение под мастерскую для обучения сапожному и столярному ремеслам саркандских эмигрантов» [4, л. 243].

Василий Покровский добивается соединения выселковой и миссионерской школ, обучение в которых поможет закрепить православие среди калмыков. Как пишет миссионер он берет на себя и воспитательное руководство. «По присоединении к эмигрантским ученикам казачьих детей выселка, преподаваемые мною для первых в миссионерской школы предметы: русский язык, закон Божий и арифметика, оставаясь за мною по должности учителя миссионерской

школы, будут уже преподаваться для всех вообще учеников, как эмигрантских детей, так и казачьих, а для обучения первоначальному чтению и письму в миссионерской школе я имею в настоящее время при себе псаломщика» [4, л. 300–301].

Успехи миссионера подтверждаются отдельными цифровыми данными. Так, за период с 28 января по 18 мая 1871 года на станции Урджарская было крещено 110 калмыков [5, л. 209, 232]. Миссионер описывает обряд крещения: «Все старые и малые и матери с младенцами на руках охотно шли к купели и крестились. Один отец, вышедший из купели, заметив, что 10-летний сын его стесняется взойти в купель, мгновенно схватил его за руки и сам троекратно погружал его в воду [5, л. 209]. На другой день новокрещенные эмигранты приняли присягу подданства России и дали подписку поселиться на местах, указанных правительством. «По принятии присяги на подданство, из позаимствованных денег, много выдано было им на каждую душу по 2 рубля серебром в счет следующего им пособия от нашего правительства, и впредь до особого распоряжения судебного высшего начальства» [5, л. 210].

Вместе с тем, имеются факты отказа от принятия православия отдельными крещеными калмыками, что вынуждало церковных служителей обращаться на прежнее местожительство с выяснением обстоятельств. В письме от 2 августа 1874 года старшине Семиреченского православного братства по поводу крещения калмыка Василия Чобда с сыновьями отмечается, что один из них «отзывается, что он не был крещен, а потому и не отрезает свою косу и не носит креста» [6, л. 85]. Из беседы с ним выясняется, что он не имеет никакого понятия о христианстве. Не исключено, что в погоне за количеством некоторые проповедники православия, недобросовестно проводили работу среди калмыков.

Таким образом, изучение документальных материалов по проблеме крещения калмыков позволяет увидеть многостороннюю работу по распространению христианства в Казахстане не только среди коренного населения, но и нерусских переселенцев. Результатом проводимой работы явилось то, что среди калмыков сегодня встречаются приверженцы буддизма и православия.

Библиографический список

1. ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1889.
2. <https://assembly.kz/ethnos/kk/kalmyki/>
3. Мухатова О.Х., Курманалина Н.Н., Садовкасова З.Т. Деятельность православных миссионеров среди калмыков Семиреченской области во второй половине XIX века // Новый исторический вестник. 2022. № 3.

4. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29261.
5. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29302.
6. ЦГА РК. Ф. 234. Оп. 1. Д. 1.

УДК 256

Д.И. Сазонов,

протоиерей, профессор, Костромская духовная семинария (Кострома)

ПРИНЦИПЫ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРАКТИК СОБИРАНИЯ ЦЕРКОВНОЙ ОБЩИНЫ НА ПРИМЕРЕ РУКОВОДСТВ Н. НЕПЛЮЕВА И ЕПИСКОПА МАКАРИЯ (ОПОЦКОГО)

Яркими представителями обновления христианской общинной жизни в начале XX века стали Н. Неплюев и епископ Макарий (Опоцкий). Анализ документов и исторических материалов позволил определить главные мотивы объединения людей, которыми являются христианская любовь и единение в вере. Опыт приходских православных братств и сестричеств способствовал сохранению церковных объединений вплоть до конца 1940-х годов и осуществлению свидетельства о вере в советском обществе, оставаясь актуальным в наши дни.

Ключевые слова: община, братство, приход, пастырь, верующие, общество.

D.I. Sazonov,

Archpriest, Professor, Kostroma Theological Seminary (Kostroma)

PRINCIPLES AND MAIN PROVISIONS OF THE PRACTICE OF GATHERING THE CHURCH COMMUNITY ON THE EXAMPLE OF THE LEADERSHIP OF N. NEPLYUEV AND BISHOP MACARIUS (OPOTSKY)

N. Neptyuev and Bishop Macarius (Opotsky) became prominent representatives of the renewal of Christian communal life at the beginning of the 20th century. The analysis of documents and historical materials made it possible to determine the main motives for uniting people, which are Christian love and unity in faith. The experience of parish Orthodox brotherhoods and sisterhoods contributed to the preservation of church associations until the end of the 1940s and the implementation of the testimony of faith in Soviet society, remaining relevant today.

Key words: community, brotherhood, parish, pastor, believers, society.

Непреходящим интересом в настоящее время пользуется тема строительства приходской жизни Православной Российской Церкви в начале XX века. В этой связи изучение конструктивных положений

христианских трудовых общин Н. Неплюева и епископа Макария (Опоцкого) позволяет решить сразу несколько задач: предлагает опыт организации приходской жизни и модель объединения всего общества на принципах христианской трудовой общины. Предполагавшим возникновение Всероссийского братства проектом Н. Неплюева, которое было призвано объединить множество приходов по всей России.

Анализируя имеющийся архивный и исследовательский материал отметим, что в России в начале XX века наблюдался невероятное пробуждение гражданского общества выражающееся в создании гражданских союзов и обществ. Особенно это движение приняло массовый характер после Манифеста «о гражданских свободах» от 17 октября 1905 года [8, с. 150–151]. Организация обществ и союзов происходила не только в гражданском обществе, но и параллельно, этот процесс активно происходил в обществе церковном. В конце XIX – начале XX века среди духовенства и мирян шла широкая полемика по реформированию и обновлению всего строя церковной жизни. Предлагались различные модели реформ и обновления жизни церковных учреждений, в том числе, по «оживлению» приходской организации, превратившейся из некогда живого общественного организма в номинальную административную единицу [12, с. 13]. Исследователь наследия и исторического опыта братств Н. Неплюева и еп. Макария М.В. Шилкина пишет, что движение по организации «живого опыта Церкви» объединило все сословия: мирян и богословов, интеллигенцию и простолюдинов, представило альтернативу революционным брожениям в Российском обществе, получило свое развитие «в последующую эпоху гонений и расколов» [14, 31].

Следует заметить, что объединение людей на основе совместного христианского делания и актуализация евангельских принципов не была идеей новаторской. Воплощение христианского идеала жизни получило свое развитие на Руси еще в XIV–XV вв. в областях Северной Фиваиды – Олонецких, Вологодских, Белозерских, Костромских землях [13, с. 148–149]. Именно в этих краях создавал впоследствии в 1920–1930-х гг. свои приходские братства епископ Макарий. Они были организованы в костромских Буге и Галиче, Кирове и Новгороде. Опыт общинной жизни шел из глубины веков. Востребованность его особенно стала насущной после отмены крепостного права в середине XIX века, когда в результате общественного движения по реформированию общественных институтов возникли различные практики организации приходских общин, объединявших верующих под руководством как духовенства, так и «духоносных старцев» из среды мирян. Братства имеющие различные цели: от просветительских, миссионерских, до обществ трезвения [6, с. 17]. Основной целью создания трудового братства, как христианской общины в конце XIX – начале XX века были ее

соответствие общине христиан апостольского времени (Деян 4:32-37) [2, с. 1166]. Актуализация христианских идеалов соответствовала идее обновления Церкви и потребности изменения прежних формализованных устоев. Возрождение приходской общины, по мнению Н. Нелюбова было невозможно без возвращения к опыту Церкви первых веков христианства. Его взгляды полностью разделял еп. Макарий, согласно формулировке которого создание трудовой общины имело целью: «религиозно-нравственное совершенствование личности до уподобления Христу» [1, с. 273].

Таким образом, историческая ретроспектива показывает, что идейная преемственность трудовых христианских братств берет свое начало из общежительных монастырских объединений. Из монастырей общежитие трансформировалось в идею «монастыря в миру», малой монастырской «обыденной» общины, опытом объединения под наставничеством старцев на приходе, при приходской церкви. Например, в XX веке ярким примером такого объединения может служить покаянная (покаяльная) община протоиерея Алексея Мечева [10, с. 44–45]. Практика сестринской общины без принятия монашества с целью социального служения была учреждена в созданной Марфо-Мариининской обители в 1909 году [5, с. 99–101].

Однако идея собирания людей в церковную приходскую братскую общину, где уважалось и приветствовалось личностное духовное преображение, где клерикальное руководство не было возведено в ранг абсолюта власти, было идеей неординарной для синодальной Церкви, уже забывшей эпоху старообрядческих скитов XVII века. В церковной среде такие начинания вызвали негативную оценку. Возникшие общины Н. Неплюева, а затем еп. Макария, обвинялись в ереси и сектантстве [11, с. 73–74]. Практическая реализация преюкта трудовых общин воспринималось церковной и гражданской администрацией неоднозначно. Тем более, что руководство общинной, согласно проекта Н. Неплюева должны были возглавить не обязательно священники, сколько люди духовно опытные и радеющие за дело – блюстители братства из мирян.

Задача ставилась широко – главной идеей Н. Неплюева при создании Крестовоздвиженской трудовой общины было желание и стремление обновить, возродить не только локальный церковный приход, но и в целом, российское общество. Предлагаемая модель трудовой общины могло направить освобожденные силы народа на духовное возрождение, а не на изменение государственного строя революционным путем. Продолжая дело Н. Неплюева, епископ Макарий обвиняя формализм современной ему церковной жизни указывал, что изменения должны коснуться в первую очередь «внутреннего человека», а не делом формального проекта. Он видел выход из создавшегося пагубного для

церковного общества положения в «обновлении ума» и обновлении человека созданного Богом «в праведности и святости истины» (Еф. 4:23-24), т. е. «нового человека во Христе» [2, с. 1282]. Считал, что обновление людей должно начаться с пастырей, как духовных наставников общества. Полагал, что под руководством таких наставников дело обновления приходской общины-братства будет успешным [7, с. 309–310]. Цель создания общины он видел в нравственном совершенствовании личности и общества до соответствия ее «братски-общинной жизни первохристиан» [11, с. 73–74]. Общинная жизнь понималась им в совокупности богослужбной, экономической, сакральной и бытовой. Новый характер был дан не только экономической целесообразности собранного общества, но в первую очередь осмыслению человеческой жизни и труда в понятиях соработничества и актуализации творчества Бога и человека в мире. В общей творческой жизни Н. Неплюева и еп. Макария получили свое развитие богослужбная жизнь и гимнография. Неплюевская «исповедь» – отчеты о деятельности братства, как описывает Д. Гасак, носили характер свидетельства перед Богом и людьми как древней христианской всенародной исповеди [4, с. 71].

Аналогию братства еп. Макарий понимал как соподчиненность человеческих членов. По мнению владыки Макария, главной задачей на приходе было создание малой Церкви – братского общежития с духовным и экономическим единством [11, с. 73–74]. Для епископа Макария приходская община – это духовная семья, соединенная «братской любовью», где в первую очередь выдвигается добровольное служение старших младшим и наоборот: единство от общей кассы до миссионерского служения [7, с. 138]. Благоустройство братства, имеющего целью создания малой Церкви – Тела Христова, как части Церкви Соборной и Апостольской [3, с. 101].

Подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод об идейном единстве в целях и задачах создания трудовой общины созданной Н. Неплюевым и епископом Макарием, в основе которого были: а) реакция на формализм и утрату ценностного идейного начала между христианской общины первых веков и административной церковной единицы, б) желание обновления церковной жизни и понимание насущной потребности во внутреннем обновлении церковного прихода, неподвластном спущенным сверху распоряжениям, в) генерация из малого количества трудовых братств в повсеместную Всероссийскую структуру приходских организаций г) понимание духовных основ, могущих направить народную жизнь в созидательное русло.

Главным их отличием было понимание руководства братством. Неплюев предлагал руководство дать мирянам, оставив богослужбную часть священнослужителям. Он видел организацию, в первую очередь,

братством. Епископ Макарий видел братство – общину в смысле приходского служения и руководство мирянами в лице идейных клириков.

Начало 1920-х годов помогло воспроизвести опыт трудовых братств. После закрытия монастырей, разрешенные советским законодательством трудовые кооперативные союзы из монашествующих и мирян просуществовали вплоть до середины 1930-х годов, что позволяло под видом кооперативных сельхозпредприятий объединяться верующим в трудовые артели, сохранять свое внутреннее устройство и истинную организацию. Таких кооперативных предприятий было довольно много на территории современных Костромской и Ивановской, Владимирской областей [9, с. 98, 105]. Объединение трудовых приходских союзов смогли в условиях советской власти сохранить церковную организацию и затем, после их ликвидации, в лице оставшихся на свободе членов трудовых общин, передать религиозные убеждения новым поколениям.

Идея соответствия христианской истине и жизни в общине в наши дни не перестает быть актуальной. На место ушедшим поколениям, встанут другие христоносцы.

Библиографический список

1. Архив УФСБ по Новгородской области Д. 1/a12983.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. United Bible Societies, 1991.
3. *Буданова А.В.* Понятие личности и общины в пастырской практике епископа Макария (Опоцкого)//Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. М., 2025. Вып. 13.
4. *Гасак Д.С.* Принципы пастырского служения основателя Крестовоздвиженского трудового братства Н.Н. Неплюева // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. Вып. 40.
5. *Горинов М., Иванова Е., Шарипов А., Войтиков С.* Марфо-Мариинская обитель милосердия. 1909–2009. К 100-летию создания Обители. М.: Белый город, 2009.
6. *Григорьев Н.И.* Общества трезвости: их организация и деятельность за 1892–1893 гг. СПб., 1894.
7. *Дмитриенко А.Г.* За святую правду любви и братства: Епископ Макарий (Опоцкий), 1872–1941. Биография. Проповеди. Письма Литургическое наследие. Воспоминания. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2021.
8. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 150–151.
9. *Зыбковец В.* Национализация монастырских имуществ в России (1917–1921 гг.). М., 1975.
10. Отец Алексей Мечев: Воспоминания. Письма. Проповеди. Надгробное слово о себе самом / ред., сост. Н.А. Струве. Paris: YMCA-PRESS, 1989.

11. Письмо епископа Макария Святейшему патриарху Тихону от 7 марта 1924 года. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 273.
12. Собрание Определений и Постановления Священного Собора Православной Российской Церкви. 1917–1918. Вып. 3. М., 1994.
13. *Федотов Г.П.* Святые центры Руси. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1989.
14. *Шилкина М.В.* Исторические модели взаимоотношений Русской православной церкви и государства и их влияние на современные церковно-государственные отношения // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского института. 2014. Вып. 9.

УДК 37(091)(47).083

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0600-9543>

Г.В. Седова (инокиня Евфросиния),

PhD (History). Mg. Theology. Латвийская Православная Церковь (Рига)

СОТРУДНИЧЕСТВО РИЖСКОЙ ЕПАРХИИ И РЕАЛЬНОЙ РУССКОЙ ГИМНАЗИИ Л.И. ТАЙЛОВОЙ, КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.

Статья посвящена опыту развития отношений в сфере просвещения между Рижской епархией и Реальной русской женской гимназией Л.И. Тайловой. Созданное учебное заведение в конце XIX века активно развивалось и стало в первой половине XX века ведущей школой для русских девушек в Прибалтике. В центре исследования – создание центра образования европейского типа для русских женщин в Латвии в системе формирования культурной и религиозной идентичности.

Ключевые слова: русская гимназия Людмилы Ивановны Тайловой, женское образование в Латвии, Рижская епархия, епископ Рижский Агафангел (Преображенский), семья Тайловых.

G.V. Sedova (sister Euphrosyne),

Ph. D. in History. Mg. Theology. Latvian Orthodox Church (Riga)

COOPERATION BETWEEN THE RIGA DIOCESE AND THE REAL RUSSIAN GYMNASIUM OF L.I. TAILOVA, LATE XIX – EARLY XX CENTURIE

The article is devoted to the experience of developing relations in the field of education between the Riga Diocese and the Real Russian gymnasium of L.I. Tailova. The educational institution established at the end of the 19th century actively developed and in the first half of the 20th century became the leading school for Russian girls in the Baltic states. The center of the study is the creation of a European-type

education center for Russian women in Latvia in the system of formation of cultural and religious identity.

Key words: Russian gymnasium of Lyudmila I. Tailova, women's education in Latvia, Diocese of Riga, Bishop of Riga Agafangel (Preobrazhensky), the Tailovs family.

Фамилия Тайловых неразрывно связана с историей Прибалтики. Гимназия Людмилы Ивановны Тайловой (1851–1938) стала первой русской женской школой в Риге и просуществовала около полувека. К сожалению, данная тема является на периферии объектов изучения латвийских историков. Для исследования поставленной проблематики использовался корпус документов Латвийского Государственного исторического архива, публикации периодической печати, воспоминания клириков и прихожан Латвийской Православной Церкви. Целью исследования стало сотрудничество Реальной русской женской гимназии Л.И. Тайловой и клира Рижской епархии. Одной из поставленных задач стало изучение деятельности начальницы учебного заведения.

Тайловы происходили из старинных купцов Ярославской губернии. Религиозный уклад жизни семьи был тесно связан с православием и церковной жизнью Рижской епархии. В Митаве семейство посещало собор Симеона и Анны, а после переезда в Ригу стали прихожанами кафедрального собора Рождества Христова. Рижские архиереи пристальное внимание уделяли духовному образованию паствы. После назначения на кафедру епископа Рижского и Митавского Агафангела (Преображенского, 1854–1928) жизнь православных заметно активизировалась. В приоритетных задачах были вопросы просвещения. Например, в 1900 г. владыка рекомендовал открыть приходские библиотеки на приходах, взяв за образец начинание кафедрального собора в Риге. Затем вышел с предложением на съезде духовенства устроить ежегодные учительские курсы для преподавателей православных школ епархии [9, с. 43]. Так, в 1903 году «Рижские Епархиальные Ведомости» писали, что «Религиозно-просветительское общество», которое открыл владыка Агафангел в городе Риге, все более и более расширяло свою просветительскую деятельность. Большое внимание общество уделяло истинным понятиям «о православной вере и христианском благочестии» [10, с. 730]. Религиозно-просветительское общество при кафедре Рижского архиепископа стало проводить регулярные нравственные беседы религиозного характера в городе. Начальница гимназии Л.И. Тайловаи её ученицы принимали участие в просветительских проектах правящего архиерея.

События Первой российской революции 1905–1907 годов способствовали подписанию Российским императором Николаем II в том

числе и закона о введении в частных учебных заведениях Прибалтийского края образования на местных языках. Впоследствии попечитель Рижского учебного округа разрешил преподавать в первых двух классах государственных школ и на родном языке учащихся [6, с. 13]. На этом политическом фоне требовались преобразования в крае, чтобы снизить социальную напряженность. Архиепией понимал проблематику ситуации и со своей стороны стал активнее вести диалог с русским сообществом и интеллигенцией. В январе 1907 года состоялось открытие Богословских курсов в гимназии Л.И. Тайловой. Перед началом лекций настоятель рижского Кафедрального собора Рождества Христова протоиерей Владимир Плисс (1862–1927), талантливый педагог и лектор, совершил молебен, на котором «присутствовали члены просветительского общества и слушатели курсов» [11].

Архиепископ Рижский Агафангел особый интерес проявлял к преподаванию Закона Божия в учебных заведениях Рижской епархии. Он старался бывать на экзаменах в гимназиях Риги. Такой визит состоялся 4 мая 1909 года, когда владыка присутствовал на экзамене по Закону Божию в гимназии Л.И. Тайловой [8, с. 352–353].

До Первой мировой войны женская гимназия активно развивалась и была популярна среди рижан. Около 600 гимназисток занимались на первом и втором этаже большого дома в престижной части Риги. Число учениц достигло своей рекордной цифры, а преподавательская корпорация насчитывала 40 учителей. Важным в истории гимназии стал 1914 год. Начальница гимназии Людмила Ивановна и ее сестра Евлампия Ивановна были пожалованы Российским императором Николаем II «золотыми медалями для ношения на шее на Александровской ленте» за заслуги на поприще общественного служения [12]. Этот период можно охарактеризовать, как время значительного процветания, продолжавшегося вплоть до начала войны и эвакуации гимназии в Москву.

С началом войны мирный уклад жизни гимназии был разрушен. К Риге стремительно приближался Германский фронт. По указанию военных властей в 1915 году учебные заведения Министерства народного просвещения в Прибалтике (в том числе Рижский учебный округ) срочно эвакуировали в глубь империи. 19 июля началась эвакуация и Рижской епархии. Для гимназии начался период скитаний и перемен. Учебное заведение обосновалась в Москве, оно занимало помещения в одной из московских школ. Волевой характер начальницы гимназии позволил продолжить учебный процесс и организовать занятия в вечернюю смену. Последующие революционные события в России вынудили в 1918 году Людмилу Ивановну и Евлампию Ивановну Тайловых вернуться в Ригу. Несмотря на время германской оккупации, занятия в гимназии возобновились, но уже с немецким языком преподавания

основных предметов. На тот момент замечался недостаток школ и по воспоминаниям учениц «гимназия была реального типа с уроками латыни и новых языков: немецкого, французского, английского, латышского и русского» [1].

После освобождения Риги гимназия постепенно возвращалась в привычный ритм школьной жизни. Но нанесенный материальный урон был непоправим. Например, не удалось получить эвакуированного в Россию наиболее ценного имущества гимназии. В тяжелые годы войны были утрачены все учебные пособия, все сбережения, сделанные в продолжение тридцати лет. Пропала гимназическая фундаментальная библиотека, а также оборудование уникального физического кабинета, которым так гордились ученицы. Не стало трёх концертных роялей, фисгармонии и многого другого. Об этих невосполнимых потерях писала Л.И. Тайлова к архиепископу Иоанну (Поммеру, 1876–1934). В последние годы пришлось начальнице из фонда гимназии приобретать и собирать все «по крупицам» [2].

С образованием независимого государства Латвии Л.И. Тайлова продолжила свою педагогическую деятельность. В 1924 году Рижская реальная гимназия торжественно отметила 40-летие. Газета «Сегодня» писала о гимназии: «Это общественное достояние, и все, кому дороги интересы просвещения в Латвии ... должны сегодняшний день считать праздником культуры» [2]. Положение гимназии оставалось еще относительно стабильным. Этому способствовал сплоченный коллектив и близкие помощницы Людмилы Ивановны, ее родные сестры: Евлампия Ивановна Тайлова, Ольга Ивановна Руцкая (урожд. Тайлова), Галина Ивановна Лисицина (урожд. Тайлова) и свояченица Александра Ивановна Тайлова (1855–1904) [7, с. 243–245].

За полувековой период существования учебного заведения русские педагоги, культурная общественность Риги и многочисленные почитатели Людмилы Ивановны Тайловой с особой торжественностью отметили три юбилея: 25-летие, 40-летие и 50-летие гимназии. В начале 30-х годов наступил экономический кризис, не избежала его и Латвия. Количество учениц сократилось до 300. Гимназия была частной, и родители оплачивали обучение. Вспоминал протоиерей Георгий Тайлов: «Право на обучение в гимназии приобреталось за плату. От платы освобождались дети учителей, успешные ученицы, за которых платил школьный Совет» [2]. Общий финансовый спад привел к тому, что оплата стала поступать от учениц нерегулярно, зарплата персоналу задерживалась, как следствие, учебное заведение стало испытывать большие материальные затруднения. Школа просуществовала почти полвека и закрылась в силу неотвратимых причин – обнищания населения. Безвременно ушли в мир иной верные помощницы и единомышленницы

Людмилы Ивановны – её сестры. Именно в это сложное время начальница гимназии нуждалась в добром совете.

Бедственное положение вынудило Людмилу Ивановну в 1930 году написать письмо архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру) с просьбой о помощи и поддержке. В частности, начальница сообщала, что расходы превышают все поступления, объясняя тем, что «дети русской национальности не в состоянии вносить требуемый для содержания гимназии капитал, а ученицы других национальностей обязываются посещать свои школы» [4. Ф. 7131. Оп. 1. Д. 18. Л. 219]. Без помощи города или правительства гимназия не в состоянии содержать себя. В заключение Л.И. Тайлова писала: «Обращаюсь к Вам, Ваше Высокопреосвященство, с просьбою выхлопотать для моей гимназии субсидию, дабы моя школа, стяжавшая себе имя благоустроенной и в смысле обучения почти первенствующей гимназией, не погибла, но продолжала спокойно работать на пользу семьи и общества. Все частные школы не русской национальности всесторонне поддерживаются или обществом, или правительством. В силу этого надеюсь, что Вы, Владыко, поможете удовлетворить насущную надобность русской школы» [4. Ф. 7131. Оп. 1. Д. 18. Л. 219]. Расходная смета на 1930/1931 г. превышал доходную часть на 12 012 лат, сумма была большая. Ответ архиерея неизвестен.

Но чего не могли сделать разрушительные война и революция, завершил кризис. В 1932 году Рижская реальная гимназия Л.И. Тайловой в связи с трудностями экономического характера закрылась, а ее начальница вышла на пенсию. Спустя время Людмила Ивановна отметила полувековой юбилей своей просветительской деятельности. На последнем Педагогическом совете гимназии в обращении к коллегам она с грустью констатировала: «Шестьдесят лет я жила поэзией, теперь для меня наступила проза. Я пошла в школу по призванию. В ней была моя радость, вся цель жизни. Теперь я не у дел. И мне тяжело...» [5, с. 2]. Начальница гимназии была в том возрасте, когда трудно переносить перемены в жизни. В возрасте 86 лет она умерла 9 апреля 1938 года. Отпевали её в рижском Кафедральном соборе Рождества Христова, а похоронили на фамильном участке в церковной оgrade Покровского храма одноименного старинного кладбища [2].

В завершение следует сказать, что Людмила Ивановна Тайлова в исторической памяти рижан остается яркой личностью среди представителей русского просвещения. Благодаря самоотверженности и незаурядным талантам ей удалось открыть первую русскую женскую школу и наладить сотрудничество с клиром Рижской епархии. Именно в 90-х годах XIX века, с русификацией Прибалтийского края, жизнь общества стремительно менялась. Людмила Ивановна как глубоко верующий человек смогла выстроить образовательную систему гимназии в

инославном окружении с глубокими корнями русской и православной культуры. Преданная своему делу, понимая его как ответственное служение, она стойко и мужественно боролась с вызовами XX столетия. Персональная история начальницы Реальной русской женской гимназии Л.И. Тайловой и сегодня вызывает пристальный интерес к ее наследию.

Библиографический список

1. Воспоминания Л.И. Квасовой. 1991 г. Рига.
2. Воспоминания протоиерея Георгия Тайлова. 90-е г. Огре.
3. *Завадский Э.В.* К 40-летию юбилею гимназии Л.И. Тайловой // Сегодня. 1924. 10 января.
4. Латвийский Государственный исторический архив ЛГИА (LNA LVVA). Ф. 7131. Оп. 1. Д. 18.
5. Людмила Тайлова – 50 лет школьной поэзии. *Es ieskatos tautās kā brīnīškā kokā.* Огре. 2005.
6. Обзор русской периодической печати. Выпуск XIII. Санкт-Петербург: 1910.
7. Покровское кладбище. Слава и забвение: сборник статей / сост. С. Видякина и С. Ковальчук. Рига: Multicentrs, 2004.
8. Посещение Его Высокопреосвященством частн. жен. гимназии г-жи Тайловой // Рижские Епархиальные Ведомости, 1909. № 10.
9. Рижские Епархиальные Ведомости. 1900. № 2.
10. Рижские Епархиальные Ведомости. 1903. № 8.
11. Рижские Епархиальные Ведомости. 1907. № 3.
12. Хроника // Рижский Вестник. 1914. № 283.

УДК 281.93

Ю.Н. Сергеев,

доцент, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий (Бирск)

УФИМСКАЯ ЕПАРХИЯ В СОБЫТИЯХ 1917–1921 ГГ.

Статья посвящена участию епархиального духовенства в социальных движениях 1917–1921 гг., таких как Октябрьский переворот 1917 г., гражданская война, голод 1921 г. Показано расслоение духовенства по политическим мотивам. Намечены первые шаги в новой системе государственно-церковных отношений на епархиальном уровне.

Ключевые слова: Уфимская епархия, епископ Андрей, Благовещенский монастырь, Уфа, В. Еварестов, Февральская революция, священник, епархиальное управление.

Yu.N. Sergeev,

Associate Professor, Birskey Branch of Ufa University of Science and Technology

THE UFA DIOCESE IN THE EVENTS OF 1917–1921

The article is devoted to the participation of the diocesan clergy in the social movements of 1917–1921, such as the October Revolution of 1917, the Civil War, the famine of 1921. The stratification of the clergy because of political reasons is shown. The first steps in the new system of state-church relations at the diocesan level is outlined.

Key words: Ufa Diocese, Bishop Andrey, Annunciation Monastery, Ufa, V. Evarestov, February Revolution, priest, diocesan administration.

Уфимская епархия, по данным 1913 г., включала 526 церквей, 225 часовен, 15 монастырей, 2 монашеские общины. Штатное приходское духовенство состояло из 537 священников, 171 диакона, 387 псаломщиков. Монашествующих и послушников насчитывалось 2235 душ обоего пола. Архиепископом епархии с 22.12.1913 г. был владыка Андрей Ухтомский.

Февральская революция 1917 г. не была неожиданностью для епископа Андрея. Еще в 1916 г. он писал: «Самодержавие Романовых выродилось сначала в самовластие, а потом в деспотию, превосходящую все вероятие» [1, с. 5–6]. Непонимание экономических, политических и духовных запросов русского общества, по мнению епископа, вызвали гибель самодержавия.

Епископ Андрей приветствовал Февральскую революцию как событие, ликвидирующее давление на церковную жизнь со стороны государства. Он выдвинул программу активизации церковной работы на основе православного прихода. Под его непосредственным контролем принимается «Устав Союза Уфимского духовенства по организации приходской жизни». В 18 статьях «Устава» определены были задачи деятельности клира и намечены мероприятия возрождения приходской жизни.

25.04.1917 г. созывается экстренный съезд духовенства Уфимской епархии. 30.04.1917 г. съезд утвердил проект «Устава православных приходов Уфимской епархии». Уфимский проект, включивший в себя 20 параграфов, определял задачи прихода, юридический статус его, обязанности и права прихожан. 20.06.1917 г. Синод принимает «Временное положение о православном приходе», во многом аналогичное уфимскому проекту. Одновременно Временным правительством у РПЦ отбираются все церковно-приходские школы. Этот акт вызвал протест владыки Андрея, назвавшего его «цезарепапизмом наизнанку». По мнению епископа, Церковь и Государство должны быть равноправными партнерами в союзе двух, подчиненность Церкви Государству эпохи Синода должна быть забыта.

Октябрьский переворот 1917 г. владыка Андрей первоначально встретил нейтрально. Однако, уже в мае 1918 г. он высказывается резко против власти большевиков, как власти антицерковной и антинародной [1, с. 4–8].

Исходя из общей антибольшевистской позиции правящего епископа, почти все духовенство Уфимской епархии находилось на позиции антибольшевизма. Эта позиция была подтверждена в решениях Уфимского епархиального собрания, проходившего с 31 июля по 18 августа 1918 г. Собрание выступило с призывом поддержать любые антибольшевистские правительства. Реализуя постановления епархиального собрания, духовенство епархии включилось в антибольшевистскую деятельность в составе Союза приходских советов.

В ответ большевики руками специально созданного карательного органа – Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (сокращенно – ЧК) начали террор против духовенства. В ходе репрессий только в 1918 г. были расстреляны священники А. Северовостоков, Т. Петропавловский, А. Канцеров, М. Монбланов (Бирск), псаломщик А. Чепуров, игумена Мензелинского Пророко-Ильинского монастыря Маргарита Гунаропуло [2, с. 19–24]. Мог погибнуть и владыка Андрей, но в конце 1918 г. он уехал за Урал, став членом Высшего Церковного Управления Урала и Сибири при сибирском правителе – адмирале А. Колчаке.

Крах движения адмирала Колчака привел к аресту епископа Андрея в феврале 1920 г. Владыке предъявили обвинение в разжигании классовой ненависти, пособничестве белой армии и антисоветской пропаганде. После десятимесячного заключения, вынудив епископа выступить с публичным покаянием, власти освободили владыку Андрея из заключения. Он возвратился в Уфу, где вновь занял свою кафедру. Между тем, Советы закрыли ряд епархиальных монастырей, конфисковали 6388 десятин монастырских земель. В ходе Гражданской войны погибли еще две игумении – Клавдия (Уфимский Благовещенский монастырь) и Христина (Георгиевский женский монастырь Бирского уезда) и известный церковный публицист кафедральный протоиерей В. Еварестов (1919 г.) [1, с. 10].

Попытка владыки Андрея хоть как-то стабилизировать положение в епархии завершилась его повторным арестом в феврале 1922 г. и высылкой в Москву. Новым архиереем был назначен Борис Шипулин. Его первым деянием стало воззвание о помощи голодающим путем изъятия части церковных ценностей. Вскоре за выступления против обновленческого течения, организованного ГПУ, епископ Борис был арестован (управлял епархией формально с декабря 1921 г., фактически в марте-октябре 1922 г.) и более в Уфу не возвращался.

В период с 1918 г. (время отъезда в Сибирь епископа Андрея) и до мая 1920 г. (приезд единоверческого епископа Симона Шлеева) Уфимской епархией временно управлял викарный епископ Златоуста Николай Ипатов. В мае 1920 г. в связи с арестом владыки Андрея патриарх Тихон назначил временно управляющим Уфимской епархией викарного единоверческого епископа Симона Шлеева. Последний прослужил в Уфе чуть более года и был убит 18.08.1921 г. неизвестными [3, с. 189]. После его смерти до декабря 1921 г. вновь епархией управлял Николай Ипатов как викарный епископ. После ареста епископа Бориса Шипулина владыка Николай в третий раз стал временно управляющим Уфимской кафедрой. В ноябре 1922 г., через месяц после ареста владыки Бориса, в Уфу вернулся епископ Андрей Ухтомский, который был вновь избран правящим архиереем. Чувствуя неизбежность новых арестов, владыка Андрей вместе со своим викарием совершил две епископские хиротонии для Уфимской епархии: 17.11.1922 г. был рукоположен архимандрит Успенского Уфимского монастыря Трофим (Якобчук) с титулом викарий Бирский, а 18.11.1922 г. черный священник Марк (Боголюбов) с титулом викарий Стерлитамакский [4, с. 79–117]. Тогда же он объявил Уфимскую епархию автономной.

Новые викарные епископы Марк и Трофим, в свою очередь, совершили постриг в монашество и хиротонию протоиерея Виктора Пояркова (в монашестве – Иоанн). С титулом епископа Давлекановского он стал третьим викарием Уфимской епархии (12.12.1922 г.). Указом патриарха Тихона от 13.08.1923 г. викарный епископ Иоанн (Поярков) был назначен временно управляющим Уфимской епархией (до 04.02.1924 г., и с 14.03.1924 г.).

Фактически он управлял епархией еще с конца декабря 1922 г., сразу после очередного ареста владыки Андрея. Остальные викарии Уфимской епархии были вскоре отправлены в другие диоцезы: епископ Трофим – в Оренбург (август 1923 г.), епископ Марк – в Пермь (январь 1924 г.). Еще один викарий, Аввакум (Боровков), получивший хиротонию 27.11.1922 г. от епископов Марка и Трофима, был арестован уже 27.12.1922 г., а 16.05.1923 г. выслан в Зырянский край. Таким образом, линию патриарха Тихона в Уфимской епархии возглавил с 1923 г. епископ, а с 1931 г. – архиепископ Иоанн (Поярков).

Библиографический список

1. *Абдулов Н.Т.* Православное духовенство Уфимской епархии в 1917–1922 гг. // Бирская старина. Вып. 4–5. Бирск, 2013.
2. *Зимина Н.П., Васильева И.Л., Баширов О.С.* Жертвы Гражданской войны // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана. Уфа, 1998. Ч. II.
3. *Зимина Н.П.* Путь на Голгофу. М., 2000.

4. *Зими́на Н.П.* Стояние в вере: временная автокефалия Уфимской православной епархии в период заключения патриарха Тихона (ноябрь 1922 – август 1923 г.) // Вестник ПСГРУ. 2007. Вып. 3 (24).

УДК 9(И) 470

А.С. Соколов,

профессор, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина (Рязань)

**ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД ОТКАЗА ОТ ПРИНЦИПОВ НЭПА 1928–1929 ГГ.
(На материалах Рязанской губернии)**

Рассматриваются взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви в конце 1920-х гг. В центре внимания политика власти в отношении православной религии. На материалах Рязанской губернии анализируются политические кампании, направленные против Русской Православной Церкви

Ключевые слова: церковь, Рязанская губерния, крестьянство, политическая кампания, духовенство, нэп.

A.S. Sokolov,

Professor, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin (Ryazan)

**THE STATE'S POLICY TOWARDS THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE PERIOD OF REJECTION OF THE PRINCIPLES OF THE NEP 1928–1929
(Based on the materials of the Ryazan province)**

The article examines the relationship between the Soviet state and the Russian Orthodox Church in the late 1920s. The focus is on the policy of the authorities in relation to the Orthodox religion. The materials of the Ryazan Province are used to analyze political campaigns against the Russian Orthodox Church

Key words: church, Ryazan province, peasantry, political campaign, clergy, nep.

В конце 1920-х гг. в условиях отказа от принципов новой экономической политики начинается переход к мобилизационной модели развития советского общества. Советская мобилизационная модель отношений между государством и обществом соответствовала характеристикам других массовых обществ, но специфически «догоняющий» тип

российской модернизации сделал эту модель особенно агрессивной [1, с. 12]. С начала 1928 г. кампания борьбы властей с классовыми врагами направляется и против религиозных организаций, их объявляют «кулацко-нэпманской агентурой», срывающей вместе с кулаками хлебозаготовки. В апреле 1928 г. на собрании актива московской организации ВКП(б) Сталин призвал связать борьбу с религией с наступлением на кулака. В обществе формировалось мнение о поддержке кулака религиозными организациями. Огромные материальные и идеологические ресурсы вкладывались в деятельность Союза безбожников. В сентябре 1928 г. газета «Рабочий клич» сообщила об открытии в Рязани специальных курсов по подготовке антирелигиозников. На предприятиях и учреждениях города проводились собрания с докладами о целях и задачах Союза безбожников [10, 14 сентября]. Рязанское отделение к концу 1928 г. насчитывало в своих рядах 1,5 тысячи активных членов [3, с. 18]. Воинственная антирелигиозная пропаганда была развернута накануне пасхальных праздников. В апреле 1928 г. Президиум губернского совета профсоюзов и Союз безбожников рекомендовали в канун Пасхи организовать массовые вечера во всех клубах и красных уголках, используя для этого помещения учреждений и предприятий. Кроме того, Союз безбожников призывал сделать светлую седмицу буднями с общественно-полезным трудом и воскресниками по очистке домов, садов. В результате подобных действий власти в период пасхальных праздников в деревне вспыхивали серьезные конфликты на религиозной почве. Так, в селе Горлово Скопинского уезда на собрании, созванном местными организациями как антипасхальное, часть собравшихся крестьян взывали граждан на демонстрацию против безбожия. По тому же случаю взволнованной пьяной толпой был избит член ВИКа Кудимов на которого набросились с криками: «Бей коммунистов!» [7, с. 30]. Несмотря на воинственную антирелигиозную пропаганду подобные действия власти не имели достаточной поддержки со стороны населения. Так, заведующий касимовским мехтехникумом Н.В. Сафоторов говорил учащимся в апреле 1928 г.: «Грош цена такой напорной агитации против религии. Я сам когда-то был безбожником и теперь убедился, что религия сама может естественно отмереть без всякой агитации, а что касается устроенного маскарада, то им нечего нельзя добиться, а только лишь озлобить верующих» [5, л. 388].

В практике идеологической работы вновь, как в первые годы Советской власти используется испытанный способ вытравливания исторической памяти путем переименования улиц. В феврале 1928 г., в 10-ю годовщину Красной Армии, улице Певческой присвоили имя Фрунзе. Постановлением президиума Рязанского горсовета от 8 августа 1928 г. переименовываются 18 улиц.

Местная пресса сообщала о просьбах граждан о передаче им церковного имущества. Так, крестьяне села Подовеченского Спасского уезда несмотря на противодействие членов церковного совета решили церковные деньги в сумме 75 рублей обратить на покупку облигаций крестьянского займа. В марте 1928 г. по ходатайству граждан села Муратово Спасской волости им было передано здание муратовской церкви для организации в ней избы-читальни [10, 20, 22 марта]. В конце 1928 – начале 1929 гг. резко усилилась антирелигиозная пропаганда, кампания закрытия церквей, приходов, монастырей. В январе 1929 г. ЦК ВКП(б) направил партийным организациям письмо «О мерах по усилению антирелигиозной работы», в котором утверждалось, что духовенство и активно верующие занимаются мобилизацией реакционных и малосознательных элементов в целях «контрнаступления на мероприятия Советской власти и компартии». Религиозные объединения всех конфессий объявлялись контрреволюционными организациями [4, с. 252]. В феврале 1929 г. секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович разослал по стране составленное его помощниками письмо под названием "О мерах по усилению антирелигиозной работы". В этой директиве подвергалась критике недостаточная активность в "процессе изживания религиозности". Духовенство объявлялось "политическим противником" ВКП (б). 8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», который ставил всю деятельность религиозных организаций под контроль власти [9, с. 183]. В мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов была внесена поправка в статью 4 Конституции РСФСР, согласно которой с целью «ограничении распространения религиозных предрассудков» вместо свободы религиозной и антирелигиозной, была дозволена только свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды. Была создана комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК. В июне 1929 г. состоялся II съезд Союза, который переименовал организацию в Союз воинствующих безбожников и провозгласил «штурм небес». Летом 1929 г. ситуация в «религиозном вопросе» резко ухудшилась. Наиболее нетерпеливые советские работники, активисты «антирелигиозного движения» осуществляли на местах массовое закрытие церквей. В Рязанской епархии в 1929 г. было закрыто 192 прихода.

Бесцеремонные, оскорбляющие религиозные чувства действия власти наталкивались на сопротивление верующих. Так, по данным информационных сводок Рязанского губотдела ОГПУ в начале 1929 г. увеличился рост массовых выступлений на религиозной почве. Крестьяне выражали свое несогласие с практикой закрытия церквей. Губернский партийный работник М.И. Воронков в своих дневниках описывал события,

произошедшее в июле 1929 г. в селе Нижние Белоомуты: «Рано утром мать ходила на площадь и сообщила, что собрался у церкви народ, чтобы противиться отнятию церкви. Церковь – главная и теплая – заперта сельсоветом и предназначена к передаче швейной фабрике. Народ уверяет, что церковь не отдадут [2, с. 247]. Районный уполномоченный ОГПУ, прибывший на место, оказался бессилён уговорить толпу разойтись и под ее нажимом вынужден был позвонить в Зарайск и вызвать членов оргкомиссии, принявших решение о закрытии храма. Прибывших членов комиссии встретили камнями, и они вынуждены были закрыться в сельсовете. Толпа взяла в заложники работника ОГПУ и председателя сельсовета и, угрожая насилием. Потребовала выдачи ключей от храма. Открыв храм, священники отслужили благодарственный молебен, а верующие расставили вокруг здания пикеты [8, с. 20]. В ноябре 1929 г. в селе Большое Ардабьево Елатомского района после собрания на котором было постановлено закрыть церковь, при вывозке церковного имущества в другую церковь – толпа женщин во главе с местным попом набросилась на председателя церковного совета и других крестьян, пришедших для выноса имущества, и бросали в них камнями, причинив легкие ранения [11, с. 102].

Ограничительная политика в отношении духовенства и верующих выражалась в налоговом давлении, завышении страховых платежей. Так, Ильинская церковь г. Рязани при валовом доходе за 3-й квартал 1929 г. 1487 рублей платила один только подоходный налог в размере 235 рублей. Далее следовали к оплате специальные хозяйственные и страховые сборы.

Одним из мероприятий, направленных против церкви стало постановление Антирелигиозной комиссии о колокольном звоне. В соответствии с ним запрещался трезвон в колокола. При сокращении колокольного звона колокола должны были быть сняты ими переданы в соответствующие государственные учреждения [4, с. 254]. Рязанский педагог и краевед С.Д. Яхонтов в «Воспоминаниях» писал о том периоде: «Кругом все, с чем свыкся все валялось и рушилось. Когда сбрасывали с соборной колокольни наш рязанский исторический большой колокол, я плакал, глядя из тюремного окна, как с колокольни то сыпались с шипением искры, то раздавался жалобный стон» [12, с. 528]. В сентябре 1929 г. житель села Чуриловка Ряжского уезда Рязанской губернии направил письмо в редакцию центрального вещания при НКПиТ. В нем он сообщал, что уже 15 лет при входе в местную церковь стоит колокол весом 100 пудов. «Я энергично настаиваю на том, чтобы этот колокол вырвали из рук хищнически, преступно относящихся к социалистическому строительству», – писал автор письма [6, л. 506].

Наступление на церковь стало составной частью осуществлявшегося «Великого перелома». Антирелигиозный экстремизм шел под лозунгом полного отказа от «религиозного дурмана».

Библиографический список

1. Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М., 2017.
2. Воронков М.И. Дневники, воспоминания, статьи. Рязань, 2013.
3. Гераськин Ю.В., Джейранов С.Н. Власть и церковь в период коллективизации в рязанской деревне // Вестник Рязанского государственного университета. 2019. № 2.
4. Гимпельсон Е.Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). М.: Собрание, 2004.
5. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 114.
6. ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 1748.
7. Джейранов С.Н. Власть и церковь в период коллективизации (на материалах Московской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История, Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 1.
8. Джейранов С.Н. Государство и церковь в центре России в годы коллективизации // Вестник Рязанского государственного университета. 2021. № 3.
9. Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014.
10. Рабочий клич. 1928.
11. Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлев. М., 1998.
12. Яхонтов С.Д. Воспоминания 1917–1942. Т. 2 / под ред. П.В. Акульшина. М.; Рязань, 2017.

УДК 94(47)

А.В. Степанов,

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

СВЯТЕЙШИЙ СИНОД РПЦ О КУРСЕ ЗАКОНА БОЖИЯ В СРЕДНИХ ШКОЛАХ (1910 Г.)

Анализируются руководящие указания о преподавании курса Закона Божия, данные администрации и учителям средних учебных заведений России в «Определении» Святейшего Синода № 5414 (1910 г.) Оценивается соответствие указаний требованиям времени и возможностям законоучителей.

Ключевые слова: Российская империя, средняя школа, Закон Божий, законоучители.

A.V. Stepanov,

Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

THE HOLY SYNOD OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON DIVINITY COURSE AT SECONDARY SCHOOLS (1910)

Set of directive instructions No 5414 on studying Divinity issued in 1910 by the Holy Synod to Russian secondary schools' principles and teachers is analyzed. Matching of instructions according to demands of the times and teachers' capabilities is estimated.

Key words: Russian Empire, secondary school, Divinity, teachers of religion.

В образовательных программах средних школ Российской империи Закону Божию отводилось место основной мировоззренческой дисциплины. «Изложение христианской религии входит в число главных предметов преподавания в учебных заведениях», – указывал популярный «Настольный энциклопедический словарь» [5, с. 1748]. И государственные мужи, и здравомыслящая часть русского общества вправе были ожидать, что этот курс подготовит молодежь к разумному восприятию сложных реалий отечественной жизни.

Вероятно, понимая такой запрос государства и общества, Святейший Синод 23 июня 1909 г. объявил о созыве в Петербурге Всероссийского съезда законоучителей светских средних учебных заведений. На съезд вызывались 60 преподавателей из мужских гимназий и реальных училищ, 20 их коллег из женских гимназий, а также неопределенное число законоучителей кадетских корпусов. Рассмотрению съезда Синод предложил свыше двух десятков вопросов преподавания Закона Божия, в том числе о содержании этого курса, об очередности изучения отдельных его разделов, о способах оценки успехов учеников. Не ограничиваясь методической стороной дела, «действительные члены съезда» должны были также определить, о чем школьники должны ежедневно молиться обще со своими наставниками. Делегатам предлагалось даже решить, «нужно ли стремиться к тому, чтобы законоучитель был духовным отцом всех своих учеников» и «какими мерами достигнуть того, чтобы исповедь учащихся была неторопливою и осмысленною» [6, с. 36–38].

Сроки для подготовки столь серьезного совещания Синод отвел весьма сжатые: съезд предполагалось открыть менее чем через месяц, 20 июля 1909 г. За оставшееся до этого дня время будущим делегатам следовало не только обдумать поставленные перед ними вопросы, но и получить благословение местных преосвященных. Правда, проводить затяжную элекционную процедуру законоучителям не требовалось: делегаты не избирались своими коллегами, а назначались «подлежащим

начальством»; ему же предстояло изыскать средства на оплату проезда и «довольствия» командированных в столицу педагогов.

Как ни странно, русская пресса не заметила столь незаурядное событие. Сообщений о съезде мы не нашли на страницах церковной периодики – ни в «Известиях по Санкт-Петербургской епархии», ни, скажем, во «Владимирских епархиальных ведомостях». Массовые газеты и журналы о съезде законоучителей также не сообщали. При этом популярный еженедельник «Нива» поместил отчет о Всероссийской выставке работ учеников церковно-приходских школ, устроенной в мае 1909 г. Училищным советом при Святейшем Синоде – тем самым учреждением, которое чуть позже организует и съезд законоучителей [Нива. 1909. № 27. С. 485–486]. Летом 1909 г. «Нива» рассказала читателям и о первом Всероссийском съезде пятисот преподавателей «городских» (т. е. неполных средних) школ, прошедшем в Петербурге [Нива. 1909. № 31. С. 549–550].

Как бы то ни было, Всероссийский съезд законоучителей в июле 1909 г. состоялся и принял ряд постановлений, которые обер-прокурор Синода С.М. Лукьянов представил «подлежащим ведомствам» (прежде всего – Министерству народного просвещения) с приглашением дать свои заключения и отзывы. Последние поступили в Синод к лету 1910 г. Рассмотрев отзывы, Синод в августе 1910 г. издал «Определение» № 5414, в котором «признал целесообразным» принять ряд мер «в видах надлежащего изучения Закона Божия» [6, с. 40].

Цель преподавания этой дисциплины Синод определил так: каждый выпускник средней школы должен вынести из нее «определенный круг основных религиозных познаний, создающих руководящее в жизни православно-христианское миросозерцание» [6, с. 40]. Для этого, прежде всего, школьникам полагалось изучать Священную Историю «в порядке фактической последовательности, т. е. изучение истории Ветхозаветной должно предшествовать изучению Новозаветной» [6, с. 42]. Вероятно, с точки зрения формальной логики это было разумно. Однако особенности психологии детей 8–9 лет от роду при этом вряд ли учитывались. Так, В.Н. Ипатьев (1867–1952) вспоминал: «В 1-м классе мы проходили Ветхий Завет с его грозным богом и ненужными подробностями из истории Царства Израильского. Преподаватели Закона Божия делали большую ошибку, начиная изучение религии с истории Ветхого Завета» [3, с. 5].

Вслед за Священной Историей школьный курс предусматривал изучение православного богослужения. «Определение» Синода настаивало на том, что «для учащихся обязательно знание главнейших церковных песнопений» (далее следовал их перечень из 14 наименований);

гимназистам, реалистам и кадетам полагалось также выучить «воскресные прокимны и тропари двенадцатых праздников» [6, с. 43–44].

Третьим этапом изучения Закона Божия было «прохождение пространныго Катихизиса». Делегаты съезда указывали на «неудобства школьного пользования существующим текстом» этого документа, составленным митрополитом Московским Филаретом еще в 1820-е гг., но Синод лишь постановил создать «особую комиссию» для «предварительного обсуждения вопроса о том, действительно ли настает нужда в исправленном для учебных целей издании Катихизиса» [6, с. 44–45]. Судя по тому, что в 1913 г. Синод выпустил всё тот же «Филаретовский» катехизис [7], голос законоучителей не был услышан.

Не стремясь к благозвучию канцелярских формулировок, «Определение» № 5414 предписывало: «Признаются необходимыми задание и спрашивание уроков по Закону Божию, экзамены и оценка познаний учащихся баллами». Синод подчеркивал, что «практикуемая некоторыми законоучителями система постановки по Закону Божию всем учащимся высших баллов порождает в них лишь чувство недоумения, вызывает соблазн и даже некоторое пренебрежение к важности изучаемого предмета» [6, с. 47–48]. Учившийся в 1900-е годы в 10-й мужской гимназии С.-Петербурга Д.А. Засосов (1894–1977) застал в ней именно такую практику: «Закон Божий считался второстепенным предметом, требования к нему были сниженными» [2, с. 197].

В «Определении» Синода подчеркивалось: «Пастырское внимание законоучителя должно быть обращено на добрую христианскую настроенность учащихся и соединенное с нею усиление душевной потребности в молитвенном обращении к Богу, так, чтобы молитва стала навыком учащегося» [6, с. 49]. Редкий пример успеха воспитательных усилий, приложенных в этом направлении, встретился в мемуарах Н.И. Астрова (1868–1934), но этот пример вряд ли удовлетворил бы авторов «Определения»: «За несколько недель до годовых экзаменов гимназисты устраивали паломничество по часовням Москвы. Хожение продолжалось иногда по несколько дней». Нередко прочие молящиеся переполняли часовни, там бывало шумно, и охваченному нервным волнением питомцу 2-й московской мужской гимназии «не всегда удавалось донести до иконы возвышенное и сосредоточенное настроение» [1, с. 82–83].

Главным средством «религиозно-нравственного воспитания» школьников, ответственность за которое возлагалась на законоучителей, Синод считал ежедневные молитвы: предклассную (с пением «Отче наш» и «Спаси, Господи, люди твоя», а также с чтением дневного Евангелия) и молитву после учения [6, с. 49]. Предлагалось устройство при

всех учебных заведениях «домовых церквей» и обязательное посещение учащимися богослужений в праздничные дни.

«В дни Великого поста для всех православных учащихся обязательно исполнять долг исповеди и приступать к св. причащению. Все учащиеся исповедуются у своего законоучителя как их ближайшего духовного руководителя», настаивало «Определение» Синода [6, с. 50]. К чему могла привести иного школьника излишняя откровенность на исповеди, вспоминал Н.О. Лосский (1870–1965): «Во время Великого поста все православные гимназисты обязаны были исповедоваться у гимназического священника. Во время исповеди он мне задал вопрос: “Романы читаешь?” – “Да, читаю”, ответил я. “Нехорошо”, – сказал священник и наложил на меня эпитимию: класть по сто поклонов в течение вечерней молитвы в течение всего остального времени поста. Я, конечно, подчинился своему наставнику и, несмотря на насмешки товарищей, становясь на молитву, усердно отбивал поклоны. Не прошло и месяца, как я отверг не только Церковь и религию, но даже бытие Бога». [4, с. 42, 43]. Этот случай произошел с будущим философом в 1887 г., но вполне возможно, что и через 20 лет последствия чересчур искренней исповеди могли оказаться не менее тяжкими.

«Законоучитель должен вести с учащимися внеклассные беседы, предлагая им разрешение занимающих юношество недоуменных вопросов из области христианской апологетики», – подчеркивал Синод [6, с. 51]. Вероятно, возникновение у юношества 1910-х гг. более актуальных жизненных вопросов авторы «Определения» не предполагали.

Синод не ограничился наставлениями для законоучителей; его «Определение» было обращено также к администрации школ и к преподавателям-предметникам. «Начальство учебных заведений должно всемерно оказывать содействие законоучителю», требовал Синод, а для того, в частности, «обратить особое внимание на недопущение среди учащихся книг, развращающих или соблазняющих юношество», и ввести в учебный курс гигиены «отдел о вреде алкоголизма» [6, с. 52] (учителя городских школ на съезде в 1909 г. тоже сетовали на то, что «школа спаивается»). Преподаватели-естественники должны на уроках «избегать малопроверенных гипотез, идущих в разрез с христианским вероучением, без достаточного критического их разбора». Не хочется думать, что Синод иносказательно намекал здесь на теорию Дарвина.

«Главным и основным условием плодотворного прохождения высокого законоучительского звания является личная высокая настроенность законоучителя, его любовь к своему делу и пасторское одушевление», – назидал Синод [6, с. 53]. Вопрос о том, достаточно ли преподаватели Закона Божия вознаграждаются за настроенность, любовь и одушевление, не поднимали, видимо, даже делегаты съезда. Обошло его

молчанием и «Определение» Синода, хотя оно содержало раздел «О мерах к возвышению законоучительского дела» [6, с. 52].

Мы можем осветить этот вопрос на материалах г. Ярославль, относящихся к 1909 г. Там годовые оклады законоучителей средних учебных заведений разной ведомственной принадлежности простирались от ничтожных 200 руб. до внушительной суммы в 2500 руб., однако по большей части лежали в пределах 450–700 руб. (Показательно, что в 1909 г. делегаты съезда педагогов городских школ требовали довести годовое вознаграждение за свой труд до 1200 руб.) Одним из самых обеспеченных законоучителей Ярославля был протоиерей С.Н. Лилеев; он получил чуть более 2000 руб., однако для этого ему приходилось служить в двух учебных заведениях [9, с. 71–77]. На совместительство в двух, а то и трех школах Иваново-Вознесенска в 1906–1912 гг. как на признак недостаточности окладов законоучителей мы ранее уже указывали [10]. Подобная нагрузка педагогов мало способствовала выполнению той задачи, которую им ставило «Определение»: «Вникать в религиозно-нравственное состояние каждого учащегося, являясь к нему со своим отеческим словом» [6, с. 51].

Вот каким, например, остался гимназический курс Закона Божия в памяти В.Ф. Романова (1874–1929) – далекого от нигилистического безверия человека: «Сухие схоластические рассуждения, выговоры за непосещение гимназической церкви, а главное – если не лицемерие, то неумение найти искренние ноты, на что особенно чутко реагирует подрастающее поколение. Молодые души должны вверяться исключительно чистым душой религиозным воспитателям, а найти таковых в достаточном числе весьма трудно. Когда же ученик видит в законоучителе только выслуживающегося чиновника, делающего свое дело для начальства, а не для душ обучаемых, крах неизбежен» [8, с. 24].

Анализируя «Определение» Св. Синода № 5414 с позиций интересов государства и общества, мы вынуждены признать, что этот документ мало отвечал требованиям своего времени. Его авторы ментально оставались в эпохе митрополита Филарета, когда законоучитель мог покорить умы и сердца учеников заучиванием сакральных текстов и песнопений. Для гимназистов, реалистов и кадетов 1910-х гг., представлявших третье пореформенное поколение среднего класса, этого духовного багажа было уже недостаточно. В бурную общественную жизнь предреволюционной России средняя школа выпускала не столько здравомыслящего гражданина, способного противостоять прельщениям демагогов и мирским соблазнам, сколько начетчика-миросозерцателя, готового искать выход из жизненных затруднений в выборе подходящей молитвы. Задачи, возлагавшиеся «Определением» на преподавателей

Закона Божия, явно превосходили силы типичного педагога и не соответствовали тому вознаграждению, которое общество платило за его учебный и воспитательный труд.

Библиографический список

1. *Астров Н.И.* Воспоминания. Т. 1. Paris: YMCA Press, 1941. 360 с.
2. *Засосов Д.А., Пызин В.И.* Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков. Записки очевидцев. М.: Молодая гвардия, 2003. 467 с.
3. *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1. 1867–1917. New York: Stanford University Press, 1945. XIV+562 с.
4. *Лосский Н.О.* Воспоминания. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1968. 334 с.
5. Настольный энциклопедический словарь. М.: Т-во А. Гранат и Ко., 1895. Т. III.
6. Обзор некоторых сторон деятельности духовного ведомства за 1910 год. СПб.: Синодальная типография, 1911. 176 с.
7. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви, рассмотренный и одобренный Святейшим Синодом и изданный для преподавания в училищах. М.: Синодальная типография, 1913. 27 с.
8. *Романов В.Ф.* Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции. СПб.: Нестор-История, 2012. 336 с.
9. Справочная книга Ярославской губернии на 1909 год. Издание Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1909. 112 с.
10. *Степанов А.В.* Средний класс Иваново-Вознесенска в начале XX в. // Вестник ИвГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 3 (4). С. 22–30.

УДК 94.083:329.71

Д.И. Стогов,

доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОМЕСТНОГО СОБОРА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ ПО УТВЕРЖДЕНИЮ ТРЕЗВОСТИ

Рассматривается деятельность Поместного Собора 1917–1918 гг., направленная на утверждение трезвости. Протоиереем Петром Миртовым было подготовлено обращение о борьбе с пьянством, но из-за последующих трагических событий оно не получило практического воплощения.

Ключевые слова: Российская империя, пьянство, Александро-Невское общество трезвости, революция, Гражданская война, Поместный собор Православной российской церкви.

D.I. Stogov,

Associate Professor, St. Petersburg State Electro-Technical University «LETI»
(St. Petersburg)

ACTIVITIES OF THE LOCAL COUNCIL OF THE ORTHODOX RUSSIAN CHURCH ON THE APPROVAL OF SOBRIETY

The article considers the activities of the Local Council of 1917–1918, aimed at establishing sobriety. Archpriest Peter Mirtov prepared an appeal on the fight against drunkenness, but due to subsequent tragic events, it did not receive practical implementation.

Key words: Russian Empire, drunkenness, Alexander Nevsky Sobriety Society, revolution, the Emperor, the Civil War, Local Council of the Orthodox Russian Church.

Борьба с алкогольной, табачной и другими зависимостями, а также необходимость утверждения трезвости остаются актуальными в настоящее время. В частности, на фоне введения Западом нескольких пакетов экономических санкций в России наблюдалось увеличение потребления алкоголя на душу населения – с марта 2021 по март 2022 г. на 10 процентов [2]. Отсюда – неподдельный интерес к накопленному за многие десятилетия опыту борьбы с пьянством и утверждения трезвости.

В предреволюционное время в Российской Империи существовало более двадцати тысяч обществ трезвости, братств, чайно-столовых и т. д., которые в процессе своей работы привлекали в свои ряды значительное количество страждущих от порока пьянства русских людей, вели активную трезвенническую работу, опираясь на идеалы Православия [8, с. 88].

В 1859 г. Святейший Синод специальным указом благословил православным священнослужителям «живым примером собственной жизни и частым проповедованием в церкви Божией о пользе воздержания содействовать возникшей в некоторых городских и сельских сословиях решимости воздерживаться от употребления вина» [8, с. 88]. Таким образом, высший церковный орган откликнулся на горячее желание «низов», церковных приходов утвердить в обществе трезвость.

Ограничительные меры по обороту алкоголя, введенные царским правительством в 1914 г. на фоне начала Первой мировой войны, способствовали уменьшению потреблению алкоголя, однако в корне не смогли решить данную проблему. Это обстоятельство вынуждало светские и церковные власти вновь и вновь обращаться к мысли о введении дальнейших мер по борьбе с пьянством. В частности, 1 августа 1915 г. крестьянские депутаты Государственной Думы И.Т. Евсеев и П.М. Макогон внесли в нижнюю палату парламента законопроект «Об утверждении на вечные времена в российском государстве трезвости», одна-

ко он так и не был принят законодательным органом власти [10, с. 136–138]. Не осталась в стороне от проблемы алкоголизации населения и Церковь, тем более, что многие пастыри принимали непосредственное участие в трезвеннической работе.

Открывшийся 15 августа 1917 г. Поместный Собор Православной Российской Церкви не мог не обратить внимания на проблему алкоголизма. Несмотря на большое число научных трудов, посвященных истории дореволюционного трезвеннического движения [1; 5], деятельность Поместного Собора, направленная на борьбу с пьянством, до сих пор системно практически не рассматривалась исследователями. Настоящая публикация призвана отчасти восполнить этот пробел.

Еще до официального начала работы Собора в его адрес стали поступать петиции из регионов России от прихожан Церкви. Некоторые из них, найденные нами в фонде Поместного собора Государственного архива Российской Федерации, напрямую касаются дела утверждения трезвости. В частности, 23 июля 1917 г. прихожане Куличковского Зотовского благочиния Хоперского округа Донской епархии, проведя собрание под председательством священника Иоанна Ивлиева, постановили «почтительнейше довести до Пометного Собора Всероссийской Церкви» о желании видеть членов причта людей, «ревностно служащих примером христианского благочестия и преданности Святой Православной Церкви», которые «своими поступками не опускались бы ниже наших порочных привычек и слабостей» [3, л. 5]. Участники собрания считали, что клирики должны обладать чертами, «приличными духовенству» [3, л. 5]. Они пожелали, чтобы «такие пороки, как нетрезвость, карточная игра, табакокурение, а также и явное пренебрежение к Уставам Церкви, например, нарушение постов, ношение коротких волос и короткой одежды, вообще среди членов причта не имели места» [3, л. 5]. Участники собрания постановили, что им «вовсе не нужны» священники, не желающие, «по образу Спасителя, иметь длинные волосы и носить отличную для духовенства длинную одежду» [3, л. 5]. Соответствующий акт подписал председатель собрания священник Иоанн Ивлиев и ряд прихожан [3, л. 5].

8 сентября 1917 г. в адрес Поместного Собора было направлено прошение от некой крестьянской общины (название и месторасположение в документе не указаны), члены которой призвали запретить табакокурение и пьянство «священников и всех, принадлежащих к лону Православной Христовой Церкви» [3, л. 8]. В недатированном письме жителя села Некоуз Мологского уезда Ярославской губернии Сергея Григорьевича Оралева говорится о необходимости запрета табакокурения [3, л. 9 об.–10].

23–28 сентября 1917 г. на заседании Священного Синода Православной Российской Церкви было составлено определение по заявлению прихожанина Студенецкой церкви Чериковского уезда Могилевской губернии по фамилии Сопрученков (имя и отчество в документе не указаны) «о желательности внесения на обсуждение Собора вопроса о мерах к укреплению народной трезвости» [4, л. 20]. В соответствующем заключении Соборного Совета переписка по этому вопросу была передана в Отдел по церковной дисциплине, о чем сообщает выписка из протокола Священного Собора Православной Российской Церкви от 7 октября 1917 г. за № 23 [4, л. 20].

Согласно протоколу очередного заседания Соборного Совета от 4 декабря 1917 г. (№ 442), член Собора от Владивостокской епархии В.П. Антонинов представил ходатайство группы православных людей – трезвенников Приморской области «о принятии со стороны Собора мероприятий к борьбе с вновь развивающимся пьянством» [7, с. 223–224]. Участники заседания попросили петербургского священника, одного из лидеров трезвеннического движения протоиерея Петра Миртова «составить по сему поводу особое обращение к чадам Православной Церкви» [7, с. 223–224].

Многочисленные обращения прихожан привели к решению Собора создать при Отделе о церковной дисциплине Поместного Собора специальный подотдел, который занимался вопросами борьбы с пьянством [3, л. 51].

22 марта (4 апреля) 1918 г. на 110-м заседании Поместного Собора обсуждался доклад «О поводах к расторжению церковного брака», в ходе которого выступил протоиерей Петр Миртов [6, л. 114–117], предложивший следующую поправку в Определение Собора «О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью»: «Супруг вправе просить о расторжении брака, если другой супруг страдает алкоголизмом в такой степени, что сожительство с ним становится невыносимым и вредным для потомства» [6, л. 207]. Священник, ссылаясь на утверждение русского психиатра И.А. Сикорского, подчеркнул, что «мы стоим пред алкоголизацией всего русского народа» [6, л. 114]. Далее о. Петр, вновь приводя слова Сикорского, сравнил пьянство времен русских былинных богатырей с пьянством XIX в., которое заметно усилилось после открытия в конце XVIII в. способа дистилляции, т. е. выделки безводных спиртов. Докладчик подчеркнул, что «алкоголизм поражает прежде всего высшие стороны человеческой природы: чувство, волю, нравственность и работоспособность» [6, л. 115]. Далее о. Петр сказал несколько слов о губительном влиянии алкоголизма на семью и семейные отношения, подчеркнув, что ужас состоит «не только в том, что существует алкоголизм, а в том, что сознание этого ужаса не

проникает глубоко в наше общество» [6, л. 116]. Священник, отметив, что не следует «нападать на алкоголиков», тем не менее, резко осудил грех пьянства, сославшись на слова апостола Павла о том, что «*пьяницы... Царства Божия не наследуют*» (1 Кор. 6, 9). Алкоголик своими действиями, подчеркнул докладчик, «делает супружеское ложе тайной беззакония» [6, л. 116]. В заключение он высказал мнение о том, что расторжение церковного брака допустимо в случае беспробудного пьянства супруга [6, л. 117]. С мнением священника солидаризировались и другие участники Поместного Собора. Среди них – В.И. Зеленцов [6, л. 22], В.Г. Рубцов [6, л. 103–104], епископ Никольск-Уссурийский Павел (Ивановский) [6, л. 110], протопресвитер Николай Александрович Любимов [6, л. 119–120], протоиерей Емилиан Игнатъевич Бекаревич [6, л. 122–124], Александр Минович Черноуцан (впоследствии протоиерей) [6, л. 179], граф П.Н. Апраксин [6, л. 180–181], И.И. Беликов [6, л. 184–185], И.И. Ульянов [6, л. 186] и др. Правда, довольно много участников Собора либо не поддержали протоиерея Петра Миртова [6, л. 107, 109, 111, 122, 128, 187, 188], либо предлагали вопрос доработать в Отделе о церковной дисциплине [6, л. 180–181] или в Совете епископов [6, л. 125]. Епископ (впоследствии митрополит) Уральский Тихон (Оболенский) счел необходимым отнестись к вопросу осторожно: «Надо просить помощи Божией в борьбе с этим недугом» [6, л. 126–127]. Так или иначе, члены Собора 23 марта (5 апреля) 1918 г. приняли поправку о. Петра Миртова [6, л. 207, 230 об.].

3 (16) апреля 1918 г., согласно протоколу № 84, на заседании Поместного Собора был рассмотрен составленный протоиереем Петром Миртовым проект соборного обращения к чадам Православной Церкви по вопросу о борьбе с вновь развивающимся пьянством [7, с. 422], который, как мы уже отмечали, был создан после решения Соборного Совета от 4 декабря 1917 г. Документ предполагал усилить борьбу с алкоголизмом на церковных приходах, развивать деятельность обществ трезвости в епархиях. После изучения проекта соборного обращения Поместный Собор постановил: «Просить члена Соборного Совета протопресвитера Н.А. Любимова рассмотреть проект постановления и сделать в нем необходимые исправления» [7, с. 422].

Большую роль в деятельности Поместного Собора, направленной на борьбу с пьянством, играл настоятель храма Воскресения Христова у Варшавского вокзала, лидер Александро-Невского общества трезвости в Петрограде протоиерей Петр Миртов [9], который председательствовал в Отделе о церковной дисциплине [7, с. 306] (этому отделу, напомним, подчинялся подотдел по борьбе с пьянством). В августе 1918 г. священник стал членом Постоянного состава Соборного Совета Поместного Собора [7, с. 17].

События, связанные с Гражданской войной и начавшимися гонениями на Церковь, прекращение работы 7 (20) сентября 1918 г. Поместного Собора привели к тому, что никаких практических последствий рассмотренное Собором обращение не получило. Многочисленные православные общества трезвости, существовавшие при церковных приходах, в годы революционного лихолетья были закрыты, и третья волна трезвеннического движения в России, начавшаяся в связи с прошедшим в 1909 г. Первым съездом антиалкогольных деятелей, фактически завершилась.

Библиографический список

1. *Афанасьев А.Л.* Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: ТУСУР, 2007. 196 с.
2. *Баикатова А.* Кризис повысил спрос на спиртные напитки // Независимая газета. 2022. 8 июня. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-06-08/1_8456_crisis.html (дата обращения: 21.10.2022).
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3431. Всероссийский Поместный Собор. Оп. 1. Д. 330.
4. ГАРФ. Ф. Р-3431. Всероссийский Поместный Собор. Оп. 1. Д. 331.
5. *Илюшин И.М., иерей.* Опыт борьбы за трезвость Русской Православной Церкви // Становление и развитие системы социальной реабилитации и ресоциализации потребителей психоактивных веществ в Санкт-Петербурге [Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник] / под ред. М.В. Середы. СПб.: СПбГБУ «Городской информационно-методический центр "Семья"», 2015. Вып. 5. С. 6–26 и др.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 833. Священный Собор Православной Российской Церкви. Оп. 1. Д. 14.
7. Священный собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 2. Протоколы Соборного Совета / отв. ред. *А.И. Мраморнов.* М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2013. 732, [1], XVI с.
8. *Стогов Д.И.* Борьба за народную трезвость в царской России // Имперское возрождение. 2009. № 6 (26). С. 88–96.
9. *Стогов Д.И.* Политические взгляды протоиерея Петра Миртова // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXI Междунар. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 239–244.
10. *Стогов Д.И.* Рассмотрение в Четвертой Государственной Думе законопроектов, направленных на ограничение оборота алкогольной продукции (1914–1916 гг.) // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2020 г.: сборник научных статей: в 2 ч. / под ред. *А.Б. Николаева.* СПб.: Астерион, 2021. Ч. 1. С. 133–138.

УДК 93/94

Н.И. Суханова,

профессор, Московский государственный областной педагогический университет (Москва)

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В СССР КАК ФАКТОР РАСПАДА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Политика большевиков в религиозной сфере на протяжении всей советской истории содействовала росту национального самосознания народов страны, что стало одной из причин распада СССР.

Ключевые слова: большевики, религия, православие, ислам, национальное самосознание.

N.I. Sukhanova,

Professor, Moscow State Regional Pedagogical University (Moscow)

ANTI-RELIGIOUS POLICY IN THE USSR AS A FACTOR OF THE COLLAPSE OF STATEHOOD

The policy of the Bolsheviks in the religious sphere throughout Soviet history contributed to the growth of national consciousness of the peoples of the country, which became one of the reasons for the collapse of the USSR.

Key words: Bolsheviks, religion, Orthodoxy, Islam, national identity.

Полиэтничность России предполагает и ее поликонфессиональность. Данный факт есть часть ее цивилизационного кода. Православные, мусульмане, иудаисты, католики, лютеране, старообрядцы, армяне-григориане, буддисты, язычники и представители других конфессий населяли территорию нашей страны издавна. Две трети населения страны исповедовали православие. Русская православная церковь до революции носила статус государственной. После революции количество православных продолжало оставаться преобладающим.

Все процессы, происходившие в России, влияли на религиозное сознание общества то в сторону усиления религиозного фанатизма, то в сторону разочарования в вере. Показательными стали процессы перемен в религиозном сознании в начале XX в. Системный кризис самодержавия, отречение императоров внесло серьезное смятение в общественное сознание. Значительная часть народа «раскрестилась мгновенно», что содействовало росту маргинализации общества [7, с. 56]. Поэтому данная ниша общественного сознания достаточно легко заполнялась

пропагандой различных политических партий, особенно, большевиков. К началу XX века непоколебимость идеи «государственной религии» стала вызывать массу сомнений. В среде демократической интеллигенции – религиозных философов – начались искания в переосмыслении роли русской православной веры. В молодой радикальной рабочей среде утверждалась идея атеизма. В порядок дня ставились проблемы переосмысления сакральности государственной власти и подчиненная государству роль церкви.

Мусульмане, лютеране, католики более ревностно сохраняли свою конфессиональную принадлежность. Более того, по мере роста революционных тенденций усиливалась роль «исламского фактора». Он становился духовным знаменем для борьбы за самостоятельность. А с приходом к власти большевиков стал базовым в борьбе с Советской властью.

Подобное положение с отношением общества к религии содействовало активизации антирелигиозной политики большевиков. В работе «Социализм и религия» Ленин писал: «Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством» [4, с. 143]. Проблема веры вполне очевидно коррелировалась с классовой методологией, которая определяла религию как одно из средств поддержания классового гнета. Поэтому, утверждая, что религия должна стать частным делом по отношению к государству, большевики не допускали, чтобы религия стала частным делом по отношению к партии. Требуя полного отделения церкви от государства, большевики ставили задачу непримиримой идейной борьбы с ней.

Основополагающие документы первых лет советской власти ставили вопрос о ликвидации роли православной церкви в обществе. Она была отделена от государства, но при этом не получила прав частного религиозного общества. Борьба с церковью объявлялась борьбой с контрреволюцией. Церковь и ее служители лишались прав юридического лица, собственности, избирательных прав. При этом не учитывались религиозные аспекты, связанные с культурой, бытом, моралью, этикой, правом.

Работа Отдела по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства, или «ликвидационного отдела», сводилась не к ликвидации религий и церковных организаций, а «тех правоотношений между церковными сообществами и государством», которые существовали до революции» [8, с. 63–64]. Политика большевиков в отношении церкви и религии была непримиримой, направленной на уничтожение своего идейного конкурента.

Постоянной практикой становилось вмешательство властей во внутренние дела церкви и закрытие храмов. С середины 1918 по начало 1919 гг. в России, по неполным данным, было закрыто 94 церкви и 26 монастырей, за «контрреволюционную» деятельность подвергнуты заключению 4 епископа, 198 священников, 8 архимандритов и 5 игуменов [12, с. 14]. По приблизительным подсчетам, в ходе антицерковной политики в России к 1921 г. погибло не менее 12 тысяч мирян, несколько тысяч приходского духовенства и монашествующих [1, с. 205].

Ключевую же роль в реализации советской антирелигиозной политики играла РКП(б). Для решения на всероссийском уровне вопросов антирелигиозной работы особое значение имела деятельность Агитационно-пропагандистского отдела ЦК и так называемой Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б), известной также под названиями «Комиссия по проведению отделения церкви от государства» и «Комиссия по антирелигиозной пропаганде». Им подчинялись Губполитпросвет, Наркомпрос, Госиздат.

Менее жестко большевики относились к иным конфессиям. Здесь вопрос отношения к религии становился частью национального вопроса, классовой борьбы, сохранения целостности страны, привлечения местного населения на сторону советской власти. При этом иные конфессии получали определенные преференции. Такая политика носила временный характер. Она была направлена если не на поддержку, то хотя бы на нейтрализацию местного населения. Борьба с иудаизмом и секуляризация евреев была возложена на еврейскую секцию в ВКП(б) [9, с. 60].

В полном объеме антирелигиозная политика в национальных окраинах стала реализовываться только после поражения Белого движения. С 1920–1922 гг. начался процесс отделения религиозного воспитания от школы, закрытие конфессиональных учреждений, изъятие их имущества. Антиконфессиональная политика приобрела всеобщий и системный характер. Важными функциями секретного особого IV («церковного») отделения ВЧК (затем ГПУ – ОГПУ) также стали разработка и осуществление актов репрессий в отношении духовенства разных конфессий [3, с. 230].

С середины 1920-х гг. в национальных регионах стали закрывать управления по делам местных конфессий, начались ограничения в системе религиозного образования, исполнении культовых обрядов, ликвидировались нормы обычного права. В 1926 г. появился тезис об антисоветском характере мусульманской религии, носители и защитники которой обвинялись в национализме и организации вооруженного сопротивления. [2, с. 244]. Началось закрытие культовых помещений, вводились высокие налоги на религиозные организации. Ответная реакция

проявилась в создании подпольных школ, оплачиваемых богатыми представителями этноса. К концу 1920-х гг. процесс массового закрытия мечетей и школ произошел в Азербайджане, республиках Средней Азии, на Северном Кавказе. И хотя кадровые потери в регионах, исповедовавших ислам, были значительно меньшими в силу иной иерархии религиозных ступеней, уничтожение субъекта – носителя религиозной духовности нанесло значительный ущерб местным сообществам. Местная религия начала сводиться к бытовому уровню. Поскольку религиозная культура является частью общественного сознания любой этнической идентичности, это стало началом процесса денационализации иноязычных народов.

С началом коллективизации и индустриализации еще более активизировалась кампания массового преследования верующих.

Одной из форм наступления на религию стало строительство новых промышленных городов. Так, при строительстве Магнитогорска с начала 1930-х гг. сформировался молодой многонациональный рабочий контингент. При этом городе не осталось ни одного церковного учреждения. Такая политика содействовала формированию атеистической повседневности среди граждан. Христиане и сектанты устраивали молельни в землянках, а мусульмане продолжали молиться прямо на улицах. Несмотря на усиление антирелигиозной пропаганды значительная часть населения города не только сохраняла веру, но и транслировала ее молодому поколению. Религиозная обрядовость сохранялась в повседневной жизни. Для усиления атеистической пропаганды в Магнитогорск было направлено 40 человек для развертывания массовой антирелигиозной пропаганды [5, с. 604, 606].

В мае 1932 года И. Сталин подписал Декрет о второй пятилетке. В числе важнейших задач новой власти была объявлена «безбожная пятилетка», «имя Бога должно быть забыто на территории страны» [14, с. 149]. Во время «большого террора» носители религии разных народов СССР определялись как классовые враги и шпионы. Наступление на конфессии объяснялось целью укрепления тоталитарного режима и уничтожения потенциально опасной оппозиции. К 1939 году во всей России осталось лишь около 100 соборных и приходских храмов [13, с. 8]. Мусульманство было загнано на бытовой уровень.

Во время Великой Отечественной войны власть вынуждено пошла на некоторые уступки. Начали восстанавливать храмы, мечети, проводили конфессиональные конгрессы и конференции. Несомненно, процесс реабилитации и восстановления религий был сложным и неоднозначным. Он сталкивался с политическими репрессиями, которые частично коснулись 55-ти народов, и в которых враждебными народами

было объявлено 15 этносов. На новых территориях выселенные народы исполняли свои культовые обряды также в полуподпольных условиях.

Депортация народов приобрела ранг государственной политики, направленной на невозможность этнического саморазвития народов. Вместо «усмирения» страна получила затаенный внутренний протест депортированных народов, а также рост антисоветских настроений, усиливавших и приближавших распад многонационального государства. Закладывался еще один фактор антирусской и антисоветской ориентации пострадавших народов [6, с. 148].

В послевоенный период концепция воинствующего атеизма осталась неизменной. Конфессиональная политика государства носила деструктивный характер и была нацелена на ликвидацию религии, как духовного явления и Церкви, как социального института.

Программа построения коммунизма, предполагающая формирование атеистического общества, обязывала политическое руководство страны начать новое наступление на конфессии. В 1958–1964 гг. активизировалась антицерковная кампания, в рамках которой продолжилось уничтожение инфраструктуры конфессий, нарушались конституционные права верующих, преследовались, подвергались арестам священнослужители, не идущие на сделку с властью. Усилилось давление на различные категории верующих, вплоть до полного запрещения некоторым из них – подросткам, госслужащим, учителям, военнослужащим – посещать храмы. Вместо веры гражданам предлагалась активная атеистическая пропаганда и распространение социалистических гражданских обрядов. Жесткая подконтрольность служителей конфессий, зачастую, побуждала их к конформизму, делала послушными исполнителями воли властей, институционно ослабляя роль церкви и религиозного фактора в существовании и развитии общества. Борьба с религией рассматривалась в том числе, как продолжение курса на десталинизацию советского общества и возвращение к ленинским нормам. Вместе с тем, сильное давление на церковь содействовало превращению православия в консолидирующий фактор русской национальной оппозиции.

Руководство четырёх духовных управлений исламских территорий находилось под надзором советских органов власти с постоянной отчетностью и подчиненной кадровой политикой. Существовал запрет паломничества к мусульманским святым местам, расположенным в СССР. Иные конфессии все более «размывались» в системе активной антирелигиозной пропаганды. Некогда значимый общественный институт вытеснялся из общественной жизни страны. Целых три поколения граждан страны рождались и жили в условиях официального атеизма. При этом все годы Советской власти значительная часть российского

населения сохраняла основы веры. Вера всегда играла значительную роль в сохранении национального самосознания. Этот фактор содействовал внутренней консолидации многих народов, их закрытости, нежеланию следовать национальной и религиозной политике руководства СССР. Поэтому с началом перестройки началось возрождение различных конфессий, рост численности духовенства. В 1980–1984 годах число служителей мусульманского культа увеличилось на 525 человек [11, с. 152]. При этом религиозное возрождение происходило одновременно с ростом национального самосознания и стремлением к самостоятельному решению национальной судьбы. Такая ситуация вела к политизации элит, которые в годы перестройки стали идеологами сепаратистских настроений и действий своего народа. В 1990–1991 годы в стране появились национальные партии, выдвигавшие программы выхода из состава СССР. Оппозиция правящему советскому режиму использовала религиозный фактор как средство борьбы против КПСС и советской власти.

Библиографический список

1. *Голдин В.И.* Россия в Гражданской войне. Архангельск, 2000. 280 с.
2. *Жанбосинова А.С.* Религиозная политика. Ислам и советская власть. URL: <http://journal.asu.ru/wv/article/view/2336> (дата обращения: 6.01.2023).
3. *Кашеваров А.Н.* Православная церковь и советское государство (1917–1922). М.: Издательство Крутицкого подворья, 2005. 440 с.
4. *Ленин В.И.* Социализм и религия // Полн. собр. соч. Т. 12.
5. *Макарова Н.Н.* Религиозность и советский образ жизни в условиях индустриализации // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 686 с.
6. *Маслов Д.В., Лазарева Л.Н., Суханова Н.И.* Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 399 с.
7. *Мережковский Д.* Записная книжка (1919–1920) // Вильнюс. 1990. № 6.
8. *Одинцов М.И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.
9. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. 511 с.
10. *Савин А.И.* Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)-ВКП(б) и евангельские церкви в 1922—1929 гг. // Государство и личность в истории России. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 2004.
11. *Свиленов Д., Ахмедова М., Дени А.* Христианство и ислам.
12. Собор. 1990. № 1.
13. *Цытин В.* История Русской Православной Церкви. Глава «Русская Православная Церковь в 1929–1941 годах». URL: <https://region03.ru/articles/gazrushenie-hramov-v-sssr.html> (дата обращения: 5.01.2023).
14. *Ярославский Е.М.* Борьба за преодоление религии. М., 1935. Т. IV.

УДК 271.2(09)

А.А. Федотов,

заместитель директора, профессор, Ивановский филиал
ЧОУ ВО «Институт управления»

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СССР В 1943–1958 ГГ.

В 1943–1958 гг. в Советском Союзе отмечалось ослабление государственной атеистической политики. В то же время оценка данного периода, как времени церковного возрождения в СССР, была бы сильно завышенной. При этом, несмотря на известные объективные трудности, Православная Церковь играла важную роль в жизни многих миллионов людей в нашей стране.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, СССР, атеизм, архиерей, епархия, приход.

A.A. Fedotov,

Deputy Director, Professor, Ivanovo branch of CHOU VO "Institute of Management"

THE SITUATION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE USSR IN 1943–1958

In 1943–1958, the weakening of the state atheistic policy was noted in the Soviet Union. At the same time, the assessment of this period as the time of the church revival in the USSR would be greatly overestimated. At the same time, despite the well-known objective difficulties, the Orthodox Church played an important role in the lives of many millions of people in our country.

Key words: Russian Orthodox Church, USSR, atheism, bishop, diocese.

Русская Православная Церковь в 1943–1958 переживала особый период своей внутренней жизни. В 1943 году она получила определенную свободу, возможность проведения Архиерейских и Поместных соборов, избрания Патриарха и Синода. В 1945 году было принято признанное государством «Положение об управлении Русской Православной Церкви», согласно которому она осуществляла свою деятельность как централизованная религиозная организация.

В 1944–1947 гг. было вновь открыто с разрешения Совета по делам Русской Православной Церкви 1270 церквей, главным образом в РСФСР, откуда были многочисленные и настойчивые просьбы верующих. При этом необходимо учитывать, что и после этого количество церквей в РСФСР составляло лишь 5,4 % от их числа в 1914 году [5, л. 2].

Если в Архиерейском Соборе, избравшем Патриарха Сергия, приняли участие лишь 19 архиереев – все, кто в это время находился на кафедрах на неоккупированных территориях, то по состоянию на 31 декабря 1946 года в СССР проходили свое служение уже 63 правящих архиерея Русской Православной Церкви. Из них около 40 на территории РСФСР, 17 на территории Украинской ССР, остальные в других союзных республиках. Основное количество – 43 архиерея – были рукоположены в сан после 1941 года [2, л. 5]. Количество священников и диаконов в СССР в 1946 году достигло 9254 [2, л. 24]. На 1 января 1948 года в СССР было уже 70 архиереев, причем за 1941–1947 гг. было посвящено в епископы 52 человека или 74,35 %. Из числа посвященных в архиерейский сан в дореволюционное время осталось всего 3 человека. Подвергались в разное время репрессиям до 1940 года 32 архиерея или 46 %.

Многих новых епископов этого периода рукополагали из числа овдовевших священников. (Согласно канонам Православной Церкви установлено обязательное безбрачие для епископов и, обычно, в дореволюционной России они рукополагались из числа тех, кто уже в юные годы принял монашество.)

Так в 1944–1945 годах были пострижены в монашество и рукоположены в сан епископа: священник Сергей Фестинатов (в монашестве Онисим), овдовел в 1942 году, в 1944–1970 гг. епископ, затем архиепископ Владимирский и Суздальский. Протоиерей Леонид Поспелов (в постриге Кирилл), овдовел в 1944 году, в 1946–1947 гг. епископ Ивановский и Кинешемский. Протоиерей Николай Прохоров (в постриге Иларион), овдовел в 1943 году, в 1958–1963 гг. архиепископ Ивановский и Кинешемский; протоиерей Владимир Градусов (в постриге Дмитрий), овдовел в 1938 году, в 1947–1954 гг. архиепископ Ярославский и Ростовский; протоиерей Александр Чуфаровский (в постриге Николай), овдовел в 1943 году, в 1951–1963 гг. епископ, затем архиепископ Рязанский и Касимовский [7, с. 304–305].

На 1 января 1948 года было зарегистрировано уже 11846 священников и 1255 диаконов (19,7 % по сравнению с их количеством в 1914 году) [5, л. 3].

Это с учетом того, что, по данным Совета по делам Русской Православной Церкви, «за 1947 год выбыло из состава духовенства 834 человека. Из них умерло 305 человека, сняло сан 21 человек, лишено сана 106 человек за порочащие поступки и 402 священника уволены за штат по нетрудоспособности (старости). В 1947 году было вновь посвящено в сан священника 575 человек» [5, л. 4]. По мнению Совета «если принять во внимание возраст священников (58,8 % в возрасте старше 55 лет) и естественную убыль, то в ближайшие годы эта убыль духовенства будет расти» [5, л. 4].

Нельзя не отметить того момента, что в Церковь, вступившую в более или менее благоприятный период своей жизни, потянулись многие случайные люди, которые руководствовались разного рода корыстными устремлениями. Обеспокоенность Патриарха Алексия I этой ситуацией прослеживается в его речи, сказанной при рукоположении епископа Кировоградского Евстратия: «Охраняя святость служения церковного... дерзай очищать вверенную тебе паству от тех, кто под личиной овечьей скрывает лицо волчье, и от тех, кто с корыстными целями приметається к алтарю Христову» [10, с. 361].

Начиная с 1950 года отмечается сокращение численности духовенства (в основном связанное с тем, что на место выбывших по возрасту или здоровью власти запрещали рукополагать новых). В связи со случаями рукоположения в священный сан 23–24-летних холостых молодых людей, Священный Синод 31 июля 1952 года принял решение предписать правящим архиереям не рукополагать в священный сан лиц в безбрачном состоянии. Исключения допускались для мужчин старше 30 лет и каждый раз с особого разрешения Синода [1, л. 50]. Сократилось и число приходов.

Служение епископов в это время проходило в исключительно тяжелых бытовых условиях. Митрополит Иоанн (Снычев) вспоминал впоследствии следующие подробности служения митрополита Мануила (Лемешевского): «Посещение приходов входило в прямую обязанность епархиального архиерея. Оно вызывалось не столько религиозными нуждами верующих, живших в отдаленных районах от областного города, сколько главным образом освящением храмов, постепенно открываемых в епархии.

Посещение приходов сопряжено было с рядом трудностей. Основным транспортом передвижения по области являлись тогда лошадь, машина и пригородный поезд. И так как ни епархия, ни церковный совет не располагали ни машиной, ни лошадей, то трудности начинались от самого дома. Идти на вокзал, да еще с вещами, приходилось пешком, за редким случаем ехать на лошади. А от архиерейского дома до вокзала не менее 4-х километров. Пригородные поезда, как правило, курсировали в ночное время. Отдых прерывался. Вагоны были не благоустроенные, холодные. Зайдешь, бывало, в зимнее время в такой вагон, а там холодище. Пар изо рта так и валит, руки мерзнут. Пока едешь до места, весь продрогнешь. А чего только не увидишь и не услышишь в таких поездах. К дорожным трудностям добавлялись разного рода приключения и церковная обстановка, с которой приходилось невольно сталкиваться» [6, с. 220–221].

В то же время с 1955 г. стало правилом присутствие представителей Московской Патриархии на приемах в Верховном Совете и в иностранных посольствах. Это давало возможность церковным иерархам

непосредственно общаться с руководителями государства и излагать им свои пожелания и ходатайства. Так, в июне 1955 г. на приеме председателем Совета Министров Н.А. Булганиным премьер-министра Индии Д. Неру Патриарх Алексей I заявил советскому премьер-министру о желательности их официальной встречи, и Булганин ответил согласием. В 1955 г. подобной встречи не состоялось, но Церкви были сделаны серьезные уступки. 17 февраля Совет Министров принял постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий», согласно которому Совету по делам РПЦ предоставлялось право регистрировать церковные общины, которые давно фактически действовали без официального разрешения. Кроме того, решения об открытии новых храмов теперь принимались Советами Министров союзных республик, а не СССР, как раньше. В результате количество православных храмов в стране вновь стало расти. В 1955 г. было зарегистрировано 37 неофициально действовавших церквей и открыто 4 новых.

Практически впервые за всю советскую историю Православной Церкви разрешили напечатать Библию, Евангелие, и в 1956 г. они вышли общим тиражом 50 тыс. экземпляров.

В августе 1956 г. Совет Министров РСФСР наконец-то принял давно обещанное решение «О передаче Московской Патриархии зданий и сооружений, расположенных на территории Троице-Сергиевой Лавры в г. Загорске», через год был освящен возвращенный Церкви Троицкий собор Александро-Невской Лавры в Ленинграде, на рабочих и служащих храмов распространили трудовое законодательство. В 1957 г. Патриархия уже ставила вопросы о возвращении ей Новодевичьего или Донского монастыря, организации церковной типографии, причем при поддержке Совета по делам РПЦ они оказались близки к разрешению.

К 1 января 1957 г. количество зарегистрированных православных храмов в СССР выросло до 13 478, численность духовенства в них достигла 12 288 человек. В качестве примера ситуации на местах можно привести одну из провинциальных областей Центральной России – Рязанскую, где на 1 января 1956 года имелось 76 действующих храмов, где служили 116 священников и 13 диаконов [3, л. 130–131].

Состав архиереев, по мнению властей, изменился к худшему. Из 70 правящих иерархов, в ряды которых влились недавно освобожденные из лагерей, примерно половина подвергалась репрессиям. Многих из них контролировать было крайне сложно. Так, в мае 1957 г. на совещании в Совете по делам РПЦ отмечалось, что умерший полтора года назад митрополит Ленинградский Григорий «не терпел никаких советов уполномоченного и если узнавал про отдельные советы, рекомендованные уполномоченным, то, как правило, делал все наоборот. Преследовал духовенство, которое периодически посещало уполномоченного» [11, с. 356].

Укреплялось материальное положение Церкви. Так общий приход средств Калининской епархии за 1956 год составил 11.089.634 рубля, (с остатком на 1 января 1956 года). Из них на нужды храмов было израсходовано 6.323.203 рубля, взносы в епархиальное управление составили 2.100.120. рублей, выплата пенсий – 59.750 рублей, остаток на 1 января 1957 года – 2.505.561 рубль [9, л. 13]. При этом в данный период епископ мог в любое время назначить ревизию финансовой части храма и, в случае злоупотреблений со стороны церковных советов и ревизионных комиссий, по согласованию с уполномоченным, мог уволить церковный совет и дать разрешение на избрание нового [1, л. 41] Однако среди членов церковных советов было немало людей недовольных такой ситуацией. В своей жалобе в адрес председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова члены приходской общины Борисо-Глебского кафедрального собора города Рязани в частности писали: «Мы – хозяева церкви!», «у нас церковь для духовенства, а не для верующих, а верующие есть пчелы, приносящие мед в улей – церковь» [4, л. 101].

Относительное благополучие Церкви было очень непрочным. В КПСС имелись влиятельные силы, готовые в любом благоприятном моменте возобновить антирелигиозное наступление. Н.С. Хрущев в 1955 году в беседе с делегацией французских парламентариев заявил: «Мы продолжаем быть атеистами. Мы будем стараться освободить от дурмана религиозного опиума, который еще существует, большую часть народа» [8, с. 12].

При том, что в 1943–1958 гг. Русская Православная Церковь переживала период внешнего возрождения, количество ее приходов в относительно благоприятном 1947 году все равно составляло лишь 5,4% от их числа в 1914 году. Впрочем, это можно объяснить и естественным снижением уровня религиозности населения, живущего в условиях советской действительности, где нормой считался атеизм. Времена благоприятной государственной политики привлекли в Церковь много случайных людей, которые затем с легкостью отреклись от Бога, как только начался новый виток антицерковных репрессий. Отмечалась существенная разница в отношении властей к Патриарху и его ближайшему окружению и к духовенству на местах, в том числе и к правящим архиереям. Если первых даже приглашали на правительственные приемы, то последние продолжали находиться в крайне тяжелых условиях. В то же время в данный период началось возрождение традиционных православных, в том числе монастырских, форм духовности, включая крестные ходы, паломничества.

Библиографический список

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. р-3501. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-6991. Оп. 2. Д. 4.

3. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. р.-5629. Оп. 1. Д. 44.
4. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. р.-5629. Оп. 1. Д. 135.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 7.
6. *Иоанн (Снычев), митрополит*. Жизнь и служение митрополита Ма-нуила. Самара 1997.
7. *Киреев А., протод.* Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2002 годах. М., 2002.
8. О положении Церкви в Советской России и о духовной жизни Русско-го народа. Доклад Архиерейскому Собору РПЦ 1959 года епископа Лос-Анжелесского Антония. Джорданвилль, 1960.
9. Тверская епархиальная научная библиотека (ТЕНБ). АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 322.
10. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.
11. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.

УДК 9 (908)

Е.А. Шушканова,

доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева (Красноярск)

ЗНАЧЕНИЕ СИБИРСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ В ЖИЗНИ ЦЕРКОВНОГО ПРИХОДА

Рассматривается значение крестьянской общины Сибири в приходской жизни Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: сельский приход Русской православной церкви, кре-стьянская община, бюджет сельского общества.

E.A. Shushkanova,

Associate Professor, Siberian State University of Science and Technology named after academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk)

THE SIGNIFICANCE OF THE SIBERIAN PEASANT COMMUNITY IN THE LIFE OF THE CHURCH PARISH

The article considers the importance of the Siberian peasant community in the parish life of the Russian Orthodox Church in the second half of the XIX – early XX centuries.

Key words: rural parish of the Russian Orthodox Church, peasant community, rural society budget.

Поскольку Сибирь не знала помещичьего землевладения и крепостного права, основную роль в жизни деревни здесь, играла сельская община. При этом важной особенностью сибирской деревни было отсутствие земельных переделов, принятых в европейской России, когда не чаще одного раза в 12 лет вся земля поселения перераспределялась между домовладельцами для последующего индивидуального пользования. В Сибири было иначе, о чем пишет известный красноярский краевед Б.Е. Андюсов: «Высочайший статус личного труда, индивидуализма, чувства собственности и свободы породили в Сибири возможность продажи, аренды, наследования пашенных земель в общине. Община осуществляла совместное пользование угодьями: пастбищами, покосами, лесом, кедровниками, рыболовными «местами» [5, с. 45]. Поэтому сибирская община была гораздо более свободной системой коллективного хозяйствования в сравнении с европейской Россией, сохраняя статус социальной защиты: поддерживала бедствующих, спасала в случае неурожая или пожара, была опорой для потерявших кормильца. Высокая самодеятельность сибирской общины проявилась и в церковной жизни деревни.

Появление нового прихода, а затем строительство сельской церкви официально начиналось в Консистерии епархии только после поступления туда приговора сельского общества о желании иметь таковую. Важным документом для архипастырского благорассмотрения вопроса строительства храма было так называемое «показание», которое заверялось подписями присутствующих на сельском сходе и круглой печатью сельского старосты. Данный документ представляет исследовательский интерес, т. к. в нем подробно излагались обязанности, которые брало на себя сельское общество по строительству и содержанию будущего храма. К примеру, в «показании» с. Барабановское Красноярского уезда указывалось, что «сооружение церкви имеем производить ... посредством пожертвований и с помощью сбора с книгою, выдаваемую на сей предмет епархиальным начальством» [4. Д. 661. Л. 18]. Далее общество обязалось обеспечить вывоз строительного леса и прочие потребности для возведения храма.

Свобода предоставлялась общине в определении архитектурного проекта будущей постройки. Для этого существовали альбомы типовых проектов церквей: в 1853 г. Министерством государственных имуществ в Санкт-Петербурге был издан «Атлас проектов церквей сельских построек». Кстати сибиряки долго игнорировали указание властей на предпочтение каменных храмов и деревянное церковное зодчество (в отличие от европейской России) оставалось актуальным весь XIX век. Дерево являлось более дешевым и доступным материалом, к тому же такая постройка возводилась с широко известным у местных жителей

знанием плотницкого мастерства, а потому достаточно быстро. Да и обогревать деревянный храм в длинные, морозные сибирские зимы было легче.

Для характеристики роли крестьянской общины в приходской жизни, следует рассмотреть ее содействие церкви в повседневной, хозяйственной жизни. Храм требовалось убирать, охранять, ремонтировать. Для этих целей жители выбирали ответственных: церковного старосту и других помощников настоятеля (трапезников, сторожей). Избирались они на сельских сходах жителями, имеющих право голоса. Главной выборной фигурой в приходе был церковный староста, полномочия которого, официально закрепленные в уставах, были весомы. Хотя самостоятельность приходов в российской империи (особенно в XVIII в.) заметно упала, церковный староста оставался фигурой далеко не номинальной. В его функции входило: сбор денег в церковную кассу и прием различных сумм, вкладов и приношений; контроль за свечными доходами; приобретение всего необходимого для церкви; наблюдение за исправным состоянием церковного здания и утвари; надзор за дисциплиной и порядком среди прихожан и ряд других забот. Можно сказать, что избранный сельчанами церковный староста занимал центральное место в системе храмопопечения. Важность этой должности подтверждалась необходимостью получения официальной бумаги из МВД об утверждении приходского старосты.

Кроме старосты, мирские сходы избирали также трапезников для своего храма. Трапезниками называли низший чин служителей при церкви. В задачи их входила уборка храма и мелкий ремонт, изготовление иордани (проруби) на реке накануне праздника Крещения Господня, звон в колокол и другие поручения. Изучения приговоров сельских сходов показывает, что действовала практика поочередного выбора трапезников (обычно молодых мужчин) от разных деревень, входящих в приход. Также выбирали караульчиков. В их функции входил периодический обход храмовой территории ночью с правилом звонить в колокол каждый час. Хотя сельские церкви достаточно хорошо защищались от воров: отворялись наружу, имели прочные висячие и внутренние замки, на всех окнах имелись железные решетки, охрана была необходима, учитывая высокий процент ссыльных.

Отдельной и большой проблемой является участие крестьянской общины в содержании церковного клира. Роль общины здесь была существенной, начиная от обеспечения клириков жильем до выделения материальных средств на их содержание. Рамки данного исследования не позволяют всесторонне рассмотреть эти вопросы, но можно заключить следующее.

Во-первых, церковные расходы составляли немалый процент от всех коллективных расходов сельских жителей. В архивных фондах Красноярского окружного по крестьянским делам присутствия сохранились сметы общинных расходов, которые принимались на основе приговоров сельских сходов. Они показывают, что наиболее весомые расходы определялись общинами на содержание волостного правления. Например, сельский сход с. Барабановское Частоостровской волости выделил в 1897 г. на содержание волостного правления более 50 % всего мирского бюджета [1. Д. 18. Л. 23]. Высокими по значимости были расходы на земские нужды, в частности на содержание гоньбы. Так, с. Барабановское выделяло на дорожные расходы в том же 1897 г. около 16 % всех расходов. Примерно равная дорожным расходам шла у сельских обществ смета на содержание приходских храмов: жители той же деревни выделили на церковные расходы 14 % бюджета [1. Д. 18. Л. 246].

Расходы на церковь жители раскладывали по всем деревням, которые составляли приход. Но следует учитывать, что кроме денежных средств, общинники, использовали натуральные взносы в коллективный бюджет. Сельское хозяйство в рассматриваемый период оставалось малотоварным и денег у крестьянских семей было немного. Поэтому широко использовалось внесение в мирской бюджет части урожая. Например, долгое время в России (и в Сибири в частности) в качестве жалования клиру служила церковная хлебная руга. Так, жители деревень в Частоостровской волости Красноярского уезда выделяли из своих хлебных магазинов (складов): священнику 20 пудов зерна, псаломщику 7 пудов, просфорне 2 пуда в месяц [2. Д. 52. Л. 1]. Однако этот натуральный налог со второй половины XIX в. уходил в прошлое даже несмотря на то, что выделение руги осуществлялось по распоряжению Главного управления Восточной Сибири, т. е. гражданской власти.

Во-вторых, говоря о роли сельской общины в содержании церковного клира, можно свидетельствовать о повсеместном снижении интереса сельских обществ к этой обязанности. Например, благочинный 2 участка Ачинского округа в 1869 г. давал в своем рапорте развернутую картину выполнения прихожанами жилищных обязательств в отношении причтов. По поводу съемных квартир для церковнослужителей он свидетельствовал: «ропот и негодование при сборах денег для уплаты за квартиры, и самая плата производится всегда неисправно и несвоевременно»; «часто по одному капризу домовладельца доводится квартиранту – духовному лицу менять квартиру, а перемена квартиры в селении и притом квартиры общественной, дело далеко не легкое» [3. Д. 7417. Л. 33].

Причины ослабевающего участия сельской общины в материальном обеспечении священнослужителей разнообразны. Стоит обратить

внимание на две важные из них: постепенном процессе разрушения крестьянской общины и заметом спаде религиозности крестьянства, о котором много писали сельские пастыри. В Енисейских епархиальных ведомостях в 1910 г.: «авторитет священника принижен... со священником обращаются без должного уважения». Не дают подвод, без которых священник не мог передвигаться по приходу: «Ждешь сутками. А то и вовсе не дадут, просто из одного каприза» [6, с. 39].

Одним из важных способов обеспечения жизнедеятельности церковного прихода было выделение общинной земли в пользование церковного клира. Это была не только прихрамовая, но пахотная, а чаще всего сенокосная земля. Однако выделение общинной земли на клировые нужды являлось не вполне отрегулированной процедурой. Например, при создании барабановского прихода к нему приписывалась одна десятина усадебной земли. При этом, как указывалось в клировой ведомости за 1862 г. (т. е. спустя 10 лет после открытия прихода), «земли нет ни пахотной, ни сенокосной, но по распоряжению гражданского начальства священник с семьей получает на содержание из записных сельских магазинов хлебной руги в зерне...» [3. Д. 18. Л. 23]. Только в 1865 г. к Параскевской церкви было приписано 54 десятины сенокосной земли [7, с. 31]. Она была отведена в 6–7 верстах от села Барабановского за рекой Енисей, и предназначалась служителям причта: в первую очередь, для возможности им получать дополнительный доход от занятия сельскохозяйственным трудом. Такая практика присутствовала во всех сельских приходах Енисейской епархии, хотя далеко не всегда приписанная земля действительно обрабатывалась церковнослужителями.

Причины тому были разные. Порою церкви отводилась земля далеко не лучшего качества. В ряде отчетов для епархиальных властей сельские священники писали, что земля дохода не приносит из-за дальности надела или из-за неудобства сенокоса. Встречаются документы о тяжбах между священнослужителями и жителями по поводу земли. Например, в 1868 г. в с. Коркино причту Вознесенской церкви землемер отмежевал луга, от коих причт решительно отказался, мотивируя тем, что «эти земли негодны». Дело дошло до того, что, когда причет церкви все же воспользовался покосами по своему выбору, коркинцы просто отобрали скошенное сено [3. Д. 7417. Л. 153].

Кроме того, духовенство не могло полноценно обрабатывать землю в силу занятости на приходе. Поэтому земля своими силами могла не обрабатываться, а сдавалась в аренду на условиях договора. Или на оброчное содержание, когда часть полученного урожая отдавалась владельцу земли (в данном случае церковному причту). Церковнослужители большей частью уклонялись от непосредственного участия в полевых работах. Преосвященный Исаакий – енисейский епископ, который

отличался частыми путешествиями по епархии, во время поездки 1883 г. довольно резко отзывался на этот счет. Отмечал, что «низшие члены причтов, как менее обеспеченные, приучаются к попрошайничеству и вымогательству с прихожан под разными предлогами» вместо того, чтобы подавать пример рационального ведения хозяйства [7, с. 31]. Хотя обращает внимание, что владыка высказывался по поводу пономарей, а не священства.

Итак, высокий уровень самодеятельности сельской общины в церковной жизни опирался на реально действующий принцип выборности при решении текущей жизни прихода, наличие общественного бюджета на церковные нужды, ответственность общины за содержание прихода, включая приходскую школу. Участие в обеспечении жизнедеятельности сельской церкви осуществлялось как в денежной форме, так и в натуральной. Кроме того, жители осуществляли добровольную трудовую повинность: строительство, ремонт, благоустройство храма и прихрамовой территории, содержание кладбищ, домовых построек для клира и пр. Хотя несомненно сельские общества зависели от властей и нередко испытывали административный нажим. В том числе и по церковным вопросам. Скажем, в приговорах сельских обществ, утверждавших сметы общинных расходов, в конце XIX в. присутствует повсеместная подписка на весьма дорогое иллюстрированное издание – «Российский царственный дом Романовых» стоимостью 12 руб. 28 коп. Мало сомнений, что эта статья расходов была результатом команды «сверху».

Представляется также, что при советской власти качество самоуправления и личной крестьянской самодеятельности значительно снизились по сравнению с дореволюционным периодом российской истории.

Библиографический список

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 12. Оп. 1.
2. ГАКК. Ф. 237. Оп. 1.
3. ГАКК. Ф. 674. Оп. 1.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 11.
5. *Андюсов Б.Е.* Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX в. Красноярск. 2003. С. 45.
6. Енисейские епархиальные ведомости. 1910. № 18.
7. *Шушканова Е.А.* Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX–XX в.). Красноярск. 2019.

УДК 94(438)+322

Л.Л. Щавинская,

старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

ИЛАРИЯ БУЛГАКОВА – ХРАНИТЕЛЬНИЦА ПРАВОСЛАВНОГО НАСЛЕДИЯ БЛИЖНЕГО РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В числе самых близких к писателю М.А. Булгакову людей была его двоюродная сестра И.М. Булгакова (1892–1982), основная часть жизни которой прошла на востоке современной Польши, издревле связанном с православной традицией.

Ключевые слова: И.М. Булгакова, М.А. Булгаков, православие, Русское Зарубежье, Польша.

L.L. Shchavinskaja,

Senior Research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

ILARIA BULGAKOVA – CUSTODIAN OF THE ORTHODOX HERITAGE OF THE NEAR RUSSIAN ABROAD

Among the closest people to the writer M.A. Bulgakov was his cousin I.M. Bulgakova (1892–1982), the main part of whose life was spent in the east of modern Poland, which was associated with the Orthodox traditions since ancient times.

Key words: I.M. Bulgakova, M.A. Bulgakov, Orthodoxy, Russian Abroad, Poland.

Иларию Михайловну Булгаковой, родившейся 31 марта 1892 г. в древнерусском городе Холме, основанном князем Даниилом Галицким в первой половине XIII в., суждено было стать одним из самых верных хранителей исторической памяти ближнего Русского Зарубежья. Дочь преподавателя Холмской духовной семинарии М.И. Булгакова, выходца из потомственной орловской священнической семьи, и Л.П. Булгаковой (Гапонович), предки которой священствовали в основном в сельских вольных приходах, И.М. Булгакова с первых детских лет была вовлечена в церковную жизнь [1, с. 551–562].

В год ее рождения ректором православной семинарии в Холме становится будущий святой патриарх Тихон, а через несколько лет архимандрит Евлогий (Георгиевский), личность выдающаяся в судьбах православия не только на Холмщине, но и во всем его русском пространстве, включая и обширное зарубежье. С 1902 г. семинарией руководит будущий предстоятель церкви в межвоенной Польше митрополит

Дионисий (Валединский), коренной муромчанин, которому, как и всем предыдущим ректорам Холмской семинарии, суждено было сыграть свою роль в жизни И.М. Булгаковой. В семейном кругу подраставшей Иларии большое влияние на нее помимо родителей оказывали дед-священник и бабушка по материнской линии, жившие в селе Бусьно недалеко от Холма, где все коренные жители на многие десятки верст окрест говорили согласно донесениям сотен народных учителей в Холмское православное Богородицкое братство «на местном малорусском наречии» [2].

Конец XIX – начало XX в. на Холмщине ознаменовался необычайно успешным развитием здесь женского православного монашества, о чем говорили тогда не только во всем православном мире, но и всем христианском. Несколько десятилетий деятельности здешних женских православных обителей вошли в историю мирового православия как одни из самых ярчайших, причем некоторые из этих монастырей продолжают существовать сейчас как на территории современной Польши, так и вне ее. И.М. Булгакова окажется не только свидетельницей, но и в какой-то степени участницей событий, связанных с их историей, особенно в так называемый беженский период и позднее.

О всех перипетиях, касающихся выделения Холмщины в отдельную губернию Российской империи, которое Николай II утвердил летом 1912 г., И.М. Булгакова узнавала уже в Киеве, где она училась на Высших женских курсах, именуемых также Университетом св. княгини Ольги, и жила в семье вдовы своего родного дяди профессора-богослова А.И. Булгакова. Во время I мировой войны курсистка И.М. Булгакова начинает помогать в лечении раненых в киевских госпиталях, а затем переезжает к родителям в Москву, куда была эвакуирована Холмская духовная семинария [3]. Московские годы ее жизни с родителями и членами семейства дяди А.И. Булгакова будут помниться И.М. Булгаковой до конца ее дней, когда она волею обстоятельств оказалась в одном из главных центров российской революции, а затем и столице СССР. Возвращение в межвоенную Польшу родителей, где у семьи в Холме был огромный дом в самом центре города, в конечном итоге определило и ее отъезд на родину, тем более к этому же подталкивали усиливающиеся советские репрессии против православной церкви, что И.М. Булгакова именовала не иначе как «адом советским» [4, с. 265].

Жизнь ее в возрожденной независимой Польше оказалась полной противоположностью предвоенной. Польские власти столь интенсивно стали бороться с проявлениями хоть каких-либо русских начал, что уже в первый год существования новой Польши стали уделять здесь этому особо пристальное внимание, тем более именно православные холмщане

первыми в стране попытались наладить выпуск для своих нужд русскоязычной литературы [5, s. 5–7]. А «православное» и «русское» рассматривалось польским чиновничеством в неразделимом единстве, несомненно угрожавшем интересам государства [5, s. 8]. Древний православный собор в Холме, возведенный еще в середине XIII в., был передан иезуитам, иные многочисленные православные здешние церковные строения в основном уничтожались, особенно это касалось исторического княжеского взгорья «Горки» или «Даниловой горы», на которой в 1921 г. с особым показным цинизмом была разрушена памятная часовня в честь св. Кирилла и Мефодия. Начавшееся украинское национальное движение в православной среде Польши еще более усугубило внутригосударственные гонения на православных. В той или иной степени соприкоснувшийся с этим движением еще в самом его зарождении в довоенной Холмской семинарии, отец И.М. Булгаковой оказался невольным прямым его свидетелем начиная с момента созыва в 1917 г. в Москве епархиального съезда Холмской епархии [6], а затем уже в г. Кременце, где прежняя довоенная семинария была по сути на время возрождена [7, с. 175].

Апогей преследования коренного православного населения Холмщины наступил летом 1938 г., когда здесь были разрушены «сотни церковных зданий», «в том числе 150 православных храмов, включая и очень древние» [8, с. 21]. Эта холмская православная трагедия самым прямым образом сказалась и на И.М. Булгаковой, потерявшей в 1937 г. отца, пережившей варварскую ликвидацию захоронений ее бабушки и деда-священника, устроившего в своем сельском приходе православный церковный мемориал во имя преподобного Антония Печерского с большим каменным храмом и пещерной церковью, где он и завещал похоронить себя. Годы немецкой оккупации с возвращением православным древнего Холмского собора, организацией Холмско-Подляшской православной епархии, обретением главной святыни Холмщины древнейшей Холмской иконы Богоматери, вывезенной с началом I мировой войны в Петроград и находившейся там на подворье Радочницкого монастыря по крайней мере до 1920-х гг. [9, с. 220–224] были одни из самых драматичных в истории взаимоотношений местного восточнославянского населения с польским. По сей день, как пишут современные польские православные историографы, «поляки и украинцы не предприняли полного анализа и не создали еще картины тогдашней истории» [10, s. 16]. Для нас же очень важен приписываемый народной молвой И.М. Булгаковой факт спасения Холмской иконы Богоматери в конце немецкой оккупации, при попытке вывезти образ на запад [11, с. 19–20].

Вслед за освобождением Холма почти сразу же летом 1944 г. Холмский православный собор Рождества Богородицы вновь передается католикам, а затем осенью начинается массовая депортация местного коренного украинского населения вскоре превращенная в настоящую этническую чистку, известную как операция «Висла». Эта польская репрессивная акция затронула очень многих знакомых И.М. Булгаковой и ее матери, например, известного протопресвитера Ивана Левчука, бывшего настоятеля православного собора Рождества Богородицы, настоятельствовавшего в 1944–1947 гг. в церкви св. Иоанна Богослова, единственном православном храме Холма, оставленном верующим польскими властями. Примечательно, что в это же время в помещениях приходского дома этой единственной православной церкви в городе организует свою деятельность музыкальная школа, в числе первых преподавателей которой оказывается И.М. Булгакова, проработавшая в ней около 20 лет. Находящийся в нескольких минутах ходьбы от школы родной дом, а чуть дальше православное кладбище, на котором покоятся отец и младшая сестра, становятся главными ориентирами ее внутригородских маршрутов. В декабре 1962 г. умирает мать И.М. Булгаковой что самым резким образом меняет всю ее дальнейшую жизнь, 70-летней женщины, все чаще задумывавшейся о монашеском призвании. По воспоминаниям очевидцев многое изменяется в облике И.М. Булгаковой и поведении, совершенно отчетливо проявляется исконная «православная русскость», что особенно отмечали старые прихожане единственного и поныне в Холме православного храма и более молодые члены братства при нем. Она все активнее, используя свои многолетние личные наблюдения и материалы отца, близких родственников и знакомых, начинает писать на темы православия в западной части Российской империи и его наследии в современной ей Польше, межвоенной и послевоенной. В общей сложности в польской и зарубежной печати И.М. Булгакова публикует целый ряд статей о давнем православном семинарском образовании, женских монастырских обителях на Холмщине и Подляшье, выдающихся местных церковных деятелях, православном паломничестве и многом другом. Пишет она о своем родном Холме, городском послевоенном приходе, но более всего о Марфо-Мариинской женской обители на Святой горе Грабарке, что на южном Подляшье, с которой ей лишь частично удалось связать свою судьбу, так и не став православной монахиней [12, с. 1–4]. Периодически она приезжает в этот монастырь и какое-то время даже пребывает в нем в качестве своеобразной трудницы, в том числе занимающейся составлением монастырской летописи в 1960–1970-е гг.

Образ любимого двоюродного брата М.А. Булгакова постоянно присутствует в ее сознании, она регулярно устраивает молебны в память

о нем, а летом 1977 г. устанавливает на Святой горе Грабарке поминальный крест с мольбой о «русском писателе Михаиле Булгакове»: «Господи умиласердись надь нимь». О богатствах православного наследия ближнего Русского Зарубежья И.М. Булгакова стремилась рассказать и в дальнейшем, надеясь при этом, что уж там эти ее сведения не только сохраняются, но и будут переданы дальше всему русскому православному миру. Особо памятна в данной связи ее парижская публикация о знаменитом своей праведной жизнью иеромонахе Христофоре (Саковиче), замечательном духовном писателе, на произведениях которого воспитывались и воспитываются миллионы православных людей во всем мире [13, с. 31–49]. И.М. Булгакова очень точно называет «поэтическое творчество о. Христофора» «Богословием в стихах» «по тематике – догматической, нравственной и апологетической. Это своего рода “Псалтырь Нового Завета”» [13, с. 46].

Скончалась И.М. Булгакова 4 декабря 1982 г. в Холме, ровно через 20 лет после кончины своей матери, также умершей 4 декабря, и была погребена в родовом захоронении на местном холмском православном кладбище.

Библиографический список

1. *Щавинская Л.* Польская русская Илария Булгакова – летописец православия в Польше // *Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева.* М., 2013.
2. Archiwum Państwowe w Lublinie. F. 103. № 24.
3. Центральний державний історичний архів, м. Львів [ЦДІАЛ] Ф. 693. Оп. 1. Е. х. 281.
4. *Земская Е.А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004.
5. Archiwum akt Nowych w Warszawie. F. «Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego». Sygn. 1260.
6. ЦДІАЛ. Ф. 693. Оп. 1. Е. х. 469, 470.
7. Церква і нарід. 1937. № 5.
8. *Лабынцев Ю.А.* Русская Варшава протопресвитера Терентия Теодоровича (1867–1939) // *Традиции и современность.* № 29. 2022. С. 13–28.
9. *Лабынцев Ю.А.* Петроградский период в истории Радочницкой православной обители и распространение ею паралитургических произведений иеромонаха Христофора (Саковича) // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Междунар. науч. конф. Иваново, 23–24 марта 2016 г.:* в 2 ч. Иваново, 2016. Ч. 1.
10. *Pelica G.J.* Krwawa mapa Chełmszczyzny: 1942–1944 // *Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego.* 2015. № 1.
11. Чудотворна ікона Холмської Богородиці: Повернення з небутія. Луцьк, 2009.
12. *Булгакова И.* Снова на Горе Грабарке // *Церковный вестник.* 1967. № 9.

13. *Лабынцев Ю.А.* Священное достояние Pax Christiana: литературное наследие иеромонаха Христофора (1833–1897) // Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований. М., 2021.

УДК 281.9(470.43)

В.Н. Якунин,

профессор, Московский художественно-промышленный институт (Москва)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ, ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ САМАРСКОЙ И СЫЗРАНСКОЙ ЕПАРХИИ В 2012 Г.

В статье исследуется повседневная жизнь Самарской и Сызранской епархии в 2012 г. по материалам текущего архива Самарского епархиального управления. Уделяется внимание конференциям, выставкам, конкурсам, другим мероприятиям, проводившимся с участием епархии и её правящего архиерея митрополита Сергия (Поветкина), которые нашли отражение в прессе и получили широкий общественный отклик.

Ключевые слова: Самарская и Сызранская епархия, епархиальное управление, правящий архиерей, архиепископ, духовенство, власть, государственно-церковные отношения.

V.N. Yakunin,

Professor, Moscow Art and Industry Institute (Moscow)

RELATIONS WITH AUTHORITIES AND SOCIETY, MAIN EVENTS AND EVERYDAY LIFE OF THE SAMARA AND SYZRAN DIOCESE IN 2012

The article examines the daily life of the Samara and Syzran dioceses in 2012 based on the materials of the current archive of the Samara diocesan administration. Attention is paid to conferences, exhibitions, competitions, and other events held with the participation of the diocese and its ruling bishop Archbishop Sergius (Poletkin), which were reflected in the press and received a wide public response.

Key words: Samara and Syzran diocese, diocesan administration, ruling bishop, archbishop, clergy, power, state-church relations.

15 марта 2012 года решением Священного Синода из состава Самарской епархии были выделены Отрадненская и Похвистневская епархия и Кинельская и Безенчукская епархия. Самарская, Кинельская и

Отраденская епархии были включены в состав Самарской митрополии. После этого в составе Самарской епархии остались: городские округа Самара, Тольятти, Жигулёвск, Сызрань, Новокуйбышевск и Волжский, Ставропольский, Сызранский, Шигонский муниципальные районы. Поэтому 2012 год проходил под знаком подготовки, а затем и практической реализации этого решения Священного Синода. Отраденской епархией было доверено руководить епископу Никифору (Хотееву), Кинельскую епархию возглавил епископ Софроний (Баландин) [1, л. 4]. Оба архиерея были креатурами архиепископа Самарского и Сызранского Сергия (Полеткина), который рекомендовал их на должности и на возведение в сан епископов.

Процесс выделения новых епархий, их становления и развития потребовал определенных усилий от всего аппарата управления Самарской митрополии. Практически по всем вопросам организации приходской и епархиальной жизни на территориях новых епархий работникам управления, а прежде всего, правящему архиерею, приходилось оказывать молодым епископам и их помощникам разнообразную помощь и поддержку. Кроме того, немало времени и сил потребовало размежевание и упорядочение делопроизводства, юридические и организационные вопросы, неизбежно возникающие в ходе реформирования.

Главным событием духовной жизни епархии в 2012 г. стало пребывание на Самарской земле одной из святынь РПЦ – Чудотворной Курско-Коренной иконы Божией Матери «Знамение». Святыня была доставлена специальным рейсом в сопровождении официальной делегации во главе с архиепископом Берлино-Германским и Великобританским Марком. Чудотворная икона пребывала в Самарском Покровском кафедральном соборе в период с 17 по 22 сентября. За это время ей поклонились тысячи самарских верующих [1, л. 5].

В эти же дни была продолжена традиция ежегодного проведения в епархии масштабного церковно-государственного форума, который стал площадкой для обсуждения важнейших проблем современного российского общества. В нём приняли участие представители власти, преподаватели, студенты, представители общественных организаций и творческих союзов. Религиозное возрождение предопределило колоссальный интерес к православно́й вере, и в наше время общество активно поддерживает церковные инициативы [2, с. 288].

18 сентября в Самаре состоялась международная научно-практическая конференция «Исторический и духовный путь развития России: память поколений», посвященная 1150-летию Российской государственности, 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года и 400-летию преодоления Смуты. Русская православная церковь всегда

пользовалась значительным влиянием среди верующих Поволжья, воодушевляла на борьбу защитников Отечества [3, с. 289].

Форум открылся молебном перед Чудотворной Курской-Коренной иконой Божией Матери «Знамение». Пленарное заседание состоялось в Самарском академическом театре оперы и балета. К участникам обратились губернатор Самарской области Н.И. Меркушкин, архиепископ Берлино-Германский и Великобританский Марк (Арндт), митрополит Самарский и Сызранский Сергей (Полеткин), главный федеральный инспектор по Самарской области Бендусов А.И., глава города Самары Азаров Д.И., председатель Совета ректоров самарских вузов, академик РАНН Г.П. Котельников.

С наиболее яркими докладами выступили доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теоретической политологии МГУ им. М.В. Ломоносова В.Н. Расторгуев («Независимость России в современном геополитическом пространстве: состояние и перспективы»), и доктор медицинских наук, известный полярный исследователь, Герой России М.Г. Малахов («Русская Америка: возвращение к своим берегам») [1, л. 6].

Конференция продолжила свою работу по направлениям. Площадками для участников стали крупнейшие вузы областной столицы. Так, секция «Отечественная война 1812 года в контексте мировой истории» прошла в главном корпусе Самарского государственного технического университета, секции «Наследие древнерусской музыкальной культуры» и «Музеи как хранители духовной культуры» – в Самарской Православной Духовной семинарии. Вопросы воспитания патриотизма подрастающего поколения в системе учебной и внеучебной деятельности обсуждались в Самарском институте повышения квалификации и переподготовки работников образования. Языку славянской Библии был посвящен «круглый стол» Самарского государственного университета. Об истоках, последствиях и уроках Смуты говорили в Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. Была успешно задействована и такая форма работы, как «молодежная трибуна»: в детском епархиальном образовательном центре (ДЕОЦ) «Лучик» при Петропавловском храме Самары и на базе одного из его филиалов на улице Черемшанской речь шла о великих вехах Российской истории.

Этот форум церковные и светские власти рассматривали «еще одним шагом на пути консолидации усилий духовных и светских властей региона по укреплению мира и стабильности в губернии, Поволжье, в России в целом» [1, л. 7].

Еще одним важным событием епархиальной жизни стала Международная научно-практическая конференция «Культура и наука России», которая прошла в Самарском государственном университете

путей сообщения 23 мая 2012 года. Открывая конференцию, правящий архиерей призвал студенчество, молодежь, профессорско-преподавательский состав «свято беречь наши традиции, наше единство, особенно сейчас, когда вновь, как и в прежние времена, на Церковь Божию, на Ее Священноначалие, на весь строй Ее жизни ополчается враг – коварный, бесстыдный, вооруженный всеми современными информационными технологиями». Правящий архиерей особо обратил внимание студентов и преподавателей на то, что «к великому сожалению, в этом крикливом и агрессивном хоре клеветников и ненавистников слышатся порой голоса интеллектуалов: ученых, писателей, публицистов, аналитиков. Всякий, кто знает нашу историю, без труда увидит прямую аналогию с событиями начала XX века. И тогда интеллигенция, а точнее сказать «образованщина», как беспощадно и точно определил этот тип Солженицын, буквально источала яд и сарказм по адресу властей светских и духовных. Это кончилось страшной русской катастрофой, от которой содрогнулся весь мир. Хотим ли мы вновь ввергнуться в эту бездну, подобно безумцу, который вновь и вновь бьется головой о ту же стену? Да не будет этого» [1, л. 8]. Противостояние критике в отношении Церкви было важнейшей задачей для её иерархов [4, с. 130].

В 2012 г. прошли и другие мероприятия: третий зимний слет православной молодежи, посвященный 100-летию памяти святителя Николая Японского; фестиваль «Традиции и стиль православной моды», в котором приняло участие более 250 человек; Пасхальный фестиваль «И воспоют Тебя все народы» в Самарской Государственной Филармонии, в котором приняло участие более 2000 человек при поддержке Департамента образования г.о. Самара; фестиваль-ярмарка «Яблочный спас», в котором приняло участие более 250 детей.

В 2012 году целый ряд мероприятий при финансовой поддержке властей всех уровней провёл Некоммерческий Фонд «Детский епархиальный образовательный центр»: фестиваль детского и юношеского творчества «Вифлеемская звезда» (рождественский концерт), праздник «Масленица» в филиалах ДЕОЦ, игра «Умники и умницы», епархиальная подростковая конференция «Мир увлечений», фестиваль вокально-хорового искусства «Пасхальная радость», театральный фестиваль «Пасхальная сказка», фестиваль славянской письменности и культуры при соборе в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, ежегодный Троицкий православный фестиваль детских епархиальных образовательных центров (ДЕОЦ) на Царёвом кургане, Вознесенский православный фестиваль, выставка «Самара Православная», международная конференция, посвящённая 1150-летию российской государственности, Покровский фестиваль православной песни и поэзии, конференция «Вы свет миру» [1, л. 9].

В 2012 году в Самарской и Сызранской епархии проводились традиционные крестные ходы. 2 июня, в день Небесного покровителя Самарского края Святителя Алексея, Митрополита Московского и всея России Чудотворца, после Литургии в Покровском кафедральном соборе состоялся многотысячный крестный ход к Алексиевской часовне на набережной Волги. Много участников традиционно собрал крестный ход в село Ташла. В течение года верующие с активным участием казачества совершили по территории митрополии крестный ход с Чудотворной Табынской иконой Божией Матери.

В 2012 году митрополит Сергей принимал участие в важнейших церковных событиях: в Рождественских Чтениях в Москве (22.01.2012–24.01.2012), в патриаршем совещании «Геология в вузах» в Москве (28.11.2012–29.11.2012). Митрополит Сергей принял участие в патриарших богослужениях в Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском монастыре 31.07.2012–01.08.2012. С 28 сентября по 5 октября митрополит Сергей принял участие в паломничестве на Святую гору Афон. В отпуске митрополит Сергей был с 17 октября по 2 ноября 2012 г.

В 2012 году митрополит Самарский и Сызранский Сергей принял участие в 290 церковных службах: литургиях, всенощных, чтении канонов, молебнах на месте строительства храмов, утренях, вечерних службах, акафистах, освящении храмов, в том числе в Покровском кафедральном соборе – в 132 службах, в благочиниях: Самарском Старгородском – в 6 службах, Самарском Центральном – в 36 службах, Самарском Безымянском – в 10 службах, Самарском Георгиевском – в 29 службах, Самарском Приволжском – в 6 службах, Тольяттинском Центральном – в 3 службах, Тольяттинском Преображенском – в 6 службах, Тольяттинском Невском – в 2 службах, Тольяттинском Тихоновском – в 4 службах, Октябрьском – в 2 службах, Сызранском – в 4 службах, Шигонском – в 2 службах, Жигулевском – в 3 службах, Ставропольском – в 3 службах, Новокуйбышевском – в 5 службах, Волжском – в 3 службах, Монастырском – в 34 службах [1, л. 10].

В 2012 г. митрополитом Сергием было совершено 6 священнических и 13 диаконских хиротоний, а также освящен домовый храм во имя прп. Сергия Радонежского Свято-Богородичного Казанского мужского монастыря с. Винновка. 08 августа 2012 г. митрополит Сергей совершил божественную Литургию и присутствовал при подъеме куполов на храме во имя вмч. Пантелеймона в г. Отрадный Самарской области, а 28 августа 2012 г. – божественную Литургию с чином Великого освящения храма в честь Успения Божией Матери в с. Кротовка Самарской области [1, л. 10].

Важным направлением в работе правящего архиерея и всей епархии в 2012 году оставалось расширение сети детских духовно-

образовательных центров и совершенствование работы отдельных филиалов Некоммерческого Фонда «Детский епархиальный образовательный центр». В 2012 г. продолжалось сотрудничество Самарской епархии с высшими и средними учебными заведениями Самарской области. Действенной формой пастырской работы продолжали оставаться научно-практические конференции на образовательные темы. Все конференции, форумы, фестивали были организованы с участием и при финансовой поддержке правительства Самарской области.

Библиографический список

1. Текущий архив Самарского епархиального управления. Отчёт митрополита Самарского и Сызранского Сергия в Московскую Патриархию за 2012 г.

2. *Чирков М.С.* «Религия вносит в народ облагораживающее чувство»: возрождение православия в Поволжье (1945–1949 гг.) // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2015. С. 286–294.

3. *Чирков М.С.* Традиционное православие в российском обществе начала XXI века // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVI Международной научно-практической конференции. Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2020. С. 288–294.

4. *Чиркова Н.В.* Русская Православная церковь как фактор сохранения духовной преемственности и единства народа // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Челябинск Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2021. Ч. 1. С. 125–130.

Секция 2

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (РУБЕЖ XIX–XX вв. – РУБЕЖ XX–XXI вв.)

УДК 94

А.П. Анисимова,

Ивановский государственный университет (Иваново)

МОСКОВСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР «ШАЛОМ» В РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье рассматривается история и современное положение единственного в России еврейского театра «Шалом» в контексте российско-израильских отношений. По итогам проделанной работы сделан вывод о вкладе этой труппы в развитие многоуровневого сотрудничества России и Израиля в культурной сфере.

Ключевые слова: театр «Шалом»; российско-израильские отношения; культурный обмен, еврейская диаспора.

A.P. Anisimova,

Ivanovo State University (Ivanovo)

MOSCOW JEWISH THEATRE "SHALOM" IN RUSSIAN-ISRAELI RELATIONS

The article examines the history and current state of the only Jewish theatre in Russia "Shalom" in the context of Russian-Israeli relations. Based on the results of the work done, it was concluded that this troupe contributed to the development of multi-level cooperation between Russia and Israel in the cultural sphere.

Key words: theatre "Shalom"; Russian-Israeli relations; cultural exchange, Jewish diaspora.

К концу XIX столетия в Российской империи существовала самая большая еврейская община мира. С середины XX века выходцы из нее активно включились в процесс рождения и развития Государства

Израиль (ГИ). Это историческое наследие сохраняет значение и сегодня. Прежде всего, для поддержания многоуровневых связей Российской Федерации с Государством Израиль и переселившимися в эту страну бывшими гражданами СССР и России, а также для ГИ во взаимодействии с РФ и еврейской диаспорой России. Одним из каналов этого взаимодействия выступает театральное искусство. Последнее обстоятельство актуализирует обращение к прошлому и настоящему единственного в России профессионального еврейского театра «Шалом».

Данный театр давно и прочно занял место одного из еврейских культурных центров России, который транслирует свой опыт и традиции широкому кругу заинтересованных зрителей. Это общее признание диссонирует с таким фактом – история и современное положение «Шалом», особенно, в контексте российско-израильских отношений остаются практически не изученными. Частично восполнить обозначившуюся лакуну призвано настоящее сообщение. Его источниковую базу составили интервью создателя и многолетнего художественного руководителя «Шалом» Александра Семёновича Левенбука, архивные записи на официальном сайте этого театра, материалы СМИ.

Рождение Московского еврейского театра «Шалом» неразрывно связано с именем А.С. Левенбука. В 1987 году этого известного артиста советской эстрады и режиссера назначили художественным руководителем Московского еврейского драматического театра-студии, который, в свою очередь, возник двумя годами ранее на базе Московского еврейского драматического ансамбля (МЕДА) [4, с. 13]. В 1988 году театр-студия была преобразована в театр «Шалом», а МЕДА выделился в самостоятельный коллектив [2].

С момента рождения театр «Шалом» сконцентрировался на актуальных проблемах современной еврейской жизни в России и за рубежом, а также истории еврейского народа. При этом репертуар выстраивался так, чтобы привлечь внимание не только евреев, но всех россиян независимо от национальности.

Еврейский театр в Москве создавался во времена активной деятельности Антисионистского комитета советской общественности (АКСО). Эта организация противостояла сионистской идее и отъезду евреев из СССР в ГИ. Ведущими методами в решении этих задач у АКСО выступали антисионистская пропаганда и взаимодействие с евреями из сферы культуры и науки [5]. Создание еврейского театра в конце 1980-х годов укладывалось в контекст проводимой политики. Не случайно идею открытия театра поддержал глава антисионистского объединения дважды герой Советского Союза, генерал-полковник танковых войск Давид Абрамович Драгунский [3]. И хотя А.С. Левенбук антисионистских идей не разделял, его театр «Шалом» сразу после

рождения стал ассоциироваться с АКСО и антиизраильской политикой СССР. Это мнение, по наблюдениям А. Левенбука, укрепили гастроли театра в Лондоне 1989 года [1]. Дело в том, что поездку организовала актриса Ванесса Редгрейв, активная сторонница палестинцев в палестинско-израильском конфликте. В результате, как отмечал руководитель «Шалом», большая часть общественности Израиля в это время от театра отвернулась [1].

Существенные перемены внес 1991 год. В этом году сначала были восстановлены дипломатические отношения СССР и Израиля, а позже на мировой политической карте появилась Российская Федерация. Начало меняться и отношение израильской аудитории к российскому еврейскому театру. В 1990-е годы начинаются гастрольные туры «Шалом» по городам GI.

На основе изученных источников не удалось воссоздать полную картину турне театра по Израилю. Известно, что с 1991 по 2001 год «Шалом» приезжал с гастрольями в GI трижды. Затем труппа ставила в Израиле свои постановки еще, по меньшей мере, три раза – в 2008, 2011 и 2017 годах [7]. Выступление коллектива имело успех. Причем не только у русскоязычных репатриантов [1]. Спектакли проходили на больших площадках практически всех крупных городов Израиля: в Иерусалиме, Тель-Авиве, Ришонле-Ционе, Ашкелоне, Хайфе, Беэр-Шеве, Ашдоде и Петах-Тикве и др.

В начале своего существования основным языком в театре «Шалом» был идиш. Однако во время первых гастролей труппы в GI высветилась серьезная проблема. А.С. Левенбук вспоминал об этом так: «Наш первый спектакль “Поезд за счастьем” мы вывезли в Израиль на идише. И случилось неожиданное: зрители, полагавшие, что знают идиш, не поняли, о чем говорят актеры со сцены. Наверное, потому, что идиш у полутора тысяч зрителей, пришедших на спектакль, был разным...» [1]. Из этой истории «Шалом» сделал серьезные выводы. Отныне театр стал руководствоваться следующим правилом – актеры должны говорить на языке, который будет доступен большинству зрителей в зале. В итоге постановки стали включать и идиш, и русский перевод.

Еще одним направлением деятельности «Шалом», направленным на развитие российско-израильских отношений в сфере культуры, стало участие коллектива в проведении фестиваля «Дни Израиля в Москве», которые проходили при поддержке израильского Посольства в РФ и Правительства Москвы.

Российско-израильское сотрудничество проявилось также в совместной творческой деятельности А. Левенбука с известным израильским сценаристом и литератором Ф. Канделем, репатрировавшимся в Израиль из СССР в 1977 году. Благодаря работе этого творческого

тандема появился спектакль «Шалом» «Заколдованный театр». Еще одним результатом их совместной работы стала постановка «Живые! Пойте о нас...». В ее основании А. Левенбук положил произведение Ф. Канделя «Книга времен и событий. История евреев Советского Союза (1939–1945 гг.)» [8].

Деятельность театра получила положительные оценки на самом высоком уровне. Например, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, Чрезвычайный и Полномочный Посол Израиля в РФ Доррит Голендер и заместитель министра иностранных дел Израиля Зеев Элькин в своих выступлениях отмечали важное значение, которое имеет единственный в России еврейский театр для продвижения еврейской культуры и сохранения памяти о наследии русскоязычных евреев [6].

В 2013 году, в год 25-летия «Шалом», здание театра на Варшавском шоссе города Москвы было закрыто на ремонт. С этого времени театру пришлось выступать на разных площадках. Примерно в этот период началось затухание активной жизни «Шалом». Новых постановок становилось меньше, а постоянные смены локаций для выступлений тормозили репетиционный процесс. Не улучшало ситуацию и старение бессменного художественного руководителя театра А. Левенбука.

В декабре 2021 года в театре произошли кадровые изменения, в результате которых новым руководителем стал Олег Михайлович Липовецкий. «Шалом» полностью перезагрузил свою концепцию, и с этого времени начался новый этап его развития.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Московский еврейский театр «Шалом» играл и играет существенную роль в поддержании и развитии российско-израильских и, шире, российско-еврейских культурных отношений. Прежде всего, отметим его значения для России. Во-первых, «Шалом» содействовал развитию связей между официальными структурами РФ и Государства Израиль. Во-вторых, позволял взаимодействовать русскоязычной диаспоре ГИ и евреям России, что наиболее ярко проявилось в гастрольных поездках и работе труппы с израильскими авторами. В-третьих, «Шалом» способствовал и способствует продвижению еврейской культуры в РФ и знакомству с ней многонационального российского общества.

«Шалом» представляет интерес и для Израиля, который, позиционируя себя государством евреев, заинтересован в культурном развитии диаспоры и её положительной репрезентации в других странах. Это желание можно рассматривать в качестве инструмента «мягкой силы». Поэтому израильские политики в публичном поле поддерживали деятельность театра «Шалом» и отмечали важность его существования в России.

Библиографический список

1. *Гейзер М.* Остановка: Театр «Шалом» (К юбилею Александра Левенбука) // *Лехаим*. 2003. № 8 (136). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/136/levenbuk.htm> (дата обращения: 12.01.2023).
2. *Захаров Е.* Моя «Алия» в еврейский театр // *Лехаим*. 2001. № 7 (111). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/111/gazeta.htm> (дата обращения: 12.01.2023).
3. Интервью с С.Л. Зивсом // *Аргументы и факты*. 07.06.1983. URL: <https://archive.aif.ru/archive/1656898> (дата обращения: 12.01.2023).
4. *Козлов С.Я.* Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX – начало XXI века). М.: ИЭА РАН, 2007. 35 с.
5. *Корогодский Ю.* Несколько слов об антисиионизме // *Заметки по еврейской истории*. 2003. № 27. URL: <https://berkovich-zametki.com/Nomer27/Korogodsky1.htm> (дата обращения: 20.01.2023).
6. Лидер Израиля поздравил Московский еврейский театр с юбилеем // Театр Шалом: официальный сайт. URL: https://shalom-theatre.ru/novosti/2013.04.17_Лидер%20Израиля%20поздравил%20Московский%20еврейский%20театр%20с%20юбилеем/ (дата обращения: 12.01.2023).
7. Парадиз на Варшавке // Театр Шалом: официальный сайт. URL: https://shalom-theatre.ru/novosti/2001.01.08_Парадиз%20на%20Варшавке/ (дата обращения: 14.01.2023).
8. *Резник Ш.* Интервью: Александр Левенбук: «Если я не критиковал, мне не наливали» // *Еврейский журнал*. 7 сентября 2018. URL: <https://jewishmagazine.ru/articles/intervyu/aleksandr-levenbuk-esli-ja-ne-kritikoval-mne-ne-nalivali/> (дата обращения: 20.01.2023).

УДК 130.3

М.А. Афанасьева,

аспирант кафедры философии,

Ивановский государственный университет (Иваново)

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье утверждается актуальность религиозного сознания в настоящее время, его специфические траектории развития. Автор приходит к выводу, что понимание религиозного сознания в русской религиозной философии связано с процессами глобализации религиозного сознания. Русская религиозная философия способствует формированию глобального религиозного сознания тенденцией формирования синтетического мировоззрения (философия, религия, наука), формированием общего мировоззренческого поля основных религий, русской национальной идеей братства народов.

Ключевые слова: религия, религиозное сознание, глобализация религиозного сознания, русская религиозная философия, русская национальная идея, религиозное мировоззрение.

М.А. Afanasyeva,

Postgraduate student of the Department of Philosophy,
Ivanovo State University (Ivanovo)

PROBLEMS OF GLOBALIZATION OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

The article is devoted to the study of the problems of globalization of religious consciousness in Russian religious philosophy. The paper asserts the relevance of religious consciousness at the present time, its specific development trajectories. Russian religious philosophy contributes to the formation of global religious consciousness by the tendency of the formation of a synthetic worldview (philosophy, religion, science), the formation of a common worldview of the main religions, the Russian national idea of the brotherhood of peoples.

Key words: religion, religious consciousness, globalization of religious consciousness, Russian religious philosophy, Russian national idea, religious worldview.

Религиозная сфера – одна из чувствительных сфер человеческой культуры и национального самосознания. В современном мире происходит как распространение влияния религий, так и кризисные явления на основе различной конфессиональной принадлежности, включая религиозные войны и терроризм. Другая особенность религиозной жизни заключается в ее более отчетливой направленности на субъективную жизнь духа, на мир идей, ценностей, убеждений. Нужно сказать, что религиозное сознание, в отличие от мифологического сознания (мировоззрения), сохранилось до настоящих дней и продолжает свое существование, совершая движение по спиралевидной траектории развития. Такая траектория показывает, как религиозное сознание трансформируется в связи с секулярными и десекулярными процессами в мире. Важной особенностью религиозного сознания является тот факт, что оно не перестает существовать, несмотря на внешние мировые глобальные процессы, само становясь фактором глобального развития.

Глобализация религиозного сознания включает взаимосвязь и общие основания существующих основных религий, целостное философско-религиозное мировоззрение, основные духовные и религиозные практики, средства самопознания, общие нравственные основы жизни человека и общества, связь человека с высшими миром, Абсолютом, религиозное чувство общности человечества, планетарный характер цивилизации, возможное формирование единой мировой религии.

В определенной степени ответы на эти вопросы мы находим, исследуя русское религиозное сознание и русский космизм.

Русская религиозная философия конца XIX – начала XX века является частью более широкого явления русского космизма, имеющего, кроме религиозной и философской составляющих, также и научную. Русская религиозная философия утверждает целостность, единство мира. Такие концепты как всеединство, софийность, соборность, общее дело выражают различные стороны этого единства – единство человечества, человека и мира, человека и Космоса, человека и Творца. Концепция всеединства В.С. Соловьева является центральной для всей русской религиозной философии, она показывает единство Творца, мира и человека. Человечество предстает действительным индивидуальным существом [8, с. 145]. В основе единства этого одновременно индивидуального и универсального существа лежит высокая нравственность и стремление к добру. Как утверждал мыслитель, необходимо, чтобы «общественная среда по существу становилась организованным добром» [7, с. 393].

Русская религиозная философия пыталась решить проблему синтеза знания. Н.А. Бердяев отмечал: «Неизбежный процесс дифференциации зашел слишком далеко, и на всех концах культуры зреет потребность в процессе интегрирующем, восстанавливающем органическую целостность» [3, с. 7]. И русская религиозная философия, и русский космизм пытались, и во многом успешно, удовлетворить эту потребность – и в философии, и в религии, и в научном знании. Русская религиозная философия и русский космизм представлены множеством масштабных мыслителей в лице Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Е.И. и Н.К. Рерихов, Д.Л. Андреева, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского и многих других крупных философов, ученых и религиозных мыслителей. Уникальность религиозного сознания русского космизма и русской религиозной философии заключается в синтезировании философских и религиозных мировоззрений, включающих православную традицию и традиции восточных религий, а также научную картину мира. Религиозное сознание русской религиозной философии несет в себе элементы духовного творчества и осознанного отношения к миру, выражающегося в чувстве ответственности за происходящее.

Размышления и мысли о мировом религиозном мировоззрении мы находим у В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Д.Л. Андреева. Н.А. Бердяев одним из первых русских религиозных философов размышлял об обновлении религиозного сознания, ввел понятие «новое религиозное сознание». По мнению философа, «новое религиозное сознание есть продолжающееся откровение, вмещение большей полноты религиозной истины,

так как на прежних степенях религиозного откровения раскрылась лишь частичная, не полная истина» [2, с. 382–383]. Д.Л. Андреев считал необходимым и возможным появление единой мировой религии. Помимо объединения религиозного сознания людей, интеррелигия должна решать и практические вопросы выживания и эволюции человечества: «Сможет ли религия – не старинные ее формы, а та религия итога, которой ныне чреват мир, предотвратить наиболее грозные из нависших над человечеством опасностей: всемирные войны и всемирную тиранию?» [1, с. 16]. Д.Л. Андреев образно представлял синтез всех существующих религий и религиозных учений – в виде розы, в которой каждый лепесток означает определенную религиозную ветвь, а вместе – основные мировые религии.

Синтетический характер русской религиозной философии проявлен в русской национальной идее. Ее концепцию разрабатывали Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, И.А. Ильин, Н.Ф. Федоров. Общее, что можно отметить, это идеал всеобщего братства и мессианская идея всеобщего спасения. Эта идея братства народов прошла испытания временем. Отметим, что в нашей стране развиваются как внутренне присущие все основные религиозные направления (конфессии), представители которых веками уживались друг с другом, построили сильное государство. В настоящее время эти религиозные направления формируют некое общее религиозное и мировоззренческое поле, вырабатывается консенсус по ряду важных вопросов (наличие Творца, Абсолюта, наличие духовных Иерархий и духовного пути, значимость традиционных ценностей, таких как семья, связь поколений, любовь к Отечеству). Такое поле моделирует ситуацию процессов глобализации религиозного сознания, имеющих мировой масштаб. Уникальный религиозный опыт России является важным звеном и примером возможности формирования глобального религиозно-мировоззрения и на его основе – глобального религиозного сознания.

Большая территория и нехватка населения предопределила жертвенное отношение русских людей к государству, плюс древнее отношение к земле как к матери, которую нужно защищать. И.А. Ильин считал, что России необходима монархия (о божественности самодержавия писал и П.А. Флоренский). Конечно, в современных условиях это невозможно, речь должна идти о сильной власти, о чем сам И.А. Ильин и писал [5]. В период СССР религиозные формулировки национальной идеи сменились светским идеалом построения социализма, в этот период страна стала сверхдержавой. Но затем годы перестройки образовали вакуум в национальном сознании в отношении национальной идеи и идеалов, целей, А.Г. Дугин называет такое положение «русской бездной» [4, с. 142]. Необходим поиск новой формы национальной идеи и ее дальнейшее развитие в новых условиях. Важное значение в проблеме формулирования национальной идеи, национальных задач, имеют взгляды Н.Н. Моисеева. В современном мире

жизненно необходимо умение идти на компромиссы, без которых глобальная цивилизация просто не выживет. В этих новых условиях Россия, как отмечает Н.Н. Моисеев, сможет сыграть роль учредителя компромиссов. Она объединяет Евразию, обладает ядерным потенциалом, имеет опыт совместной жизни с мусульманскими народами, и как показывает история, обладает доброй волей [6, с. 373].

Связь русской религиозной философии с глобализацией религиозного сознания может быть подытожена в следующих положениях. Русская религиозная философия нацелена на формирование синтетического мировоззрения, объединяющего науку, религию, философию. Идеалом познания является синтез чувственного познания, рационального мышления, религиозного созерцания. Эта тенденция к синтетическому мировоззрению способствует формированию глобального религиозного мировоззрения, на основе которого может формироваться глобальное религиозное сознание. Интересными выглядят размышления о необходимости объективной, абсолютной религии как универсальной связи человека и Творца, о возможном формировании единой мировой религии.

Необходимо отметить, что религиозное сознание в русской религиозной философии имеет особенности и основные черты, благодаря общим идеям и тематике русского космизма. Утверждается неразрывная связь человека и Космоса, человека и Бога, Космос в свою очередь наделяется сакральным смыслом. Такой принцип как «всеединство», присущий философско-религиозному направлению русского космизма, раскрывает сущность связи человека и Космоса. Религиозное сознание представляется нацеленным на человека и человечество, на его творческую силу и в целом на выявление в человеке Творца – как своей собственной судьбы, так и со-Творца общей жизни на Земле. Воплощение русской национальной идеи всеобщего спасения в виде братства народов и воспитания нового человека, тенденция к образованию синтетического мировоззрения, общего мировоззренческого поля для основных присутствующих в России религий – практический вклад русской религиозной философии и русского космизма в формирование глобального религиозного сознания и соответствующей ему социальной среды.

Библиографический список

1. *Андреев Д.Л.* Роза мира. М.: Мир Урании, 2004. 608 с.
2. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. М.: АСТ, 2007. 699 с.
3. *Бердяев Н.А.* О новом религиозном сознании // *Subspecieaeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906). М.: Канон+, 2002. С. 378–418.

4. *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский Логос, туранский Логос. М.: Академический проект, 2014. 694 с.
5. *Ильин И.А.* Национальная Россия: наши задачи. М.: Алгоритм, 2018. 464 с.
6. *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. МГВП КОКС, 1995. 376 с.
7. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. М.: Алгоритм, 2012. 656 с.
8. *Соловьев В.С.* Философские начала цельного знания // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 140–288.

УДК 322.2

С.И. Бойко,

доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВЕКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье исследовано влияние религии на эволюцию российской государственности в современных условиях. Рассмотрена зависимость политической культуры от религии. Выявлена проблема ориентации религиозного вектора государственности в соответствии с традициями национальной политической культуры России.

Ключевые слова: религия, традиции, политическая культура, государственность.

S.I. Boyko,

Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

RELIGIOUS VECTOR IN THE POLITICAL CULTURE OF THE STATEHOOD OF MODERN RUSSIA

The article examines the influence of religion on the evolution of Russian statehood in modern conditions. The dependence of political culture on religion is considered. The problem of the orientation of the religious vector of statehood in accordance with the traditions of the national political culture of Russia is revealed.

Key words: religion, traditions, political culture, statehood.

В российской политической науке тематика вопросов, связанных с трансформацией политических режимов и переходом к демократическому политическому режиму, в ближайшие несколько лет не будет актуальной. В современной России предстоит теоретически обосновать,

как необходимо развивать национальную политическую систему, в каком направлении ориентировать вектор социально-политической эволюции собственной государственности.

Государственность – состояние, достигаемое определенной человеческой общностью (этносом, нацией) в результате целесообразного исторического, экономического и социально-политического развития на определенной территории. Причем тогда, когда данная человеческая общность оказывается способной проявить социальное творчество и способности построить, создать и защитить собственное государство. Вопрос о государственности является одним из наиболее дискуссионных в социальных и гуманитарных науках, сложным в практической социальной и политической деятельности. Государственность – это форма выражения воли народа, направленная целевым образом на оформление благополучного, комфортного и безопасного проживания и жизнедеятельности на конкретной территории, принадлежащей народу, где и когда обеспечен и продолжительное время сохраняется суверенитет народа.

Исследование государственности является междисциплинарной проблематикой и пересекается с вопросами генезиса государства и государственной власти. Междисциплинарные исследования государственности актуальны для идеологического формирования национальной идентичности и гражданского общества, эффективного государственного управления в современном конкурентном мире. Заслуживает положительной оценки определение государственности, сформулированное современными белорусскими историками в академическом издании: «Мы рассматриваем государственность как внутреннюю потенциальную способность этнонационального сообщества и его элиты, обеспечивающую право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития. Государство же – это конкретно-историческое воплощение потенциала государственности, совокупность государствообразующих факторов» [3, с. 6].

Государственность в наиболее общем определении описывается как социально-политический институт, как каркас социальной структуры, скелет, формирующий правила и нормы взаимодействий и практик исторического развития конкретной территории и конкретного народа (включающего разные этносы), ценности и традиции, институты государственной власти. Конкретно-историческая форма государственности отражается в конкретной модели государства. В истории России государственность существовала в форме Российской империи, Советского Союза. Современная модель российской государственности – Российская Федерация.

Несмотря на многоаспектное толкование термина «государственность» в российской политической науке наиболее часто в понимание государственности включают следующие элементы: «1. Система органов государственной власти и особенности ее функционирования; 2. Существующая в стране форма государственного устройства; 3. Политический режим государства; 4. Характер взаимоотношений государственной власти и общественного самоуправления; 5. Принадлежность государства к определенной цивилизации; 6. Экономические основы государственности; 7. Территориальная целостность; 8. Общественное восприятие народа, государства и государственной власти как целостных феноменов; 9. Обычай и традиции, свойственные государственной и общественной жизни; 10. Климатическая и географическая составляющая; 11. Информационное пространство» [5, с. 16–17]. В данном определении отсутствует один важнейший фактор государственности, пронизывающий всю историю человечества и историю государств и государственности – это фактор религии. Между тем, для оценки роли религии как определенной системы взглядов, включающую свод моральных норм и типов поведения, обрядов, верований и оценки роли церкви как социального института в становлении и защите российской государственности вполне достаточно посмотреть на памятники архитектуры в городах и населенных пунктах страны, посетить, например, Храм Христа Спасителя, памятники архитектуры Великого Новгорода, Владимира, Пскова, Казани, Соловецкие острова или Валаам. Перечислять религиозные памятники многоконфессиональной России можно бесконечно.

Немецкий философ-просветитель XVIII в. Гердер И.Г. (1744–1803), исследовал взаимозависимость политики, религии и культуры с целью решения практической политической задачи – объединением княжеств Германии в единое государство. Он анализировал «национальный дух», писал об органической этнической группе, которой свойственно единство языка, общая культура, определенные природно-климатические условия среды общей обитания, государственная религия: «Нравственные заповеди религии носят всецело государственный характер, они касаются чистоты души и тела, согласия в семейной жизни... Короче, самая основа системы вырисовывается как политическая религия...» [1, с. 325]. Гердер И.Г. – признанный автор термина «политическая культура». Но следовало бы объяснить (этого нет в современных учебниках политологии по не совсем понятным причинам), что Гердер И.Г. писал свои научные труды в XVIII веке, показал свое личное критическое отношение к иудеям, дал характеристику евреям как народу, который «не дорос до полной зрелости политической культуры на собственной почве, а потому и не обрел истинного чувства чести и свободы» [1, с. 333].

Спустя более чем два столетия, когда существует государство Израиль, понятно, что великий немецкий философ не смог предвидеть перспективу развития государственности еврейского народа. Поэтому более справедлива констатация Архиерейского Собора Русской Православной Церкви: «Единство народа Божия обеспечивалось, помимо принадлежности всех его представителей к одной религии, также племенной и языковой общностью, укорененностью в определенной земле – отечестве» [4, с. 4].

Лаконичное и четкое определение, связывающее культуру с социальными и политическими процессами, показывающее происхождение и место культуры в истории человечества дано в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Латинское слово *cultura*, означающее “возделывание”, “воспитание”, “образование”, “развитие”, происходит от слова *cultus* – “почитание”, “поклонение”, “культ”. Это указывает на религиозные корни культуры» [4, с. 63].

Выдающийся российский мыслитель политолог проф. Ирхин Ю.В. в фундаментальном труде «Политическая культура» в определении компонентов политической культуры указывает: «Многие философы и социологи обращают внимание на особую роль религии в процессе становления, функционирования и развития политических систем, на значимость конфессионального элемента в качестве своего рода субкультуры в рамках политической культуры того или иного общества. Соответственно целесообразно учитывать религиозную доминанту (протестантскую, католическую, православную, исламскую, буддийскую, конфуцианскую и т. д.) в политических культурах» [2, с. 85].

В современном мире политическая культура существует в нескольких основных формах: 1. духовно-практической, включающей политический опыт, традиции, ценности, ориентации и способы выражения политических чувств и эмоций, способы политического мышления; 2. институциональной, охватывающей, исходя из опыта прошлого – национального и зарубежного – способы организации политических институтов, инструментов политической деятельности, которые реализуют теоретические положения научной мысли; 3. функциональной, определяющей стиль, приемы и способы политической деятельности, основные черты политического процесса; 4. коммуникационной, определяющей политический язык и целенаправленной деятельности в сфере обмена информацией и смыслами в пространстве и времени. Следовательно, политическая культура неизбежно ориентирована на исторический опыт и традиции в политике, в государственности и обязательно имеет национальные оттенки.

Таким образом, и Гердер И.Г., классик философской мысли, и Ирхин Ю.В., современный мыслитель, говорят о том, что одной из

основ политической системы и государственности является религия. Особенно примечательны рассуждения Гердера И.Г. о традициях и эволюции культуры и, соответственно, государственности: «Религия – самая древняя и священная традиция Земли. ... Религия, как бы ни различалась она внешне, следы ее можно встретить у каждого, самого жалкого, грубого народа, живущего на краю земли ... мы встретим проявления религии – в легендах и обрядах. ... Нельзя отрицать, что только религия принесла народам науку и культуру и что культура и наука в первое время были просто особой религиозной традицией» [1, с. 252–256]. И далее следует философский и политический прогноз: «Сама по себе традиция – это превосходное установление, без которого не может жить человеческий род; традиция заведена самой природой; однако если традиция парализует всяческую деятельность ума и в практических мероприятиях государства, и в обучении, если она решительно препятствует поступательному движению человеческого разума, совершенствованию и улучшению в связи с наступлением новых условий, новых времен, то тогда традиция становится настоящим опиумом для духа – и для государств, и для вероисповеданий, и для отдельных людей» [1, с. 348].

Традиционное направление вектора религии – на укрепление государственности в соответствии с политической культурой народа при взаимном эволюционном развитии, учетом новых явлений, достижений человеческого разума, открытий в науке и технике, с обязательным сохранением и использованием положительного исторического опыта народа.

Как социальный институт «Церковь стремится к утверждению христианских ценностей в процессе принятия важнейших общественных решений как на национальном, так и на международном уровне. Она добивается признания легитимности религиозного мировоззрения как основания для общественно значимых деяний (в том числе государственных) и как существенного фактора, которые должны влиять на формирование (изменение) международного права и на деятельность международных организаций» [4, с. 73].

Роль религии заключается в том, что религия – это не столько вектор (величина, имеющая направление), сколько социальная матрица, то есть традиционно устойчивая, исторически сложившаяся многомерная структура базовых институтов, в нашем случае – религиозных, которые участвуют в регулировании взаимосвязанного функционирования собственной системы государственности не только в условиях сложившейся, но и эволюционирующей национальной политической культуры, формировавшейся веками на основе традиций, верований, мировоззрений народов современной России.

Библиографический список

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А.В. Михайлова; [АН СССР]. М.: Наука, 1977. 703 с. (Памятники исторической мысли).
2. Ирхин Ю.В. Политическая культура: в 2 ч. Ч. 1: Запад и Россия: учеб. пособие для академического бакалавриата. 2-изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 286 с.
3. История белорусской государственности: в 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О.Н. Левко, В.Ф. Голубев; Нац.акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск: Беларуская навука, 2019. 598 с.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/419128.html> (дата обращения: 08.01.2023).
5. Российская государственность в периоды кризисов, войн и революций: власть, ценности, институты / под ред. Р.В. Евстифеева. Владимирский филиал РАНХиГС. Владимир, 2014. 399 с.

УДК 930.85+929

Д.С. Буданова,

доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет (Иваново)

С.Н. БУЛГАКОВ И И.С. ШМЕЛЕВ: ПАРАЛЛЕЛИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Автором предпринята попытка сравнительного анализа жизненных стратегий и основных доминант творчества представителей русской интеллигенции начала XX века и представителей русской эмиграции первой волны – И.С. Шмелева и С.Н. Булгакова.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, С.Н. Булгаков, Русская революция, русская эмиграция.

D.S. Budanova,

Associate Professor, Ivanovo State University of Chemical Technology (Ivanovo)

S.N. BULGAKOV AND I.S. SHMELEV: PARALLELS OF LIFE AND CREATIVITY

The author has attempted a comparative analysis of the life strategies and main dominants in the work of representatives of the Russian intelligentsia of the early 20th century and representatives of the Russian emigration of the first wave – I.S. Shmelev and S.N. Bulgakov.

Key words: I.S. Shmelev, S.N. Bulgakov, Russian revolution, Russian emigration.

Жизненные пути Сергея Николаевича Булгакова и Ивана Сергеевича Шмелева представляют собой своеобразные объективации типичных жизненных стратегий представителей русской эмиграции первой волны. На их судьбы, на их творчество большое влияние оказали Великая Русская революция и Гражданская война. Так, раннее творчество наших героев вдохновлено, помимо прочего, революционными событиями 1905 года. Основной проблематикой творчества И.С. Шмелева стала социальная, нашедшая отражение в произведении «Вахмистр», «Иван Кузьмич», «По спешному делу», «Человек из ресторана», «Гражданин Уклеикин». Первая русская революция стала важным событием и для С.Н. Булгакова. Так, в 1906 году он был избран депутатом Второй Государственной думы, став одним из лидеров русской интеллигенции. Его творчество было сосредоточено преимущественно вокруг социальных и социально-нравственных тем.

Второй этап Великой Русской революции – события Февраля – И.С. Шмелев встретил с восторгом, даже принимал участие в некоторых ее событиях. Однако в дальнейшем он оценивал события Февраля как пролог к величайшей трагедии России – Октябрю и Гражданской войне. Революционные события 1917 года нашли своеобразное преломление на страницах произведений И.С. Шмелева. Писатель предпринял попытку показать их причины, наиболее трагические страницы, но внимание акцентировал на последствиях. Так, в рассказе «Кровавый грех» повествование ведется от лица сестры милосердия, сначала вдохновленной событиями Февральской революции, а затем – разочаровавшейся в ее идеалах [5]. В рассказе «Про одну старуху» автор пытается «оправдать» прежнюю дореволюционную Россию. Кроме того, в этом произведении угадывается мотив библейской притчи о блудном сыне. В качестве блудного сына в рассказе показан русский народ, перешедший на сторону большевиков, отвернувшийся от старой патриархальной России. И.С. Шмелев показывает, что раскаяние в совершенных преступлениях может быть слишком поздним – страна может и не оправиться от того горя, что принес ей ее же народ.

Заметим, что С.Н. Булгаковым Февральская революция воспринималась в позитивном ключе. Воспоминаний о событиях Октября он не оставил. Однако известно, что к ним Сергей Николаевич относился в целом критически. В то же время как революционные события, так и события Гражданской войны можно рассматривать как, собственно, войну в самом широком смысле этого слова. При этом для С.Н. Булгакова характерно представление о софиодидее войны, что подразумевает оправдание войны как действия, раскрывающего сущность человека.

Иными словами, Сергей Николаевич хотя и признает грязь и зверство войны, тем не менее, видит в ней спасительный смысл: в момент наивысшего потрясения человек может проявить как интенцию жертвенности, так и самые страшные свои ипостаси.

Последствия Октября заставили И.С. Шмелева покинуть Москву и отправиться в Крым. Здесь он написал повесть «Неупиваемая Чаша», которая должна была показать радость и полноту творения, созидания. В реальной же жизни писатель наблюдал распад и разложение. В 1920 году Белая армия покинула Крым; полуостров заняли большевики. Дальнейшие события воспринимались Иваном Сергеевичем как последние дни существования мира и даже как ад на земле. В 1921 году большевиками был расстрелян сын писателя – Сергей, что стало поворотным событием в жизни И.С. Шмелева. Уже в эмиграции он написал роман-эпопею «Солнце мертвых», в которой показал ужас, пережитый в Крыму. На страницах произведения большевики показаны как виновники красного террора, убийцы, палачи и садисты. Сами большевики – это «те, кто убивать ходят» [7, с. 439]; «красный Крым» – это пространство смерти: «Пустынной набережной иду, ... мимо витрин, побитых и заколоченных. На них ключья приказов, линючие, трещат в ветре: расстрел... расстрел... без суда... на месте»...» [7, с. 600].

Для С.Н. Булгакова годы Гражданской войны оказались связаны с принятием священства. Это событие совершилось в 1918 году. Вскоре после этого отцу Сергию пришлось покинуть Москву и переехать в Крым. В Крыму С.Н. Булгаков провел почти четыре года, ставшие не только периодом лишений, но и периодом созидания. В это время отец Сергей написан «Трагедию философии» и «Философию имени». В 1922 году С.Н. Булгаков был включен в обширный список тех, кто должен был покинуть Россию. После некоторого периода мытарств на чужбине С.Н. Булгаков обосновался в Париже, где основал Православный богословский институт. Этот институт стал – без преувеличения – одним из самых значимых центров русской религиозной мысли в эмиграции.

Спасение России И.С. Шмелев и С.Н. Булгаков видели по-разному. По мнению Ивана Сергеевича, преодолеть зло и большевистскую тьму, спасти Россию было призвано Белое движение, воспринимаемое автором не только в контексте национального спасения, но и в контексте духовного подвига. В сущности, писатель стал апологетом Белого движения, что ярче всего проявилось в публицистических статьях. Духовная составляющая Белого движения показана даже в названии одной из статей – «Крестный подвиг». Можно сказать, что автор таким образом уподобил белых Христу: «Перед “горсточкой” был поставлен сплетением исторических событий страшный выбор – как бы ответ того, евангельского выбора, когда Добро и Зло стали лицом к лицу,

когда дьявол показывал Ему все царства мира и славу их и говорил: “все это дам Тебе, если, падши, поклонисься мне”. И “горсточка” выбор сделала: пошла путем Его» [6, с. 507].

В дальнейшем писатель несколько отошел от темы революции и Гражданской войны и обратился к прошлому. Оно влекло его тем больше, чем дольше он жил в эмиграции: те картины старой русской жизни, которые ранее имели недостатки и даже откровенно темные пятна, стали рисоваться автором с ностальгией, сознательно идеализировались им. Этот мотив ярче всего себя обнаружил в повести «Лето Господне», а также в ее продолжении «Богомолье».

Очень сложными для писателя стали 1930–1940-е годы, которые он провел в Париже. Личные трагедии терялись в трагедии всемирной войны. В период Второй Мировой войны И.С. Шмелев вел себя неоднозначно, что давало повод обвинять его в вольном или невольном сотрудничестве с немцами. Во всяком случае именно в них теперь видел Иван Сергеевич спасение России от большевистского плена. В одном из своих писем от 9 октября 1941 года он писал: «вчера был день моего Сережечки, преп. Сергея Радонежского, России покровителя. Я ждал. Я так ждал, отзвука, – благовестия ждал... Я не обманулся сердцем, Преподобный отозвался... Я услышал фанфары, барабан – в 2 ч. 30 мин., – специальное коммюнике: прорван фронт дьявола, под Вязьмой, перед Москвой, армии окружены... идет разделка, Преподобный в вотчину свою вступает, Божье творится...» [3, с. 67]. Из этих строк становится понятно, что наступление германских войск под Москвой в октябре страшного 1941 года писатель воспринял с радостью: ведь ничто не могло быть, по его мнению, хуже большевизма. В сущности, Вторая мировая война для писателя стала Второй Гражданской войной. Разумеется, в такой войне он не мог выступать на стороне Советского – большевистского – Союза. Напротив, он призывал воевать с Красной Армией: «...ехать на восток биться с большевиками. <...> Это бой с бесовской силой... и не виноват перед Богом и совестью идущий, если бесы прикрываются родной нам кровью» [3, с. 678].

Отец Сергей видел спасение России в ней самой. В связи с этим значительный интерес представляет его текст, посвященный Иуде Искариоту. Вопрос «Как Сердцевед мог пропустить предательство?» отец Сергей интерпретирует как будто иначе «Как Всевышний мог допустить падение русского народа?» Иными словами, С.Н. Булгаков проводит явные параллели между судьбой Иуды и судьбой русского народа. Если обратиться непосредственно к булгаковскому пониманию роли апостола, то стоит обратить внимание на то, что Иуда в его интерпретации понял: смысл апостольского служения в том и состоит, чтобы явить миру сущность Христа [1, с. 25–26]. Он любил Христа, но эта любовь была неверно

истолкована и нашла неверный выход. Иуда ошибся, сделав свой свободный выбор и таким образом предав учителя. Несмотря на это, он имеет право на прощение и право на вечность, а отпадение от Бога должно привести обратно. Так обстояли дела и с русской революцией. Это позволяло отождествлять русский народ и Иуду: в русском народе личная трагедия апостола перерастает в трагедию целого народа. И здесь булгаковское весьма неопределенное отношение к русской революции сменяется однозначным «да»: чтобы поправить смерть, необходимо умереть.

Эсхатологичность, свойственная последнему периоду творчества И.С. Шмелева, присуща и творчеству С.Н. Булгакова. Однако она приобретает совершенно иной – оптимистический – оттенок. Еще в 1910-е годы в статье «Апокалиптика и социализм» отец Сергей ждет пришествия Грядущего Града. И хотя он понимает трагичность ситуации, неизбежность того, что должно случиться, он понимает также и ее детерминированность объективными обстоятельствами. Отсюда и своеобразное отношение к большевикам. Хотя и видит в них отец Сергей зверей, не вполне людей, тем не менее, на страницах своего дневника стремится молиться о них.

Видя образ Христа в каждом человеке, С.Н. Булгаков видит и единство истории: история России едина и не может быть разделена на историю «до» и историю «после». В этом и отличие его представлений о России – ее настоящем и будущем – от воззрений И.С. Шмелева, сломленного даже не столько трагедией страны, сколько личной трагедией – потерей сына и себя в страшных революционных событиях.

Еще одно существенное отличие заключается в том, что И.С. Шмелев отделяет себя от авторов революции, от ее акторов и активных субъектов. С.Н. Булгаков чувствует свою сопричастность и даже свою вину в том, что произошло со страной и с ее народом. А потому совместное умирание со страной видится ему путем не только смертным, но и путем к воскресению.

Таким образом путь И.С. Шмелева – путь к утрате себя, путь С.Н. Булгакова – путь к обретению себя во всей полноте. Здесь как ни кстати слова С.Н. Булгакова из письма М.В. Нестерову, написанного в ноябре 1922 года перед высылкой из страны: «Где Россия и как служить ей? Вот вопросы, которые теперь теснятся в душе... Россия может быть спасена изнутри...» [4, с. 3]. В эмоциональном порыве Сергеем Николаевичем были написаны и другие строки: «...то, что лежит между Северным и Черным морем и занимает шестую часть света, не есть Россия, по крайней мере для меня, я даже не чувствую русскую землю, даже от нее без боли отрываюсь» [4, с. 145–146]. Однако отец Сергей смог преодолеть в себе гнев. Впоследствии, буквально через год после изгнания,

он скажет: «Я – Россия, и она во мне, и так быть и жить хочу...». И.С. Шмелев не смог преодолеть в себе ни боль утраты, ни гнев. Россия покинула его, писатель же отправился во внутреннюю эмиграцию, где оставил не только страну, но и Бога.

Библиографический список

1. *Булгаков С.Н.* Иуда Искариот – Апостол Предатель // Путь. 1931. № 26.
2. *Булгаков С.Н.* Старое и новое // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 1.
3. И.С. Шмелёв и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. Т. 1.
4. «Россия может быть спасена изнутри...»: неизвестное письмо о. С. Булгакова художнику М.В. Нестерову // Московский журнал. 1992. № 6.
5. *Шмелев И.С.* Кровавый грех. Рассказ сестры милосердия. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/shmelev-ss05-07/shmelev-ss05-07.html#s002017> (дата обращения: 08.01.2023).
6. *Шмелев И.С.* Крестный подвиг // Шмелев И.С. Собрание сочинений в пяти томах. М.: Русская книга, 1998. Т. 7 (доп.).
7. *Шмелев И.С.* Солнце мертвых // Шмелев И.С. Собрание сочинений в пяти томах. М.: Русская книга, 1998. Т. 1.

УДК 792.82

А.Ю. Вакарчук,

Главный библиограф, Центральная универсальная научная библиотека Ивановской области

«СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ»: ТЕНДЕНЦИЯ ПЕРЕДЕЛОК КЛАССИЧЕСКИХ БАЛЕТОВ В СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ 1930-Х ГГ.

В Ленинградском театре им. Кирова в 1930-е гг. было осуществлено несколько постановок классических балетов с изменениями сюжетов. Выявляется мотивация и концепции авторов переделок. Делается вывод о некотором влиянии на это ментальности и популярных идей того времени.

Ключевые слова: балет, театр, балетное либретто, «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Раймонда».

A.Yu. Vakarchuk,

Chief Bibliographer, Ivanovo Regional Central Universal Scientific Library

**"TO MAKE A TALE COME TO REALITY":
THE TREND OF REVISIONS OF CLASSICAL BALLETS
IN THE SOVIET THEATRE OF THE 1930s**

In Leningrad's Kirov Theatre in the 1930s had made several productions of classical ballets with story changes. We are detecting the motivation and concepts of the authors of the remakes. Author make draw the conclusion about some influence on this process mentality and popular ideas of that time.

Key words: ballet, theatre, ballet libretto, «Swan Lake», «Nutcracker», «Raymonda».

Тенденции развития культуры в СССР таковы, что веяния времени повлияли даже на такой консервативный, доставшийся в наследство от императорских театров жанр, как балет. И коснулись они не только новых постановок, а и классического наследия. Его не трогали все 1920-е годы и самое начало 1930-х. И вдруг...

«Лабораторией» переделок классического наследия в короткий период (1933–1938) стал Ленинградский государственный академический театр оперы и балета – ГАТОБ (с 1935 г. – имени С.М. Кирова). Экспериментируя, театр к восприятию результатов зрителями готовился серьезно: перед премьерами выпускал брошюры о новых постановках.

Началась «эпоха переделок» с постановки балета П.И. Чайковского «Лебединое озеро» (премьера 13 апреля 1933 г.) с радикально измененным сюжетом – А.Я. Вагановой (балетмейстер) с соавторами: В.В. Дмитриевым (оформление и авторство либретто) и Б.В. Асафьевым (редакция партитуры). В основе спектакля лежала старая хореография М.И. Петипа и Л.И. Иванова, а вот сюжет... Постановщики действительно решили «сказку сделать былью»: слова из «Марша авиаторов» 1923 года случайно довольно точно отразили их намерения. Одновременно это можно назвать (мы бы назвали) игрой в историю и в литературу, и вот почему. Вместо принца из условного средневековья главный герой балета стал графом из времен более поздних и конкретных: «Действие происходит в 30-х годах девятнадцатого столетия. <...> Из замка выходит молодой граф, юный романтик, целыми днями предающийся мечтам и фантазиям...», – гласило новое либретто [4, с. 4]. Любопытно, что критик И.И. Соллертинский сразу после премьеры понял, что на это вдохновило: «Меланхолическая фигура «молодого человека XIX столетия» на этот раз посетила балетные подмостки», – писал он [7, с. 74]. Сначала 1930-х гг. по почину М. Горького издавалась серия зарубежных романов «История молодого человека XIX столетия», этот «типаж» был на слуху.

Идеолог же постановки Асафьев считал, что «копнули» они куда глубже: во вступительной статье к брошюре авторитетный музыковед написал, что содержанию музыки более соответствует «эпоха расцвета немецкой романтики на грани 20–30-х годов» [4, с. 35]. Не будем вдаваться в этот сложный вопрос. Музыка была написана на конкретный сюжет – это факт. Асафьева сказочность смущала. И не случайно: в то время отказ от сказочности захватил даже ТЮЗы. «Чайковский поступил в данном случае не как сказочник доисторических времен, – уверенно писал он, – а как композитор-новеллист, влюбленный в гофмановеберовскую эпоху, когда действительно на конкретно-исторической почве сталкивались деклассированные принцы-интеллигенты, зигфриды с сумрачными хранителями феодального засилия – баронами, подобными Ротбарду». Асафьев даже доходит до оксюморона: «неправдоподобные сказочные ситуации (лебеди-девушки)» [4, с. 36] – как к сказочной ситуации можно применять критерий правдоподобия? Новое либретто получилось туманнее и нелогичнее прежнего сюжета: вместо того, чтобы влюбиться в девушку граф, «завороженный красотой птицы... подпадает под очарование ее взгляда» и «образ лебедя оставляет глубокий след в романтически настроенном воображении...» [4, с. 5, 6], вследствие чего он в финале сошел с ума и покончил жизнь самоубийством.

Главную ответственность за постановку предстояло нести Вагановой. В день премьеры в «Красной газете» вышла ее заметка; в ней говорить о новом содержании (сценарии Дмитриева) она избегала. Говорила о хореографии как большой художественной ценности, как наследстве, которое стоит беречь [2, с. 70] – но не всё. Пантомима, основанная на условном жесте, ей не нравилась, она «терзалась, когда прежде исполняла ее [2, с. 71]. Но для газеты она объявила такие сцены мало понятными и чуждыми современному зрителю. А еще «мистицизм удален». Как и религиозные мотивы: «Сладенький апофеоз, напоминающий «селение рая», заменен трагическим концом неудачника-романтика». В финале она резюмирует: «Основная задача новой постановки – избежать ненужных условностей и сделать балет более доступным массовому зрителю» [2, с. 70].

Всё – для зрителя... не спросив его. Артисты балета ГАТОБа впоследствии рассказывали, что «...наша общественность боролась за подлинное «Лебединое озеро», все это знают. <...> Опять зритель будет писать в ВКДИ (Всесоюзный комитет по делам искусств. – *А. В.*), опять нас будут ругать» (свидетельствует стенограмма совещания) [8]. Да и именно развертывание сюжета интеллеktуал-современник Соллергинский в рецензии назвал уязвимым местом этой «очень неплохой» постановки. А должно бы быть «серьезное обновление сюжета, его серьезная драматургическая перестройка, а не замена одной нелепицы другою» [7, с. 75, 79].

Мы сделаем вывод, что этому «Лебединому озеру» 1933 года был не чужд вульгарный социологизм – характерное явление 1930-х гг. От него предостерегали – и в него всё же впадали. В области духовной культуры вульгарный социологизм «видел свою цель в разоблачении писателей и художников прошлого как слуг господствующих классов. С этой точки зрения каждое произведение искусства – зашифрованная идеограмма одной из общественных групп, борющихся между собой за место под солнцем» [5]. Тут разоблачению подвергся представитель дворянства: главного героя авторы показали так, что сочувствия он не должен вызывать: представитель вырождающегося старинного рода, со странными фантазиями, сошедший с ума и покончивший жизнь самоубийством. Кроме того, на редактировании балета сказалось неприятие черт «старого мира»: убраны «сладенький апофеоз, напоминающий “селение рая”», мистицизм.

Несмотря на зрителей, писавших недовольные письма, так сложилось, что «Лебединое озеро» Вагановой шло долго: до 1942 года.

Хронологически вторым экспериментом с сюжетом стал «Щелкунчик» того же ГАТОБа в новой постановке В.И. Вайнонена (премьера 18 февраля 1934 г.). В отличие от «Лебединого озера» она была именно нова: заново были поставлены все танцы. Балетмейстер в привычной брошюре, выпущенной перед премьерой, писал: «Постановка балета «Щелкунчик» – продолжение работы театра оперы и балета по возобновлению и критическому освоению классического репертуара <...> Сценарий «Щелкунчика» – Петипа – не удовлетворил меня отсутствием реалистической трактовки первого акта, прерывностью интриги и налетом сусальности...» [9, с. 36]. О старой постановке он писал: «В прямом противоречии с замыслом композитора, с его образной симфонической музыкой, либреттист и постановщик создали спектакль, наполненный, с одной стороны, мистикой, с другой – конфетной сладостью» [3]. В новой постановке мистицизм тоже был удален. В мире сказки Э.Т.А. Гофмана, на которой основан сюжет, нет границы реального и фантастического (миры взаимопроникают), что является характерной особенностью этого автора. Не было этой границы и в старой постановке. А в балете Вайнонена мир действительный и фантастический стали четко разграничены. «Балетмейстеру представляется, – писала его жена, – что разность музыкального звучания первой, реальной, и последующих, сказочных картин балета, дает ему на это право. События второго и третьего акта постановщик трактует как сон девочки Маши» [1, с. 111]. В трактовке опять поучаствовал Асафьев: «Именно из музыки, учитывая советы Асафьева, и исходил балетмейстер, пересматривая сценарий Петипа» [1, с. 108].

Вайнонен не решал, что лучше для зрителя. Он, говоря предложенными нами терминами, не играл ни в историю, ни в литературу. Он отринул только мистическую специфику Гофмана и играл в реализм. Обновленная не радикально, новая балетная сказка стала реалистичной, фантастика – только во сне. С Вагановой Вайнонена роднило, видимо, всё то же раздражение к дореволюционным деталям: ее – «сладенький апофеоз, напоминающий “селение рая”», его – «конфетная слащавость». Кстати, сладостями был раздражен не только он. Соллертинский рецензию на эту постановку начинал с того, что у старого сценария «...удивительно нескладный сюжет, оборачивающийся попеременно тогофманскими миражами, то нравоучительной мещанской сказочкой для детей младшего возраста, с пряничными домиками, марципановыми свинками...». Это характерное отношение к «старому миру» многих людей 1930-х гг.

Постановка Вайнонена с минимальными изменениями идет до сих пор в разных театрах, идея сна главной героини приглянулась и последующим постановщикам этого балета. А началось это в 1934 году.

«Раймонда, например, от аналогичной операции бесспорно выигрывает», – писал Соллертинский в рецензии на «Лебединое озеро» Вагановой [7, с. 79]. Не угадал: выиграл «Щелкунчик», но и операция была не радикальна. А с балетом А.К. Глазунова «Раймонда» произошла не менее интересная «операция».

Инициаторами и авторами переделки сюжета стали тот же балетмейстер В.И. Вайнонен и балетовед Ю.И. Слонимский. Так как сюжет балета «Раймонда» – почти исторический, постановщикам в историю играть не требовалось. Их постановку 1938 года (премьера прошла 22 марта) можно назвать игрой в историзм, или игрой в историка-марксиста. Совместную вступительную статью к традиционной брошюре они начали мыслью, что прежняя версия балета сценически неполноценна, а виной тому, главным образом, либретто. Оно было написано в 1898 г. Л.А. Пашковой – малоизвестной сейчас писательницей. Но «в намерении сочинить новый сценарий нас укрепило изучение музыки Глазунова». Да, опять музыка. Во всех трех случаях причиной называется музыка. Но не только. «Исходя из музыкальных идей спектакля мы подыскивали им соответствующую литературную концепцию романтико-реалистического порядка. Мы нашли такую у зачинателя жанра исторического романа – Вальтер-Скотта» [6, с. 4]. Получается, концепция «Лебединого озера» повторялась: вдохновляясь зарубежной литературой, корректировали сюжет. Справедливости ради стоит сказать, что они взялись менять лжеисторический сюжет, и новый сценарий не смущает с точки зрения историзма – по этому параметру он, считаем, лучше. Действие старого балета происходило во французском Провансе в

начале XIII в., во времена крестовых походов. Главные и второстепенные герои носили имена реальных исторических персонажей (Иоанн Бриеннский, Андрей II) – и носили зря, так как канва реальных событий не совпадала с происходящими в сюжете. В новом сценарии действие происходило в Сирии того же времени. Раймонда – дочь венгерского рыцаря, наместника княжества крестоносцев в Сирии. Ее жених, получивший новое имя Коломан (вместо Жан де Бриен), вернулся из крестового похода, в котором взял в плен арабского эмира, который, как и в прежнем сценарии, влюбился в Раймонду. Но авторы сценария в духе марксизма не симпатизировали рыцарству: рыцарь должен быть не таким. И стал другим: «Коломан не худосочный, бескровный Жан де Бриен, – это подлинный «герой» средневековья, жестокий, вероломный изувер», – отмечают они свою позицию. «Его литературные прототипы у в Вальтер-Скотта – Бриан де Буагильбер из “Айвенго”, Конрад Монферратский и Жиль Амори из “Талисмана”». Они призвали в свидетели не только Скотта, а и хроники, правда, без конкретизации: «хроника современников крестовых походов блестяще иллюстрирует такую характеристику крестоносцев» [6, с. 6]. Рыцаря, придуманного Пашковой, они вульгарно-социологически изобличили. Самое интересное, что после перипетий измененного сюжета, действительно ставшего похожим на роман, христианка Раймонда выбрала не грубого рыцаря (христианина), а Абдеррахмана (мусульманина). Смена полюсов: плюс на минус.

«Раймонда» стала апофеозом «эпохи переделок». Некоторым сразу стало ясно: хватит! На обсуждении этой постановки 27 марта 1938 г. Соллертинский сказал: «Эпоха же переделок, переосмысливаний и переакцентировок подходит к концу. Мне кажется, она строилась на педологическом отношении к выросшему советскому зрителю. Мы считали его дитятей и думали, что он шедевры Глазунова и Вагнера не поймет и не примет, эти шедевры надо для него подправить, осовременить, подперчить» [7, с. 174].

Эта постановка шла до 1941 года, меньше всех рассмотренных.

Все изученные источники (список к статье их не исчерпывает) не говорят о социальном заказе на такие переделки. Неудавшиеся переделки были осуждены. Из приведенных фактов о балетном театре видны тенденции, характеризующие ментальность людей того времени вообще и творческой интеллигенции в частности, дающие некоторую картину бытования истории и литературы, дополняющую другие источники.

Библиографический список

1. *Армашевская К.Н., Вайнонен Н.В.* Балетмейстер Вайнонен. М.: Искусство, 1971. 279 с.

2. А.Я. Ваганова: Статьи. Воспоминания. Материалы. М.; Л.: Искусство, 1958. 343 с.
3. *Вайнонен В.* «Щелкунчик» // Правда. 1939. 6 февр.
4. «Лебединое озеро» / Бюро обслуживания рабочего зрителя при Управлении Ленингр. гос. театров. Л.: б. и., 1933. 39 с.
5. *Лифшиц М.А.* Вульгарный социологизм // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 5. С. 507.
6. «Раймонда» / Лен. гос. акад. театр оперы и балета им. С.М. Кирова. Л.: б. и., 1938. 32 с.
7. *Соллертинский И.И.* Статьи о балете. Л.: Музыка, 1973. 208 с.
8. ЦГАЛИ СПб. Ф. 337 (Мариинский театр). Оп. 1. Д. 197. Л. 16 об. URL: https://spbarchives.ru/swan_lake_2.2 (дата обращения: 10.01.2023).
9. «Щелкунчик» / Лен. гос. акад. театр оперы и балета; сост. Ю. Слонимский. Л.: б. и., 1934. 40 с.

УДК 930

Е.П. Воробьев,

доцент, Московский государственный технический университет гражданской авиации (Москва)

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В ЦАРИЦЫНЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Революция 1917 г. привела к краху прежних ценностных ориентиров и ускоренному формированию новых социокультурных практик. Особенности этого процесса в региональном измерении посвящена данная статья.

Ключевые слова: культура, искусство, кино, образование, революция 1917 г., Царицын.

E.P. Vorobyov,

Associate Professor, Moscow State Technical University of Civil Aviation

CULTURAL LIFE IN TSARITSYN DURING THE REVOLUTION OF 1917

The revolution of 1917 led to the collapse of the old value orientations and the accelerated formation of new socio-cultural practices. This article is devoted to the peculiarities of this process in the regional dimension.

Key words: culture, art, cinema, education, revolution of 1917, Tsaritsyn.

Первая мировая война оказала огромное влияние на развитие культуры в России, патриотическая тематика вышла на первый план в произведениях искусства, снизилась доступность культурного продукта для обычных жителей из-за ухудшения их материального положения. Вместе с тем росло стремление части общества отвлечься от трудностей военных лет. Великая русская демократическая революция 1917 г. расширила возможности приобщения к различным формам культуры для широких народных масс. Свобода творчества и участия в культурных процессах нашла выражение в общественной жизни Царицына – типичного торгово-промышленного центра Европейской России.

Особенно популярным развлечением в городе являлось кино. Самыми крупными кинотеатрами были «Парнас», «Модерн», «Эхо», «Иллюзион», «Патэ», «Наука и жизнь».

Конкуренция между владельцами кинотеатров приводила к постоянной борьбе за зрителя. Посещение кинотеатра становилось настоящим событием. Перед просмотром фильма звучала живая музыка, декламировались стихотворения, в фойе проводились розыгрыши лотерей, демонстрировались пантомимы. Репертуар отличался разнообразием и часто менялся, о чем свидетельствуют царицынские газеты с рекламой кинопоказов [1, с. 1; 9, с. 1; 10, с. 2; 12, с. 3]. Незатейливые сюжеты и роковые страсти, кипевшие на экране, привлекали неискущенного зрителя. В 1917 г. с большим успехом шли боевики «Песнь свободы» (производства И.Н. Ермолева), «Власть земли» режиссера В.Р. Гардина, драмы «Жизнь за жизнь» знаменитого Е.Ф. Бауэра, «Смерть богов» («Юлиан Отступник»), снятая В. П. Касьяновым, «Андрей Кожухов» режиссера Я.А. Протазанова, а также многочисленные комедии. Кинозвезды революционного времени Иван Мозжухин, Владимир Гайдаров, Владимир Максимов, Вера Орлова, Вера Холодная вызывали восторг и обожание публики.

Новым явлением 1917 г. стала частая демонстрация на экране хроники важных мировых и внутрироссийских событий. Например, в кинотеатрах показывали сюжеты о пребывании А.Ф. Керенского в Киеве 19 мая 1917 г., о торжественных похоронах участников столкновений в Петрограде 3–5 июля 1917 г. В годы гражданской войны эта тенденция продолжилась созданием специальных агитфильмов, призванных обеспечить поддержку Советской власти.

Падение самодержавия в России вызвало изменения в театральной жизни Царицына. Характерной чертой стала организация культурных мероприятий, сочетающих разные формы. Так, в июле 1917 г. интимный театр В.П. Левитского в «Парнасе» представил спектакль «Шалости влюбленных» и балетную постановку, после которой в кинотеатре еще и демонстрировалась картина «Дело Бейлиса». Типичным примером культурного нон-стопа революционной эпохи является

программа праздника в Общественном собрании на понедельник 24 июля 1917 г., включающая миниатюру «Дамочка с пружинкой» Софьи Беловой, шутку в одном действии А.П. Чехова «Предложение», водевиль «Голодный Дон Жуан», разнохарактерный концерт-дивертисмент. После спектакля планировались бал-танцы и гулянье в саду [7, с. 1]. Подобные мероприятия предусматривали максимальное по времени и трате средств участие публики в течение всего вечера. Стремясь удержать зрителя организаторы концертов-спектаклей широко использовали рекламные акции, живые картины, бенефисы лучших актеров города, исполнение романсов и сатирических произведений талантливыми артистами.

Еще одной чертой культуры революционного времени являлось привлечение новых творческих сил. Приезжих звезд стало гораздо меньше из-за снижения уровня жизни царицынских обывателей, не покупавших слишком дорогие билеты. Неблагоприятно на гастролях сказывались политическая нестабильность в стране и перебои в работе транспортной системы. В частности, московский цирк братьев Никитиных не смог вовремя дать первое представление 30 апреля 1917 г., так как задержался в пути пароход с лошадьми и багажом труппы [11, с. 2].

Кроме местных артистов к культурной жизни активно привлекалась учащаяся образовательных учреждений, оркестры воинских частей, размещенных в городе, представители самодеятельных кружков, организованных, в том числе при заводах и фабриках. Созданные под влиянием революции просветительские клубы, союзы, комиссии, курсы стремились проявить себя и с энтузиазмом участвовали в митингах-концертах. Массовость исполнителей приводила к снижению уровня выступлений, но способствовала вовлечению широких слоев населения в общественную жизнь.

Организаторы культурных мероприятий в Царицыне заявляли новые цели своей деятельности. Продолжались сборы в помощь солдатам на фронте и пострадавшим от войны лицам (беженцам, детям-сиротам, военнопленным, больным и раненым воинам). Однако все больше собранных средств предлагалось направить на решение актуальных политических задач: проведение выборов, поддержку жертв революции, просветительно-пропагандистскую работу.

Весной – летом 1917 г. в обществе обсуждались вопросы об открытии Царицынского политехнического института и Царицынского музыкального училища, а также приютов для детей. На заседаниях органов местного самоуправления решались проблемы материального обеспечения учреждений образования и их сотрудников. Поддержку культурно-просветительским инициативам оказывали меценаты города. Так, купцы Репниковы учредили стипендию для лучших учащихся Александровской 1-й мужской гимназии.

11 сентября 1917 г. под председательством М.М. Люса состоялось организационное собрание культурно-просветительной комиссии при Царицынском Совете, где обсуждалось открытие в городе народного университета, который должен был помочь в распространении знаний и содействовать нравственному развитию народных масс. На собрании был принят устав Царицынского общества народных университетов, согласно которому деятельность организации была направлена на создание курсов, проведение лекций, экскурсий для жителей всех возрастов. Кроме того, общество должно было способствовать организации культурно-просветительных учреждений.

В сентябре открылся первый класс Царицынского среднетехнического училища, в котором предполагалось четырехлетнее обучение на механика, а после трех лет практики – на инженера-механика. Инициативная группа обещала специальные курсы для рабочих. До постройки собственного здания первый класс было решено поместить в ремесленном училище. Для нового учебного заведения был выделен участок земли, шел поиск директора и средств на постройку [4, с. 3].

Указанные масштабные проекты в культурно-образовательной сфере не получили продолжения из-за гражданской войны. Однако в массовом сознании произошел перелом, все больше людей искренне верило в социалистические ценности, стремилось их лучше понять. Отсюда повышалась тяга людей к грамоте, к знаниям, к активному участию в строительстве новой жизни.

Ярким примером изменений в общественном сознании служит ситуация в селе Новая Отрада, расположенном близ Царицына. Корреспондент газеты «Республиканец» выявил изменения в селении: «Здесь до войны царствовали беспробудное пьянство и безобразия. Драки и скандалы, иногда сопровождаемые убийствами, были обычным явлением. Власти в лице уездного пристава и урядника, сознательно закрывали глаза на происходящее, питаюсь взятками... Аккуратно гудели заводские свистки, вовремя отходили дачные поезда, также аккуратно и исправно появлялась каждые 1-го и 15-го чисел каждого месяца фигура урядника собирать «мзду» с шинкарей. Это была квадратная, коренастая фигура типичного представителя старой власти; упитанный как боров, нахальный в своих поступках и действиях, он шлялся из села в село отромной волости и открыто, без зазрения совести, брал с правого и виноватого. Шинки по самому скромному подсчету давали ему доходу не менее 400 рублей, говорят этими сребрениками, он делился с приставами.

Шинки обкладывались в зависимости от доходности «предприятия». Урядник этот носил кличку: «отраднинский губернатор». «Губернатор», в особенности у шинкарей пользовался почетом и уважением, и придя в то или иное село, всегда имел готовый стол и квартиру.

В заключение, сей муж от своих трудов праведных, в продолжении 3–4 лет успел накопить изрядный капиталец и приобрести поместье против завода Лапшина, в Бекетовке.

Но теперь Н. Отрада стало неузнаваема. Хотя улицы поселки и оживлены, но пьяных нет. Собираются у сельского комитета, и кучками, оживленно обсуждают текущие события. По-видимому, преобладает «большевистское» течение» [5, с. 3].

Местные органы власти развернули борьбу с пьянством, которое в ходе революционных событий стало повсеместным явлением. 27 июня комиссаром 1-го участка Царицына был произведен обыск в шашлычной «Эдем» Мурадова по Астраханской улице, в ходе которого был найден и конфискован зарытый в саду винный спирт. 26 июня в с. Ново-Никольском близ города по улице провели трех женщин, уличенных в винокурении, со жбанами на головах и крестьянина М. Е-ва с надписью – вор. Попытка толпы совершить над ним самосуд была остановлена милиционером [6, с. 2].

Несмотря на позитивные тенденции культурной жизни продолжались падение нравов, рост преступности и насилия в обществе. Влияние войны перевешивало усилия властей и культурно-образовательных учреждений по выработке цивилизованных форм массового поведения.

Популярными развлечениями солдат и подростков являлись азартные игры в «орла», в «козла» и «луканье». В «козла» играли под деревьями городского сквера, а в «орла» на проходных аллеях. Часто игры переходили в открытые скандалы. Типичный случай произошел 9 сентября, когда в сквере был избит мужчина; в то время, когда толпа накинулась на избитого, кто-то крикнул: «казаки», и толпа в панике бросилась к выходам сквера, перескакивая через ограду, ломая деревья, наталкиваясь на проходящую публику [8, с. 3].

Революционное время было отмечено обилием праздников свободы, массовых шествий, митингов-концертов и демонстраций. Происходила быстрая политизация культурной жизни горожан. К тому же каждое культурное действие требовало все больше согласований с властями. Например, 28 ноября 1917 г. Культурно-просветительская комиссия при управлении Царицынского уездного воинского начальника направила просьбу в Совет разрешить перемещение по городу 14 человек после 9 часов вечера для проведения спектакля в пользу голодающей армии [2, л. 57]. 9 мая 1918 г. Культурно-просветительская секция Орудийного завода просила исполком Царицынского Совета рабочих и солдатских депутатов освободить ее от процентных отчислений со сборов вновь открытого на заводе кинематографа, чтобы направить больше средств на организацию библиотеки, лекций и другие нужды [3, л. 4–4 об.].

Таким образом, революция привела к противоречивым тенденциям в культурной жизни. Наряду с расширением свободы творчества и повышением доступности культурных ценностей для населения наблюдались ухудшение материальной основы деятельности учреждений культуры, рост варварского поведения. Раскол в обществе, ожесточенная борьба за власть отодвинули культурные события на второй план.

Библиографический список

1. Волго-Донской край. № 224. 27 окт. 1917 г.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 8а.
3. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 99.
4. Рабочая мысль. № 68. 22 сент. 1917 г.
5. Республиканец. № 2. 6 июня 1917 г.
6. Республиканец. № 22. 29 июня 1917 г.
7. Республиканец. №39. 20 июля 1917 г.
8. Республиканец. № 74. 10 сент. 1917 г.
9. Республиканец. № 89. 29 сент. 1917 г.
10. Царицынский вестник. № 5377. 9 февр. 1917 г.
11. Царицынский вестник. № 5436. 30 апр. 1917 г.
12. Царицынский вестник. № 5454. 24 мая 1917 г.

УДК 616.89

Б.А. Воскресенский,

канд. мед. наук, доцент, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова (Москва),
Свято-Филаретовский Институт (Москва)

М.С. Орлова,

клинический ординатор, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова (Москва)

НЕКОТОРЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И КЛИНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ «РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ПСИХИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА»

Религиозный опыт и некоторые болезненные – психопатологические – переживания не столь уж редко представляются трудноразграничиваемыми. Определенные антропологические (трихомия) и клинические (специфика картины болезни) построения позволяют решить эту и некоторые другие смежные задачи.

Ключевые слова: психика, трихомия, тело, душа, дух, диагностика.

B.A. Voskresensky,

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Russian National Research Medical University, St Philaret's Institute

M.S. Orlova,

Clinical Resident, Russian National Research Medical University

SOME ANTHROPOLOGICAL AND CLINICAL ASPECTS OF THE PROBLEM «A RELIGIOSITY AND MENTAL DISEASES»

Religious experience and some painful – psychopathological – experiences are not so rarely difficult to distinguish. Certain anthropological (trichotomy) and clinical (specificity of the picture of the disease) constructions make it possible to solve this and some other related problems.

Key words: psyche, trichotomy, body, soul, spirit, diagnostics.

В последние десятилетия в общественной, политической, культурной жизни нашего общества произошли масштабнейшие изменения. Одним из их направлений стал возросший интерес к религии, подъем религиозности как в форме традиционного для европейской части нашей страны православного христианства, так и в различных других формах, зачастую весьма экзотических. То, что человек обращается к вере в моменты социальных и личных потрясений, совершенно естественно: «поскольку религиозный опыт связан со смыслом жизни и предназначением человека, именно кризисные, переходные периоды ... бывают поводом обращения к религии» [6].

В любой ситуации начало активной религиозной жизни проявляется в изменении системы ценностей, взглядов человека, оно влияет на его поведение, и это нередко вызывает удивление у самого новообращенного, а у его близких, обеспокоенных изменением, а то и «отчуждением» казалось бы хорошо понятного человека, беспокойство за его душевное здоровье. «Несомненно, что религиозная жизнь, поглощая всего человека, делает его эксцентричным и не похожим на всех» [4]. Это заключение вполне обосновано. Повседневный религиозный опыт и тем более религиозно-мистические переживания, а на другом полюсе психопатологическая «фантастика» или аутистический (шизоидный по своей природе) «уход из профанного мира» вследствие психического расстройства внешне, при поверхностных оценках, неразличимы. Однако идентичность этих переживаний кажущаяся, а главное – принципиально различны итоги этих процессов. Психические расстройства ведут к распаду личности (точнее говоря, распаду душевных процессов), тогда как вера, напротив, имеет целью созидательное преобразование всего человека. И это разграничение достаточно четко зафиксировано в

Писании «...я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя» (Быт 32, 30) [1].

Для того, чтобы отграничить переживания, свойственные больной психике, от здоровых (пусть и необычных, нестандартных) мировоззренческих рассуждений, необходимо максимально содержательно определить, что такое психика, что такое психическое расстройство, чем определяется граница между ними. В современных руководствах по психиатрии к признакам болезненности относят субъективно ощущаемое страдание, социальную дезадаптацию, неспособность к личностному росту и другие критерии, которые представляются диагностически расплывчатыми, поскольку могут быть применены не только в области медицины, но и при экономических, природных, экологических, социальных и сугубо личных потрясениях.

Необходимо подчеркнуть, что психиатрия при своей несомненной принадлежности к медицинским специальностям (основной задачей существования психиатрии так же, как и «соматической» – непсихиатрической – медицины, является диагностика и лечение болезней), имеет много общего с гуманитарными науками, поскольку именно врачи-психиатры напрямую взаимодействуют с личностью пациента, которая формируется и проявляет себя в определенном социо-философском, историческом, ситуационном контексте. В ходе диагностического процесса психиатр сопоставляет, разграничивает влияние на психический облик (и психическую жизнь в целом, «по длиннику жизни» – профессиональный оборот, несколько устаревший) обследуемого этих «внешних» факторов = контекста и факторов «внутренних» – психических процессов, которые в случае заболевания обретают свои совершенно особые – психопатологические – свойства. По этому алгоритму осуществляется и решение обсуждаемой в настоящей работе проблемы.

Изначальная задача – дать определение психике – невообразимо сложна, поскольку это, по сути, попытка познать средство познания, то есть собственный разум. Антропологические (в широком смысле) и культурно-исторические исследования позволяют полагать, что изначально человек был первичноцелостным (термин наш) [3] – тело и психика не разграничивались и в своем единстве не противопоставлялись окружающему миру, все «было таким же, как человек», и в этом контексте было «психическим». Формулу этого единства находим у В.С. Соловьева: «Все имеет стремление выходить из себя и тем исключать другое. Это стремление есть психическое, поэтому все должно быть признано одушевленным» [7]. В последующем человек «осознал», «почувствовал», «понял» (на самом деле это спонтанно развивающийся процесс усложнения психики, своего рода метаистория), что он состоит

из тела и психики, что это отдельные, самостоятельные структуры – дихотомия. А еще позднее психика «разделилась» на душу (психические процессы в узком, «технологическом» смысле – восприятие, мышление, эмоции, воля и др.) и дух – содержание этих процессов – сфера ценностей, то, что человек ставит выше себя, ради чего он живет, а выражаясь языком советской философии, формы общественного сознания – наука, культура, религия и др. Человек стал трехчастным – оформилось трихотомическое понимание. Таково широкое понимание трихотомии, которое мы определяем как клиническое – предназначенное для решения медицинских диагностических задач. Трихотомия здесь не синонимична религиозности. Но вместе с тем необходимо подчеркнуть, что указанные этапы самоосознавания прослеживаются в Библии при движении от Ветхого к Новому Завету, трихотомия лежит в основе христианской антропологии¹.

В отечественную психиатрию ее перенес выдающийся советский психиатр профессор Д.Е. Мелехов (2011) [5]².

Трихотомия делает наглядными варианты взаимоотношений веры и болезни, духовного и душевного.

1. Религиозность (нараставшая постепенно или же возникшая как озарение – различие имеет как диагностическое, так и терапевтическое значение) у человека, ранее жившего вне Церкви, есть проявление болезни, если выявляются совершенно по-особому устроенные видения, голоса, «откровения», фантастические картины – галлюцинации, бред, нарушения сознания и/или своеобразный результат, последствия, к которым приводит душевное заболевание – искажение, опустошение душевных процессов.

Религиозность таких больных правомерно будет определить как псевдорелигиозность, точнее говоря, патологическую религиозность (в наши дни нередко используют определение «токсичная», что на наш взгляд придает патологическому душевному переживанию оттенок

¹ Трихотомия представлена и во многих других религиозных и философско-антропологических учениях. Ее универсальность подтверждает правоту формулы Тертуллиана «душа по природе христианка», которая раскрывается более содержательно, если «душу» понимать как рефлексивно организованное сознание-самосознание.

² Наличествует она и в международной современной психиатрии, это биопсихосоциальная модель психических расстройств. Но в соответствии с материалистически-прагматическим духом времени элемент «психо» внимания исследователей не привлекает, хотя именно он «субстрат» психического душевного расстройства. Мы предприняли попытку объективизировать его, сделать «осязаемым» [2].

обывательского материализма), их переживания целиком принадлежат, так сказать, кругу нездорового душевного, а не духовного.

2. Психическая болезнь развивается у верующего человека, и в нее включаются его прежние религиозные переживания, в данном случае преобразовавшиеся в психопатологическую симптоматику. В моменты обострения таким больным может быть свойственна «деформированная», болезненная псевдорелигиозность, однако, на выходе из острого состояния они могут со значительной критикой относиться к своим переживаниям, возникавшим в момент обострения заболевания и вести обычную для себя истинно духовную жизнь.

3. Болезнь возникла у верующего человека, но его религиозные воззрения в ней не отразились. Для таких больных их вера является ресурсом для исцеления. Симптоматика болезни по содержанию с верой не связана.

Очевидно, что с медицинской, клинической точки зрения не следует поощрять тенденции к проявлению религиозности у пациентов из первой группы и (в периоды обострения) у пациентов второй группы, поскольку это провоцирует дальнейшее развитие их заболевания. Что касается пациентов третьей группы, их посильное участие в церковной жизни (посещение богослужений, участие в таинствах, молитва, разумный пост), будучи проявлением здоровой духовно части их личности, напротив, благотворно сказываются и на течении их заболевания. Приведенными рекомендациями ни в коей мере не отрицается необходимость биологических воздействий, прежде всего психофармакотерапии.

Таким образом, трихотомическая концепция является диагностическим инструментом, позволяющим четко разграничить внешне порой похожие между собой переживания с религиозным содержанием, возникающие по совершенно разным причинам: в одних случаях эти переживания являются проявлением психического заболевания, в других - переживаниями из сферы духовного, не относящегося к компетенции медицинских специалистов. Необходимо также отметить, что трихотомическая концепция вполне применима и к другим коллизиям подобного рода: с ее помощью можно рассматривать не только разграничение религиозности и психических расстройств, но и проблемы «гениальность и помешательство», «преступность и психические аномалии», «инакомыслие и шизофрения» и многие другие.

Трихотомию правомерно считать методологической основой клинической (то есть решающей лечебно-диагностические) задачи психиатрии. Она позволяет четко разграничить сферы компетенции священнослужителя и врача-психиатра, ответственно подойти к решению

вопроса о «патогенном-вредоносном-разрушительном» воздействии на психику нетрадиционных мировоззрений и жизненных практик.

Библиографический список

1. Библия.
2. *Воскресенский Б.А.* Основы психиатрии: учебник для студентов теологического, религиоведческого и других гуманитарных направлений и специальностей высших учебных заведений. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2016.
3. *Воскресенский Б.А.* Трихотомическая концепция личности как основа психиатрии и психотерапии // Первая регион. науч.-практ. конференция "Актуальные вопросы психотерапии и народной медицины". Одесса, 1990.
4. *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. М., 1910.
5. *Мелехов Д.Е.* Психиатрия и проблемы духовной жизни // "Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни". Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа. 1997.
6. *Смирнова Е.Т.* Введение в религиозную психологию. 2003.
7. *Соловьев В.С.* Лекции по истории философии // Вопросы философии. 1989. № 6.

УДК 82-83. 82-96. 82-97.

Д.Ю. Гладышев,

педагог-психолог, Городской центр психолого-педагогической поддержки молодежи «Родник» (Новосибирск)

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ Л.Н. ТОЛСТОГО ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ И АВТОРОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Л.Н. Толстой – крупный писатель и мыслитель XIX–XX веков, создатель религиозно-философского учения, споры вокруг которого, начавшись при жизни писателя, не утихают и по сей день. В историографии можно выделить массу направлений.

Ключевые слова: православие, церковь, еретичество, христианство, протестантизм, ненасилие.

D.Y. Gladyshev,

Teacher-psychologist, City Center for Psychological and Pedagogical Support of Youth «Rodnik» (Novosibirsk)

THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TEACHING OF L.N. TOLSTOY THROUGH THE EYES OF CONTEMPORARIES AND AUTHORS OF THE SOVIET PERIOD

L.N. Tolstoy is a major writer and thinker of the XIX–XX centuries, the creator of the religious and philosophical doctrine, the controversy around which, having begun during the writer's lifetime, has not subsided to this day. There are a lot of directions in historiography.

Key words: Orthodoxy, church, hereticism, Christianity, Protestantism, non-violence.

Изучив дореволюционную литературу и литературу советского периода, посвященную анализу религиозно-философского наследия Л.Н. Толстого, я пришел к выводу, что ее можно систематизировать, выделив ряд направлений.

Опровержение учения Л.Н. Толстого через сравнение его с православием.

Представители этого направления отличаются особой пристрастностью. Авторами статей выступают преимущественно священнослужители, использующие для доказательства своей правоты схоластический метод. Благодаря этому на основе данных публикаций можно восстановить главную суть учения Л.Н. Толстого, не читая работ самого писателя по данной тематике. Многие авторы признают необходимость переосмысления христианства, но не соглашаются с направлением развития этой идеи у писателя. Некоторые авторы особо останавливаются на роли Л.Н. Толстого в развитии еретической мысли.

Отрицая православную сущность учения Л.Н. Толстого, некоторые авторы говорят о большей его близости к Ветхому Завету, чем к Новому. Другие считают его атеистом. Такое направление мысли характеризуется в качестве наиболее типичного для русской интеллигенции начала XX века.

Оценка учения Л.Н. Толстого через проникновение в тонкости его жизни.

Учение и образ жизни Л.Н. Толстого.

Взгляд на учение Л.Н. Толстого, исходя из его жизни, был приущ мемуаристам и критикам более позднего периода. В пользу такого подхода свидетельствовал сам писатель, создав свою «Исповедь».

Авторы этих публикаций говорят о раздвоенности Л.Н. Толстого: с одной стороны, хозяин Ясной Поляны, а с другой – проповедник

совершенно иного образа жизни. Некоторые утверждают, что к Л.Н. Толстому тянутся люди, нуждающиеся в помощи, которую они не получают от врачей и ученых.

Критики отмечают, что последователи учения Л.Н. Толстого, будучи распространены во всем мире, не читали трудов своего учителя, знают о нем по слухам. Поэтому выполняют только понравившиеся предписания.

Его уподобляли древним поэтам. П.А. Кропоткин корни учения Л.Н. Толстого видел в его детстве, представляющим собой синтез традиционного и базаровского начала. С именем этого человека связана интересная концепция: описанное в романе И.С. Тургенева «Новь» есть образец применения «толстовства» на практике.

Оценки зарубежных авторов варьировались от признания Л.Н. Толстого национальным героем какой-либо одной страны до объявления наднациональной личностью.

К.Н. Ломунов сообщает, что в последние годы жизни мыслитель ощущал крах своего учения.

Учение и его отражение в художественном творчестве.

Противоречиво отношение критиков к соотношению в Л.Н. Толстом художественного и философского начала. Одни считают их равнозначными, другие – например, Н.Я. Абрамович – пишет о подавлении вторым началом первого. Д.Ю. Квитко убежден, что взгляды Л.Н. Толстого лучше отражались в трактатах, а его сложные душевные переживания, связанные с вопросами религии, гораздо лучше отражались в его художественных произведениях. Эти авторы сквозь призму учения Л.Н. Толстого пытаются рассмотреть его художественное творчество. На основе мемуаров можно сделать вывод об автобиографичности всех романов, повестей, рассказов, пьес и сказок писателя.

Немало споров вызывает «Исповедь». Б.М. Эйхенбаум проводил параллель между ней и финалом «Анны Карениной», считал ее дидактическим произведением. М.А. Алданов считает, что только Ж.Ж. Руссо написал исповедь, у Л.Н. Толстого это – история отпадения Льва Николаевича от православия. А краткость Л.Н. Толстого в этой работе он сравнивал с официозными покаяниями Ивана Грозного. Г.Я. Галан усматривал в «Исповеди» декларацию писателя, основанную на антагонизме двух классов. Н.Я. Абрамович находил общие черты в «Исповеди» и Экклезиасте. Другие считали ее философским осмыслением «Войны и мира» и «Анны Карениной». Л.Л. Аксельрод-Ортодокс считала это произведение психологическим откровением, случившимся у Л.Н. Толстого в бессознательном состоянии. С позиций силы мистического начала в произведениях она сравнивает «Исповедь» с «Записками

сумасшедшего» и «Орлей» Мопассана, которого Л.Н. Толстой очень ценил. А.И. Шифман сравнивает это произведение Л.Н. Толстого со стихотворением А.С. Пушкина «Воспоминание»: это – их исповеди. К.Н. Ломунов считает «Исповедь» своеобразным рубиконом в творчестве Л.Н. Толстого: с этого времени начинается этап тотального обличения и протеста.

Н.Я. Абрамович пишет об евангелической сущности взглядов княжны Марьи и Пьера Безухова. Б.И. Берман триаду князь Андрей – Николенька – княжна Марья отождествляет с другой – Иисус Христос – люди – Богородица. Д.Ю. Квитко не исключал возможности написания князем Андреем (при двух условиях – если бы он жил в реальности и если бы он дожил до смерти) в старости «Исповеди».

С религиозных позиций рассматривается в толстоведении «Анна Каренина». В романе М.А. Алданов видит отражение двойственности писателя: эпитафия, взятый Л.Н. Толстым, предполагает осуждение Анны, а образ ее представлен симпатичным. Исходя из эпитафии, перед Богом виновата Анна, а не ее муж. В.А. Жданов считает, что Анна нарушила основной закон жизни – материнство и замужество. Это предопределило ее конец. Однако, образ Анны не дидактический: А.И. Шифман сообщает, что ее прототипом была дочь А.С. Пушкина, в замужестве М.А. Гартунг. Н.И. Пруцков видел в романе сочетание аскезы и индивидуального стремления к ней. Левина он сравнивал с революционерами и апостолами. Г.Я. Галан утверждал бесспорность автопсихологизма образа Левина.

Л.Л. Аксельрод-Ортодокс сближает «Воскресение» и статью Л.Н. Толстого «О жизни». Из всех философских произведений она выделяет четыре наиболее важные с философской точки зрения. Идеи предельного аскетизма подчинены «Дьявол», «Анна Каренина», «Крейцеров соната». В «Отце Сергии» и «Фальшивом купоне» она слышит мотивы измены жизни и победы зла. Только «После бала» – наименее тенденциозный и наиболее философский рассказ.

Многие работы Л.Н. Толстого критики сближают по сюжету (народные рассказы) и форме с православными богословскими текстами. А. Панченко утверждает, что «Исповедь» не автобиографична; кроме того, она построена по схеме христианской легенды, предполагающей развитие событий по следующему плану: прегрешение, наказание и исцеление.

А.И. Шифман считает, что публицистика Л.Н. Толстого написана с «отвлеченных позиций христианской морали» [4, с. 252].

Среди всех художественных произведений Л.Н. Толстого Н.Я. Абрамович считает только «Кзаков» полностью свободными от

мотивов богоискательства. М.А. Алданов называет «Хаджи–Мурата» противоположностью философии Л.Н. Толстого, произведением, написанным под влиянием идей Ф. Ницше.

Пропаганда вреда учения Л.Н. Толстого

Пропаганда вреда учения Л.Н. Толстого на конкретных примерах

Авторы работ, которые можно отнести к данному направлению, в качестве эталона берут православный образ жизни, сравнивают его с бытом «толстовцев» и самого Л.Н. Толстого и опровергают писателя. Авторами этих статей являются преимущественно дореволюционные и послереволюционные эмигрантские историки и публицисты. В газетной периодике приводится множество примеров негативного воздействия толстовства на людей.

Противоречиво учение «толстовцев». А.С. Прутавин пишет, что оно имеет мало общего со взглядами самого Л.Н. Толстого. Такое учение имело трагические последствия для его выразителей в индивидуальном плане. Из-за антигосударственного начала в «толстовстве» их сажали в тюрьмы, другие кончали жизнь самоубийством. Они были неяршливыми и распространяли болезни.

Аналитико-прогностическое направление.

Эти негативные моменты учения Л.Н. Толстого и результатов применения его на практике переводились на теоретический уровень. Причем, теоретизирование развивалось в социальном плане. Это направление в какой-то мере предвосхитило трактовку творчества Л.Н. Толстого, сделанную В.И. Лениным, и сыграло большую роль в формировании перечня вопросов, особенно интересующих советское «толстоведение».

Духовная печать в 1907 году (первая статья В.И. Ленина о Л.Н. Толстом появилась в 1908 году) критиковала светских журналистов за недостаточное внимание к философским взглядам Л.Н. Толстого. Проводится мысль, что когда-нибудь, описывая это время, историки в качестве одной из главных фигур используют «истинного и ближайшего Вольтера нашей современной революции» [3, с. 27] – Л.Н. Толстого. Можно сказать, что этот корреспондент оказался провидцем.

Отлучение Л.Н. Толстого от церкви: хроника событий.

Предыдущее историографическое направление оказало большое влияние на формирование взглядов В.И. Ленина относительно религиозного наследия Л.Н. Толстого. Сменились только оценочные характеристики. Так, упомянутые дореволюционные критики с осуждением относились к революции и Л.Н. Толстому. А В.И. Ленин, тоже отказавшись от восхваления этих взглядов, ругал их за умеренность.

Наиболее ярко проявилось следование оценкам В.И. Ленина в той части советского «толстоведения», которое занималось исследованием истории отлучения Л.Н. Толстого от церкви.

Здесь есть различные работы, богатые фактическим материалом и работы реферативного характера. Более подробно рассматривает все эти вопросы В.Б. Шкловский в своем фундаментальном труде «Лев Толстой», который неоднократно издавался у нас в стране и за границей.

Учение Л.Н. Толстого и различные течения в христианстве.

В советское время продолжалось исследование религии Л.Н. Толстого, исходя из сравнения его с православием и другими течениями в христианстве.

В 1980 году В. Никитин характеризовал толстовство как особого типа очищенное христианство. Он считает, что Л.Н. Толстой не стремился осмыслить заповеди христианства в духе этой религии, а использовал их для создания своего собственного учения. Оценки Б.Ф. Сушкова являются продолжением подходов философов «серебряного века», часть которых воспринимает это учение в качестве протестантского по типу предшествующих ему. В 1990-е годы подходы этого критика заметно модернизировались: толстовство есть продолжение незавершенного Иисусом Христом и апостолами; сам писатель эволюционизировал в направлении превращения в Христа – великого Учителя. Основой последнего явилась богоизбранность Л.Н. Толстого.

А Л. Пажитнов считает очевидной апелляцию Л.Н. Толстого к народной вере. Г.И. Щетинина считает, что корни мировоззрения Л.Н. Толстого – полужыгская Ясная Поляна и совесть русского человека. К.С. Харитонов рассматривает Л.Н. Толстого как тип правдоискателя. Используя народные пословицы и многое другое, он доказывает традиционность типа поведения Л.Н. Толстого для русского народа.

Л.Н. Толстой и ненасилие.

XX век поставил проблему ненасилия. Поэтому довольно многочисленных сторонников такого подхода к решению стоящих перед обществом вопросов стали иногда называть «новыми пророками»: Р.У. Эмерсон, Г.Д. Торо, Р. Роллан, П.Я. Чаадаев, Вл.С. Соловьев, М. Ганди, Л.Н. Толстой и другие.

Многие авторы сравнивают Л.Н. Толстого и М. Ганди. Индеец Д. Датта отмечал, что толстовство сблизило «христианство с ведантическим пониманием человека» [2, с. 22]. А.И. Шифман отмечает, что большое влияние на М. Ганди оказал роман Л.Н. Толстого «Воскресение» и трактат «Царство божие внутри нас».

В.Ф. Булгаков в свое время написал книгу «Толстой, Ленин, Ганди». Это – свидетельство того, что уже тогда в среде исследователей рассматривалась такая параллель.

Т.П. Григорьева считает, что Л.Н. Толстой лучше других русских философов понял Восток. Возможно, благодаря этому осуществилось замеченное ею: опыт Толстого опосредованно через Ганди «помог привести Индию к независимости бескровным путем, что потрясло множество душ и оставило неизгладимый след в истории человечества» [1, с. 64–65].

Ненасилие Толстого рассматривается в качестве платформы для переустройства жизни. В этой связи У. Винокурова, З. Лапина и К. Шилин называют Толстого частью биосферы и говорят о необходимости распространения его учения – экологической альтернативы мирового развития с севера на юг, то есть из областей с наиболее чистой экокультурой.

Библиографический список

1. Григорьева Т.П. «Новые пророки» // Новые пророки: Торо, Толстой, Ганди, Эмерсон. СПб., 1996.
2. Датта Д. Философия Махатмы Ганди. М., 1959.
3. Периодическая печать в минувшем году // Церковный голос. 1907, № 1.
4. Шифман А. Страницы жизни Льва Толстого. М., 1983.

УДК 94

В.Н. Дежнев,

доцент, Шадринский государственный педагогический университет (Шадринск)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК ПРОТИВОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ КАТОЛИКО-ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Статья рассматривает историю Великой Отечественной войны как этап многовекового противостояния России и Запада, русской православной и западно-европейской католико-протестантской цивилизаций. Опыт Великой Отечественной войны жизненно важен на новом этапе цивилизационного конфликта с Западом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, русская православная цивилизация, западно-европейская католико-протестантская цивилизация, сила духа советских людей.

V.N. Dezhnev,

Associate Professor, Shadrinsk State Pedagogical University (Shadrinsk)

THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A CONFRONTATION BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX AND WESTERN EUROPEAN CATHOLIC-PROTESTANT CIVILIZATIONS

The article considers the history of the Great Patriotic War as a stage of centuries-old confrontation between Russia and the West, the Russian Orthodox and Western European Catholic-Protestant civilizations. The experience of the Great Patriotic War is vital at the new stage of the civilizational conflict with the West.

Key words: the Great Patriotic War, Russian Orthodox civilization, Western European Catholic-Protestant civilization, the strength of the spirit of the Soviet people.

События последних лет и особенно 2022 года позволяют сказать, что спираль истории пришла в новых обстоятельствах к аналогу обстоятельств второй половины 30-х – середины 40-х годов XX века, поэтому события и опыт Великой Отечественной войны становятся не только все более актуальными, но и превращаются в руководство к практическим действиям. Прошедшие месяцы ведения специальной военной операции на территории бывшей УССР заставляют переосмыслить подходы к пониманию истории Великой Отечественной войны, требуют пересмотра некоторых устоявшихся стереотипов.

Выдающийся русский ученый, основатель цивилизационного подхода к истории Н.Я. Данилевский, разрабатывая теорию культурно-исторических типов в своей работе «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» [1], выделил среди других славянский (русский) и романо-германский (западный) типы и подчеркнул враждебность и агрессивность западной цивилизации по отношению к славянству. Он указывал на опасность деградации народа при господстве чуждого культурно-исторического типа, но прозорливо предсказывал, что в противостоянии Западу русскому цивилизационному типу принадлежит будущее.

Один из теоретиков и политических лидеров евразийского движения Н.С. Трубецкой в труде «Европа и Человечество» [4], не признавая реальные достижения западной цивилизации, указывал на ее агрессивное отношение к другим культурам, стремление к доминированию, гегемонизму и абсолютности, приводящие, по сути дела, к расизму.

Великая Отечественная война стала очередной агрессией Запада против России. 22 июня 1941 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей в послании «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» указал на религиозный характер начавшейся войны,

он сравнил нападение Германии с временами Баття, немецких рыцарей, Карла шведского и Наполеона, он заклеил фашистских разбойников как жалких потомков врагов православного христианства. «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Господь нам дарует победу!» [3].

Великая Отечественная война – наиболее острый и масштабный, но далеко не крайний эпизод в многовековых попытках западно-европейской, католико-протестантской цивилизации уничтожить русскую православную цивилизацию, являющуюся также европейской по своей культурной основе, но идущую иным цивилизационным путем. К русской цивилизации в данном контексте относятся не только русские по национальности, а люди любых национальностей, этносов, исповеданий, связанные с ней исторической судьбой и разделяющие ее базовые ценности.

То, что Великая Отечественная война была не столкновением двух социальных систем – социализма и капитализма (хотя это обстоятельство и придавало конфликту особую остроту), а являлась межцивилизационной борьбой, в которой Запад ставил целью уничтожение русской цивилизации, доказывают события последних десятилетий. Смена в России социального строя, внедрение частной собственности и буржуазных рыночных отношений, попытки значительной части российских элит встроиться в западную модель ничего не изменили. В России, в русской цивилизации Запад по-прежнему видит цивилизационного конкурента, врага, который должен быть уничтожен.

При этом ничего не меняет то обстоятельство, что Германии и ее сателлитам СССР противостоял в коалиции с Великобританией и США, эта коалиция со стороны западных союзников была временной и ситуативной. Гитлер, как и сейчас Украина, был вскормлен Западом в качестве орудия против России, Мюнхенский сговор 1938 года и отказ от обязывающих договоров с СССР против Германии в 1939 году наиболее яркие свидетельства вынужденности со стороны Запада в этом сотрудничестве. Противоречия между Германией с одной стороны и Францией с Великобританией с другой привели к внутривападному конфликту, который Гитлер даже готов был прекратить в 1940–41 годах, достаточно обоснованно видя возможность объединения всего Запада против СССР, но в тот раз не сложилось.

С нападением на Советский Союз интерес в объединении усилий в борьбе против Германского блока привел к созданию антигитлеровской коалиции. Но и здесь Запад не забывал свою стратегическую цель: если пока не удастся уничтожить Россию, то надо хотя бы ее максимально ослабить. Открытие «второго фронта» откладывалось до тех пор, пока не стало ясно, что СССР может самостоятельно разделаться с

Германией, сохранялись в полной боевой готовности немецкие части, сдавшиеся в плен западным союзникам, для дальнейшего использования в общей войне с СССР. Запад поддерживал союзнические отношения ровно до того времени пока не мог обойтись без советских вооруженных сил. С победой над Японией цивилизационное противостояние перешло в формат «холодной войны».

Таким образом, Великая Отечественная война должна рассматриваться как этап борьбы России (Руси, Московского царства, Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации) с агрессией Запада, западно-европейской католико-протестантской цивилизации. Особая жизненная опасность этого натиска Запада была в том, что германский нацизм ставил цель не только уничтожить нас как страну, но уничтожить народ, вычеркнуть русскую цивилизацию из мировой истории.

О Великой Отечественной войне, особенно о ее начале, сложился ряд стереотипов, истоки которых лежат в высказываниях недалеких партийных деятелей, они нашли отражение в мемуарах, написанных во времена так называемой «борьбы с культом личности», кочуют по страницам публицистических статей, проникают в научные работы и учебные курсы. Они раздуваются до огромных размеров всеми, кто хочет очернить нашу Победу, становятся еще одной формой борьбы с русской цивилизацией. В этих целях обычно используются такие тезисы: «страна к войне была не готова», «лучшие военные кадры погибли в ходе репрессий», «для руководства (Сталина) война стала полной неожиданностью», «руководство страны растерялось», «армия повсеместно отступала, попадала в окружения, сдавалась в плен» и т. д.

Наглядно увиденные всеми на примере специальной военной операции трудности, сложности, противоречивость начального этапа боевых действий заставляют по-иному посмотреть на роль и значимость отдельных периодов Великой Отечественной войны. Война в массовом сознании видится прежде всего через призму побед 1943, 1944 и 1945 годов, именно о событиях и героях этих лет мы чаще всего говорим на праздничных мероприятиях и в учебных курсах. Не умаляя действительно огромного вклада в Великую Победу воевавших в эти годы солдат, офицеров и генералов, всех трудившихся в тылу, надо воздать должное тем, кто принял первый удар, кто заложил фундамент победы. Можно сказать, что главный год войны – это 1941-й.

Первое о чем надо сказать – это внезапность нападения гитлеровской Германии. О начале войны далеко не закончена дискуссия, но история должна оперировать доказанными фактами. Понимание, что война неизбежна, было у всех. В прогнозе 1919 года фельдмаршала Фоша на межвоенный период отводилось два десятка лет, при этом надо заметить, что говоря «Это не мир, это перемирие на двадцать лет!» [5], Фош

имел в виду, что Версальский договор сохраняет промышленный потенциал Германии, а вкупе с большим против Франции населением и с отсутствием такого противовеса как Россия, успешный реванш Германии неизбежен. В дальнейшем Англия и Франция делали все, чтобы этот прогноз сбылся и руководство СССР прекрасно это видело. Сталин в феврале 1931 года заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [3].

Это однозначно свидетельствует, что к войне готовились все предвоенные годы. Вопрос о сроках нападения Сталин, зная потенциал Советского Союза и понимая ситуацию, в которой находится Германия, рассматривал с позиций политической стратегии. Нападать на СССР, имея в тылу не побежденную Англию – это самоубийство, но Гитлер оказался не стратегом, а азартным игроком, его политические способности были переоценены. Стратегия Сталина привела в конечном счете СССР к победе, а действия Гитлера привели его к самоубийству, а страну к поражению. Кроме того, в вопросе о внезапности следует отметить, что никому из объектов агрессии не удалось ее избежать: были не ожидаемы нападение Германии на Польшу в 1939 году, на Францию в ходе уже идущей войны в 1940 году, нападение Японии на Перл-Харбор в 1941 году, но вспоминают только июнь 1941 года.

О 1941 году. К сожалению, освещение первых месяцев войны иногда сводится к череде наших ошибок, поражений, отступлений. Было и это, но стратегически мы выиграли, не допустили реализации плана «блицкрига» и создали фундамент будущей победы в войне, это было время борьбы с превосходящими силами врага при отсутствии достаточных ресурсов. Для сравнения: сильная польская армия противостояла Германии пять недель, а судьба войны фактически решилась в первые две недели, армия Франции, признанная на тот момент сильнейшей армией Европы, с помогавшими ей англичанами продержалась месяц и двенадцать дней. И начало операции «Барбаросса» казалось также давало основание немцам ожидать повторения предыдущих триумфальных побед.

Но все пошло не по их планам и здесь надо обратиться к тезису о растерянности руководства СССР. Именно в первые дни войны были приняты решения, обеспечившие будущие успехи. Состав армии по решению о расширенной мобилизации был к началу июля удвоен, началось формирование и подготовка новых частей и соединений, которые уже в конце 1941 года останавливают врага и перейдут в контрнаступление. Решение об эвакуации предприятий из угрожаемых районов на восток страны вместе с построенными там в годы пятилеток фабриками и заводами обеспечит фронт танками, самолетами, артиллерийскими орудиями, обмундированием.

И главная победа 1941 года – это победа духа. И армия, и страна, и народ, и православная церковь стойко и мужественно встретили небывалый в истории военный удар. Для немцев, имевших уже почти двухлетний опыт военных компаний, стали полной неожиданностью упорство и самопожертвование наших воинов. В опубликованных после войны мемуарах немецких военачальников отмечается, что они впервые столкнулись с достойным противником. Ничто не поколебало уверенности советских людей в грядущей победе, а, если верить тем же мемуаристам, у врага уже к осени 1941 года приходит сомнение в успехе войны. И хотя впереди была еще целая война, именно поэтому 1941 год стал главным годом на пути к Победе.

Новое цивилизационное противостояние с Западом проходит после трех десятилетий попыток представить его как образец и пример для России, поэтому сейчас идет процесс очищения сознания многих наших соотечественников от ложных представлений, а для некоторых стал вопрос цивилизационного выбора и не все сделали выбор именно русской цивилизации, что вызывает сожаление, но также служит и оздоровлению нашего общества. Примеряя к современности опыт 1941 года можно сказать, что в целом наши современники показали себя достойными потомками великих предков, демонстрируют единство и сплоченность в дни испытаний, показывают образцы героизма, мужества и самоотверженности в боях, перестраивают на военный лад производство, обеспечивают армию всем необходимым. Мы уверены в нашей правоте, враг будет разбит, победа будет за нами!

Библиографический список

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост. и коммент. Ю.А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с. URL: <https://politconservatism.ru/upload/iblock/551/55199b1bcafafe5684d6efaf6fb43f329.pdf>. (дата обращения: 20.11. 2022). Текст: электронный.
2. Правда о религии в России. М.: 1942. С. 15–17. URL: http://www.great-country.ru/rubrika_articles/church/00006.html. (дата обращения: 20.11. 2022). Текст: электронный.
3. *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников // Сочинения. Т. 13. С. 29. URL: <https://petroleks.ru/stalin/13-18.php>. (дата обращения: 20.11. 2022). Текст: электронный.
4. *Трубецкой Н.С.* Европа и Человечество. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm>. (дата обращения: 20.11. 2022). Текст: электронный.
5. *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1–2. М.: Воениздат, 1991. URL: http://www.eunet.lv/library/win/MEMUARY/1939-1945/CHURCHILL/world_war_ii-1.txt. (дата обращения: 20.11. 2022). Текст: электронный.

М.В. Жульков,

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: НА СТАДИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Русская национальная идея прошла в своем развитии несколько этапов. В настоящее время она возрождается в процессе формирования многополярного мира, переоценке Россией своей собственной идентичности, истории, национальных целей и своего места в мире. Автор приходит к выводу, что национальная идея затрагивает все стороны жизни и является идеалом и планом, развивающимся по мере его проектирования и реализации.

Ключевые слова: национальная идея, национальный проект, национальные цели, национальная безопасность, основные проблемы, территория как ценность, страна-континент.

M.V. Zhulkov,

Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

RUSSIAN NATIONAL IDEA: AT THE DESIGN STAGE

The Russian national idea has passed through several stages in its development. Currently, it is being revived at a new stage of the formation of a multipolar world, Russia's reassessment of its own identity, history, national goals and its place in the world. The author comes to the conclusion that the national idea affects all aspects of life and is an ideal and a plan that develops as it is designed.

Key words: national idea, national project, national goals, national security, main problems, territory as a value, country-continent.

Национальная идея является системообразующим фактором в жизни любой нации. Преобразования мира и нашей страны, последние события предъявляют новые требования к идеологической сфере, к концепциям, которые определяют пути дальнейшего развития России. Одним из таких пробелов, который необходимо восполнить, является русская национальная идея, которая укажет национальные цели, модель строящегося общества, определит то, какой наша страна будет к середине столетия. Национальная идея должна отвечать ряду требований, некоторые мы и хотим кратко обсудить. Размышляя над проблемами национальной идеи, необходимо учитывать весь накопленный страной потенциал – русскую религиозную философию, русский космизм,

евразийство, учение о ноосфере, исторический опыт – все, что является частью нашего духовного и культурного наследия.

На крутых поворотах истории приходится переосмысливать опыт нации и историю государства. Парадокс, который нужно разрешить, состоит в том, что реальная жизнь России была непрерывной, в то время как в национальном сознании присутствуют отдельные сегменты ее истории: Новгородская и Киевская Русь, Московское княжество и затем царство, Российская империя, Советский Союз, современная Россия. Необходимо замостить в национальном сознании эти разрывы, представить развитие страны в ее непрерывности и преемственности. Необходимо показать этапы развития страны как единый процесс, превративший Россию в супердержаву.

Формулировка национальной идеи в период Российской империи была религиозной – идеал всеобщего братства и спасения, преобразования себя и мира (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, И.А. Ильин, Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров и др.) (см., например: [1]), а в Советский период – атеистической. Современное положение А.Г. Дугин характеризует как бездну, в которой нужно пробудить сердце русского Логоса [3, с. 158], другими словами, в период перестройки образовался вакуум смыслов, и теперь нужно его заполнить.

Национальная идея должна ясно обозначить цели нации (состоящей из многих народов России), что мобилизует общество, зарядит общественное сознание. Эти цели определяются основными идеями о том, что нация несет миру, какой глобальный мир хочет видеть нация. Известно положение о том, что когда идеи охватывают массы, они становятся движущей силой истории. Эти цели должны быть конкретизированы и выражены в проекты развития на перспективу нескольких десятилетий, по основным направлениям политики, экономики, культуры. Одновременно национальная идея должна быть в состоянии решать и текущие задачи. Основными вызовами и пробелами в развитии нашей страны являются, помимо идеологии, безопасность, экономика и демография, и для их решения нужна смена парадигм.

Россия, продолжая оставаться супердержавой, занимает в современном мире важное положение, объединяя север Евразии, связывая ее воедино. Россия является не просто мостом между Востоком и Западом, она является страной-континентом, по выражению В.И. Вернадского. И Лао Цзы, и Платон писали о том, что государство должно быть небольшим и малонаселенным. С тех пор ситуация изменилась, мы видим громадные скопления людей в городах, в которых и происходят основные преобразования. Что касается нашей страны, то ее большая территория является эволюционно-историческим завоеванием и достижением, которое нужно передать потомкам. В.И. Вернадский писал: «Огромная

сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполненным единой мировой организацией человечество» [2, с. 155–156]. Отсюда и задача национальной безопасности России имеет непреходящее значение. Россия объединяет все климатические зоны, все типы культур: в стране проживает более восьмидесяти народов, у нас есть свой запад, восток, север и юг. Эти культуры творчески взаимодействуют, синтезируются, Россия способна усваивать опыт других культур и народов, включая религиозный – в стране присутствуют все мировые религии, создающие палитру объединенной религиозной жизни. Кроме этого, Россия привносит в мир баланс и безопасность, она является «учредителем компромиссов», о чем писал Н.Н. Моисеев [7, с. 373].

Отметим, что геополитические проблемы, с которыми сталкивается Россия все последние годы, вызваны бездарным роспуском СССР, выводом войск из Восточной Европы, отсутствием договорной базы со странами Запада. Выскажем предположение, что эти проблемы имеют начало в процессах революции 1917 года, когда страну, за несколько волн миграции, покинуло около четырех миллионов интеллигентов. Рабочие и революционеры, пришедшие к власти, не имели опыта управления и не чувствовали преемственности в развитии страны, что имело долговременные последствия. В период перестройки, безусловно, были люди, которые знали, что Западу нельзя верить и необходимо вести переговоры, а войска выводить медленно или не выводить вообще, сохраняя буферную зону между Россией и НАТО. Однако тогдашнее руководство страны, не имея необходимых компетенций, решило иначе.

Цикл глобализации, вершиной которой было образование ООН, формирование в 1980–1990 гг. глобального миропорядка, в первую очередь глобальной экономики и финансов, сменяется или дополняется циклом возвышения национальных сознаний, сопровождающийся подъемом национальных движений, экономик, распадом мира на геополитические, геоэкономические и валютные зоны. Происходит формирование многополярного мира, в этих процессах Россия играет одну из ключевых ролей. Одновременно Россия должна успеть занять свою нишу в рамках СНГ и в мире в целом.

Для этого, как отмечают многие специалисты, необходимо резко ускорить экономическое развитие, осуществить экономическое чудо, реиндустриализацию (по выражению Н.Н. Моисеева). В свою очередь, чтобы ускорить экономическое развитие, необходимо сменить экономическую модель – либеральная модель глобализации себя исчерпала. Она была выгодна западному миру, в других регионах страны западного мира долгое время проводили колониальную и неоколониальную политику. А что может быть альтернативой современному либерализму с его

финансовыми спекуляциями и виртуальной экономикой? Ему на смену приходит национальная экономика с развитым производящим сектором, национальной валютой; такая экономика может базироваться на смешанных формах собственности, использовании личной инициативы, при этом справедливом распределении национальных богатств на всех, социальных программах помощи малоимущим слоям населения, направляющим участием государства (госзаказ, налоги, национальные программы, социальные институты). Одним словом, это модель соединения преимуществ капитализма и социализма при избегании их недостатков.

Важнейшим элементом экономической жизни является финансовая политика. Известно, что для быстрого развития экономики необходима низкая ключевая ставка и ставка рефинансирования, не более трех процентов. При этом возникает экономический бум и неизбежная инфляция при большом количестве кредитов. Однако инструменты для борьбы с инфляцией хорошо известны, главным принципом является изъятие лишних денег из обращения, что является задачей государства. Эти деньги должны наполнять фонды и вкладываться в развитие инфраструктуры, то есть в жизненно необходимые проекты, в которые частный бизнес участвовать не будет, потому что инфраструктурные проекты не приносят быстрой прибыли. Но именно они создают силовой каркас жизни нации: транспорт, тоннели, мосты, тяжелое машиностроение, энергетика, здравоохранение, спортивные сооружения, дворцы культуры, и др. Примером успешности такой политики может служить строительный бум 2020–2021 годов, определенный низкой процентной ставкой по ипотеке (ее субсидирование правительством), при этом выросли цены на жилье от двадцати до семидесяти процентов в разных городах, правительство не регулировало их рост.

В настоящее время происходит глобальный демографический переход на более низкую рождаемость [6]. Наша страна является мало населенной, и для ее развития важен рост численности населения, для этого нужно стимулировать рождаемость. Демографическая политика может основываться только на сильной экономике, чтобы не просто компенсировать молодым семьям падение доходов, но и обеспечить его увеличение, что вполне логично, поскольку возвращение детей – дело затратное. Для нашей страны демография – одна из важнейших, наряду с экономикой, проблем (как пример – во время строительного бума 2020–2021 годов нехватка рабочей силы доходила до трех миллионов человек). Внутренний рынок должен иметь достаточную внутреннюю емкость, для этого необходимо удвоить население страны. При этом значительно снизятся относительные траты на госуправление, военные расходы, транспорт и т. п., поскольку их абсолютные величины останутся примерно на том же уровне, но увеличатся социальные расходы,

бюджет станет более сбалансированным. Одновременно увеличится количество рабочих рук для претворения в жизнь амбициозных программ по реиндустриализации, развитию транспортной инфраструктуры и других национальных проектов, многие из которых уже разработаны и ждут своего более быстрого воплощения в жизнь.

Еще один важный аспект жизни современной цивилизации состоит в том, что современная цивилизация вторгается в субъективные миры с помощью технологий: виртуальная реальность, оранжевые революции, информационные войны, воздействующие на сознание людей, обработка сознания с помощью СМИ, телевидения, соцсетей, публикаций в интернете. А это означает, что информационная безопасность приобретает все большее значение. Чтобы в этих условиях обеспечивать национальную безопасность, уже недостаточно технических, идеологических и силовых мер, необходимо учиться использовать психическую энергию и силу мысли. Учение о психической энергии дано в книгах Живой Этики [4], оно показывает, как накапливать и использовать психическую энергию для решения задач повседневной жизни, а также национальных и глобальных проблем. Одной из основных составляющих психической энергии является мысль, ноосферный энергетизм [5], формирующаяся энергоинформационная парадигма исследуют проблемы применения силы мысли.

Таким образом, формирование национальной идеи должно исходить из синтетического понимания исторического пути России, ее места в мировом планетарном сообществе, включать в себя идеи русского космизма, универсального эволюционизма, концепции ноосферы. Национальная идея должна определять решение стоящих перед страной текущих задач, а также развитие страны на перспективу нескольких десятилетий по основным направлениям культурного, политического и экономического развития. Она может быть оформлена в виде Национального проекта (программы) развития, который бы вдохновил народы нашей страны на ее воплощение, а также показал перспективы развития на всем постсоветском пространстве.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: сочинения. М.: Эксмо, 2008. С. 13–256.
2. *Вернадский В.И.* Очерки и речи. Вып. 1–2. Петроград: Научное химико-техническое изд-во, 1922. 158 с.
3. *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский Логос, туранский Логос. М.: Академический проект, 2014. 694 с.

4. Знаки Агни Йоги // Агни Йога: в 4 т. Донецк: Сталкер, 1999. Т. 1. С. 183–273.

5. Жульков М.В. Ноосферный энергетизм: глобальная организованность космопланетарного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 612 с.

6. Капица С.П. Парадоксы роста. Законы развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2010. 192 с.

7. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. МГВП КОКС, 1995. 376 с.

УДК 03.23. 55

А.Д. Заварин,

магистрант 2 курса исторического факультета, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль)

НОВЫЕ МЕДИА: РАБОТА СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИКА, КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена актуальной проблеме, когда в период расширения границ применения междисциплинарного подхода в исторической науке трансформируется специфика работы историка, появляются «любители» на профессиональном поле учёных. Выявляются закономерности работы историков и характеристик общественного развития.

Ключевые слова: междисциплинарность, междисциплинарный подход, публичная история, современное историческое знание, цифровая история.

A.D. Zavarin,

undergraduate student of the Faculty of History, "Yaroslavl State Pedagogical University" named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl)

NEW MEDIA: THE WORK OF A MODERN HISTORIAN AS A REFLECTION OF THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN SOCIETY

The article is devoted to an urgent problem when, in the course of expanding the boundaries of the interdisciplinary approach in historical science, the specifics of the historian's work are transformed, "amateurs" appear in the professional sphere of scientists. The regularities of historians' work and the peculiarities of social development are revealed.

Key words: interdisciplinarity, interdisciplinary approach, public history, modern historical knowledge, digital history.

В последние несколько десятилетий увеличивается обращение к историческому прошлому с целью продемонстрировать преемственность явлений или события, сформировать твёрдые убеждения, оправдать или обвинить в чем-то – то есть, донести позицию, опираясь на историческое содержание. Взаимодействие СМИ и аудитории, реальных политических сил и рядовых участников истории характеризуется асимметричностью влияния [2, с. 45]. Большое количество официальной информации транслируется по телевидению, но увеличивается присутствие политических акторов и в новых медиа – социальных сетях: Телеграмм, Вконтакте; информационно-развлекательном пространстве – YouTube, RuTube (в настоящее время осуществляется переход на национальную платформу). Кроме того, виртуальная среда стала местом воплощения самых необузданных фантазий на «историческую» тему, в которых смешиваются обрывки исторических сведений, мифов, сказок и легенд [5, с. 5]. Методологическая основа для изучения новых медиа является актуальным полем для дискуссии, так Деникин А.А. в статье «критика подходов к исследованию практик Новых медиа», опубликованной в журнале «Наука телевидения» (2014) отмечает, что: «активное противостояние мнений относительно будущего цифровых технологий привело к появлению двух противоположных дискурсов в отношении социальной и культурной специфики функционирования Новых медиа: утопического и дистопического дискурсов» [1, с. 263].

Глобализация, внедрение достижений НТР в России и становление информационного общества привело к широкому изменению в социально-политической, экономической и духовной сферах. Увеличение потоков информации, структуры подачи и демонстрации нового привели к трансформации подхода к подбору, анализу и осмыслению событий. Таким образом, изменился и функционал, подход работы с историческим содержанием, кроме профессиональных историков активно заниматься историческим прошлым получают возможность представители других сфер.

«За большим столом, обложив себя стопками архивных дел и научной литературы в библиотеке университета, иногда выезжая на раскопки и научные конференции – так проводит свои рабочие будни историк» – такое мнение до сих пор преобладает в современном обществе по отношению к современным историкам. Можно согласиться с такой позицией, однако, информационное общество, с высокой компьютеризацией, развитием сферы услуг значительно добавило новых деталей к рабочему графику историка. Подбором материала теперь можно заниматься из дома: просмотреть фонды, описи, заказать и поработать с оцифрованными источниками – доступно в формате онлайн (существует

большое количество фондов, однако доступ, к которым закрыт в дистанционном режиме).

Архивы в интернет-пространстве занимаются не только выставлением оцифрованных дел для запросивших пользователей, но еще занимаются публичной работой. Даже музеи должны уметь привлекать посетителей. Поэтому важно еще до открытия выставок узнавать спрос – что будет интересно публике. Во всех проектах по публичной истории, будь то сайт, блог или выставка, важна коммуникация, которую осуществляет публичный историк до и после проекта, обсуждая интересы и ожидания публики [4, с. 3]. Появляются кураторы и ведущие рубрик сайтов архивов, библиотек, музеев (наиболее сильно ведут работу по популяризации музейного наследия через сети интернет: виртуальные выставки, 3D галереи, дистанционные экскурсии) – таким образом зарождается публичная история в том числе и России.

Это не только содержательная работа по открытию доступа, но и презентация своего архива, реализация информационной, образовательной и, даже, рекламной функций. Формируются профильные сайты, на которых историк может быстро найти информацию из первоисточников, связаться и получить обратную связь.

30 лет назад споры о существовании монголо-татарского ига, историческом выборе Александра Невского, развенчании культу личности И.В. Сталина устраивались на профильных конференциях. Уже в современном мире, любой, имеющий выход в глобальную сеть может записать и опубликовать свои мысли – ввести в публичную дискуссию свой нарратив. Таким образом, размываются границы между профессиональными историками и «любителями». Это часто приводит к неверному истолкованию фактов, возникновению лживых интерпретаций и теорий (возникшая в 70-е годы и развивающаяся сегодня лженаучная теория Новой хронологии академика Фоменко и Носовского). В 80–90-х годах XX в. многие, кто претендовал на самостоятельность мышления, кто «изголодался» по свежему, а главное – «честному», взгляду на историю, сметали с книжных полок очередной опус академика А.Т. Фоменко и его очередного соавтора [6, с. 1]. В случае Фоменко и Носовского – ученые математики меняют научную направленность и через математические методы интерпретируют исторические факты, что привело к сильному переписыванию как Мировой, так и Российской истории; впоследствии превративших в бизнес проект.

Рассмотрим, пример, когда журналист начинает работать с историческим материалом. Репортёр Леонид Парфёнов в 90-е годы выпускает программу «Намедни», в которой даёт осмысление историческим событиям. В настоящее время программа выходит на платформе YouTube, каждый выпуск посвящен одному год из истории России со своими

проблемами и героями. Под каждым выпуском большое количество просмотров и комментариев, что означает популярность формата и актуальность исторической проблематики, которая обсуждается в российском медиaprостранстве и обществе в целом.

Российский писатель, теле- и радиоведущий Сергей Минаев, на своём YouTube канале выпускает контент под названием: «Уроки истории». Освещая наиболее интересные и противоречивые проблемы истории, он стимулирует познавательный интерес к науке. В 2021 года на онлайн-платформах вышел документальный проект Минаева «Девяностые» о главных событиях России эпохи 1990-х годов в медиаиндустрии [7, с. 1].

В это время академические историки и государство стремятся сохранить за собой монополию на право единственно верных трактовок и право единолично говорить об историческом прошлом.

В постиндустриальном обществе возникает ещё одна проблема для историков – как обработать большое количество данных. Здесь может прийти на помощь BigDate. Системы анализа, хранения и обработки данных. Возникает цифровая история (digitalhistory). Это сайты или базы данных. Наиболее ярким примером является Интернет-библиотека – Википедия. Текстовые материалы отображаются вместе с ссылками на источники, фото наполняет сайт для визуального эффекта. Наиболее характерное для современных медиа принцип, когда каждый может написать статью, внести изменения (т. е. почувствовать себя историком). «Сегодня историки активно обучаются компьютерным технологиям и многие уже неплохо в них разбираются. К примеру, на историческом факультете МГУ есть годовой курс «Информатика и математика» – это два семестра лекций и семинаров о работе с оцифрованными историческими источниками, базами данных и сложными научными онлайн-системами» – рассказывает в интервью кандидат исторических наук, доцент кафедры исторической информатики истфака МГУ имени М.В. Ломоносова Андрей Володин [3, с. 2].

Проблему авторства и достоверности источников в информационном мире историку приходится решать постоянно. При работе с новыми медиа историк осваивает новый функционал. Современное представление о работе может выглядеть так: «за большим столом, обложив себя тремя мониторами, запуская в смартфоне запрос на открытие доступа к оцифрованным источникам..., в одном мониторе редактируя оформление своего интернет портала (блога, канала, сайта), в центральном корректируя свою статью, в соседнем экране слушая конференцию Zoom, не забывая отслеживать в планшете краудсорсинговые площадки для обработки данных...»

Чтобы уметь работать с новыми медиа историку необходимо:

1. Следить за актуальными тенденциями в цифровом мире;
2. Проверять достоверность источника из стороннего ресурса;
3. Помнить, что твой контент также будет источником для других и грамотно оформлять все выходные данные и быть ответственным за информацию.
4. Учиться представлять результаты своей работы в информационной среде.

Историки, традиционно выступая, как летописцы состояния общества, сами являются отражением эпохи, в которой работают над своими исследованиями. В информационном обществе медиа распространила своё влияние на все институты, став частью глобализации. Исследования современных историков, с включением широкого инструментария наук социо-гуманитарного, естественно-научного цикла представляют из себя междисциплинарный характер, что позволяет фиксировать актуальное состояние общества и специфику его трансформации.

Библиографический список

1. Деникин А.А. Критика подходов к исследованию практик Новых медиа // Наука телевидения. 2014. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-podhodov-k-issledovaniyu-praktik-novyh-media> (дата обращения: 30.06.2022).

2. Соловьева Д.Ю. Новый историзм и репрезентации истории в цифровой среде // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-istorizm-i-reprezentatsii-istorii-v-tsifrovoy-srede> (дата обращения: 20.06.2022).

3. Юнусов Л. Как историки работают с большими данными // Familio-madia (интервью с Андреем Володиным). URL: <https://familio.media/interview/kak-istoriki-rabotayut-s-bolshimi-dannymi/> (дата обращения: 21.09.2022).

4. «Историк – это не только архивист» (Интервью с Томасом Каваном и Сержем Нуаре. 17 декабря, 2018 г. URL: <https://iq.hse.ru/news/229588441.html> (дата обращения: 12.05.2022).

5. Шапинская Е.Н. История в цифровом формате: будущее нашего прошлого // Культура культуры. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-v-tsifrovom-formate-budushee-nashego-proshlogo> (дата обращения: 18.08.2022).

6. Чупров А.С. Еще раз о так называемой новой хронологии // Социум и власть. 2013. № 3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-tak-nazyvaemoj-novoy-hronologii> (дата обращения: 09.12.2023).

7. «Безумное, дикое, трагичное и великое десятилетие»: Сергей Минаев работает над документальным сериалом о России 90-х. Esquire (7 ноября 2020). // Журнал Правила жизни (дата обращения: 06.11.2022).

УДК 93/94

Л.В. Климович,

доцент, Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова (Ульяновск)

**РОЛЬ «РУССКОЙ ШКОЛЫ» ЗА РУБЕЖОМ В ФОРМИРОВАНИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В 1920–1930-Е ГГ.)**

В статье рассмотрено становление учебного процесса в средних образовательных заведениях, созданных российскими эмигрантами в 1920–1930-е гг. в странах Европы. Показано, что наполняемость школьной программы включала в себя традиционные русские элементы, а также учитывала требования национальной системы образования страны пребывания.

Ключевые слова: российская эмиграция, национальное самосознание, «русская школа», молодежь.

L.V. Klimovich,

Associate Professor, Ulyanovsk State Pedagogical University
named after I.N. Ulyanova (Ulyanovsk)

**THE ROLE OF THE «RUSSIAN SCHOOL» ABROAD
IN THE FORMATION OF THE NATIONAL
SELF-CONSCIOUSNESS OF THE YOUTH
(BY THE MATERIALS OF THE RUSSIAN EMIGRATION
IN THE 1920–1930s)**

The article presents the formation of the educational process in secondary educational institutions created by Russian emigrants in the 1920s–1930s. in European countries. It is shown that the content of the school curriculum included traditional Russian elements, and also took into account the requirements of the national education system of the host country.

Key words: Russian emigration, national identity, "Russian school", youth.

Благодаря усилиям Российского земско-городском комитета помощи российским гражданам за границей (Земгора) в 1920-е годы за границей была создана образовательная система для детей эмигрантов, уехавших из России после событий 1917 г. «Русские школы» и курсы русского языка стали основным звеном передачи и сохранения исторической памяти и традиций дореволюционной России, «...поэтому уси-

лия направлялись главным образом на сохранение среди русских детей родного языка, желания и умения читать по-русски и интереса к родине к ее прошлому, настоящему и будущему» [2].

Потребность в возникновении школ для детей русских беженцев была продиктована количеством учащихся. Численность юношей и девушек школьного возраста в 1920–1921 годах в Европе достигала 18 тысяч, при этом на 1 января 1924 года в «русских школах» – как средних, так и низших – обучалось 8835 учащихся [10]. Остальные посещали местные школы на языке страны пребывания, например, в 1923 году в коммунальные школы Парижа было принято 656 русских эмигрантов [1, с. 21].

Задачи национального воспитания и сохранения «русскости» в молодых людях, приостановление процесса «денационализации» были первенствующими в работе педагогов: «русская молодежь в эмиграции постепенно, но последовательно перестает быть русской. С одной стороны, годы проживания на чужбине и самые условия жизни и образования невольно отражаются на ней и тем сильнее, чем моложе поколение было оторвано от Родины» [3].

С сентября 1922 года начал свою работу Союз русских педагогов средней и низшей школ в Чехословакии. По его инициативе прошли съезды учителей, на которых было принято решение о создании Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей во главе с В.В. Зеньковским в 1924 году. Именно Педагогическое бюро отвечало за разработку школьных учебных планов, которые основывались на дореволюционных российских традициях, но были адаптированы под местные условия.

Образовательные программы, разработанные еще в 1915–1916 году при проведении школьной реформы в Российской империи, были положены в основу программ эмигрантских школ с небольшими изменениями: «...латинский язык изучался не с III, а с V класса; усилено преподавание новых языков – французского, немецкого и английского» [14, с. 130]. Это было вызвано не только желанием обучать молодое поколение в духе дореволюционных традиций, но и практической невозможностью разработать новые учебные планы – в сжатые сроки. Исследователи отмечают, что школьные программы это труд практиков и теоретиков, и когда они получают результат, разработанные ими программы используются десятилетиями [8, с. 294]. Реалии были таковы, что постепенно в учебную деятельность «русских школ» включались предметы страны пребывания, в некоторых государствах «русские школы» были вынуждены работать по национальным учебным стандартам, добавляя в них такие дисциплины, как русский язык, история России и русская литература. Это приводило к увеличению учебной

нагрузки на учащихся. В программы, помимо предметов, касающихся истории, географии России, литературы и русского языка, в обязательном порядке входили такие же дисциплины по стране проживания. Также все больше включались естественнонаучные предметы, призванные дать учащимся знания и практические навыки для трудоустройства после окончания школы, так как поступить в высшие учебные заведения удавалось не всем. Проблема перегрузки учебными занятиями учеников была острой, поэтому в 1929 году прошли повсеместно съезды и совещания русских педагогов, на которых было принято решение о переводе ряда предметов в разряд факультативных. Это новшество не касалось предметов цикла «Россика», который включал в себя «русский язык и русскую литературу, историю и географию России, Закон Божий, законоведение, пение» [11, с. 120].

Как отмечалось выше, реализация учебного процесса не возможна без необходимой учебной литературы. Учебники должны были не просто давать необходимые знания в образовательном процессе, но и восполнять оторванность молодежи от исторической Родины, способствовать адаптации ее в иной языковой и культурной среде. В 1920-е годы еще возможно было получение учебной литературы из Советской России, но она не могла подойти под требования «русских школ», в эмиграции переиздавались учебники дореволюционной России. Подробно проблема обеспечения учебными пособиями рассмотрена в статье историка М.В. Ковалева. Он указывает, что в начале 1920-х годов «...широкое распространение в эмигрантской среде получил «Учебник русской истории для средней школы» С.Ф. Платонова, увидевший свет еще в 1909 году, а затем много раз переиздававшийся. Спрос на него был высок, и поэтому в середине 1920-х годов пражское издательство «Пламя» выпустило очередное его издание» [7]. М.В. Ковалев отмечает, что учебник Платонова не отвечал историческим реалиям, требовалось подготовить новые учебные пособия. Особо остро стоял вопрос выпуска материалов по русской истории, которые должны были включать в себя осмысление произошедших событий и формирование у молодежи комплексного представления об историческом прошлом России. В середине 1920-х годов в Королевстве СХС увидели свет учебники Льва Михайловича Сухотина [12; 13], они «были одобрены Советом при Державной комиссии Королевства сербов, хорватов и словенцев по делам русских беженцев в качестве учебного пособия для русских средних школ» [7].

В 1928 году вопрос об унификации учебной литературы для русских школ в странах расселения русских эмигрантов, подготовке и издании новых материалов был остро поставлен инициативной группой под руководством П.Н. Игнатьева (бывшего Министра народного просвещения Российской империи) [9]. Эта инициатива была связана с

потребностью расширить функции учебной литературы, которая должна «...не просто содержать необходимые сведения для образования в целом, но и учитывать оторванность детей от Отечества, их пребывание в иной социальной, национальной, языковой среде» [4, с. 196].

«Русские школы» отличались от дореволюционных образовательных учреждений и школ страны пребывания, их целью было не только подготовить учеников к поступлению в университеты, но и помочь получить практические навыки, побудить их быть независимыми в будущем и рассчитывать на свои силы. «Русская школа» за рубежом сочетала в образовательном процессе национальные, европейские и местные элементы. Деятельность учебных заведений эмигрантов учитывала региональную специфику, социально-экономическое положение страны пребывания, потребности в выпускниках средних учебных заведений.

Несмотря на все сложности обустройства на новом месте, благодаря политике протекторства принимающих стран, «русские школы» смогли функционировать и выполнять не только образовательную функцию, но и функцию «второго дома» для детей, оставшихся без присмотра родителей. Учебные заведения для русских эмигрантов, интернаты при них воспитывали любовь к Родине, ответственность за ее судьбу, почитание русских традиций: товарищество, взаимопомощь, стремление близко держаться друг друга, в том числе после окончания учебных заведений. Воспитание национального самосознания молодежи повлияло на появление и деятельность молодежных общественно-политических организаций, выдвигавших свои собственные идеи и программы переустройства России (подробнее: [5; 6]).

Библиографический список

1. *Алексинская Т.* Эмиграция и ее молодое поколение. Русская эмиграция 1920–1939 годов. Париж – центр эмиграции // Возрождение. 1957. № 65. С. 20–42.
2. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (БФРЗ). Ф. 2. Оп. 1. К. 3. Д. 33. Л. 3.
3. *Бочарова З.С.* Организация образования в российском зарубежье: правовые основы и исторический опыт 1920–30 годов // Право и образование. 2005. № 6. С. 190–203.
4. БФРЗ. Ф. 2. Оп. 1. К. 3. Д. 40. Л. 1.
5. *Климович Л.В.* Народно-трудовой союз российских солидаристов: ранние страницы истории // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2013. № 5 (91). С. 139–156.
6. *Климович Л.В.* Молодежные организации русского зарубежья: союз младороссов / Л. В. Климович // Клио. 2008. № 1 (40). С. 41–46.
7. *Ковалев М.В.* Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «Исто-

рия». М., 2014. Вып. 4 (27). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000732-4-1> (дата обращения: 21.09.2019).

8. *Миленкович Т.* Образование детей русских эмигрантов в Югославии, 1919–1941 годы: монограф. / пер. с сер. О.А. Симонова. М.: МЭИ, 2019. С. 294.

9. Письмо П.Н. Игнатъева В.П. Недачину от 20.12.1928. № 18. // Archiv of Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen F. 45. K. 2.

10. Русская зарубежная школа. 1920–1924. Париж: Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. 1924. С.5. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10003. Оп. 12. Д. 24.

11. *Сухачёва В.А.* Проблемы образования детей и юношества в Российском Зарубежье (1920–1940 гг.) // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2008. № 3. С. 120.

12. *Сухотин Л.М.* История Древнего Мира: учебное руководство для средней школы. Белград, 1925.

13. *Сухотин Л.М.* Учебник русской истории. Младший курс. Часть I. Новый Сад, 1926. Часть II. Белград, 1927.

14. *Шевченко В.А.* Русская школа в эмиграции. От Белграда до Харбина. М.: АЙРИС-пресс, 2017. С. 174. С. 130.

УДК 1 (091)

Э.Л. Ковров,

доцент Вологодской молочнохозяйственной академии им. М.В. Верещагина

ИНТЕГРАЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ – РУССКИЙ ПРОЕКТ ПИТИРИМА СОРОКИНА

В статье проанализированы этапы формирования интегрального мировоззрения П.А. Сорокина и оценена роль этого опыта для современного читателя.

Ключевые слова: мировоззрение, революция, свобода, кризис, вера.

E.L. Kovrov,

Assistant Professor, Vologodskaya Gosudarstvennaya Molochnokhozyaystvennaya Akademiya imeni N.V. Vereshchagina

INTEGRAL PERSPECTIVE – RUSSIAN PROJECT OF PITIRIM SOROKIN

The article analyzes the stages of formation of P.A. Sorokin and assessed the role of this experience for the modern reader.

Key words: worldview, revolution, freedom, crisis, faith.

Замечательный русский мыслитель – Пителир Александрович Сорокин прожил долгую и счастливую жизнь. Его воспоминания, опубликованные в 1965 году, подтверждают это. Про то, что жизнь удалась он написал в итоговой главе своих мемуаров: «Я высоко ценю прошедшую жизнь и был бы не против прожить ее снова точно так же» [4, с. 237].

Время жизни Пителира Александровича (1889–1968) пришлось на самые драматические события отечественной истории. Он не был их пассивным наблюдателем. Русскую половину жизни он посвятил революции: редактировал центральную газету партии эсеров «Воля народа», избирался от Вологодской губернии членом Учредительного Собрания, работал личным секретарем А.Ф. Керенского. Тюремные университеты его тоже не миновали: трижды сидел за революционную деятельность против самодержавия, трижды за борьбу с большевиками. В 1922 году был выслан из России на «философском пароходе», что само по себе говорит о масштабе его личности.

Читать воспоминания Сорокина интересно и поучительно: они написаны человеком, который обзрывает события с высоты интеллектуальной честности и нравственной безупречности. О подобных случаях писал Гегель: «Лишь с высоты можно хорошо обозреть предметы и заметить все, но этого нельзя заметить, если смотреть снизу вверх через небольшую щель» [1, с. 59]. Понятно, что каждый найдет в этих воспоминаниях что-то для себя. Меня же занимает опыт Сорокина по формированию интегрального мировоззрения потому, что именно такое мировоззрение необходимо для решения глобальных и личных проблем современности.

Для самого Сорокина «все началось на севере Руси в Яренском уезде Вологодской губернии среди народа коми» – народа, который не знал крепостного права и все вопросы решал при помощи непосредственного самоуправления. «Воспитываясь в такой социальной среде, я естественным образом впитывал бытующие в ней верования, моральные нормы и нравственные принципы: дух независимости, справедливости, уверенности в себе и взаимопомощи» [4, с. 15]. В соответствии с классикой социологии, речь идет об опыте личного взаимодействия в первичных социальных группах (семья, соседи, община), когда происходит начальная социализация, формируется мироощущение и мировосприятие. Важнейшую роль в жизни Пителира играла и христианская религиозность, особенно Нагорная проповедь. По словам Сорокина она «решающим образом обусловили мои нравственные ценности не только в молодости» [4, с. 34]. В целом «...религиозная атмосфера ранних лет сыграла важную роль в становлении моей личности, целостной системы

ценностей и кристаллизации ранних философских взглядов. Так или иначе, но я придерживался идеалистического мировоззрения, в котором такие ценности, как Бог и природа, правда, добродетель и красота, религия, наука, искусство и этика были объединены в одно гармоничное целое» [4, с. 34].

Понятно, что рожденный человек не выбирает для себя время и место социализации. Он приходит в уже «готовый» мир и усваивает ценности своего времени и своего народа. Но не следует думать, что на этой стадии своего становления человек пассивен: он активно интериоризирует ценности и нормы своего времени и готовится к их осмысленному принятию, а иногда отрицанию, что и позволяет говорить о наличии у него мировоззрения. В шестнадцатилетнем возрасте у Сорокина, по его собственным словам, произошел «первый кризис и бунт». Под влиянием революционных событий первого десятилетия XX века «большая часть моих предыдущих религиозных, философских, политических, экономических и социальных установок была разрушена» [4, с. 36]. Религиозность сменилась «полу-атеистическим» отрицанием, креационизм теорией эволюции, идеализм – естественнонаучной философией.

Одновременно оформились его политические взгляды: он вступил в партию эсеров. Причину выбора объяснил просто: «В противоположность марксистскому материализму и взглядам на человека и историю общества сквозь призму первичности экономических интересов философия и социология социал-революционной партии были намного более идеалистичны или, точнее, целостны. Эсеровские взгляды отводили большую роль в социальных процессах и человеческом поведении таким важным неэкономическим факторам, как созидательные идеи, личностные усилия, борьба за индивидуальность вместо марксистской борьбы за существование» [4, с. 36]. Слово «целостность» особенно важно для характеристики формирующегося мировоззрения Сорокина. «Вместе с накоплением знаний ... я продолжал строить целостную, более или менее единую систему мировоззрения. С философской точки зрения возникающая система взглядов была разновидностью эмпирического неопозитивизма или критического реализма, основывающаяся на логических и эмпирических научных методах познания» [4, с. 57].

Поражает фантастическая работоспособность Сорокина. Революционную деятельность он сочетает с самообразованием: экстерном сдает экзамен за гимназический курс, поступает в Психоневрологический институт и в двадцать семь он уже приват доцент Петербургского университета. Правда, степень доктора социологии он получит только через шесть лет, в апреле 1922 года, предоставив в качестве диссертации,

два тома классической «Системы социологии». Причина задержки понятна – революция и гражданская война. Антибольшевистская позиция Питирима Александровича и его активная борьба с режимом в составе «Союза возрождения России» могла кончиться для него плачевно. Положение спасает публичный отказ от политической деятельности: «Истекший год революции... научил меня одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу...» [4, с. 188]. Последовавшая за отказом, статья Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина» легализовала Сорокина: ему разрешили заниматься научной и преподавательской деятельностью.

Но Питирим Александрович не изменил своим идеалам. В речи по поводу годовщины Петербургского университета он указывает «на новые ориентиры, которых надлежит придерживаться молодежи. Индивидуальная свобода, личная инициатива и ответственность, кооперация, творческая, созидательная любовь, уважение к свободе других людей, реформы вместо революций, самоуправление вместо анархии – все это отныне и навсегда должно стать нашими общественными идеалами» [4, с. 137].

Новые ориентиры – результат переосмысливания опыта катастроф XX века и завершения оформления интегрального мировоззрения. Сорокин писал об этом так: «Первая мировая война пробила первые бреши в позитивистском, «сциентистском» и гуманистическом мироощущении, которое я имел до войны. Революция же 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир, вместе с характерными для них позитивистской философией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепцией исторического процесса как прогрессивных изменений, эволюции к более лучшему обществу, культуре, человеку... К концу 1920-х годов этот болезненный, но радостный процесс в основном завершился. Его результатом стало то, что я называю интегральной системой философии, социологии, психологии, этики и личностных ценностей» [4, с. 149–150].

Новому мировоззрению чужда всякая односторонность, догматическая узость или идеологическая предвзятость. Это не упрощенная схема действительности, но ее живой портрет – синтез познания, художественного созерцания и религиозного порыва. Очевидно влияние на Сорокина русской философии. Прежде всего это идеи славянофилов об органическом единстве сознания. А слова Сорокина из его «Основных тенденций нашего времени» можно принять за прямую цитату из Владимира Соловьева: «Подлинная истина всегда добра и прекрасна, подлинная красота неизменно истинна и добра, и подлинная любовь всегда

истинна и прекрасна. Потенциально каждая из них содержит две другие. В этой троице любовь постигается как объединяющая, интегрирующая и гармоническая космическая сила, которая противодействует дезинтегрирующим силам хаоса, объединяет то, что разделяется враждой, строит то, что разрушается разладом; создает и поддерживает великий порядок во всем универсуме» [5, с. 32]. Конечно же, на Сорокина оказало влияние и народничество П.Л. Лаврова, который писал о необходимости понимания всего сущего «как единого и воплощение этого понимания в художественный образ и в нравственное действие».

Таким образом, проект интегрального мировоззрения стал теоретическим завершением программы преобразования реальности на основании цельного знания. Важно, что Сорокин не ограничился теорией, а реализовал проект прожитой жизнью. Впрочем, это можно сказать и о его предшественниках. Важнее то, что в отличие от них, ему удалось соединить метафизические рассуждения и сугубо научные практики, основав в Гарвардском университете исследовательский центр по изучению создающего альтруизма, Цель центра – разработка практических методик установления в отношениях между людьми действенной любви. Эту любовь Сорокин отождествляет с божественной любовью.

Важной особенностью религиозности Питирима Сорокина была внеконфессиональность. Он писал о себе: «Сам человек верующий, но на свой особый манер, я не принадлежал к какой-либо институционализированной религии» [4, с. 187]. Божественную любовь он связывает не с конкретными религиозными формами (хотя сам тяготеет к христианству), но с волей самого Бога. Великий синтез всех форм культуры может осуществиться только на широкой основе сотрудничества людей, исповедующих различные религии. А все попытки выйти из глобального кризиса иначе обречены на провал: «жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не сумеют создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении» [4, с. 144–145].

Идея формирования интегрального мировоззрения была сформулирована Сорокиным в середине XX века. Он понимал очевидное – мир может спасти только радикальная трансформация человеческого сознания. Он также предложил научную программу такой трансформации. Современный человек обязан прислушаться к словам великого русского мыслителя и сделать необходимый выбор в пользу целостности своего сознания.

Библиографический список

1. Гегель. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.

2. *Лавров П.Л.* Философия и социология. Избранные произведения: в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т.1. 752 с.
3. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 37. 738 с.
4. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. Автобиография. М.: Терра, 1992. 303с.
5. *Сорокин П.А.* Таинственная энергия любви. Социологические исследования. 1991. № 8.

УДК 342.731/286.15

А.С. Комаров,

соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (г. Пушкин, Ленинградская обл.)

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЕ В РОССИЙСКОЙ ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОЙ ТЕОЛОГИИ

Рассмотрены основные тенденции развития учения о религиозной свободе в теологии российского баптизма. Аксиологическому усвоению российскими баптистами этого учения препятствует их аполитичность и моральный ригоризм.

Ключевые слова: религиозная свобода, ЕХБ, СССР, толерантность, баптизм, теология.

A.S. Komarov,

Doctoral Candidate, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Leningrad region)

THE DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF RELIGIOUS FREEDOM IN RUSSIAN'S EVANGELICAL-BAPTIST THEOLOGY

The article discusses the main trends in the development of the doctrine of religious freedom in Russian's Baptist theology. The apoliticism and moral rigorism of Russian Baptists prevent them from learning the value content of this teaching.

Key words: freedom of religion, ECB, USSR, tolerance, Baptists, theology.

Церковь евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) занимает значимое место в российской истории XIX–XX вв., являясь крупнейшей протестантской конфессией. Точных сведений о численности баптистов в империи нет, но по данным Департамента Духовных дел к 1912 г. «число баптистов составило 114.642 человека, а евангельских христиан – 30.716 человек» [17, с. 262], а в эпоху перестройки их насчитывалось «около

300 тысяч взрослых членов» [16, с. 355]. Это обуславливалось, прежде всего, «агрессивным» миссионерством ЕХБ и социально-активным характером их теологии, акцентированием на этическом учении. Этика «доброделания» свойственна и другим христианским конфессиям, но в отличие от титулованного в Российской империи православия, баптизм изначально связывал в причинно-следственную обусловленность «дела веры» и «плоды веры» и строил на этом учение об уверенности в спасении, которого нравственная теология православия не предлагала своим верующим. Причём эта связь между «делами» и «плодами» веры опирается на библейскую метафизику баптизма. Этический акцент теологии российских ЕХБ и её социально-политическая составляющая, выраженная в учении о свободе совести, является синтезом этики немецких баптистов и русских молокан и штундистов. Это обусловило и амбивалентность отношения российского баптизма к свободе совести. Она выразилась в двух моделях отношения к свободе совести, которые можно условно назвать «подданническим» и «гражданским». Подданнический подход предполагает, что вероисповедные отношения с государством строятся на основе пассивности и смирения, а социально-политическая активность ограничена ходатайствами. Вопрос о свободе вероисповедания находится полностью в ведении государства или определяется волей правителя, а притязания верующих на права и свободы не одобряются или теологически порицаются. Гражданский же предусматривает большую вовлечённость верующих в деятельность по расширению или защите своих прав и свобод через мирные способы политической борьбы за них и признания их важными ценностями веры. В истории российской церкви ЕХБ эти подходы сосуществуют и борются между собой. На их противоборство в теологии ЕХБ указывают пафос очередных попыток новых оппозиционных движений, выступающих за «очищение» церкви ЕХБ. Чаще всего они ограничиваются лишь заявлением о себе манифестом, как например, это обращение верующих г. Калуга [2]. Парадокс в том, что оба подхода основывается на одинаковых теологических предпосылках. Таковыми, скорее всего, являются эсхатологические и историсофские (лэндмаркизм, диспенсационализм) идеи западного баптизма. Предположительно подданнический подход российских ЕХБ заимствовали у молокан, среди которых популярна легенда о царской милости дарованиями свободы вероисповедания по указу 1805 г., хотя он не подтверждён исторически [1, с. 28]. Впоследствии практика ходатайств по защите вероисповедных прав распространилось у ЕХБ [15, с. 26]. Следует подчеркнуть, что ходатайственная деятельность верующих ЕХБ отличалась большей настойчивостью и разнообразием, чем молоканская, но уже в рамках гражданской модели. Петиции ЕХБ обычно более рационально аргументированы и опираются

на нормы права, а не на религиозные аргументы. Например, заявления государственным органам нелегального Оргкомитета церковью ЕХБ содержат многочисленные ссылки на советское законодательство о религиозных культах, исторические программные документы КПСС и работы В.И. Ленина, а также на международные правовые документы, ратифицированные в СССР [4, с. 56–63]. Это уже не было снискание милости «верноподданными». Значительным новшеством ходатайственного служения ЕХБ был его информационный аспект, т. е. обнародование фактов дискриминации религиозных убеждений. Это изначально разрабатывали разные религиозные и политические силы, но именно приверженцы СЦЕХБ сумели организовать эффективное служение по защите религиозных прав, сначала через Совет родственников узников, а затем сменивший его Отдел заступничества СЦЕХБ. Эти организации, в основном, собирали факты религиозных притеснений верующих ЕХБ, составляли обращения, организовывали их массовое подписание в церквях СЦЕХБ, отсылали в органы власти и обнародовали в информационных бюллетенях. До начала их издания в 1971 г. эти материалы печатались отдельными сообщениями на гектографе или в периодических изданиях СЦЕХБ. С 1979 г. в эту деятельность включилось и Зарубежное представительство СЦЕХБ, проводившее различные акции для распространения информации о нарушении религиозной свободы в СССР, в основном: публикации, лекции и демонстрации.

Вопросы отношения исторических вероучений российских ЕХБ к свободе совести частично рассмотрены ранее [6, с. 119]. Здесь же надо определить тенденции развития учения о религиозной свободе в истории ЕХБ. Оно было включено в теологию российской церкви вплоть до введения в 1929 г. ограничительного законодательства о религиозных культах. Для популяризации идеи свободы совести её воспевали в изданиях ЕХБ, как высший социальный приоритет и ценность. Так, в стихе 1894 г. И.С. Проханова передаются чувства верующего, заключённого в тюрьму за проповедь евангельской веры и провозглашается: «И нету владыки земного над верою наших сердец!» [11, с. 17]. В одной из сочинённых им христианской песне идея религиозной свободы проводится, как убеждение с упованием, т. е. настойчивое требование непоколебимой веры в принятые понятия и следования им по вдохновению свободы совести: «Запрещают люди строго возвещать нам крест скорбей, но мы будем слушать Бога больше, нежели людей...» [10, с. 246]. Заимствованное в западной теологии учение о свободной совести и отделении церкви от государства оказалось важным политическим ориентиром, определяющим их систему ценностей. Это расположило к ним многие политические силы начала XX в., ратующие за преобразования существующего строя. Политическое и религиозное в

этих принципах трудно разделить, но пытался это делать П.В. Павлов, который отнёс отделение церкви от государства к политическим требованиям баптистов, а известные составляющие свободы вероисповедания [14, с. 15–16] – к религиозным [9, с. 18–19]. В.Г. Павлов, один из первых русских баптистов, излагая принципы баптистской веры, также учению о религиозной свободе предавал характер требования [8, с. 73], категоричность которого свойственна больше политической программе, чем теологическому умозрению. Ту же политическую форму приобретали эти требования и в духовно-освободительной риторике И.С. Проханова [12, с. 68], лидера евангельских христиан, который видел в них платформу для религиозно-нравственной реформации народов России.

В 1929–1989 гг. происходит формирование и существование в теологии ЕХБ двух моделей учения о свободе церкви в рамках принципа отделения церкви от государства: конформистской и неконформистской. Конформистскую представлял легальный центр – ВСЕХБ и уставной документ – «Положение ВСЕХБ», основанный на компромиссной зависимости от государства. Неконформистская, в основном, была представлена теологией СЦЕХБ. Его устав предписывал «совершенную свободу и независимость» религиозных общин от государства [21, с. 15], что становилось теологическим «камнем преткновения» между этими крупнейшими объединениями ЕХБ. Компромиссная конформистская модель, принимающая ограничения религиозной свободы, предлагаемые государством, опирающимся на атеистическую идеологию, рассматривалась сторонниками СЦЕХБ, как духовное и нравственное падение служителей ВСЕХБ и как их «незаконный» союз с миром [7, с. 274].

Либерализация общественной жизни, устранившая к началу 1990-х гг. идеологический характер государства, а также принятие нового законодательства, способствовал постепенной трансформации этой дискуссии в церкви ЕХБ в дискуссию о толерантности. В Социальной концепции отмечена историческая и логическая связь между свободой совести и веротерпимостью и что источником этого являются баптистские принципы. Свобода совести является следованием «библейскому учению о любви к ближнему» [19, с. 12] и подчёркивается необходимость широкой поддержки в обществе идеи веротерпимости [19, с. 12], как условия межконфессионального мира. Для баптизма характерен ограниченный эксклюзивизм: они всегда «допускали возможность спасения и наличие подлинного духовного опыта у христиан других деноминаций» [3, с. 54]. Это объясняется спецификой идеи индивидуального спасения, основанного на личном переживании духовного опыта общения с Богом, которое невозможно без духовной свободы. «Поэтому

должно быть достаточно «простора» для полного выражения пылкого и сильного индивидуализма» [5, с. 79]. «Типовой устав» предписывает поместной церкви стремиться к «мирным, добрососедским взаимоотношениям» с людьми любых убеждений, в том числе и атеистических и быть «сторонницей свободы совести» [20, с. 54]. Церковь должна быть открыта к взаимодействию с другими церквями, не входящими в РСЕХБ, но, уважая другие конфессии, хранить себя от их «духовных заблуждений» [20, с. 54]. Свобода совести определяется, как «право самостоятельно и без принуждения определять своё отношение к религии», которое церковь должна отстаивать перед обществом и государством, как библейское учение [20, с. 55]. Противоположную концепцию толерантности, вслед за историком В. Шарденом излагает Ф.Ф. Райчинец, подчёркивая, что основные принципы свободы (добровольность, индивидуализм, разнообразие и др.) являются признаками баптистской идентичности [13, с. 71]. Описывая принцип автономии церквей, он отмечает высокий демократизм церковного устройства баптистов, состоящий в многообразии и свободном отношении к церковным порядкам, и особенно внутрицерковном равенстве. Здесь же делает попытку теологического разделения свободы совести и религиозной толерантности, утверждая, что «исторически, баптисты были против религиозной толерантности (терпимости), так как считали её уступкой... религиозной инаковости других» [13, с. 75], но всегда выступали за свободу совести. Религиозная свобода в баптизме, выражена в различной религиозной практике и допустимости расхождения в некоторых доктринальных взглядах между церквями при единстве основных принципов [18, с. 77]. В большинстве вариантов баптистских принципов присутствует требование свободы совести и отделения церкви от государства. В них есть положения (особенно в русских редакциях), утверждающие одновременно эксклюзивизм и религиозную свободу, что обусловлено идентификационной спецификой этих текстов.

Библиографический список

1. Буянов Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX вв. Благовещенск: АмГУ. 2012. 396 с.
2. «Вспомни... Покаяйся... Твори...» Откр. 2,5. URL: <https://iucecb.com/history/20200918-0352> (дата обращения: 02.01.2023).
3. Духовность евангельских христиан-баптистов. М.: РСЕХБ. 2010. 85 с.
4. Заявление в Конституционную комиссию – 1965 г. // По пути возрождения: Сборник. М.: Христианин. 1989. С. 56–63.
5. Клиффорд Д. Независимость в единстве // Основные принципы веры ЕХБ: Сб. статей. Elkhart. Russian Gospel Ministries. 1992. С. 75–80.

6. *Комаров А.С.* Развитие учения о свободе совести в протестантских догматических источниках (вероучениях) // *Религиоведение*. 2012. № 3. С. 116–122.
7. *Крючков Г.К.* Духовная брань // *Его же*. Выйдем к Нему за стан (духовно-назидат. статьи, проповеди). М.: Христианин. 2012. С. 269–284.
8. *Павлов В.Г.* Правда о баптистах // *Его же*. Баптисты: церковь и государство: [ст., речи и беседы]. М.: Логос. 2004. С. 18–83.
9. *Павлов П.В.* Политические требования баптистов // *Его же*. Призванные к свободе духа. М.: Логос. 2014. С. 14–19.
10. *Песнь возрождения*: сб. духов. песен. Волгоград: Поволж. христ. миссия. 1994. 495 с.
11. *Проханов И.С.* За свободу совести // *Братский листок*. 1906. № 5. С. 17.
12. *Проханов И.С.* Речь на Государственном совещании при Временном Правительстве 14 августа 1917 года в Москве // *Его же*. Новая или евангельская жизнь. М.: Логос, 2009. С. 66–69.
13. *Райчинец Ф.Ф.* Своеобразие баптизма: четыре хрупкие свободы // 400-летие баптизма и принцип свободы совести: ист., богосл. и социокульт. Контекст: материалы научно-практ. конф. Одесса, 2009. С. 70–76.
14. *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность: сб. ст. СПб.: Обществ. польза. 1905. 423 с.
15. *Решетников Ю.С.* Принцип свободи совісті в історії вічизняного баптизму//400-летие баптизма и принцип свободы совести... Одесса, 2009. С. 24–31.
16. *Руденко А.А.* Евангельские христиане-баптисты и перестройка в СССР// *На пути к свободе совести: [Сборник]*. М.: Прогресс, 1989. С. 341–357.
17. *Савинский С.Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917). СПб.: Библия для всех. 1999. 424 с.
18. *Санников С.Н.* История и анализ баптистских принципов в свете категории свободы совести // 400-летие баптизма и принцип свободы совести... Одесса, 2009. С. 77–89.
19. *Социальная концепция Российского Союза ЕХБ*. М., 2014. 80 с.
20. *Типовой духовный (внутренний) устав поместной церкви РСЕХБ // Российский союз ЕХБ: вероучит., духов. и организ. основы*. М., 2010. С. 26–60.
21. *Устав Союза церквей ЕХБ*. М.: Христианин, 1994. 21 с.

И.А. Комиссарова,

доцент, Ивановский государственный университет

НАЛОГОВАЯ МЫСЛЬ И НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА (ПОПЫТКА ОБОБЩЕНИЯ)

Налоговая политика периода новой экономической политики определялась государственными интересами, преследовала фискальные цели, которые пытались совместить с политическими (классовыми) интересами. Теоретики и практики налогового дела пытались дать теоретическое обоснование реформам. В статье будет предпринята попытка выявить направление и специфику налоговой мысли.

Ключевые слова: новая экономическая политика, налоговая мысль, прямые налоги.

I.A. Komissarova,

Associate Professor, Ivanovo State University

TAX THOUGHT AND THE NEW ECONOMIC POLICY (AN ATTEMPT TO GENERALIZE)

The tax policy of the New Economic Policy period was determined by the state interests. The authorities pursued fiscal goals, which they tried to combine with political (class) interests. Theorists and practitioners of the tax case tried to give a theoretical justification for the reforms. The article will attempt to identify the direction and specifics of the tax thoughts.

Key words: new economic policy, tax thoughts, direct taxes.

С первых месяцев советской власти на официальном уровне озвучивались идеи об отмене платежей и отказе от налогов, как пережитке «старого строя». Таким установкам способствовал глубокий экономический и финансовый кризис, отказ от торговли и стремление к социальному равенству. Не редко практика налогового дела сопровождалась лозунгом «Налог – общественное зло». Такое отношение и власти и практиков советского аппарата к налогам, практически исключало участие теоретиков в разработке законодательства и осмыслении роли налогов в новых условиях. Многочисленные публичные выступления, публикации в газетах с подобными заявлениями на фоне сокращения налоговых поступлений в бюджет привели к ухудшению налоговой

дисциплины среди населения, которое охотно поверило, в то, что налоги платить не нужно.

Сложившийся стереотип и реальная практика господства властно-распределительных отношений предполагали два фактора перестройки налоговой системы. Во-первых, временное сохранение старой системы обложения. Во-вторых, при достижении всеобщего равенства, налоговое дело лишалось всякой почвы и обрекалось на умирание. Так до конца 1918 года старая налоговая система была сохранена почти полностью. В законодательство были внесены частные поправки, относительно круга плательщиков и размера ставок. Это положение способствовало складыванию еще одного стереотипа, отрицание дореволюционного и зарубежного опыта построения системы налогообложения.

В феврале 1921 года предполагалось утвердить решение об отмене всех действующих денежных налогов, но проект так и не был официально утвержден, хотя внимание платежей и было. В проекте постановления СНК указывалось что, пока идет определение направления перестройки всей налоговой системы и построения ее на новых началах, отменить все действующие до 1921 г. общегосударственные налоги [2, л. 1].

В начале новой экономической политики, когда задачи сбора стояли на первом месте, от налоговой мысли хотели практически невозможного, сложилась очень неоднозначная ситуация, которая требовала решения сразу нескольких задач. Нужно было повернуть общественное мнение от отрицания налогов к признанию их необходимости, т. е. объяснить правила налоговой дисциплины, помочь в формировании советской теоретической базы, разрушать стереотипы и у власти и у населения.

Следует учитывать, что налоговая практика 1920-х годов определялась идеологическими рамками, одной из основных характеристик был этатизм советской власти. Налоговая мысль формировалась вместе с развитием новой экономической политики, не имела в основе собственного опыта и практики предыдущих лет, отказывалась от теории и опыта дореволюционного периода, в том числе зарубежного.

Несколько слов о тех, кто оказался вовлечен в теоретическое осмысление налогового дела. В первую очередь работники различных наркоматов, так или иначе заинтересованных в реформировании и унификации обложения (НКЗ, НКТорг, ВСНХ и др.). Каждый из наркоматов имел свой печатный орган, на страницах которого разворачивались дискуссии об итогах налоговой компании или по вопросам необходимых реформ прямого обложения.

Наибольший интерес с теоретической точки зрения представляют размышления экономистов с дореволюционным образованием и опытом

практической деятельности. Большинство из них являлись сотрудниками Конъюнктурного института, который с января 1923 года был переведен в ведение Наркомфина СССР и являлся одним из ведущих центров экономической мысли вообще и налоговой в частности. Институт возглавлял выдающийся экономист Н.Д. Кондратьев, в конце 1920-х годов сначала кадровые чистки ослабили его, а в 1930-м году он был закрыт. К этой же группе можно отнести и сотрудников самого НКФ, заметим только, что на период 1920-х годов в этом наркомате собрались талантливые и неравнодушные люди: Ю. Ларин, П. Гензель, Г.Я. Сокольников, профессор Н.Д. Кондратьева, П. Маслов, А. Соколов и другие.

Еще одна группа участвующих в теоретическом осмыслении налогового дела – это государственные и партийные лидеры. Экономическая ситуация требовала от руководящего состава давать объяснения необходимости налогов вообще, тяжести обложения для населения и неудач в налоговой практике. На съездах, пленумах и конференциях с докладами о проблеме налогов говорили В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, А.И. Рыков и многие другие.

В формировании общего теоретического осмысления налогов принимала участие и другая более чем заинтересованная сторона – налогоплательщики налогов, в этот период самых разных категорий: крестьяне, рабочие, интеллигенция. Эта группа была самой многочисленной, характер их рассуждений скорее фантастический нежели научный. Формат высказываний самый разный, это и письма и жалобы в газеты, выступление и участие в совещаниях по налогам, которые регулярно проводили на местах в годы нэпа.

Особенность этого периода состоит, в том, что публиковались разные иногда противоположные по подходу материалы. Формат публикаций разнообразный от статей (заметок) в газетах, стенограмм совещаний и съездов до научных статей в специализированных журналах и авторских исследовательских работ. Есть у материалов и авторов и общие черты, перечислим некоторые из них.

Во-первых, большинство носит или популярный или идеологический характер, научных исследовательских публикаций немного, в силу того, что они были написаны в изучаемый период, материалов для теоретического обобщения было недостаточно, да и способных на обобщение было не так много, больше практики налогового дела.

Во-вторых, большая часть авторов, подходила к проблеме прямого обложения с точки зрения своих узких профессиональных интересов (как финансисты, аграрники, чиновники государственного аппарата).

В-третьих, цифры, на которые опирались авторы в своих теоретических изысканиях, являлись результатом собственных вычислений,

предположений, в лучшем случае результатом статистических обследований отдельных наркоматов.

В-четвертых, все в этот период времени, помимо анализа и осмысления существующего положения, давали рекомендации по усовершенствованию системы. Для категории теоретиков-плательщиков, именно это было главным для всех общетеоретических размышлений.

К оценке налоговой мысли периода нэпа стоит добавить еще одну характеристику. СНК в преддверии каждой налоговой кампании инициировал обсуждение будущих изменений в системе обложения. К обсуждению привлекали все перечисленные нами категории. Самое удивительное, мнение непосредственных плательщиков налогов, как минимум, слушали. Сказать, что к нему прислушивались, мы не можем, характер изменений в системе платежа, чаще всего был не в пользу населения. Но участники дискуссий из числа экономистов и практиков проводили опросы, собирали данные о налоговых кампаниях, цитировали газетные материалы, т. е. для аргументации своей точки зрения обращались к мнению и оценкам, которые дали плательщики.

И, еще одно замечание, за годы нэпа не удалось согласовать и сформулировать единые подходы к определению таких ключевых понятий налоговой политики, как определение налогов, их роль и место в экономике советского государства. Но, благодаря усилиям всех участников дискуссий и вовлеченности в нее плательщиков, удалось изменить общественное мнение от однозначно отрицательного к пониманию необходимости налогов для формирования бюджета.

Остановимся на определении некоторых ключевых в налоговой теории аспектов, сформулированные в 1920-е годы.

Налог трактовался как принудительный сбор, взимаемый государственной властью с отдельных хозяйствующих лиц или хозяйств для покрытия производимых ею расходов или для достижения каких-либо задач экономической политики без представления плательщикам его специального эквивалента [5]. В настоящее время налоги определяются как обязательный сбор. На наш взгляд, в использовании слова «принудительный» скрыта суть налоговой политики и практики обложения в годы нэпы.

О назначении налогов. Так Н.Д. Кондратьев оценивал сельскохозяйственный налог, в первую очередь как орудие финансовой политики, критиковал сложившуюся высоко прогрессивную шкалу обложения, подчеркивая ее негативное влияние на зажиточное крестьянское хозяйство, которое, по его мнению, основа будущего процветания советского государства [2]. Петр Маслов, поддерживал Н.Д. Кондратьева и критиковал, сложившуюся уже в середине 1920-х годов, классовую систему

обложения. Писал о необходимости экономических приоритетов в формировании платежей и пытался дать объективную оценку интересов государства и требований народного хозяйства к налогам. Петр Маслов отмечал, что интересы государства в области прямых налогов могут не совпадать с нуждами народного хозяйства. Поэтому, необходимо найти разумный компромисс между классовым подходом и накоплением в частном секторе [4]. А.А. Соколов не признает за налогами другой функции кроме, как расширение сферы обобщественного сектора за счет сферы частного хозяйства.

Еще одной темой для дискуссий был вопрос классификации налогов, он был важен, прежде всего, для выстраивания классового подхода к системе обложения. Для власти было важно кто, именно платит налоги, в каком объеме. Поэтому проблема переложения налогов с плательщика на потребителя имела принципиальное значение. Так П. Маслов, обращаясь к проблеме переложения налогов, отмечал, что даже прямые налоги в значительной мере могут быть переложимы на потребителя [4]. П.П. Гензель пытался предложить свою классификацию и вернуть тему налогов в экономическую теорию и увести от политического содержания. П.П. Гензель вводил классификацию прямых налогов по объектам обложения. Делил прямые налоги на реальные и личные, но такой подход уже был далек от реалий налоговых мероприятий и так и остался еще одной попыткой классификации [1].

Своеобразный итог изучению проблем обложения населения был подведен комиссией СНК СССР под председательством М.И. Фрумкина. Основываясь на многочисленных вычислениях работников ЦСУ, НКФ СССР и материалах заседания, собственно комиссии, в состав которой входили сотрудники НКФ, НКЗ, ВСНХ, РКИ, был опубликован совместный доклад [6]. В задачи данной комиссии входило не столько теоретическое, сколько практическое осмысление итогов налоговой политики в годы нэпа. В работе нашли свое отражение такие проблемы, как тяжесть обложения различных групп населения (сельскохозяйственного и несельскохозяйственного) и слоев общества (рабочие, капиталистические элементы и другие), проблема переложения налогов, участие различных групп и слоев населения в уплате налогов и доля их участия в бюджете, в сравнении с общей численностью населения и доходов на душу населения. Комиссия пришла к выводу, что центр тяжести обложения всеми прямыми налогами постепенно переносится (с 1924 по 1927 годы) на несельскохозяйственное население, но при этом относительное понижение суммы отдельных налоговых платежей сельскохозяйственного населения не распространяется на верхушку деревни. Все большая часть налогового бремени падает на

буржуазию в городе и зажиточных крестьян в деревне. Все более усиливающую роль и в Госбюджете и для плательщиков, начиная с 1924 года, играли переложимые налоги.

Итак, в двадцатые годы теоретическое осмысление налогов помогало государству проводить налоговую политику. Вовлечение в дискуссии плательщиков, организация обсуждения реформ, допущение разных точек зрения изменило общественное мнение от категорического отрицания налогов до понимания их необходимости для государства и выхода из кризиса. В эти годы было опубликовано более сотни статей и других материалов, посвященных изучению различных сторон налоговой системы. Обсуждались следующие проблемы: участие отдельных групп населения в уплате налогов, дана характеристика налогам, как оружию классовой политики, роли обложения в установлении смычки между городом и деревней, переложение прямых налогов, роль практики обложения в поступлении платежей в бюджет, развитие системы сельскохозяйственного налога, соотношение интересов государства и народного хозяйства в построении системы. Для периода 20-х годов характерна альтернативность точек зрения. Догмы и аксиомы, основанные на партийной линии, только начали складываться. Как результат дискуссий к 1929 году окончательно оформляется основной постулат: законы о налогах правильные и приняты вовремя.

Библиографический список

1. *Гензель П.* Влияние налогов на народное хозяйство СССР: сборник. Ч. 1. М.: Финиздат, 1928.
2. Государственный архив экономики. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 5180.
3. *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. М., 1993.
4. *Маслов П.* Основы экономической политики. М.: Государственное издательство, 1926.
5. *Соколов А.А.* Теория налогов. Курс лекций. М., 1929.
6. Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР) в 1924/1925, 1925/1926, 1926/1927 годах. М., 1929.

Е.В. Конев,

доцент, Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск)

РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

В статье на основе архивных материалов исследуется религиозная деятельность немцев в середине XX века. Рассматриваются взаимоотношения разных протестантских общин. Свидетельствуется, что немецкие религиозные группы являлись наиболее сплоченными и действовали автономно.

Ключевые слова: Верующие немцы, религиозные общины, протестантизм, евангельские христиане-баптисты, лютеране, меннониты, Западная Сибирь, Совет по делам религиозных культов.

E.V. Konev,

Associate Professor, Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk)

RELIGIOUS ACTIVITY OF THE GERMANS OF WESTERN SIBERIA IN THE MIDDLE OF THE XX CENTURY

The article examines the religious activity of Germans in the middle of the XX century on the basis of archival materials. The relationship of different Protestant communities is considered. It is shown that German religious groups were the most cohesive and operated autonomously.

Key words: German believers, religious communities, Protestantism, Evangelical Christians-Baptists, Lutherans, Mennonites, Western Siberia, Council for Religious Cults.

Во время Великой Отечественной войны наблюдался массовый приток протестантских общин в Сибирском регионе, когда на спецпоселение прибыло огромное количество верующих из западных областей СССР, в большей степени, состоявшие из немцев. В Западной Сибири повсеместно создавались новые объединения, а в некоторых селах Алтайского края и Омской области прибывшие проповедники вступали в контакт с местными протестантскими группами. В связи с общим вкладом религиозных общин в победу, И.В. Сталин сделал шаг к либерализации церковной жизни. В частности, в мае 1944 г. образовался Совет по делам религиозных культов (СДРК), председателем которого стал И.В. Полянский. В октябре 1944 г. при содействии органов власти произошло объединение евангельских христиан и баптистов, и образовался

Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ). В течение 1945–1947 гг. в регионах регистрировались религиозные объединения, верующим возвращались молитвенные дома. Однако «либерализация» по отношению к протестантским конфессиям коснулась только отдельных евангельско-баптистских объединений.

Немцы в течение 1940-х – середины 1950-х гг. находились под жестким контролем спецкомендатур Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД), и большинство протестантских общин действовало нелегально. Нередко в одном городе, поселке или даже в небольшом селе Западной Сибири находились евангелисты-баптисты, лютеране, меннониты, а также христиане веры евангельской (ХВЕ) или пятидесятники и адвентисты. И они в немалом количестве совместно проводили богослужения на немецком языке [3, л. 3; 13, л. 16]. В местах, где действовали зарегистрированные объединения Евангельских Христиан-Баптистов (ЕХБ), небольшие группы верующих немцев присутствовали на молитвенных собраниях. Принадлежность к одной национальности и проживание в режиме спецпоселения во многом консолидировали представителей разных протестантских конфессий. Неслучайно в областных, краевом центрах и больших городах молитвенные дома верующих находились в одном районе или поблизости, как правило, на окраинах.

Необходимо отметить, что условия существования спецпереселенцев являлись крайне негативными. На протяжении всего режима спецпоселения немецкое население полностью было лишено каких-либо возможностей поддерживать и сохранять свою национальную идентичность. Среди спецпоселенцев также отсутствовала культурно-просветительская и идеологическая работа. И потому в 1940-е гг. создавались благоприятные условия для вовлечения немцев в религиозные организации.

Местным властям очень трудно было разобраться, где находились те или иные протестантские объединения. В ряде городов и районов действовало несколько общин разных конфессий. Уполномоченные СДРК в своих отчетах нередко представителей лютеранского вероисповедания называли немцами-баптистами. Большая их часть в конце 1940-х гг. изъявляла желание зарегистрироваться СДРК и иметь свой молитвенный дом. В Новосибирске, Омске, Томске, Барнауле, Славгороде, шахтерских городах Кузбасса (Сталинск, Ленинск-Кузнецкий, Осинники, Анжеро-Судженск) на молитвенных собраниях евангелистов-баптистов находились немцы трех протестантских объединений (ЕХБ, лютеране, меннониты). Например, в конце 1940-х гг. в Куйбышевском районе Омска евангелисты-баптисты в составе около 1000 человек проводили молитвенные собрания [8, л. 16]. И в этом же районе собирались верующие немцы. А в Осинниках наряду с

немецкой группой ЕХБ К.К. Крекера, богослужения местного зарегистрированного объединения посещали 25–30 лютеран, возглавляемых И.М. Даммером [1, л. 63–65]. В сельских районах Западной Сибири большинство верующих немцев принадлежало евангельско-баптистскому, меннонитскому и лютеранскому вероисповедованиям, кроме того в ряде сел Алтайского края и Омской области присутствовали адвентисты и пятидесятники [9, л. 109–111; 10, л. 55–60]. В крупнейшем городе Сибири, Новосибирске, уже в ноябре 1948 г. Я.Г. Эзау обращался к местному уполномоченному СДРК с ходатайством о регистрации смешанного немецкого молитвенного собрания, состоявших из баптистов, меннонитов и лютеран в количестве около 100 человек [3, л. 3, 5]. Местные пресвитеры ЕХБ не являлись авторитетом для верующих немцев, многие из которых плохо говорили по-русски. Этим можно объяснить стремление немецких групп к обособленности, автономности.

Заметно активизировалась религиозная деятельность лютеран, евангелистов-баптистов, меннонитов и других представителей протестантских конфессий после снятия ограничений в правовом положении, находящихся на спецпоселении немцев, во второй половине 1950-х гг. В ряде населенных пунктов, где был велик удельный вес немецкого населения, образовывались новые религиозные группы. Например, в Молчановском, Каргасокском, Александровском, Кожевниковском, Томском районах Томской области возникли небольшие лютеранские объединения, состоявших всего из 310 верующих [6, л. 143]. В областных и краевых центрах, а также в больших и малых городах увеличивались религиозные общины, состоявшие из немцев.

Во время хрущевской оттепели верующие немцы открыто проводили молитвенные собрания на немецком языке в основном в общежитиях предприятий, а также на квартирах и в домах единоверцев и руководителями их становились проповедники, не имевшие богословского образования. Назывались они не пасторами, а «старшими братьями». В Томске и лютеран, и меннонитов насчитывалось более 200, и большая их часть была сосредоточена на заводах «Сибэлектромотор» и Государственный подшипниковый. В Омске верующие немцы работали на судоремонтном заводе, в Сталинске – на шахте «Байдаевская», в Юрге – в стройтресте № 144 («Юргапромстрой»). Нередко в областные центры и города приезжали верующие из близлежащих населенных пунктов. Например, в Томске организатором меннонитской общины явился житель Красновишерска Пермской области Г.П. Фог. Для проведения коллективного богослужения он несколько раз посетил Томск, как и другие населенные пункты Западной Сибири [7, л. 54]. В Юрге насчитывалось 115 меннонитов и 128 немцев ЕХБ и еще в мае 1957 г. «старший брат» евангелическо-лютеранской общины Ф.А. Радовский подготовил для

конфирмации около 300 юношей и девушек немецкой национальности [2, л. 156].

В местах большого сосредоточения немецкого населения в Новосибирске (Центральном и Первомайском районах), Омске (Молотовском, Сталинском и Куйбышевском районах), Барнауле и во многих селах Новосибирской, Омской областей и Алтайского края немецкие религиозные группы местными уполномоченными СДРК фиксировались как немногочисленные. Однако религиозные обряды для большей части немецкого населения являлись национальной традицией [5, л. 35; 11, л. 16–17; 14, л. 34, 37, 49]. И нередко немцы, состоявшие даже в рядах Коммунистической Партии Советского Союза (КПСС) и Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ВЛКСМ), сами совершали их и в праздничные дни посещали молитвенные собрания.

В Новосибирской области, например, к началу 1960-х гг., по данным уполномоченного СДРК А.С. Николаева, численность лютеран составляла более 200 человек [4, л. 18], но на самом деле их было гораздо больше. На богослужениях евангелическо-лютеранской общины с. Киик Тогучинского района выступал с проповедями коммунист, занимавший руководящую должность в местном колхозе, А.И. Рихорд. Во время беседы с уполномоченным он категорически отрицал свое участие в религиозной деятельности и в дальнейшем, сохраняя за собой высокое социальное положение в селе, вынужден был выйти из общины. Аналогично и в Рубцовском районе Алтайского края заведующий сельским клубом, член КПСС И.Ф. Франк на вопросы уполномоченного о лютеранах отвечал: не знаю, не говорят, не видел.

Между тем зарегистрированные объединения ЕХБ в 1950-е гг. во многом пополнялись верующими немцами. В 1956 г. в Новосибирске в состав местной евангельско-баптистской общины вошли 200 немцев [12, с. 473]. В Томске за 1950–1958 гг. приняли водное крещение 51 человек, в их числе 18 бывших лютеран [6, л. 14]. И в марте 1958 г. старшим пресвитером ЕХБ по Западной Сибири С.Г. Арискиным в томском облисполкоме поднимался вопрос о предоставлении молитвенного дома для совершения богослужений на немецком языке трем протестантским конфессиям (немецкая группа ЕХБ, лютеране, меннониты) [7, л. 129]. Подобного совместного объединения добивались верующие немцы в Ленинске-Кузнецком, Славгороде.

Следует отметить, что в таких сложнообразованных общинах не обходилось без разногласий и конфликтов. В смешанном немецком молитвенном собрании большинство верующих относилось к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию, а руководство принадлежало евангелистам-баптистам. Лютеране и баптисты расходились по ряду

вопросов. В частности, лютеране крестят младенцев, баптисты же только совершеннолетних. Пресвитер ЕХБ не разрешал лютеранам проводить самостоятельно крещения. Более того, евангельско-баптистское руководство хорошо знало тексты Библии, проводило миссионерскую работу и умело убеждать рядовых верующих. У лютеран, как правило, находилось очень мало проповедников, подобных баптистским, которые не дали бы возможности изменить своей вере.

На рубеже 1950–1960-х гг. очень много верующих немцев выехало, особенно из городов Западной Сибири, в Среднюю Азию и Казахстан. В результате количество лютеран, меннонитов в Томской и Омской областях, городах Кузбасса существенно сократилось. Оставшиеся лютеране, например, в Славгороде, Юрге, Исилькуле и в сельских населенных пунктах Славгородского, Табунского, Знаменского районов Алтайского края нередко вливались в ряды баптистско-меннонитских объединений, а в Любинском районе Омской области в немецкие группы ХВЕ.

Таким образом, на протяжении 40–50-х гг. XX века протестантские общины в Западной Сибири, состоявшие из немцев, регулярно собирались на совместные молитвенные собрания. Их деятельность в основном была изолированной, автономной, и богослужениями руководили рядовые религиозные проповедники, не имевшие богословского образования. Во время нахождения на спецпоселении, верующие немцы разных исповеданий сплотились, и в ряде населенных пунктов Западной Сибири (Новосибирск, Томск, Ленинск-Кузнецкий, Славгород) руководством ЕХБ активно поднимался вопрос о создании смешанного немецкого молитвенного собрания. Однако взаимоотношения между евангелистами-баптистами и лютеранами, а также другими протестантскими группами были сложными и неоднозначными. В совместных протестантских общинах нередко происходили религиозные противоречия. В тоже время немало верующих немцев меняло свои убеждения, и случались переходы, например, из лютеранства в баптизм.

Библиографический список

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 41.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 29.
4. ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 80.
5. ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 105.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 229.
6. ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 426.
7. ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 432.

8. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 2603. Оп. 1. Д. 8.
9. ИсАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 17.
10. ИсАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 27.
11. ИсАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 29.
12. История ЕХБ в СССР. Издание ВСЕХБ. М., 1989. 624 с.
13. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 4.
14. ЦХАФАК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 16.

УДК 93/94

Г.Н. Крайнов,

доктор исторических наук, профессор, Российский университет транспорта (Москва)

ПОЧЕМУ РАСПАЛСЯ СССР?

Распад такого могущественного государства в мировой истории как СССР вызывает много споров и вопросов: почему это произошло, каковы причины этой «крупнейшей геополитической катастрофы XX века?» и можно ли было сохранить СССР? Автор попытался дать ответ на эти непростые вопросы. Выделяются объективные и субъективные причины распада СССР, дается их анализ. Исторически нерешенные проблемы определяли характер образования СССР, его прогрессивного развития, постепенной деградации и ликвидации. Сегодня мир другой, но опыт СССР не потерял своего значения.

Ключевые слова: СССР, социализм, объективные причины, субъективные причины, распад, исторический опыт.

G.N. Krainov,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian University of Transport (Moscow)

WHY DID THE USSR COLLAPSE?

The collapse of such a powerful state in world history as the USSR causes many disputes and questions: why did this happen, what are the causes of this "largest geopolitical catastrophe of the twentieth century?" and was it possible to save the USSR? The author tried to answer these difficult questions. Objective and subjective reasons for the collapse of the USSR are highlighted, their analysis is given. Historically unsolved problems determined the nature of the formation of the USSR, its progressive development, gradual degradation and liquidation. Today the world is different, but the experience of the USSR has not lost its significance.

Key words: USSR, socialism, objective reasons, subjective reasons, disintegration, historical experience.

Введение. Распад СССР в 1991 г. вызывает много споров и вопросов: почему это произошло, каковы причины этой «крупнейшей геополитической катастрофы XX века?» и можно ли было сохранить СССР?

По нашему мнению, можно выделить **объективные и субъективные** причины распада СССР.

Объективные причины. Начать следует с того, что теория марксизма-ленинизма, превращенная партийно-государственными руководителями СССР в непререкаемую догму, столкнулась с практикой жизни. Идеи о неизбежности гибели капитализма, о мировой социалистической революции, о более высокой производительности труда при коммунизме, чем при капитализме, о неуклонном регрессе капиталистических производственных отношений, об абсолютном обнищании рабочего класса при капитализме и др., не нашли подтверждения на практике [1].

Изначальная причина распада СССР – это *слабая разработанность теории социализма, абстрактное понимание цели социализма и эмпирический характер ее конкретизации*. Теория экономики капитализма К.Маркса доказывала рост невыносимого гнета трудящихся и обосновывала неизбежную смену капитализма социализмом на основе общественной собственности на средства производства. Марксизм-ленинизм не определял виды, формы социализма и поэтому теория социализма не была прикладной и операционально значимой.

Всесторонне разработанной программы, плана построения социализма в советском государстве не было. В 1918 г. Ленин писал: «Дать характеристику социализму мы не можем, каков социализм будет, когда он достигнет готовых форм – мы этого не знаем, этого сказать не можем. Сказать, что эра социальной революции началась, что мы то-то сделали и то-то хотим сделать – это мы можем. Но чтобы мы сейчас знали, как будет выглядеть законченный социализм – мы еще не знаем»¹.

В первоначальные постулаты марксизма при Ленине вносились изменения: в 1921 г. при переходе к новой экономической политике Ленин пришел к идеям рыночного социализма, объединения революционности и реформаторства, непризнания абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме. Сталинская Конституция 1936 г. провозгласила о полной победе социализма в СССР. Сталин заявил о необходимости сохранения диктатуры пролетариата, так как социализм одержал победу только в одной отдельно взятой стране и классовая борьба в СССР нарастает по мере социалистического строительства.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 122.

В новой Программе партии, принятой на XXII съезде КПСС в 1961 г., было объявлено о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному социалистическому государству. А Программа развернутого строительства коммунизма за 20 лет (к 1980 г.) была оторванной от жизни и нереальной. В новой Конституции СССР 1977 г. было провозглашено построение «развитого социализма», длительного исторического этапа, предшествующего построению коммунизма, наступление которого отодвигалось на неопределенный срок [2].

В советские годы общественная наука была лишена цензурой самостоятельного исследовательского стимула и не получала внешнего заказа со стороны партийно-государственного руководства теоретически разработать все разнообразие видов, форм социализма. Предложение возможного разнообразия социализма, кроме советского, было бы вызовом для власти. Догматическая политизация абстрактного представления о социализме препятствовала самопознанию общества. В июле 1983 г. Ю.В. Андропов в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» признал: «Если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общества, в котором живём и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным методом проб и ошибок»².

Другой важнейшей причиной распада СССР было использование *неэффективной административно-командной экономической модели*. Экономические отношения являются одним из аспектов, определяющих форму общества. Советский социализм создавался на основе отрицания частной собственности на средства производства. Согласно марксистской доктрине, производительные силы эффективно развиваются, если их характеру соответствуют производственные отношения. Но «социалистические» производственные отношения так и не привели к ускоренному развитию страны [3].

Военно-коммунистическая экономическая модель, изначально близкая утопическим взглядам революционеров и используемая в годы Гражданской войны, к 1921 г. исчерпала себя. Реальная практика первых лет Советского государства вынудила отказаться от военно-коммунистической политики и перейти в 1921 г. к новой экономической политике (НЭП).

НЭП как рыночная модель социализма была достаточно эффективна, позволила быстро восстановить народное хозяйство, но

² Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М., 1984. 320 с.

авторитарная политическая система большевиков, скованная марксистскими революционными догмами, одновременно разрешала, ограничивала и постепенно вытесняла НЭП из жизни страны. К сожалению, эта модель развития страны не была реализована в полной мере и свернута в угоду марксистским доктринам, революционной практике того времени [4].

В дальнейшем командно-административная система за счет мобилизационных усилий провела ускоренную индустриализацию, массовую коллективизацию сельского хозяйства, культурные преобразования. Историческим событием была Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Были освоены нефтяные месторождения Западной Сибири, совершен прорыв в космос, установлен ракетно-ядерный паритет с США, формировалась мировая социалистическая система.

В хрущевский период стал проявляться кризис командно-административной экономической модели. В 1965 г. была попытка проведения косыгинской реформы по экономическому стимулированию предприятий и хозрасчету, определению прибыли в качестве важнейшего экономического критерия. Против такой реформы выступила консервативная часть Политбюро ЦК партии и прежде всего Н.В. Подгорный и Н.А. Тихонов, их поддержал Л.И. Брежнев. После свертывания косыгинской реформы в СССР замедлился научно-технический прогресс, начали снижаться темпы роста экономики [5].

Очередная попытка экономических реформ планировалась в 1983 г. при Ю.В. Андропове, который, понимая неэффективность советской экономической модели, намеревался провести конвергенцию социализма и капитализма на выгодных для СССР условиях. Но в феврале 1984 г. Ю.В. Андропов скончался.

Одной из причин краха СССР некоторые считают (например, Е.Т. Гайдар) *резкое падение мировых цен на нефть* в сентябре 1985 г., когда Саудовская Аравия в сговоре с США в течение 6 месяцев увеличила добычу нефти в 3,5 раза. После чего мировые цены на нефть рухнули, СССР лишился значительной части валютных доходов.

После кратковременного пребывания у власти К.У. Черненко (до марта 1985 г.) новым Генсеком ЦК КПСС стал М.С. Горбачев, начавший практическое осуществление запланированной Андроповым перестройки, направленной на конвергенцию с Западом. Но непродуманная перестройка привела к краху СССР.

Одной из причин распада СССР была *неэффективная система управления государством и обществом*. В истории СССР только нэповская модель управления показала эффективность: в политической сфере – жесткая диктатура пролетариата, в экономической сфере – регулируемый рынок, допущение свободы частной предпринимательской

деятельности. В последующие годы жесткая централизация управления сохранялась, но без какой-либо свободы социально-экономической деятельности. Это приводило к снижению производительности труда и качества продукции, падению трудовой дисциплины и социальной апатии работников.

СССР всю свою историю находился во *враждебном окружении и готовился к отражению агрессии*. Тяжелые последствия для страны остались от Гражданской войны и иностранной интервенции 1918–1920 гг., Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., различных локальных конфликтов с участием СССР. Значительная часть производственных мощностей, научного потенциала, бюджетных инвестиций использовалась для укрепления армии и флота. При этом страдали производства и услуги гражданского назначения, медленно росло благосостояние людей.

Сильный удар по международной репутации и экономике СССР нанес ввод *ограниченного контингента советских войск в Афганистан в 1979 г.* США, в ответ за поражение во Вьетнаме, сразу стали помогать моджахедам. Эта война длилась 10 лет, советские войска с достоинством выполнили свой воинский долг. В 1989 г. Горбачевское руководство непродуманно и быстро вывело советские войска из Афганистана.

Субъективные причины. Одной из значимых причин распада СССР был *кризис отношений по линии Центр – республики, регионы в лице их руководителей*, прежде всего М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина.

По нашему мнению, решающий удар по СССР нанесли острая политическая борьба в 1990–1991 гг. и непримиримое соперничество «демократов» во главе с Б. Ельциным, пришедших к власти в РСФСР, и союзного центра во главе с М. Горбачевым. Противоборство двух центров власти, находящихся в Москве (по сути двоевластие) привело к резкому ослаблению всей системы СССР. 12 июня 1990 г. Первый съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, в которой утверждался приоритет законов Российской Федерации над законами Советского Союза. Но 17 марта 1991 г. состоялся всенародный референдум о сохранении СССР, более 70 % граждан высказались за сохранение обновленного Союза.

Разрушительные последствия имело *подавление «Августовского путча» ГКЧП (19–21 августа 1991 г.)*, возглавляемого вице-президентом СССР Г.И. Янаевым, после которого союзные республики потянулись к выходу из Советского союза. Поражение ГКЧП фактически привело к краху центральной власти СССР. 8 декабря 1991 г. президенты России Б. Ельцин, Украины Л. Кравчук и председатель Верховного Совета Белоруссии С. Шушкевич собрались в Беловежской пуще и объявили о прекращении существования СССР.

Необходимо также обратить внимание на *низкое качество советской партийно-государственной, управленческой элиты*. Если члены первого советского Правительства имели приличное образование, то И.В. Сталин имел только духовносеминарское образование, Н.С. Хрущев – только ускоренные партийно-политические курсы. К.У. Черненко – двухлетнюю ВППШ (партийная школа), Л.И. Брежнев – техникум и т. д.

По мнению академика Е. Чазова, проблемы СССР во многом объяснялись состоянием здоровья, болезнями, пагубными привычками его престарелых лидеров, которые довели страну до глубокого кризиса [6].

В распаде СССР свою роль сыграли *внешние силы, прежде всего ЦРУ США, западные разведывательные, информационные и другие организации*. Даже когда Горбачев в одностороннем порядке пошел на сближение с Западом, США и их союзники не оставили стремления развалить СССР.

Заключение. Исторически нерешенные проблемы определяли характер образования СССР, его прогрессивного развития, постепенной деградации и ликвидации. Опыт СССР, строительства социализма происходил в других исторических условиях, обстоятельствах и не может быть повторен, осуществлен. Сегодня мир другой, но опыт СССР не потерял своего значения.

Библиографический список

1. *Крайнов Г.Н.* История современной России (1990–2022 гг.). М.: ПЕРО, 2022. 226 с.
2. *Крайнов Г.Н.* «Догоняющая модернизация» России: прошлое и настоящее // *Общественные науки и современность*. 2021. № 2. С. 79–89. DOI: 10.31857/S086904990014924-8
3. *Крайнов Г.Н.* Новые педагогические подходы в изучении Великой российской революции 1917–1921 гг. // *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 2. С. 199.
4. *Крайнов Г.Н.* Формы и методы патриотического воспитания студентов на занятиях по истории // *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 3. С. 62–67.
5. *Примаков Е.* Мысли вслух. М.: Российская газета, 2011. 207 с.
6. *Чазов Е.* Здоровье и власть. Воспоминания кремлевского врача. М.: Изд-во Центрполиграф, 2016. 426 с.

УДК 930(470+571)

И.В. Купцова,

профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва)

ПРОБЛЕМА КОНФОРМИЗМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена анализу проблемы конформизма российской интеллигенции в современной отечественной историографии. Исследования последнего десятилетия выявили новые тенденции в рассмотрении причин, этапов развития, форм проявления и оценке конформизма.

Ключевые слова: российская интеллигенция, конформизм, причины конформизма, формы конформизма.

I.V. Kuptsova,

Professor, Moscow State University (Moscow)

THE PROBLEM OF CONFORMITY OF THE INTELLIGENTSIA IN THE LATEST RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the analysis of the problem of conformism of the Russian intelligentsia in the modern Russian historiography. Studies of the last decade have revealed new trends in the consideration of the causes, stages of development, forms of manifestation and assessment of conformism.

Key words: Russian intelligentsia, conformism, causes of conformism, forms of conformism.

Проблема конформизма интеллигенции в настоящее время приобрела новые смыслы, поэтому представляется актуальным обращение к осмыслению феномена конформизма российской интеллигенции в современной российской историографии (2012–2022 гг.).

Период 2012–2015 годов характеризуется активизацией разработки проблемы конформизма. Во многом это связано с проведением регулярных Междисциплинарных теоретических научных семинаров под общим названием «Советский мир: конформизм и конформисты» в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург) на базе Института гуманитарных наук и искусств и Института социально-политических наук. За период 2012–2015 годы прошло пять семинаров, участники которых рассматривали как общие вопросы социально-психологической, социокультурной,

культурно-антропологической природы советского конформизма, так и практики участников советского художественного процесса.

С 2015 года интенсивность научного осмысления феномена конформизма снижается. Такая ситуация сохраняется и в настоящее время. Несмотря на эту тенденцию, можно выделить некоторые важные положения, высказанные в оценке проблемы конформизма российскими учеными.

Сложность изучения конформизма обусловлена тем, что с одной стороны, понятие «конформизм» имеет четкое определение – это способность индивида к адаптации к социальным условиям, к признанию принятых в обществе норм поведения. С другой стороны, это понятие включает несколько составляющих: мировоззрение, поведение, и позиционную ценность. По мнению А. О. Степнова феномен конформизма связан с «программированием множественности социальных идентичностей» [9].

В современной историографии дискуссионным вопросом остается проблема границ конформизма. Если в предшествующий период конформизм связывали с советским периодом истории, то в новейшей историографии можно наблюдать попытки расширить временные и пространственные границы конформизма. Так, Т.А. Круглова (один из организаторов семинаров в Екатеринбурге) считает, что конформизм неизбежен при сломе традиционного уклада в обществах догоняющей модернизации, то есть она расширяет пространственные границы, но сохраняет временные, ограничивая этот феномен XX веком. По ее мнению, политические и экономические вызовы требуют адаптации, которая происходит посредством «способности меняться, подвижности и мобильности идентичности; умения совершать сделки, входить в отношения торга; носить маски; находить способ реализовать свой замысел во внешнем задании или заказе» [3].

Большинство исследователей остаются в границах советской истории. Поэтому можно выделить этапы конформизма советской интеллигенции, каждый из которых будет отличаться особыми причинами возникновения и формами проявления. Чаще всего выделяют: 1920-е годы (А.О. Степнов), период сталинизма (М.О. Мысовских), период «Хрущевской оттепели» (О. Хархордин), «позднего социализма» (Е.М. Раскатова). Некоторые авторы отдельно отмечают постсоветский период (А.Н. Ильин). Все исследователи обращают внимание на принципиальное различие систем координат в разных исторических периодах.

Дискуссионным остается вопрос о причинах конформизма. Причины могут быть внешними и внутренними. Внешние причины связаны с репрессивными способами регулирования жизни, раскручиванием

машины тотального контроля и государственного террора (Т.А. Круглова), обработкой сознания (И. Сандомирская). Внутренние причины исследователи связывают со страхом (Т.А. Круглова), лицемерием (О. Хархордин), «ощущением внутренней неполноценности по сравнению с “народом”...; страхом быть непонятым, не выполнить “миссию”, остаться с репутацией врага» (Е.М. Раскатова) [8], «мировоззренческой беспринципностью... Можно сказать, что интеллигенция сама же и создает “ценностный вакуум” у нового поколения, не обремененного моральными «условностями» (А.Ю. Карпова, Н.Н. Мещерякова) [2], «желанием художника, движимого стремлением к свободе в искусстве, вступить в отношения “негативного рабства” с реальностью, его желанием превратиться в “лен” и пройти мучительную “обработку” на “фабрике жизни”» (И. Сандомирская) [3], возможностью реализации в границах официальной культуры (Т.А. Фетисова) [10], «возможностью иметь реальные встречи со своим читателем, зрителем, слушателем» (Е.М. Раскатова) [8].

Другой изучаемой проблемой является поиск форм проявления конформизма. Т.А. Круглова отмечает «широкий спектр стратегий и тактик поведения: от открыто выражаемого инакомыслия до демонстративного согласия с предлагаемыми (чаще – навязываемыми) способами мыслить и действовать» [6]. М.А. Литовская говорит о практике демонстративного конформизма, который, по ее мнению, несмотря на осуждение, способен стать «сознательной позицией социально ответственного профессионала, таким способом не только уводящего внимание государственных органов от опасных “политических” тем своей биографии, но и охраняющего свой “второстепенный талант” от диктата критики и ближайшего литературного окружения» [3]. Е.М. Раскатова выделяет служение власти внутри официальных границ советской культуры (за идею или за деньги, почести, привилегии и т. п.). При этом, если отдельные представители интеллигенции искренне разделяли социалистические идеалы, то другие «цинично реализовывали карьерные амбиции, выполняя “государственные заказы” – то есть реализовывали сознательно конформную модель поведения». Кроме этих форм, Е.М. Раскатова вводит еще одну форму конформизма – «театрализацию» лояльных отношений с властью [8].

Наконец, важной проблемой, обсуждаемой в научном сообществе, была оценка позиции конформизма. В 1990-е годы преобладающей оценкой конформизма было его осуждение. Он рассматривался как проявление слабости, как отказ от истинного творчества. При общем негативном тоне высказываний, в этот период звучали и сдержанные оценки. Так С.А. Красильников рассматривал конформизм как «право на индивидуальную и групповую самозащиту» [4, с. 84].

В рассматриваемый нами период российской историографии происходит окончательный отказ от обвинительного тона в отношении «конформистов». Так, Т.А. Круглова отмечает, что «лояльность власти и даже стремление ей угодить отнюдь не обязательно сопровождались угасанием таланта, а необходимость так или иначе договариваться с институциями, отвечающими за выход к аудитории книг, фильмов, музыкальных текстов, входила в повседневную практику деятелей искусства, могла и побуждать к “порче” задуманного свободным творцом, и восприниматься как обычная часть творческого процесса, и даже становиться толчком для развития» [6]. А.О. Степнов считает, что «конформизм нужно рассматривать как опыт взаимной адаптации гетерогенных социальных культур, а зачастую и элементарным средством существования» [9]. Конформизм можно представить и как «возможное условие социального примирения в ситуации национальной травмы, угрозы и риски подобного согласия, последствия для исторической коллективной памяти» [5].

Таким образом, понятие «конформизм» в современной историографии приобрело все более этически нейтральный характер.

Интерес к проблеме конформизма в ближайшем будущем будет усиливаться. Можно согласиться с Л. Немченко, что он будет «не только интуитивно-охранительным, но и нарочито демонстративным» [3]. Возможно, мы столкнемся с новыми формами и практиками конформизма российской интеллигенции.

Библиографический список

1. Ильин А.Н. Интеграция потребительского конформизма в систему ценностей интеллигенции // Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни. М.: РГГУ, 2022. С. 284–293.

2. Карпова А.Ю., Мецержакова Н.Н. Российская интеллигенция. Неисполнение ожиданий // Вопросы философии. 2016. № 11. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1538 (дата обращения: 10.05.2022).

3. Конформизм. Добровольно или принудительно // Искусство кино. 2014. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2014/08/konformizm-dobrovolno-ili-prinuditelno> (дата обращения: 10.05.2022).

4. Красильников С.А. Феномен и природа конформизма российской интеллигенции в XX веке // Известия Уральского государственного университета. 1998. Серия 2, Гуманитарные науки. № 8. С. 81–85.

5. Круглова Т.А. Междисциплинарный проект «Советский мир: конформизм и конформисты»: Пятый всероссийский научный семинар «Советские художники: власть институтов и ресурсы групповой адаптации», 13 февраля 2015 года, Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург // Лабиринт. 2015. № 2. С. 115–118.

6. *Круглова Т.А.* «Советский мир: конформизм и конформисты». Екатеринбург, 12 апреля 2012 года // *Лабиринт*. 2012. № 2. С. 95–107.

7. *Мысовских М.О.* Конформизм советского художника как способ существования в искусстве, или порождение и воскрешение Джульетты советским конформизмом // *Идеи и идеалы*. 2022. Т. 14. № 1, ч. 2. С. 376–385.

8. *Раскатова Е.М.* Конформизм как стратегия культуротворчества художественной интеллигенции поздней советской эпохи // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konformizm-kak-strategiya-kulturotvorchestva-hudozhestvennoy-intelligentsii-pozdney-sovetskoj-epohi/viewer> (дата обращения: 10.05.2022).

9. *Степнов А.О.* Человек и сообщество в томском научном микросоциуме эпохи индустриализации в СССР и в Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2020.

10. *Фетисова Т.А.* Конформизм как стратегия культуротворчества советской интеллигенции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konformizm-kak-strategiya-kulturotvorchestva-sovetskoj-intelligentsii> (дата обращения: 10.05.2022).

УДК 94(438)+726.6

Ю.А. Лабынцев,

ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

ИМЕНЕМ ПРАВОСЛАВНЫХ ВАРШАВЫ: ИДЕЯ ВОЗВЕДЕНИЯ СОБОРА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Грандиозный православный собор в центре Варшавы, построенный по воле многих десятков тысяч ее православных жителей, был одним из самых совершенных храмовых творений в истории Российской империи.

Ключевые слова: Варшавский собор Александра Невского, православие, Варшава, Российская империя.

Yu.A. Labyntsev,

Leading Research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

IN THE NAME OF THE ORTHODOX IN WARSAW: THE IDEA OF BUILDING THE ALEXANDER NEVSKY CATHEDRAL AND ITS IMPLEMENTATION AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

The grandiose Orthodox cathedral in the center of Warsaw, built at the behest of many tens of thousands of its Orthodox inhabitants, was one of the most perfect temple creations in the history of the Russian Empire.

Key words: Alexander Nevsky Cathedral in Warsaw, Orthodoxy, Warsaw, Russian Empire.

Весной 1912 г. в Варшаве было закончено строительство величественного православного собора, который явился одним из лучших образцов мировой христианской храмовой архитектуры XX столетия. Мысль о необходимости его возведения возникла еще в 1880-е гг. в среде наиболее активной части православного населения Варшавы во главе с генерал-губернатором И.В. Гурко, представителем древнего белорусского рода. Намерение это поддерживалось и административным руководством Варшавы, включая ее президента С.И. Старынкевича, и множеством местного русского населения, одним из представителей которого была, например, поэтесса С.А. Леонтьева-Левицкая, вдова бывшего генерала, участника Отечественной войны 1812 г., писавшая под псевдонимом «Русская солдатка».

В конце 1880-х гг. о желательности возвести в Варшаве достойный православный кафедральный собор было доложено императору Александру III и постепенно эта идея стала приобретать практические очертания несмотря на многие неизбежные бюрократические и финансовые трудности [1]. Осенью 1892 г. Синод выносит решение разрешить строительство собора [2] и в 1893 г. начинается массовый всероссийский сбор средств на его возведение. В своих воззваниях о «сборе добровольных пожертвований на сооружение нового православного соборного храма в Варшаве во имя Святого Благоверного князя Александра Невского» варшавский генерал-губернатор И.В. Гурко сообщал о бедственном положении здешней приходской жизни русских. Его обращения к императору о новом православном соборе основывались на реальном положении, когда «громадное большинство» «православных русских людей в Варшаве... лишено возможности удовлетворять свои религиозно-духовные потребности в храмах Божиих, вследствие крайнего недостатка их в сем городе» [3, с. 169].

И.В. Гурко приводил неопровержимые аргументы: недостаток православных храмов «так велик, что во всех варшавских приходских, домовых и временных военных православных церквях, по точному измерению их внутренних размеров, может поместиться молящихся всего лишь от 5-ти до 7-ми тысяч душ, между тем как русского православного населения в Варшаве... числится 43 тысячи. Таким образом... при каждом церковном Богослужении от 36 до 38 тысяч проживающих в Варшаве православных русских лишены возможности присутствовать... в храмах Божиих» [3, с. 169]. К тому же, «существующие в Варшаве православные приходские церкви (всего 4) таковы, что, за исключением одной на предместье... имеющей вид православного храма, видеть их

обидно и больно для религиозного и национального чувства русского человека. Нынешний собор переделан из упраздненного католического монастырского здания..., а остальные две, устроенные в домах, внутри дворов, тесные, темные, убогие и бедные церковною обстановкою, не имеют даже никакие признаки церквей» [3, с. 169–170].

Сбор средств на возведение нового православного собора в Варшаве сразу же стал делом всенародным. Пресса тех лет была полна сообщениями о жертвователях из всех сословий империи, общее число которых измерялось сотнями тысяч. Среди них были как духовные так и светские лица от именитых русских аристократов и купцов до самых простых крестьян и мещан. Комитету по постройке собора, возглавляемому И.В. Гурко, удалось собрать очень значительные суммы, необходимые для начала стройки, к которой торжественно приступили в конце лета 1894 г. [4, с. 277–281]. Предварительно, по инициативе И.В. Гурко, удалось организовать среди выдающихся русских архитекторов конкурс на исполнение проектов собора, в котором победил проект Л.Н. Бенуа. Отдельный большой проблемой было создание достойного внутреннего убранства храма, к созданию которого удалось привлечь лучшие художественные силы России, среди которых был и В.М. Васнецов. По его эскизам, например, были исполнены три мозаики, в том числе «Святая Троица» и «О Тебе радуется». Строгий иконографический ряд собора был задуман директором Археологического института Н.В. Покровским, известным знатоком древнерусской живописи [5]. Все внешнее и внутреннее убранство собора было грандиозным и в буквальном смысле драгоценным. Общий замысел строительства [6] предполагал также в будущем возведение особого дома для причта [7], а в дальнейшем зданий православного духовного училища [8].

«Собор дивной красоты», как о том докладывал императору Николаю II обер-прокурор Синода В.К. Саблер, «один из лучших храмов на Руси» освятили 20 мая 1912 г. [9, с. 153–155]. Известный православный деятель, очевидец и участник этого события, будущий протопресвитер Терентий Теодорович [10, с. 13–18] называл освящение нового собора именно «событием исключительно церковной важности в 1912» г., но отнюдь не политической [11, с. 99].

Во время I мировой войны и германской оккупации Варшавы немцы использовали собор в качестве гарнизонного костела и кирхи, а в новой, возрожденной в 1918 г., Польше, II Речи Посполитой, именуемой также межвоенной Польшей, захватившей огромные территории белорусских, литовский и украинских земель с многомиллионным коренным православным населением, польские власти повелели его уничтожить. Непрекращавшиеся мировые протесты, идущие в том числе и от граждан внутри самой возрожденной Польши и не только православных, ход

событий не изменили [12, s. 4–5]. «Памятник неволи и насилия», «воинствующего царизма», «высочайшего унижения польского народа» решением высших польских властей постановили разрушить и назначили дату начала его уничтожения – 3 мая 1923 г. [13, s. 357].

Справедливости ради нужно сказать, что при этом предполагалось «спасти некоторые мозаики и другие фрагменты архитектуры, однако это было необычайно трудно», учитывая варварский способ разрушения собора с помощью серии взрывов. Вандализм польских властей, санкционировавших в христианском государстве уничтожение столь величественного христианского храма, вызвал совершенно законное негодование его православных граждан. Их представитель, известный белорусский общественно-культурный и политический деятель сенатор В.В. Богданович на заседании польского Сената 23 июля 1924 г. констатировал в своем протесте: «Достаточно пойти на Саскую площадь и посмотреть на оголенные купола наполовину разрушенного собора. Не говорите, Господа, что он должен быть разрушен, как памятник неволи. Я бы сказал, что, пока он стоит, то является наилучшим памятником для будущих поколений, поучаючи их, как нужно уважать и беречь свою Родину; разобранный же будет памятником позорным, памятником нетерпимости и шовинизма! Нельзя не обратить внимания на то, что в этом соборе есть выдающиеся художественные произведения, в которые вложено много духовных сил лучших сынов соседнего народа, и те, кто создавал эти произведения искусства, не думали ни о какой политике. Польский народ чувствует это, а также угрожающее значение этого поступка, и уже сочинил свою легенду относительно разрушения собора... Но наших политиканов это никак не трогает. А вот приезжают иностранцы, англичане, американцы, с удивлением взирают на это, фотографируют и фотографии распространяют по всему миру естественно вместе с мнением о польской культуре и цивилизации...» [12, s. 5].

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 565. Оп. 5. Е. х. 20037.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 173. Е. х. 217/866.
3. *Гурко И.В.* Воззвание // Холмско-Варшавский епархиальный вестник (ХВЕВ). 1893. № 11.
4. ХВЕВ. 1894. № 17.
5. *Покровский Н.В.* Проект размещения живописей в новом православном соборе во имя Св. Благоверного Великого князя Александра Невского в Варшаве с объяснительною запискою. СПб., 1900.
6. РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Е. х. 23247.
7. РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Е. х. 1042.

8. РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Е. х. 1038, 1039, 1040.
9. ХВЕВ. 1912. № 11.
10. *Лабынцев Ю.А.* Русская Варшава протопресвитера Терентия Теодоровича (1867–1939) // Традиции и современность. № 29. 2022.
11. Теодорович Терентий, протопресвитер. К сорокалетию пастырства: 1935. 17(30)IX.–1935. Ч. 2. Автобиографические воспоминания в связи с церковными событиями и переживаниями моей прошедшей жизни – школьной и служебной – до возвращения моего в Варшаву в 1921 году [Варшава], Варшавская Синодальная типография, 1935.
12. *Łabyncew J., Szczawińska L.* Tragedia Soboru prawosławnego na placu Saskim w Warszawie – widziana oczami cudzoziemców // Bractwo prawosławne św.św. Cyryła i Metodego. Biuletyn informacyjny. Białystok, 2005. № 3-4. S. 4-5.
13. *Papierzyńska-Turek M.* Między tradycją a rzeczywistością; Państwo wobec prawosławia (1918–1939). Warszawa, 1989.

УДК 378

Н.А. Личак,

доцент, Ярославский государственный технический университет (Ярославль)

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ: НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ

В статье актуализируется проблема преподавания истории в технических вузах. Гуманитарная сфера одна из первых подвергается серьезным изменениям. Наибольшее отражение находится в пересмотре образовательных траекторий в вопросах преподавания гуманитарных дисциплин. К числу таких дисциплин можно отнести и историю, которая активно реагирует на любые изменения в жизни общества.

Ключевые слова: история, преподавание, вуз, индивидуализация, информатизация, воспитательный процесс.

N.A. Lichak,

Associate Professor, Yaroslavl State Technical University

TEACHING HISTORY AT A TECHNICAL UNIVERSITY: NEW FOCUSES

The article actualizes the problem of teaching history in Technical Universities. The humanitarian sphere is one of the first to undergo serious changes. The greatest reflection is in the revision of educational trajectories in the teaching of humanities. Such disciplines include history, which actively reacts to any changes in the life of society.

Key words: history, teaching, university, individualization, informatization, educational process.

Студенты негуманитарных вузов обычно не проявляют повышенного интереса к истории. Причины кроются и в отсутствии сформулированного и осознанного запроса у общества к гуманитарному знанию, и в его несформированной ценности, и в отложенности эффекта в постижении нового.

Задача высшей школы состоит в формировании профессиональных компетенций по созданию того или иного продукта, в гуманитарной сфере – это новый информационный продукт. Заказ по формированию профессиональных качеств выполняется, а человеческих – недостаточно. Следствием является невостребованность на рынке результатов деятельности базовых гуманитарных областей. Скорость социальных изменений повышает и требования к преподавателю.

Акцентируем внимание на том, что в техническом вузе должно быть сформировано гуманитарное ядро дисциплин. Воспитательный процесс будет осуществляться через усвоение данных позиций. В учебных заведениях встречаются энтузиасты, которые выводят, например, историю на качественно новый уровень интерес обучающихся, показывая, как гуманитарное знание формирует картину мира, выживание людей. Опираясь на опыт преподавания и оценки деятельности энтузиастов, следует говорить об индивидуализации полученных знаний, опираясь на те сведения, которые молодежь получила в семье или они отсутствуют у него вовсе. Конечно, в большом потоке студентов трудно выделить лидеров. Но, в то же время, они всегда видны – ориентируются в терминах, опираются на исследовательский и личный опыт.

В историческом образовании, в частности, необходимо научиться добывать информацию из источников, обрабатывать (анализировать) её, чтобы на выходе получить качественно новый продукт – выпускную квалификационную работу, статью, монографию и т. п. [2, с. 154]. Тем самым формируется навык самостоятельного мышления, ценностного стержня, аргументированного подхода к той или иной информации. Затем данные навыки могут пригодиться для работы на заседаниях секций студенческого научного общества (СНО), в ходе работы которого выбираются актуальные темы. Лучшие научно-исследовательские и творческие работы студентов отправляются на межвузовские конференции, конкурсы, а также – в сборники студенческих научных работ. Студенты принимают участие во внутривузовских олимпиадах по истории, которые проводятся в завершении каждого семестра силами преподавательского коллектива кафедры гуманитарных наук [1].

Развитие исторической науки на современном этапе обусловлено как ее внутренней логикой, так и внешними вызовами, требующими выработки новых подходов. Важна индивидуализация траектории студенческого интереса. Пока данное направление труднореализуемо в массовом образовании. Преподавание в традиционной манере – чтение лекций с закреплением материала на семинарах – становится неэффективным, так как фактически сводится к поверхностному освещению всех проблем, что явно не отвечает требованиям компетентностного образования. Такое распределение часов неизбежно ставит перед преподавателем-лектором проблему отбора главных теоретических вопросов с целью построения такой системы занятий, которая бы адекватно отвечала целям учебного плана и создавала основу для прочного усвоения. Наиболее эффективными в подобных условиях являются следующие методы обучения: проблемные лекции и семинары-дискуссии.

Индивидуальная работа может быть сформирована через проектную деятельность. Данная практика может способствовать раскрытию смысла происходящих изменений в интеллектуальной сфере и развитию гуманитарной науки. Поскольку событийную историю студенты изучали в школьном курсе истории, акцент должен делаться на последовательном анализе исторического процесса. На современном этапе наиболее адекватным решением проблемы эффективного обучения представляется и использование электронного обучения. На платформе Moodle преподаватель может выкладывать основной и дополнительный материал для самостоятельного изучения студентами, проводить промежуточные и итоговые тестирования, а также принимать дополнительные задания [3].

Могут помочь в данном процессе и гранты, которые реализуют студенты под руководством педагогов. Повышение интереса к профессорско-преподавательской деятельности привлекло в вуз молодые кадры, простимулировало интерес к жизни вуза.

Отдельно следует осветить работу так называемой «Точки кипения». Данная локация предусмотрена для приглашения интересных, творческих личностей. Больше сотни площадок в вузах по всей стране, на производствах и в открытых городских пространствах стимулируют технологическое развитие страны. Точки кипения открыто работают не только с бизнес-партнерами, научными организациями и региональными институтами развития, но и с любыми интересными людьми. Гуманитарные кафедры в технических вузах могут регулярно организовать независимое и бесплатное событие в соответствии с повесткой каждой Точки или принять в нем участие через платформу <https://leader-id.ru/points/> [4]. Студенты и преподаватели могут найти в на такой площадке возможности максимальной самореализации и саморазвития;

продолжения образования, наращивания компетенций; жизни и работы в «пространстве будущего» [4].

Подводя итоги, отметим, что, рассматривая современное историческое знание в техническом вузе, следует еще раз подчеркнуть содержательное наполнение научной дисциплины с опорой на основы насущных вопросов – определения роли российского государства на международной арене, самоидентификации нации, переосмысления ценностных ориентаций общества. Организовывая знание, имеющее серьезную методологическую базу, следует применять и новый инструментарий, основанный на совокупности технических средств, исследовательских процедур, собственной институциональной структуры, историков, норм и правил профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Козлова О.В., Сыченкова А.В. Преподавание истории в техническом вузе: современные подходы в рамках требований новых ФГОС // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodavanie-istorii-v-tehnicheskom-vuze-sovremennye-podhody-v-ramkah-trebovaniy-novyh-fgos> (дата обращения: 06.01.2023).

2. Халявин Н.В. Несколько слов о проблемах преподавания истории в высшей школе (из опыта преподавателя отечественной истории) // Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона. 2015. № 1. С. 154–158.

3. Ягудина О.В. К вопросу о преподавании истории в современном техническом вузе // http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/5840/1/elibrary_28977446_73032357.pdf?ysclid=lcqn9hswcb273172134 (дата обращения: 06.01.2023).

4. <https://leader-id.ru> (дата обращения: 06.01.2023).

УДК 342.3

Л.В. Лукьянчикова,
профессор ИГСУ РАНХИГС (Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ПАТЕРНАЛИЗМА XIX–XXI ВВ.

Статья посвящена развитию патерналистской традиции в России. Автор отмечает, что единство между народом и правительством, а также попечительская политика государства в отношении населения, провозглашенные на рубеже XIX–XX столетий актуальны и в настоящее время.

Ключевые слова: патернализм, самодержавие, советская власть, вождизм, конституция, социальные гарантии.

L.V. Lukyanchikova,
Professor of MIGSU RANEPА (Moscow)

THE EVOLUTION OF RUSSIAN PATERNALISM OF THE XIX–XXI CENTURIES

The article is devoted to the development of the paternalistic tradition in Russia. The author notes that the unity between the people and the government, as well as the state's guardianship policy towards the population, proclaimed at the turn of the XIX–XX centuries, are still relevant today.

Key words: paternalism, autocracy, Soviet power, chiefdom, constitution, social guarantees.

Взаимоотношения общества и государства представляют собой многогранный процесс основанием которого является восприятие политической власти. Одним из разновидностей последней является патернализм. Данное явление на протяжении многих столетий представляет научный интерес и является предметом исследования отечественных правоведов, историков, философов, социологов, политологов и др. Особенное внимание патернализму, возведенному в масштаб государственного управления уделялось в периоды значимых государственных преобразований, когда проблема осмысления статуса высшей власти, ее связи с существующей социально-культурной средой и взаимодействия с общественными институтами представлялась наиболее актуальной.

Патернализму посвящено большое количество трудов: в той или иной мере в дореволюционной России патернализм рассматривали Н.А. Захаров, П.Е. Казанский, И. Кириллов, М.М. Ковалевский, А.С. Лаппо-Данилевский, А. Романович-Славатинский, Л.А. Тихомиров и многие другие. Их воззрения по данному вопросу являлись ответом, в первую очередь, на набиравшую популярность в общественно-политической мысли второй половины – XIX – начала XX столетия идеологию неоллиберализма, освещавшую во всех ракурсах «борьбу свободы со властью», провозглашая главным ингредиентом социального прогресса – свободное развитие индивидуальности, которого никогда не может быть в обществе, живущем сообразно с преданиями и обычаями [10; 17].

Российские ученые, напротив, считали, что именно патриархально-общинная народность во главе с государем, является привычным социальным отечественным устоем, а значит самым эффективным и созидательным. Российское самодержавие – власть органическая, утверждали они, народная по своему происхождению, что подтверждалось и выбором характера правления, неоднократно возникавшего в

политической жизни страны: население всегда склонялось в пользу самодержавной монархии [7, с. 67; 13, с. 39]. При этом резюмировалось, что народ не отделяет себя от государя, а потому не отстраняется от властных полномочий; как бы ни была громадная власть государственная, она утверждается на единстве духовного самосознания между народом и правительством. Большинство указанных исследователей оставляли за самодержавием попечительскую политику. Российский монарх, по их мнению, выполнял роль мудрого и ответственного регулятора независимого, организованного общества, ограниченного в своих волевых импульсах социальным и нравственным инстинктом понимания целесообразности и пользы для государства своих действий [5, с. 25–82].

Начавшаяся в Октябре 1917 г. эпоха советской власти, ознаменовала новый подход к феномену патернализма. Учитывая то, что вопрос о верховенстве власти идеологами революционного крыла рассматривался исключительно с позиции «самодержавия пролетариата» и «со-властия всех граждан» (Я.М. Магазинер, К.М. Тахтарев), концепция патернализма позиционировалась одной из наиболее старых буржуазных доктрин, используемая буржуазией для ослабления рабочих организаций и смягчения классовой борьбы. Также отмечалось, что Коммунистическая партия и прогрессивные профсоюзы выдвигают требования об устранении любых проявлений патернализма [16, с. 27–35].

При этом, в аспекте особенности организации советских управленческих начал патернализм являлся неизменным атрибутом. С первых лет советской власти В.И. Ленин в массовом сознании выступал не иначе как народный заступник, наставник. С первых дней установления советской власти в октябре 1917 г., по указанию В.И. Ленина, каждый, кто получал пропуск в Смольный, мог свободно зайти в помещение СНК, чтобы заявить о своей просьбе или жалобе самому «главному большевику» (как тогда называли В.И. Ленина многие крестьяне) [6, с. 78–79].

С завидным постоянством в учебной, научной, публицистической литературе и средствах массовой информации сущность эпитетов, адресованных руководителям государства, содержала патерналистское начало. Например, «теоретической основой советской науки государства и права», в первую очередь, «являлись труды В.И. Ленина», в решениях Коммунистической партии Советского Союза «воплощались идеи создателя Советского социалистического государства В.И. Ленина. В научных трудах советских ученых повсеместно обращалось внимание на «указующую» и «направляющую роль» во внутренней и внешней политике В.И. Ленина и т. д. [15, с. 15–19; 11, с. 22–91; 9, с. 17].

Ярким примером в данном контексте выступает учебник «Советское государственное право», изданный в 1956 году. В главе 11, посвященной советской социалистической федерации указано, что «открытие Лениным советской федерации в качестве формы государственного устройства Советского многонационального государства имеет историческое значение». Здесь же значилось, что «учение ленинизма о советской федерации подняло марксистскую науку о государстве на новый, более высокий этап развития, вооружило трудящихся **мудрым** (выделено мной. – Л. Л.) средством разрешения национального вопроса..., способствовало расцвету советских социалистических наций и укреплению Советского социалистического многонационального государства» [15, с. 139]. Подобная ситуация складывалась и в отношении последующих советских вождей. Более того, И.В. Сталин при жизни удостоился почетного титула «отца народов».

Однако патернализм не следует отождествлять с вождизмом. Как в дореволюционные времена, так и в советское время, сильная «отеческая» власть главы государства подкреплялась действительно признанием верховенства этой власти и мощной поддержкой «младших», то есть простого населения. Причем эта поддержка основывалась на потребности общества в государственной защите и опеке, максимуме социальных гарантий, что и предусматривалось советскими Конституциями, начиная с 1936 г.

Обращение к проблеме отечественного патернализма в настоящее время также представляется весьма актуальным, что связано с очередным этапом выбора стратегии государственного развития России. Учитывая то, что важнейшим направлением деятельности современных государств является обеспечение социального равновесия в обществе, и за последние полвека увеличиваются ассигнования на социальное обеспечение и социальное страхование (достигают в развитых странах в среднем 75 % государственных расходов (пенсии по старости, инвалидности, ветеранам войн, пособие по безработице, продовольственная и иная помощь)), такая форма патернализма не только гармонизирует социальную среду, но и выступает важным фактором экономического роста развитых стран [4, с. 88].

Современные исследования В.Н. Вовка, И.В. Гончарова, Т.Ф. Ермоленко, С.А. Литвиной, А.В. и Р.А. Лубских, А.Д. и О.Д. Поповых, А.С. Прудникова и т. д. также подтверждают, что подходы к пониманию сущности отечественного государственного патернализма сегодня основываются на принятии государством на себя обязательств по обеспечению прав своих граждан прежде всего в социальной сфере, а также в случаях наступления ситуаций форс-мажорного и чрезвычайного характера. Патернализм как правовая категория и сейчас является

доминантой во взаимоотношениях российского государства и его граждан, влияющей на их менталитет, в том числе в правовой сфере. Доверие граждан к власти в российском социуме всегда носило и носит государственный характер и связано с ощущением единства целей государства и общества. Больше половины россиян (опрос от 04.12.2022 – ВЦИОМ) – 54 % считают, что «от конституции зависят все остальные законы и то, как мы живем» [1]. При этом, для подавляющего большинства россиян восприятие власти происходит именно через конкретную личность, наделенную этой властью. Так, согласно данным ВЦИОМ на конец 2022 года, Владимиру Путину доверяют 80,0 % опрошенных россиян, одобряют его работу на посту Президента РФ 76,0 % [12], в то время как в 2021 г. 63 % респондентов заявили, что для нет партии, которая представляла бы для них интерес, а 25 % опрошенных считают, что России вообще не нужны политические партии [14].

Таким образом, патернализм в России сегодня, являясь одной из стратегий управленческой деятельности и частью культурной традиции, представляет собой единство разнообразных форм социального, политического, идеологического и ментального принуждения на основе регламентации взаимодействия государства и общества по образу патриархальных отношений в семье [9, с. 99]. Практическое наполнение российского патернализма на современном этапе рассматривается, в первую очередь, как сфера обоснованного ограничения вмешательства государства в свободу действий человека, расширение роли государства в социальной сфере и конкретная реализация обязательств, закрепленных в Конституции РФ [2, с. 60].

Очевидным представляется то, что патернализм занял прочные позиции в российской традиции властеотношений, является одной из ее специфических черт. Относительно его эволюции в России следует согласиться с Т.Ф. Ермоленко, что патерналистские проявления были свойственны и охранительной, и либеральной, и революционной мысли российского образованного общества, с помощью которых оно пыталось вести к светлому будущему народ-дети, охраняя, опекая, поучая и наказывая его [3, с. 13].

Притягательность и «живучесть» патернализма обусловлена тем, что при наличии неравноправных отношений и дистанцированности, власть и общество представляются единым целым. Созидательный характер такого сплочения зависит от взаимной ответственности сторон в сфере соблюдения прав и взятых на себя обязательств.

Библиографический список

1. ВЦИОМ: большинство россиян считают, что конституция влияет на жизнь граждан // Официальный новостной сайт РИА НОВОСТИ: URL:<https://ria.ru> (дата обращения: 12.12.2022).
2. *Гончаров И.В., Прудников А.С.* Государственный патернализм и права человека в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2018. № 3.
3. *Ермоленко Т.Ф.* Патернализм в России: культурологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2000.
4. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: учебное пособие. М., 2004.
5. *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск, 1912.
6. *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата: Совет народных комиссаров и народные комиссариаты октябрь 1917 г. – январь 1918 г. М.; Л., 1966.
7. *Кириллов И.* Третий Рим. Очерк исторического развития русского мессионизма. М., 1914.
8. *Левин И.Д.* Суверенитет. М., 1948.
9. *Лубский А.В., Лубский Р.А.* Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России.
10. *Милль Дж. С.* О свободе // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru/> (дата обращения: 15.09.2022).
11. *Общее и специфическое в диктатуре пролетариата.* М., 1967.
12. Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20220930?ysclid=18vkk1t3q333569760> (дата обращения: 05.10.2022).
13. *Романович-Славатинский А.* Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1. Киев, 1886.
14. Российские партии не выражают интересы граждан – ВЦИОМ // Севастопольский новостной портал «ForPostполитика». URL: politika.sevastopol.su (дата обращения: 18.02.2022).
15. Советское государственное право: учебник / под ред. А.И. Лепешкина. М., 1956.
16. *Усенин В.И.* Социальное партнерство или классовая борьба. М., 1968.
17. *Фролова Е.А.* История политических и правовых учений: учебник. Изд. второе, переработанное и дополненное. М., 2021.

М.В. Медоваров,

доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**АЛЕКСАНДР КИРЕЕВ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX В.***

Статья посвящена механизмам влияния общественного мнения на внешнюю политику России в начале XX в. На примере А.А. Киреева демонстрируется сочетание публичных выступлений и публикаций в периодической печати с околоправительственными интригами.

Ключевые слова: А.А. Киреев, русско-японская война, Боснийский кризис, П.А. Столыпин, общественное мнение в России, внешняя политика России начала XX в.

M.V. Medovarov,

Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

**ALEXANDER KIREEV AND PUBLIC OPINION ON MATTERS
OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE EARLY XX CENTURY***

The article is devoted to the mechanisms of influence of public opinion on the foreign policy of Russia at the beginning of the 20th century. On the example of Alexander Kireev a combination of public speeches and publications in the periodicals with near-government intrigues is demonstrated.

Key words: Alexander Kireev, Russo-Japanese War, Bosnian Crisis, Petr Stolypin, public opinion in Russia, Russia's foreign policy in the early twentieth century.

К политическим взглядам и государственной деятельности генерала А.А. Киреева (1833–1910) мы обращались прежде [1; 2], однако каждый раз в стороне оставалась его активность, связанная с вопросами внешней политики России в начале XX в. Между тем взгляды лидера поздних славянофилов представляют не столько предмет самостоятельного интереса, сколько яркий пример смены модели поведения мыслителей в период перехода России от единоличного определения курса

© Медоваров М.В., 2023

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

* The present research was funded by the RSF, project number 22-78-10006, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006/>

внешней политики империи сверху к активному вмешательству общественного мнения в эту сферу. При этом изменился набор инструментов воздействия на формирование общественного мнения. Если для последней трети XIX в. такими инструментами выступали подцензурная периодическая печать и речи на заседаниях общественных организаций, в меньшей степени – публикация брошюр и беседы в салонах и кружках, то после 1905 г. к ним добавляются такие рычаги, как речи и запросы депутатов в Государственной Думе, выступления Совета объединенного дворянства, издания политических партий, а газеты и журналы начинают рассуждать на внешнеполитические темы практически без цензурных ограничений. Вместе с тем как до, и так и после 1905 г. – и вплоть до февральской революции 1917 г. – сохраняют свою значимость такие способы политической борьбы, как придворные интриги и попытки частными беседами повлиять на политический курс Николая II, председателей Совета министров, министров иностранных дел.

В многочисленных монографиях по истории внешней политики России вопросы влияния общественного мнения обычно либо полностью игнорировались, либо сводились к кратким обзорам отзывов газет, без анализа степени их влиятельности. Тем не менее, из трудов А.Л. Нарочницкого и В.М. Хевролиной можно сделать вывод о том, что в 80–90-е гг. XIX в. периодическая печать, формируя настроения образованных и торгово-промышленных кругов, не могла всерьез влиять на внешнюю политику России [3, с. 605–610, 647–652, 707–710; 4, с. 244–252]. В.М. Хевролина объясняет это бессилие отсутствием «соответствующих политических институтов и сил, которые могли бы быть приведены в действие» [5, с. 313–314].

Ситуация частично изменилась в период думской монархии. Труды И.В. Бестужева-Лады, Е.Г. Костриковой, А.Н. Сквозникова демонстрируют, что в 1906–1914 гг. периодическая печать отражала реальные настроения в стране, но при этом скорее создавала ошибочные ожидания от России в зарубежных странах, чем действительно влияла на МИД [4, с. 284–286; 6, с. 60–71; 7, с. 108–112]. Напротив, император демонстративно пренебрегал прессой, а министры иностранных дел сами использовали газеты для проведения в общественном мнении собственного курса [8, с. 4–5, 104].

В рамках исследования таких практик и форм социально-политической борьбы за формирование общественного мнения изучение случая А.А. Киреева представляет особый интерес. Он являлся придворным, не боевым генералом, приближенным к династии Романовых и четырем императорам и в то же время на протяжении полувека был активистом различных общественных и политических организаций

(Славянского благотворительного общества, Общества любителей духовного просвещения, Русского собрания, Религиозно-философских собраний, Отечественного союза, Союза русского народа). Наконец, Киреев как сам лично, так и через свою сестру О.А. Новикову вступал в прямые контакты с правителями и министрами большинства стран Европы, имел возможность публиковаться в иностранных журналах и тем самым формировать общественное мнение в европейских государствах.

Поскольку Киреев не был депутатом Государственной Думы и отказался от предложения П.А. Столыпина назначить себя членом Государственного Совета, то существенные изменения в формировании общественного мнения в период думской монархии мало коснулись его. Лишь в 1905–1907 гг. Киреев был вовлечён в деятельность зачаточных политических партий, после третьеиюньского переворота он действовал лишь в рамках двух непартийных организаций – Объединенного дворянства и (как и прежде, с 1868 г.) Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (далее – СБО). Последнее обстоятельство позволило ему три раза участвовать в организации визитов и встреч болгарского князя (с 1908 г. царя) Фердинанда Кобурга и его сына, наследника престола Бориса: несмотря на личную неприязнь к «умной шельме» Фердинанду, генерал был готов в публичном пространстве взаимодействовать с ним, если интересы России того требовали [9, л. 12].

Другой яркий пример кулуарной попытки А.А. Киреева влиять на внешнюю политику России – его письмо Н.Г. Гартвигу, директору Азиатского департамента МИД, с призывами мирно соседствовать с Китайской империей и ни в коем случае не делить ее с европейскими державами [10, л. 30б–40б.]. Эта позиция встретила полное согласие Гартвига, который был известен своим славянофильством и позже прославится на посту русского посла в Белграде. Она получила новое подтверждение при разговоре Киреева с Гартвигом в сентябре 1903 г. о неготовности России к войне с Японией и ее ненужности на фоне балканских интересов [11, л. 264]. Помимо Гартвига, мыслитель регулярно общался в СБО с легендарным дипломатом Н.П. Игнатьевым и в 1902 г. уговаривал его уйти в отставку по состоянию здоровья [11, л. 119]. Объем реальных возможностей СБО как структуры, формирующей общественное мнение, влиять на внешнюю политику России, рассмотрен А.А. Поповкиным [12, с. 306–330] и выходит за рамки данной статьи.

Подчеркнем, что Киреев не имел случая излагать свои взгляды кому-либо из российских министров иностранных дел (в отличие от его сестры О.А. Новиковой, которой после Берлинского конгресса 1878 г. довелось доверительно перемолвиться с А.М. Горчаковым), а во время многочисленных аудиенций с императорами Александром III и

Николаем II, с премьер-министром П.А. Столыпиным ему также фактически не позволялось затрагивать международные темы.

Более специфичными представляются случаи, когда Киреев либо решался сам выступить по внешнеполитическим вопросам в подцензурной печати (что случалось весьма редко, в сравнении с его статьями по внутрироссийским и по церковно-международным проблемам), либо давал советы близким ему публицистам на этот счёт. К примеру, в 1900 г. он тщетно убеждал своего подопечного Л.А. Тихомирова в том, что его статьи с призывами к православной миссии в Китае и Японии вредят делу давления на МИД ради активизации балканской и ближневосточной политики России [13, л. 69а, 69в]. Что касается собственных выступлений Киреева в печати, то они укладываются в несколько единичных эпизодов, когда он считал целесообразным выступить не столько с открытой критикой внешней политики России (это генерал прибегал для своего дневника и частной переписки), сколько с предостережением о возможных последствиях ошибочных шагов.

Подобные эпизоды иногда происходили в период активного сотрудничества Киреева в «Известиях СБО» и ряде других изданий («Русь», «Русское обозрение») в 1883–1892 гг. Это случалось в 1885 г. в связи с отставкой Гладстона в Англии [14, с. 38–42] и переворотом в Восточной Румелии [14, с. 35–38]. В статьях «Дорогие друзья» и «Реальная политика» в 1885 г. Киреев прибег к критике всей славянской политики российского МИДа, не называя имен и полемизируя с неназванными оппонентами [14, с. 31–35, 42–47]. Однако такую свободу речи мыслитель мог себе позволить только в «Руси» в последние месяцы ее существования и жизни И.С. Аксакова, после чего Киреев уже не сможет говорить столь откровенно.

Следующее выступление Киреева в прессе произошло в 1888 г. в период спора о политике в отношении западных славян внутри СБО, когда внутренний раскол в обществе из-за позиции В.И. Ламанского был вынесен на публику и выплеснулся на страницы печати [14, с. 67–70]. Но и в этом случае Киреев ограничился одной-единственной статьей против Ламанского, в отличие от левых славянофилов. Еще один, единичный эпизод связан с выпадом генерала против визита в Россию германского императора Вильгельма II в 1890 г. [15].

Важный случай попытки Киреева скорректировать российское общественное мнение в сторону панславизма – это его длительная полемика против В.А. Грингмута об отношении к южным славянам и целях балканской политики России, состоявшаяся в 1890–1891 гг. и прерванная по требованию цензуры [16, с. 87–90]. Впрочем, цензура в лице Е.М. Феоктистова вмешалась больше по причине затронутого

внутриполитического вопроса о земском соборе: внешняя политика была не главной темой данного спора.

Десять статей Киреева о роли России в международных отношениях в царствование Александра III – это поразительно мало на фоне множества его работ на все прочие темы. Это является доводом в пользу того, что периодическая печать на данном этапе не рассматривалась как рычаг общественного мнения, могущий повлиять на решения руководства империи.

В связи с почти полным отсутствием у славянофилов регулярных органов периодической печати в 1893–1903 гг. Кирееву на протяжении этих лет приходилось лишь в особо важных случаях выступать в «чужих» газетах. Именно такой пример относится к полемике Киреева с К. Лисовским в «Новом времени» в 1900 г., когда генерал доказывал, что Россия не должна участвовать в гонке морских вооружений и строить флот океанского типа [16, с. 96]. После возобновления «Известий СБО» Киреев в июне 1904 г. снова стал пропагандировать отступление России с Дальнего Востока в пользу Балкан, где он усматривал признаки сербо-хорватско-болгарского сближения [14, с. 261–263]. В сентябре 1905 г. после Портсмутского мира Киреев в «Новом времени» откровенно радовался, что после поражения от Японии Россия наконец-то снова займется славянскими землями [14, с. 279–283].

А.А. Киреев на протяжении десятков лет выступал как против русско-французского союза, так и против каких-либо уступок Австро-Венгрии, которую рассматривал как главного противника России. Поразительно, что эти настроения остались достоянием разве что близкого окружения генерала. Он даже не пытался их продвигать ни в печати, ни в правящих кругах, а в рамках СБО ограничивался постановкой частных вопросов применительно к Греции, Болгарии, Сербии. Хотя Киреев восхищался силой общественного мнения России в дни подавления польского восстания 1863–1864 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., он не пытался принять участие в повторении этого всенародного подъема, по крайней мере, до 1908 г., когда мыслитель сперва начал бить тревогу по поводу вероятности нового нападения Японии на российский Дальний Восток [14, с. 283–288], а затем в связи с боснийским кризисом примкнул к хору тех, кто проклинал министра А.П. Извольского за согласие на австрийскую аннексию Боснии и Герцеговины. Только теперь 75-летний генерал решился написать открытое письмо Николаю II и опубликовать его под названием «Дипломатическая взятка за позорный поступок» [14, с. 294–295], дополнив его весной 1909 г. заметкой «Компенсация-ловушка» [14, с. 296–297]. Это исчерпывающе характеризует позицию Киреева по отношению к провалу внешней политики России

на том этапе и предвосхищает более активное поведение российской прессы в 1912–1914 гг., которая будет гораздо смелее давить на правительство. Лишь на этом этапе сановники МИДа сами будут замечены в содействии публикации статей, подталкивающих общество в нужном направлении [17, с. 321–323]. Приходится сожалеть, что А.А. Киреев до этого периода не дожил.

Библиографический список

1. *Медоваров М.В.* А.А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.
2. *Медоваров М.В.* Александр Киреев. СПб., 2019.
3. *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: АН СССР, 1956. 899 с.
4. Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М.: Международные отношения, 1999. 557 с.
5. *Хевролина В.М.* Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 316 с.
6. *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906–1910 годах // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 60–76.
7. *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара: СГА, 2010. 170 с.
8. *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914. М.: ИРИ РАН, 1997. 176 с.
9. ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 15.
10. ОР РНБ. Ф. 349. Д. 23.
11. ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 15.
12. *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013.
13. ГАРФ. Ф. 634. Д. 8.
14. *Киреев А.А.* Сочинения: в 2 т. СПб., 1912. Т. 2.
15. *Киреев А.А.* Приезд «высокого гостя» // Славянские известия. 1890. № 32 (12 августа). С. 578–579.
16. *Медоваров М.В.* Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов (по материалам журнала «Русское обозрение» и его оппонентов) // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 85–98.
17. *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017. 384 с.

С.С. Михайлов,

научный сотрудник Музея истории и культуры староверия (Москва)

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО БЕСПОПОВСКОГО СОГЛАСИЯ «БАБУШКИНА ВЕРА» В XX СТОЛЕТИИ

В статье автор рассказывает о судьбе одного из малочисленных и загадочных старообрядческих беспоповских согласий, которое было распространено в окрестностях Москвы, называвшегося «Бабушкина вера». В XX столетии это исповедание, которое прежде распространялось весьма активно, полностью исчезает. По мнению автора, его адепты участвовали в становлении русских протестантских сообществ, прежде всего баптистов и пятидесятников.

Ключевые слова: «Бабушкина вера», старообрядчество, Подмоскowie, протестантизм, баптисты, пятидесятники.

S.S. Mikhailov,

Researcher of Museum history and culture of the Old Believers (Moscow)

ON THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE OLD BELIEVER TREND “BABUSHKINA VERA” IN THE 20th CENTURY

In the article, the author tells about the history of one of the small and hidden currents of the Old Believers, previously spread near Moscow, called “Babushkinavera”. In the 20th century, this religion, which used to spread very actively, completely disappears. According to the author, his adherents participated in the formation of Russian Protestant communities, primarily Baptists and Pentecostals.

Key words: “Babushkinavera”, Old Believer, Moscow region, Protestantism, Baptists, Pentecostals.

К сожалению, для нас до сих пор остаются неисследованными многие направления русского старообрядчества и вопрос, что произошло с ними в поздний период истории. В этой работе автор хотел бы коснуться вопроса о том, что произошло в XX в. с таким казалось бы достаточно закрытым вероисповеданием, каковым было небольшое беспоповское согласие «Бабушкина вера» («бабушкины»), распространенное в ряде уездов вблизи Москвы. Весьма скрытое существование, крепкая сплоченность данного течения, отсутствие у него официальных общин и молитвенных зданий, однозначно помогли ему избежать того разгрома, каковому подверглись другие согласия, имевшие легализованные структуры. Но, почему тогда «бабушкины» никак себя не

проявили в позднейшее время, когда начался период духовного возрождения в нашей стране? Почему автору, самому имеющему отношение к беспоповской среде, не удалось ничего узнать о них в современном московском и подмосковном мире староверов, не приемлющих священство? По идее, даже после отхода от веры в советский период части пастырей, репрессий в отношении отдельных лиц, общества должны были, хоть частично, но выжить, и продолжать неофициально молиться по домам.

«Бабушкина вера» возникла ориентировочно в 1770–1780-х гг. в Коломенском уезде, ее основателем стал выходец из среды беспоповцев-федосеевцев, крестьянин Епифаний Лактионов. С самого начала «бабушкины» отказались от некоторых моментов, характерных для старообрядчества и православия вообще, в частности, они уже не пели канонов Спасителю, Богородице и святым, а на крещении читали только Символ Веры. Отче Наш и пели некие песнопения собственного сочинения. Нам не известно родное селение Е. Лактионова, однако, его преемники базировались в Коледино, в западной части Коломенского уезда, отчего согласие часто именовали «колединским согласием» [4, с. 340–341]. Другим очагом этого исповедания было находившееся неподалеку Борзцево. Часто весьма заслуженные авторы, вскользь упоминая о существовании данного исповедания, называли его «хлыстовско-бабушкинской сектой» [1, с. 636]. В некоторых редких публикациях, когда «бабушкины» попадали в поле зрения газетчиков, их описывали не как типичных старообрядцев, а как носителей «сектантской» обрядности, хотя в других подобных заметках она все-таки выглядит как типичные «раскольники»-беспоповцы. В архивном деле Московской Духовной Консистории, которое посвящено выявленным адептам «Бабушкиной веры» в селе Коломенском о других приходах юго-востока прежнего Московского уезда, дававший показания местный православный священник Понятовский характеризовал это течение как «...сходно с учением беспоповцев Федосеевского толка с примесями молоканства...сходно с учением хлыстов...» [9, л. 36]. Также, мы видим, что в описании серпуховской общины «бабушкиных» середины XIX в. глава общины названа «богородицей», что весьма характерно именно для хлыстовства [8, л. 4 об.–5 об.]. Интересно, но в том же Коломенском и окрестностях, где жило немало старообрядцев разных толков, только к «бабушкиным» в древлеправославном мире было весьма предвзятое отношение и им не разрешалось погребать своих усопших на старообрядческих кладбищах – хоронили на православных [9, л. 33, 34]. Явно такая обособленность от остальных староверов и способствовала дальнейшему духовному движению «Бабушкиной веры» в сторону

русского сектантства, под влиянием которого она явно находилась с самого начала своего возникновения.

В Подмоскowie «бабушкины» известны, благодаря скудным архивным и газетным сведениям, в западной части Коломенского уезда, в Серпухове, Орехово-Зуево, юго-востоке Московского уезда (местности, ставшие в 1960 г. частью Москвы), а также в Боровском и Малоярославецком уездах Калужской, и Каширском уезде Тульской губерний. Полная их «география» не может быть выявлена в следствии того, что фактически все архивные и иные упоминания о «Бабушкиной вере» появлялись в результате их случайного обнаружения. Эти материалы, как правило, показывают нам исповедание, замкнутое, но, тем не менее хорошо маскирующееся под представителей официального православия и активно распространяющееся. Судя по обнаруженным нами сведениям, со времени своего появления идеология «бабушкиных» эволюционировала. Так, изначально, согласно, их учению, отрицалась возможность спасения жителям городов [4, с. 340], однако, через несколько десятков лет, в середине XIX в., крупное сообщество встречаем в таком большом торгово-промышленном уездном центре, как Серпухов, а женщина – лидер согласия, – которую внешние информанты именуют как «богиню», вообще проживает в Москве [8, л. 4 об.–5 об.]. Однозначно, это было не единственное изменение в учении, и духовная идеология «бабушкиных» подвергалась сильному влиянию со стороны неких других исповеданий, прежде всего хлыстов. Проанализировав все выявленные сведения об этом согласии, мы пришли к выводу, что к началу XX в. могло существовать две ветви этого согласия, одна из которых еще оставалась носителем каких-то старообрядческих черт (иконы, свечи, элементы церковной утвари), а другая фактически уже была сектантским направлением [2, с. 14].

Но, что же произошло с «Бабушкиной верой» далее, уже в XX столетии? В этот период в Москве и окрестностях активно действуют проповедники евангельских учений, которые, прежде всего, обращают в свою веру адептов старых русских сект, как-то молокан, хлыстов и др. Они явно обратили свое внимание и на «бабушкиных», стоявших особняком в старообрядческом мире, и среди которых уже было немало тех, кто фактически был представителем сектантства. К сожалению, этот процесс остался вне внимания авторов документов разных губернских и епархиального ведомств, газетных заметок и т. п. До нас дошли лишь редкие косвенные упоминания, благодаря которым мы можем только понять, что таковой процесс имел место быть. В одном из дел Московского Губернского Правления, сведения для которого собирались в 1905–1912 гг., где дается некоторая статистика подмосковных старообрядцев и сектантов,

мы видим, что в Коломенском уезде, в Мещеринской волости, находившейся как раз в местах распространения «Бабушкиной веры», в деревне Жары, показано два представителя евангельских христиан, «отделившихся от старообрядчества». Подробностей, от какого именно толка, нам не сообщают, но в тех краях нам известны прежде всего беспоповцы, редкие федосеевцы и «бабушкины» [7, л. 189 об.].

Весьма неожиданная находка ждала в «Списке церквей и б. монастырей Московской губернии», составленным, судя по упоминаемым в нем сведениям (архивное дело не датировано) в 1927 г. Здесь, в Коломенском уезде, в деревнях Борзцево и Коледино, бывших еще некоторое время назад одним из важнейших очагов «Бабушкиной веры», мало того, и фактической родиной указанного течения, фигурируют официально зарегистрированные евангельские христиане-трезвенники («колосковцы») [11, л. 30]. К сведению, в указанный период в обоих селениях существовали сельскохозяйственные колонии колосковцев, о которых мы читаем и в других источниках [5, с. 118; 6, с. 634]. Учитывая то, что мы знаем об эволюции некоторых общин «бабушкиных» в предыдущем столетии, когда их нередко описывали с чертами не старообрядцев, а скорее «сектантов», мы понимаем, что колединско-борзцеовские трезвенники однозначно являются бывшими адептами интересующего нас согласия, которые перешли в стан колосковцев в ходе духовного поиска, предположительно ставшего следствием определенного духовного кризиса в «Бабушкиной вере» и миссионерской работы, проведенной во время в отношении их паствы. Общины трезвенников были в Орехово-Зуево, Москве и ряде других мест, где нам известны «бабушкины». Исключать то, что последние полностью или частично участвовали в становлении колосковских общин, на наш взгляд нельзя. К сожалению. В виду скудости сведений об адептах «Бабушкиной веры» и того, что документы о составе русских евангельских течений начала XX в. до нас не дошли, мы не можем проследить этот процесс по истории отдельных семейств и персоналиям. Историческая память в самих евангельских общинах и в их коренных семьях, также утрачена.

Касательно судьбы подмосковных трезвенников-колосковцев, нам известно, что они уже в 1920-х гг. начали активно переходить в пятидесятничество, Пример единоверцам показал в 1926 году сам Иван Колосков, обратившийся к И. Воронаеву вместе с группой из 600 последователей, с просьбой крестить их Духом Святым [5, с. 116]. Согласно официальной баптистской версии, Колосков в 1920-х активно сближался с евангельскими христианами, а в 1947 г. они, во главе с С.Д. Макаровым, вошли в состав Союза евангельских христиан-баптистов [3, с. 455]. Однако, здесь нельзя забывать, что в то время в данную

структуру власти объединили все евангельские течения: баптистов, евангельских христиан, пятидесятников. Поскольку данную информацию мы почерпнули из официозной «Истории евангельских христиан-баптистов в СССР», изданной в 1989 г., которая готовилась именно в тот период, когда три евангельских исповедания официально являлись единым Братством, где доминировали именно баптисты, что трезвенники стали преимущественно членами пятидесятнических сообществ. При разговорах с имеющими представление о своей региональной истории адептами этой конфессии, часто доводилось слышать, что трезвенники-колоськовцы перешли именно к ним. Последователям Колоскова, как группе, вошедшей в состав христиан веры евангельской, уделено немало внимания и в книге «Россия в огне Пятидесятницы» [6, с. 618–672]. В 1920-х гг. возникает пятидесятническая община в Серпухове, в которую также могли влиться бывшие адепты интересующего нас течения [6, с. 537].

Однако, часть «бабушкиных» явно вошла и в состав баптистов. В официозной «Истории евангельских христиан-баптистов в СССР», упоминается, что в 1920-х гг. среди новых подмосковных общин была и находившаяся в Перерве [3, с. 454]. Это поселение – прежняя слобода при православном Николо-Перервинском монастыре, половину населения которой составляли старообрядцы. Среди них значительно преобладали белокриницкие поповцы, однако, были и филипповцы, у коих здесь существовала и своя моленная, были и интересующие нас «бабушкины». К сожалению, перервинская баптистская община просуществовала недолго и практически не оставила никаких следов, даже в виде архивного материала. Попытки что-либо узнать о ней у современных баптистских историков, ни к чему не привели – они впервые слышали о такой церкви. Фактически то упоминание в официальной истории, есть единственное упоминание об общине в Перерве. К сожалению, автору так и не удалось узнать, как оно оказалось на страницах упомянутого издания.

К сведению, на наш взгляд, весьма удачная проповедь евангельских течений, практикующих только взрослое крещение, к коим относятся и баптисты, и пятидесятники, была обусловлена и тем, что «бабушкины» часто крестили людей в сознательном возрасте, часто перед смертью [10, л. 1–7].

Тем не менее, еще в послевоенные десятилетия, по рассказам бывших жителей с. Коломенского и других населенных пунктов, в которых проживали старообрядцы юго-востока Московского уезда, здесь еще сохранялись остатки «бабушкиных», которые оставались старообрядцами – «в Коломенском бабки, своя вера». Их центром оставалась

деревня Грайвороново, находившаяся севернее нынешней станции метро «Текстильщики». Когда это явление сошло окончательно на нет, никто сказать не мог, но к 1990-м гг. никаких практикующих «бабушкиных»-старообрядцев не было.

Изучение истории такого загадочного старообрядческого течения, каковым являлась «Бабушкина вера», продолжается. Возможно, в дальнейшем нами будут обнаружены и введены в научный оборот новые сведения, которые удастся обнаружить в архивных источниках и, не исключено, в ходе полевых изысканий. Мы также надеемся, что далее будут выявлены и новые сведения, касающиеся такого неисследованного момента, как участие «бабушкиных» и иных беспоповцев в формировании русских протестантских сообществ.

Библиографический список

1. *Варадинов И.* История Министерства Внутренних Дел. Кн. 8. Дополнительная. СПб., 1863.
2. Еще новая секта // Церковный вестник. СПб., 1877. № 4. С. 14.
3. История евангельских христиан-баптистов в СССР. Издание Всесоюзного Совета ЕХБ. М., 1989. 624 с.
4. *Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в. Новосибирск, 2006. 572 с.
5. *Симкин Л.* Бегущий в небо. Книга о подвижнике веры евангельской Иване Воронаеве. М., 2019.
6. *Степанов В.А.* Россия в огне Пятидесятницы: обзор всемирной истории Церкви, история раннего русского пятидесятничества и церкви евангельских христиан в духе апостолов (до 1929 г.). СПб., 2020. 811 с.
7. Центральный Государственный Архив Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. 54. Оп. 177. Д. 3141.
8. ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 328. Д. 39.
9. ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 357. Д. 10.
10. ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 385. Д. 62.
11. ЦГА Москвы. Ф. Р. 1215. Оп. 2. Д. 201.

Н.И. Музафарова,

доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета

**ОТНОШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
К СЕКТАНТСТВУ 1917–20-Е ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ УРАЛА)**

В статье рассматривается политика Советской власти по отношению к сектантству, получившим большое распространение на Урале в связи с лояльным отношением государства к гонимым или терпимым при самодержавии конфессиональным организациям, в частности протестантским.

Ключевые слова: Уральское сектантство, свобода вероисповеданий, баптисты, евангелисты, адвентисты.

N.I. Muzafarova,

Doctor of History Professor of the Institute for the Humanities
of the Moscow City Pedagogical University

**THE ATTITUDE OF THE SOVIET GOVERNMENT
TO SECTARIANISM 1917–20S.
(ON THE EXAMPLE OF THE URALS)**

The article discusses the policy of the Soviet government in relation to sectarianism, which has become widespread in the Urals due to the loyal attitude of the state towards confessional organizations persecuted or tolerated under the autocracy, in particular Protestant ones.

Key words: Ural sectarianism, freedom of religion, Baptists, Evangelists, Adventists.

Государственно-религиозные отношения взаимосвязаны со многими сферами общественной жизни. Опыт становления и развития государств показывает использование религии как важной структуры управления народом, совершенствования духовной культуры и социального института воздействия на массы. Смена общественных эпох адекватно отражалась на интерпретации вероучения, корректировке морально-этических норм и культовых обрядов. Это вызвало дробление религий на многочисленные конфессии, разные течения и толки. Разительные изменения по отношению к религиозным организациям произошли в России после Октябрьской революции, когда Советская власть объявила

религию пережитком буржуазного строя и поставила задачу ее искоренения. Ударной силой в борьбе с религией явилась партия большевиков, которая до прихода к власти требовала от своих членов непримиримого отношения к религиозным пережиткам, но в силу складывающихся обстоятельств после революции провозгласила свободу совести инославным верующим, лишив всех привилегий Русскую православную церковь (РПЦ). Основным документом, регулирующим положение конфессиональных организаций явился «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованный в январе 1918 г. [4, с. 597–602].

Уральский регион отличался многонациональным составом населения, адекватно наличием многочисленных конфессий. Сюда мигрировали представители гонимых и оппозиционных конфессий, в том числе старообрядческих и протестантских течений. До революции в крае насчитывалось около 400 тыс. сектантов [7, с. 22]. Сравним: в стране было 500 тыс. сектантов, а к середине 20-х гг. их стало почти 3 млн [5, л. 10]. Проведенные исследования выявили причины роста сект, что обуславливалось, лояльным отношением органов власти к конфессиям, а также поддержкой их при создании трудовых артелей, что было необходимо стране для организации производства. Вместе с тем партийные органы требовали учитывать состав общин, стараясь предупредить их участие в контрреволюционных выступлениях. Не касаясь многих сектантских течений, остановимся на более крупных протестантских общинах.

Первое время административные органы пользовались сведениями о сектантах, получаемые от РПЦ, которая старалась не допустить отход своей паствы от православия. Одним из востребованных пособий был курс лекций профессора богословия А. Куляшова, который он читал семинаристам с анализом вероучения и культовой практики. Выводы богослова заслуживают внимание по его дифференциации сект, а также описанию внутренней дисциплины и порядка ведения службы. Профессор. разделил сектантов на две группы – рационалистические и мистический, мотивируя морально-этическими установками [3, с. 11]. Вместе с тем некоторые выводы автора вызывают возражения, поскольку допускают эклектически смешения групп (так духоборы отнесен к рационалистическим, тогда как они ближе к мистическим). Обобщая материалы богослова, нужно сказать, что они дали ценные сведения как для партийных, так и православных идеологов.

Партия большевиков, периодически напоминала коммунистам и комсомольцам о внедрении в сознание людей социалистической идеологии и преодолении религиозной. В годы гражданской войны она не форсировала антирелигиозный натиск, это объяснялось попыткой

ослабить иностранную интервенцию, колчаковскую армию, «нейтролизовать» часть крестьянства и сориентировать его на хозяйственные дела созданием трудовых артелей. ЦК РКП (б) рекомендовал поддерживать трудовые артели, многие из которых были организованы сектантскими общинами. Е.М. Ярославский писал, что сектантские общины «захлестнули середняка» с его стремлениями отказаться от воинской повинности и налогов [5, л. 13]. При исследовании общин выяснилось, что лидеры сект «из бывших», подстрекали на экстремистские действия рядовых членов. В Перми на съезде евангелистов (май, 1921), официально признающих социалистические формы хозяйствования, были выявлены 12 человек, призывавших к саботажу мероприятий [2, л. 479].

С переходом к мирному социалистическому строительству большевики усилили антирелигиозную агитацию и пропаганду. Уралбюро ЦК РКП(б) в директиве партийным органам (1922) потребовал изучения сект и разработки методики по пресечению их вербовочной деятельности [6, л. 58–59]. Активисты собирали сведения о сектах, при этом нередко выявляли под видом сельхозартелей «псевдосекты». II Уральская партконференция (май, 1924), потребовала усиления бдительности и недопущения «псевдосект». Агитаторам были предоставлены методические пособия и, тезисы лекций атеистов, в частности пропагандиста И. И. Лисовского [6, л. 142–143].

Партийные и комсомольские активисты старались выяснить прозелитаризм общин, адаптационные способности. Были выявлены первые общины секты баптистов, завезенные в Пермскую губернию солдатом В. Соловьевым под воздействием жены баптистки. В России баптисты появились в 60-х гг. XIX века, с развитием индустрии и миграции протестантского населения. Адепты секты вербовали лиц разных вероисповеданий, проявляли готовность помочь в насущных делах, убеждали в правильности норм этики – отказа от курения, алкоголя, сквернословия и др. негативов. Привлекательными были назидания – трудиться, содержать в чистоте порядке дом, одежду, скот, Вовлечение новых членов считалось благородным и богоугодным делом, поэтому «братьям и сестрам» рекомендовалось работать в сфере активного общения с людьми (торговля, связь, транспорт).. Вместе с тем баптисты перенимали методы работы советских органов, к примеру, организовали «сестричества», кружки кройки и шитья, художественной самодеятельности, а главное умели создавать промысловые и сельхозартели. Пресвитеры призывали использовать научные знания на производстве и в вероучении, оппонировав коммунистам, которые, по их мнению, пытаются наукой опровергнуть религию, в то время как баптисты доказывают наличие бога, управляющего миром [6, л. 30]. Эти мысли подтверждал генеральный секретарь Всесоюзного Совета Евангельских христиан –

баптистов А.М. Бычкова. Он говорил: «Наука занимается изучением окружающего мира, она постигает тайны макромира, космоса, вселенной и микромира – строения атома и т. д. Законы природы убеждают нас верить в бога, который управляет вселенной» [1, с. 58].

Для изучения сектантства ЦК партии направил в разные регионы страны своих пропагандистов. На Урале был Б.А. Тучков, ознакомившись с положением дел, от отметил активность баптистов и евангелистов, а также близость их вероучения. При этом Тучков обратил внимание на «изобретательность» сектантов, которые открыли избы-читальни, где прихожан обучали грамоте и обращали в свою веру, Кроме того, были отмечены «агитбригады» членов общин, разъезжавшие по деревням для вербовали новых членов, «спекулируя» помощью из-за границы, (120 тыс. долларов) [5, л. 13–15]. В Ишиме, Екатеринбурге баптисты открыли молитвенные дома, собирали пожертвования для бедных. Председатель Совета баптистов И.С. Проханов и пресвитер Д.И. Перминов призывали укреплять общины, выражали сомнения в крепости советской власти [8, с. 13].

Остановимся кратко на секте евангелистов, близкой по воззрению к баптистам. В условиях воинствующего атеизма отдельные общины этих сект консолидировались для выработки стратегии и тактики выживания, более того и расширения. Возглавляли евангелистов Я.И. Жидков и ранее названный И.С. Проханов, выступавший за объединение конфессий. Евангелисты заявляли о лояльном отношении к советской власти, а на X съезде (1926) приняли решение о несении воинской службы (на хозяйственных участках) и выполнении других государственных обязанностей. Съезд отметил рост численности евангелистов с 87 общин (1909) до 2500 к 1926 г. [1, с. 13, 19] и призвал к укреплению общин и нахождению консенсуса с административными органами. Процесс сближения сектантских общин завершился объединением в 1944 г. в единую организацию – евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), возглавляемую Всесоюзным Советом ЕХБ.

Активность евангелистов достойна восхищения, притягательны пять постулатов (автор прочла их будучи на сборах общины). К ним относятся: 1) не пить, не курить; 2) содержать дом, одежду, пищу в чистоте; 3) применять агротехнические знания; 4) проводить трудовое воспитание; 5) заботиться о благоустройстве дворов, улиц. Главный – девиз «ни одного нуждающегося, – общее довольство и радость». Принцип: «От города к городу, от деревни к деревне, от человека к человеку» – имел важное значение для вербовки новых лиц, в том числе из инославных и мусульман. Автор статьи из интервью с пресвитерами и муллами (июль, 1970-е гг.) выявила попытки создания «посиделок» в тюркских селениях, однако своевременно ликвидированных благодаря бдительности местных активистов.

Не уделяя внимание большому количеству уральских сект, коснемся еще одной – адвентистов. Они также появились в середине XIX века, ее основателем считается бывший баптист Миллер. В основу учения положена идея второго пришествия И. Христа и наступления армагеддона, в результате которого в живых останутся только адвентисты. Дата наступления называлась неоднократно, в частности – 1914 г., затем Октябрьской революции и др. Значительное число из общин были настроены против советской власти, адепты отказывалась от воинской службы, выступала против обучения детей в школе, вступления в пионерскую и комсомольскую организации. Противоречия в секте привели к расколу: появились адвентисты 7-го дня заявившие о лояльном отношении к советскому государству, другие – адвентисты-реформисты до 70-х гг. оставались в оппозиции к существующему строю.

Подводя итоги беглому обзору сектантского движения, следует отметить, что рост его происходил волнообразно, в зависимости от социально-политических условий как в стране, так и мире. К примеру, в 90-е гг. XX в. резко возросла активность иеговистов, адепты которых «ловили» людей на улице, в транспорте, ходили по квартирам, заманивая в свою веру. Первоначально секта была завезена отставным штабс-капитаном Н.С. Ильиным, в районы Верхотурья, Кушвы, Туры, Нижнего Тагила. Иеговисты призывали к сопротивлению «сатанинской» (советской) власти и эту линию завуалированно продолжали вести в последующий период.

В современных условиях появились псевдонаучные, оккультные секты, не безуспешно заманивая людей в разные объединения. Богословы РПЦ и других конфессий предупреждают об опасности оказаться под влиянием идеологических противников, намеренно пытавшихся отвлечь россиян от насущных гражданских дел и обязанностей. Религия, как духовная культура, имеет в жизни людей немаловажное значение, оказывая влияние на разные слои населения. Уровень образования современного человека может освободить его от нарочитых иллюзий, «забрасываемых» представителями враждебного нам мира.

Библиографический список

1. Братский вестник 1944. № 1. Изд. ВСЕХБ.; 1966. № 6. 112 с.; 1972. № 2. 1984. № 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 390. Оп. 27. Д. 115. Л. 47–49.
3. Куляшов А. Лекции по истории и обличению сектантства как рационалистического, так и мистического. Пермь, 1913.
4. Музафарова Н.И. Конфессиональные организации в системе государственных структур первой четверти XX века (на материалах Урала) // Государ-

ство, общество, церковь в истории России XX–XXI: материалы XIX Международной научной конференции, Иваново, 25–26 марта 2020. Иваново, 2020. С. 597–602.

5. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 9. Л. 13; Д. 115, Л. 13–15.

6. Свердловский Государственный архив социально-политической истории (СГАСПИ). Ф. 1494. Оп. 1. Д. 323. Л. 58–59; Д. 251. Л. 142–143; Оп. 5. Д. 644. Л. 10, 30.

7. Уральский коммунист. 1924. ОГИЗ. № 1.

8. *Тубанов С.И.* Церковь на службе врагов революции Иваново. 1940. 130 с.

УДК 271.2

М.Н. Начапкин,

доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург)

ИВАН ИЛЬИН ОБ ОТНОШЕНИИ ЗАПАДА К РОССИИ И ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ БУДУЩЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Современная политическая ситуация, в которой оказалась Россия, открытая война коллективного Запада против нашей страны настоятельно требуют разработки и оформления в Основном законе – конституции программных основ государственной идеологии. Под идеологией следует понимать осознание нацией своих национальных задач. Русский мыслитель И.А. Ильин (1883–1954) большое внимание уделял разработке основ государственной идеологии России. По его мнению, будущее России состояло в создании одухотворенной началами Православия сильной национальной государственности. Кроме того, Ильин рассматривал в своих публикациях актуальные для современной России темы – взаимоотношения нашей страны с Западом и формирования новой, национально ориентированной элиты. Без государственной идеологии и новой элиты Россия не сможет выжить в XXI веке. В статье анализируются представления Ивана Ильина об основных положениях необходимой для России государственной идеологии. Статьи Ильина открывают возможность объективного изучения исторической пути развития России, совершенно отличного от западноевропейского пути. Размышления Ивана Александровича позволяют ответить на вопросы: в чем причины многовековой вражды Западного мира в отношении России, независимо от того, какая в ней форма правления и какой строй. В статье рассматривается позиция Ильина в отношении принципов будущего государственного устройства. Приведены взгляды современных консерваторов о принципах новой государственной идеологии.

Ключевые слова: государственная идеология, Россия, Запад, русофобия, национальный путь, элита, консерватизм, Православие.

M.N. Nachapkin,

Associate Professor, Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg)

IVAN ILYIN ON THE RELATIONSHIP OF THE WEST TO RUSSIA AND THE MAIN PROVISIONS OF THE FUTURE STATE IDEOLOGY

The current political situation in which Russia finds itself, the open war of the collective West against our country urgently require the development and formalization in the Basic Law – the constitution of the programmatic foundations of state ideology. Ideology should be understood as the nation's awareness of its national tasks. Russian thinker I.A. Ilyin (1883–1954) paid great attention to the development of the foundations of the state ideology of Russia. In his opinion, the future of Russia consisted in the creation of a strong national statehood inspired by the principles of Orthodoxy. In addition, Ilyin considered in his publications topics relevant to modern Russia – the relationship of our country with the West and the formation of a new, nationally oriented elite. Without a state ideology and a new elite, Russia will not be able to survive in the 21st century. The article analyzes Ivan Ilyin's ideas about the main provisions of the state ideology necessary for Russia. Ilyin's articles open up the possibility of an objective study of the historical path of Russia's development, which is completely different from the Western European path. Ivan Alexandrovich's reflections allow answering the questions: what are the reasons for the centuries-old hostility of the Western world towards Russia, regardless of what form of government and what system it has. The article discusses Ilyin's position regarding the principles of the future state structure. The views of modern conservatives on the principles of the new state ideology are given.

Key words: state ideology, Russia, West, Russophobia, national path, elite, conservatism, Orthodoxy.

Почти тридцать лет, с 1993 г. современной России было запрещено иметь государственную идеологию. Идеологи глобализма – З. Бжезинский, К. Шваб, Дж. Сорос и др. сделали все, что Россия не смогла подняться с колен. Однако мужество российского народа перечеркнуло их грязные планы. Как тут не вспомнить слова русского философа И.А. Ильина: «Россия не пыль и хаос. Она есть, прежде всего, великий народ, непромотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании» [2; 181]. Однако, ситуация постепенно меняется. У власти появилось понимание того, что государственная идеология России жизненно необходима. В последнее время было опубликовано несколько интересных исследований посвященных разработке новой государственной идеологии, и связанных неразрывно с этим вопросом, истории непростых ее

отношений с Западом. В книге «Империя и воля» В.В. Аверьянов, характеризуя отношения с Западом, правильно отмечает нашу беду – запаздывающую саморефлексию: «Мы, находясь в постоянной борьбе с цивилизацией Запада, запаздываем в том, чтобы осмыслить новую сложившуюся мировую ситуацию, новую ситуацию в собственной стране [1; 3]. Нашим политикам важно помнить слова И.А. Ильина, что в политике нужны трезвость и зоркость в умении распознавать врага. Важно не поддаваться сентиментальным иллюзиям. В 2017 г. Н.С. Михалковым был опубликован Манифест просвещенного консерватизма под названием «Право и Правда». Манифест провозглашает неделимую преемственность отечественной истории из пяти этапов от Святой Руси к Великой России: Киевский, Владимирский, Московский (великокняжеский и царский), Петербургский, Московский (советский). По его мнению, государственная идеология сформировалась во время образования российского централизованного государства: «Государственная идеология была неотделима от православного мирозерцания, от симфонии Царства и Священства. Вся жизнь в Церкви – вот аксиома Москвы, исторический корень того мироощущения, которое принято называть церковно-консервативным» [5; 8]. Н.С. Михалков призывает к проведению новой, суверенной внешней и внутренней политике, сохранению культурной идентичности, воспитанию патриотизма, чувства гордости и ответственности за свою родину. Он также писал о необходимости кардинального обновления кадрового состава власти с целью проведения национальной политики, укрепления ее нравственного суверенитета. Прежде всего, это должно касаться экономики и сферы образования. Необходимо выйти из всех глобалистских организаций – МВФ, ВТО. Вслед за И.А. Ильиным Н.С. Михалков призывал «... заложить фундаментальные основы правосознания у граждан, воспитать в них чувство уважения к закону, труду, земле и частной собственности» [5; 13]. Можно привести несколько идей просвещенного консерватизма, которые могут стать элементами государственной идеологии России: любовь к Родине, бережное сохранение исторических и культурных традиций, любовь к своему народу, нации, следование Божественному закону и порядку, эволюционный путь развития, формирование развитой культуры правосознания, культ семьи, национальной школы и армии. В 2016 году вышло серьезное исследование «Русская Доктрина» Института Русской цивилизации, посвященное государственной идеологии эпохи Путина [6]. Исследование А. Кобякова и М. Восканян «Социальный консерватизм» рассматривает ключевые идеи отечественного консерватизма, направленные против трех идей либерального глобализаторства: «1) против десоверенизации, когда в правовой сфере над

нормами национального государства главенствуют международные, в экономической – ключевую роль играют транснациональные корпорации...; 2) против дегуманизации, – то есть против «слома» культурных и цивилизационных основ, на которых строится само понимание человека...; 3) против создания кастового общества – когда под лозунгами защиты отдельных групп общества на деле происходит его фрагментация и атомизация..., против того, что глобализация закрепляет вопиющее имущественное неравенство на уровне целых стран и регионов, деля мир на полноценных и неполноценных» [4; 125–126]. Рассуждая о России, как отдельной стране-цивилизации, призванной стать мостом между Европой и Азией, авторы подробно объясняют причины слабости консервативной идеологии в современной Европе. Либеральная идеология эпохи постмодерна привела в Европе к саморазрушению общества, деградации человека как такового. Это проявляется в легализации в Европе однополых браков, сатанизме, уничтожении традиционной семьи, распрстранении ювенальной юстиции. Авторы делают вывод о крахе доктрины мультикультурализма. Любопытные архивные материалы о взаимоотношениях России и Запада XX веке содержатся в книге известного русского ученого В.Ю. Катасонова [3]. Он доказал, что с XIX Запад во главе с США старался навязать России систему неравноправных договоров в экономической сфере, стремясь превратить Россию в колониальный, сырьевой придаток, поставщика солдат для своих войн.

Характеризуя отношения Запада в отношении России, И.А. Ильин ссылается на книгу Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», опубликованную в 1869 году, в журнале «Заря». В 1871 году она была издана в виде книги. Н.Я. Данилевский считал краеугольным камнем западной внешней политики в отношении России на протяжении веков ничем не прикрытую русофобию. Так, ради того, чтобы помочь победить Россию в Крымской войне 1853–1856 гг., вся Европа объединилась с варварской Турцией. Европа, подчеркивал мыслитель, никогда не считала Россию своей, боялась ее колоссальной территории. Европейские правители в союзе с римскими папами, начиная с эпохи Средних веков поставили перед собой задачу расчлнить российское государство, всячески его ослабить, создать вместо единого сильного центра массу аморфных, подконтрольных Европе образований. Историк Г.В. Вернадский в работе «Два подвига Александра Невского» отмечал, что князь Александр в его историческую эпоху отчетливо осознавал, что главная опасность для сохранения Православия и своеобразия русской культуры исходила от латинства, которое было воинствующей религией и хотело уничтожить веру и душу русского народа. В то же время, историк подчеркивал положительную роль монгольских законов – Яса, покровительствующих

Православию и другим религиям. Этим объясняется подвиг смирения Александра Невского на Востоке и подвиг брани на Западе.

Запад требует от России контроля над природными ресурсами, прежде всего над Сибирью и одностороннего разоружения. И.А. Ильин был согласен с Н.Я. Данилевским о оценке западной политики: «Мы должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению» [2; 131]. Он выделил следующие причины враждебности к России Европы: незнание и непонимание русского языка, а также православной религии. Кроме того, Европа не знает нас потому «...что ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека. Западно-европейское человечество движется волей и рассудком. Русский человек живет, прежде всего, созерцанием и воображением» [2; 132]. Мыслитель также пишет о различиях в характерах россиян и западноевропейцев. Для россиян характерна доброта, совесть, искренность, доброжелательность в отношении других народов. Они не старались навязать другим народам своих культурных ценностей. Западный же человек презирает другие народы, стремится их переделать по своему подобию, или уничтожить. Западные европейцы «...понимают только то, что на них похоже... Для них русское инородно, чуждо, странно. Они считают нашу культуру ничтожной» [2; 133]. Недавние примеры действий США в Ираке, Ливии, Сирии, в отношении к России являются тому ярким подтверждением. В условиях открытого противостояния с Западом, гибридной войны слова И.А. Ильина звучат необычайно актуально. Он полагал, что целями западной политики в отношении России является ослабление военного и экономического потенциала, втягивание России в разорительные войны, поддержка сепаратизма. Философ предвидел, что любые попытки стремления России к проведению самостоятельной, суверенной политики будут вызывать на Западе неприкрытую ярость, сопровождающуюся обвинением России в реакционности, агрессивности. Еще раз можно поразиться глубине его предвидения, читая статью «Что сулит миру расчленение России». Он писал, что распад России будет катастрофой. На всей территории вспыхнут гражданские войны. Запад постарается извлечь выгоду из сложившейся ситуации, превратив территории Украины, Прибалтики, Кавказа в свои колонии, протектораты, которые станут центрами агрессивной русофобии. В настоящее время, к сожалению, мы это наблюдаем.

В эмиграции И.А. Ильин постоянно размышляя о будущем общественно-политическом устройстве России. Эти мысли отражены в его двухтомнике «Наши задачи», опубликованном в 1948–1954 гг. В государственном строительстве и идеологии Россия должна найти свой

национальный путь развития. Он полагал, что в Основном Законе, нужно написать, что Российское государство есть государство христианское и национальное, возникшее по воле Бога. Необходимо подчеркнуть историческую преемственность, неразрывную связь всех периодов русской истории, начиная с Великого Новгорода, Киева, Москвы и заканчивая Петербургом. Государство, как живой организм, являлось для И.А. Ильина священным единством народов, населяющих России, институтом, созданным на основе уважения к праву (правовой союз). И.А. Ильин не предрекал будущую форму правления, но при этом считал республиканское устройство не способным восстановить Россию. Мыслитель был сторонником единой и неделимой России. Всякое произвольное расчленение России рассматривалась им как измена. Он выступал за равенство всех граждан перед законом, законодательный запрет коррупции, превышения власти, двойного подданства (рассматривалась как измена). В конституции необходимо прописать приоритет общих ценностей (народа, нации) над индивидуальными интересами, идеи братства, солидарности, патриотизма. России необходим правый, справедливый, скорый и равный для всех суд. Большое внимание им уделялось облику государственного чиновника. Он считал, что недопустимо корыстное обогащение для людей, занимающих государственные должности. За развязывание гражданской войны И.А. Ильин предлагал ввести уголовную ответственность. В будущей России будут разрешены политические партии, за исключением противогосударственных и революционных. Но при этом, членам партий запрещалась всякая государственная служба и общественно-политическая деятельность. Бывшим коммунистам на 20 лет запрещалось участвовать в политической жизни.

Библиографический список

1. *Аверьянов В.В.* Империя и воля. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2014. 384 с.
2. *Ильин И.А.* О грядущей России. М.: Военное издательство. 1993. 368 с.
3. *Катасонов В.Ю.* Россия и Запад в XX веке. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 736 с.
4. *Кобяков А.Б., Маринэ В.* Социальный консерватизм. Выход из конфликта левых и правых. М.: Книжный мир, 2021. 448 с.
5. *Михалков Н.С.* Право и Правда. Манифест просвещенного консерватизма. М.: Эксмо 2017. 96 с.
6. *Русская доктрина / под общей редакцией А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова.* М.: Институт русской цивилизации, 2016. 1056 с.

УДК 930

К.В. Павлов,

магистр истории, Институт истории СПбГУ (Санкт-Петербург)

**КАК ИЗУЧАТЬ РУССКУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ
ПОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ? НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ
СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ
И ЛИТЕРАТУРНО-НАРРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В статье рассмотрены некоторые актуальные исследования по истории русской интеллигенции пореволюционных лет. Автор анализирует прогрессивность и новизну методологии и концепции рассматриваемых исследований и делает вывод о перспективе их развития.

Ключевые слова: интеллигенция, революция, историография, регионоведение, литературные нарративы, исследовательская методология.

K.V. Pavlov,

Master of History, Institute of History of St. Petersburg State University

**HOW TO STUDY THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA
OF THE POST-REVOLUTIONARY YEARS?
A FEW EXAMPLES OF MODERN REGIONAL STUDIES
AND LITERARY NARRATIVE STUDIES**

The article discusses some actual studies on the history of the Russian intelligentsia of the post-revolutionary years. The author analyzes the progressiveness and novelty of the methodology and concept of the studies under consideration and concludes about the prospects for their development.

Key words: intelligentsia, revolution, historiography, regional studies, literary narratives, research methodology.

История России пореволюционных лет в современной науке исследуется с различных концептуально-методологических позиций, в том числе – в контексте историко-социологической репрезентации восприятия революционных событий различными общественными группами. Одной из крупнейших социальных групп русского общества революционных лет, несмотря на незначительное представительство в политической жизни государства, являлась интеллигенция [1, с. 8–18]. Анализируя опыты рассмотрения историко-социологических проблем, связанных с русской интеллигенцией пореволюционных лет, отметим, что в отечественной исторической литературе долгое время преобладал

большевистский историографический конструкт, согласно которому, в рядах интеллигенции был предопределён раскол по революционному признаку по линиям восприятия Красного Октября [4, с. 225]. Однако для современных учёных характерны и другие подходы к восприятию социальной роли интеллигенции в революционных событиях. Рассмотрим некоторые опыты применения подобных подходов в современной историографии, типологически объединяемые в контексте культуральной истории русских революций как регионоведческие и литературно-нарративные исследования.

В современных отечественных исследованиях первого типа на подобную проблематику – регионоведческих – преимущественно рассматривались проблемы перехода интеллигентов с одной стороны политического противостояния пореволюционных лет в России на другую. Так, в подобной оптике выдержаны исследования отечественных историков Ф.Х. Соколовой [6] и В.К. Романовского [5].

В работе Соколовой осуществлён анализ линии дифференциации политической реакции интеллигенции русского Севера на борьбу большевиков с контрреволюционными силами, особенно активными в этом регионе. Исследовательница отмечает, что ключевым положением, обеспечившим, в конечном итоге, выбор интеллигенции Севера в пользу тактики сотрудничества с большевиками, стал внутренний конфликт в контрреволюционных силах на предмет видения дальнейших перспектив развития России после предполагавшейся победы над «красными» [6, с. 64–65]. Однако Соколова упоминает такой немало значимый фактор, как недовольство при сотрудничестве в деле установления советской власти – идейное или социально-политическое – ряда групп интеллигентов Севера, прежде всего – профессиональной интеллигенции, в среде которой сотрудничество с вновь устанавливавшейся большевистской властью воспринималось как сосуществование такого рода, при котором они, «...добровольно и добросовестно трудясь на профессиональной стезе, продолжали открыто проявлять недовольство политической практикой большевиков» [6, с. 63]. Исходя из подобной историографической оценки, можно утверждать, что в исследовании Соколовой большевистский конструкт трансформирован из идеи морально-этического неприятия интеллигентами – «раскольниками» большевистской власти в преимущественно неприятие социально-экономическое, в частности – профессиональное: линией раздела стала не Революция и не революционная власть как таковая, а проявления её «перегибов» в периферийной деятельности.

Романовский же, анализируя феномен попытки консолидации интеллигенции регионов русского Севера в 1921 г., отмечает, что эта

попытка не смогла быть реализована ввиду того, что к 1921 г. слишком усугубился разрыв между большевиками, как «победителями Октября», с одной стороны, и всеми остальными социальными группами, с другой [5, с. 198]. С точки зрения исследователя, большевики в период 1917–1921 гг. сумели реализовать своего рода проект «культурной пятилетки» на фоне политического кризиса в событиях пореволюционных лет, в определённом смысле, обеспечившую возможность начала проекта «пятилеток» в экономике. При этом каждый год предварительной «культурной пятилетки» обозначался интенсификацией культурного разрыва со всеми общественными прослойками, стремившимися остаться по отношению к большевизму аполитичными или тяготевшими к иным политическим направлениям в революционной борьбе [5, с. 195–196]. Соответственно, 1921 г. стал для большевиков годом обозначения разрыва со всеми, кого ранее именовали «попутчиками». При этом разрыве, по мнению Романовского, очень ярко проявился регионализм восприятия большевистского октябрьского успеха культурной элитой страны. По сути, к 1921 г. на карте строящегося советского государства появились «регионы – попутчики», чуждые построенной большевизмом революционной культуре, и «пролетарские регионы», служившие опорой для её утверждения [5, с. 196]. В этой связи, как отмечает исследователь, можно говорить о становлении противостояния в российском обществе к 1921 г. двух «национальных культур» – «культуры революционного большевизма» и «культуры остальных». Это становление, в свою очередь, обусловило параллельный независимый поиск двумя типами интеллигентских культур проекта «национального примирения» – попытки достигнуть компромисса в вопросе культурного развития русского общества. Романовский полагает, что этот поиск не увенчался успехом ни для тех, ни для других, лишь ещё больше усугубив идейный разрыв между ними, ввиду регионализма преобладания каждой из двух культурных моделей [5, с. 196–198]. Характерно, что аналогичную оценку в отношении судьбы российской интеллигенции пореволюционных лет можно встретить и в работах, далёких от регионоведческой оптики. Например, схожая идея высказана в исследовании И. Кочетковой «Миф российской интеллигенции», в котором рассмотрена история трансформаций интеллигентской общественной среды в имперской, советской и постсоветской России [9, р. 23]. Вместе с тем, Кочеткова развивает свои рассуждения в отношении нескольких поколений советской интеллигенции, утверждая, что «культура остальных» нашла своё отражение в деятельности шестидесятников и диссидентов [9, р. 49–100]. Тогда как Романовский полагает, что «культура революционного большевизма» в конечном итоге перипетий революционной борьбы

стала преобладающей для большинства регионов советской России, что определило уход идеи «культуры остальных» как таковой [5, с. 198].

Тем не менее, регионоведческие исследования культуральных проблем истории русских революций 1917 г., как отмечает, в том числе, и сама Соколова, как правило, имеют два общих недостатка: ярко выраженное социально-историческое преломление при остаточном рассмотрении литературных нарративов и игнорирование проблемы политической апатии интеллигенции в регионах России в пореволюционный период [6, с. 53]. Собственно, в работе Соколовой, анализ которой приведён выше, политическая апатия интеллигенции рассматриваемого региона – Севера России – также обозначена некоторым образом вскользь и лишь применительно к последствиям революционных событий 1917 г., а не к самим революциям как таковым [6, с. 63–64].

Касаемо рассмотрения литературных нарративов в культуральных исследованиях современных отечественных авторов по проблемам русской революционной истории, отметим, что данная оптика применяется пока не слишком интенсивно и на сравнительно малом круге источников. Причём специфика литературно-нарративной репрезентации культуральной истории революционного периода такова, что в основном подобная репрезентация осуществляется в контексте литературоведения: примером фундаментального исследования подобного рода является работа немецкого автора В. Казака [8]. В качестве примеров редких случаев применения подобной оптики именно в актуальных отечественных культурально-исторических исследованиях, следует привести статьи А.Н. Николюкина [3] и Е.М. Криволаповой [2]. По оценке Николюкина, политическая победа большевиков в результате Октября и по итогам Гражданской войны обернулась катастрофой для русской интеллигенции, ознаменовав собой вырождение её самосуди: острее и тоньше всего прочувствовали это литераторы, так же, как и всегда они умели это выразить [3, с. 83–84]. Лица же, вышедшие из интеллигентской общественной прослойки и проследовавшие по пути сотрудничества с советской властью после революционных событий 1917 г., весьма предвзято именуется исследователем как «певцы яacobинских гильотин» и «разрушители» [3, с. 85]. Однако исследование Николюкина, при значительной предвзятости, содержит в себе множественный источниковый материал литературных нарративов. В нём рассмотрены статьи и рассказы 1917–1920 гг. от таких литераторов, как М.М. Пришвин, А.И. Розанов, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, А.В. Амфитеатров и ряда других писателей и поэтов, объединяемых антибольшевистскими оценками Октября – позицией, характеризующей Николюкиным следующим образом: «Правда истории берёт верх...» [3, с. 96].

Анализ обратной проблемы произведён в статье Е.В. Криволаповой, в которой на базе записей 1917–1918 гг. из дневников И.А. Бунина и З.Н. Гиппиус обозначена задача «...составить представление о мироощущении не только авторов, но и той социальной страты, которую они представляли – в нашем случае русской интеллигенции» [2, с. 105]. Решение подобной исследовательской задачи Криволапова считает возможным на примере рассмотрения двух индивидуальных стратегий восприятия революционных событий 1917 г. русскими интеллигентами [2, с. 106]. Исследовательница позиционирует революционные дневники Бунина и Гиппиус в духе архетипов психологической рефлексии русских интеллигентов в их восприятии революций – Февральской и Октябрьской. Предполагается, что данные психологические портреты действительно явились архетипами реакции русской интеллигенции на события 1917 г. и связанных с ним дальнейших пореволюционных лет. В таком случае, рассмотрение этих архетипов, с нашей точки зрения, могло бы послужить замечательным концептуальным ресурсом для деконструкции большевистского мифа о predetermined «дифференциале», или «расколе», интеллигентов в их реакциях на революционные события в России [4, с. 225–227]. Ведь большевики, создавая свой конструкт, оперировали широким понятием интеллигенции, не выделяя в ней архетипов: известная ирония Л.Д. Троцкого о Демьяне Бедном как единственном «...пролетарии из толщи» [7, с. 89] – тому подтверждение. Однако в тексте статьи исследовательницы есть следующее утверждение, по сути, ломающее перспективу деконструкции: «Отбор одинакового фактографического материала, схожесть мироощущения авторов позволяют говорить о континуальности того пространства, в котором они пребывали» [2, с. 106]. Из этого утверждения следует, что Криволапова априорно оперирует литературными нарративами, исходящими от представителей однородной по своему восприятию революции «антипролетарской» интеллигентской прослойки – т. е. лишь одной из прослоек, или групп, на которые «дробится» русская интеллигенция в своих революционных стратегиях, согласно большевистскому конструкту. Рассмотреть неоднородную, с позиции конструируемого большевиками «раскола», среду для Бунина и Гиппиус, доказать, что её представители так же схожи в своём мироощущении после революций 1917 г. с ними, безотносительно того, «пролетарии» они или «путчики» в большевистской типологии [7, с. 89]: такова задача исследователя, разделяющего методологию и концепцию Криволаповой. Рассмотреть максимальный объём максимально же неоднородных источников по истории русской интеллигенции пореволюционных лет: такова, с нашей точки зрения, задача любого современного культурального историка революционных событий в России.

Библиографический список

1. *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.). Л.: Наука, 1988. 352 с.
2. *Криволапова Е.М.* Литературный дневник «русской смуты» 1917 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. № 4 (2). Киров, 2009. С. 105–108.
3. *Николюкин А.Н.* Русские писатели о катастрофе 1917 г. // Литературоведческий журнал. № 41. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 82–100.
4. *Павлов К.В.* К вопросу о «предопределении» формирования пролетарской и антисоветской интеллигенции в России: оценка интеллигенции в дореволюционной публицистике В. И. Ленина (1913–1914 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXI Междунар. науч. конф., Иваново, 30–31 марта 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 224–228.
5. *Романовский В.К.* 1921 год: российская интеллигенция в поисках национального примирения // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сб. материалов междунар. науч. конф. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 194–198.
6. *Соколова Ф.Х.* Расколота интеллигенция Европейского Севера России в 1918–1920 годы // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 4. С. 51–81.
7. *Троцкий Л.Д.* Доклад на совещании «О политике партии в художественной литературе», Москва, май 1924 г. // Судьбы русской интеллигенции: материалы дискуссий. 1923–1925 гг. Новосибирск: Наука, сиб. отд., 1991. С. 88–103.
8. *Kasack W.* Lexikon der russischen Literatur ab 1917. Ergänzungsband. München: Verlag Otto Sagner, 1986. 923 S.
9. *Kochetkova I.* The Myth of the Russian Intelligentsia. Old intellectuals in the new Russia. Routledge: Taylor&Francis Group, 2009. 222 p.

УДК 378.015.3

Ю.А. Полещук,

доцент, Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка

КОММУНИКАТИВНЫЕ И ОРГАНИЗАТОРСКИЕ СКЛОННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

В представленных материалах рассматриваются данные эмпирического исследования коммуникативных и организаторских склонностей, а также профессионального типа личности будущих психологов и педагогов. Отмечается проявление высокого уровня коммуникативных и организаторских склонностей у трети опрошенных. Выявлено преобладание социального и артистического типа личности, что характерно для представителей социономических профессий.

Ключевые слова: коммуникативные и организаторские склонности, профессиональная направленность, профессиональный тип личности, студенты.

Yu.A. Poleshchuk,

Associate Professor, Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank

COMMUNICATIVE AND ORGANIZATIONAL INCLINATIONS IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL ORIENTATION FUTURE SPECIALISTS OF SOCIONOMIC PROFESSIONS

The presented materials consider the data of an empirical study of communicative and organizational inclinations, as well as the professional personality type of future psychologists and teachers. There is a manifestation of a high level of communicative and organizational inclinations in a third of the respondents. The predominance of the social and artistic personality type is revealed, which is typical for representatives of socionomic professions.

Key words: communicative and organizational inclinations, professional orientation, professional personality type, students.

Современное общество предъявляет высокие требования к подготовке будущих специалистов. Успешно конкурировать на рынке труда сможет грамотный выпускник, обладающий исполнительностью, инициативностью, ответственностью за свой труд и его результаты, со сформированной профессиональной направленностью. В этой связи

профессиональный рост будущих специалистов социэкономических профессий предполагает не только овладение академическими компетенциями, но и развитие профессионально важных качеств, необходимых для конструктивного общения и проявления лидерства. Для работы в сфере «человек – человек» актуальными становится формирование и развитие коммуникативных и организаторских склонностей.

Изучение профессиональной направленности личности и такого ее компонента как коммуникативные и организаторские склонности проводилось в Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка. В исследовании приняли участие 40 студентов Института психологии и 40 студентов исторического факультета в возрасте 17–19 лет.

Коммуникативные и организаторские способности входят в число профессионально-важных качеств психологов и педагогов [4], в этой связи нами были изучены коммуникативные и организаторские склонности. Диагностика проводилась при помощи методики КОС-2 В.В. Синявского и Б.А. Федоришина, где авторы выделяют шесть уровней проявления данных склонностей: низкий уровень, ниже среднего, средний уровень, высокий, очень высокий.

Показатели коммуникативных склонностей студентов отражены в таблице 1, организаторских склонностей – в таблице 2.

Таблица 1

Выраженность коммуникативных склонностей

Уровень коммуникативных склонностей	Выраженность коммуникативных склонностей, %	
	Студенты-психологи	Студенты-педагоги
I (низкий уровень)	45	45
II (ниже среднего)	13	12
III (средний уровень)	12	7
IV (высокий)	17	8
V (очень высокий)	13	28

Максимальное проявление коммуникативных склонностей у студентов отмечается на низком уровне и составляет 45 %. Средний уровень и ниже среднего продемонстрировали 25 % студентов-психологов и 19 % студентов-педагогов. Проявление высокого и очень высокого уровня отмечено у 30 % и 36 % соответственно.

Таблица 2

Выраженность организаторских склонностей

Уровень организаторских склонностей	Выраженность организаторских склонностей, %	
	Студенты-психологи	Студенты-педагоги
I (низкий уровень)	37	37
II (ниже среднего)	20	15
III (средний уровень)	10	13
IV (высокий)	23	20
V (очень высокий)	10	15

Организаторские склонности представлены данными низкого уровня у 37 % респондентов. Средний уровень и ниже среднего продемонстрировали 30 % студентов-психологов и 28 % студентов-педагогов. Показатели очень высокого и высокого уровней выявлены у 33 % будущих психологов и у 35 % будущих педагогов.

В целом, «невысокие показатели коммуникативных и организаторских склонностей могут свидетельствовать о неустойчивости их проявления у испытуемых данной выборки. В то же время более трети опрошенных активно стремятся к деятельности, требующей проявления коммуникации и организаторских склонностей, и испытывают потребность в ней» [2, с. 139].

Для диагностики профессиональной направленности был использован опросник Дж. Голланда, позволяющий определить профессиональные типы личности.

Результаты опроса позволяют констатировать, что у будущих психологов профессиональные типы выражены следующим образом: доминируют артистический и социальный типы (каждый отмечен у 35 % опрошенных), далее следует интеллектуальный тип (15 %). Незначительно выражены предприимчивый (5 %), конвенциональный (5 %) и реалистический (5 %) типы.

Сходные данные наблюдаются у студентов-педагогов, где «доминирует артистический тип, представленный у 30 % опрошенных, далее следуют социальный (22 %), интеллектуальный (20 %), предприимчивый (15 %) типы, менее выражены конвенциональный (8 %) и реалистический (5 %) типы» [1, с. 380].

Высокая степень проявления артистического, социального и предприимчивого профессиональных типов была выявлена у студентов-педагогов в предыдущих наших исследованиях [1; 3].

При помощи критерия Манна-Уитни были обнаружены различия между показателями по выраженности у будущих психологов и педагогов

следующих профессиональных типов личности: социальный, артистичный, интеллектуальный и конвенциальный (везде $p \leq 0,05$). Между проявлением коммуникативных и организаторских склонностей различия не обнаружены.

Исходя из теории Джона Голланда, каждому профессиональному типу личности соответствует определенный тип профессиональной среды [5]. Если профессиональный тип и тип среды совпадают – это обеспечивает максимальную продуктивность трудовой деятельности человека, профессиональные успехи и достижения.

У будущих психологов и педагогов доминирующей профессиональной средой является социальная среда, для которой наиболее оптимален социальный тип личности. Также допустимыми выступают артистический и предприимчивый типы. У всех респондентов данной выборки социальный и артистический типы отмечены как наиболее выраженные. Преобладание социального типа может объясняться спецификой профессий педагогического университета, ориентированных на психолого-педагогическую деятельность. Высокие показатели выбора артистического типа могут связаны с направленностью «на определенные стороны будущей профессиональной деятельности, предполагающие ориентацию на собственные эмоции и ощущения, образность мышления, на потребность в самовыражении и самостоятельности» [3, с. 117].

Проявление социального, артистического и предприимчивого типов у студентов-психологов в сумме составляет 75 %, у студентов-педагогов – 67 %, что позволяет сделать позитивный прогноз относительно успешности будущей профессиональной деятельности. Однако следует уделить внимание развитию коммуникативных и организаторских способностей и склонностей, что позволит в будущем добиться высоких учебных и профессиональных результатов. Одним из путей реализации данного направления может выступать психологическое сопровождение обучения профессии [1; 3].

Библиографический список

1. *Полецук Ю.А.* Мотивация в структуре профессиональной направленности студентов-педагогов // Наука – образование – профессия: системный личностно-развивающий подход: сб. ст. / Психол. ин-т Рос. акад. образования; под общ. ред. Л. М. Митиной [Электронное издание]. М.: Перо, 2019. С. 379–381.
2. *Полецук Ю.А.* Компоненты профессиональной направленности студентов-педагогов // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию: сб. ст. / под ред. Л.М. Митиной. М.: Психологический институт РАО, 2021. 356 с. [Электронное издание]. С. 137–140.

3. Полещук Ю.А., Бойко С.И. Проявление профессиональных типов личности у белорусских и российских студентов // Психологическое сопровождение образовательного процесса: сб. науч. ст.: в 2 ч. / Респ. ин-т проф. образования; редкол.: О.С. Попова [и др.]. Минск, 2020. Вып. 10, ч. 2. С. 115–121.

4. Профессиограммы «Психолог», «Учитель» // 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы / Е.С. Романова. СПб.: Питер, 2003. С. 306–310, 384–388.

5. Holland J.L. Making vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments. Odessa, Fla: Psychological Assessment Resources, 1997. 303 p.

УДК 283/289

Е.А. Решетов,

аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений,
Ивановский государственный университет (Иваново)

СОВЕТСКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1918–1926 ГОДАХ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

В публикации выявлены и сгруппированы факты из ведущего печатного органа большевиков – газеты «Правда» о многостороннем взаимодействии РСФСР/СССР и Швеции в 1918–1926 годах: экономическом сотрудничестве, установлении дипломатических отношений в 1924 году, антисоветизме в действиях Стокгольма и его оборонной политике, пролетарской солидарности и спортивных связях.

Ключевые слова: РСФСР, СССР, Швеция, торговые отношения, дипломатические отношения, пролетарская солидарность, спортивные связи.

E. A. Reshetov,

Postgraduate student of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University (Ivanovo)

SOVIET-SWEDISH RELATIONS OF 1918–1926 ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER "PRAVDA"

The publication identifies and groups facts from the leading press organ of the Bolsheviks – the newspaper Pravda about the multilateral interaction of the RSFSR/USSR and Sweden in 1918–1926: economic cooperation, the establishment of diplomatic relations in 1924, anti-Sovietism in the actions of Stockholm and its defense policy, proletarian solidarity and sports ties.

Key words: RSFSR, USSR, Sweden, trade relations, diplomatic relations, proletarian solidarity, sports ties.

Советско-шведские отношения в период с 1918 по 1926 года ещё не стали предметом глубокого исследования. Частично восполнить пробел, призвано данное сообщение. В качестве источниковой базы выступает газета «Правда» – основной печатный орган большевистской партии и советского государства. Факты в настоящей статье сгруппированы по направлениям взаимодействия Москвы и Стокгольма в 1918–1926 гг. Нижняя хронологическая граница продиктована обретением «Правдой» статуса главного издания страны. Верхняя – изученностью вопроса – публикацией об освещении этой газетой советско-шведских отношений с 1927 по 1930 год [2].

Советско-шведские экономические связи. В массиве материалов газеты «Правда» о советско-шведских отношениях 1918–1926 годов преобладали сообщения об экономических связях. Первое упоминание на эту тему датируется 3 ноября 1918 года. В этот день печатный рупор большевиков писал о том, что согласно ранее заключённому контракту Швеция поставила в Советскую Россию необходимые для производства масла 22 000 сепараторов [1, № 239 от 03.11.1918, с. 2]. Однако затем данная тема практически выпала из поля зрения «Правды». Вновь к ней газета вернулась только в 1921 году. В это время правительствам Запада становилось все более очевидным, что большевики власть удержали, и что именно с ними придется вести дела. Стимулом к налаживанию связей с Москвой выступила Новая экономическая политика.

В течение 1921 года «Правда» неоднократно сообщала о попытках шведов наладить экономические отношения с РСФСР, не признавая её де-юре. В апреле газета писала, что в Стокгольме для установления торговых связей с Советской Россией образовались два консорциума, в которые вошли промышленники Швеции, Норвегии и Дании [1, № 78 от 12.04.1921, с. 2]. Первого июля 1921 года «Правда», ссылаясь на шведскую газету «Веттеборге Мандельтаднинг», сообщила, что к консорциуму присоединились все крупные фирмы Швеции. Причем в коммерческих кругах этой страны подчёркивали: если шведские промышленники хотят иметь на русском рынке хорошие перспективы, необходимо, чтобы шведская печать проявляла осторожность в освещении политики РСФСР [1, № 141 от 01.07.1921, с. 2].

В 1921 году от редакции «Правды» не ускользнул факт, что планы сотрудничества с Советской Россией поддержали шведские консерваторы. Их представители начали говорить о необходимости расширения взаимодействия с РСФСР и призвали промышленников не препятствовать этому. Позиция консерваторов объяснялась удручающим положением шведской промышленности и ростом в стране безработицы [1, № 149 от 10.07.1921, с. 2].

Позже газета «Правда» сообщала об участии Швеции в реализации плана ГОЭЛРО. В частности, строительстве Волховской ГЭС, запущенной в 1926 году. Так, «АСЕА» (Всеобщая шведская электрическая компания) поставила на стройку 6 трансформаторов, машиностроительное предприятие «Нихвист и Гольм» – 8 мощных турбин. Причем для контроля за их установкой на стройку прибыл директор завода Альгот. Он положительно отозвался о ходе работ и высказал пожелание: по окончании работ на Волховстрое принять участие в возведении Днепровской ГЭС.

Установление дипломатических отношений СССР и Швеции. Первое упоминание в «Правде» об установлении советско-шведских дипломатических отношений датируется началом 1922 года. В это время представители РСФСР и Швеции обсуждали договор о взаимодействии. «Правда» прогнозировала, что это соглашение приведёт к дипломатическому признанию Швецией РСФСР, покончит с политической и экономической изоляцией Советской России и будет подписано к середине или концу месяца. Но прогноз не оправдался. В марте проект договора был пересмотрен и принял сугубо экономический характер. То есть означал признание РСФСР де-факто, а не де-юре. Но и в таком виде в конце мая 1922 года ратификационная комиссия шведского парламента большинством голосов проект договора отклонила. По версии «Правды», на такое решение повлияло мощное противодействие соглашению со стороны шведской буржуазии и близкой к ней периодической печати [1, № 122 от 03.06.1922, с. 2].

Вновь к вопросу дипломатического признания Стокгольм и Москва вернулись в 1923 году. В мае «Правда», ссылаясь на социал-демократическую печать Швеции, утверждала, что граждане этой страны крайне заинтересованы в признании СССР и налаживании с ним торговых и иных экономических связей. Важным аргументом в поддержку этих настроений являлись договора, уже заключённые Советским Союзом с капиталистическими странами [1, № 102 от 10.05.1923, с. 2]. В качестве весомого подтверждения просоветского настроения шведов «Правда» поместила материал об интервью директора Российского коммерческого банка У. Ашберга шведской газете. В нем этот крупный шведский финансист сетовал на то, что его страна в вопросе признания СССР де-юре крайне медлительна в отличие, например, от Дании, которая сделала это и теперь имеет большие экономические выгоды. По словам У. Ашберга, даже в США понимают преимущества признания СССР и посылают в Москву свои делегации [1, № 150 от 07.07.1923, с. 2]. Отметим, что заявления шведского банкира не точны. Дания в 1923 году не имела дипломатических отношений с Советским Союзом. Подчеркнем также, Ашберг был лицом заинтересованным. Банк,

возглавляемый им, был создан при участии Москвы, а сам финансист сегодня известен как участник тайных финансовых операций большевиков. Однако публикация с его интервью выполняла важную социальную задачу – формировала у советской общественности мнение о значимом месте СССР в международных делах.

Ожидаемое в Кремле событие произошло лишь 15 марта 1924 года. В этот день, как сообщала «Правда», министр иностранных дел Швеции Б. Э. Унден в присутствии премьер-министра Э. Трюгера вручил полномочному представителю СССР Н. Осинскому (В. В. Оболенскому) ноту о дипломатическом признании Швецией Советского Союза. Тогда же Н. Осинский подписал с Левгреном советско-шведский торговый договор [1, № 62 от 16.03.1924, с. 3].

Антисоветизм в действиях Швеции и ее оборонная политика. «Правда» неоднократно сообщала о проявлениях в политике Швеции антибольшевистских / антисоветских тенденций. Весной 1918 года это издание обнародовало данные о том, что Стокгольм во время гражданской войны в Финляндии предоставил винтовки местным антисоветским силам, а после их победы обвинил РСФСР в развязывании конфликта [1, № 104 от 28.05.1918, с. 3]. В следующем году «Правда» сообщила о публикации в шведской газете «Социал Демократен» большой статьи, в которой говорилось о необходимости вооруженного вмешательства в «русские дела» (Гражданскую войну) [1, № 1 от 01.01.1919, с. 1].

Летом 1922 года на страницах «Правды» впервые появилась колонка с сообщением о попытке создания антисоветского военного союза Швеции и Финляндии [1, № 102 от 09.06.1922, с. 2]. Позже такие колонки стали регулярными. В них читатель информировался о разработке скандинавскими странами разных планов против СССР и их поддержке фактически всеми некоммунистическими партиями Швеции.

«Правда» внимательно следила за оборонной политикой других стран. В конце 1926 года газета сообщила, что в Швеции принята программа усиления военно-морских сил [1, № 299 от 25.12.1926, с. 1]. На 1928–1938 гг. на нужды ВМФ выделялось 105 400 000 крон. На эти огромные средства предполагалось построить новые броненосцы, контрминоносцы, подводные лодки и истребители, приспособленные для транспортировки мин. Суда, отслужившие предписанный срок, подлежали утилизации. Контекст сообщения «Правды» вполне очевиден – оборонная программа Швеции угрожает балансу сил в Балтийском море и, следовательно, СССР.

Акции пролетарской солидарности. «Правда» как главный идеологический орган большевиков пристально следила за рабочим движением Швеции и акциями пролетарской солидарности. Так, в начале марта 1920 года газета сообщала, что 28 февраля Совет профсоюзов

предложил отчислить 1 % месячной заработной платы своих членов шведским рабочим, пострадавшим от локаута. Акция началась 1 марта и получила название «недели сбора для помощи шведскому пролетариату». Вскоре к ней присоединились моряки берегового отряда и красноармейцы 55-й дивизии [1, № 47 от 02.03.1920, с. 2].

В июле 1920 года «Правда» поместила материал о поезде по Советской России 28 делегатов Второго конгресса III Интернационала из 11 стран, включая представителей Швеции [1, № 156 от 17.07.1920, с. 2]. Организаторы этого мероприятия преследовали несколько целей – ознакомить иностранцев с советской работой на местах и с общим состоянием РСФСР, а также провести агитационные компании. Делегаты посетили 9 городов и несколько деревень Иваново-Вознесенской, Казанской, Самарской, Саратовской, Тамбовской и других губерний. Познакомились с работой местных Советов и профсоветов. Посетили промышленные предприятия. В частности, ружейно-патронный завод в Туле. Имели возможность узнать о решении вопросов землеустройства и развития сельского хозяйства. В Саратове посетили детскую колонию. Практически везде делегаты Конгресса выступали перед собравшимися советскими гражданами. Речам выступающих «Правда» уделяла особое внимание. Согласно газете, особым подъёмом выступления иностранных делегатов Второго конгресса Коминтерна отличилось в Иваново-Вознесенске. Здесь же по их предложению все собравшиеся почтили память местных рабочих, погибших за идеалы революции.

Подобные агитационные поездки продолжались и позже. В течение 1925 году «Правда» неоднократно сообщала о нескольких визитах шведских делегаций СССР. Только в апреле этого года в Советский Союз приезжали представители шведских профсоюзов и почтово-телеграфных работников [1, № 79 от 07.04.1925, с. 4].

Спортивные связи СССР и Швеции. В 1920-е годы «Правда» некоторое внимание уделила советско-шведским спортивным связям. Здесь одним из наиболее информативных стало интервью газете К. А. Мехоношина, которого издание ошибочно повысило до председателя Исполкома Красного спортивного интернационала (КСИ, Спортинтерна). На самом деле эту должность с 1921 по 1927 год занимал Н. И. Подвойский, а К. А. Мехоношин входил в Исполком. Официально КСИ считался самостоятельной организацией, но в действительности подчинялся Коминтерну и выполнял его решения.

Мехоношин в отмеченном интервью рассказал, что Спортинтерн в 1923 году после удачного обмена спортивными делегациями с Финляндией решил отправить из СССР футбольную команду сначала в Швецию, а оттуда в Германию. Поведал он также о курьезной истории с конькобежцами Ипполитовым и Мельниковым, которые хотели

выступить в Швеции. Шведы не могли понять их статус. Мехоношин же заявил, что КСИ не выдавал конькобежцам никаких разрешений, и они выехали самовольно.

Известно, что Мехоношин поддерживал игру в шахматы и считал ее видом спорта. Поэтому смеем предположить, поспособствовал проведению в Швеции 6–7 (по другим данным 7–8) ноября 1926 года шахматного турнира Стокгольм – Ленинград. «Правда» внимательно следила за матчем, который проходил при большом стечении народа. Всего было сыграно 12 партий. Победу со счетом 12,5 : 11,5 одержали ленинградцы, и им достался главный приз – большой серебряный кубок [1, № 260 от 10.11.1926, с. 2; № 264 от 14.11.1926, с. 5]. Отметим, что данный турнир положил начало международным встречам советских шахматистов.

В заключение сделаем следующий вывод. Материалы ведущего печатного партийного органа большевиков – газеты «Правда», несмотря на идеологическую направленность издания, содержат немало интересных фактов об отношениях СССР и Швеции в 1918–1926 годах. Прежде всего, в области торговли, дипломатии и спорта.

Библиографический список

1. Правда: орган Центрального комитета и Петербургского комитета РСДРП(б); Московского комитета РКП(б) – ВКП(б), 1918–1926.
2. Решетов А. Е. Советско-шведские отношения 1927–1930 гг. по материалам газеты «Правда» // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXI Междунар. науч. конф., Иваново, 30–31 марта 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 496–501.

УДК 94 (47)

А.В. Сипейкин,

доцент, Тверской государственный университет

ИСТОРИЯ БУДДИЗМА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-Е ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Популярные в современной историографии концепции «золотого века» буддизма и «религиозного НЭПа» в советской России могут быть использованы лишь с целым рядом оговорок. Позиция буддийской Сангхи в Советской России была очень неоднозначной, «союз» между ними являлся лишь временной мерой

Ключевые слова: советская антирелигиозная политика, «золотой век» буддизма в советской России, «религиозный НЭП» в советской России.

A.V. Sipeykin,

Associated Professor of Tver State University

THE HISTORY OF BUDDHISM IN SOVIET RUSSIA IN 1920-S IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Popular in modern historiography concepts of the 'Golden Age' of Buddhism in Soviet Russia and 'Religious NEP' can be used only with precautions. The position of Buddhist communities in Soviet Russia was very ambiguous. Kind of 'union' between Buddhist Sangha and Soviet State was but temporary measure.

Key words: Soviet antireligious policy, 'golden age' of Buddhism in Soviet Russia, 'religious NEP' in Soviet Russia.

Современные исследователи истории буддизма в раннесоветский период указывают на целый ряд фактов, свидетельствующих о резком изменении положения буддистской общины в начале XX века. Причём значительная часть историков оценивает эти изменения как в основном положительные для Сангхи. В годы Гражданской войны буддизм признавался одной из религий угнетённых царизмом национальных меньшинств, поэтому отношение к нему со стороны Советской власти было несколько более доброжелательным, чем по отношению к заведомо контрреволюционному в силу своей тесной связи с царизмом православию [1, с. 59]. Доброжелательное отношение проявляло себя, например, на уровне символов, использовавшихся в советской политической культуре [4, с. 84]. Опираясь на эти данные, некоторые исследователи описывают начальный этап взаимоотношений между буддистской общиной и советской властью как «золотой век» буддизма в России [5, с. 86; 6, с. 81]. Вместе с тем другие историки говорят о «сангхе в эпоху упадка». [14, с. 347–370]. Причём столь противоречивые оценки встречаются порой в рамках одного и того же исследования, что свидетельствует о сложности тех процессов, которые протекали в духовной жизни страны. Столь неоднозначная ситуация требует от историка особой осторожности и взвешенности при её оценке.

Столь же осторожного подхода требует используемое в нарративе современных историков [4, с. 90, 119–120] понятие «религиозного НЭПа». Так, Г.Ш. Дорджиева, Ф.Л. Сеницын и И.С. Цыремпилова подчёркивают спорность утверждений о «золотом веке» буддизма и «религиозном НЭПе» [7, с. 14; 12, с. 37; 15, с. 68]. Кроме того, отдельного рассмотрения требует вопрос о том, до какой степени можно говорить о буддизме в России данного периода как едином явлении. Так, Э.П. Бакаева убедительно доказывает, что централизованного управления буддистами в период 1920-х и 1930-х годов ещё не существовало [3, с. 34–

42]. Существовали существенные различия в проведении вероисповедной политики в разных частях страны. Если для Бурятии понятие «золотого века буддизма» отчасти применимо при изучении отношений между сангхой и советской властью в начале 1920-х гг., то в Калмыкии ситуация была принципиально иной. Нарушения прав верующих буддистов Калмыкии начались ещё в годы Гражданской войны [4, с. 80] и продолжались после её завершения. Как отмечает Е. Бадмаева, резкое повышение налоговых сборов с калмыцкого буддийского духовенства, сделавшего его невыносимым для многих из них, началось ещё в начале 1920-х гг. [16, р. 45–46]. Более тяжёлая ситуация в Калмыкии привела уже в начале 1920-х гг. к резкому сокращению количества буддийских священнослужителей [19, л. 10].

Вместе с тем существует ряд фактов, которые подтверждают точку зрения о сравнительно терпимом отношении к буддизму даже на территории Калмыкии [4, с. 88]. Ф.Л. Сеницын указывает на тот факт, что для кочевых народов Бурятии и Калмыкии буддийские дацаны и хурулы оказывались единственными «оседлыми населёнными пунктами». Они «играли роль основного места социализации», центрами развития и распространения национальной культуры [11, с. 107]. Как отмечали в своих информационных документах работники ОГПУ, буддийское духовенство «до сего времени играет активную роль в жизни бурятского населения», а Бурятия «по степени развитости духовенства и суеверия масс занимает первое место в масштабе СССР» [18, л. 51–69, 82–83]. Объявлять открытую войну столь значимым для представителей национальных меньшинств социальным институтам, как буддийская Сангха было бы в тот момент нецелесообразно и преждевременно.

Как отмечают современные исследователи, существовал целый ряд факторов, начиная от внешнеполитических интересов страны, кончая особенностями советской национальной политики, которые обуславливали относительную «терпимость», проявленную по отношению к буддистам в Советском государстве в середине 1920-х гг. [12, с. 392]. При этом отказ воспринимать буддистскую общину как заведомого врага даже в данный период связан не столько с особо тёплым отношением к этой религии, сколько с ещё более настороженным отношением к «заведомо контрреволюционному» православию. Свою роль мог сыграть и тот факт, что количество буддистов в стране было сравнительно небольшим. Поэтому он воспринимался как противник менее опасный, чем, например, ислам. Как отмечает Ф.Л. Сеницын, в сформулированных Союзом воинствующих безбожников в 1928 г. основных задачах атеистической пропаганды среди национальностей, говорится в первую очередь о мусульманах, а буддисты даже не упоминаются [9, с. 154].

Исследователи отмечают, что если до 1925 года власть была настроена относительно благожелательно по отношению к буддизму [2], то с конца 1920-х гг. ситуация радикально поменялась. Как отмечают историки, наряду с коллективизацией и связанной с ней радикальной перестройкой всей жизни общества, ухудшению положения сангхи способствовал внешнеполитический фактор [10, с. 75–80]. Буддизм, наряду с католицизмом, стал рассматриваться как более «опасная» конфессия ввиду того, что духовный центр верующих находился за пределами страны, причём на территории Тибета, с которым в конце 1920-х гг. были разорваны дипломатические отношения, и на который оказывала сильное влияние Великобритания. К этому, как отмечает Ф.Л. Сеницын, следует добавить то, что российские буддисты являлись особенно «трудным элементом для советизации» ввиду того, что кочевой образ жизни делал особенно сложным осуществление контроля за ними, а буддийские монастыри играли ключевую роль в формировании бурятской и калмыцкой национальной культуры. Всё это обусловило принятие решения о полном уничтожении буддийской сангхи в советской России [12, с. 393]. А.Н. Басхаев, объясняя причины репрессий против буддийского духовенства, подчёркивает, что они «являлись преступниками уже потому, что были людьми, думающими иначе, имевшими свои морально-нравственные ценности, отличные от провозглашаемых в стране, а значит – подлежащими уничтожению» [4, с. 111]. Примерно в той же логике объясняет яростную атаку на буддийскую общину Е.Н. Бадмаева. Как считает исследователь, «тоталитарный политический режим» считал, что религиозная жизнь общества должна была быть поставлена под полный контроль власти. Но, как отмечает историк, данная цель так и не была достигнута [2].

Изменение целей советской политики в отношении буддийской Сангхи сопровождалось изменением роли советских и партийных органов в реализации советской вероисповедной политики. Как справедливо отмечает Е.Н. Бадмаева, «инициатива на религиозном фронте постепенно стала переходить в руки карательных органов». Как считает калмыцкий историк, подтверждением резкого увеличения роли органов безопасности в реализации конфессиональной политики стало прекращение работы Антирелигиозной комиссии в 1929 г. [2]. В.С. Христофоров и Ю.Н. Гусева отмечают сложности, которые вытекали из специфики работы органов безопасности. Они были связаны «с выстраиванием единой системы сбора информации» и были обусловлены недостатком квалифицированных кадров и представлением о конфессиональной политике как «второстепенной» [13, с. 152].

Как отмечает Д.Д. Намнанов, в 1925 году «по всей стране советская власть перешла к административно-репрессивной политике в

отношении религии» [8, с. 94]. Данный тезис нуждается в уточнении. Можно говорить лишь о резком изменении политики власти в отношении представителей неправославных конфессий. Российская Православная церковь уже давно подвергалась безжалостным атакам «по всем фронтам» – экономическому, административному, идеологическому и т. д. В подтверждение своего тезиса Д.Д. Намнанов приводит пример расстрела представителей буддийского духовенства без суда и следствия [8, с. 95]. Между тем, в отношении православных священников бессудные репрессии применялись уже в первые годы советской власти. Кроме того, и в отношении буддизма это утверждение верно лишь если ограничиваться анализом событий в Бурят-Монголии. В Калмыкии яростная атака на буддийскую общину, репрессии против гелюнгов и изъятие собственности хурулов начались ещё в годы гражданской войны [4, с. 79–80, 83; 17, р. 119]. Наконец, на территории Калмыкии гораздо более жёсткими были меры, направленные на борьбу с религиозностью в среде советско-партийной элиты. Так, уже с 1923 г. в Калмыкии стали исключать из партии даже за присутствие при проведении религиозных обрядов [2].

Библиографический список

1. *Амоголонова Д.Д.* Буддизм и политическая идентичность бурят в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 198.
2. *Бадмаева Е.Н.* Религиозная политика советского государства в период НЭПа: на примере Калмыцкой автономной области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 9.
3. *Бакаева Э.П.* Репрессии против духовенства: о закрытии высшей профессиональной школы Чойра в Калмыкии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (12).
4. *Басхаев А.Н.* Буддийская церковь Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007.
5. *Бухарин М.Д.* К истории изучения буддийского искусства в СССР в 1920-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2022. 1 (11).
6. *Дамдинов А.В.* Агван Доржиев в обновленческом движении бурятского буддийского духовенства // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997.
7. *Дорджиева Г.Ш.* Репрессированное духовенство Калмыкии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014.
8. *Намнанов Д.Д.* Уроки истории уничтожения дацанов и лишения прав граждан на свободу вероисповедания (на примере Чесанского дацана) // Современный учёный. 2017. № 2.
9. *Синицын Ф.Л.* Антибуддийская деятельность Союза воинствующих безбожников (1925–1941) // Информационная безопасность регионов. 2012. № 1 (10).
10. *Синицын Ф.Л.* «Буддийский фактор» в советско-китайских отношениях (1925–1945 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. материалы III Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.В. Буяров. 2013.

11. *Синицын Ф.Л.* Искусство поражать и устрашать. Советская политика по отношению к буддийской культуре (1925–1946) // Родина. 2012. № 2.
12. *Синицын Ф.Л.* «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: изд-е А.А. Терентьева, 2013.
13. *Христофоров В.С., Гусева Ю.Н.* Монголо-буддийские сюжеты в «восточной» работе советских спецслужб в 1922–1934 гг. // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова: сб. науч. статей / отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Курас. Иркутск: Отгиск, 2020.
14. *Цыремпилов Н.* Сангха в период упадка. Реакции российских буддистов на Русскую революцию и Гражданскую войну // Государство. Религия. Церковь. № 1/2 (37). 2019.
15. *Цыремпилова И.С.* Обновленческое движение в буддизме на территории этнической Бурятии как социокультурное явление в 1920-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 9.
16. *Badmaeva E.* Tax discrimination against the buddhist clergy in Kalmykia (1923–1931) // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). P. 45–46.
17. *Badmaeva E.* The accelerated “settlement of the religious question” by the Bolshevik party and soviet state apparatus in Kalmykia (1917–1924) // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53).
18. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 4. Д. 162.
19. Центральный архив Федеральной службы безопасности России. Ф. 2. Оп. 5. Д. 331.

УДК 93/94

И.А. Суздальцева,

доцент, Дагестанский государственный педагогический университет
(Махачкала)

М.С. Шихамиров,

студент 2 курса магистратуры, Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала)

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1930-Е ГОДЫ

В 1930-х гг. произошла перестройка исторической науки и историческо-го образования в СССР. Авторы статьи обратили внимание на причины изменения общей концепции школы и представили основные мероприятия, направленные на становление советской системы исторического образования: возвращение курсов отечественной и всеобщей истории в школах и вузах, подготовка и переподготовка учителей истории, создание новых учебников и т. д.

Ключевые слова: учебные программы, патриотическое воспитание, исторические факультеты, кафедра, учебники, А.В. Шестаков.

I.A. Suzdaltseva,

Associate Professor, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala)

M.S. Shikhamirov,

2nd year master's student, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala)

FORMATION OF THE SOVIET SYSTEM OF HISTORICAL EDUCATION IN THE 1930S

In the 1930s there was a restructuring of historical science and historical education in the USSR. The authors of the article drew attention to the reasons for changing the general concept of the school and presented the main measures aimed at the formation of the Soviet system of historical education: the return of national and general history courses in schools and universities, the training and retraining of history teachers, the creation of new textbooks, etc.

Key words: curricula, patriotic education, departments of history, department, textbooks, A.V. Shestakov.

1930-е гг. – это сложный период в истории нашей страны, который неоднозначно оценивается учеными и общественно-политическими деятелями. Изменения партийно-правительственной политики в СССР середины – второй половины 1930-х гг. привели к перестройке исторической науки и исторического образования. В результате были определены задачи исследования советских историков и задан вектор развития исторического образования в СССР, поставлена проблема подготовки специалистов и создания новых учебников по истории.

К началу 1930-х гг. историческое образование в СССР переживало трудный период. С установлением и укреплением советской власти в нашей стране изменилась общая концепция школы. Система исторического образования дореволюционной России не отвечала запросам новой идеологии, поэтому на первых этапах становления советской власти речь шла не о её модернизации, а о праве её на существование.

Еще в 1920-е гг. история как отдельный предмет была исключена из учебных программ. Её заменили обществоведческим курсом, в котором имелись лишь отдельные элементы курса истории с идеологическим отбором фактов и их марксистским освещением. Однако, партийное и государственное руководство осознало, что с изучением отечественной истории тесно связано патриотическое воспитание. В стране началась полемика о месте истории в образовании, о ее роли в воспитании молодежи, о связи истории с актуальными задачами совре-

менности. Спор о взаимоотношениях истории и современности был разрешен в пользу первой.

В начале 1930-х гг. делались попытки ввести элементы истории в школьное преподавание обществоведения, однако учащиеся не смогли успешно осваивать новый учебный курс без систематических знаний отечественной и зарубежной истории. В результате, в СССР развернули масштабную кампанию по реформированию системы исторического образования.

В мае 1934 г. вышло постановление Центрального комитета ВКП (б) и совета народных комиссаров СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [6]. История восстанавливалась как самостоятельный предмет, в учебные программы возвращались курсы отечественной и всеобщей истории, был введен систематический исторический курс в школах и вузах, утверждается линейный принцип исторического образования, увеличивалось количество часов, отводимых на изучение истории в школах, и т. д. [7, с. 54]. С принятием постановления ЦК ВКП (б) от 1934 г. начался новый этап в развитии советского исторического образования [3].

Летом 1934 г. нарком просвещения РСФСР подписал постановление «О переподготовке учителей по истории неполных средних и средних школ», при МГУ были открыты одногодичные курсы усовершенствования учителей истории. В 1936 г. начали открываться курсы повышения квалификации для преподавателей истории в средних школах [1, с. 80].

Восстановление исторического образования в школах вызвало необходимость в подготовке учителей истории. В 1934 г. было возобновлено преподавание истории в высшей школе, восстановлены исторические факультеты в МГУ и ЛГУ (затем в других университетах и пединститутах), открыты новые кафедры и расширена система аспирантуры. Из аспирантуры выпускались высококвалифицированные специалисты для научной работы и преподавания истории в вузах. В середине 1930-х гг. была устранена социальная дискриминация при поступлении в вузы и аспирантуру, улучшена организация учебного процесса, восстановлены ученые степени (отменены в 1919 г.) и защита диссертаций [7, с. 173].

Высшая школа строила свою работу на основе постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», которое установило единую систему приема в вузы и организации учебного процесса, формы учебной работы (лекции и практические занятия), ввело производственную практику и обязательные экзамены, единый студенческий билет и

единую зачетную книжку. Все вузы обязывались вести научно-исследовательскую работу.

В сентябре 1938 г. Совет Народных Комиссаров СССР утвердил устав высших учебных заведений [7, с. 177]. Он признал кафедру «основной учебной организацией вуза, непосредственно осуществляющей учебно-методическую и научно-исследовательскую работу по одной или нескольким тесно связанным между собой дисциплинам» [5]. Кафедральная структура университетов во многом продолжала дореволюционные традиции. Основные курсы, читавшиеся на историческом отделении до 1917 г. (история Древнего Востока, история Древней Греции и Рима, история Западной Европы в средние века и новое время, русская история и т. д.), были разделены между кафедрами всеобщей и русской истории. Этот же принцип был положен в основу организации кафедр на восстановленных истфаках [4, с. 55].

Для школьников, студентов и преподавателей по истории нужно было подготовить соответствующие пособия. Учебники должны были соответствовать коммунистической идеологии и строиться на марксистско-ленинских методологических позициях, что предопределяло отбор соответствующих сюжетных линий: история классовой борьбы и рабочего класса, экономическая история, история социалистических учений. Создание таких учебников оказалось непростым делом. Для реализации поставленной задачи были привлечены известные историки: Н.Н. Ванаг, Б.Д. Греков, А.М. Панкратова, ученые ленинградских (В.Н. Бернадский, Л.И. Фельдман и др.) и московских исторических школ (И.И. Минц, Е.А. Мороховец и др.) [3].

В январе 1936 г. был объявлен конкурс на лучший учебник истории СССР для начальной школы. Все желающие историки и педагоги могли представить и защитить свои работы. Первые итоги были подведены 27 августа 1937 г. В результате отбора предпочтение отдали учебнику «История СССР. Краткий курс». Это был элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории, составленный коллективом авторов кафедры истории СССР Московского государственного педагогического института (МГПИ) под редакцией профессора Андрея Васильевича Шестакова. Учебник получил вторую премию, а первая не была присуждена никому. В течение следующего года его текст тщательно дорабатывался ведущими историками МГУ и ЛГУ под руководством секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Жданова, который стал основным редактором учебника [2, с. 67, 68]. Этот учебный курс, предназначенный для 3–4 классов, стал методической основой для разработки и создания в будущем учебников по истории для школ и вузов. До 1955 г. «История СССР» А.В. Шестакова неоднократно переиздавалась: 25 изданий и почти 7 млн. экземпляров [1, с. 77].

Проблемы, цели и содержание исторического образования в школе обсуждались на страницах журнала «История в средней школе», который начал издаваться в 1934 г. (позже он получил название «Преподавание истории в школе») [1, с. 78].

Огромное влияние на содержание школьных учебников истории оказал «Краткий курс истории ВКП (б)» подготовленный под руководством И.В. Сталина. Он был разработан и издан в 1938 г. под редакцией Е. Ярославского. Оценка этого учебника крайне противоречива. С одной стороны, это фактически первый крупный обобщающий труд по истории партии. С другой стороны, по мнению исследователей, его авторы подчас отходили от истины в угоду политической конъюнктуры [3]. Кроме того, курс вышел за рамки истории ВКП (б) и на долгое время стал стандартом изложения отечественной истории XIX–XX вв. В результате, в отечественной историографии закрепились сталинская концепция истории партии, которая не допускала произвольного толкования истории СССР и теоретических проблем марксизма-ленинизма [1, с. 78].

В 1939 г. были обновлены учебные программы по истории, которые действовали до середины 1950-х гг. На их основе история СССР в школе изучалась дважды: первый раз как элементарный курс в начальных классах, а второй раз – в старших классах как систематический курс. Основной формой организации учебного процесса стал урок.

Таким образом, в 1930-х гг. была проведена реформа исторического образования, которое поучило новый вектор развития. Было принято постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (1934 г.), на основании которого в советские школьные программы включили курсы отечественной и всеобщей истории, в университетах воссоздали исторические факультеты, открыли кафедры истории, расширили систему аспирантуры. В ходе конкурсного отбора был подготовлен учебник для начальной школы «История СССР. Краткий курс» (1937 г.) под редакцией профессора А.В. Шестакова. Содержание исторического образования обсуждалось на страницах печати. Однако, на его развитие значительное влияние оказал «Краткий курс истории ВКП (б)» (1938 г.), имеющий ярко выраженную идеологическую направленность.

Библиографический список

1. *Витевицкий В.П., Лавренов С.Я.* История как предмет в школах России. Часть 2. Историческое образование в СССР. // *Обозреватель.* 2016. № 8. С. 68–80.
2. *Гришаев О.В.* А.В. Шестаков – создатель школьного учебника в 1930-е годы // *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология.* 2014. № 3. С. 67–69.

3. *Гришаев О.В.* Историческая наука и образование в СССР в середине – второй половине 1930-х годов. URL: http://www.rusnauka.com/NNM_2006/Istoria/17333.doc.htm (дата обращения: 14.10.2022).

4. *Терехов А.Н.* Система исторического образования в России: специфика эволюции XX в. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 1 (17). С. 51–61.

5. Типовой устав высших учебных заведений (1938 г.). URL: <https://clck.ru/32РуJA> (дата обращения: 14.10.2022).

6. О преподавании гражданской истории в школах СССР. 15 мая 1934 г. // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/40824> (дата обращения: 31.12.2022).

7. *Хорошенкова А.В.* История государственной политики в области высшего исторического образования в СССР 20-30-х гг. XX в. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 4 (11). С. 171–178.

УДК 792(091)(470.315)

С.В. Точенов,

доцент, Ивановский государственный университет

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО И ИВАНОВСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР РЕГИНЫ ГРИНБЕРГ

В статье рассказывается о взаимном многолетнем интересе и сотрудничестве Ивановского Молодежного народного театра и его основателя – Регины Гринберг – с одним из самых ярких представителей творческой московской интеллигенции – поэтом, прозаиком, режиссёром, сценаристом, публицистом, чтецом-оратором и актёром Евгением Евтушенко. Рассматриваются вопросы, связанные с начальным этапом взаимодействия, попытками постановок спектаклей по произведениям автора, его посещениями и выступлениями в Иванове.

Ключевые слова: Ивановский молодежный народный театр, Евгений Евтушенко, Регина Гринберг.

S.V. Tochenov,

Associate Professor, Ivanovo State University

YEVGENY YEVTUSHENKO AND IVANOVO YOUTH PEOPLE'S REGINA GREENBERG THEATER

The article describes the long-term mutual interest and cooperation of the Ivanovo Youth People's Theater and its founder Regina Greenberg with one of the most prominent representatives of the creative Moscow intelligentsia – a poet, writer,

director, screenwriter, publicist, spokesman and actor Yevgeny Yevtushenko. Issues related to the initial stage of cooperation, the staging of performances based on the author's works and his visits to Ivanovo are considered in this article.

Key words: Ivanovo Youth People's Theater, Yevgeny Yevtushenko, Regina Greenberg.

Ивановский молодежный театр (1956–2005) – один из первых коллективов формации «шестидесятников» – входил в группу лидеров молодежного непрофессионального театрального движения 1960–80-х годов. Его история оригинальна и неповторима и в тоже время исчерпывающе передает перипетии формирования и деятельности нового творческого организма в условиях советской системы. Отличительной чертой функционирования театра на протяжении нескольких десятилетий была его тесная взаимосвязь с представителями московской творческой интеллигенции. На каких только столичных сценах не выступал театр, кто только не побывал на его спектаклях (в том числе и в Иванове). Олег Ефремов и Галина Волчек, Андрей Вознесенский и Булат Окуджава, Александр Галич и Александр Володин, Эрнст Неизвестный и Юрий Васильев и многие, многие другие... Одним из самых близких и любимых для коллектива театра и его руководителя представителей московской творческой элиты был известный советский поэт, прозаик, режиссёр, сценарист, публицист Евгений Евтушенко.

Ещё в 1962 году, в самом начале творческого пути молодёжного театра Регина Гринберг сразу после спектакля по Маяковскому выпустила литературный концерт на стихи Евтушенко. «Уже тогда актёры Молодёжного, предводимые режиссёром, прекрасно читали стихи. Евтушенко, что называется, зашёл, лёг на душу. Они мечтали показать свой концерт молодому автору. Пытались пригласить его через Союз писателей. Тогда не удалось. Из СП ответили, что Евтушенко находится в командировке. Тем не менее, литературный концерт много и с успехом показывали, возили на гастроли в Плес. Отдельные номера долго ещё игрались и потом во время творческих вечеров Молодёжного театра в самых разных аудиториях. Позднее большой эпизод по стихам Евтушенко включили в спектакль «Памяти друга» [1].

Литературный концерт «Евгений Евтушенко» был первым смелым шагом Р. Гринберг. До этого спектакли коллектива молодежного театра были достаточно идеологизированы, для более актуальных и злободневных постановок не было ни опыта, ни достаточного веса.

В 1964 году публике был представлен еще один литературный концерт – «Молодые современники», в основу которого были положены стихи Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Р. Рождественского и других. В рассматриваемый период у этих поэтов была огромная

популярность. Благодаря вечерам в Политехническом институте, где они выступали, поэзия превратилась из искусства, рассчитанного на индивидуальное восприятие, в искусство, способное воздействовать на массы. Гринберг обратилась к их творчеству, потому что это отвечало интересам публики с одной стороны, и ее личному интересу – с другой. Несмотря на популярность, некоторые из молодых поэтов, включая Е. Евтушенко, оказались в опале. В марте 1963 года на встрече с интеллигенцией в Кремле Хрущёв подверг их творчество разгромной критике. В этом контексте литературный концерт «Молодые современники» был уже определенным вызовом власти. «Когда афиша <...> с именами Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной и других поэтов появилась на афишных стендах города, они услышали в свой адрес возмущенное: «Заклеили весь город подонками!» Еще не затянулись следы хрущевских разборок с интеллигенцией, еще критика творчества нового поколения советских поэтов была в основном язвительно отрицательной да с политическими ярлыками. Разумеется, Регина прекрасно знала это, знала, что попадет под огонь, но тем азартнее она этим занималась. Никто, тем более здесь, в Иванове, не был для нее авторитетом в понимании и ощущении поэзии. Тогда она еще не была лично знакома с этими поэтами, но чувствовала свое родство с ними. Она ведь тоже была шестидесятницей» [2, с. 36].

На какое-то время интерес театра и его режиссера к творчеству Евтушенко отошел на задний план. Повторная попытка наладить «невидимую связь» была осуществлена уже ближе к середине 1970-х годов.

Отметим, что в то время театр постоянно корили за неразумную репертуарную политику. Но творить в угоду чиновникам и ставить «верных и проверенных» авторов Гринберг не собиралась. Нужен был компромисс. В репертуаре должны были звучать имена, не так раздражающие слух представителей местной номенклатуры. Поэт Евгений Евтушенко умел находить общий язык с властями при любом режиме и почти умещался в рамки советской культуры. Решено было «завязать дружбу» и с ним. Но ставить спектакль – дело долгое, а халтурить Гринберг не умела. Сначала решено было просто пригласить Евтушенко в Иваново.

К середине 1970-х ивановский коллектив уже занял определенное место в культурной жизни страны и был известен в театральных кругах. И на это раз Евгений Александрович согласился, в феврале 1975 года приехал в Иваново. К этому времени он уже много слышал об Ивановском молодёжном театре, знал о спектаклях по Вознесенскому и Окуджаве, поставленных Региной Гринберг и имевших большой успех. Но должного эффекта этот приезд не принес. Как раз накануне у Евтушенко вышел конфликт с московскими чиновниками, его творческий вечер в Колонном зале был отменен. И эти обстоятельства не могли быть благоприятными для Ивановского молодежного театра.

Но Гринберг никогда не жалела о приглашении, а напротив, считала эти несколько дней, проведенных поэтом в Иванове, одними из самых счастливых в своей жизни [2, с. 125]. В договоре о выступлениях так обозначалась деятельность Евтушенко: «...проведение трех творческих встреч с труппой и студией молодежного народного театра драмы и поэзии и молодежью города, проведение занятий с труппой и студией молодежного народного театра ежедневно в течение недели» [3, 07-039]. Т. е. это был целый мастер-класс, бесценный опыт работы с Евтушенко для ивановских актеров. На всех творческих вечерах был полный аншлаги. «Евтушенко провёл три больших творческих вечера, каждый раз с совершенной новой программой. Он сам говорил: «Я не повторил ни единой строчки!». С нами он был предельно открыт. Доверительная атмосфера нашего с ним общения произвела впечатление. Искренние разговоры на интересующие его и нас темы помнятся до сих пор. Так говорят только с друзьями» [1]. Р. Гринберг вспоминала: «Начинаю потихоньку приходить в себя. А был со мной солнечный удар. После трех концертов в клубе Балашова. В аналогичном состоянии 1800 зрителей (600 х 3). <...> Все жалуются на удар. Солнечный. Для всех, оказалось непривычным изобилие тепла и света («нечерноземная полоса!»). А со мной и впрямь произошло какое-то сотрясение» [3, 07-063]. В своем письме, уже после визита, Гринберг обращается к поэту: «Дорогой наш автор!», а завершает письмо и вовсе не церемонясь: «...Жду в Иванове всегда. И все наши ждут. Все целуют. Все любят и чтут» [3, 07-063].

Последствия визита Евтушенко ощущались еще долго и несколько в ином плане – ревизия облсовпрофа назвала выплату гонорара поэту «разорением профсоюзной казны» [2, с. 144].

Непродолжительный визит Евтушенко, его общение с Гринберг и актерами театра дали толчок к реализации идеи написания литературного произведения, связанного с историей Ивановского края, его революционными традициями. Поэма «Ивановские ситцы», опубликованная в № 8 ленинградского журнала «Аврора» в 1976 году фактически писалась на заказ. Идея «заказать» Евтушенко поэму на местном материале видимо возникла еще до его приезда. По крайней мере, об этом Регина Гринберг пишет Первому Секретарю Ивановского обкома В.Г. Клюеву: «В данный момент театр обратился к поэту Е. Евтушенко с просьбой написать поэму на ивановском материале, взяв за основу несколько ярких человеческих судеб (Фрунзе, Постышева, Генкиной и др). Мне думается, что задумка наша могла бы быть воплощена именно этим автором. <...> Мы постараемся сделать все возможное, чтобы увлечь автора этой идеей» [3, 01-078]. Увлечь удалось. Отдельные части поэмы, монологи появились сразу после визита в Иваново. Гринберг собиралась сделать театральную постановку по поэме Евтушенко, надеялась,

что заявленная тема будет воспринята представителями местной власти с воодушевлением. Сам Евтушенко писал, что идею написания поэмы подсказала ивановская атмосфера, дух места: «Стоя над речкой Талкой, где воздух еще наполнен гулом далеких маевек, я думал о нашей истории, о том, как из недр крестьянства родился русский рабочий, сохранивший в пролетарском чувстве вековую мудрость многострадального мужицкого опыта. Я думал о том, что корни возникновения рабочего класса, оказавшегося решающей силой во время Октябрьской революции, уходят далеко в прошлое, что они неразрывно связаны с нашим фольклором, со всей историей России» [4].

К сожалению, надежда Гринберг на продолжение работы с Евтушенко довольно быстро «умерла». Поэма не понравилась местной партийной элите. Видимо ее оценка значимости революционных традиций в развитии Ивановского края совсем не совпала с тем, что «навыдумывал» Евтушенко. Естественно после такой реакции ни о какой театральной постановке по произведениям поэта не могло быть и речи.

Еще больший негатив вызвало у ивановских властей опубликованное в декабрьском номере 1978 года той же «Авроры» стихотворение Евтушенко «Москва – Иваново». Оно рассказывало о провинции вообще, о типичном железнодорожном составе, следующим из столицы в близлежащий регион. Поэт описывал поездку в «нескором поезде», вагоны которого битком набиты людьми, которых «...зажали, как в тиски, апельсины микропористые – фрукты матушки Москвы», а также «порошок стиральный импортный, и кримплен, и колбаса». Ивановцев (и, прежде всего, руководство области) стихотворение видимо задело не только обозначенными вслух экономическими проблемами, но и тем, что Иваново было поставлено в один ряд с другими регионами Центральной России; не была взята в расчет особая история города в судьбе страны.

Реакция власти не заставила себя ждать. «Первый ответный залп по «Авроре» сделал работавший в то время Первым Секретарем Ивановского обкома КПСС В.Г. Клюев. На информационной встрече идеологического актива области 17 января 1979 года он, по позднему сообщению печати, вынес приговор, суть которого сводилась к фразе: «Осмысливать настоящие жизненные явления и измышлять их во сне – вещи разные». И, видимо, чтобы в мозгу ивановцев не возникало вредной путаницы между сном и явью, «Аврора» была изъята из всех библиотек, а ивановское радио получило команду: никаких песен на стихи Евтушенко, за исключением «Хотят ли русские войны», в эфир не пущать» [5]. Это разгромное выступление и последовавшие за ним действия вызвали, разумеется, противоположный эффект: «Аврора» вмиг стала сверхдефицитной, ее стали искать, а стихи Евтушенко переписывать,

перепечатывать на машинке, перефотографировать... Но сам Евтушенко надолго стал в Иванове невездным.

Связь Молодежного театра с поэтом полностью не прервалась. В конце 1980-х, несмотря на творческие возможности, которые дала театру «перестройка», началась кампания по выселению театра из клуба фабрики им. Балашова. Регина Гринберг со свойственной ей отвагой пыталась отстоять свои интересы. Она обращалась к своим давним знакомым из Москвы. «Изгнание театра из клуба, о котором говорится в оскорбительных выступлениях фабричной многотиражки, означает гибель театра... Третирование и травля коллектива и режиссера продолжаются. Городские инстанции безучастны. Просим экстренной помощи» – читаем в письме к Е. Евтушенко художественного совета театра [3, 04-194]. Реакцию поэта отследить не представляется возможным.

В 1996 году сгорела часть здания клуба фабрики имени Балашова, где располагался театр. Два оборудованных зрительных зала, аппаратура, инструменты, декорации и костюмы – всё, нажитое театром за почти сорок лет, в один момент было уничтожено огнём. В этот раз Евтушенко отозвался. Он уже давно жил и преподавал в Америке, но постоянно приезжал в Россию. В очередной приезд запланировал посещение Иванова. Приехал в мае 1997 года и провёл творческий вечер в поддержку молодёжного театра. Со сцены обращался к властям и меценатам с призывом спасти театр.

К сожалению, материалы архива Р. Гринберг не позволяют нам предположить, что связь Ивановского Молодежного театра и Е. Евтушенко сохранялась и после его второго визита в Иваново. Не удалось найти и следов переписки Р. Гринберг с поэтом конца 1990-х – начала 2000-х. Известно лишь, что поэт очень сожалел о смерти Гринберг в 2005 году. Р.М. Трахтенберг, когда-то работавший в театре, писал: «Евгений Евтушенко, недавно увидев меня и вспомнив, что я из Иванова, с невыразимой болью произнес: "А Регина Михайловна умерла..."» [6].

Лучшей оценкой Е. Евтушенко деятельности молодежного театра и его бессменного руководителя является следующее высказывание, сформулированное им в конце 1980-х: «Ивановский театр, действующий в крупном рабочем городе, пропагандирует в противовес эстрадным однодневкам несомненные ценности нашей поэзии. Регина Михайловна принадлежит к числу подвижников XX века, или, как выразился Вознесенский, «прорабам духа». Атмосфера в театре товарищеская, чистая, как на небольшом, но добротном корабле. И без этой атмосферы пропаганда поэзии была бы невозможна. В последнее время я стал редко замечать на сцене живые искорки неподдельной веры во что-то, а чаще всего искусственные отблески якобы существующего вдохновения. Сила этого театра – в искренности искр, светящихся в глазах» [1].

Библиографический список

1. Грек Ф. Евтушенко: «Ехал-ехал я в Иваново...». URL: <https://andrafan.ru/feliks-grek-uhodyat-romantiki-veka/>
2. Афанасьев А.И. Регина. Театр нашей молодости. Иваново. Иван. гос. ун-т, 2007.
3. Архив Р.М. Гринберг.
4. Евтушенко Е.А. От автора (К поэме «Ивановские ситцы») // Аврора. 1976. № 8. С. 7.
5. Губин Д. Ивановский самиздат // Огонек. 1988. № 24.
6. Трахтенберг Р.М. Встречи, которые не состоялись. Главы из книги воспоминаний «Бросок на Север», гл. 13. URL: http://world.lib.ru/trahtenberg_r_m/13wstrechikotoryenesostojalix.shtml

УДК 94 (471.66)

Д.В. Тумаков,

доцент, Ярославский государственный медицинский университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ 1994 ГОДА В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Анализируются оценки политических предпочтений чеченского общества, данные в конце 1994 года ведущими российскими периодическими изданиями. Используются типичные публикации, опубликованные в центральной прессе. Сделан вывод о крайней противоречивости политических предпочтений чеченцев в тот период.

Ключевые слова: Чечня, военные действия, Россия, пресса, сепаратизм, политические элиты.

D.V. Tumakov,

Associate Professor of Yaroslavl State Medical University

POLITICAL PREFERENCES OF CHECHEN SOCIETY AT THE END OF 1994 IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN PRESS

Estimates of the political preferences of Chechen society, data at the end of 1994 by leading Russian periodicals, are analyzed. Typical publications published in the central press are used. It is concluded that the political preferences of the Chechens at that time were extremely contradictory.

Key words: Chechnya, military actions, Russia, press, separatism, political elites.

Начало военной операции в Чечне в декабре 1994 года не осталось без внимания всех политических сил страны и, в силу этого, получила подробное освещение в российской периодической печати всех направлений. Средства массовой информации и политические элиты в то время уделяли пристальное внимание не только ходу боевых действий против сепаратистов или восстановлению конституционной законности в республике, но и активно интересовались политическими предпочтениями чеченского населения, чья реинтеграция в российское политико-правовое пространство и должна была стать итогом силовой операции.

Крайнюю точку зрения чеченцев в телефонной беседе с корреспондентом «Литературной газеты» вечером 19 декабря 1994 года высказал помощник «президента» самопровозглашённой Ичкерии М. Саламов. Характеризуя состояние дел на фронте, представитель сепаратистского режима в Грозном утверждал о воздушных бомбардировках Грозного и боях между российскими военными и чеченскими отрядами близ посёлка Долинский и станицы Петропавловская. Он был вынужден признать, что федеральная группировка имеет неоспоримое превосходство в самолётах и танках, но боевики пытались нивелировать его тем, что «на стороне президента (генерала Д.М. Дудаева – *Авт.*) стоит весь народ», поэтому он и его семья остаются в столице республики. Сепаратисты обещали, что «к Грозному мы войска не подпустили и не собираемся подпускать», а его падения «не допустим» и «до крайнего случая дело не дойдёт». В силу этого Саламов опровергал любые разногласия среди руководства ЧРИ [9].

Похожую точку зрения выражали в конце 1994 года и многие воевавшие в рядах сепаратистов чеченцы. Специальный корреспондент «Известий» Н. Гритчин, посетивший республику в первую неделю вооружённого противостояния, приводил свидетельства о том, что некоторые из дудаевских боевиков были настроены настолько азартно и решительно, что готовы бодрствовать в течение нескольких суток, но не покидали позиций. В беседах с журналистом чеченцы – в недавнем прошлом обычные малообразованные крестьяне – пересказывали предсказания неких религиозных авторитетов о скорой победе над Россией. Они искренне верили, что федеральная армия не способна воевать с народами Северного Кавказа, а потому скоро уйдёт, бросив всю военную технику [3]. Интересно, что последующие боевые действия за чеченскую столицу на рубеже 1994–1995 гг. только укрепили их представления об окончании военных действий: специальные корреспонденты «Московских новостей» передавали, что среди защищавших Грозный боевиков тоже царил мысль о скором перерастании чеченского

конфликта в общекавказский и крахе России как государства в результате военного поражения в нём [4].

Точка зрения о тотальном сопротивлении чеченского народа российским войскам была воспринята значительной частью центральной прессы и политической элиты. Одна из видных лидеров российского демократического движения начала 1990-х гг., независимый депутат Государственной Думы и председатель общественного Совета по социальной политике при Президенте РФ Э.А. Памфилова, в большом интервью столичной газете «Труд» охарактеризовала предполагаемый ввод федеральных войск в мятежную республику как не просто «роковую ошибку» властей, но и «настоящую трагедию» для страны. Она полагала, что российское руководство ложно понимает «патриотическую идею», пытается «заработать очки» на возможной силовой акции на Северном Кавказе и уничтожить прежние коррумпированные связи Москвы и режима сепаратистов в Грозном. Отметим также, что Памфилова не критиковала лично Б.Н. Ельцина, считая, что «ястребы» из окружения главы государства сознательно дезинформируют его о происходящем в Чечне, поскольку желают «повязать кровью» и сделать собственным заложником. Имена этих людей в интервью не звучали. Однако при этом депутат утверждала, что у власти в России осталась прежняя партийно-советская номенклатура, а потому сетовала на то, что «от демократии мало что осталось», а «официальная ложь становится нормой нашей жизни» [2].

Конкретным примером лжи, некомпетентности и безответственности Кремля, по её мнению, стало отсутствие у центральных властей «продуманной национальной политики». Э.А. Памфилова считала неверной ставку федерального руководства на грубую силу в Чечне и предупреждала о возможном начале партизанской войны после ввода туда частей МО и МВД РФ. В качестве альтернативы военному решению политик предлагала начало диалога с генералом-президентом Д.М. Дудаевым, чей авторитет в республике после неудачного похода чеченской оппозиции на Грозный 26 ноября 1994 года резко возрос. В интервью «Труду» депутат Памфилова зачитала антивоенное обращение к Президенту РФ Б.Н. Ельцину, переданное ей ранее жителями Грозного. Среди подписантов этого документа были и десятки русских семей [2].

Аналогичную точку зрения в беседе с корреспондентом того же периодического издания в перерыв заседания Государственной Думы 8 декабря 1994 года высказал известный в те годы политик, председатель Республиканской партии России В.Н. Лысенко. Он особо оговорил тот факт, что негативно относится к отставному генералу Д.М. Дудаеву, демонстративно не назвав того президентом Чечни и подчеркнув, что

«его режим принёс кучу бед России и республике». В то же время Лысенко считал, что возвращение мятежной кавказской провинции в состав страны было возможно лишь исключительно демократическими методами. Ведение диалога с правительством сепаратистов и склонение его к подписанию Федеративного договора с Центром виделось ему проявлением политического реализма со стороны последнего [13]. Оптимальным разграничением полномочий политик полагал такое, при котором к ведению федеральных властей относились бы охрана общей границы, общая денежная, транспортная и энергетическая системы, внешняя политика и оборонная сфера. Все местные проблемы должны были относиться к ведению властей Чечни [13]. Альтернативой Лысенко виделась большая война на Северном Кавказе, в вероятность которой он всё же не верил. Заметим, что так думал не только он: сам президент России Б.Н. Ельцин 13 декабря утверждал, что «большой войны на Кавказе не начнется» [11]. Тем не менее из контекста интервью В.Н. Лысенко изданию «Труд» следует, что в конце 1994 года он считал именно дудаевский режим выразителем политической воли большинства чеченцев.

Между тем в российской прессе тех дней данная точка зрения была в те дни далеко не единственной. Вскоре после ввода в Чечню федеральных сил на страницах популярного столичного еженедельника «Аргументы и факты» было опубликовано письмо анонимного российского солдата родственникам, датированное 19 декабря. Некий рядовой С. сообщал, что был переброшен самолётом военно-транспортной авиации в Моздок, откуда выдвинулся в Чечню. Из письма военнослужащего следовало, что «все дороги были забиты ревущими машинами»: в Чечню непрерывно выдвигался военный транспорт, в то время как республику оставляло гражданское население. Посты ГАИ в приграничье были укреплены бетонными блоками и мешками с песком, а наряды милиции усиливались казаками. Подразделение, в котором служил солдат, с вечера 12 декабря дислоцировалось на чеченской территории и контролировало автодорогу. Более точное место дислокации газета не раскрывала. Холод и дожди бойцы переживали в палатке, а проблем с продовольствием они не испытывали, поскольку глава местной районной администрации привёз им горячее питание из соседнего села. В целом, как утверждал С., взаимоотношения военных с гражданским населением Чечни складывались мирно, хотя в некоторых случаях солдаты лишь предупредительными выстрелами в воздух или под ноги смогли урегулировать инциденты с некими «невыдержанными молодыми людьми», бросавшимися на них с ножами [12].

На страницах печати публиковались и материалы, основанные на личном или телефонном общении российских журналистов с обычными

жителями Чеченской республики. Они также давали противоречивую картину. Например, специальный корреспондент газеты «Труд» Ф. Емченко в начале декабря 1994 года позвонил своим давним знакомым – ингушской семье Точиевых из Грозного. Его собеседники, обычные служащие из чеченской столицы Магомет и Марина, утверждали, что в городе уже третий день сохраняется спокойная обстановка и опровергли данные российских официальных источников о преследовании местного русскоязычного населения сепаратистами или тотальной мобилизации ими мужского населения Чечни [5]. Напротив, Марина Точиева говорила, что жители Грозного, независимо от национального происхождения, всегда «жили дружно» и сейчас «живём как одна семья». В то же время, с её слов, горожане боялись скорого начала военных действий, так как «бойня будет здесь страшная», поэтому женщина просила журналиста Ф. Емченко передать российским властям, что «в Чечне сами разберутся, кому быть у власти...» и не вводить войска в республику [5].

Другой крайней точкой зрения стал официальный тезис о якобы полной поддержке действий российского руководства и федеральных сил в Чечне со стороны её жителей [14, с. 598–599]. Например, журналист центрального печатного органа МО РФ газеты «Красная звезда» капитан 1 ранга А.Б. Пельц упоминал том, как жители упомянутой выше станицы Петропавловская вывели бойцов ВВ МВД РФ из-под огня дудаевцев и спрятали их в собственных домах после того, как российская бронетехника неверно сориентировалась в бою и вошла в село на выручку мотострелковому батальону [9]. В Надтеречном районе Чечни, всегда выступавшем против дудаевского режима, 6–7 декабря 1994 года прошло собрание примерно 50 старейшин местных тейпов, которые посчитали немедленный ввод федеральных войск на территорию республики благом для неё. Более того, заместитель имама района М. Абдулаев в беседе с журналистами «Известий» прямо заявил, что «во спасение чеченцев мы должны просить Ельцина о вводе войск» [6].

Данные свидетельства можно было считать частью ведения информационной войны со стороны федерального Центра, но находившиеся в конце 1994 года в подконтрольных сепаратистам районах Чечне корреспонденты российских или зарубежных периодических изданий приводили и другие пророссийские высказывания некоторых жителей. Так, в исследовании британского политолога и корреспондента издания The Times А. Ливена говорится о беседах на рынке или улицах Грозного с простыми чеченками, которые выступали за разумный компромисс мятежной республики с Центром. Одна из них, работавшая уборщицей в президентском дворце Д.М. Дудаева и не получавшая заработную плату

в течение пяти месяцев, даже ожидала прихода федеральных сил. Женщина утверждала, что «хорошо жила при российской власти», и считала, что только военные «смогут навести здесь порядок и покончить со всем этим бандитизмом» [8, с. 103–104]. Похожих взглядов в то время придерживались и многие другие жители Грозного, верившие в скоротечность боевых действий и быструю ликвидацию непризнанной Ичкерии [1, с. 143, 316].

Таким образом, политические настроения большей части чеченского общества накануне и в самом начале трагических событий 1994–1996 гг. можно охарактеризовать как крайне противоречивые. Часть из них занимала радикально сепаратистские позиции, другие явно выжидали дальнейшего развития событий, однако и федеральный Центр в конце 1994 года мог рассчитывать на содействие немалой части населения республики. При этом центральные СМИ, а вслед за ними и представители политической элиты РФ при упоминании чеченской темы чаще вели речь именно о позиции сепаратистов, что впоследствии не могло не сказаться на умонастроениях российской общественности. В результате в глазах многих россиян боевые действия в Чечне казались «войной всего чеченского народа против русского» [7].

Библиографический список

1. Гантимурова Т., Ахмедханов Б. Недорогие россияне. М., 2009. 352 с.
2. Головачёв В. Элла Памфилова: «Хочу докричаться до президента...» // Труд. 1994. 7 декабря.
3. Гритчин Н. Грозное небо // Известия. 1994. 16 декабря.
4. Емельяненко В., Ухлин Д. Записки из мёртвого города // Московские новости. 1995. 8-15 января.
5. Емченко Ф. Это голос не только Марины // Труд. 1994. 6 декабря.
6. Желудков А., Челноков А. Оппозиция до сих пор ждёт российские войска // Известия. 1994. 10 декабря.
7. Кукин А. Неженское дело – война // Караван-Рос. 1996. 15 августа.
8. Ливен А. Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война. М., 2019. 560с.
9. Мороз О. Не убивайте мирных жителей – и военнопленные останутся живы // Литературная газета. 1994. 21 декабря.
10. Пельц А. Об армейской тушёнке и о стойкости духа. Чем живут и о чём думают в окопах под Грозным российские солдаты // Красная звезда. 1994. 29 декабря.
11. Переговоры прерваны. Или отложены? // Труд. 1994. 15 декабря.
12. С., рядовой. Письмо с фронта // Аргументы и факты. 1994. № 51.
13. Соломонова О. Владимир Лысенко: «Мы вывели солдат из неволи и попали под огонь критики» // Труд. 1994. 10 декабря.

14. *Тумаков Д.В.* Начало первой чеченской войны 1994–1996 гг. в освещении российской официальной печати // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы международной научной конференции: в 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 года / под ред. С.И. Бугашева, А.С. Минина. Т. 1. СПб., 2021. С. 592–600.

УДК 929 Сталин 39+821.111:39

С.М. Усманов,

Ивановский государственный университет

СПОРНАЯ СТАЛИНИАНА БРИТАНСКОГО ИСТОРИКА

Автор выделяет основные аспекты в интерпретации личности И.В. Сталина британским историком Саймоном Себагом Монтефиоре. Подчеркивается широкий охват исследователем многих сторон жизни и деятельности советского вождя. Вместе с тем отмечаются сильные и слабые стороны исторических изысканий британского историка.

Ключевые слова: Саймон Себаг Монтефиоре, И.В. Сталин, история России.

S.M. Usmanov,

Ivanovo State University

THE CONTROVERSIAL STALIN STUDIES OF THE BRITISH HISTORIAN

The author highlights the main aspects in the interpretation of the personality of I.V. Stalin by the British historian Simon Sebag Montefiore. The researcher's broad coverage of many aspects of the life and work of the Soviet leader is emphasized. At the same time, the strengths and weaknesses of the historical research of the British historian are noted.

Key words: Simon Sebag Montefiore, I.V. Stalin, History of Russia.

Британский историк Саймон Себаг Монтефиоре хорошо известен в своей стране как автор целого ряда научных работ о Сталине. Среди них книги «Сталин. Суд Красного царя» (в переводе – «Двор Красного монарха») и «Молодой Сталин». Хотя обе книги переведены на русский язык, они почти не удостоились внимания российских историков. Тем более практически не получили откликов в России многочисленные интервью Себага Монтефиоре, в которых он популяризирует свою

версию жизни и деятельности Сталина. Как нам представляется, это не вполне разумно.

Конечно, о Сталине написано очень много – как отечественными исследователями, так и зарубежными. Наряду с фундаментальными научными трудами выпущено множество популярных работ, зачастую невысокого качества. Мы уже не упоминаем об огромном объеме публицистики о советском вожде, о чем нам в данном случае рассуждать нет никакого желания. Возможно, книги Себага Монтефиоре наши соотечественники-историки тоже воспринимают как слишком «легкую» литературу. Тем более, что они написаны как беллетризованные монографии. Однако легкость изложения материала не помешала британскому историку основательно изучить архивы (причем, и в России, и в Грузии), быть в курсе советологических изысканий не только на Западе, но и в России. Наконец, стоит признать, что Себаг Монтефиоре очень ясно и четко излагает свои соображения и выводы. Мало того, он постоянно популяризирует их в интервью и статьях для западной периодики.

Выделим основные положения «сталинианы» Саймона Себага Монтефиоре.

– Сталин был самым успешным правителем России после ... Чингис-хана.

– Вопреки утверждениям многих его противников Сталин был образованным человеком, стиль его выступлений отличался ясностью, а подчас и утонченностью.

– Вместе с тем Сталин был фанатичным большевиком и кровавым убийцей. Именно он был главным распорядителем «Большого террора».

– Сталин был человеком безусловно аморальным, но при всей своей любви к «радостям жизни» он изображал себя чуть ли не пуританином.

– Сталин имел некоторые параноидальные наклонности и постоянно опасался заговоров, но неправильно считать его сумасшедшим.

– Сталин ошибся в расчетах при подготовке войны с Германией, считая, что Гитлер нападет на СССР только весной 1942 г.

– В начале войны с Германией он принимал некомпетентные решения, но затем смог привести свою страну к победе, хотя и очень дорогой ценой.

– Скорее всего, Сталин умер не своей смертью, а был устранен своими приспешниками.

– В современной России многие забыли о страданиях, которые причинил Сталин ее народу, а потому призрак «ужасного грузина» до сих пор «не дает покоя русской душе».

Со многими из этих утверждений можно в большей или в меньшей степени согласиться. Но, конечно, Чингис-хан никогда не был правителем Руси: это его потомки смогли сделать русские княжества своими вассальными территориями. Позволительно также усомниться в изяществе сталинского стиля публичных высказываний. Во всяком случае, британский историк собрал и изложил много интересных материалов о жизни и деятельности Сталина. Особенно интересна многими новыми деталями в биографии вождя книга Себага Монтефиоре «Молодой Сталин». К тому же в научных работах и интервью британского автора видно его стремление избежать явной предвзятости по отношению к изучаемой им личности.

Тем не менее, мы усматриваем и существенные изъяны в трактовке британским историком нашей истории. Главный из них, на наш взгляд, состоит в чрезмерном отождествлении Советского Союза с Россией прежних эпох. Так что называть Сталина «красным царем» можно лишь в кавычках. А между тем Себаг Монтефиоре выводит многие черты сталинского правления из того самого прошлого, с которым, как показывает сам британский историк, сам Сталин и все большевики так упорно боролись. Это может показаться совершенно непонятным, если учесть последовательный антикоммунизм Себага Монтефиоре, обличавшего и Маркса, и Ленина, и Троцкого, и Мао Цзедуну...

Видимо, все дело в неприязни британского исследователя к самой России – как к исторической, так и к современной. Последнее прослеживается более чем определенно в оценках положения России после 24 февраля 2022 года. «Видение российского государства как империи, которого до сих придерживаются многие в России», для Себага Монтефиоре совершенно чуждо и неприемлемо. Вот почему и вся «Сталиниана» британского историка оказывается недостаточной и в значительной степени неубедительной.

УДК 323.2

Т.И. Шупенько,

доцент, Белорусский государственный педагогический университет
им. М. Танка

Е.В. Ефимович,

доцент, Белорусский государственный педагогический университет
им. М. Танка

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОДБОРА КАДРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ИЗ ЧИСЛА МОЛОДЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для привлечения на госслужбу креативных и инициативных молодых специалистов в Российской Федерации активно используются такие кадровые технологии как стажировка в государственных органах и организациях и целевое обучение. Анализ нормативных правовых документов позволяет понять механизмы их реализации.

Ключевые слова: государственная служба, кадровая политика, молодежь, стажировка, целевое обучение.

T.I. Shupenko,

Assistant Professor, Belarusian State Pedagogical University

E.V. Efimovich,

Assistant Professor, Belarusian State Pedagogical University

LEGAL REGULATION OF THE ORGANIZATION OF THE SELECTION OF STAFF FOR THE PUBLIC SERVICE FROM YOUNG CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

To attract creative and enterprising young professionals to the civil service in the Russian Federation, such personnel technologies as internships in state bodies and organizations and targeted training are actively used. Analysis of normative legal documents allows us to understand the mechanisms of their implementation.

Key words: civil service, personnel policy, youth, internship, targeted training.

Анализ опыта работы, которая проводится в Российской Федерации по повышению привлекательности государственной гражданской службы среди молодежи, свидетельствует, что для привлечения на госслужбу креативных и инициативных молодых специалистов активно используются такие кадровые технологии как стажировка в государственных органах и организациях и целевое обучение.

В Российской Федерации понятие «стажировка» определяется в зависимости от ее применения. Как инструмент реализации кадровой политики стажировка призвана решать такие задачи, как формирование кадрового резерва, привлечение молодых специалистов, помощь в адаптации молодых специалистов и др. Она может быть как оплачиваемой, так и без оплаты. Оплата стажировки регламентируется в ст. 59 Трудового кодекса Российской Федерации [1]. Конкретные условия и особенности организации стажировок устанавливаются нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, федеральных государственных органов.

Например, срок стажировки в Хабаровском крае, Республике Коми и в Амурской области составляет 12 месяцев [2]. Другая продолжительность стажировки предусматривалась Приказом от 16 марта 2015 г. № 457 «Об утверждении положений о стажерской программе и молодежном кадровом резерве Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, состава комиссии по зачислению в молодежный кадровый резерв Министерства промышленности и торговли Российской Федерации» [3]. На основании положения срок прохождения стажировки устанавливался в два месяца, а место прохождения – Министерство промышленности и торговли Российской Федерации.

Вопросы организации стажировок молодых людей в Правительстве Москвы определяются постановлением Правительства Москвы от 10 ноября 2015 г. № 740-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 31 мая 2011 г. № 241-ПП». В качестве основной цели стажировки документ закрепляет «профессиональную адаптацию «молодых граждан» в органах исполнительной власти Москвы, а также других учреждениях, относящихся к государственному сектору» [4]. В Положении также закреплены: условия отбора и требования к кандидатам, место прохождения и срок стажировки. Для участия в программе стажировки кандидатам необходимо пройти отбор, который состоит из трех этапов: заочный, очный и заключительный этап в формате деловой игры, предполагающей решение проблемных ситуаций с учетом задач, которые стоят перед Правительством Москвы. Основные требования к кандидатам: возраст не старше 30 лет; быть учащимся 3–4 курса, магистратуры или аспирантуры; иметь специальность релевантную выбранному направлению стажировки [5].

Интересен опыт Республики Коми, где с 2015 г. проводится конкурс на прохождение стажировки в органах исполнительной власти региона. Победителям конкурса представляется возможность в течение года отработать по своей профессиональной специализации в четырех органах исполнительной власти Республики Коми на условиях срочного трудового договора. Условия заключения такого договора прописаны в

Трудовом кодексе Российской Федерации. Проект реализуется на протяжении семи лет и успешно подтверждает свою эффективность: 31 из 40 первых участников проекта трудоустроены в системе государственного и муниципального управления [6].

Еще одним инструментом реализации кадровой политики который может использоваться для привлечения молодежи на государственную службу является целевое обучение. Под целевым обучением понимается обучение в соответствии с договором о целевом обучении. Договор о целевом обучении заключается между заказчиком целевого обучения и гражданином, поступающим на обучение по образовательной программе или уже обучающимся по образовательной программе. Заинтересованность работодателя в целевом обучении – получение работника определенной квалификации с обязанностью отработать определенный срок. Заинтересованность гражданина в целевом обучении – получение мер поддержки в период обучения и гарантированное трудоустройство после завершения обучения.

В Российской Федерации установлен трехуровневый механизм регламентации целевого обучения. На федеральном уровне заключение договора о целевом обучении регулируется Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ [7] и постановлением Правительства РФ от 13 октября 2020 г. № 1681 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования», которым утверждены: положение о целевом обучении; типовая форма договора о целевом обучении; правила установления квоты приема на целевое обучение за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета [8]. На региональном уровне это постановления и распоряжения региональных властей и на местном – нормативные акты конкретных учебных заведений и органов власти.

Отдельно разработан правовой механизм заключения целевого договора с последующей отработкой на госслужбе. Принято Положение о порядке заключения договора о целевом обучении между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы, утвержденное Указом Президента РФ от 20 мая 2021 г. № 301 «О подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам о целевом обучении» [9]. Положением определяется порядок заключения договора о целевом обучении между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы.

В Российской Федерации разработана методика проведения конкурсов на заключение договора о целевом обучении, которая в 2022 г. закреплена юридически постановлением Правительства РФ от 21 мая 2022 г. № 933 «Об утверждении методики проведения конкурсов на заключение договора о целевом обучении между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы» [10]. В документе установлены требования к кандидатам и порядок проведения конкурсного отбора, заключающегося в оценке конкурсной комиссией федерального государственного органа способностей и личностных качеств граждан Российской Федерации (в том числе федеральных государственных гражданских служащих), поступающих на целевое обучение. Такой правовой механизм позволяет повысить объективность и прозрачность процедуры проводимого федеральным государственным органом отбора граждан Российской Федерации, в том числе федеральных государственных гражданских служащих, при проведении конкурса на заключение договора о целевом обучении, а также создает дополнительные факторы мотивации к поступлению на гражданскую службу.

Например, в Республике Мордовия при участии Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия в 2022 г. проведен конкурс на заключение договора о целевом обучении с обязательством последующего прохождения государственной гражданской службы. По итогам конкурса с победителем был заключен договор, который предусматривает обязанность Министерства оказывать финансовую поддержку в размере 50 % академической стипендии, организовывать его практику и согласовывать тему выпускной работы, а также привлекать будущего госслужащего к участию в семинарах, конференциях и иных мероприятиях. После окончания обучения Министерство должно предоставить студенту рабочее место, а молодой специалист обязуется не менее трех лет отработать на госслужбе в Министерстве [11]. Подчеркнем, что целевое обучение с прохождением конкурсного отбора – это взаимовыгодная форма как для участников, с точки зрения поддержки и финансирования, так и для госструктур, которые получают подготовленного и замотивированного сотрудника.

Выводы. В Российской Федерации разработана трехуровневая нормативно-правовая база, на основе которой осуществляется кадровая политика, в частности такие ее инструменты как стажировка и целевое обучение. В первую очередь, механизмы реализации данных направлений регулируются федеральным законодательством на основании следующих нормативно-правовых актов: федеральные законы, указы Президента, постановления Правительства. На уровне региональных

властей – законами, распоряжениями и постановлениями субъектов федерации. Конкретные условия прохождения стажировки или заключения договора о целевом обучении регламентируются специальными положениями и постановлениями заинтересованных федеральных и муниципальных государственных органов или учреждений образования. Оплачиваемая стажировка осуществляется на основании заключения срочного трудового договора. Важно подчеркнуть, что, и в случае прохождения стажировки, и целевого обучения, кандидаты участвуют в конкурсе, методика проведения которого закреплена постановлением Правительства Российской Федерации, что повышает конкуренцию и мотивацию участников.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ: принят Государственной Думой 21 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г.: в ред. Фед. Закона от 14.07.2022 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

2. Стажировка в государственных органах Республики Коми 2019–2020 [Электронный ресурс] // Управление государственной гражданской службы Администрации Главы Республики Коми. URL: <https://ru.readko.nog.com/page/stazhirovka-v-gosudarstve№№y-orga№a-respubliki-komi-1900468>. (дата обращения: 06.06.2022).

3. Об утверждении положений о стажерской программе и молодежном кадровом резерве Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, состава комиссии по зачислению в молодежный кадровый резерв Министерства промышленности и торговли Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ Министерства промышленности и торговли РФ, 16 марта 2015 г. № 457 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

4. О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 31 мая 2011 г. № 241-ПП [Электронный ресурс]: Постановление Пр-ва Москвы, 10 нояб. 2015 г. № 740-ПП // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

5. С любовью из Москвы: Как мы ежегодно влюбляем в себя 10 000 талантов [Электронный ресурс]. URL: <http://tale.net.mos.ru/i/Nete№ships>. (дата обращения: 06.06.2022).

6. В Коми выпускников вузов приглашают на оплачиваемую стажировку в органах исполнительной власти [Электронный ресурс] // Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/news/15b20135-bfe6-ec11-afce-0a94ef943a49>. (дата обращения: 06.06.2022).

10. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. конституц. закон, 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

11. О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» (вместе с Положением о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования, Правилами установления квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета) [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ, 13 окт. 2020 г. № 1681 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

12. О подготовке кадров для федеральной государственной гражданской службы по договорам о целевом обучении [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ, 20 мая 2021 г., № 301 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

13. Об утверждении методики проведения конкурсов на заключение договора о целевом обучении между федеральным государственным органом и гражданином Российской Федерации с обязательством последующего прохождения федеральной государственной гражданской службы [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ, 21 мая 2022 г., № 933 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2022.

14. В Республике Мордовия проведен конкурс на заключение договора о целевом обучении с обязательством последующего прохождения государственной гражданской службы [Электронный ресурс] // Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/News/ae3819ba-6bf0-ec11-afee-0a94ef943a49>. (дата обращения: 06.06.2022).

Секция 3

«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО (РУБЕЖ XIX–XX ВВ. – НАЧАЛО XXI В.)»

УДК 61(091)(470.315).083

К.Е. Балдин,

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ПРОБЛЕМЫ ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ГОРОДЕ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

В Иваново-Вознесенске на рубеже XIX–XX вв. находилось несколько земских лечебных учреждений, которые обслуживали население окраин, не входивших в городскую черту. Самым крупным достижением земства стало открытие в 1910 г. иваново-вознесенской больницы и амбулатории.

Ключевые слова: земское собрание, земская управа, земская медицина, городское самоуправление, медицинская интеллигенция, эпидемическая обстановка.

K.E. Baldin,

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

PROBLEMS OF ZEMSTVO MEDICINE IN IVANOVO- VOZNESENSK (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

In Ivanovo-Voznesensk at the turn of the XIX–XX centuries there were several zemstvo medical institutions, that served the population of the outskirts, that were not part of the city. The greatest achievement of the Zemstvo was the opening in 1910 of the Ivanovo-Voznesensk hospital and outpatient clinic.

Key words: zemstvo assembly, zemstvo council, zemstvo medicine, city self-government, medical intelligentsia, epidemic situation.

Относительно деятельности земств в общественном сознании сложился определенный стереотип о том, что они решали социокультурные проблемы только в сельской местности, а в городах этим занимались городские думы и городские управы. Однако дела обстояли далеко не так однозначно и поэтому тема «земство в городе» не кажется парадоксальной. Наглядным примером социокультурной деятельности земства в урбанистической среде стало создание и функционирование

соответствующих учреждений Шуйского уездного земства в городе Иваново-Вознесенске. Динамичный рост промышленности и населения в «Русском Манчестере» повлек за собой расширение территории города, вокруг него образовались местечки и слободки. Жителями их были преимущественно рабочие, трудившиеся на местных текстильных предприятиях, и прочая городская беднота. Таким образом, наряду с землями, находившимися внутри официальной городской черты, существовал еще «большой Иваново-Вознесенск», включавший в себя вышеперечисленные селитебные территории. Поскольку они не входили в городскую черту «Русского Манчестера», то ответственность за них несла не Иваново-Вознесенская городская дума, а Шуйское уездное земство. Именно этим объясняется активная деятельность этого органа самоуправления в городе.

В 1876 году, наконец, амбулатория была открыта; ежемесячная плата за наем помещения для нее была определена в 28 р. и эта сумма стала ежегодно вноситься в расходную часть земского бюджета [2. Ф. 2. Оп. 2. Д. 646. Л. 6]. К сожалению, у нас нет сведений, где находилось это медицинское учреждение, по косвенным данным, оно находилось близко от центра города. Но о том, что она была очень скромной по размеру, свидетельствует тот факт, что шуйское земство вскоре начало поиски другого помещения, большего по площади. Впрочем, это удалось сделать не сразу. Тем не менее, земство ухитрилось разместить в 1886 г. в арендованном помещении не только амбулаторию, но и небольшой стационар на 6 коек, которые были предназначены не для хронических, а для «острых» больных, поступавших сюда с вывихами, ожогами, ранениями и другими опасными травмами. Кроме палаты с койками в арендуемом частном доме была аптека и комната для проживания фельдшера, которая предоставлялась ему от земства бесплатно, а также амбулатория. Трудно представить, что в этой крошечной лечебнице врач ежегодно принимал (по данным за конец 1890-х годов) по 6 тыс. проходящих пациентов [3, с. 24; 10, с. 101].

В 1893 г. земский стационар был все же выведен из этого помещения. Для него нашли помещение на окраине города по дороге на Шую, в нем ранее размещался холерный барак. На восьмом съезде земских врачей Владимирской губернии в докладе от Иваново-Вознесенска с энтузиазмом повествовалось о том, что, наконец, удалось отыскать отдельное помещение для земского стационара. Оно было оборудовано в здании, в котором были, как говорилось в докладе, шесть «больших и светлых комнат». Рассуждая о перспективах развития больницы, авторы доклада говорили, что здесь можно будет разместить до 30 коек, хотя для начала их было всего шесть [8, с. 22, 136].

Впрочем, со временем у земских гласных и у врачей убавился энтузиазм относительно дальнейшего расширения больницы. Хотя в 1897 г. в ней числилось 10 коек, а в 1902 году – уже 15, но это, очевидно, был пределом для того помещения, в котором она находилась. На одном из заседаний шуйского уездного земского собрания прямо отмечалось, что больница на окраине города находится «в неудовлетворительном состоянии», что она постоянно переполнена, а медицинская общественность ежегодно ставит вопрос о строительстве нового здания, но вопрос пока не удается сдвинуть с места [2. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4280. Л. 1; Оп. 2. Д. 646. Л. 7].

Одним из главных недостатков земской больницы, расположенной на окраине города, заключался в том, что в ней не было отдельного «заразного» отделения. В докладе, прозвучавшем на одном из губернских съездов врачей, состоявшемся в 1899 году, говорилось, что здесь помещения после инфекционных больных тщательно моют и один-два дня проветривают [9, с. 53]. Однако такие предосторожности не гарантировали того, что зараза не перекинется на других пациентов.

Между тем, больные с инфекционными болезнями оказывались в земской больнице довольно часто, и не только с гриппом или дизентерией. Земский врач из Иваново-Вознесенска С.Я. Дорогов в 1902 году сообщал, что сюда обратился больной, у которого были обнаружены явные признаки черной оспы. Инфекционное отделение стационара в это время было переполнено сверх меры, поэтому из-за него других больных выселять оттуда не стали. Для того, чтобы не оставить его умирать на улице, оспенного повезли на подводе за 30 верст в инфекционное отделение в Шуйскую земскую больницу. После этого случая врачи составили смету на строительство в Иваново-Вознесенске особого земского инфекционного отделения. Вместимость его планировалась медиками минимальной – по две койки в мужской и женской палатах. На строительство требовалось всего 3500 рублей. Но у земства таких денег не нашлось, и открытие инфекционного барака было отложено [4, с. X, 103–104].

Учитывая неотложный характер этой проблемы, в 1903 г. шуйское уездное собрание снова вернулось к обсуждению ее. К этому времени уездная управа экстренно наняла в Иваново-Вознесенске небольшой частный дом под заразное отделение. Узнав об этом, земские гласные решили специальное помещение для заразных не строить, а нанимать и приспособлять помещения у частных домовладельцев (и если потребуется, то не одно) [4, с. X, 103–104].

Что касается земской больницы для обычных больных, то эйфория, связанная с переездом в новое помещение на окраине города прошла довольно скоро. Оно оказалось вовсе не «большим» и не

«светлым». В 1901 году уездный врачебный совет, т. е. медицинская общественность уезда, поставил вопрос о строительстве нового здания больницы. Но этот орган являлся всего лишь совещательным, поэтому его решения вовсе не были обязательными для гласных уездного земского собрания. В 1905 году, несмотря на разгул революционной стихии, земское собрание обсудило проблемы земской медицины в Иваново-Вознесенске, в частности – строительства новой больницы. Управе было дано задание в 1904 г. составить план больницы, которая должна была стоять рядом со старым корпусом, она представила смету на 42 тыс. рублей. Гласные посчитали эту сумму чрезмерной и похоронили принятие проекта еще на один-два года. Обсуждение этого вопроса на несколько лет стало настоящей традицией в шуйском земстве. Каждый год решение откладывалось, причем каждый раз находился предлог для этого – то смета была неполной, то оказывалась слишком затратной, то отказывались от деревянного здания в пользу каменного, то возникли непредвиденные обстоятельства в виде революции. Например, собрание 1906 года вопрос о больнице в Иваново-Вознесенске в очередной раз оставило вопрос открытым, т. к. «строительство потребует много средств» [5, с. 64, 246; 6, с. XXII].

Наконец, земское собрание в самой общей форме постановило приступить к устройству больницы и просило Иваново-Вознесенскую городскую думу отвести 2 десятины (2,2 гектара) около существующей лечебницы, т. к. в это время прилегающая территория уже входила в городскую черту. Этот вопрос обсуждался на заседании Иваново-Вознесенской городской думы. Гласный Николай Геннадьевич Бурьлин заявил, что гораздо лучше будет построить земскую больницу не на юго-восточной окраине, а ближе к центру города для того, чтобы она была более доступна для рабочих всех ивановских окраин. Он предложил отвести участок своей земли площадью в десятину, а если нужно – и больше в пустоши Михеиха. Городская дума согласилась с проектом Н.Г. Бурьлина и обратилась к Шуйскому земству с предложением строить больницу на этом месте. Однако земская управа по каким-то причинам сочла предложенный совершенно бесплатно участок неудобным. 19 марта 1908 г. по просьбе земства городская дума отвела землю рядом со старой больницей и отправила план этого участка в Шую [2. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4280. Л. 1, 3, 5–6].

Только после этого, наконец, началось строительство новой больницы, рассчитанной на 30 коек. Согласно нормам, существовавшим в то время, больница должна была быть больше по размеру. Об этом свидетельствуют статистические данные, приведенные в губернской газете еще в 1906 году. Больница для мастеровых и рабочих в Иваново-Вознесенске обслуживала, как видно из ее названия, лиц наемного

труда, их было в начале XX столетия более 40 тысяч человек. Городская больница была ответственная за 15–20 тыс. пациентов, не являвшихся рабочими, но проживавших в пределах городской черты. Остальные 60–70 тыс. жителей окраин города, а также пригородных сел и деревень обслуживала земская больница, имевшая в это время (т. е. в 1906 г.) всего 15 коек. Больницы по нормам того времени строились из расчета 1 койка на тысячу человек (в крайне случае – на две тысячи). Таким образом, в новой больнице должно было быть, как минимум, 35 коек, а в лучшем – 70, при этом без учета крайне необходимого инфекционного отделения [1].

В течение двух строительных сезонов (т. е. в теплое время года) в 1909 и 1910 годах на участке на берегу Варгина оврага шли работы. Возводилось новое двухэтажное здание и одновременно капитально ремонтировалось старое, которое должно было трансформироваться в инфекционное отделение. В самом конце 1910 года, 30 декабря, новое здание больницы, рассчитанное на 40 коек, было введено в строй. Открытие больницы было значимым событием в жизни не только города, но и всего Шуйского уезда и Шуйского земства. Среди его функционеров больше всех был рад этому событию Леонтий Степанович Романов – председатель шуйской уездной земской управ и одновременно свояк ивановского фабриканта Дмитрия Геннадьевича Бурьлина. Он был одним их горячих сторонников строительства этой лечебницы и непосредственно присматривал за ходом строительных работ

Здание было обращено фасадом на Успенскую улицу, которая сейчас называется Плетневой, а на Боголюбовскую (ныне – улица Постышева) выходила своим торцом. Кроме палат в здании находились кабинет врача, операционная, перевязочная, аптека, две комнаты для служительниц (т. е. сиделок), дежурная, две буфетные для приема пищи и две ваннные комнаты. В здании была оборудована прекрасная вентиляция, что было очень важно для дезинфекции. Реально это был не только стационар, но и амбулатория, в которую вел отдельный вход. В случае крайней нужды и при соблюдении санитарных норм можно было увеличить вместимость иваново-вознесенской земской больницы до 80 и даже 90 коек [2. Ф. 2. Оп. 2. Д. 646. Л. 7]. Как уже говорилось выше, старый корпус больницы капитально отремонтировали и приспособили для инфекционного отделения. В здание вели три отдельных входа – в scarlatinное, тифозное и венерическое отделения [7, с. 2, 369].

После революции, когда были ликвидированы земские органы самоуправления, больница стала уездной, а затем городской, получив номер третий. Современное здание 3-й поликлиники было построено в 1939 г. для фельдшерско-акушерской школы, а здание стационара на

берегу Варгина оврага – в 1974 году. Сейчас в земской больнице постройки 1910 года находится детская поликлиника № 3, а в еще более старом деревянном здании земской больницы на улице Постышева находятся магазины.

В заключение отметим, что в деятельности российского земства было несколько весьма затратных поприщ – развитие медицинского обслуживания населения, его просвещение, строительство и ремонт дорог, развитие агрономии и ветеринарии в деревне. Этим объяснялось то, что многие социальные проекты удавалось реализовать не сразу. Поэтому первоначально земский стационар и амбулатория долгое время ютились в тесных и малоприспособленных помещениях. Только в 1910 г. удалось построить совершенно новое довольно просторное здание, благодаря чему удалось заметно поднять уровень медицинского обслуживания населения.

Библиографический список

1. Владимирец. 1906. 21 сентября.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
3. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания за 1886 г. Владимир, 1997.
4. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1902 года. Владимир, 1903.
5. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1905 года. Владимир, 1905.
6. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1906 года. Владимир, 1907.
7. Журналы экстренного и очередного Шуйских уездных земских собраний 1911 года. Шуя, 1911.
8. Труды восьмого губернского съезда врачей Владимирского земства. Владимир, 1896.
9. Труды девятого губернского съезда врачей Владимирского земства (1899). Владимир, 1900.
10. Четвертый губернский съезд врачей Владимирского земства. Владимир, 1886.

УДК 94(47).084.9

С.С. Беззубов,

учитель музыки, истории, обществознания,
МКОУ Старогольчихинская ООШ Вичугский район

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИЧУГСКОГО КУПЕЧЕСТВА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В дореволюционной России благотворительностью занимались как различные учреждения – земства, городские думы, казна, различные общества, церковь, так и отдельные лица. Особенно широкий размах приобрели пожертвования со стороны купечества.

Ключевые слова: благотворительность, купечество, Александр Коновалов, Иван Кокорев, Вичуга, Хреново, меценатство.

S.S. Bezzubov,

Teacher of music, history, social sciences,
MKOU Starogolchikhinskaya basic School of Vichuga District, Ivanovo Region

CHARITY OF THE MERCHANTS IN VICHUGA IN THE XIX – EARLY XX CENTURY

In pre-revolutionary Russia, both various institutions (zemstva (local governments), the city councils, the treasury, various societies, the church) and individuals were involved in charitable work. Merchants' donations became especially widespread.

Key words: charity, merchants, Alexander, Konovalov, Ivan Kokorev, Vichuga, Khrenovo, patronage.

С меценатством и благотворительностью была связана деятельность многих вичугских купцов. Их интерес к богоугодным делам, к поддержке культурных начинаний носил постоянный устойчивый характер и был не случаен. Нужно учитывать, что купцы являлись глубоко верующими людьми, а в христианстве помощь ближнему всегда высоко оценивалась. Почти все вичугские купцы были потомками старообрядцев и унаследовали от них особое отношение к богатству и предпринимательству, которое нередко признавали несправедным и греховным. Для многих представителей купечества XIX века благотворительность была практически образом жизни, чертой характера. Свою роль сыграл и тот фактор, что за участие в благотворительных и меценатских делах они получали награды, почетные звания, чины, общественное признание, и,

таким образом, повышался их социальный статус. Хотя в последнем купцы, безусловно, были заинтересованы, нельзя отрицать их желание и совершенно бескорыстно помогать нуждающимся. Свою благотворительную деятельность они афишировали далеко не всегда.

Строительством и содержанием храмов занимались многие вичугские купцы. Более десяти храмов в крае было построено на их средства. Еще 1828 году в селе Вичуга фабрикант Степан Иванович Кротов построил Сергиевскую церковь, которая существует и ныне [1]. Храмы в селах Новая Гольчиха, Тезино, Новописцово, Пешково, в Новопокровском, Батманах строились на средства вичугских купцов Морокиных, Миндовских, Разорёновых, Кокоревых, Ключниковых.

Наибольший вклад в строительство богоугодных заведений Вичугском крае внесли купцы Коноваловы. Основателем фабрик в селе Бонячки был Пётр Кузьмич Коновалов. Благодаря своему трудолюбию и усердию в 1827 году он выкупил себя и свою семью у помещика А.П. Хрущева и впоследствии стал кинешемским купцом 2-й гильдии. К концу его жизни созданное им предприятие давало работу полутора тысячам дворов, а авторитет Петра Кузьмича в крае был столь велик, что ему не раз предлагали быть головой уездного города Кинешма [10]. Его младший сын – Александр Петрович Коновалов – продолжил дело отца. К 1880 году фабрика Коноваловых в Бонячках имела семь кирпичных корпусов, в которых было постоянно занято свыше двух тысяч рабочих [10]. Именно Александр Петрович Коновалов начинает церковное строительство. В 1871 году он покупает родовую усадьбу князей Козловских на р. Волга (с. Борщевка) и благоустраивает её. К Владимирской церкви села с запада и востока были пристроены приделы во имя святых Николая Чудотворца и Сергия Радонежского [10]. А в 1880 году Александр Петрович в Бонячках строит деревянную Рождественскую церковь. Сын Александра Петровича – Иван Александрович – в 1903 году в память об отце строит Белую церковь (каменный Воскресенский храм в Бонячках) и богадельню для престарелых рабочих при ней. А последний владелец «Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном» Александр Иванович Коновалов в 1913 году расширяет Благовещенский храм в Семигорье, сделав трапезную двухэтажной, применив при этом новый в то время материал – бетон [10].

Казармы для рабочих, огромная больница, детские ясли на 160 мест, народный дом, два рабочих поселка – вот неполный перечень результатов благотворительной деятельности Коноваловых в нашем крае. Благодаря именно им, Вичуга имеет общественные здания столичного уровня.

Судьба пяти «коноваловских» храмов достаточно печальна. В советское время полностью был уничтожен деревянный Рождественский

храм в Вичуге и каменный храм в Хреново (от него остался лишь обрубок колокольни), в руины превратилась церковь в Борщовке. Разрушена была и церковь в Семигорье, правда, сейчас она восстанавливается. Свято-Воскресенский храм (Белая церковь) в Вичуге – сохранился до нашего времени, но и он, кроме утрат иконостаса и убранств, в своё время лишился шатрового завершения колокольни.

Иван Александрович Кокорев был крупнейшим Вичугским фабрикантом конца XIX начала XX века. Он успешно развивал унаследованное от своего тестя Герасима Разорёнова фабричное дело. Значительно расширил его, превратив фабрику в с. Тезино в крупнейший в регионе текстильный комбинат.

Иван Александрович оставил о себе добрую память не только как успешный Вичугский промышленник, но и как создатель величественного, Воскресенского храма.

В 1907 году семью вичугского купца Ивана Александровича Кокорева постигло великое несчастье. 30 мая его младшая дочь, Лидия 19 лет, получив тяжелые ожоги, погибла.

Тогда-то у родителей Лидии созрело решение свершить важное, и необходимое для села Тезино дело – построить новый храм в память скончавшейся дочери Лидии.

Ровно через год после кончины Лидии, 30 мая 1908 года, торжественно была совершена закладка храма. И уже через 3 года храм был построен и торжественно освящен 5 июля 1911 г.

В Воскресенском храме был реализован замысел объединения в гармоничное целое двух знаковых элементов древнерусской нации – Успенского собора и колокольни Ивана Великого Московского Кремля.

Ярким примером социально-образовательной деятельности на нашей земле послужила церковно-учительская школа в селе Хреново Вичугской волости. Именно в этой школе проходили обучение два великих ученых XX века, классик мировой экономической мысли – Николай Кондратьев, которому в 2022 году отмечалось 130 лет со дня рождения и создатель социологии Питириим Сорокин.

«Костромские епархиальные ведомости» о закладке школы писали: «22 мая 1900 года в селе Хренове состоялась торжественная закладка здания второклассной церковно-приходской школы. На закладку школы прибыли епархиальное и уездное училищное начальство, а также почетные гости» [4].

Хреновская второклассная церковно-приходская школа была каменная двухэтажная с подвальным третьим этажом. Она рассчитана на 180 учеников. Существовавшая одноклассная школа была переведена туда же. На имеющиеся при школе трёх десятинах земли были разведены сад и огород. На второй или третий год после открытия школы в ней

устроены ещё и ремесленные классы (в подвальном этаже), где дети обучались ремеслу» [4].

Вообще Иван Александрович стал попечителем школы еще в 1897 году. За короткое время его попечительства, школа значительно изменилась. Для школы, помещавшейся ранее в сторожке, было обустроено временное отдельное благоустроенное здание, которое вмещало 60–65 учеников. В карандашах, бумаге, книгах и прочих школьных принадлежностях больше недостатка не было. Появилась даже школьная библиотека, в которой обменивали книги и грамотные взрослые жители села и ближайших деревень. Для школьников ежегодно устраивалась Рождественская елка с подарками, а на праздник Пасхи дарились суконные отрезки – мальчикам на носильную пару, а девочкам на платье [5]. Все это делалось на средства попечителя школы. Законоучитель и учитель получали вознаграждение за труд также от Ивана Александровича.

30-го сентября 1902 года епископ Костромской и Галичский Пресвященнейший Виссарион торжественно осветил школу. В новом здании школы было совершено водоосвящение с молитвой перед началом учения. Затем архиерей вручил строителю школьного здания И.А. Кокореву приветственный адрес с выражением благодарности за его пожертвования и с утверждением в звании почетного попечителя училища. Иван Александрович на открытии нового учебного заведения сказал, «школа построена им для того, чтобы при помощи её возвысить церковь» [4].

Первоначально здание предназначалось только лишь для второклассной церковно-приходской школы, но благодаря И.А. Кокореву, не мало вложившего в это дело личной энергии и средств, второклассная школа была преобразована в церковно-учительскую.

Церковно-учительские школы, в отличие от второклассных, являлись педагогическими учебными заведениями и предназначались для подготовки учителей и учительниц для начальных училищ всех разрядов. В них принимались юноши и девушки в возрасте от 15 до 17 лет, сдавшие вступительные экзамены и окончившие второклассную школу или иное учебное заведение.

13 мая 1905 года состоялся первый выпуск воспитанников Хреновской церковно-учительской школы. К ним прибавилась еще группа церковно-приходских учителей, которая была совершенно новая для Костромской губернии. До этого времени в церковных школах преподавали воспитанники духовных семинарий, воспитанницы епархиальных женских училищ и гимназий, учителей же со специальной педагогической подготовкой почти не было. В адрес И.А. Кокорева от лица первых выпускников школы было сказано: «...если мы получили образование, если поднялись из среды тёмного крестьянства до степени учителей и

просветителей народных, то этим мы всецело обязаны Ивану Александровичу, как лицу, создавшему достойную для нас школу... Многие из нас учились на средства Ивана Александровича. Ему мы обязаны улучшением нашего стола в большие годовые праздники. Он же заботился о том, чтобы доставить нам здоровые и полезные развлечения, каковым является устройство катка. Он, наконец, капитально увеличил нашу школьную библиотеку и, таким образом, дал нам могучее средство к пополнению и расширению нашего образования и развития».

В России XVIII–XIX веков благотворительностью были охвачены практически все нуждающиеся в ней. Помощь оказывалась и жертвам войны - солдатам, раненым, «военно-увечным», семьям военнослужащих, недужным, престарелым. Получали ее и нищие, безграмотные, сироты, безработные, погорельцы. Значительная помощь оказывалась и морально оступившимся людям – алкоголикам, осужденным. Как правило, эта деятельность осуществлялась либо самими купцами, либо обществами благотворительности, учрежденными при них.

Библиографический список

1. *Балдин К.Е.* Вичугская сторона. Иваново. 2002.
2. *Беляев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863.
3. Известия: от Костромской духовной консистории // Костромские епархиальные ведомости. 1888. № 16.
4. Епархиальная хроника [Преосвященнейший Виссарион выехал на пароходе из Костромы для открытия в селе Хренове Кинешемского уезда церковно-учительской школы] // Костромские епархиальные ведомости. 1902. № 20.
5. Открытие Хреновской церковно-учительской школы Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. 1902.
6. Освящение закладки храма в селе Тезине Кинешемского уезда // Костромские епархиальные ведомости. 1908.
7. Освящение нового каменного храма в селе Тезине Кинешемского уезда // Костромские епархиальные ведомости. 1911. № 14.
8. *Материшев И.В.* Вичуга и окрестности. М., 2005.
9. Меценаты Русской провинции: История и современность: сборник материалов Второй научно-практической конференции, Иваново, 16 февраля 2012 г. Иваново: Издательство ИГИКМ им. Д.Г. Бурдылина, 2012.
10. Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812–1912: Краткий исторический очерк. М., 1912.

УДК 94(470.317)

А.М. Белов,

доктор исторических наук, профессор, Костромской государственной
университет (Кострома)

Д.А. Булюкин,

аспирант 3 курса, Костромской государственной университет (Кострома)

ДЕПУТАТЫ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОТ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается влияние Первой мировой войны на работу Государственной Думы Российской империи, а именно на деятельность депутатов от Костромской и Ярославской губерний в парламенте и с избирателями на местах. Автор рассматривает динамику отношения народных избранников к войне, к правительству и вклад депутатов в решение общественно-политических и экономических проблем военного времени.

Ключевые слова: IV Государственная Дума, депутаты, провинция, военное время, критика власти, динамика настроений.

A.M. Belov,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kostroma State University (Kostroma)

D.A. Bulyukin,

3rd year postgraduate student, Kostroma State University (Kostroma)

DEPUTIES OF THE IV STATE DUMA FROM KOSTROMA AND YAROSLAVL PROVINCES DURING THE WORLD WAR

The article examines the impact of the First World War on the work of the State Duma of the Russian Empire, namely on the activities of deputies from Kostroma and Yaroslavl provinces in parliament and with local voters. The author examines the dynamics of the attitude of people's deputies to the war, to the government and the contribution of deputies to solving socio-political and economic problems of wartime.

Key words: IV State Duma, deputies, province, wartime, criticism of the government, dynamics of sentiment.

Тяжелые испытания для народа и сложные внешнеполитические вызовы для России, связанные с событиями Первой мировой войны 1914–1918 гг., приходятся на период работы Государственной Думы четвертого созыва. IV Дума функционировала с ноября 1912 по февраль

1917 г. Костромская губерния была в ней представлена 7 депутатами, а Ярославская – 6 избранниками.

Костромские избиратели отдали свои голоса следующим депутатам: троим прогрессистам – Александр Иванович Коновалов, Семен Федорович Грибунин, Борис Николаевич Зузин, троим кадетам – Петр Васильевич Герасимов, крестьянин Александр Николаевич Мухин, Иван Васильевич Шулепников, а также рабочему социал-демократу Николаю Романовичу Шагову [1, с. 19]. Предпочтения ярославских избирателей были выражены следующим образом: два прогрессиста – князь Дмитрий Дмитриевич Урусов, Александр Тимофеевич Беляев, два октябриста – Николай Николаевич Тучков, Александр Михайлович Черносвитов, а также член фракции центра Александр Геннадьевич Ратьков-Рожнов и кадет Кирилл Кириллович Черносвитов [1, с. 19]. Таким образом, большинство от двух губерний получили представители Партии прогрессистов.

Парламентарии в Таврическом дворце были призваны участвовать в решении актуальных проблем общественно-политической и экономической жизни страны как на общероссийском уровне, так и в масштабе представляемых ими губерний. О степени их активности говорит работа депутатов в различных думских комиссиях. Земский деятель П.П. Герасимов трудился в комиссии по запросам. С.Ф. Грибунин работал в комиссии по военным и морским делам, комиссии по местному самоуправлению, в продовольственной и бюджетной комиссиях, а также участвовал в выработке законопроекта о печати. Б.Н. Зузин был секретарем комиссии по местному самоуправлению, проявил активность в работе комиссий по запросам, по судебным реформам. А.Н. Мухин внес вклад в работу земельной комиссии, комиссии по охоте и сельскохозяйственной комиссии. Известный предприниматель, миллионер А.И. Коновалов состоял членом комиссии по финансам, по торговле и промышленности, по рабочему вопросу. И.В. Шелепников входил в состав комиссий по народному образованию, распорядительной и о 300-летию Дома Романовых. Не отставали от костромичей и ярославские избранники: Д.Д. Урусов работал в комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов, А.Г. Ратьков-Рожнов трудился в бюджетной и финансовой комиссиях, А.Т. Беляев активно участвовал в земельной, по рабочему вопросу, по борьбе с немецким засильем комиссиях [2].

Наиболее сложным и ответственным этапом думской работы, потребовавшим от депутатов максимальных усилий, энергии, работоспособности и ответственности, стали испытания военного времени, Мировой войны. В этот период отчетливо проявились и обострились личные качества народных избранников, их отношение к правительственному

курсу, партийная и собственная заинтересованность в приближении победы.

Начало Мировой войны в 1914 г. характеризовалось патриотическим подъемом, выразившемся в поддержке власти и армии широкими народными массами. Посол Франции М. Палеолог заметил: «Русский народ не испытывал подобного патриотического подъема с 1812 года» [5, с. 58]. Солидарность с императором выразила и Государственная Дума. Депутаты занялись неотложными делами по организации и снабжению воюющей армии. Ярославец А.М. Черносвитов как предводитель дворянства Пошехонского уезда руководил всеобщей мобилизацией в своем уезде, в дальнейшем возглавил Пошехонский комитет Красного креста. Ввиду большой занятости по организации помощи фронту Черносвитов был вынужден пропускать заседания Думы, поэтому в ноябре 1916 г. сложил с себя депутатские полномочия [8, л. 14]. Костромской депутат Б.Н. Зузин, занимавший должность председателя Костромской губернской управы, в августе 1914 г. выступал в здании городской управы по вопросу об оказании помощи больным и раненым воинам. Он отмечал, что 80 процентов раненых, направляемых в центральные губернии России, составляют легкораненые, нуждающиеся в домашнем лечении. Для них, по предложению Зузина, нужно было «учредить особые пункты общежития под наблюдением врача поблизости от городов, что разгрузило бы госпиталей» [6]. Зузин настаивал на издании воззвания к населению о размещении легкораненых в частных домах. Желая выразить одобрение правительственного курса, парламентарии выразили желание переговорить лично с императором. На высочайший прием записались депутаты от Костромской губернии И.В. Шулепников, П.В. Герасимов и крестьянин А.Н. Мухин.

Однако не все разделяли мнение большинства. Интересна в этом отношении позиция Н.Р. Шагова, который с 1905 г. был членом РСДРП. В октябре 1912 г. рабочий-ткач Шагов, которого поддержали 90 тысяч костромских рабочих, был избран депутатом IV Государственной Думы [9, л. 2]. Костромской губернатор П.П. Шиловский противодействовал его избранию, зная о его политической неблагонадежности. В то же время в отчете об исходе выборов в губернии он писал министру внутренних дел, что не считает Шагова опасным для власти, что «Шагов для новой деятельности не подготовлен и интеллигентных слов произносить правильно не умеет» [4, с. 217]. В 1913–1914 гг. Н.Р. Шагов объехал фабричные районы Костромской губернии, выступал на митингах и собраниях перед рабочими, помогал местным большевистским организациям. С трибуны парламента депутат пропагандировал революционные идеи, вместе с другими депутатами-большевиками обращался с запросами к правительству с разоблачением фактов произвола властей. В мае

1914 г. забастовками были охвачены фабрики Костромы, Нерехты, Вичуги, Родников. В июне Шагов приехал в губернию для руководства забастовочным движением. Он объехал все районы забастовки и агитировал за усиление борьбы, по телефону высказывал губернатору претензии и требования рабочих. Решительность и авторитет большевика привели к ряду уступок со стороны костромских предпринимателей. В начале мировой войны Н.Р. Шагов вместе с другими депутатами-большевиками отказался голосовать за военные кредиты властям, разоблачая антинародный характер войны. Мнения депутатов-костромичей разделились: Б.Н. Зусин вместе с правыми и октябристами голосовал за лишение депутатских полномочий Шагова, А.И. Коновалов в знак протеста против такого решения покинул зал заседаний Думы: он выступал против исключения социал-демократов и заявлял о готовности отказаться от звания заместителя председателя Государственной Думы. Получив повод для репрессий в отношении социал-демократов, царское правительство в ноябре 1914 г. арестовало Шагова и всю группу депутатов-большевиков, а в феврале 1915 г. по приговору суда бывший депутат был отправлен в ссылку в Сибирь [4, с. 218].

Бывая в своих губерниях наездами, избранники отчитывались перед избирателями на заседаниях городской думы и губернских земских собраниях. 7 мая 1915 г. в Костроме обсуждался вопрос об ассигновании очередного взноса на нужды всероссийского союза городов для помощи больным и раненым. Ввиду больших расходов, в том числе на противоэпидемические меры, было принято решение ускорить сбор средств. Выступал и костромской городской голова, депутат III Думы Г.Н. Ботников, предложивший ассигновать 5 тысяч рублей и внести эти расходы в смету на 1915 г, что и было утверждено костромской городской думой. Обсуждались также и конфликты пленных немцев, проживающих в Спасо-Никольской слободе за Волгой, с местным населением. В санитарных целях в Костроме были устроены баня и прачечная для эвакуированных и раненых.

В самой Думе острые разногласия вызывали практические способы разрешения продовольственного вопроса – самого злободневного для внутреннего положения России, однако долго не получалось создать устойчивого большинства для принятия удовлетворительного решения продовольственного вопроса. В военное время депутатам приходилось выезжать в действующую армию. Так, ярославец К.К. Черносивитов в январе 1915 г. был командирован Думой на фронт с целью поиска тела погибшего в бою депутата III Думы А.М. Колубакина. Б.Н. Зусин находился на передовой в качестве уполномоченного при санитарном отряде.

Тяжелые поражения русской армии в 1915 г, ухудшение экономического положения в стране вызвали необходимость поиска причин

недостаточной подготовленности России к войне. Такой анализ был сделан депутатами в июле–августе 1915 г. Звучали обвинительные речи против военного и политического руководства страны. Депутаты отмечали недостатки военной организации; слабое командование, келейно назначаемое; игнорирование правительством предвоенных думских оценок состояния армии и особенно артиллерии; дефекты в организации тыла [3, с. 193]. Главная же причина военных неудач лежала, по общему мнению думцев, в бездействии и непрофессионализме правительственных кругов. Дума требовала привлечь к ответственности по закону виновных, независимо от их служебного положения. Депутаты отчетливо понимали, что положение на фронте и политика правительства напрямую сказываются на общественном настроении, готовности общества к продолжению войны и отношении народа к власти. С трибуны Таврического дворца многие думцы, в их числе А.И. Коновалов, выступали с требованием отставки правительства и образования ответственного перед Думой министерства.

Критикуя царских министров и военное командование, думцы предлагали конкретные шаги. Депутаты отпустили средства на усовершенствование обороны, на постройку нового порохового завода, на оборудование телефонной связью армейских частей, на постройку стратегического шоссе в западном направлении, на усиление черноморского флота, на рост ежегодного производства боевых припасов.

Внимание парламентариев привлекли события 5 июня 1915 г. в Костромской губернии, связанные с разгоном и расстрелом полицией демонстрации рабочих. По инициативе социал-демократической фракции в Государственную Думу был внесен запрос о случившемся в Костроме. Депутатам стало известно, что рабочие требовали выдачи квартирных денег поверх заработной платы, об избииении полицией демонстрантов, массе убитых и раненых, отказе полиции выдать тела убитых родственникам и о массовых арестах. В связи с трагедией депутаты постановили обратиться к министру внутренних дел с запросом: «известно ли министру о незаконных действиях подведомственных ему чинов? Что намерен делать министр для наказания виновных и для предупреждения в будущем подобных событий?» [7].

Вместе с тем народные избранники с оптимизмом смотрели на исход войны и будущее России. Костромской депутат А.И. Коновалов в 1916 г. дал интервью корреспонденту газеты «Русское слово». В нем он связывал интересы России с разрешением Балканского вопроса и жизнью братьев славян, особенно сербов. Успех в достижении мира и обеспечение национальных интересов Коновалов напрямую связывал с победами русского оружия. Текущие события он считал уникальной

возможностью для решения исторических задач внешней политики России. Коновалов как один из руководителей Думы рассуждал о необходимости развивать плодородный и богатый юг России, и с этой целью обеспечить устойчивые позиции на Черном море, решить проблему черноморских проливов с обеспечением России свободного выхода в Средиземное море. Однако осуществлению таких широкомасштабных планов помешала начавшаяся революция 1917 г.

Таким образом, работа депутатов IV Государственной Думы от Костромской и Ярославской губерний пришлась на тяжелые годы Мировой войны и во многом была связана с решением проблем военного времени. Патриотический подъем депутатского корпуса начала войны сменился критическим отношением к царской власти и министрам. Депутаты оспознавали глубинные противоречия российской действительности, верно понимали причины неудач и затяжного характера войны. В то же время народные избранники многое сделали в деятельности парламента, а также с избирателями в провинции. В целях организации и снабжения действующей армии и тыла они принимали необходимые законы, собирали пожертвования, организовывали медицинскую помощь раненым, а также стремились решить продовольственные проблемы.

Библиографический список

1. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. СПб.: Государственная типография, 1913. С. 19.
2. Государственная Дума России: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: Государственная Дума Российской империи (1906–1917). М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 768 с.
3. *Дегтярев А.П.* Военные проблемы в деятельности Государственной думы России. М.: ВУ, 2018. 284 с.
4. *Миловидов В.Л.* В памяти народа: Очерки о революционерах. Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1988. 240 с.
5. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. 240 с.
6. Поволжский вестник. № 289. 26 августа 1914 г.
7. Поволжский вестник. № 2149. 10 июля 1915 г.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1294.
9. РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 878.

УДК 349.2: 005.958.4(091) “1940”

Ю.Г. Белоногов,

доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

ЭВОЛЮЦИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ПРОГУЛОВ ПО НЕУВАЖИТЕЛЬНЫМ ПРИЧИНАМ В ПЕРИОД ДОВОЕННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Рассматривается эволюция содержания понятия «прогула» как разновидности трудового правонарушения, ужесточения наказания за его совершение. Изменения трудового законодательства в отношении прогулов по неуважительным причинам связываются автором с факторами внутренней и внешней политики.

Ключевые слова: прогул, трудовое правонарушение, уголовное наказание, КЗоТ РСФСР, Указ 26 июня 1940 г.

Yu.G. Belonogov,

Associate Professor, Perm National Research Polytechnical University

EVOLUTION OF LABOUR LAWS REGARDING ABSENTEEISM FOR DISRESPECTFUL REASONS DURING PRE-WAR INDUSTRIALIZATION

The evolution of the content of the concept of absenteeism as a type of labor offense, tougher punishment for its commission is considered. Changes in labor laws in relation to absenteeism for disrespectful reasons with factors in domestic and foreign policy.

Key words: absenteeism, labour offense, criminal punishment, Code of Labor Laws of Russia, Decree of June 26, 1940.

В конце 1920-х годов началась смена стратегического курса по развитию народного хозяйства. Индустриализация предполагала усиление плановых начал в государственном регулировании экономики, а выполнение напряженных плановых заданий было возможно при условии наличия квалифицированного, стабильного и дисциплинированного кадрового состава. Проблема прогулов по неуважительным причинам на протяжении всех 1930-х гг. оставалась актуальной, поскольку материальный ущерб от них наносился уже тем, что невыход одного или нескольких рабочих нарушал налаженный ритм производства, срывал

работу производственного коллектива и смежников, нарушал технологический процесс. Поэтому власть объективно была вынуждена задействовать правовой механизм для решения данной проблемы.

Целью статьи является анализ как правовых изменений в содержании понятия «прогул по неуважительным причинам», так и эволюции наказаний за его совершение в период довоенной индустриализации. С точки зрения изучения указанных сюжетов, данная работа будет развитием уже существующей историографии проблемы (например, см.: [1]). Научная новизна статьи состоит в объяснении связи изменений трудового законодательства в отношении прогулов по неуважительным причинам и факторов внешней среды.

На момент начала индустриализации действовал КЗоТ РСФСР 1922 г. Согласно статье 47 (пункт «е») под прогулом без уважительных причин понималась «неявка на работу более трех дней подряд или в общей сложности более шести дней в месяц» (цит. по: [2]). На основании КЗоТ РСФСР разрабатывались ведомственные Правила внутреннего распорядка и Табели взысканий. Постановление Народного Комиссариата труда (далее – НКТ) РСФСР № 6 от 11 января 1928 г. утверждало примерный Табель взысканий за нарушение трудовой дисциплины. Служебные проступки различались по степени тяжести на две категории. К первой категории относились самовольная отлучка во время работы, преждевременный уход с работы без соответствующего разрешения; прогул; опоздание на службу и пр. Ко второй категории относилось появление на работе в нетрезвом виде. Согласно Табели, существовали два вида взысканий за нарушение трудовой дисциплины: а) выговор с объявлением по учреждению и извещением месткома, б) увольнение. При этом рецидив проступков первой и второй категорий предполагал ужесточение дисциплинарного взыскания: проступки первой категории, совершенные в третий раз, и проступки второй категории, совершенные во второй раз влекли за собой увольнение. Самовольная отлучка во время работы или преждевременный уход с работы до двух раз в течение месяца, прогул до двух дней в течение месяца предполагали выговор, а самовольная отлучка в третий раз в течение месяца, прогул трех и более дней в течение месяца – увольнение. Увольнение, согласно этой Табели взысканий, должно было производиться без уплаты выходного пособия и без предупреждения за две недели. Пропущенное по неуважительной причине рабочее время должно было отмечаться как прогул и оплате не подлежало [3, с. 89–90].

1930 год стал своеобразным «Рубиконом»: высокий уровень текучести рабочей силы и нарушений трудовой дисциплины заставил власть реагировать в правовом поле. 17 декабря 1930 г. вышло Постановление НКТ СССР о Правилах внутреннего распорядка и Табели

взысканий для предприятий и учреждений общественного сектора. Данный подзаконный акт предусматривал, что только рецидивы опозданий и прогулов по неуважительным причинам за определенный период могли повлечь за собой увольнение работника. Пункт 16 Табели взысканий фактически расширял перечень ситуаций, попадавших под прогул по неуважительным причинам: работники, находившиеся в нетрезвом виде или нарушавшие своим поведением нормальный ход работ (драки, хулиганские выходки, оскорбление представителей администрации и т. д.) подлежали немедленному удалению из предприятия или учреждения, причем время, пропущенное по этой причине должно было считаться прогулом. При определении меры взыскания за повторные и систематические нарушения должны были учитываться все проступки, которые на работника были наложены взыскания в течение последних двенадцати месяцев (а при учете прогулов и опозданий должны были сокращаться до одного месяца). При повторяющихся прогулах или опозданиях в течение нескольких месяцев новый прогул или опоздание давали бы администрации право выбрать любую меру взыскания, в том числе и увольнение [4, с. 744–753].

18 января 1931 г. появилось специальное Постановление НКТ СССР, в котором определялся круг «злостных дезорганизаторов производства», к которым относились работники, уволенные за прогулы по неуважительным причинам. «Злостных дезорганизаторов производства» государственным органам труда надлежало принимать на особый учет и в течение шести месяцев не посылать их на работу в промышленность и на транспорт [5, с. 51–52].

Во время массового голода 1932–1933 гг. значительно ухудшилось снабжение населения городов. Поэтому объективно возрастала роль появившейся в 1930 г. централизованной системы снабжения: распределение продовольственных и промышленных товаров через закрытые рабочие кооперативы при предприятиях и организациях стало фактором получения материальных благ и гарантом выживания для значительной части городских трудящихся. Обострившийся продовольственный кризис спровоцировал верховную власть начать новый этап кампании борьбы с неуважительными прогулами. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. предписывало администрациям предприятий увольнять работников за прогул без уважительных причин и одновременно лишать их права пользования продовольственными и промтоварными карточками (выданными им как работникам данного предприятия), а также права пользования ведомственным жильем [6], с 1933 г. – исключать из жилищного кооператива. Следует отметить несколько важных изменений в связи с принятием данного нормативно-правового акта. Первая новация изменяла толкование «прогула по

неуважительным причинам»: под таковым отныне понималось не трехдневное (в течение месяца), а однодневное отсутствие работника на рабочем месте по причинам, которые не относились к достаточно краткому перечню уважительных оснований. Вторая новация касалась количества таких прогулов, достаточного для увольнения: государство требовало увольнение не за рецидив, а за однократное деяние. Третья новация состояла в том, что на администрацию возлагалась обязанность увольнения работника за неуважительные прогулы. Анализ правоприменительной практики этого Постановления свидетельствует о порой лояльном отношении к прогульщикам со стороны руководства промышленных предприятий и учреждений. По инициативе представителей хозяйственной администрации прогулы по не уважительным причинам подчас превращались в отпуски без содержания и отгулы, что позволяло сохранить дефицитную (пусть даже и малоквалифицированную) рабочую силу.

Постановление ЦК ВКП(б), СНК СССР и ВЦСПС 28 декабря 1938 г. [7] расширяло трактовку понятия «прогул» и предусматривало очередное ужесточение наказания за его совершение. С одной стороны, это было реакцией верховной власти на наблюдавшиеся трудности и противоречия, приводившие к замедлению темпов роста советской экономики. С другой стороны, среди руководства ходило мнение, что за период «ежовщины» «гегемон подраспустился» и надо бы «подтянуть гайки» [8, с. 75–76].

Значительно изменилось толкование понятия «прогул по неуважительным причинам». Согласно разъяснению в газете «Правда» от 9 января 1939 г., «рабочие и служащие, которые без уважительных причин явились на работу с опозданием более чем на 20 минут, к работе не допускаются, считаются прогульщиками и подлежат немедленному увольнению» [9, с. 1]. В результате прогулом по неуважительным причинам могло по факту признаваться всякое неоправданное отсутствие на рабочем месте свыше 20 минут, а также и употребление спиртных напитков в рабочее время. Постановление от 28 декабря 1938 г. фактически приравнивало к прогулу рецидивные нарушения продолжительности рабочего времени: за три нарушения в течение одного месяца или четыре нарушения в течение двух месяцев работник подлежал увольнению именно как лицо, допустившее неуважительный прогул. Логичным развитием законодательства выглядела тенденция ограничения «прогульщика» в материальных благах и социальном обеспечении.

Увеличение числа неуважительных прогулов и увольнений из-за них свидетельствовало не только о недобросовестном исполнении изменившихся норм законодательства со стороны хозяйственного руководства, но и о стремлении работников перейти на предприятие с лучшими

условиями труда и социальным обеспечением. Поэтому реализация Постановления от 28 декабря 1938 г. резко актуализировала проблему качества рабочей силы на уровне отдельных предприятий, что ставило под угрозу выполнение напряженных плановых заданий.

Указ Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1940 г. был принят в условиях быстрых военных успехов нацистской Германии. Он вводил важную новацию: за прогул по неуважительным причинам трудящиеся отныне подлежали уголовному наказанию в виде исправительно-трудовых работ по месту работы (максимальный срок – до 6 месяцев) и вычету до 25 % от зарплаты, при этом было отменено обязательное увольнение за прогул [10]. Под прогулом как уголовным деянием подразумевались не только опоздания без уважительных причин на работу, но и преждевременный уход с работы, опоздание после обеденного перерыва, самовольные отлучки и бездельничанье (сон и пьянство) более 20 минут в течение рабочего дня. Рецидив неуважительного прогула предполагал повторное (и последующее) осуждение работника, вплоть до тюремного заключения.

В целом, курс на интенсификацию труда в рамках советской модели индустриализации уже противоречил трудовому законодательству периода НЭП и требовал его пересмотра. Рассмотренные нормативно-правовые акты имели общую цель – снижение экономических издержек от прогулов по неуважительным причинам. Все они последовательно развивали одни и те же тенденции в правотворческой деятельности: расширение и детализация толкования прогула, ужесточение наказаний за неуважительные прогулы, криминализацию ответственности руководства за «покровительство дезорганизаторам производства». Рассмотренные в статье правовые новации во многом объяснялись очевидным сопротивлением в исполнении предшествующих законов, производственной опасностью неуважительных прогулов в условиях растущего дефицита рабочей силы. Внедрение в социальную практику принуждения к труду и криминализация неуважительных прогулов представлялись для власти не популярным, но неизбежным управленческим решением в условиях постепенного перевода экономики на военные рельсы.

Библиографический список

1. *Балицкий К.С.* Расторжение трудового договора в связи с совершением работником прогула: история правового регулирования, доктрина и судебная практика // Российский юридический журнал. 2016. № 2.

2. Постановление ВЦИК от 09.11.1922 «О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г.» (вместе с «Кодексом Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/>

3. Постановление НКТ РСФСР № 6 от 11 января 1928 г. об утверждении таблицы взысканий за нарушение трудовой дисциплины в государственных учреждениях и управленческом аппарате государственных промышленных и торговых предприятий и акционерных обществ с преобладающим участием государственного капитала // Известия Народного Комиссариата труда СССР. М.: Издательство «Вопросы труда», 1928.
4. Постановление НКТ СССР от 17 декабря 1930 г. № 368 о Правилах внутреннего распорядка и Табели взысканий для предприятий и учреждений общественного сектора // Известия НКТ СССР. 1930. № 36.
5. Постановление НКТ СССР от 18 января 1931 г. № 17 об определении круга лиц, являющихся злостными дезорганизаторами производства // Известия Народного Комиссариата труда СССР. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931.
6. Об увольнении за прогул без уважительных причин. Постановление ЦИК СССР и Совета народных комиссаров СССР от 15 ноября 1932 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/>
7. О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28.12.1938 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4429>.
8. *Соколов А.К.* Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: ежегодник. 2004. Т. 2003.
9. Разъяснения СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС о взысканиях за опоздание на работу // Правда. 1939. 9 января.
10. О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/>

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ КООПЕРАТИВНЫХ ЗВЕНЬЕВ СИСТЕМЫ КРЕДИТОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В 1925–1927 ГОДЫ

1925–1927 годы – наиболее плодотворный этап функционирования не-повской модели сельхозкредита. Ее главными вторыми звеньями являлись, кроме государственных обществ сельхозкредита, кооперативные союзы с кредитными функциями, а низовыми ячейками – кооперативы с кредитными функциями. Анализируются количественные показатели состояния кооперативных звеньев системы сельхозкредита.

Ключевые слова: Кооперативные союзы с кредитными функциями, товарищества с кредитными функциями, «дикие» кооперативы.

A.O. Bunin,

Professor, Ivanovo State Medical Academy

QUANTITATIVE PARAMETERS OF COOPERATIVE LINKS OF THE RUSSIAN VILLAGE LENDING SYSTEM IN 1925–1927

Period under review (1925–1927) was the most effective stage of the NEP model of agricultural credit. Its main second links were, in addition to state agricultural credit societies, cooperative unions with credit associations, and the grassroots cells were cooperatives with credit functions. Quantitative indicators of the state of cooperative links of the agricultural credit system are analyzed.

Key words: Cooperative unions with credit functions, partnerships with credit functions, "wild" cooperatives.

В рассматриваемый период росло число союзов, привлеченных банками к кредитованию деревни. Так, к 1928 году Всекобанк работал с 37 союзами, а Россельбанк – с 21 [4, л. 284]. По сравнению с обществами привлеченные союзы выявили целый ряд преимуществ, однако их удельный вес в финансировании деревни оставался низким (сводный баланс российских кредсоюзов составлял лишь 6% сводного баланса обществ сельхозкредита РСФСР).

Остальные союзы на протяжении 1925–1927 гг. находились в состоянии хронического организационного и финансового кризиса, пытаются поправить дела торговлей и увеличивая ее долю в балансе. В ходе

торговых операций союзы, в том числе и кредитные, старались вести дело с платежеспособным некооперированным населением.

Что же касается самих кредитных кооперативов, то в 1925–1927 гг. происходило неуклонное сокращение числа товариществ сети ЦСХБанка. Если к концу 1925 г., по различным данным, их количество составляло от 8566 до 10265, то в 1927 г. их число уменьшилось до 7840–8453. Количество товариществ сети Россельбанка за тот же период сократилось с 6383 до 5822 [5, л. 18]. Уменьшение кооперативной сети государственной системы сельхозкредита объяснялось жесткой политикой обществ по отбору наиболее крепких и устойчивых товариществ.

Численность кооперативов с кредитными функциями, связанными с союзами сельхозкооперации, характеризовалась в 1925–1927 гг. обратной тенденцией. Она возросла почти вдвое, достигнув 6000. Всего же на 1 апреля 1927 г. в границах РСФСР, по данным НКФ, действовало 8448 сельскохозяйственных кредитных и 377 кредитно-промышленных товариществ [6, л. 35]. Наибольшее число кредитных кооперативов располагалось в Центрально-Промышленном и Центрально-Черноземном районах, Уральской области, на Северном Кавказе.

Количество членов, объединяемых товариществами с кредитными функциями, в 1925 г. составило, по различным данным, от 3 до 4 млн; к концу 1926 г. оно возросло до 4,4 млн, а в 1927 г. около 5,4 млн крестьян состояли членами кредитных кооперативов [3, л. 42].

Среднее число членов на один кооператив с кредитными функциями определялось к концу 1925 г. от 358 до 399, к концу 1926 г. этот показатель поднялся до 479 человек, а в 1927 г. количество членов на один кооператив с кредитными функциями достигло 560–652. По РСФСР в 1927 г. среднее число членов на одно товарищество колебалось от 216 (Немецко-Волжское общество) до 926 (Архангельское общество) [5, л. 18].

Процент кооперированности в товариществах с кредитными функциями поднялся с 15 % на конец 1925 г. до 21–22 % к концу 1927 г. Однако, как отмечалось в резолюции учредительного съезда Союза союзов сельхозкооперации, рост процента кооперированности носил формальный характер, т. к. шел за счет вовлечения в сельскохозяйственные кредитные товарищества первичных кооперативных объединений. По РСФСР число юридических лиц в кредитной кооперации достигло 37000. По материалам 4874 сельскохозяйственных кредитных товариществ на 1 октября 1926 г. состав юридических лиц распределялся следующим образом: 20,4 % – колхозы, 10,2 % – сельскохозяйственные товарищества, 3,7 % – мелиоративные, 1,3 % – животноводческие, 13,1 % – машинные, 2,6 % – маслодельные, 1,9 % – производственные сельскохозяйственные кооперативы, 4,3 % – кустарно-промышленные

кооперативы, 5,7 % – потребительские общества, 1,1 % – прочие кооперативы, 17,7 % – кресткомы, 9,9 % – земельные общества, 1,4 % – группы заемщиков, 4,8 % – прочие организации [6, л. 59]. Характерно, что к концу 1927 г. сельскохозяйственные кредитные товарищества объединяли около трети всех колхозов, 90 % простейших производственных объединений, 80 % специальных товариществ всех видов.

Вместе с тем произошло снижение удельного веса кооперативов с кредитными функциями ко всем кооперативам с 25,3 % на 1 октября 1925 г. до 16,9 % на 1 октября 1926 г., удельный вес членов кредитных и сельскохозяйственных кредитных товариществ также уменьшился с 60,6 % на 1 октября 1925 г. до 54,4 % на 1 октября 1926 г. В 1927 г. эта тенденция сохранилась, и сельскохозяйственные кредитные товарищества среди всех сельхозкооперативов по СССР составляли на 1 октября этого года лишь 11,9 %, в них входило 48,7 % всего кооперированного населения [2, л. 178].

Несмотря на титанические усилия партийных и государственных органов по вовлечению в кредитную кооперацию бедноты, колхозов и других юридических лиц, количество ее физических членов к концу 1927 г. достигло лишь 85 % довоенного уровня. Это являлось еще одним подтверждением искусственности, дугости кредитной кооперации, естественный рост которой за счет наиболее трудолюбивых хозяйств прекратился уже к 1925 г.; в последующем шло лишь принудительное втягивание в ее состав практически неработоспособных элементов. Более того, в 1925–1927 гг. наблюдался отток крестьянства из кооперативов, т. к. кредит как стимул кооперирования не действовал; не могла кредитная кооперация заинтересовать крестьян и ценами за сдаваемые в нее продукты.

Свидетельством глубокого кризиса системы сельхозкредита и ее неспособности удовлетворить потребности основных товаропроизводителей служило и усилившееся в 1925–1927 гг. стремление экономически сильных хозяйств уйти в «дикие» кооперативы. Показательно, что именно в 1925 г., когда вожжи партийного диктата оказались несколько ослаблены, количество «диких» достигло максимальной величины: вне коммунистического влияния находилось до 40 % всех кооперативов, в ряде губерний «дикие» составляли до 50 % всех кооперативов в деревне.

По числу членов «дикие» значительно уступали «осоюженным» товариществам: в «диких» сельскохозяйственных кредитных товариществах среднее количество хозяйств составляло 98, в кредитных – 318 [1, с. 8, 10]. В органах управления «диких» не было коммунистов и общественных работников, часто ими руководили крестьяне, лишённые избирательных прав. «Дикие» не поддерживали связи с органами власти и

не проводили классовую политику. Отличался и социальный состав «диких»: в них было меньше бедноты и больше середняков.

Как правило, агрикультурную и техническую помощь «дикие» кооперативы получали в земорганах, а кредитовались в различных государственных организациях на общих основаниях с входящими в союзную систему кооперативами. В ряде районов их кредитовали и общества сельхозкредита. В «диких» кооперативах не было фондов кооперирования и кредитования бедноты. По большинству показателей деятельности «дикие» выигрывали у «осоюженных», что объяснялось их более трудоспособным составом, отсутствием регламентации кредитов и партийного диктата, им была чужда соборесовская психология.

В ходе реализации принятого на январском заседании Политбюро ЦК решения по усилению борьбы с «дикими» местными партийными органами была развернута кампания по их вовлечению в союзы и ликвидации «лжекооперативов». В результате ее проведения количество «диких» заметно снизилось, причем сельскохозяйственные кредитные товарищества по-прежнему давали минимальный процент «дикости» – 8,5 %. Однако в ряде районов их количество оставалось высоким.

Что же касается «осоюженных» кредитных кооперативов и товариществ, входящих в систему сельхозкредита, то их отчетность свидетельствовала о крайне низкой эффективности финансирования крестьянства и его продолжающемся кризисе. Несмотря на рост баланса первичной сети системы сельхозкредита с 216,5 млн р. на 1 октября 1925 г. до 480 млн р. на конец 1927 г., его структура оставалась весьма неблагоприятной. Собственный капитал первичной сети с конца 1924 г. по 1 октября 1927 г. уменьшился с 25 % к балансу до 13 %, специальный капитал практически отсутствовал, паевой капитал за 3 года вырос на одного члена лишь с 2,4 до 5,6 р., займы в балансе товариществ с кредитными функциями занимали в 3 раза больше места, чем до революции [7, л. 46].

Максимальный рост среднего баланса первичной сети в 1925–1927 гг. наблюдался в земледельческой полосе, так как сюда вкладывались значительные бюджетные средства (фонды ЦЧО, засухи, переселения, мелиорации). Средние размеры баланса колебались от 23,9 тыс. р. (Коми обл.) до 153,8 тыс. р. (Крым). Существенный разрыв был и по средней сумме баланса товариществ на один кооперированный двор: от 48 р. (р-н Ленинградского сельбанка) до 275 р. (Сталинградский р-н). В северной полосе средняя сумма баланса кооперативов составляла меньше, а в производящих районах значительно больше средней по РСФСР величины [8, л. 17, 33]. Будучи полностью зависимы от государственных средств, первичные кооперативы тяжело страдали от постоянных задержек финансирования. Положение усугублялось тем, что по

разрядкам сверху товарищества были вынуждены превращать свой запасной капитал во все увеличивавшееся количество облигаций различных государственных займов.

Не способствовало оздоровлению кооперативных финансов и относительное уменьшение в 1925–1927 гг. кредитования сельхозкооперации банками в сравнении с другими отраслями народного хозяйства.

Попытки ряда кредитных кооперативов усилить финансовую дисциплину путем исключения из своего состава злостных неплательщиков паевых взносов (а, как правило, это были бедняцкие хозяйства) заканчивались неудачей после вмешательства партийных органов. Подталкиваемые к расширению своего состава за счет бедноты, товарищества часто предоставляли кредит не членам, удерживая из него часть паевого взноса.

Таким образом, 1925–1927 гг. стали наиболее эффективным периодом в функционировании нэповской модели сельхозкредита. И все же по основным показателям деятельности кооперативные звенья системы значительно уступали дореволюционным параметрам, что обуславливалось прежде всего социальной направленностью кредитования деревни.

Библиографический список

1. Вестник с.-х. кооперации. 1925. № 23.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3983. Оп. 3. Д. 212.
3. РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 5. Д. 142.
4. РГАЭ. Ф. 7480. Оп. 1. Д. 155.
5. Там же. Д. 158.
6. Там же. Д. 169.
7. Там же. Д. 253.
8. Там же. Д. 279.

Е.С. Бутрин,

Государственный архив Ивановской области (Иваново)

ПЛЁССКО-ЯКОВЛЕВСКИЙ РАЙОН МЕЖДУ КОСТРОМОЙ И ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМ

Плётско-Яковлевский район в апреле–июне 1918 г. возглавил сопротивление юго-восточных волостей Нерехтского уезда против своего включения в создаваемую «пролетарскую» Иваново-Вознесенскую губернию. Лишь путем административного давления эти волости были включены в новый уезд, центром которого стало фабричное село Середя. В 1926 г. Костромской губисполком предложил проект создания на месте Нерехтского уезда двух районов, в состав одного из которых должны были войти Плёсская и Яковлевская волости. Однако в 1926 г. эти волости, прежде тяготевшие к Костроме, приняли единогласное решение остаться в составе Иваново-Вознесенской губернии. Причиной этого решения была хозяйственная переориентация населения этих территорий на новую губернию.

Ключевые слова: Плёс, Яковлевское, Середя, Иваново-Вознесенск, административная реформа, самоопределение населения.

E.S. Butrin,

State Archive of Ivanovo Region (Ivanovo)

PLESSKO-YAKOVLEVSKY DISTRICT BETWEEN KOSTROMA AND IVANOVO-VOSNEENSK

Plessko-Yakovlevsky district in April-June 1918 led the resistance of the southeastern volosts of the Nerekhtsky district to inclusion in the newly created «proletarian» Ivanovo-Voznesensk province. Only through administrative pressure, these volosts were included in the new county, the center of which was the factory village of Sereda. In 1926, the Kostroma provincial executive committee proposed a project to create two districts on the site of the Nerekhtsky district, one of which was to include Plesskaya and Yakovlevskaya volosts. However, in 1926, these volosts, which had previously gravitated towards Kostroma, made a unanimous decision to remain part of the Ivanovo-Voznesensk province. The reason for this decision was the economic reorientation of the population to the new province.

Key words: Ples, Yakovlevskoye, Sereda, Ivanovo-Voznesensk, administrative reform, self-determination of the population.

Идея создания Иваново-Вознесенской губернии, как центра текстильной промышленности региона, возникла еще в декабре 1917 г., а

два месяца спустя уже оформилась в постановлении II Съезда Советов Иваново-Кинешемского района (28–29 января 1918 г.). На нем было принято решение об учреждении новой губернии, в территориальное ядро которой должен был войти «Середской район», включавший весь юго-восток Нерехтского уезда. Уездным центром этого района было намечено крупное промышленное село Середка. По данным на 1913 г., в нем работало шесть крупных бумагопрядильных и бумаготкацких предприятий, на которых трудилось 10,7 тыс. человек. Будущая территория уезда включала еще два крупных промышленных пункта (села Писцово и Яковлевское), а также город Плёс. Писцовская бумаготкацкая фабрика Товарищества мануфактур И.И. Скворцова (на ней работало 2260 чел.) была технологически связана с середскими фабриками того же владельца. А вот яковлевские предприятия (льнопрядильные и льноткацкие фабрики С.Д. Сидорова, К.Е. Симоновой и наследников В.Ф. Дороднова), на которых работало 4,2 тыс. чел., имели крепкие связи с Нерехтой и Костромой, где располагались крупнейшие предприятия, занимавшиеся обработкой льна [8, с. 62–64]. Что касается Плёса, то после открытия в феврале 1871 г. Кинешемской ветки Шуйско-Ивановской железной дороги его торговое значение резко упало. В городе имелось два небольших бумаготкацких предприятия с общим числом рабочих на 1915 г. 437 человек. Небольшое население города было занято преимущественно в сфере обслуживания, а также волжской транзитной торговли [7, с. 286–287]. Процесс «самоопределения» населения местностей, предполагавшихся к включению в новую губернию, продолжался более полугода. В нем четко выделялись две позиции: «прогубернская» была представлена рабочими Середки и Писцова, а также жителями ряда прилегающих волостей, в большинстве своем трудившихся на тех же фабриках. Резко против были настроены крестьяне, не связанные с промышленным производством – причиной тому был обычный крестьянский традиционализм, а также боязнь увеличения налоговых сборов, связанных с образованием новых органов власти [1, с. 472–473].

Союзниками крестьянства в этой борьбе стали обыватели г. Плёса, а также рабочие с. Яковлевского. На общем собрании 11 апреля 1918 г. граждане выдвигали традиционные аргументы: «давнее тяготение» Плёса к Костроме, прочные торгово-промышленные и кредитные связи, удобные пути сообщения и, наконец, желание перечислиться из Иваново-Кинешемской продовольственной управы в Костромскую. Последнее было связано с недостатком продовольственного снабжения и надвигающимся голодом. Причина демарша рабочих яковлевских фабрик была другой – все они были технологически и административно связаны с костромскими предприятиями. Участники общих собраний

28 июня 1918 г., проведенных на всех яковлевских предприятиях, ссылались на то, что «производство яковлевских фабрик однородное с костромскими». Здесь спорить было трудно – П.Ф. Макарьев справедливо отмечал, что центром льнопрядения Костромской губернии являлась Кострома, тогда как центр льноткачества располагался в Яковлевском [5, с. 57]. В то же время Иваново-Вознесенск объединял вокруг себя преимущественно хлопчатобумажные предприятия. Что касается еще одного аргумента о «близости реки Волги, экономически соединяющей Яковлевское с Костромой», то он представляется весьма натянутым.

Агитация Иваново-Вознесенска оказалась бессильна перед традиционным консерватизмом российского крестьянства, поддержанного плёскими обывателями и яковлевскими рабочими. Вопрос был решен административными методами – прежде всего, благодаря неумолимой энергии главного адепта губернской идеи М.В. Фрунзе. Способствовала этому решению также политическая важность создания в сердце страны пролетарской губернии в неспокойный период первых месяцев гражданской войны. В результате появилось постановление Совнаркома от 20 июня 1918 г., согласно которому в новую губернию входили 16 волостей Нерехтского уезда, включая Плёскую и Яковлевскую. Нерехтские власти пытались отчаянно сопротивляться. На заседании Иваново-Вознесенского губисполкома 27 июля 1918 г., где решался вопрос об образовании Середского уезда, представитель Нерехтского уездного исполкома М.П. Посников справедливо указывал, что после перехода к Середке самых экономически развитых нерехтских волостей, старый уезд окажется просто нежизнеспособным. В ответ председатель собрания С.К. Климохин отметил, что в основу организации новой губернии «положена идея хозяйственного единства», так что присоединение волостей Середского района «будет не дроблением, а целесообразностью». В связи с этим возникла идея о переходе всего Нерехтского уезда в состав новой губернии. Но при этом местные руководители не были согласны на перенесение центра уезда в Середку, а это не устраивало Иваново-Вознесенск [1, с. 474–475].

Учредительный съезд Советов нового уезда состоялся 2 августа 1918 г. Прибывшая на него делегация из Нерехты пыталась протестовать, но потерпела поражение. Она отказалась от участия в выборах членов «временного Середского исполкома» и покинула зал заседания. Неделию спустя все органы власти нового уезда получили предписание, согласно которому дальнейшие распоряжения из Нерехты и Костромы более исполнению не подлежали. И все же старые уездные центры продолжали цепляться за власть. На собрании Плёского горсовета 7 сентября 1918 г. В.И. Кузнецов сообщал, что Нерехта и Кострома, несмотря

на неоднократные разъяснения НКВД о перечислении Плёса в новую губернию, продолжают требовать исполнения своих предписаний. В связи с этим было решено направить в Москву телеграмму следующего содержания: «Имеем данные Центра о причислении Плёса к Иваново-Вознесенской губернии. Кострома и Нерехта, угрожая репрессиями, требуют исполнения их распоряжений. Срочно сообщите, чьи распоряжения следует исполнять». Ответ не заставил себя ждать. Уже 16 сентября 1918 г. Плёт отказался отправлять делегата на съезд в Кострому, ввиду того, что город подчиняется Иваново-Вознесенску [4. Д. 6. Л. 50 об.–51, 53].

Новая губерния оказалась весьма успешным проектом. В связи с этим к Иваново-Вознесенску начинают «подтягиваться» сопредельные территории. При Нерехтском уездном исполкоме 8 октября 1919 г. состоялось совещание по поводу заявления целого ряда селений Армянской, Кулиго-Марьинской и Кунестинской волостей Нерехтского уезда о желании присоединиться к Середскому уезду. Представитель «мятежных» волостей И.И. Половинкин отметил, что перехода желают все их граждане и если предложение будет отклонено, «то это будет насильование». Председатель Нерехтского уисполкома П.А. Жолобов, стараясь выяснить причины недовольства крестьян, лично произвел объезд волостей. Он отмечал, что главным основанием желания их о переходе в Иваново-Вознесенск является лучшее снабжение продовольствием и мануфактурой, отсутствие чрезвычайных налогов и мобилизации лошадей, а также близость нового уездного г. Середы. Впрочем, по мнению представителей Нерехты, все эти причины являлись «малоосновательными» – снабжение можно было урегулировать, легкое налоговое бремя являлось не заслугой, а недоработкой ивановских властей, да и географическое положение также не может служить решающим мотивом в «общегосударственном строительстве». Нерехтский уездный военком отмечал, что «по Нерехтскому уезду выполнено взыскание чрезвычайного налога, мобилизация лошадей и прекращение дезертирства», тогда как середские чиновники этих мероприятий пока не проводили. Это и служило, по его мнению, главной причиной нелюбви крестьян указанных волостей к Костроме. Представители Середы в ответ заявляли, что снабжение и налоги тут не причем, а главной причиной тяготения крестьян указанных волостей к Иваново-Вознесенску служит тот факт, что большинство из них трудится на середских фабриках. Но Нерехтский уисполком никак не мог согласиться на переход – это повлекло бы потерю более трети его бюджета. В результате решение по трем волостям представителями Нерехты было заблокировано [2. Д. 2245. Л. 75–76 об.].

В ходе этого совещания вновь всплыл вопрос о переходе всего Нерехтского уезда в «пролетарскую губернию». Однако передавать

функции уездной власти в Середу представители Нерехты оказались не готовы. Тем не менее, экономическая слабость уезда была всем очевидна. 7 июня 1922 г. Административная комиссия ВЦИК приняла решение об объединении Нерехтского уезда с Середским. Окраинные волости должны были отойти к Костроме и Ярославлю на основе определения межгубернской комиссией их «экономического тяготения». Но Нерехтский уисполком стоял на своем, соглашаясь объединиться с Середой лишь при сохранении статуса уездного центра за Нерехтой. Такое решение было принято на заседании его пленума 21 июня 1922 г. При этом указывалось на тот факт, что Нерехта является крупным железнодорожным узлом, а также имеет все необходимые помещения для уездных учреждений. Поскольку Середка в этом отношении ничем Нерехте не уступала, такие аргументы представлялись довольно спорными. Удерживать тяготевшие к Середке волости становилось все труднее. На крестьянской конференции Арменской волости 16 марта 1924 г. вновь было принято решение ходатайствовать о переходе в Середский уезд. Население волости к этому моменту имело уже «полупролетарский вид», так что тяготение его к «городу Середке, как крупно-фабричной местности» было вполне объяснимым. Отмечались и всплывавшие уже пять лет назад факты – в Середке было поставлено лучшее снабжение лесоматериалом, отсутствовало самообложение, имелись хорошо оборудованные школы и больницы. Даже крестьяне тяготели к Середке, где находился их основной рынок сбыта сельскохозяйственных продуктов [2. Д. 2245. Л. 77, 79, 80].

На этот раз добиться своего арменским крестьянам не удалось, но было ясно, что проблему экономически слабого Нерехтского уезда необходимо решать. Здесь костромичи попытались воспользоваться масштабными планами по районированию страны, возникшими у руководства СССР. В феврале 1923 г. была создана Центрально-Промышленная область с центром в Москве, включавшая десять губерний Центрального Нечерноземья. Полгода спустя возникла областная плановая комиссия, занимавшаяся разработкой вопросов областной организации [6, с. 101–104]. В связи с этим 8 августа 1925 г. пленум Нерехтского уисполкома обсуждал проект территориальной реформы Костромской губернии. Костромичи предлагали разделение уезда на два района – Нерехтский и Арменский при сохранении их окружного центра в Костроме. Но этот проект можно было реализовать лишь кардинально увеличив их территорию районов за счет соседних уездов. Для достойного содержания районной инфраструктуры население каждого района должно было составлять не менее 50 тыс. чел. В противном случае предполагалось оставить лишь один Нерехтский район, а волости Арменскую, Сидоровскую и Сараевскую передать в Иваново-

Вознесенскую губернию. Этот проект обсуждался на заседании Президиума Центрально-Промышленной области 24 декабря 1925 г. Докладчик А.С. Чернавин настаивал на включении Яковлевского района и г. Плёса в состав Нерехтского уезда для увеличения территории будущего Арменского района. Кроме знакомого аргумента о производственно-технических связях яковлевских фабрик с костромскими, он отмечал, что большая часть яковлевских рабочих происходит из Костромской губернии. В итоге его аргументы были сочтены вполне обоснованными, но «до разрешения общего вопроса о районировании Центрально-Промышленной области» было решено с реализацией этих планов подождать [2. Д. 2245. Л. 78–78 об., 81–81 об.].

Вторично этот вопрос должен был рассматриваться в Облплане ближе к лету 1926 г. В связи с этим проблемой Яковлевского района озаботился Иваново-Вознесенский Губплан, который вынес его на заседание 17 мая 1926 г. Местные власти должны были организовать кампанию по сбору мнений о «самоопределении» от населения Яковлевской и Плёсской волостей. Она стартовала 14 мая 1926 г., когда состоялось расширенное заседание Пленума Яковлевского волисполкома. Уже на следующий день по этому вопросу голосовал пленум Плёсского горсовета. Оба собрания проходили по единому сценарию: сначала зачитывался доклад костромской стороны о необходимости присоединения к Нерехте, а затем эти аргументы оценивались «с точки зрения действительного положения административного обслуживания и хозяйственного развития» района. В результате все доводы костромской стороны быстро разбивались фактами. Так, большая часть грузов в Яковлевскую волость поступала вовсе не из Костромы, а по железной дороге из Середы. Это путь работал без перебоев и был связан с губернским центром, откуда на места поступали «грузы для фабрик и кооперации». Далее оценивался расход на душу населения в обеих губерниях – и здесь преимущество Иваново-Вознесенска оказывалось несомненным. Если в Костроме этот расход составлял 4,75 руб., то в «Красной губернии» – более 12 руб. Из этого собравшиеся заключали, что «если Яковлевскую волость отобьет Кострома, то бюджет волости будет уменьшен на много». Делегаты из сельсоветов также отмечали, что «тяготение крестьянства к Костроме» полностью исчезло. Аналогичным образом рассуждали и члены Плёсского горсовета: «Строя свою экономическую жизнь согласованно с хозяйством Иваново-Вознесенской губернии и при ее поддержке, наш город не нуждается в перемене губернского центра» – отмечали они. Было выяснено, что 75 % товаров для Плёсского потребительского общества поступало из Иваново-Вознесенска, тогда как из Костромы – не более 10 % (исключительно пшеничная мука и льняное масло). Прежние торговые связи оказались разорваны – скупка древесины

в Костромской губернии, а также перепродажа кожи в Кострому, популярные прежде, уже не имели серьезного хозяйственного значения в жизни города. В связи с этим переход Плёса в старую губернию был признан «не отвечающим интересам населения и целям дальнейшего хозяйственного и культурного развития». Такое же решение приняли и члены Яковлевского волисполкома [2. Д. 2245. Л. 1–74].

Одновременно проводилась широкая кампания по сбору аналогичных постановлений общих собраний селений Плёсской и Яковлевской волостей. В каждую деревню приезжал член волостной администрации с докладом о предложении костромичей, после чего принималось соответствующее решение. Всего была собрана почти сотня протоколов – общих собраний жителей сел и деревень, рабочих фабрик, совхозных коллективов, потребительских обществ. Первая кампания была проведена с 14 по 18 мая 1926 г., а вторая – после обращения Облплана в Середской уисполком 26 ноября 1926 г. В этом обращении отмечалось, что свою волю еще не выразили жители 25-ти селений Плёсской и Яковлевской волостей. Все протоколы содержали единогласную просьбу – оставить селения района в составе Середского уезда. Аргументы применялись разнообразные, но чаще других звучали доводы об экономическом тяготении селений к пролетарской губернии и более удобных путях сообщения с Иваново-Вознесенском и Середой. Некоторые отмечали также хорошую работу действующей администрации, щедрое финансирование и «лучшие условия агрономической помощи» в новой губернии. Во многих случаях формулировки постановлений повторялись слово в слово – объяснялось это тем, что предлагались они не самими участниками, а заезжим чиновником. Методика «работы с населением» проясняется на примере протокола общего собрания с коллектива рабочих и служащих учхоза «Миловка». Председатель И.П. Волков «обрисовал промышленно-экономическую мощь» Иваново-Вознесенской губернии, напомнил о ее революционных традициях, отметил успехи в хозяйственном строительстве, в том числе и в Плесе – создание дома отдыха, санатория, учебных заведений. Затем он перешел «к обрисовке тех же вопросов» в Костромской губернии и заключил, что она «идет за всеми, а не впереди, как Иваново-Вознесенская губерния». После этого участникам собрания ничего не оставалось, как проголосовать за Иваново-Вознесенск [3. Д. 47. Л. 1–53].

Местная администрация в течение первых лет НЭПа действительно не бездействовала. Уже к январю 1925 г. в Плёсской волости функционировали: сельскохозяйственный техникум (открыт в августе 1919 г.), дом крестьянина, клуб, библиотека, два театра (летний и зимний), школа-семилетка, 5 школ первой ступени, 2 избы-читальни, а также 3 детдома, участковая больница, ветеринарная лечебница и 4 дома

отдыха. Население волости при этом было занято преимущественно сельскохозяйственным трудом, получая «незначительных доход» от извоза и кустарных промыслов (еще 14 % его трудилось на яковлевских фабриках) [3. Д. 22. Л. 261]. В мае 1925 г. была пущена фабрика «Красная Маяк» в Плёсе, на которой к 1926 г. трудилось уже 143 чел. В докладе о работе Середского уездного исполкома за 1926 г. отмечалось, что в уезде действует 19 агрономов (в радиусе от 10 до 12 верст) и 8 ветеринарных участков. Расход на душу населения в 1926 г. был весьма значителен, составляя 11,77 руб. по Яковлевской волости и 10,10 руб. – по Плёсской. Столь внушительная сумма была связана с развитием городской инфраструктуры, почти вдвое превосходя расходы на душу населения по «крестьянским» волостям (Горкинской, Острецовской и Середской) и лишь немногим уступая расходам по уездному центру – Середе (12,61 руб.) [3. Д. 159. Л. 44–44 об.]. Отмечая успехи Середского исполкома в хозяйственном строительстве волости, Плёсский горисполком на заседании 12 февраля 1926 г. выражал основные пожелания на ближайшую перспективу: проведение железнодорожной ветки от Середы до Плёса, электрификация Плёса и ряд улучшений в области сельского хозяйства [2. Д. 2192. Л. 4 об.]. Таким образом, восьмилетнее пребывание в составе новой губернии коренным образом изменило «хозяйственную ориентацию» местного населения – оно связывало все свои начинания с Иваново-Вознесенской губернией. Это свидетельствует об успешной работе новой губернской и уездной администрации в первые годы советской власти.

Библиографический список

1. *Бутрин Е.С.* Образование Иваново-Вознесенской губернии: процесс самоопределения местностей // Иваново-Вознесенская губерния: история рождения и становления нового субъекта Российской Федерации (1917–1919 гг.). Иваново, 2018.
2. ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1.
3. ГАИО. Ф. Р-969. Оп. 1.
4. ГАИО. Ф. Р-972. Оп. 1.
5. *Макарьев П.Ф.* Фабрично-заводская промышленность Костромской губернии накануне мировой войны. Кострома, 1921.
6. *Околотин В.С.* Центрально-Промышленная область: образование и результат // Обозреватель. 2016. № 5.
7. *Панченко Г.В.* Плёс на изломах времени: от военной крепости к городу-курорту // Уваровские чтения – VI: граница и пограничье в истории и культуре. Муром, 2006.
8. Ярмарки, базары и торгово-промышленные предприятия // Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1913 год. Кострома, 1913.

УДК 930.1

А.И. Ганчар,

доцент, Гродненский государственный аграрный университет (Гродно)

ИСТОРИЯ «ЗЕЛЬВЕНСКОГО ДЕЛА» (2 ЯНВАРЯ 1907 Г.)

В статье изложена наиболее полная версия произошедших событий, вошедших в историю Российской империи под названием «Зельвенского дела». Благодаря историческим данным обнаружилась правда, которая требует пересмотра устоявшихся, особенно в польской историографии, взглядов на процесс храмового римско-католического строительства в Российской империи в начале XX века.

Ключевые слова: Римско-католическая Церковь, Российская империя, Зельва, храм, верующие, духовенство.

A.I. Hanchar,

Associate Professor, Grodno State Agrarian University

HISTORY OF THE ZELVENIAN DEAL (JANUARY 2, 1907)

The article presents the most faithful and complete version of the sad events which entered the history of the Russian Empire under the name of "Zelva affair". Thanks to historical data, the truth has emerged which requires a review of established, especially in Polish historiography, views on the process of Roman Catholic Church construction in the Russian Empire in the early XXth century.

Key words: Roman Catholic Church, Russian Empire, Zelva, church, believers, clergy.

Путём личного опроса и подобного ознакомления с собранным к 16 января 1907 г. материалом предварительного следствия, чиновник особых поручений при Виленском, Ковенском и Гродненском генерал-губернаторе П. Шкот выяснил следующие обстоятельства события 2 января 1907 г.

В виду назначенной на это число первой за текущую зиму доставки в м. Зельву из окрестных деревень камня православными крестьянами, волковысский исправник А.М. Горелов накануне командировал из г. Волковыска 24 конных и 5 пеших стражников, которые и прибыли в м. Зельву вечером 1 января 1907 г.

Согласно заявлению исправника, это распоряжение было сделано им в предупреждение возможности повторения случая, бывшего в м. Зельве 20 марта 1906 г., когда, в силу малочисленности полицейского

наряда, стражники вынуждены были уступить толпе женщин и детей, не допустивших сложить доставленный для постройки церкви кирпич около на половину выведенных стен здания, предназначавшегося, до упразднения в 1867 г. Зельвенского р.-к. прихода, под костёл, а затем, с указанного года, как то видно из предложения ГН СЗК гродненскому губернатору от 14 сентября 1867 г. за № 1194, под постоянную кладбищенскую церковь.

В числе 24 конных стражников, командированных в м. Зельву, имелось 9 человек р.-к. вероисповедания и включение их в наряд, назначение которого было обеспечить православным крестьянам беспрепятственную доставку материала для постройки православного храма, исправник объяснил имевшимся у него предположением, что присутствие стражников-католиков успокаивающе повлияет на их единомышленников.

Сам исправник А.М. Горелов прибыл в м. Зельву утром 2 января 1907 г., когда подводчиков из окрестных деревень ещё не было в местечке. Собравшиеся в значительном числе около становой квартиры и рядом расположенного временного костёла прихожане-католики вступили с исправником в переговоры об отмене подвозки строительного материала не только в этот день, но и вообще до получения ответа на поданное католической частью населения на высочайшее имя прошение о разрешении строить костёл на том месте, где находились незаконченные постройкой 1867 г. стены.

Отклонив домогательства об отмене подвоза камня, исправник отправился к местному настоятелю православной церкви священнику Иосифу Янковскому для совместного с ним разрешения вопроса о возможности изъявления согласия на другое предложение местных прихожан-католиков: сложить подлежащий подвозу камень не на горе, где собственно была решена постройка церкви, а под горой между вырытой у её подошвы канавой и домом священника. Это ходатайство католической части населения, поддержанное к тому же перед исправником и местным приставом, было уважено, при чём во время продолжительных переговоров по этому поводу священник И. Янковский, настаивая на доставлении материала на гору, указывал, что в случае решения о передаче спорного места во владение католической части населения, то в собственности признанных этим решением владельцев отошёл бы и камень. Через непродолжительный промежуток времени, по заявлению А.М. Горелова 30–40 минут, после состоявшегося соглашения явившиеся уполномоченные от лица собравшихся католиков Михаил Сухоцкий, Юлиан Соколовский и Антон Гениуш заявили священнику и исправнику о последовавшем изменении состоявшегося соглашения о свалке камня на условленном месте (между канавой и домом священника) и настаивали на том, чтобы камень был сложен на базарной площади

местечка. При этом уполномоченные выражали готовность католической части населения собственными средствами доставить камень к месту постройки тогда, когда находившийся на рассмотрении в Петербурге вопрос о постройки церкви или костела на спорном месте будет окончательно разрешён в пользу первой.

Не имея никаких гарантий исполнения в будущем такого обещания и не считая себя в праве решать вопрос о свалке камня на базарной площади без изъявления на то согласия со стороны возчиков, которыми подвоз камня производился безвозмездно, священник и исправник передали предьявленные им требования зельвенскому волостному старшине Андрею Сачку. Согласно его показанию, возчики отказались удовлетворить требование католической части населения, а исправник, усматривая, что ни продолжительны уговоры, ни его старания прийти к полюбовному соглашению не приводят к желательным результатам, вследствие усилившихся по мере уступок требований упорствующей части населения, приказал бывшему при нём на посылках старшему стражнику Ивану Гележа передать находившемуся при отряде стражников столоначальнику уездного волковысского полицейского управления Комаревичу распоряжение о вытягивании собравшихся в местечке подвод для следования к первоначально определённом месту свалки камня – на горе. Утверждением старшего стражника И. Гележа, под утверждённым и самим Комаревичем, что когда последний приказал открыть огонь, И. Гележа обратился к нему с указанием на распоряжение исправника не применять оружие без предварительного о том ему исправнику доклада, установлена была наличность такого распоряжения, но исполнить его впоследствии не удалось в силу условий, при которых произошло самое столкновение стражников с населением.

Около 12 часов дня к горе, на которой находились недостроенные стены костёла, стали стекаться дети, женщины и мужчины, все с палками. По-видимому, часть собравшегося народа находилась близь дома священника, принимая участие в переговорах со священником и исправником, другая часть группировалась на горе около кладбища. Когда после отданного исправником распоряжения Комаревичу, с горы было замечено приготовление к движению подвод, все находившиеся на горе стремительно бросились вниз и образовали толпу. Исправник, в силу необходимости совместного со священником ведения с католиками переговоров, находился у последнего и движением толпы к указанному месту он оказался отрезанным от стражников и подвод.

Между тем, исполняя переданное старшим стражником распоряжение исправника, Комаревич стал вытягивать подводы. Впереди двигались 12 конных стражников, при которых находился и Комаревич. За ними непосредственно шёл волостной старшина Сачок, а далее

следовали подводы с камнем, с обеих сторон охраняемы остальной частью полицейского наряда.

Когда между двигавшимися шагом головными стражниками и толпой, безмолвно ожидавшей их приближения, оставалось не более 15 шагов, толпа встретила полицию криками «ура» и бросанием палок. Но наибольшее смтение в рядах конных стражников произвели живые гуси, которых бросали из толпы на головы лошадей. П. Шкот не поверил самому факту бросания гусей, хотя о нём говорил все стражники, представив события по другому: расположенная на пути следования стражников стая гусей была направлена в сторону безмолственной толпы; оказавшись окружённой на узком пространстве в 15 шагов, стая, поднявшись в воздух, естественно бросилась в противоположную от толпы сторону и тем привела в замешательство головной отряд конных стражников; их лошади, повернув, понесли назад своих всадников. Быстрым отступлением конных стражников подводы были тоже приведены в полный беспорядок и вытянувшаяся часть обоза обратилась в бегство.

В тоже самое время из дворов, окаймлявших путь движения обоза, выбежали на улицу находившиеся в этих дворах крестьяне-католики. Между тем толпа, видя отступление полиции, двинулась вперёд и для её удержания Комаревич наскоро собрал около себя пеших стражников, которым таким образом с трех сторон угрожала волнуемая толпа. Пеший стражник Емельян Гобец заявил П. Шкоту, что, идя около первой подводы с камнем, он не только отчётливо слышал выстрел из толпы, но и видел человека в чёрной шубе, выстрелившего в стражников из револьвера. Другой стражник Григорий Ракинчик видел дым от двух произведённых из толпы выстрелов. Этим исчерпывались точные показания относительно факта стрельбы из толпы. Остальные участники событий 2 января 1907 г. в своём отношении к этому вопросу разделились на две группы: лица р.-к. вероисповедания утверждали, что из толпы выстрелов не было, а стражники, за исключением двух поименованных, и возчики затруднялись определить откуда последовали первые слышанные ими выстрелы.

Что касается момента открытия огня полицией, то таковой начался под напором толпы, двинувшейся за отступавшими конными стражниками. Пешие стражники тоже вынуждены были начать отступление, чтобы тем самым не дать себя окружить со всех сторон. Отступая, стражники начали отстреливаться по распоряжению Комаревича, причём часть конных стражников стреляла с коня. Этим можно объяснить отсутствие пострадавших после первых выстрелов. Приказания стрелять вверх никто из стражников не слышал. Сам Комаревич заявил, что подобного приказа он не отдавал. При отступлении полиции, находившийся впереди

толпы Малиновский с криком «ура за мной, стреляют из холостых» бросился на Комаревича, которым и был убит из револьвера. По удостоверению Комаревича, ему пришлось обороняться от вторичного на него нападения со стороны неизвестного ему участника беспорядка. За израсходованием всех пяти зарядов своего револьвера Комаревич защищался кинжалом и нанёс нападавшему глубокую рану в грудь.

До 18 января 1907 г. не было установлено ни одного лица с подобным поражением, а по слухам в слонимскую больницу поступил на излечение крестьянин Верстак, который, по показанию крестьянина м. Зельвы Николая Лойко, сильно порезал себе руку кинжалом в то время, когда он схватился за него, желая обезоружить Комаревича.

Из стражников 7 человек получили удары палками и кольями, а у старшего стражника Ивана Галежи шашка была перебита пополам. Толпа, несмотря на открытый по ней огонь, преследовала отступавших до тех пор, пока пешие стражники не достигли базарной площади, где к ним присоединилась спешенная конная стража. Более действенная с этой минуты стрельба оправившихся стражников принудила всех сопротивлявшихся, унеся раненых и убитых, скрыться во дворах, прилегавших к месту столкновения. Новое движение полицейского отряда к горе, по словам Комаревича, сопровождалось бросанием кольев в стражников из-за забора, что и вызвало его приказание обстрелять дворы.

Опрошенный П. Шкотом местный житель, служивший околоточным надзирателем в г. Варшаве, Франц Верстак, заявил в присутствии двух других местных жителей Ивана Верстака и Михаила Вороновича, что дома действительно обстреливались по приказанию Комаревича, при чём по 3-м крестьянам, находившимся во дворе и не успевшим войти в дом Антона Верстака будто бы было произведено 7 выстрелов. В подтверждение своего заявления Франц Верстак указывал на пробитые этими выстрелами в доме Антона Верстака окно, дверь и печь. Но расположение на одной линии и направление всех трёх пробоев безусловно свидетельствовало, что они были произведены одной и той же пулей, которая, разбив два стекла в окне, пробила дверь и ударилась в печь. Кроме того из показаний находившихся в этом доме фельдшера Струнца и запасного бомбардира Адама Яковича, отмеченного в отчётах газеты «Русь» по «зельвенскому делу», как лицо, раненое Комаревичем при личном обстреливании последних домов, видно, что по дому Антона Верстака было произведено не 7, а 1 выстрел. Само же направление этого выстрела, в сторону противоположную движению стражников, давало основание полагать, что он сделан был не преднамеренно кем-либо из стражников, поставленных Комаревичем после освобождения пути следования подвод по обе стороны улицы при её слиянии с

проложенную у подошвы горы дорогой. Размещённые на 5 шагов друг от друга, с ружьями на изготовку, стражники наблюдали за близь лежащими домами и так как имелись опасения возможности стрельбы по полиции из этих домов, то, вероятно, кто-нибудь из стражников, не выдержав нервного напряжения, нечаянно выстрелил. Предположение о единственном выстреле основывалось на показаниях Струнца, отсутствии признаков попадания пуль в прочие здания местечка, единогласным утверждением всех стражников, что они не обстреливали дома, заявления Струнца и Якимовича, что они не видели кем произведён был выстрел, характером пробоин, свидетельствовавшей о собственной только винтовке силе выстрел, наличием у Комаревича кинжала и револьвера, из которого все 5 пуль были выпущены во время отступления стражников к базарной площади (Дело об оказанном сопротивлении католиков м.Зельвы при строительстве православной церкви и недопущении подвоза стройматериалов (14 марта 1906 г. – 6 ноября 1908 г.) // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1120. Л. 153–158).

Таким образом путём опроса выяснившаяся фактическая сторона дела привела П. Шкота к заключению о несомненности того, что как приказание обстреливать дворы и здания, так и самый их обстрел 2 января 1907 г. в м. Зельве не имели места, а возводимые на Комаревича некоторой частью периодической печати обвинения, что он «заглядывал в окна стрелял в комнаты» («Русь» от 8 января 1907 г., № 8) не соответствовала действительности. Что касалось сообщений о том, будто раненого Малиновского добивали (Комаревич – кинжалом, а стражники – ружейными прикладами), то из акта освидетельствования не усматривалось, чтобы на теле Малиновского были обнаружены какие-либо другие повреждения, кроме огнестрельной раны в области живота и нанесённой колющим оружием раны в верхнюю наружную часть левой ягодицы.

И.В. Горячев,

доцент, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Иваново)

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДСКОМ ОКРУГЕ ИВАНОВО НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рассматривается правовое обеспечение развития территориального общественного самоуправления в городском округе Иваново на рубеже XX–XXI вв. Представлен опыт изучения нормативно-правовых актов, регламентирующих создание и деятельность органов территориального общественного самоуправления в муниципальном образовании.

Ключевые слова: самоорганизация граждан по месту жительства, муниципальные правовые акты, органы местного самоуправления.

I.V. Goryachev,

Associate Professor, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ivanovo)

DEVELOPMENT OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT IN THE CITY DISTRICT OF IVANOVO AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The legal support for the development of territorial public self-government in the city district of Ivanovo at the turn of the 20th – 21st centuries is considered. The experience of studying normative legal acts regulating the creation and activities of bodies of territorial public self-government in a municipality is presented.

Key words: self-organization of citizens at the place of residence, municipal legal acts, local governments.

Институт территориального общественного самоуправления (далее – ТОС) призван играть важную роль в развитии муниципальных образований, в деле привлечения граждан к решению вопросов благоустройства и содержания придомовых территорий, в организации досуга населения, в процессах взаимодействия жителей муниципальных образований с органами власти и местного самоуправления и др. [1, с. 204].

Современный этап развития территориального общественного самоуправления в городе Иваново берет своё начало в конце XX в.,

когда в 1990 г. на основании решения сессии Ленинского районного Совета народных депутатов города Иваново был создан ТОС Сухово-Дерябихского микрорайона. Для формирования данного ТОСА имелись вполне объективные предпосылки. Сухово-Дерябихский микрорайон расположен на окраине города и в своей массе состоит из бетонных многоэтажных домов с квартирами улучшенной планировки образца конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века. После заселения в свои квартиры местные жители столкнулись с рядом трудностей, связанных с жизнеобеспечением: состояние междомовых дорог оставляло желать много лучшего, в шаговой доступности отсутствовали торговые точки и др. Для решения вопросов развития конкретной территории силами местного актива и при поддержке городских властей был образован ТОС.

В 90-е гг. XX в. процесс развития территориального общественного самоуправления в городе Иваново получил свое продолжение. Были зарегистрированы и начали свою работу ТОСы: «Авдотьино», «Сортировочный», «Минеево», «Привокзальный», «Соснево» и др.

ТОСы, созданные в Иваново в начале 90-х гг. XX в., при осуществлении своей деятельности столкнулись с рядом трудностей, в частности, отсутствием муниципальной нормативно-правовой базы, регламентирующей их положение. Безусловно, первые ивановские Тосы отнюдь не работали в правовом вакууме. Правовую основу их деятельности, например, составляли положения Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» от 6 июля 1991 г., который определил основные понятия и основы функционирования территориального общественного самоуправления в стране [3].

Однако Положение о территориальном общественном самоуправлении в городе Иваново появилось лишь спустя 8 лет после создания здесь первого ТОСа. 24 февраля 1998 г. Ивановской городской Думой было утверждено «Положение о территориальном общественном самоуправлении в г. Иваново» [5]. В апреле того же года в Уставе города Иваново были закреплены поправки, касающиеся системы организации территориального общественного самоуправления в муниципалитете [7].

Согласно «Положению о территориальном общественном самоуправлении в г. Иваново» 1998 г. были закреплены базовые принципы деятельности ТОСов, формы осуществления ТОС, а также регламентирован порядок их организации, определены органы территориального общественного самоуправления (структура, полномочия) и др.

Следует обратить внимание на то, что в «Положении о территориальном общественном самоуправлении в г. Иваново» 1998 г. были сформулированы вполне конкретные гарантии осуществления территориального общественного самоуправления. В частности, органы местного самоуправления в добровольном порядке принимали на себя

обязанности по оказанию финансовой поддержки ТОСам, по организации подготовки и обучения сотрудников, в обеспечении помещениями, мебелью, средствами связи и др.

С целью реализации нормативно-закрепленных гарантий развития ТОС в городе Ивановской городской Думой было принято решение о наделении правом ТОСов, образованным в форме юридического лица, «от своего имени и в пределах своих полномочий заключать договоры, приобретать имущественные и личные неимущественные права и нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде и государственном арбитраже» [2].

Следует отметить, что начиная с 90-х гг. прошлого века по настоящее время в городском округе Иваново подавляющая часть ТОСов создана без образования юридического лица, соответственно, последние обладают статусом субъекта муниципальных правоотношений, но не обладают статусом субъекта гражданских правоотношений.

В начале XXI в. органами местного самоуправления городского округа Иваново были приняты несколько важных решений, направленных на поддержку развития ТОСов. В частности, в 2002 г. Ивановская городская Дума согласовала с городской администрацией «Положение о порядке финансирования органов территориального общественного самоуправления города Иваново». Согласно данному решению передача финансовых средств городским ТОСам должна была осуществляться на основе заключенных двусторонних договоров между органами территориального общественного самоуправления и администрацией города [4]. Следует отметить, что к настоящему времени «Положение о порядке финансирования органов территориального общественного самоуправления города Иваново» как нормативно-правовое решение утратило силу, однако, зафиксированный в нём подход о выделении финансовых средств ТОСам со стороны городской администрации на основе двухстороннего договора до сих пор не потерял своей актуальности.

В 2006 г. городскими властями было утверждено новое «Положение о территориальном общественном самоуправлении в городе Иваново», которое с определенными изменениями действует в настоящее время [6]. Проведенный сравнительный анализ «Положения о территориальном общественном самоуправлении в городе Иваново» от 24 февраля 1998 г. № 113 и «Положения о территориальном общественном самоуправлении в городе Иваново» от 31.05.2006 № 151 (в действующей редакции) позволил выявить ряд отличий в содержательной части этих документов.

Во-первых, в Положении о территориальном общественном самоуправлении от 24 февраля 1998 г. № 113 среди правовых основ ТОС

города Иваново была приведена Европейская хартия о местном самоуправлении, однако в Положении о ТОС от 31.05.2006 № 151 Европейская хартия о местном самоуправлении среди правовых основ ТОС г. Иваново не указана. Между тем данная хартия, ратифицированная в нашей стране ещё в 1998 г., обязывала государство обеспечивать в своем внутреннем законодательстве гарантии развития местного самоуправления. После реформы местного самоуправления в России (2003–2009 гг.) подобные гарантии государство должно обеспечивать в силу требований отечественного законодательства.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что Положением о территориальном общественном самоуправлении от 24 февраля 1998 г. № 113 среди принципов осуществления деятельности ТОС был указан принцип «создания собственных источников доходов в результате экономической деятельности», но в содержательной части Положения о ТОС от 31.05.2006 № 151 данный принцип уже не указан. Безусловно, что городские власти не отказывают ТОСам в праве как аккумулировать собственные доходы, так и распоряжаться ими. Тем более что к полномочиям органов ТОС (в действующей редакции Положении о ТОС от 31.05.2006 № 151) относится «определение направлений использования дохода от хозяйственной деятельности территориального общественно-го самоуправления». Скорее принцип «создания собственных источников доходов в результате экономической деятельности» был «вычеркнут» из перечня принципов деятельности ТОСов города Иваново на основе понимания городскими властями сложившейся практики деятельности органов ТОС, когда экономическую основу их деятельности, преимущественно, составляли не собственные доходы, а средства и имущество, переданные безвозмездно на баланс ТОСа самими его участниками и городскими властями.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что правовое обеспечение деятельности территориального общественного самоуправления в городском округе Иваново с конца XX в. имело в целом системный характер, надо также добавить, что с развитием ТОС в муниципалитете связано несколько примечательных моментов:

– если посмотреть на карту размещения ТОСов в Иваново, то можно увидеть, что территориальным общественным самоуправлением охвачены, в первую очередь, окраины города, где вопросы территориального развития стоят наиболее остро. Что касается центра города, то не следует забывать, что здесь находятся не только жилые спальные кварталы, но и многочисленные административные здания, крупные торговые центры, площади и скверы. Дела с благоустройством центра города Иваново обстоят относительно неплохо;

– большинство руководителей ТОСов – женщины. В этом просматривается некое наследие советской эпохи, когда город Иваново был одним из крупнейших центров текстильной промышленности страны, а «костяк руководства» трудовых коллективов составляли именно женщины;

– характерным моментом является то, что территориальное общественное самоуправление в Иваново зачастую осуществляется в пределах микрорайонов. В этом отношении видится условная преемственность, поскольку первый ТОС в городе был создан именно в границах Сухово-Дерябихского микрорайона.

Библиографический список

1. Мусинова Н.Н. Роль территориального общественного самоуправления в формировании комфортной городской среды // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 3 (116). С. 203–206.

2. О внесении дополнений в Положение о территориальном общественном самоуправлении в г. Иваново: решение Ивановской городской Думы от 26.10.1999 № 290 (утратило силу) // Информационно-правовой портал: Гарант.ру. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 26.12.2022).

3. О местном самоуправлении в РСФСР: закон РСФСР от 06.07.1991 г. (с изменениями и дополнениями, утратил силу) // Информационно-правовой портал: Гарант.ру. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 19.12.2022).

4. Положение о порядке финансирования органов территориального общественного самоуправления города Иванова: Решение Ивановской городской Думы от 25.06.2002 № 144 (утратило силу) // Информационно-правовой портал: Гарант.ру. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 30.12.2022).

5. Положение о территориальном общественном самоуправлении в г. Иваново: решение Ивановской городской Думы от 24 февраля 1998 г. № 113 (с изменениями и дополнениями, утратило силу) // Информационно-правовой портал: Гарант.ру. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 26.12.2022).

6. Положение о территориальном общественном самоуправлении в городе Иваново: решение Ивановской городской Думы от 31.05.2006 № 151 (в действ. ред.) // Информационно-правовой портал: Гарант.ру. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 05.12.2022).

7. Устав города Иваново: решение Ивановской городской Думы от 08.05.1996 № 4 (с изменениями и дополнениями, утратило силу) // Информационно-правовой портал: Гарант.ру. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 24.12.2022).

УДК 355.4

А.О. Гулин,

кандидат исторических наук, преподаватель ОГБПОУ «Буйский техникум железнодорожного транспорта Костромской области»

УЧАСТИЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ПЕРСИИ В 1909–1913 ГГ.

В статье рассматривается роль казачьих подразделений в стабилизации политической обстановки в Персии накануне Первой мировой войны, дается оценка миротворческой деятельности России, анализируется эффективность использования российским военным командованием казачьих частей

Ключевые слова: казаки, Персия, Персидская бригада, миротворцы.

A.O. Gulin,

Candidate of Historical Sciences, Teacher OGBPOU "Buy's Technical School of Railway Transport of Kostroma region"

PARTICIPATION OF THE COSSACK TROOPS IN COMBAT ACTIONS ON THE TERRITORY OF NORTHERN PERSIA IN 1909–1913

The article is devoted to the role of the Cossack units in stabilizing the political situation in Persia on the eve of the First World War, it assesses the peacekeeping activities of Russia, analyzes the effectiveness of the use of the Russian military command of the Cossack units

Key words: cossacks, Persian Brigade, peacekeepers.

К началу XX века правящую верхушку Персии раздирали острые внутренние противоречия. В основном схватка за власть происходила между двумя политическими группировками. Одна выражала интересы местных коррумпированных чиновников в лице генерал-губернаторов, другая, более многочисленная, состояла из сторонников меджлиса, персидского парламента, в котором преобладали депутаты революционной партии принца Зюлли-Султана, готовившего государственный переворот. Причем каждая из сторон апеллировала к своим непосредственным хозяевам – западноевропейским державам. «Если первые уповали на Англию с Францией, то для других «светом в окошке» была Германия» [1, с. 98].

Но существовала и третья сила. Ею являлся властитель Персии Мохаммед-Али-Шах с немногочисленным окружением приверженцев

из числа близких родственников, который метался между двумя противостоящими лагерями.

Ситуация осложнялась происками турецкой агентуры и безудержными нападениями на караванные тропы отрядов курдов и туркмен. «Шахская армия пребывала в состоянии перманентного развала и не могла противостоять разгулу бандитизма и политической анархии» [2, с. 124]. «Для ограждения территориальной целостности страны Мохаммед-Али-Шах располагал всего лишь одним вполне боеспособным соединением – сформированной еще в 1881 году с помощью российских военных инструкторов Персидской казачьей бригадой. С той поры ее командиром всегда являлся русский офицер в чине полковника» [3].

С 1908 года в Персии усилились выступления против правящей шахской династии Каджаров, выходцев из одноименных тюркских племен. Отряды кочевников оседлали торговые пути – жизненно важные для экономики страны артерии. «Участились случаи грабежей и беспорядков в городах и других населенных пунктах, провокации против консульских чиновников и прочих подданных Российской империи» [4, с. 157].

В январе 1909 года в Реште сторонниками межджиса был убит губернатор. После чего волнения перекинулись в Тавриз, столицу персидской провинции Южный Азербайджан. Весной вспыхнули бои в предместьях Тегерана, а затем и в нем самом. В это же время шахсевены принялись грабить в окрестностях города Ардебил жителям селений, которые являлись русскими подданными.

Бакинский губернатор телеграфом передал в Петербург срочное сообщение о вторжении на подведомственную ему территорию отряда курдов в количестве двухсот человек. Они попытались застать врасплох пост пограничной стражи. Подобные известия поступали и из других районов Персии, где располагались консульские учреждения Российской империи. «С просьбой о помощи к русскому правительству обратились и подданные прочих иностранных государств, в том числе Англии и Франции, хотя их же эмиссары приложили руку к разжиганию междоусобной войны в Персии» [5, с. 186].

Дальнейшее развитие событий нетрудно было предугадать. Вот тогда во исполнение приказа императора Николая II в недрах российского военного ведомства родилась секретная директива за № 1124 от 20 апреля 1909 года, адресованная царскому наместнику на Кавказе и командующему войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанту графу Воронцову-Дашкову: «Ввиду ожидавшегося в Тавризе нападения на консульство и европейские учреждения и подданных со стороны революционеров и населения Тавриза, доведенного до отчаяния голодом... Государь Император повелел немедленно двинуть форсированным маршем в Тавриз отряд достаточной силы для защиты

русских и иностранных учреждений и подданных, подвоза к ним продовольствия, а также для поддержания обеспеченного сообщения Тавриза с Джульфой» [4, с. 244].

Вскоре в Персию были отправлены два батальона 1-й Кавказской стрелковой бригады, четыре конные сотни кубанских казаков из 1-го Сунженско-Владикавказского и 1-го Полтавского полков, саперная рота и три артиллерийские восьмиорудийные батареи. Они вошли в состав отряда, которым командовал генерал-майор Снарский.

Русские войска, перейдя пограничную реку Аракс, устремились к Тавризу. В инструкциях, данных командиру отряда, помимо всего прочего было указано: «Все сношения войсковых начальников в занимаемых русскими войсками городах с местными персидскими властями и с населением должны производиться через дипломатических агентов Российского Императорского Правительства; совместное с русскими войсками пребывание в населенных пунктах и передвижение по охраняемым русскими войсками дорогам каких-либо вооруженных отрядов и партий, деятельность которых имела разбойничий характер, – не допускается... Решение вопроса об употреблении в дело оружия зависит исключительно от войскового начальства... Раз принятое решение должно быть приводимо в исполнение бесповоротно и с полной энергией» [4, с. 273].

Прибытие русских подразделений оказалось своевременным. Генерал Снарский, невзирая на чины и звания, решительными мерами стал наводить порядок. За каждый случай грабежа и разбойного нападения курдов, причинявший значительный материальный ущерб, он строго спрашивал с их племенных вождей посредством взыскания контрибуции в пользу потерпевшей стороны. Убийства подданных Российской империи карались смертными приговорами пограничного суда.

Так начался первый этап миротворческой миссии солдат и офицеров России в Персии, во время которого им приходилось действовать в основном против кочевников курдов и туркмен-йомудов, с которыми не могла справиться слабая, находившаяся в состоянии коллапса персидская армия.

Летом 1909 года казаки взяли под охрану важнейшие дороги от Тегерана до границы. Усилилась связь между постами казачьей конницы. В «Сводке сведений о сопредельных странах, добытых разведкой», сообщалось: «Можно с уверенностью утверждать, что если бы мы не прибегали к периодическому командированию с караванами казачьих конвоев, то весь наш товарооборот с богатым урмийским рынком совершенно бы прекратился, и таким образом заветная мечта турок убить нашу торговлю... и подорвать наше влияние была бы уже свершившимся фактом. Достаточно сказать, что за неполные два месяца русскими казаками было проконвоировано по дороге Хой – Урмия около 10 тысяч

верблюдов с грузом сабзы, сахара, керосина и мануфактуры на сумму около 1 миллиона рублей» [4, с. 284].

Благодаря своевременным действиям русских миротворческих отрядов по поддержанию мира и порядка на персидской территории к концу 1909 года в стране наступило некоторое успокоение, и необходимость в содержании большого количества пехотных и казачьих отрядов отпала. Однако, между тем, заняв те или иные районы небольшими частями, удержать затем эти пункты против кочевников для русских частей представлялось делом серьезным. Как отмечал генерал Самсонов – командующий ТуркВО: «...Мы всегда стремились поскорее вернуть наши войска обратно в Россию. Местное население, не разбираясь в тонкостях политических соображений, всякий раз видит в этом якобы нашу слабость, наше поражение...» [1, с. 124].

После небольшого периода затишья с осени 1911 года вновь ситуация обострилась. Произошли нападения многочисленных вооруженных групп на русский отряд в Тавризе, участились случаи обстрела консульских учреждений и конвоев в Реште. Толпы кочевников буквально терроризировали караванные артерии страны. Причем в вылазках против российских войск были замечены отряды протурецки настроенных губернаторов западных провинций, а также религиозные фанатики из сопредельных стран.

Уместно будет привести пример действий казаков в ответ на вылазки протурецки настроенных бандитов. Так, по донесению командира дивизиона 1-го Горско-Моздокского полка ТКВ, находящегося в охране консульства в Хое, есаула Гапузова, 27 октября сотник Бичерахов с двадцатью казаками 3-й сотни сопровождал в Урмию русского священника. По дороге конвой подвергся обстрелу курдов, занявших горный кряж, которые открыли огонь по казакам. Продвигаясь вперед, Бичерахов убедился, что фронтальной атакой курдов с кряжа не сбить. Тогда он приказал младшему уряднику с четырьмя казаками обойти неприятеля с фланга. Продвигаясь по открытой местности, сотник получил первую рану в левую ногу – выше колена навывлет, но виду нижним чинам не подал. Через некоторое время Бичерахов получил еще два ранения: в грудь и в правую ногу. Не в состоянии двигаться, но и не потеряв сознания, Бичерахов продолжал командовать цепью через урядника: приказал двум казакам прорваться через курдов и дать знать командиру дивизиона о положении конвоя.

Дивизион выступил к месту схватки, рассеял отряд разбойников и, прибыв на место перестрелки, нашел команду в образцовом порядке. В рапорте командира 1-го Горско-Моздокского полка полковника Арютинова отмечалось, что «...вся команда проявила удивительную храбрость и умелость» [4, с. 312]. 12 января 1912 года сотник Бичерахов

был представлен к награждению орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами.

В номере газеты «Русский Инвалид» от 17 ноября 1911 года в статье «Усиление конвоя в Хое» было написано: «В виду приведенного случая, а также общего отсутствия безопасности на весьма важном для нас в торговом отношении караванном пути из Джульфы через Хой в Урмию, и принимая во внимание, что само персидское правительство совершенно бессильно восстановить и поддерживать порядок, – Русское Правительство решило временно усилить казачий конвой при консульстве в Хое необходимой пехотной частью при орудиях» [6].

Характерно, что в этот момент наблюдалась тенденция интернационализации междоусобного конфликта. «Поэтому потребовались дополнительные контингенты русских войск с одной лишь целью – поставить под их полный контроль всю зону ответственности России в Северной Персии, как того требовали статьи англо-русского соглашения 1907 года» [7, с. 79].

Ввод войск осуществлялся по трем операционным направлениям из Джульфы, Астары и Энзели на Тегеран. Основу группировки составили части Кавказского военного округа, поэтому непосредственное оперативное руководство русскими войсками в Персии осуществлял начальник штаба этого военного округа генерал-майор Николай Юденич. Он сделал ставку не на численность миротворческого контингента, а на его мобильность и техническую оснащенность. Пехотные части с приданными конными сотнями кубанских и терских казаков свели в тактические группы, отряды. Это был давно апробированный способ ведения боевых действий в горноклиматических условиях Кавказа. Штабы располагались в городах Тавризе, Ардебиле, Казвине и Хое. Граф Воронцов-Дашков призвал своих подчиненных: «Действовать с открытыми глазами и говорить как с турками, так и с другими иностранными государствами прямо, без недомолвок». В этой связи уместно привести выдержку из приказа № 2 от 27 декабря 1911 года генерал-майора Редько А.Е. по Хоросанскому отряду: «...п. 3. Части отрядов в пределах Хоросанской провинции, не вмешиваясь в дела внутреннего управления страны имеют главной обязанностью защищать русских подданных, русские консульства и другие правительственные учреждения;

п. 4. ...начальники отрядов и начальники частей прибегают к силе лишь при действительной необходимости подавить оружием опасные народные волнения, но придя к такому решению, должны действовать решительно, твердо, без колебаний, дабы население прониклось сразу сознанием нашей силы» [4, с. 342].

Наведя порядок в Северной Персии, русское командование обратило внимание на турок. Выдавливали их российские подразделения

следующим способом. Подходили на рассвете к турецким бивакам, после чего, выставив пушки и пулеметы на высотах, требовали покинуть персидскую территорию. Таким образом, безо всяких дипломатических осложнений очистили весь Западный Азербайджан.

Примечательное заявление в присутствии иностранных консулов сделал командир 11-го турецкого корпуса Джабир-паша: «Убедившись на деле, что такое персидская конституция и какая анархия царит в Персии, я лично считаю, что приход русских войск в Персию есть проявление человечности и гуманности, а не результат каких-либо агрессивных намерений. Русские поступают в Персии очень умело и осторожно, а потому симпатии почти всего населения на их стороне» [1, с. 156].

Когда наступил период умиротворения и спокойствия, большая часть российских войск покинула Персию. Лишь отдельные подразделения находились в ней вплоть до начала Первой мировой войны.

Библиографический список

1. Бубнов А.Д. В царской ставке. М.: Вече, 2008. 272 с.
2. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. 514 с.
3. Домантович А.И. Воспоминание о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. № 2–4.
4. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 442 с.
5. Игнатьев А.И. Русско-английские отношения накануне Первой Мировой войны (1908–1914). М.: Наука, 1962. 418 с.
6. Русский инвалид. № 247. 17 ноября 1911 г.
7. Шитов Г.В. Персия под властью последних Каджаров. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1933. 231 с.

Е.В. Дроботушенко,

декан, Забайкальский государственный университет (Чита)

**МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
НА СЕВЕРЕ КИТАЯ В ДОКУМЕНТАХ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОЮЗА
СИБИРЯКОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ И.А. ЯКУШЕВА**

В статье на основе документальных источников приводятся неизвестные и малоизвестные данные по истории русских поселений на севере Китая. В основу исследования легли некоторые документы Председателя Союза сибиряков в Чехословакии И.А. Якушева, посвященные трагическим событиям в регионе на рубеже третьего–четвертого десятилетий XX в.

Ключевые слова: российская эмиграция, казачество, Забайкалье, Северный Китай, Барга, Русское Трехречье, Аргунь.

E. V. Drobotushenko,

The Dean, Transbaikal State University (Chita)

**MATERIALS TO THE HISTORY OF RUSSIAN SETTLEMENTS
IN THE NORTH CHINA IN THE DOCUMENTS OF I.A. YAKUSHEV,
THE CHAIRMAN OF THE UNION OF SIBERIANS
IN CZECHOSLOVAKIA**

The article, based on documentary sources, provides unknown and little-known data on the history of Russian settlements in the northern China. The research is based on some documents of the Chairman of the Union of Siberians in Czechoslovakia I.A. Yakushev; they were dedicated to the tragic events in the region at the turn of the third and fourth decades of the XX century.

Key words: Russian Emigration, Cossacks, Transbaikalia, Northern China, Barga, Russian Three Rivers, Argun.

История русских поселений на севере Китая в разное время находила отражение на страницах научных и научно-популярных публикаций. Это труды таких исследователей как Ю.В. Аргудяева, Г.П. Белоглазов, В.Л. Кляус, А.П. Тарасов, А.Г. Янков и др. В их основу отчасти легли воспоминания А.М. Кайгородова [1; 7; 8; 9; 10; 11; 12 и др.].

Несмотря на наличие определенного количества исследований на сегодня нельзя сказать, что история русских поселений северного Китая изучена в полной мере. Существуют спорные вопросы. Для воссоздания наиболее полной картины важно внимание ко всей содержащейся в документах информации.

Цель данной статьи – донести до широкой общественности малоизвестные материалы, а именно, статистические данные по видам и объемам хозяйственной деятельности русских поселений севера Китая в конце 1920-х гг.

Важнейшим документом в разрезе заявленной проблематики и цели исследования является обращение восьми уполномоченных русского населения «Трехречья, Побережья Аргуни и Барги» от 14 ноября 1930 г. к общественности, а конкретно в адрес Председателя Дальневосточного Комитета Трудовой Крестьянской партии «Крестьянская Россия» в Харбине. В нем говорится о Русском Трехречье, на самом же деле рассматриваются русские поселения всего Северного Китая.

Интереснейшими представляются некоторые статистические данные в нем приводимые. Отчасти, в чем-то схожая информация находила отражение в публикациях [2], но от этого она не становится менее важной и, очевидно, требует дополнения. Первые русские стали появляться на севере Китая еще в конце XIX в., однако это были, скорее единичные, частные случаи. Значительное увеличение русского населения в регионе приходится на 1918 г., однако основная его масса появилась там в 1920–1921 гг., после того, как власть в Забайкалье перешла к большевикам. Именно забайкальские казаки и стали тем самым русским населением Северного Китая.

Однозначного ответа на вопрос, сколько русских поселений было на севере Китая, на сегодня нет. Согласно анализируемым документам, к концу третьего десятилетия XX в. было 35 поселков заселенных русскими. Речь идет о так называемом Русском Трехречье (реки Ган, Хаул и Дербул) и китайском берегу р. Аргунь. При этом первый локальный регион именуется Баргой.

Авторы обращения подробно расписали хозяйственное состояние русских поселений по двум локальным группам. В то же время отметим, что в некоторых источниках, авторы говорят о четырех районах расселения русских [6, л. 16]. В 1929 г. «...Приблизительно в районе Барги (Китайская Монголия) в 15 поселках (Зареченский, Джалайнор, Цаган, Хорхонт, Вангунь, Хайлар, Хаке, Чжаромтэ, Якиши, Маньдухэ, Кацейнор, Могайтун, Тыныхэ, Цанкирбулак и Наджин-булак) с населением 4 000 душ: лошадей – 7 500, на душу 1 и 1/2; коров – 30 000, на душу – 6; овец – 55 000, на душу – 11; свиней – 2 500, на душу – 1/2. Посевная площадь – 3 000 дес. Сенокосы хорошие, хватает себе и до 10 % на рынок.

Главная статья дохода – скотоводство и маслоделие: сбыт мяса, кожи, молока на частых маслодельни и сыроваренных заводах. Последняя статья дохода – значительна. За молочный сезон с мая по сентябрь включительно доходность одной коровы (мелкие забайкальские) в 10–15 руб., что на самое мелкое хозяйство составляло 50 руб., на крупное –

1 000 руб. Побочный заработок. Работали на лошадях на лесных концессиях, в среднем по 70 руб. в месяц на одного чел. с лошадыю. Плюс охота на волков и лисиц, колонков...» [5, л. 3].

Подробно расписано состояние хозяйства еще по двум группам русских поселений. В документах они объединены в одну, однако в существующей исследовательской традиции их рассматривают отдельно. Это поселения непосредственно в Русском Трехречье и по китайскому берегу р. Аргунь. В данном исследовании мы опираемся на рассматриваемый источник: «...Вторая группа – беженцы по рекам Ган, Хаул, Дербул и Аргунь. 20 поселков: Аргунск, Лабцагор, Драгоценка, Верх-Кули, Усть-Урга, Ключевая, Дубовая, Светлый Колуй (Кокуй – ? – Е. Д.), Тулунтуй, Усть-Боржокон, Комара, Дамасово – 521 семья, 3 000 душ.; лошадей: 3 182, на душу 1 и 6/100; коров – 13 309, на душу 4 и 1/3; овец – 26 176, на душу 8 и 2/3; домашней птицы – 7 412, на душу – 2 и 1/2.

Пахотной земли – 5 331 дес. Сено только для собственных нужд, продавать не кому.

Маслоделие широко, некоторые поселения перешли на путь маслоделия. В этой группе больше и лучше угодий для скота, от коровы за сезон до 20 руб.

Побочный заработок – только промысел на зверя: волк, медведь, лиса, белка, хорек, колонок, выдра, рысь, россомаха, тарбаган, изюбрь, коза, лось.

Отдельные средние крестьянские хозяйства в 6 душ к 1929 г. имели до 10 дес. земли пахотной, 7 лошадей, 26 коров, 52 овцы, 2–3 свиньи, 15 домашней птицы, сенокосы и доход от охоты. В последние годы район стал играть крупную роль в экономике Китая...» [5, л. 4].

Благополучные времена для русского населения севера Китая закончились на рубеже третьего–четвертого десятилетий XX в., когда на территорию региона было совершено несколько карательных походов красноармейских отрядов с территории Забайкалья [4, л. 3; 5, л. 4]. «...Красными бандами уничтожены поселки: Дамасово, Аргунский, Камара, Усть-Урга, Тынынхэ, Чанкир.

Китайцы послали два полка, но советские войска начали регулярные действия и население всех 35 поселков стало уходить вглубь...» [5, л. 4].

Данные по хозяйственной составляющей русских поселений севера Китая в рассматриваемом обращении приведены для иллюстрации. Суть же сводилась именно к тому, что население вынуждено покидать регион, бросив все. По сути, просили поддержать в сложной ситуации.

Данное письмо, как отмечалось выше, попало в руки председателя Дальневосточного Комитета Трудовой Крестьянской партии «Крестьянская Россия» в Харбине. Он, в свою очередь, написал 11 января 1930 г. письмо с просьбой о помощи трехреченцам в Прагу на имя

редактора сборника «Крестьянская Россия» А.А. Аргунова с просьбой подыскать капитал для переезда и устройства на новом месте. То же обратился к председателю Союза сибиряков в Чехословакии И.А. Якушева, в архивах которого изначальный документ и ряд писем, с ним связанных, и сохранились [5, л. 2].

Так появилась переписка общественных деятелей в Харбине, Чехословакии и Канаде с обсуждением вопроса помощи русскому населению севера Китая. Речь шла о рассмотрении потенциальной возможности его эмиграции в США или Канаду [5, л. 1].

В Харбине организацией помощи «русским трехреченцам» занялся представитель Союза сибиряков Г.П. Грачев. Им были созданы группы в поселениях Якеши и Хайлар, а также в Харбине. Что за группы не совсем ясно, но возможно тех, кто желал уехать из Китая [5, л. 25].

Помимо названных выше персоналий в попытках помощи русскому населению севера Китая в начале четвертого десятилетия XX в. принял участие член правления Союза Сибиряков в Праге Ф.С. Мансвентов, который был по делам в Америке и мог обсуждать вопросы переселения туда «русских трехреченцев» [5, л. 7].

Решением проблем переезда русского населения Трехречья в Канаду занимался уполномоченный представитель Союза сибиряков в стране И.К. Окулич [5, л. 26]. Участвовал в организации процессов представитель старообрядцев в Харбине Г. Лебедев, который сообщал, что 20–30 семейств готовы к выезду [5, л. 7].

Дать ответ на вопрос, насколько деятельность общественников в Китае, Чехословакии и Канаде дала результат, на сегодня сказать сложно. Однако можно констатировать, что документы председателя Союза сибиряков в Чехословакии И.А. Якушева содержат богатый материал по истории русских поселений на севере Китая. Это статистические данные по хозяйственной деятельности русского населения региона, данные о карательных походах красноармейских отрядов, попытках решить вопрос с переселением пострадавшего от красного террора населения региона в Канаду. Отметим, что документы архива И.Я. Якушева требуют к себе значительного внимания, поскольку они не ограничиваются только приведенными данными.

Библиографический список

1. *Аргудяева Ю.В.* Из России в маньчжурское Трехречье: исход русских казаков и крестьян после Гражданской войны // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 27–37.

2. *Аргудяева Ю.В.* Русское население Трехречья. // Города и остроги земли сибирской. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/a/argudjaeva_ju_v/russkoe_naselenie_v_trekhreche/143-1-0-213 (дата обращения: 06.01.2023).

3. *Белоголов Г.П.* Русская земледельческая культура в Маньчжурии в конце XIX – 20-х годах XX в. // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 108–115.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). 10017. Оп. 1. Д. 148.
5. ГАРФ. Р-5871. Оп. 1. Д. 128.
6. ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 254.
7. *Доценко П.* Трехреченская Голгофа. Текст: электронный // Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю. Фельштинского, Г. И. Чернявского. М.: Terra-книжный клуб. 512 с. // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: <http://swolkov.org/doc/kt/pr05-2.htm> (дата обращения: 03.12.2022).
8. *Кайгородов А.М.* Потерянная земля (историко-этнографический очерк) // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 2. С. 160–176. Текст: электронный // Предыстория. URL: <https://predistoria.org/forums/index.php?page=1163> (дата обращения: 04.12.2022).
9. *Кайгородов А.М.* Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.
10. *Кляус В.Л.* «Русское Трехречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 384 с.
11. *Тарасов А.П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, РИС ЗабГУ, 2003. 432 с.
12. *Янков А.Г., Тарасов А.П.* «Русские Трехречья: история и идентичность». [б. г.]: [б. и.], 2011. 72 с.

УДК 930.1

Е.Е. Дряблова,

доцент, Ивановская государственная медицинская академия

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассмотрено влияние идеологической политики советского государства на деятельность историко-партийных органов в 20-е годы XX века. Показана руководящая роль партийных органов в сборе исторических материалов, организации историко-революционных архивов, формировании нового исторического сознания, пропаганде советской государственной идеологии.

Ключевые слова: идеологическая политика, архивные учреждения, сбор документов, развитие исторической науки, цензура, историческое сознание.

E.E. Dryablova,

Associate Professor, Ivanovo State Medical Academy

THE IDEOLOGICAL POLICY OF THE SOVIET STATE AND ACTIVITIES OF INSTITUTIONS OF HISTORICAL-PARTY BODIES IN THE TWENTIES OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the influence of the ideological policy of the Soviet state on the activities of institutions of historical-party bodies in the twenties of the XX century. The leading role of the Communist Party structures in the collection of historical materials, the organization of historical-revolutionary archives, the formation of new historical consciousness, and the propaganda of the Soviet state ideology are shown.

Key words: the ideological policy, archival institutions, collection of documents, the development of historical science, censorship, historical consciousness.

Развитие и становление советской исторической науки было тесно связано с идеологией и практической деятельностью советского государства. В 1920-е годы в советском государстве начинает складываться историческая наука, основанная на марксистско-ленинской методологии. Ее задачами являлось формирование нового исторического сознания и советской идеологии. Историко-партийные комиссии в первые годы советской власти становятся видными научно-теоретическими и историко-партийными учреждениями, своеобразными центрами организации новой системы исторической науки. Они способствовали методологическому развитию советской исторической науки, разработке важнейших исторических проблем и формированию кадров советских историков, формировали людей с новым мышлением и мировоззрением.

Историко-партийная комиссия для собирания и изучения материала по истории Октябрьской революции и РКП(б) с 1922 года работала на правах отдела ЦК партии большевиков. В крупных городах, областях при губернских и областных комитетах партии на правах отделов были организованы ее местные бюро. Являясь идеологическими организациями правящей партии, эти отделы правящей партии заняли ведущее место в системе научных учреждений страны. Они занимались организацией сбора, хранения и упорядочения исторических документов, популяризацией революционных взглядов большевиков, пропагандой революционных и историко-партийных материалов [5, с. 103]. В их задачи входило руководство деятельностью исследователей по разработке историй партийных организаций на местах и истории революционного движения края. Они активно сотрудничали с краеведческими обществами, готовили к изданию наиболее важные партийные документы.

Например, местные бюро издавали хроники революционных событий по годам и воспоминания известных революционеров [4, с. 403]. Материалы истпарта широко использовались в политико-просветительной, педагогической и исследовательской деятельности и оказали большое влияние на развитие советской исторической науки, особенно историографии Коммунистической партии, Октябрьской революции и революционного движения России [1, с. 217].

В изданиях истпарта история революционного движения рассматривалась с позиции идеологии правящей партии большевиков. В своей деятельности губистпарты должны были строго выполнять рекомендации и циркуляры Истпарта ЦК. Вся издаваемая ими литература подвергалась жесткой политической цензуре. Истпарт ЦК имел право наложить запрет на печать идеологически чуждых материалов и документов. Руководство этими важными идеологическими научными центрами могли осуществлять только члены РКП(б). Большое внимание при подборе кадров истпартотделов уделялось социальному происхождению и политическим убеждениям сотрудников губистпарта. Истпарт ЦК присылал специальные запросы, анкеты с целью выяснения социальной и классовой принадлежности работников истпартотделов. В них содержались вопросы о партийной принадлежности сотрудников отделов и их ближайших родственников, а также об их социальном происхождении, судимости, службе, образовании [3]. В своем инструктивном письме от мая 1924 г. к Иваново-Вознесенскому губернскому комитету РКП(б) Истпарт ЦК просит выделить живого, энергичного работника, подчеркивая при этом: «неважно, если он будет плохой литератор» [7. Л. 217]. Основные требования к сотрудникам заключались в том, чтобы они обладали организаторскими способностями и были «преданным делу партии» сотрудниками.

Исторические отделы партии большевиков не хранили документы, но имели большие полномочия по их использованию, осуществляя функции политических комиссаров при губернских архивных учреждениях. В соответствии с правилами пользования архивными материалами для занятий с документами политических секций губернских архивов требовалась виза заведующего губернским отделом историко-партийных организаций и секретаря губернского комитета РКП(б). Руководство отделов обязано было допускать до работы с историко-революционными материалами только политически благонадежных граждан, исследователей, в основном, членов РКП(б), чьи убеждения и исследования должны были способствовать развитию советской государственной идеологии и не противоречить существующей исторической концепции. Поэтому, некоторые документы были полностью

закрыты для исследователей. Можно отметить, что губернские и центральные отделения выполняли функции политической цензуры.

Являясь идеологическими учреждениями, историко-партийные органы принимали активное участие во внутривнутрипартийной борьбе. Их сотрудники выполняли задания прокуратуры, органов ОГПУ, суда. В их задачи входили поиски документов о политическом прошлом граждан и видных политических деятелей. Материалы, находящиеся в распоряжении отделов, могли являться важным политическим оружием и использоваться в идейной борьбе с политической оппозицией [6].

Историко-партийные учреждения осуществляли политическое руководство важнейшими идеологическими учреждениями. Они инструктировали пропагандистов губернских агитпропов во время юбилейных кампаний, посвященным значительным революционным датам, проводили проверку политических знаний сотрудников рабоче-крестьянских инспекций, участвовали в организации политической учебы, организовывали историко-революционные библиотеки. Существовала тесная связь с важнейшими научными центрами страны, советскими учреждениями и партийными вузами. Местные Комиссии по изучению молодежного движения работали под политическим руководством историко-партийных учреждений, внедряя в сознание молодежи коммунистические идеалы.

В это время под их активным руководством проводилась большая работа по ознакомлению широких масс трудящихся с памятниками революции. Важным вкладом в развитие идеологии советского государства явилась агитационно-пропагандистская работа, которая основывалась на принципах классового подхода и партийной принадлежности. Во время празднования юбилеев революций 1905 и 1917 годов создавались выставки, посвященные революционным датам в городских музеях, ленинские уголки на крупных предприятиях, передвижные экспозиции, посвященные данной тематике [8, с. 281]. Руководители историко-партийных органов привлекли к своей работе активистов, старались вовлечь в работу рабочих фабрик и заводов. Для этого в райкомах и уюках выделялись работники, ответственные за работу с историко-партийными учреждениями, создавались кружки на предприятиях [3].

В 20-е годы XX века деятельность историко-партийных органов способствовала утверждению советской государственной идеологии и формированию официальной большевистской концепции истории советского общества.

Библиографический список

1. *Волин М.С.* История Коммунистической партии и советской историографии // Очерки истории исторической науки в СССР: в 4 т. М.: Политиздат, 1966.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р281. Оп. 1. Д. 629. Л. 34–46; Д. 643. Л. 1–10.
3. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. Р46. Оп. 1, Д. 57.
4. Литературная подкомиссия по празднованию 10-летия Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1927. № 2–3.
5. Положение об Истпартотделе ЦК РКП(б) // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 7–8.
6. *Пека О.В.* Архивные документы во внутрипартийной борьбе 1920-х годов // Отечественные архивы. 1992. № 2.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 2. Д. 140. Л. 8.
8. Юбилейные выставки по Октябрю // Пролетарская революция. 1927. № 7.

УДК 93/94

Ю.А. Ильин,

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ МАНЕВРЫ СОВЕТСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ДИКТАТУРЫ В ОТНОШЕНИИ МЕЛКОТОВАРНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА (РУБЕЖ 1918/1919 ГГ.)

В статье рассматривается процесс становления военно-коммунистической модели продовольственной политики советской власти, присущей всему периоду гражданской войны. Выявляются факторы ее укоренения, благодаря гибкости маневра властей в отношении базовых принципов функционирования крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: власть, единоличные хозяйства, модель продовольственной политики, перестроечные маневры государства, внеэкономическая адаптация продрозверстки на селе.

Yu.A. Ilyin,

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

THE RESTRUCTURING MANEUVERS OF THE SOVIET FOOD DICTATORSHIP IN RELATION TO THE SMALL-SCALE PEASANT ECONOMY (THE TURN OF 1918/1919)

The article examines the process of formation of the military-communist model of the food policy of the Soviet government, inherent in the entire period of the civil war. The factors of its rooting are revealed, thanks to the flexibility of the maneuver of the authorities in relation to the basic principles of the functioning of the peasanteconomy.

Key words: government, individual farms, food policy model, the restructuring maneuvers of the state, non-economic adaptation of *prodrazvyorstka* in rural areas.

Рубеж 1918/1919 гг. – время обострения продовольственного кризиса в стране. Положение усугублялось вступлением России в новый этап гражданской войны (в связи с окончанием первой мировой войны и началом интервенции бывших союзников по Антанте), ростом напряженности в среде крестьянства по поводу взимания чрезвычайного революционного налога и ожидаемого переучета продовольственных запасов крестьянских хозяйств, оскудением потребительского рынка сельскохозяйственными товарами (в связи с истощением продовольственных запасов деревни и роста числа в ней покупателей продуктов).

Все эти моменты требовали от центральных властей немедленно создания (под стать самой сути чрезвычайной политики) жесткого правового и оперативно-тактического механизма по выкачке продовольствия из крестьянских хозяйств, причем в тех объемах, которые обеспечивали бы условия существования самого режима и его социальной базы. На II продовольственном совещании (30 декабря 1918 г. – 6 января 1919 г. А.Ф. Брюханов заявил: «Мы установили и предоставляем держателям хлеба тот эквивалент, который им причитается и, если хлеб все же не поступает, тогда единственным и последним средством извлечения хлеба является сила материальная и сила принуждения...» [19, с. 68]. Тем более опыт вятских и елецких заготовок (июнь – август 1918 г.) подсказывал: необходима разверстка в государственном масштабе. Так появился декрет Совнаркома РСФСР «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства» от 11 января 1919 г. В декрете предусматривалось, что Наркомпрод в зависимости от размера урожая, запашки и норм потребления каждой из производящих губерний

направляет последним наряды на поставку государству необходимого количества хлебов и зернового фуража. Указывались сроки сдачи: к 1 марта 1919 г. – 70 %, а к 15 июня 1919 г. – 100 % причитающего хлеба и фуража. Закупка осуществлялась по твердым ценам. Нарушителям декрета грозило наказание вплоть до конфискации имущества и лишения свободы по приговорам народного суда [11].

Декрет от 11 января 1919 г. создал новую ситуацию на потребительском рынке сельскохозяйственных товаров, ввел рыночные отношения крестьянских хозяйств к городу в плоскость иных отношений, отношений переходного периода. Суть данного периода: а) начало радикальной перестройки механизма учета и изъятия продовольствия у крестьян на основе разверстки (пока хлебов и зернового фуража и только в производящих губерниях, где были сильны в недрах местного аппарата комбедовские традиции); б) превалирование прежней практики заготовок продовольствия (всех монополизированных товаров, кроме хлебов в силу декрета от 11 января, и картофеля) по причине своеволия фабричных центров потребительской полосы; в) самостоятельная заготовка ненормированных продуктов рабочими организациями голодающих губерний, выливавшаяся (не без содействия местных властей) в свободный рынок этих видов продовольствия; г) рецидивы товарообменного сепаратизма кооперативов и продовольственных органов, с одной стороны, и продовольственного сепаратизма волостей и отдельных селений, с другой стороны [3].

Затянувшийся «гордиев узел» продовольственных проблем был разрушен Советами путем введения разверстки, но она могла, по мнению властей, заработать лишь в марте 1919 г. Как показали дальнейшие события, этот слишком оптимистический прогноз властей не оправдался. Нужно было выиграть время, не допустить политического кризиса в стране, удовлетворить текущие требования рабочих и крестьян, а для этого следовало пойти в очередной раз на рыночные послабления в потребительских связях города и деревни. Так появилось постановление объединенного заседания ВЦИК VI созыва и съезда профсоюзов 17 января 1919 г. Документ, признавая в перспективе главным методом заготовки ненормированных продуктов государственную разверстку, в то же время подтверждал право не только рабочих, но и кооперативных организаций включиться в закупки как ненормированных, так и нормированных видов продовольствия. Так государство, используя силу аппарата, «сверху» добивалось осуществления своих замыслов, приглашая к такому сотрудничеству рыночные отношения крестьянских хозяйств и общественные объединения [1, с. 34].

Уступчивость федеральных органов объяснялась не только стремлением выиграть время для разворачивания механизма разверстки

в деревне, но и резко ухудшимся внутренним и внешнеполитическим положением Советской Республики. Чтобы устоять в этих условиях, режиму требовалось, помимо рыночных уступок рабочим и крестьянам, пойти на целый ряд мер защитного характера. Вот их список: а) отсрочка по уплате натурального налога до 1 марта 1919 г. постановление ВЦИК от 23 декабря 1918 г.) [10]; б) отсрочка в применении насилия к лицам, утаивающим сельскохозяйственные излишки в счет продразверстки урожая 1918 г., – до 1 апреля 1919 г. (декрет Совнаркома от 27 февраля 1919 г.) [15]; предупреждения о строгом наказании должностных лиц, требующих от крестьян выполнения указаний Центра путем насилий и издевательств (телеграмма наркома финансов Крестинского от 16 января 1919 г. и циркуляр наркома внутренних дел Петровского от 1 марта 1919 г.) [6]; г) чистка случайных элементов, обучение кадров и совершенствование технических приемов работы системы Наркомпрода [5, с. 28]; д) упразднение уездных заградительно-реквизиционных отрядов на железной дороге и сети уездных ЧК [8, с. 39, 12].

Данные меры властей имели тактическую значимость, а значит, и кратковременность воздействия на крестьянские массы. Часть этих уступок вскоре была обесценена самой центральной властью. Так вместо железнодорожных ЧК в феврале 1919 г. были созданы районные транспортные ЧК. Уездные ЧК продолжали функционировать в районах, охваченных выступлениями крестьян или просто в неблагонадежных регионах [8, с. 39, 12]. Откат от прежних решений наблюдался и в вопросах о продотрядах и предельных ценах на картофель [13, 16]. Другая часть вышеуказанных уступок Центра корректировалась оперативной деятельностью местных органов власти, которые сверяли свой «компас действий» с настроениями и поведением местного населения (бойкот или прямой отказ от взыскания с населения натурального налога – Иваново-Вознесенская и Ярославская губернии [18, с. 98]; чистка местных партийных организаций, вплоть до их полного роспуска и отдачи отдельных ее членов под суд – Вологодская и Иваново-Вознесенская губернии, Пермский край и др. [2, 7, 9]).

Только безмятежной самоуспокоенностью и безосновательной переоценкой своего внутривластного положения, опасной оторванностью от масс можно объяснить дальнейшие шаги федеральных властей: попытка в создавшихся условиях компенсировать спад финансовой атаки государства на сельский капитал подрывом материальной базы мелкотоварного производства на селе путем принятия программы коллективизации сельского хозяйства (постановление ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г.) [14]. Логика намерений властей: раз не завершилась победой лобовая атака на товарно-рыночные устои

единоличной деревни, то разгромить последние сможет фронтальное наступление государства на производственные и торгово-сбытовые системы функционирования крестьянских хозяйств. Наряду с началом взъясания натурального и чрезвычайного революционного налогов, продовольственных излишков по разверстке, набиравшим обороты процессом «окоммунаривания» всей жизни деревни (причем, руками членов бывших комбедов – ныне депутатов местных Советов), принятие данной меры государством означало для крестьянства объявление ему тотальной войны на полное поражение одной из сторон.

Страна по прихоти правящего режима вступала на путь крестьянской войны (марта 1919 г.). «Поволжская Вандея» явилась могучим тараном со стороны советского тыла, открывшим ворота колчаковским армиям в центральные губернии России. Над советской властью уже зримо нависла опасность политического и военного поражения. Но вот тут-то и заговорил инстинкт самосохранения правящего режима, решившего временно поступиться принципами, но политически выжить: на данный текущий момент был решительно отброшен курс полумер-полууступок мелкотоварному крестьянству и предложены единоличной деревне новые условия соглашения долговременного характера в рамках «военного коммунизма». Суть последних: советская власть примирительно относится к рыночным отношениям крестьянских хозяйств, их торговым связям с городским потребителем при условии, если предлагаемая на потребительский рынок сельскохозяйственная продукция носит трудовой характер (то есть произведена крестьянами без применения наемного труда), если такой вид рыночных отношений прекрестит дорогу на рынок сельскохозяйственной продукции, несущей на себе отпечаток производства ради получения нетрудовой прибыли и, тем более, перекупной, спекулятивной торговли. Политическим условием соглашения явилась обязанность крестьянства помогать режиму всем необходимым в борьбе против белогвардейцев и интервентов. Так начал складываться тактический (на время Гражданской войны) договор долговременного характера двух сторон, правда пока на уровне полемики в верхах власти, на уровне ознакомления крестьянства с условиями данного соглашения.

Что касается вопроса о результативности борьбы государства с вольным рынком за монополию в деле снабжения населения прожиточным минимумом в 1918/1919 гг., то в указанный период, в немалой степени вследствие вышеуказанного маневра властей, именно за частным рынком сохранялось первенство в деле поддержания физиологической жизни миллионов рабочих и крестьян. В конце 1918 г. – начале 1919 г. было доставлено мешочниками в города и рабочие поселки 58 % хлебных грузов, а в села потребляющих губерний – 65,2 % [4, с. 50–51]. Еще выше

была доля вольного рынка в снабжении населения страны другими продуктами питания. По данным ВСНХ, потребности населения по линии Наркомпрода в 1918 г. удовлетворялись: по картофелю лишь на 16 %, мясу и жирам – на 14 %, сушеным овощам – на 10 %, яйцам – на 8 % [17].

Если же сравнивать долю частного рынка в 1917/18 гг. и 1918/19 гг., то приходится констатировать, что в первые месяцы советской власти она была выше: за счет вольного рынка население обеспечивало свой прожиточный минимум от 50 % до 2/3, по хлебу эта доля достигала 80–90 %. Государству, благодаря введению продовольственной диктатуры, удалось несколько потеснить позиции мелких товаро-производителей в сфере снабжения населения продуктами питания. Сыграли здесь свою роль и такие факторы, как изменившееся соотношение укладов российской экономики и их рыночных обязательств друг к другу, ликвидация крупных товарных крестьянских хозяйств в связи с аграрными преобразованиями на селе, ростом доли трудовых хозяйств середняцкого типа, отличавшихся меньшей рыночной ориентацией сельскохозяйственного производства; нарушение привычных рыночных связей деревни и города, обесценивание денежных и нарастание вещественных ценностей потребительского рынка; быстрые темпы инфляции и потеря стимулов для расширенного воспроизводства, отход значительной части сельского населения от земледельческой к торговой деятельности в ее примитивной форме – перекупка на месте и спекуляция товарами в голодающих регионах.

Библиографический список

1. Борьба за хлеб в 1918–1919 гг. // Красный архив (М). 1938. № 6. С. 34.
2. *Ветошкин М.К.* Революция и гражданская война на Севере. Вологда, 1927. С. 107.
3. ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 285, л. 5-6; ф. 1235, оп. 2, д. 116, л. 87.
4. *Давыдов А.Ю.* Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1920 гг. // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 50–51.
5. *Орлов Н.А.* Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919. С. 28.
6. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1919. 16 января, 1 марта.
7. Рабочий край (Иваново-Вознесенск). 1919. 6 марта.
8. *Романенко В.В.* В борьбе с контрреволюцией. Саратов, 1985. С. 39.
9. *Рябухин Е.И.* В борьбе с контрреволюцией (Помощь трудящимся Вятской губернии Восточному фронту в 1918–1919 гг.). Киров, 1959. С. 98.
10. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. № 99. Ст. 1012. М., 1942.
11. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 1 от 26 января 1919 г. Ст. 10. М., 1943.

12. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 1 от 26 января 1919 г. Ст. 14. М., 1943.
13. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 1 от 26 января 1919 г. Ст. 16. М., 1943.
14. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 4 от 1 марта 1919 г. Ст. 43. М., 1943.
15. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 10-11 от 21 апреля 1919 г. Ст. 104. М., 1943.
16. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 10-11 от 21 апреля 1919 г. Ст. 106. М., 1943.
17. Северный Рабочий (Ярославль). 1919. 2 февраля
18. *Соколов Н.* Налоговая политика в деревне в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.) // Исторические записки. 1986. Т. 113. С. 98.
19. *Фрумкин М.* Товарообмен в период «военного коммунизма» // Вопросы торговли (М). 1929. № 11. С. 68.

УДК 94(470.314):336.712

Т.А. Ковров,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

ОТКРЫТИЕ ВЯЗНИКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА И УЧРЕЖДЕНИЕ ПРИ НЁМ УЧЁТНО-ССУДНОГО КОМИТЕТА (1916–1917 ГГ.)

Статья посвящена открытию отделения Государственного банка в Вязниках Владимирской губернии и образованию при нём учётно-ссудного комитета. Акцентируется внимание на причинах открытия отделения, а также приводятся данные о составе учреждённого при нём учётно-ссудного комитета.

Ключевые слова: Государственный банк, Вязники, Вязниковское отделение, учётно-ссудный комитет.

T.A. Kovrov,

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

THE OPENING OF THE VYAZNIKOV BRANCH OF THE STATE BANK AND THE ESTABLISHMENT OF THE ACCOUNTING AND LOAN COMMITTEE UNDER IT (1916–1917)

The article is devoted to the opening of a branch of the State Bank in Vязniki, Vladimir province and the formation of an accounting and loan committee under it. Attention is focused on the reasons for opening the branch, as well as data on the composition of the accounting and loan committee established under it.

Key words: the State Bank, Vyazniki, the Vyaznikovsky branch of the State Bank, the accounting and loan committee.

Отделения Госбанка открывались как в административных центрах губерний, так и в уездных городах. Основным критерием для этого было экономическое развитие того или иного города и, как следствие, потребность в кредитовании промышленности и торговли. Например, во Владимирской губернии с 1864 по 1916 г. были открыты 3 отделения Госбанка. В частности, Владимирское, Муромское и Иваново-Вознесенское отделения, что было вызвано торгово-промышленным развитием данных городов.

В 1916 г. состоялось открытие отделения Госбанка в городе Вязники. В Государственном архиве Владимирской области (ГАВО) имеется фонд № 317 («Вязниковское отделение Госбанка»), весьма немногочисленный (13 единиц хранения). Тем не менее, содержание дел этого фонда позволяет сделать вывод о причинах открытия отделения Госбанка именно в Вязниках, выявить дату открытия отделения и состав учётно-ссудного комитета.

Итак, 15 июля 1916 г. на своём заседании «местный комитет торговли и мануфактур единогласно принял решение ходатайствовать об открытии в г. Вязники отделения Госбанка» [1, ф. 317, оп. 1, д. 11, л. 45]. В архивных материалах сохранилось письмо комитета управляющему Госбанком, в котором изложены причины ходатайства комитета. Среди них «развитие промышленности и торговли в Вязниковском уезде, расширение существующих фабрик и заводов, а также постройка новых. Следствием этого стало увеличение как городского, так и окрестного населения, что способствовало росту торговых и мелких промышленных предприятий» [1, ф. 317, оп. 1, д. 11, л. 45]. Так, «в Вязниковском уезде действовали 715 торговых предприятий с годовым оборотом 8 млн руб., 50 фабрик и заводов с 4380 станками, на которых было занято 18900 рабочих. Годовой оборот промышленных предприятий составил 32 млн руб. В кустарных промыслах действовали 70 предприятий, на которых работали 1300 человек, их годового оборот составлял 4,5 млн руб. Общее количество промысловых свидетельств, выбранных в 1915 г. на содержание торговых предприятий, составило 715, а промышленных – 245» [1, ф. 317, д. 11, л. 30].

В итоге канцелярия Госбанка в письме от 6 февраля 1917 г. сообщила, что «исполняющий обязанности товарища управляющего банком разрешил открыть действия Вязниковского отделения с 1 марта 1917 г.» [2, ф. 317, оп. 1, д. 11, л. 222]. Дата открытия отделения подтверждается и содержанием писем управляющего отделением управляющему Госбанком и владимирскому губернатору: «Временно вверенное мне

Вязниковское отделение Госбанка открыло свои действия 1 марта 1917 г.» [1, ф. 317, оп. 1, д. 11, л. 224].

Открытие отделения Госбанка в Вязниках имело важное значение для развития экономики как самого города, так и уезда. В частности, владимирский губернатор в телеграмме от 1 марта 1917 г. управляющему отделением Вязниковского отделения Госбанка «поздравил его с открытием в г. Вязниках отделения Госбанка на благо и дальнейшее процветание промышленности и торговли фабричного района и желал успехов» [1, ф. 317, оп. 1, д. 11, л. 226]. Или: вязниковский уездный предводитель дворянства П.Н. Готовцев в датированном 1 марта 1917 г. письме управляющему отделением сообщил, что «ввиду срочных служебных дел был вынужден отказаться от участия в торжестве открытия отделения Госбанка и поздравил с открытием отделения банка, столь нужного для экономического преуспеяния родного уезда» [1, ф. 317, оп. 1, д. 11, л. 231]. Таким образом, разные высокопоставленные лица в своих письмах управляющему Вязниковским отделением отмечали полезность и нужность открытия отделения банка.

Одновременно при Вязниковском отделении Госбанка был создан учётно-ссудный комитет. Согласно ст. 61 гл. 3 Устава Государственного банка 1894 г., «учётно-ссудные комитеты по кредитам торговым и промышленным должны были состоять из лиц, известных своей опытностью в торговле и промышленности, а по кредитам сельскохозяйственным – из сведущих местных сельских хозяев» [2]. В вышеупомянутом фонде № 317 ГАВО имеются 5 дел по личному составу учётно-ссудного комитета при Вязниковском отделении Госбанка, благодаря которым можно узнать о том, представители каких сословий состояли в нём, когда именно был утверждён первый состав комитета и сведения о его членах.

Из архивных материалов следует, что управляющий Вязниковским отделением в письме в центральное управление Госбанка представил 4 кандидатов, выбранных им из местных фабрикантов и торговцев на должности членов учётно-ссудного комитета, и просил Госбанк «утвердить этих лиц в названных должностях» [1, ф. 317, оп. 1, д. 2, л. 1]. Канцелярия Госбанка уведомила управляющего отделением, что «министр финансов утвердил членов учётно-ссудного комитета при Вязниковском отделении по торгово-промышленным кредитам потомственного почётного гражданина Демидова и купцов Никитина, Клёнова и Порошина» [1, ф. 317, оп. 1, д. 2, л. 2], о чём «они и были извещены управляющим отделением» [1, ф. 317, оп. 1, д. 2, л. 3].

В материалах приводятся биографические сведения, данные о положении имущественных и торговых дел указанных предпринимателей, о

компетентности в определённых отраслях торговли и промышленности, информация об их нравственных качествах. Приведём эти сведения:

Демидов Андрей Васильевич, «потомственный почётный гражданин, единоверец, 38 лет, женат, детей не имеет. Не занимает никаких должностей в частных кредитных учреждениях и членом податного присутствия не состоит. Состоит директором правления товарищества льнопрядильных и полотняной фабрик Василия Фёдоровича Демидова с 1913 г., а пайщиком товарищества более 20 лет. Хорошо знает текстильную промышленность. Фабричное производство и торговля в Вязниках в форме товарищества, оптом и в розницу, в кредит и на наличные, за собственный счёт. Имеет паёв в товариществе на 100 тыс. руб. и собственного леса в Вязниковском и Ковровском уездах 1500 десятин. Дело товарищества старое, существует более 100 лет, поставлено солидно. В Госбанке не кредитуются. Состоит почётным мировым судьёй, пользуется уважением и доверием, человек прямой, независимый, честный» [1, ф. 317, оп. 1, д. 2, л. 5 об., 6].

Клёнов Иван Иванович, «вязниковский купец, православный, 52 лет, холост. Состоит директором городского общественного банка, членом раскладочного присутствия не состоит. С 1882 г. торгует москательным товаром, строительными материалами, посудно-ламповым товаром, электрическими приборами. Хорошо знает мелкую банковую клиентуру всего района. Торговля производится самостоятельно, оптом и в розницу, в кредит и на наличные, за собственный счёт, в Вязниках. Имеет собственный дом в Вязниках стоимостью в 20 тыс. руб., клеёночную фабрику стоимостью 10 тыс. руб. и торговое предприятие стоимостью 80 тыс. руб., участие в обществе электрического освещения 20 тыс. руб. Имущественное положение и дело очень хорошее. Кредитуются в Муромском отделении Госбанка и пользуется кредитом правильно. Выдающейся честности, пользующийся общим доверием и популярностью коммерсант, вполне корректный, правдивый и беспристрастный. Очень желательный член комитета, невзирая на то, что состоит директором общественного банка» [1, ф. 317, оп. 1, д. 3, л. 2 об., 3].

Никитин Михаил Павлович, «вязниковский купец, православный, 44 лет, женат, имеет 10 детей. Не занимает никаких должностей в частных кредитных учреждениях и членом раскладочного присутствия не состоит. С 1895 г. торгует хлебными, бакалейными, гастрономическими товарами в Вязниках и уезде и булочное заведение в Вязниках. Хорошо знает всех торговцев района, торгующих однородным с ним товаром. Торговля ведётся самостоятельно, оптом и в розницу, в кредит и на наличные, за собственный счёт. Дом в Вязниках стоимостью 20 тыс. руб., торговое дело 125 тыс. руб. Дело прибыльное, правильно поставленное, прочное. Кредитуются во Владимирском отделении

Госбанка и кредитом пользуется правильно. Аккуратный в платежах, пользующийся доверием у солидных фирм коммерсант, энергичный работник, прямой и честный человек» [1, ф. 317, оп. 1, д. 4, л. 2 об., 3].

Порошин Александр Иванович, «вязниковский купец, православный, 38 лет, женат, имеет 3 детей. Не занимает никаких должностей в частных кредитных учреждениях и членом раскладочного присутствия не состоит. С 1901 г. налажено фабрично-заводское производство мешков в Вязниках. По этой отрасли промышленности, сильно развитой в местном районе, и может давать полезные советы. Фабрично-заводское производство ведётся самостоятельно, на наличные и в кредит, оптом, за свой счёт. Имеет две фабрики: льнопрядильную и ткацкую в Вязниках и в Кинешемском уезде, застрахованными в 400 тыс. руб., дом, землю и луга, стоящие 50 тыс. руб. Дело очень хорошее и прибыльное. Кредитуется в Муромском отделении Госбанка и пользуется кредитом правильно. Замечательно дельный и энергичный фабрикант, лично создавший в короткий срок крупное дело, первый в работе применивший способ выработки мешков из фабричных отбросов, честный, корректный, развитой, интеллигентный и умный» [1, ф. 317, оп. 1, д. 5, л. 2 об., 3].

Кроме того, из архивных материалов следует, что в начале 1917 г. учётно-ссудный комитет пополнился ещё одним вязниковским предпринимателем, на этот раз из крестьянского сословия. Так, управляющий Вязниковским отделением в письме от 18 февраля 1917 г. П.М. Панову уведомил его, что «товарищ министра финансов 11 января 1917 г. утвердил его в должности члена комитета при Вязниковском отделении Госбанка» [1, ф. 317, оп. 1, д. 6, л. 1]. В деле о службе Панова сохранился список с подробными сведениями о нём:

Панов Павел Михайлович, «крестьянин из слободы Мстёра Вязниковского уезда, православный, 54 лет, женат, имеет 5 детей. Не занимает никаких должностей в кредитных учреждениях и членом раскладочного присутствия не состоит. С 1883 г. торгует мануфактурными товарами в слободе Мстёра Вязниковского уезда. Знает всех торговцев и крестьян своего района. Торговля ведётся самостоятельно, оптом и в розницу, за наличные и в кредит. Дом с постройками в Мстёре стоимостью 6 тыс. руб., магазин 35 тыс. руб. Дело поставлено правильно и имущественное положение удовлетворительное. В Госбанке не кредитуется. Добросовестный, осторожный и аккуратный торговец, пользующийся доверием и уважением в торговом кругу» [1, ф. 317, оп. 1, д. 6, л. 3 об., 4].

Таким образом, Вязниковское отделение Госбанка стало четвёртым по счёту отделением Госбанка на территории Владимирской губернии. Причинами открытия его в начале 1917 г. стали: во-первых, бурное развитие торговли и промышленности в Вязниковом уезде, во-вторых,

рост числа фабрик и торговых предприятий, и в-третьих, значительный рост населения города и уезда. Одновременно при отделении Госбанка был образован учётно-ссудный комитет по торгово-промышленным кредитам. В комитете состояли вязниковские предприниматели из купеческого и крестьянского сословий, хорошо разбиравшихся в торговле и различных отраслях промышленности (текстильной, хлебной, мешочной, льняной, мануфактурной и т. д.).

Библиографический список

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 317. Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 5, 6, 11.
2. Устав Государственного банка 1894 г. URL: http://fox-notes.ru/getetz/psz3_10767_08.jpg (дата обращения: 30.12.2022).

УДК 908

Д.Е. Комолов,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

СТРУКТУРНОЕ РАЗВИТИЕ 2-ГО ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ХЛОПЧАТОБУМАЖНОГО ТРЕСТА В 1935–1938 ГГ.: ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Статья посвящена процессу структурно-организационного развития управленческого аппарата 2-го Ивановского государственного хлопчатобумажного треста в 1935–1938 гг. Особое внимание уделено структурным единицам данного треста и мерам, принимаемым надзорными органами власти для сдерживания их количественного роста.

Ключевые слова: трест, хлопчатобумажная промышленность, структура.

D.E. Komolov,

Postgraduate student, Ivanovo State University.

STRUCTURAL DEVELOPMENT OF THE 2ND IVANOV STATE COTTON TRUST IN 1935–1938: ORGANIZATION AND MANAGEMENT

The article is devoted to the process of structural and organizational development of the administrative system of the 2nd Ivanovo State Cotton Trust in 1935–1938. Special attention is devoted to the structural units of this trust and the measures taken by the supervisory authorities to curb their quantitative growth.

Key words: trust, cotton industry, structure.

2-й Ивановский государственный хлопчатобумажный трест (далее – 2-й Ивгострест) был образован 1-го июля 1931 года в связи с реорганизацией Управления хлопчатобумажной промышленности Ивановской области. Данная структура была создана на базе части предприятий 4-го Государственного хлопчатобумажного треста и бывшего треста местного значения «Ивоблтекстиль» [8].

Тема, поднимаемая в данной статье, базируется на документах общего отдела треста, который ведал делопроизводством данного объединения на протяжении всего его существования (с 1 июля 1931 по 8 октября 1938 г.)

Период работы изучаемого нами треста, охватывающий 1935–1938 гг., выбран для данного исследования не случайно. Указанный этап развития 2-го Ивгостреста можно характеризовать как период наивысшего подъёма производственной деятельности.

Начало 1935 года ознаменовало собой новый период в развитии 2-го Ивгостреста. Его предприятия, пройдя первый организационный этап своего развития (1931–1934 гг.), начинают выходить на запланированные ранее производственные мощности. В 1931–1934 гг. было налажено чёткое взаимодействие между непосредственно фабриками и аппаратом правления треста.

Начиная с 1935 года, дирекция 2-го Ивгостреста проводила политику внедрения реального хозрасчёта на производстве. Теперь, в связи с развитием стахановского движения и переводом всей текстильной промышленности страны на новую методику ведения производственной деятельности, провозглашалось введение хозрасчёта на предприятиях. Под ним подразумевалось рационализация структуры организации, управления, кадровой политики и материальное стимулирование рабочих и сотрудников всех звеньев производства.

В 1935 г. – сентябре 1938 г. одной из важнейших составляющих в работе правления 2-го Ивгостреста было создание различных отделов и групп, призванных как можно быстрее и чётче решать все производственные вопросы, находившиеся в их ведении. Так, в связи с приказом за № 69 по 2-му Ивгостресту от 29 марта 1935 г. при тресте было создано единое управление по снабжению и транспорту. Штат управления был утверждён 1 апреля этого же года и насчитывал 17 человек [4, л. 79]. В связи с этим были снижены расходы на обслуживание двух разных отделов (отдела снабжения и транспортного отдела, существовавших ранее), а также расходы по заработной плате сотрудников.

В период 1935 – сентября 1938 г. также наблюдается процесс переименования уже существующих структурных единиц треста. (29 мая 1935 года вместо сектора энергетики и капитального строительства был учреждён отдел капитального строительства и энергетики [4, л. 213]. Уже

в июле 1935 года было учреждено Бюро по реконструкции фабрик (хотя в это время уже существовал сектор по реконструкции и о его ликвидации в документах треста не сказано ни слова) [4, л. 239]. Мы можем предположить, что в течение 1935 года дирекция треста проводила мероприятия, направленные на оптимизацию его работы в целом. Повышался статус структурных единиц треста, ликвидировались устаревшие формы организации работы в тресте (на смену секторам приходят отделы).

Одним из интересных моментов в структурном развитии изучаемого нами треста стал произошедший 9 марта 1935 года выход из его состава организованного несколькими месяцами ранее Середского Хлопчатобумажного Комбината в составе:

- 1) Нижне-Середской прядильно-ткацкой фабрики;
- 2) Верхне-Середской фабрики;
- 3) Ткацкой фабрики «Красный Дуляпинец» с торфопредприятием «Чистое»;
- 4) Ткацкой фабрики «Красный Маяк»;
- 5) Механического завода № 5 [4, л. 80].

К сожалению, нами не было найдено данных о том, почему именно эти предприятия были выведены из состава 2-го Ивгостреста. Мы можем предположить, что это решение было принято на более высоком уровне (возможно, на уровне Наркомлегпрома) с целью облегчить работу 2-го Ивгостреста, выведя из его состава ряд крупных и финансово затратных предприятий. Возможно, что это мероприятие стало своего рода попыткой возвращения к кустовой системе предприятий промышленности времён НЭПа. Таким образом, ряд вышеуказанных предприятий были объединены в единый комбинат, скорее всего, в противовес громоздкой и тяжеловесной структуре самого 2-го Ивгостреста.

В результате, на конец 1937 года, в составе предприятий 2-го Ивгостреста находилось 18 производственных единиц [5, л. 12]. Необходимо сказать, что до ликвидации 2-го Ивгостреста в сентябре 1938 года данный структурный состав оставался неизменным [7, л. 137].

Помимо проблем изменения структурного состава изучаемого нами треста, в период 1935 – сентября 1938 г. встаёт проблема кадровых перестановок как в самом аппарате правления 2-го Ивгостреста, так и в административном составе подотчётных ему предприятий. Данная проблема особенно обострилась в период 1937 г. – первой половины 1938 г. Как мы знаем, это время в отечественной истории носило ярко выраженный репрессивный характер. Репрессии не обошли стороной и 2-й Ивгострест. Так, в течение 1937 года в системе предприятий треста наблюдаются постоянные перестановки руководящего состава фабрик. Часто меняются их директора, в частности на БДМ им. Балашова, Красной Талке, фабриках им. Кирова, им. Дзержинского и т. д. По данным

общего отдела 2-го Ивгостреста известно, что только в 1937 году на 8 предприятиях своих мест лишились около 20 человек (из числа административного персонала).

Ведётся постоянный поиск врагов народа, которые срывали выполнение планов по улучшению качества работы, качества обслуживания производственного оборудования. Практикуются увольнения «безответственных» работников и строгие выговоры директорам предприятий [5, л. 258].

Кадровые чистки затронули и правление 2-го Ивгостреста, включая должность управляющего трестом. Только в течение периода с августа 1937 г. по май 1938 г., то есть за неполный год, на посту управляющего трестом сменились три человека.

Такая ситуация с кадровой чехардой привела к тому, что к концу 1937 г. – началу 1938 г. в составе управленческого аппарата треста возник острый дефицит необходимых управленческих кадров.

В ряды директоров предприятий начинают выдвигать кандидатов, которые либо были слишком молоды и неопытны для того, чтобы принимать важнейшие производственные решения, либо вовсе не имели элементарного технического образования. Так, на пост директора Лежневской фабрики в декабре 1937 года был выдвинут заведующий её столовой [6, л. 263].

Данные перестановки в управленческом составе 2-го Ивгостреста не находят совершенно никакого объяснения в делопроизводственных документах. Мы можем предположить, что такие масштабные чистки и поспешное назначение несведущих людей на ответственные посты нарушили ритмическую работу предприятий треста, пошли вниз производственные показатели. Это, с одной стороны, усугубляло положение обвиняемых в саботаже работников, с другой стороны, подводило компетентные органы к пониманию необходимости отказа от репрессивных мер к руководству треста. Свидетельством чего был приказ по 2-му Ивгостресту за № 81 от 21 февраля 1938 г.: в директора предприятий теперь запрещалось выдвигать кандидатов, которые не имели высшего технического образования [7, л. 238].

Подводя итоги данной статьи, необходимо отметить, что период 1935–1938 гг. можно разделить на два этапа: подъём 1935–1936 гг. и спад – 1937 – сентября 1938 г. Этап подъёма в работе треста был связан, прежде всего, с грамотной структурной реорганизацией самого управления 2-го Ивгостреста, которая стабильно вела к росту производства и выпуска готовой продукции его предприятиями. В 1935 году происходит ликвидация «старых» структурных единиц, создание новых отделов и управлений в структуре треста. Однако, события 1937–1938 гг. серьёзно подорвали позиции 2-го Ивгостреста в текстильной промышленно-

сти страны. Постоянные перестановки в руководящем составе самого треста и, в особенности его предприятий, стали катализатором невыполнения производственных программ и, как следствие, процесса ликвидации треста в сентябре – октябре 1938 г.

Библиографический список

1. ГАИО. Ф. Р.-1684. Оп. 1. Д. 80.
2. ГАИО. Ф. Р.-1684. Оп. 1. Д. 81.
3. ГАИО. Ф. Р.-1684. Оп. 1. Д. 118.
4. ГАИО. Ф. Р.-1684. Оп. 1. Д. 140.
5. ГАИО. Ф. Р.-1684. Оп. 4. Д. 365.
6. ГАИО. Ф. Р.-1684. Оп. 4. Д. 430.
7. ГАИО. Ф. Р.-1684. Оп. 4. Д. 515.
8. ГАИО. Ф. Р.-1684. Оп. 4. Справка.

УДК 347.961; 908; 929

А.Е. Коняев,

сотрудник, Ярославская региональная общественная организация
«Ветераны боевых действий» (Ярославль)

СВОЕВРЕМЕННЫЙ УХОД (Нотариус Ф.И. Штраних: завершающий этап биографии. 1909–1917)

Фёдор Иванович Штраних был знаковой фигурой дореволюционного нотариата России. Его можно считать крупнейшим теоретиком в этой области права и историографом российского нотариата. Смерть Фёдора Ивановича, последовавшая летом 1917 года, оказалась глубоко символичной.

Ключевые слова: Фёдор Иванович Штраних, нотариус, Первая мировая война, нотариальная корпорация.

А.Е. Konyayev,

Member of the Yaroslavl Regional Public Organization «Veterans of Hostilities»

LEAVING ON TIME (Notary F.I. Stranikh: the final stage of his biography. 1909–1917)

Fyodor Ivanovich Stranikh was a significant person in notary public office of pre-revolutionary Russia. He can be considered one of the greatest theorists of that area of law as well as an outstanding historiographer of Russian notarial system. His death, that occurred in summer of 1917, proved to have quite a symbolic meaning.

Key words: Fyodor Ivanovich Stranikh, notary, World War I, notary public office.

Вышедший 29 июля 1917 года номер крупнейшего российского журнала для юристов «Вестник права» сообщал читателям, что в Смоленске скончался Фёдор Иванович Штраних: «Один из старейших нотариусов, известный своими многочисленными работами по вопросам нотариального права. В его лице русская нотариальная семья потеряла человека, который с первых дней введения в России “Нотариального положения”, стоял на страже лучших заветов русских нотариальных деятелей. Работая в качестве нотариуса со времени введения “Нотариального положения” 1866 года, он соединял в себе живую традицию нескольких поколений русских нотариусов и его воспоминания о прошлом русского нотариата полны глубокого интереса, тонкой наблюдательности, живого остроумия и истинно общественного понимания задач нотариата. Ни один вопрос в русской нотариальной жизни не оставался без его отклика» [4].

В декабре 2018 года Государственный архив Смоленской области откликнулся на наш запрос и прислал подробную архивную справку о Фёдоре Ивановиче. Из неё следует, что родился Ф.И. Штраних около 1839 года (в формулярном списке от января 1886-го указан возраст – 47 лет), происходил «из обер-офицерских детей» (сын чиновника), образование получил в Московском дворцовом архитектурном училище, однако служить пошёл по юридической части – в Московскую гражданскую палату. За 11 лет госслужбы (1857–1868) выслужил чин губернского секретаря и должность столоначальника 2-го департамента палаты. «11 октября 1870 года определён нотариусом Смоленского окружного суда по г. Смоленску» и находился в этой должности до самой смерти, без малого полвека.

Нотариальную практику Фёдор Иванович вскоре начал соединять с просветительской деятельностью. Для жителей Смоленска Ф.И. Штраних учредил и содержал книжный магазин и библиотеку для чтения (в 1886 году он продал их купцу В.Ф. Лаврову). На протяжении всей жизни Фёдор Иванович играл активную роль в местном самоуправлении, занимая разные должности; «городской гласный [депутат Смоленской городской думы] с 1883 года непрерывно». Двадцать второго апреля 1911 года правящий архиерей преподавал «губернскому секретарю Фёдору Ивановичу Штраниху» архиерейское благословение «за заботы о благоустройстве Спасо-Преображенской города Смоленска церковно-приходской школы» [1, с. 163].

Как юрист, Ф.И. Штраних уже в 1870-е годы был автором многих публикаций по проблемам российского нотариата. Нотариус-просветитель М.М. Нейман в 1888 году отмечал, что на всю Россию лишь 4 человека «сочувственно относятся» к идее создать регулярное печатное издание о нотариате: «Гг. Гурлянд, Штраних, Несытов и

Григорьев, т. е. только те, имена которых и так хорошо известны в юридической литературе» [3, с. 1].

Если взглянуть на публикации Фёдора Ивановича тех лет, то очевидным становится его настрой. В разгар «контрреформ» Ф.И. Штраних продолжал нести читателю идеи, воплощавшиеся ранее в творчестве прогрессивных мыслителей. Особо отметим умение Фёдора Ивановича включать эти мысли в тексты статей, вроде бы посвящённых узким юридическим вопросам, и его прекрасный литературный язык. Так, рассуждая о наличии в среде нотариусов ряда нечистых на руку людей, Фёдор Иванович писал: «В семье не без урода. Нельзя отвергать, чтобы в этой многочисленной корпорации не нашлось людей наживы, но ведь они везде и всюду; дух наживы нынче дух времени; от чего же не быть заражёнными этим духом и некоторым нотариусам?» [8, с. 1]. Сравните со знаменитыми некрасовскими строчками о времени, когда «нет ни стыда, ни закона», а тоскует только тот, «кто не украл миллиона».

В 2001 году вышел библиографический указатель «580 наиболее значимых книг, статей и научных исследований по российскому нотариату». Среди них – 36 работ Ф.И. Штраниха [2, с. 56–61], причём, заметим мы, этот перечень далеко не полон. Составители указателя охватили творчество Штраниха лишь до 1908 года. Одни только заголовки «наиболее значимых статей» Фёдора Ивановича вновь показывают нам и прекрасный литературный язык, и решимость юриста улучшать законы и практику работы нотариусов. «Контрасты практики и формализма»; «Ахиллесова пята русского нотариата»; «Неясность разъяснений»; «Ущербный способ издания законов»; «По большому месту»... – такие заглавия давал Штраних своим публикациям.

К сожалению, составители указателя вовсе не обратили внимания на последний период жизни и творчества выдающегося нотариуса. Ещё в 1909 году Ф.И. Штраних подметил, как XX век меняет уклад жизни народа и государства: «Следя за прогрессивными явлениями нового столетия и требованиями жизни, нельзя не придти к заключению, что жизненные явления далеко опередили наше законодательство. Быстрота событий настолько велика, что если бы мы составили блестящий проект закона о нотариате, то прежде, чем был бы отпечатан и обнародован закон, потребовалось бы его изменение и дополнение» [7, с. 13]. Подобные наблюдения подвигли Фёдора Ивановича стать ещё и историографом российского нотариата и его хроникёром.

Почти всё, что мы знаем о влиянии первой мировой войны на российский нотариат, нам известно из публикаций Ф.И. Штраниха. Первое свидетельство очевидца Фёдор Иванович опубликовал 19 октября 1914 года. Посмотрев на своих клиентов, смоленский нотариус зафиксировал «солидарность взглядов, подъём энергии и всеобщее одушевление».

ние», которые «широкой волной захватили все слои русского общества». Однако, вместе с тем: «Конторы провинциальных нотариусов оказались пустыми, канцелярии их совершенно распушены, потому что расходы по канцеляриям не окупаются, не говоря уже о заработке самих нотариусов. При разговоре в откровенную минуту можно слышать желание нотариуса поступить, если дела пойдут так и дальше, на должность помощника нотариуса. И неудивительно: нередко крестьянин является в контору с вопросом – а что, теперь можно совершить купчую или нельзя? Словом, застой полный» [6, с. 1240].

Беды нотариусов-беженцев из районов боевых действий; попытки правительства использовать авторитет регистраторов актов (особенно в малых городах, где нотариус был, чаще всего, один, а знали его все жители) для продажи населению облигаций военных займов... – всё это нашло своё отражение в публикациях Ф.И. Штраниха. Его последняя статья на подобную тематику увидела свет 29 января 1917 года и носила меткое и хлёткое название «На мёртвой точке». «Весь облик нотариальных контор переменялся. Многие нотариусы мобилизованы сами, или, вследствие мобилизации служащих, пробелы в конторах заполнены малолетними». Отметил Фёдор Иванович и явление, которое он, резонно опасаясь военной цензуры, обозначил как «застой в движении моральном» [5, с. 116].

Впрочем, главной темой публикаций Штраниха оставался вопрос о самоорганизации российской нотариальной корпорации. Как минимум с конца 1890-х гг. Фёдор Иванович везде, где только мог, поднимал вопрос о необходимости подготовки и проведения всероссийского съезда нотариусов. Съезд должен был выработать новое, отвечающее требованиям времени, законодательство о нотариате и преобразовать нотариальное сообщество в профессиональную корпорацию по образцу присяжной адвокатуры – со своими органами самоуправления и т. п. (Эта мечта Штраниха окажется реализованной только в 1993 году с учреждением Федеральной нотариальной палаты.) Однако время шло, подвижек в деле самоорганизации нотариусов не было; публикации Ф.И. Штраниха на эту тему становились всё мрачнее и безнадежнее...

Примерно через месяц после выхода в свет статьи «На мёртвой точке» рухнула Российская империя. Новый министр юстиции А.Ф. Керенский поддержал идею о проведении всероссийского съезда нотариусов и выработке нового «Нотариального положения». До июля 1917 года, когда последовала смерть Ф.И. Штраниха, успели пройти два съезда нотариусов в Нижнем Новгороде, съезд нотариусов округа Киевского окружного суда; решения о подготовке всероссийского съезда приняли и опубликовали в печати нотариусы Петрограда и округа Московской судебной палаты. Фёдор Иванович Штраних покидал этот мир,

видя, как становится явью главная мечта всей его жизни. Уже упоминавшийся нами некролог по выдающемуся смоленскому нотариусу заканчивался словами: «Тем тяжелее утрата Ф.И. Штраниха в настоящее время, когда великая русская революция, потрясая основы старого порядка, открыла путь к коренному изменению обветшалого здания русского нотариата».

Через три месяца случился Октябрьский переворот. Двадцать третьего марта 1918 года большевики уничтожили дореволюционный нотариат и ввели вместо него институт государственных «народных нотариусов». А с первого января 1919-го упразднили и его, посчитав «излишним» в системе органов революционного правопорядка.

Всего этого Фёдор Иванович Штраних уже не увидел. В некоторых случаях смерть наступает очень даже вовремя...

Библиографический список

1. Епархиальные распоряжения и известия // Смоленские епархиальные ведомости. Отд. официальный. 1911. № 8. С. 161–165.
2. *Лившиц Б.И., Осматескул К.Н., Пономарёв А.Ф. и др.* Библиографический указатель, комментарии, эксклюзивные, раритетные материалы по российскому нотариату (580 наиболее значимых книг, статей и научных исследований). Книга вторая. М–Я. М.: Аир-Арт, 2001.
3. Нотариальный сборник, изданный под редакцией М.М. Неймана, нотариуса Луцкого окружного суда. Вып. 2. Дубно: Типолитография М. Неймана, 1888.
4. Памяти Ф.И. Штраниха // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. 1917. № 26–27. С. 541.
5. *Штраних [Ф.И.]* На мёртвой точке // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. 1917. № 5. С. 116–117.
6. *Штраних [Ф.И.]* Нотариат под влиянием войны // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. 1914. № 42. С. 1239–1240.
7. *Штраних [Ф.И.]*, *нотариус*. Нужен ли нам съезд? // Вестник права и нотариата. 1913. № 33 (6). С. 13–15.
8. *Штраних Ф.[И.]* По поводу нового закона о порядке увольнения нотариусов // Нотариальный сборник, изданный под редакцией М. М. Неймана, нотариуса Луцкого окружного суда. Вып. 2. Дубно: Типолитография М. Неймана, 1888. С. 1–4.

А.А. Корников,

профессор, Ивановский государственный университет

ГЕРБЫ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СИМВОЛИКА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В статье анализируется развитие геральдики Пензенской области в период 1918–2020 гг. Отмечаются характерные черты основных групп современных гербов муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений региона. Рассматривается происхождение, символика современных гербов, делаются предложения о перспективах развития местной геральдики.

Ключевые слова: Геральдика, Пензенская область, муниципальные гербы, символика эмблем.

A.A. Kornikov,

Professor, Ivanovo State University

COATS OF ARMS OF THE PENZA REGION: ORIGIN, SYMBOLISM AND CURRENT STATE

The article analyzes the development of heraldry of the Penza region in the period 1918–2020. The characteristic features of the main groups of modern coats of arms of municipal districts, urban districts, urban and rural settlements of the region are noted. The continuity in the development of the pre-revolutionary coats of arms of the Penza province and the modern coats of arms of the municipalities of the region is shown. The origin and symbolism of modern coats of arms are considered, suggestions are made about the prospects for the development of local heraldry.

Key words: Heraldry, Penza region, municipal coats of arms, symbolism of emblems.

Одними из источников по истории России являются гербы – эмблематические изображения, составленные по определённым правилам и утверждённые верховной властью. Гербы рассказывают о достопримечательностях территорий, промыслах, географическом положении, о происхождении их названий, о событиях далёкого прошлого. Целью данной статьи является анализ развития геральдики Пензенской области в новейший период истории России – 1918–2020 гг. В частности, будут поставлены следующие задачи. Во-первых, дать оценку её развития в рассматриваемый период. Во-вторых, подвести итоги современного состояния геральдики региона. Научная актуальность поставленной проблемы обуславливается отсутствием обобщающих и исследований по

данной теме, показывающих состояние геральдики региона на современном этапе. Имеется лишь небольшое количество работ, которые рассказывают об истории отдельных гербов региона, происхождении некоторых их эмблем [2; 3; 7].

Территория нынешней Пензенской области была создана 4 февраля 1939 года из 24 районов Тамбовской области, 7 районов Куйбышевской области и 7 районов Саратовской области. В настоящее время Пензенская область субъект Российской Федерации.

Формирование Пензенской геральдики связано с развитием административно-территориального деления края, введением новых законов о местном самоуправлении. Особенностью геральдики области было то, что в регион вошло достаточно большое количество городов, имевших дореволюционные гербы. К ним относятся гербы: Городище, Керенска, Кузнецка, Мокшан, Наровчата, Нижних Ломов, Верхних Ломов, Пензы, Сердобска, Спасска, Чембара. Таким образом, область получила большое геральдическое наследие, включая старинный пензенский герб – в зеленом поле три снопа: пшеничный, ячменный и просяной.

Развитие местного герботворчества в Калужской области в период с 1918 до конца 1980 г. сдерживало ряд факторов. Местные дореволюционные гербы юридически не были отменены, но на печатях областных, районных, городских учреждений использовали изображения гербов СССР и РСФСР. Советская символика (пятиконечная звезда, серп и молот, силуэт кремлёвской башни) использовалась в декоративном убранстве улиц, домов, официальных помещений. Такая ситуация вполне логично вытекала из особенности советской системы государственного управления.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов, в связи с усилением в стране общего интереса к истории, краеведению, старинным памятникам архитектуры постепенно меняется и отношение к геральдике, гербам. Последние начинают рассматриваться не как пережиток эксплуататорского общества, а как памятники культуры, исторические источники, рассказывающие об истории города и области, средство воспитания в духе гражданственности и патриотизма. Поэтому, начиная с середины 1960 гг. в ряде советских городов разрабатываются и утверждаются новые советские гербы [4, с. 199–201]. По имеющимся сведениям в Пензенской области за годы советской власти было разработано и утверждено местными органами власти три городских герба – Каменки, Кузнецка и Пензы [5, с. 6–43].

Хронологически первым в 1964 году был принят герб города Пензы.

Он был утвержден решением исполнительного комитета Пензенского городского Совета депутатов трудящихся № 502 от 12 сентября 1964 года и имел следующее описание: «В серебряном щите с золотой окантовкой черная ласточка, летящая вправо, окруженная тонким золотым зубчатым колесом, опирающимся на три соединенных золотой лентой хлебных снопа. В узкой красной вершине щита в правом углу синий крыж с золотой эмблемой "Серп и Молот"». Символика герба была следующая. Ласточка олицетворяла движение вперед, подчёркивая быстрый темп экономического роста города. Золотое зубчатое колесо символизировало развитие техники, в частности в СССР получил известность Пензенский часовой завод. Расположенная в верхней части щита синекрасная полоса с изображением серпа и молота символизировала Государственный герб РСФСР и напоминала о том, что Пенза входит в Российскую Федерацию. В гербе Пензы 1964 года нашли своё отражение и элементы старого герба 1781 года. Это три снопа, перевитые лентой. Они подчёркивали с одной стороны преемственность в развитии города, а с другой – показывали основные направления сельского хозяйства области [3]. Городской герб Пензы 1964 года был первым советским городским гербом, разработанным в РСФСР в 1960-х годах.

Вторым пензенским гербом, разработанным в советский период, был герб города Кузнецка (1970 г.). Он имел следующее описание «В червленом поле изображена композиция из золотого кольца, серебряного молота и наковальни, а также "импульса". В лазуревой главе щита справа серебряная ласточка». Автором герба был художник А.П. Алферов [6, с. 352]. Гербы, разработанные в советский период, были выполнены людьми, не имевшими геральдического образования, поэтому и гербы Пензенской области обладали недостатками, свойственными многим гербам этого периода. В них нарушались правила геральдики: в гербовом поле металл накладывался на металл, на гербовом щите давали названия города. В советский период гербы имели чисто декоративное значение, их изображали на значках, плакатах, в оформлении улиц и площадей, но на печатях местных учреждений по-прежнему использовали изображение герба РСФСР.

Бурное развитие геральдики Пензенской области начинается с начала 1990-х годов. Толчком к этому послужили распад Советского Союза, слом советской государственной машины, принятие конституции 1993 года, а также законов о местном самоуправлении 1995 и 2003 годов.

14 января 1999 года решением Законодательного собрания Пензенской области был принят закон № 133-ЗПО «О гербе Пензенской области». В соответствии с этим законом за основу герба области был принят исторический герб Пензенской губернии 1878 года, но без императорской короны. Дубовый венок был окружен не Андреевской

лентой, а орденской лентой ордена Ленина, которым награждена Пензенская область. В 2003 году было внесено изменение в описание герба. Основная композиция герба осталась прежней, но в новой редакции герба щит был увенчан короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными орденской лентой. Однако этот вариант герба не прошел геральдическую экспертизу в Геральдическом Совете при Президенте РФ из-за использования дубового венка [1].

20 мая 2008 года был принят Закон Пензенской области № 1512-ЗПО «О внесении изменений в Закон Пензенской области "О гербе Пензенской области"». В соответствии с этим законом областной герб имел следующее описание «В зеленом поле три золотых снопа, перевитых червлеными лентами, один подле другого. Щит увенчан золотой российской Императорской короной и окружен лентой ордена Ленина» [1].

Закон устанавливал три версии герба Пензенской области: 1) полный герб, описание которого дано выше; 2) средний герб – коронованный щит, отличающийся от полного герба отсутствием орденской ленты; 3) гербовый щит, или малый герб, отличающийся от среднего герба отсутствием короны. Областной герб 2008 года был одобрен Геральдическим Советом при Президенте и зарегистрирован в Государственном геральдическом регистре РФ под № 3607 [1].

Решением городской Думы города Пензы № 186/13 от 28 декабря 2001 «О гербе города Пенза» был утвержден современный герб города. За основу был взят исторический герб города 1781 года со следующим описанием: «В зеленом поле на золотой земле три снопа – пшеничный, ячменный и просяной; фигуры золотые». Герб города был одобрен Геральдическим Советом и внесён в Геральдический регистр РФ под № 972 [1].

В соответствии с законодательством о местном самоуправлении на начало 2022 года в Пензенской области имелось 318 муниципальных образований. Из них 30 являются муниципальными образованиями второго уровня (городские округа и муниципальные районы) и 288 – первого уровня (сельские и городские поселения). Из 30 муниципальных образований второго уровня на начало по 2022 года по нашим подсчетам все 30 имели гербы, полностью оформленные, т. е. они были утверждены органами местного самоуправления, были зарегистрированы Геральдическим советом .

Из 288 муниципальных образований первого уровня утвержденные гербы имеют 18 городских поселений (Башмаково, Беков, Белинский Заметчино, Городище, Исса, Каменка, Колышлей, Луино, Мокшан, Нижний Ломов, Никольск, Пачелма, Сердобск, Сосновоборск, Спасск, Тамала, Шемышейка) и 8 сельских поселений

(Бессоновское, Вадинское, Кондольское, Лопаткинское, Наровчатовское, Неверкинское, Малосердобское, Русскокамешкирское).

Таким образом, на начало 2022 года гербы, утвержденные органами местного самоуправления, имели лишь 56 муниципальных образований области, что составляет 18 % от количества муниципальных образований.

Все имеющиеся муниципальные гербы условно можно разделить на несколько групп. Первая группа – это гербы муниципальных образований, разработанные на основе исторических дореволюционных гербов. В неё входят гербы четырнадцати муниципий: городских округов Пенза, Кузнецк; муниципальных районов Вардинского, Мокшанского, Наровчатовского, Нижнеломовского; городских поселений Белинского, Нижний Ломов, Спасска, Сердобска; сельских поселений Вадинского, Наровчатовского.

Вторая группа – гербы муниципальных образований, не имеющие исторической основы и заново разработанные после 1991 года Союзом геральдистов России или местными авторами. Это наиболее многочисленная группа и к ней можно отнести гербы 42 муниципий.

В целом необходимо отметить, что регион отличается сравнительно большим количеством гербов, опирающихся на исторические традиции – 25 % из числа имеющих гербы. Такая ситуация далеко не случайна так как Пензенская область относится к числу исконных территорий России, имеющих достаточно богатое историческое прошлое.

Вторую, достаточно многочисленную группу гербов (75 %), составляют гербы, созданные после 1991 года. Её можно условно разделить на несколько подгрупп: 1) гласные гербы; 2) гербы, отражающие развитие различных отраслей экономики; 3) гербы, отразившие природные, географические особенности муниципий; 4) гербы, запечатлевшие исторические события или исторические памятники; 5) гербы, созданные на основе дворянских родовых гербов.

Гербы Пензенского края активно изображаются не только на печатях областных, городских и сельских администраций, но и в убранстве улиц городов, посёлков. Завершая наш обзор геральдики области можно отметить следующие её характерные черты.

Во-первых, большая часть муниципальных образований области еще не имеют своих гербов (82 %). Это гораздо больше, чем в соседних регионах. Во-вторых, для геральдического пространства края характерно то, что значительное количество муниципальных образований (25 %) имеют гербы, основывающиеся на исторических символах, созданных ещё до революции.

В третьих, среди вновь разработанных гербов в последние 20–25 лет, большой удельный вес составляют гербы, основывающиеся на дворянских родовых гербах. Таким образом, существующее геральдическое пространство области передаёт в целом историю, географию, природные условия этого старинного российского края, но вместе с тем ставит перед местными властями задачу по дальнейшей разработке гербов для муниципий, не имеющих свои символы.

Библиографический список

1. Геральдика.ру. URL: [www. Geraldika.ru](http://www.Geraldika.ru) (дата обращения: 11.12.2022).
2. Гербы регионов России. № 61. Пензенская область. М., 2017.
3. *Годин В.С.* Визитная карточка Пензы // Пензенская правда. 4 сентября. 1977 г.
4. *Корников А.А.* Российская геральдика: курс лекций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019.
5. *Кривошапка А.И., Марков В.А., Богатов К.М., Сметанников И.С.* Алфавитный каталог городов, поселков, сел, губерний и областей России, СНГ, бывших союзных республик СССР, имеющих старые и современные гербы // Гербовед. 1993. № 1.
6. *Соболева Н.А. и др.* Гербы городов России: альбом-справочник. М.: Профиздат – «Отечество», 1998.
7. *Шишкин И., Лоцинин П.* Гербы Пензенского края: [Буклет] Пенза, 1994.

УДК 93/94

Т.Ю. Красовицкая,

главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН

КРОССВОРД ДЛЯ СТАЛИНА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИДЕЙ ФЕДЕРАЛИЗМА С СОСЕДЯМИ ПО ТЕРРИТОРИИ, КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ БЛИЗОСТИ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

История федерализма в России – бесконечная череда конфликтов, возникших едва ли не при Рюриковичах. На практике федерализма меньше, чем дискуссий о нем, но это-то и интересно, почему Россия так яростно отвергала то, в чем настоятельно нуждается? Ключевое понятие федерализма – принцип свободной организации обществ, дающий возможность быть «на равных», обычно используют как инструмент борьбы.

Ключевые слова: Сталин, федерализм, взаимодействие идей, политические проекты.

T.Yu. Krasovitskaya,

Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

A CROSSWORD PUZZLE FOR STALIN: INTERACTION OF IDEAS OF FEDERALISM WITH NEIGHBORS IN THE TERRITORY, CONFESSIONAL PROXIMITY, HISTORICAL MEMORY

The history of federalism in Russia is an endless series of conflicts that arose almost under the Rurik dynasty. In practice, federalism is less than discussions about it, but that's what's interesting, why did Russia so fiercely reject what it urgently needs? The key concept of federalism – the principle of free organization of societies, which makes it possible to be "on an equal footing", is usually used as a tool of struggle.

Key words: Stalin, federalism, interaction of ideas, political projects.

Россия – страна со странной саморефлексией «великой державы», большим количеством внутренних и внешних противоречий, инерцией обновления власти в ней. Политика в ней относительно нерусских народов держится на импровизированном партикуляризме, на договоренностях, дифференцированных правилах, требованиях и уступках. Доминировавшее до недавнего времени утверждение об унифицирующей и репрессивной советской стратегии этнополитических практик на окраинах создавало ложное представление о привилегиях центра одновременно сокрушать и изобретать разнообразие с помощью механизмов конструирования особых прав и обязанностей.

Этническая сложность России оставалась проблемой имперского центра и этнокультурного контента. Значительная часть нерусского населения сохраняла в границах России этническую родину, институты и ресурсы культур, претендуя на разную степень политической и правовой самостоятельности. В 1917 г. претензии превратились в угрозу фрагментации общегосударственного пространства. Отречение Николая II, признание исторической неудачи в повестку дня поставили проблему государственного переустройства.

Россия продолжала сохранять *многое*, свойственное империи, а не национальному государству, к строительству его она и не приступала. С конца XIX века этнографы и антропологи играли видную роль в дискуссиях, проблематизируя факт разнообразия пространственно-временных хронотопов, определяемых как современность (модерность) и архаика (традиционное общество), а этнические культуры как *природный ресурс государственного строительства*. В одном пространстве приходилось учитывать разные культурные времена, глубинные культурные установки, с трудом поддающиеся *коррекции политически*. Этничность стала участвовать как силовой фактор в *осмыслении политического ландшафта*.

Российская империя объединяла с разной степенью успешности в свой проект огромное количество этносов, пыталась универсализировать это поле, подчинить высшей цели. Многие конфликтующие этносы были нацелены на индустриальную модернизацию. Социальный взрыв из центра Империи «накрыл» в 1917 г. разные социумы – от этнически консолидированной в территориальном ядре Польши до этнически члещесполосного Кавказа, от этносов среднеразвитых (для своего времени) аграрно-индустриальных европейских территорий Российской империи до этносов Средней Азии. Множество факторов указывали на неоднородность пространств на политическом поле страны. Историки углубились в «государственно-ориентированные» истории. В системе отношений между Россией как государством и ее «культурными» единицами обстояательства этнического характера оказались немаловажными. Этнозация политических процессов достигла весомых масштабов, стала полем борьбы, не стесняясь апеллировать к этническому чувству, подпитывая комплекс неурегулированных перспектив.

События Великой революции вовлекали народы в водоворот нового времени. Важное место отводилось новой политике федерализма и социокультурной современной инженерии. Федеративные проекты, лаборатория политического мышления этнических элит – важная часть их представлений о формах связи с центром, с соседней идентичностью («латышской», «белорусской», «татарской» и т. п.). У каждой группы имелись представления о встраивании этнокультурных интересов в общий государственный механизм. На них влияли структуры общества, «воображённая история», язык, формы искусства.

Для освоения «проблемного» поля требовалась огромная эрудиция, знание ментально-культурных, языковых и религиозных подоплек и причин формирования тех или иных проектов. Опыта использования федерализма не было. Через Сталинский кабинет в наркомате проходили разнообразные лица со всех концов разрушаемого (в том числе и ими самими) государства. Среди них были как образованные и умные, так и те, у которых на лбу написана святая наивность. Но многие этнические лидеры активно участвовали в разработке разных планов и проектов, предлагая их, кстати, не только советской стороне, но и ее белым противникам и представителям Антанты.

Ментальность тюркско-мусульманских элит большевики связывали с ориентализмом. Варианты ориентализма опирались на нарративы о своем прошлом, но большевикам *не интересным!* Ориентализм был важен в интеллектуальном пространстве российских тюрков. Восток представлял сакральным пространством. Эта утопия своей пространственной локализацией связывала эмпирическое знание и прористекала из

необходимости интерпретировать «Восток» в границах российского политического пространства, когда «собственный» и зарубежный Восток вступали в диалог различных дискурсов партийных, государственных и общественных акторов. Тем более, этносов на востоке Российской империи было достаточно.

Сложную комбинаторику этнического и конфессионального обуславливала гетерогенность тюркско-мусульманской среды. Шла группировка культурных ресурсов в проектах и федерализма. Языковое и культурное пространство, по которому мог свободно перемещаться российский тюрк, простиралось от Крыма на западе до населенного уйгурами и принадлежащего Китаю Синьцзяна, также включало и Турцию. Общность языка, культуры и религии означала, что они составляют одно целое, мир, живущий по правилам, отличающимся от русских. Пересечь эту границу было не просто даже для тех сообществ, которые имели разные контакты с русскими. Этноконфессиональные модели федерализма мультиплицировались адекватно социокультурным условиям. Важным принципом самоидентификации тюркских народов, их знаменем, а не только формальным признаком языкового сходства, был *тюркизм*. Основным лозунгом тюркистов было: «тюрки Внутренней России и Сибири, не разделяясь на племена, должны идти естественным путем под знаменем тюркизма и объединять вокруг этого знамени культурные дела». Проект Коллегии по осуществлению автономии Урало-Волжского штата (КУВШ) должен обеспечить созыв съезда в Уфе, определить границы Штата, принять временную конституцию, создать структуры управления. Этот вопрос должны урегулировать представители национальных организаций, входящих в Штат народов. Провозглашение особого Штата на Волге и Южном Урале (Идель-Урал) предоставлено Национальному совету (Милли Шура), которое было избрано на первом Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 год. Средняя Азия голосовала за федерализм. На Северном Кавказе примером были имамат Н. Гоцинского, Северокавказский эмират Узун-Хаджи. Правительство было интернациональным: в нём было по два аварца, чеченца, ингуша и кабардинца.

Многочисленные и интеллектуальные смыслы, игравшие роль в проектах бурятской элиты, например, обновления буддизма, адаптации к новым реалиям. Для них базовым маркером оставался ценный опыт цинского права. Буддийские лидеры не хотели терять связь со «своими» ресурсами культуры за пределами России. Они тяготели к тибето-буддийской цивилизации, являясь ее культурной периферией, с другой стороны, исторически связаны с Россией. Буддийский прагматизм достаточно легко вписывался в социокультурное пространство России, гибкость буддизма делала возможным декларировать его единство с

обновленчеством, с призывами к приобщению к науке и мировой (в том числе русской) культуре. У студентов, учившихся в русских и европейских университетах оформился панмонголизм. Для них распад империи означал возможность строительства бурятской нации и обретение собственной государственности.

Сталина раздражали и тюркские, и северокавказские, и западные федералистские проекты.

Логику федералистских построений «западных» элит следует искать на перекрестке обстоятельств места и времени, начиная от игр ума (они бывали и увлекательными) до построения конкретных федеративных проектов, касаясь западного ареала – Украины, Белоруссии, Польши.

Из западных этносов более заметное место в презентации проектов федерации занимали элиты самого многочисленного народа Прибалтики – литовцы. Несмотря на заимствование политикотеретических конструкций у опытных поляков, феномен литовского федерализма имел свою специфику. Важную роль играли, конечно, религиозные корни. Принадлежность католицизму, важный фактор этнополитической идентификации и важный вклад в этнокультурную основу литовского федерального компонента. Литовцы-католики разделяли романтические представления поляков о том, что вся мировая история происходила в Польше, Голгофа существовала в Кракове, Богородица и святые жили на польских землях, хотя символ литовского возрождения М.К. Чюрлёнис почти не говорил по-литовски – его языками были русский, немецкий, польский. На Западе понятие «литовский вопрос» оставался связанным с проблемой воссоздания польского государства. В Польше включали литовцев в состав *польского политического народа*. Существовало две основные концепции: концепция федерации Ю. Пилсудского и концепция инкорпорации Р. Дмовского. И та и другая использовала этнокультурный компонент. Пилсудский стремился восстановить имперское положение Польши и ее исторические границы на востоке. Русские считались врагами, немцы с австрийцами, со времен разделов занимавшие западные земли, в качестве таковых забывались. Концепция Р. Дмовского гласила: основой Литовского государства должен стать этнолингвистический принцип с определенными геополитическими поправками. Из-за вовлеченности в национальное движение ополяченной шляхты активнее использован элемент этничности. Объединяющим началом служили: этнолингвистическая особенность и территория, что предполагало общую границу не только с Германией и Польшей, но и с Россией.

М. Довнар-Запольский считал белорусскую элиту «настоящими белорусами, но полонизированными». Его брошюра «Основы государственности Беларуси» издана в 1919 г. на белорусском, английском,

немецком, польском, русском и французском языках для передачи правительством БНР иностранным посольствам и миссиям [1, с. 43]. Это первая попытка обосновать закономерность государственного самоопределения белорусского народа. Переиздана брошюра только в 1990 г.

Актуализация идей федерализма использовалась в *конкретном этнокультурном пространстве – как инструмент воздействия, ресурса и предмета торга с Москвой или с Вильно*. Образ исторического прошлого Беларуси (территории нации и языка) был универсальной информационно-кладовой, основы ее заложил еще Симеон Полоцкий, осваивающий белорусско-украинско-польское пространство, но сменивший интересы на просветительскую миссию в России. Из нее черпали аргументы противоборствующие группировки. Начальник Департамента восточных кресов МИД Польши М. Свеховский в июле 1919 г. считал: требования независимости белорусских территорий «скорее теоретические», а «для интересов Польши было бы вредным существование самостоятельных, не связанных с ней малых государств, таких, как Белоруссия или Украина». Литбел стал разменной монетой в переговорах с Польшей. Начальник Польского государства Ю. Пилсудский в апреле 1919 г. в «Обращении к жителям бывшего Великого княжества Литовского» пообещал не вмешиваться во внутренние национальные и религиозные дела белорусов и литовцев, дать им право решать свою судьбу. Он щедро раздавал обещания (вплоть до создания белорусско-польской федерации).

У Сталина и со светским «новоделом» – Литбелом – отношения не сложились. Разнообразные проекты развития этих территорий отчетливо выявили разные группы акторов. Проекты рождались по обе стороны битв гражданской войны, иногда и вдалеке от них, испытывались в чрезвычайных обстоятельствах.

Теряя земли и людей, Россия проходила через несколько трансформаций – Российская империя, Российская республика, СССР, – что говорит об их неустойчивости и о неизбежности новых. Распада боялись, предсказывали его и обещали предотвратить. Этнические элиты проиграли политическую борьбу другим формам государства – национальному и федеративному. Право наций на самоопределение большевики заменили программным тезисом – правом трудящихся масс на самоопределение, вплоть до отделения. Такая норма записана в «Декларации прав народов России», которая принята большевиками в ноябре 1917-го; потом она как-то исчезла из конституционного творчества. Новое государство формировалось как общенародное, форма власти в нем *советская*. *Идеологическое название нового государства – Советский Союз – свидетельствовало о федеративной форме в*

конституционных документах: Союз Советских Социалистических Республик. Трактовки, интерпретации поддерживали подход к изучению компрадорства, этнополитической мимикрии. Этнические элиты начали уточнять поведенческие модели и нормы, ища путь в общество модерна.

Результаты, добытые в рамках новой имперской истории, углубляют сложность проблемы СССР, сложность советского проекта, созданного большевиками с применением собственной технологии и сложнейшего комплекса этнических ресурсов. «Традиционное» и «модерное», «крестьянско-общинное» и «буржуазное» противостояли в нем и стадиально, и «регионально», в качестве и территориальных, и интеллектуальных позиций в глобальном геополитическом конфликте. Советскому федерализму большевики сумели придать политико-географическую определенность и сделать его равноправной альтернативой западной *modernity*. Но распад СССР возродил региональные историографические коллективы. Возрождение их происходило в исторически сложное время. В украинистике вернулись к концепту «Центральной Европы». Труды диаспорной украинистики, для белорусоведения и литуанистики оказались актуальными как осмысление исторических федеральных практик Великого княжества литовского. Мейнстримы исканий подобны крутым зигзагам. Но не все зигзаги влиялись в мейнстримы. Идея СССР – федеративного государства подверглась демонизации и шельмованию.

Библиографический список

1. *Довнар-Запольский М.В.* Основы государственности Беларуси. Вильна, 1919. На бел. языке
2. *Девис Норман.* Белый орел, Красная Звезда: польско-советская война, 1919–20. М., 2016.

УДК 908

А.С. Кудряшова,

доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал (Арзамас)

Н.В. Хорева,

доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал (Арзамас)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДА АРЗАМАСА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX века произошли изменения в количественном составе представителей разных сословий, проживавших в уездном городе Арзамасе Нижегородской губернии. Представлены данные числовые характеристики и проанализирован ряд моментов, касающихся социально-экономического положения каждого из сословий. Результаты работы позволяют расширить сведения по местной истории.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, город Арзамас, социальная структура, сословия.

A.S. Kudryashova,

Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named by N.I. Lobachevskiy, Arzamas affiliated branch (Arzamas)

N.V. Khoreva,

Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named by N.I. Lobachevskiy, Arzamas affiliated branch (Arzamas)

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE CITY OF ARZAMAS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

At the beginning of the 20th century, there were changes in the quantitative composition of representatives of different classes living in the county town of Arzamas, Nizhny Novgorod province. These numerical characteristics are presented and some points concerning the socio-economic status of each of the estates are analyzed. The results of the work allow the readers to expand information on local history.

Key words: Nizhny Novgorod province, city of Arzamas, social structure, mestates.

В начале XX века город Арзамас был первым из уездных центров Нижегородской губернии не только по торгово-промышленной деятельности, но и по населению. Общая его численность составляла порядка 10 тысяч человек. К 1914 году эта цифра возросла до 18 тысяч жителей.

Представителей дворянского сословия, оплота самодержавия, в городе к 1913 году насчитывалось всего 524 человека [1], но они владели значительностью частью земель уезда. Значительно сократившись, по сравнению с предыдущим периодом, в количественном отношении, дворяне теряли свои позиции и в экономической сфере, где их место постепенно занимали купцы.

Купцов и почетных граждан в Арзамасе было 850 человек [1]. По сравнению со временем «Золотого века Арзамаса», пришедшегося на последнюю четверть XVIII – первую четверть XIX в. и сыгравшем особую роль в становлении купеческого сословия в городе, его численность заметно сократилась, но, однако, купцы продолжали играть ведущую роль в городской жизни.

Упадок здешней торговли и промышленности, серьезно ударивший по местным купцам, начался во второй половине XIX века и был следствием удаленности Арзамаса и уезда от железнодорожных и водных путей сообщения. Краевед Н.М. Щегольков писал, что от славного прошлого города тогда ничего, кроме златоглавых церквей не осталось [10, с. 267]. Но в начале XX столетия наметилось некоторое оживление в предпринимательской деятельности, что было связано с открытием Ромодановской железной дороги, соединившей Арзамас с Нижним Новгородом [8, с. 78].

В целом, социальное положение представителей купеческого сословия было крайне противоречивым. С одной стороны, они способствовали развитию производительных сил страны, с другой – в глазах основной массы общества купечество, особенно его высшие слои, по-прежнему выглядели эксплуататорами, обогащавшимися за счет дешевого и крайне тяжелого труда рабочих и довольно сомнительных торгово-денежных операций [3, с. 111]. Невозможность заслужить общественное признание своим богатством заставляла купцов искать выхода из создавшейся ситуации. И такой выход они находили в благотворительности.

Поражают суммы, выделявшиеся арзамасским купечеством на то или иное благотворительное дело. Так, в январе 1902 года арзамасское купеческое общество перечислило 500 рублей на ремонт соборного храма [4, д. 89, л. 5]. В 1905 году местный купец И.А. Поляков пожертвовал 1000 рублей на устройство литейной мастерской при Арзамасской школе ремесленных мастерских [4, д. 316, л. 16].

В рассматриваемый период из среды арзамасского купечества стали избираться городские головы, бургомистры, гласные, ратманы, старосты и другие должностные лица. Так как все эти должности были бесплатными, сопряжены с большой ответственностью и часто с большими личными расходами, то эту деятельность купцов Арзамаса можно

в некоторой степени рассматривать как благотворительность на нужды города.

Надо заметить, что местные купцы очень быстро приспосабливались к веяниям времени и старательно пытались акцентировать внимание на занимаемое положение. «Они богатели, менялись их потребности. Купеческие семьи переходили от старинного уклада к современному городскому: одевались по-модному, носили дорогие мха, покупали красивую мебель, выездных лошадей, экипажи. Фабрикант Вязов купил барский дом и установил на крыше телескоп» [7].

Чаще всего купцы первыми в городе внедряли новинки технического прогресса. Так, в начале XX века именно по просьбе и при спонсировании представителей купеческого сословия в Арзамасе появились телеграф и телефон. Владение телефонным аппаратом до революции стоило немалых денег. Только за его установку брали шесть рублей и еще пятнадцать рублей за каждую версту расстояния от центральной станции [4, д. 799, л. 28].

Большой удельный вес в социальной структуре города имело духовенство: «Около 1000 попов, дьяконов и всяких церковнослужителей, да близ 1200 монахов» [6]. Редкий город в те годы имел такую большую прослойку духовенства. Вследствие этого в Арзамасе не велась слишком активная общественная жизнь, так как любое «инакомыслие» было невозможным из-за бдительного присмотра духовенства. И недаром представители власти, считая город удобным местом для «ссылки» политически неблагонадежных людей, например, А.М. Горького, превратили его в «ближнюю Сибирь» [5, с. 166].

Церковь всеми силами старалась укреплять православные догмы среди горожан. Под ее эгидой церкви в Арзамасе действовало несколько религиозно-нравственных обществ и братств, ежегодно проводивших массовые крестные хода, устраивавших душеспасительные беседы с местными жителями.

Цеховых работников в Арзамасе насчитывалось 1984 человека. Их количество год от года сокращалось, так как они переходили в разряд служащих или чиновников. Мелкие торговцы, владельцы небольших кустарных и ремесленных мастерских не выдерживали конкуренции, разорялись, становились торговыми служащими или уезжали из города.

Чуть более 3800 горожан были представителями мещанства [1]. Их положение не слишком отличалось от положения цеховых работников. Н.М. Щегольков, иллюстрируя экономическое положение мещан, писал: «...на дворы к мещанам, бывало, хоть не заходи: то покривилось, другое вовсе развалилось, третьи сами хозяева разбирают на дрова...» [10, с. 269].

О нелегком положении арзамасских мещан свидетельствуют прошения, поданные в Городскую Думу. К примеру, одно из подобных прошений об увеличении вознаграждения (заработной платы) было подано служащими Городской Управы сторожем Амфилохием Ичаловским и рассыльными Семеном Черниковым и Егором Новиковым в виду дороговизны на все жизненные продукты. После рассмотрения указанного прошения постановили прибавить жалование [4, д. 122, л. 15].

Рабочих промышленных предприятий в Арзамасе и Арзамасском уезде на начало XX века насчитывалось порядка семи с половиной сотен человек. В 1914 году на местных фабриках и заводах трудилось уже более 1000 человек.

Жизнь арзамасских рабочих была крайне тяжела: рабочий день длился свыше 12 часов, низкая заработная плата, огромные штрафы, причем штрафовали и за поломку инструмента, и за непочтительное отношение к мастеру, и за грубость и т. д. На предприятиях не было ни охраны труда, ни элементарных норм санитарии [8, с. 79]. Что касается бытовых и жилищных условий, то арзамасские рабочие жили «в сырых подвалах, затопляемых весенними водами, в сараях, где дырявое жильё примыкает к зловонной яме; в тесных душных комнатах в грязи и нечистотах» [2, с. 17–18].

Крайне низкий уровень жизни, жестокая эксплуатация, отсутствие страхования содействовали формированию политического сознания трудящихся. И неудивительно, что арзамасские рабочие, ведомые местными социал-демократами, одними из первых в губернии активно включались в революционные движения [8, с. 80].

Представителей крестьянского сословия в Арзамасе и прилегающем к нему уезде в целом насчитывалось 9350 человек [1]. По количеству крестьян Арзамасский уезд располагался на втором месте в губернии (первое место занимал уезд Ардатовский) [9, с. 45].

Местным крестьянам также жилось нелегко. Земли не хватало. Ее приходилось арендовать участками и обрабатывать за нее владельцам, к тому же нужно было платить налоги и земские сборы. Многие семьи не имели лошадей. Значительная часть местного крестьянства вынуждена была уходить в Арзамас на заработки. Все прибывавшее из деревни крестьянство становилось для арзамасских промышленников выгодной дешевой рабочей силой.

Таким образом, в начале XX века социальная структура в городе Арзамасе была представлена практически всеми классами и сословиями. Наиболее крепкие позиции здесь исторически занимали духовенство и купечество. Еще держались на плаву за счет земельных владений дворяне, которых насчитывалось чуть более пятисот человек. Положение цеховых работников и мещан практически не отличалось друг от

друга и было довольно сложным. Но еще более сложной была жизнь рабочих арзамасских промышленных предприятий и местных крестьян.

В целом тенденции, характерные для социального развития города Арзамаса в начале XX века, повторяли тенденции, наметившиеся в это время во многих городах страны.

Библиографический список

1. *Андропова Н.* Арзамас – городок... // Арзамасская правда. 1992. 5 августа.
2. *Балакин М.Ф., Балакина М.А.* Арзамас в XX веке. Книга первая. Арзамас, 2003.
3. *Барышников М.Н.* История делового мира России. М.: АО «Аспект-Пресс», 1994.
4. Государственное казенное учреждение Государственный архив Нижегородской области (ГКУ ГАНО), г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 1.
5. История Арзамаса: прошлое и настоящее: коллективная монография / авт. кол.: О.В. Ефимов, В.И. Грубов, А.Л. Егошин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов, Г.И. Родина; Администрация г.о.г. Арзамас, Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2019.
6. *Кириллюк С.Ф.* Вахта продолжается // Арзамасская правда. 1970. 5 августа.
7. *Кириллюк С.Ф.* Наша история // Арзамасская правда. 1970. 4 августа.
8. *Кудряшова А.С.* Численность, профессиональный состав и условия труда промышленных рабочих Арзамаса и Арзамасского уезда в начале XX века // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник статей участников XV Региональной научно-практической конференции (7 декабря 2017 г.). Выпуск XIV / отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНО, г. Арзамас. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018.
9. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Вып. II. СПб., 1896.
10. *Щегольков Н.М.* Исторические сведения о городе Арзамасе с видами и портретами: репринтное. Ярославль, 1992. С. 269.

В.Л. Кукушкин,

доцент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия
им. Н.В. Верещагина

И.А. Кукушкина,

преподаватель, Вологодский областной медицинский колледж

ФРОНТОВОЙ ЮМОР В ПИСЬМАХ З.А. ЛАПШИНОЙ 1941–1943 ГГ.

В статье на материалах фронтовых писем Зои Александровны Лапшиной раскрываются проявления юмора и его значение в повседневной жизни участников Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: смеховая культура, армейский юмор, Великая Отечественная война, письма с фронта, психология войны, женщина на войне.

V.L. Kukushkin,

Associate Professor, Vologda State Dairy Farming Academy
named by N.V. Vereshchagin

I.A. Kukushkina,

Teacher, Vologda Regional Medical College

MILITARY HUMOR IN THE LETTERS OF Z.A. LAPSHINA IN 1941–1943

The article is based on the materials of battle-fronts letters written by Zoya Alexandrovna Lapshina and the author examines the forms and meaning of humor in the daily life of soldiers of the Great Patriotic War in 1941–1943.

Key words: laughing culture, army humor, the Great Patriotic War, letters from the front, psychology of war, a woman at war.

Смеховая культура Великой Отечественной войны отличается большим разнообразием форм и тематического содержания, многоуровневым производством и потреблением комического как реакции на различные политические события и жизненные ситуации. Значение сатиры и юмора в жизни общества в условиях войны, как правило, возрастает. Смех на личностном уровне становится основной защитной реакцией на стресс, полученный в боевых психотравмирующих ситуациях, способом преодоления страха смерти, а на уровне государственном – инструментом идеологического влияния и пропаганды. По мнению Е.В. Огарковой, доминирующие проявления смеховой культуры в массовой государственной пропаганде периода Великой Отечественной войны уже

стали объектом научных исследований. Однако тема оказалась в состоянии стагнации по причине «цеховой замкнутости» методик и технологий различных гуманитарных наук, недооценки преимуществ междисциплинарного подхода. Кроме того, за пределами изученного остался низовой пласт народной смеховой культуры войны, базирующийся на источниках из семейных архивов, неопубликованных воспоминаниях, малоизученных музейных материалах [3, с. 189, 190, 192; 4, с. 47–48]. В этом контексте представляется актуальным рассмотреть в предлагаемой публикации аспект юмора в неопубликованных фронтовых письмах обычного участника Великой Отечественной войны – младшего лейтенанта медицинской службы Зои Александровны Лапшиной.

Судя по записи в учетной карточке Вологодского городского военкомата, Зоя Александровна Лапшина родилась 14 декабря 1920 г. в деревне Пыркино Кубено-Озерского района Вологодской области. В 1930-е годы семья Лапшиных переехала на постоянное проживание в областной центр, где перед войной Зоя Александровна окончила Вологодскую фельдшерско-акушерскую школу. В РККА она была призвана 15 июля 1941 г. В качестве военфельдшера 12 Отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона З.А. Лапшина участвовала в боях на Ленинградском и Первом Украинском фронтах. Была награждена медалью «За оборону Ленинграда». В октябре 1943 г., получив тяжелые ранения в бою в районе Полтавы, Зоя умерла в госпитале [5].

Часть фронтовой переписки З.А. Лапшиной после войны была передана членами ее семьи в музей Вологодского областного медицинского колледжа – правопреемника фельдшерско-акушерской школы, которую окончила Зоя Александровна в 1940 г. Музейный фонд колледжа содержит 35 ее почтовых отправлений с фронта (одно письмо написано в 1941 г., 22 – в 1942 г., 12 – в 1943 г.) [2]. Почта в годы Великой Отечественной войны работала эффективно, отправления с фронта доставлялись достаточно быстро [1], что привело к формированию в семье Лапшиных большого комплекса материалов частной переписки. Письма адресованы как всей семье Лапшиных, так и ее отдельным членам: маме Зои – Марии Михайловне, а также сестрам Тане и Шуре. Большинство отправлений являются письмами, написанными на листах бумаги синими и фиолетовыми чернилами либо серым карандашом, и только четыре из них – на почтовых карточках. На отправления нанесены штампы просмотра военной цензурой. Письма сохранились в хорошем состоянии, авторский почерк позволяет понять смысл прочитанного.

В письмах Зои Александровны Лапшиной шутка является основной формой общения. В одном из них она признается матери, что, по сравнению с периодом мирной жизни, «научилась больше шутить и смеяться» [2, л. 26]. Объектами шуток выступают сама автор писем

(самоирония), эпизоды из фронтовой жизни (анекдоты), сослуживцы (ирония, сатира). В некоторых случаях Зоя выступает потребителем комического продукта, подготовленного средствами массовой государственной пропаганды (комедийные фильмы) либо участниками кружка батальонной самодеятельности (театральные постановки, концерты): «Смотрели вчера концерт (свои силы) и так смеялись, что больно было и пояснице и животу» [2, л. 33].

В самоиронии девушка, играя на контрастах юности и старости, большого объема работы и несоответствующими ему возможностями женского организма, смеется, прежде всего, над своими физическими недостатками: «Я здесь сфотографировалась... и вышла неважно – как старушка, говорят, «как благочестивая тетушка»... Хмы... да я и забыла, что здесь не дома – на маскарад не пойдешь»; «Говорят некоторые, что я «старая» стала... Но, думаю, сгладится все за 6–12 месяцев спокойной жизни»; «Пришлось много походить. И все бы ничего, если бы ноги подлиннее были, а то из-за них приходится «пыхтеть» [2, л. 2, 28, 32]. Случается, Зоя иронизирует по поводу несоответствующей женскому имиджу мужской военной формы: «Холодно... Одеда ватные брюки (Я уже привыкла к брюкам)»; «Время провели весело. Танцевала до поту (была в шинели и штанах ватных. Вот, наверно, смешно было!)» Крайней формой иронии над собой выступает саркастическое описание: «Ватные брюки, меховая шуба, шапка-ушанка, шубные рукавицы, валенки, чемодан. А с чемоданом, пожалуй, и размеры в пропорции 1:1» [2, л. 4, 5, 20]. Смешным также представляется девушке не соответствующее действительности определение ее статуса в воинской части с преобладающим по численности мужским контингентом: «Мы и смеемся сейчас, что, мол, «идут лучшие женщины батальона» – только 3 экземпляра» [2, л. 11].

Значительно большее место в письмах Зои Лапшиной отводится освещению случившихся с ней анекдотичных ситуаций. Чаще всего они связаны с неустроенностью военного быта: «Сейчас сижу в землянке, горит коптилка, а потому в носсах у нас, как в самоварной трубе, черно» [2, л. 25]. Близкое соседство с мужчинами-военнослужащими приводит к комическому описанию решения женских проблем с личной гигиеной и туалетом: «Приносим в комнату таз и, чтобы было не слышно, заводим патефон, ставим «Вернись», «Когда Вас нет», «Жалобно стонет», «Грезь» и им подобные. И пока проходит операция, патефон не отдыхает» [2, л. 21]. Зоя находит смешным подобное нелепое сочетание возвышенности русского романса и приземленности физиологических потребностей человека. Странности фронтового быта, от которых сложно отвыкнуть, в письмах девушки в гротесковой форме иногда переносятся на мирные условия жизни: «Приедем домой, в доме (у кого есть)

выбьем стекла, вставим фанеру или закладем кирпичом, оставив амбразуру, вместо коек поставим нары... Тарелки и вилки, как предрассудки, выйдут из нашего обихода. Во дворе выставим пост ВНОС и ВНАБ, караул...» [2, л. 25]. Женские слабости и надежды мирной жизни приводят к поступкам, которые на войне выглядят смешно. Так, непосредственный начальник Зои – военврач Анна Евсеевна, съездив в Ленинград, не смогла удержаться от приобретения парфюмерных изделий. Зоя в связи с этим, преувеличивая, шутит в письме, что сейчас у них «целый магазин духов». С юмором рассказывает она также про случай проявления веры в приметы: «К нам в землянку залетела птичка. Анна Евсеевна говорит, что это «счастье». Мы не выпускали [птичку] из землянки часов 5, а потом стало жалко и выпустили» [2, л. 31, 36].

Описания участия в боевых действиях в письмах З.А. Лапшиной почти нет. Единственный случай – рассказ о налете немецкой авиации. Пережитый смертельный ужас Зоя замещает насмешкой над своим поведением в бою: «Когда взрывы стали близко, независимо от своей воли мы с Анной Евсеевной (врачом) залезли под машину, и второпях я получила «травму» – стукнулась об машину. Над моей травмой смеялись...» [2, л. 22].

Много внимания в письмах девушки отведено теме общения с сослуживцами. Само общение с ними проходило в дружеской шутливой манере, сопровождающейся веселым подтруниванием друг над другом, демонстрацией фокусов, песнями и игрой на музыкальных инструментах: «Вот за этим же столом сидит некий лейтенант С.... Он человек веселый. Вчера мы с ним пели частушки и играли на гармошке, а что не сумели выиграть, то играли ртом» [2, л. 27, 30]. Характер отношений с подчиненными Зое санинструкторами постоянно ее веселит. По возрасту санинструкторы годятся ей в отцы и даже называют ее «дочкой». Одному из них 42 года, а другому – 45 лет. В этой связи Зоя в письмах с ласковой иронией называет их «мальчиками» [2, л. 21]. Взаимодействие с командирами в неформальной обстановке, чаще всего во время приема пищи, носит характер непринужденного веселья: «Сегодня, вот несколько минут назад, так смеялись! Мы приготовили обед (3 чел[овека]), а к нам пришли начальство. И вот друг друга разогревали». День рождения Зои Лапшиной 14 декабря 1942 г. весело отмечался с участием начальников: «Настроение 14.XII было [на] хохот... Выпили и закусили, пожелали мне всего наилучшего на моем 23-м году жизни, а комиссар попросился после войны ко мне на свадьбу, я пообещала» [2, л. 15, 23].

Непринужденное веселое общение с комсоставом приводило иногда и к потере субординации в отношениях с высокопоставленным руководством, когда шутки могли быть неправильно поняты с неблаго-

приятными последствиями для шутника. Так, был случай, когда Зоя обучала «средних командиров» вязать якорные узлы. Девушка пишет в письме, что присутствовавший при обучении полковник спросил: «Что нужно, чтобы завязать якорный узел? Я ответила: «Якорь, канат». Еще что не хватает? А я и сказала для смеху: «Еще понтона не хватает». (А понтона – это человек, работающий на сооружении понтонных мостов, переправ). Вот теперь и смеются, что «понтонера не хватает» [2, л. 31]. К счастью, полковник не обиделся на шутку, и Зоя не понесла за свою дерзкую выходку дисциплинарное взыскание. Шутовство в письмах Зои в отношении начальства, как правило, носит доброжелательный характер. В противном случае «злой смех» не пропустила бы военная цензура. Тем не менее, неявно сатирический образ командования присутствует между строк. Это касается проблем неустроенности женского военного быта («Не строить же для 3-х человек отдельно уборную») и использования бранных слов: «Вот с нами наши командиры ведь очень откровенны – говорят все и про себя и про товарищей. Уши вянут» [2, л. 21, 34].

К сожалению, юмор Зои Александровны как механизм психологической защиты не был правильно понят ее родственниками. Веселость Зои они истолковали превратно и даже стали сомневаться в добропорядочности девушки. Она обиделась, замкнулась в себе и стала более взвешенно подавать информацию в письмах. Так, в письме от 23 января 1943 г. она пишет: «Мне даже стало обидно за себя, что я не смогла заслужить у своей семьи, чтобы мне верили, были уверены в моем поведении... С сегодняшнего дня я решила письма писать только серьезные, без шуток, т. к. я уже боюсь получить подобные от вас письма» [2, л. 26]. По-видимому, отношение тылового населения к войне являлось значительно более серьезным по сравнению с позицией военнослужащих. Более того, люди в тылу не всегда справедливо требовали от фронтовиков такого же серьезного отношения. Отсюда и реакция непонимания, отчуждения, недоверия, замкнутости в коммуникациях.

Таким образом, основной темой фронтовых писем З.А. Лапшиной является юмор. Зоя не только производит и передает комичное в различных проявлениях окружающим людям, транслирует его своим родственникам на расстоянии, она еще и потребляет этот смеховой продукт, остро нуждается в нем, ждет от других его предоставления. Внутренняя зависимость от шуток у девушки настолько велика, что она сердится, если кто-то не может разделить с ней ее веселое настроение, впадает в депрессию при длительном отсутствии возможности получить психологическую разрядку путем смеха. Причина такого культа юмора в поведении людей на фронте вполне объясняется потребностью простого и безопасного замещения психического напряжения, связанного с

опасной военной работой. При помещении личности в спокойную среду значение смеха в иерархии ее ценностей, скорее всего, будет пересмотрено. Зоя Лапшина осознает этот освобождающий от культа юмора способ, тоскуя в письмах по родине, мечтая о скорейшем завершении войны, об отпуске или командировке домой.

Библиографический список

1. Кукушкин В.Л. Фронтовые будни полевой почты 24 гвардейской стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военная история России: материалы XIV Международной военно-исторической конференции. СПб., 2021. С. 104–111. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48594003_52855965.pdf (дата обращения: 26.12.2022).

2. Музей колледжа. Основной фонд. З. Лапшина. МК ОФ-169-3Л 1. Л. 1–36.

3. Огаркова Е.В. Актуальное источниковедение истории Великой Отечественной войны. Проблемы и перспективы изучения художественного наследия 1941–1945 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 189–196. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25277941_98413522.pdf (дата обращения: 26.12.2022).

4. Огаркова Е.В. Грани войны. Смеховая культура в условиях военной повседневности // Известия Волгоградского государственного технического университета. Сер.: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2015. Т. 24. № 10 (174). С. 47–54. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25112751_63762643.pdf (дата обращения: 26.12.2022).

5. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Номер шкафа: 115. Номер ящика: 19; Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1219. Л. 109; Ф. 30425. Оп. 2. Д. 9. Л. 51 об. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 28.12.2022).

УДК 908

А.А. Ладанова,

архивист 2-й категории отдела Публикации и использования документов
Государственного архива Ивановской области

**ОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО
УЧЕНИЧЕСТВА ПРИ ТЕКСТИЛЬНЫХ ФАБРИКАХ
ИВГОСТРЕСТА в 1921/22–1924/25 ГГ.**

В статье раскрываются основные проблемы и трудности работы школ фабрично-заводского ученичества данного треста, их цели, потенциал и возможности на этапе восстановления экономики.

Ключевые слова: НЭП, текстильная промышленность, профессионально-техническое образование, фабрично-заводское ученичество, Ивгострест.

A.A. Ladanova,

The second category Archivist of the Department of Publication and Using
of Documents of the State Archive of Ivanovo region

**ORGANIZATION OF SCHOOLS OF FACTORY DISCIPLESHIP
AT THE TEXTILE FACTORIES OF IVANOVO-VOZNESENSKY
STATE TEXTILE TRUST IN 1921/22–1924/25**

Basic problems and difficulties of functioning of textile schools of factory discipleship, purposes and potential of this schools at the stage of reconstruction of economy are considered in the article.

Key words: NEP, textile industry, vocational education, factory discipleship, Ivanovo-Voznesensky state textile trust.

На этапе восстановления экономики требовалось не только техническое обновление и расширение производства. Руководство предприятий и хозяйственных органов губернии понимало, что необходимо сразу начать «подготовку квалифицированной рабочей силы из среды рабочих подростков в процессе производства» [ГАИО. Ф. Р-1319 (Иваново-Вознесенский губернский отдел народного образования). Оп. 1. Д. 181. Л. 10], для чего при фабриках и заводах стали открываться школы фабрично-заводского ученичества. Предполагалось, что программы и учебные планы в таких школах будут направлены на получение конкретной специальности. Школы ФЗУ создавались по инициативе Иваново-Вознесенского губернского управления профессионально-технического образования (губпрофобра), находящегося в подчинении

Главпрофобра – специального органа в системе Наркомпроса, появившегося в 1920 г. с целью плановой централизованной подготовки кадров, а также по инициативе руководства самих фабрик, их партийных и профсоюзных органов.

В течение 1921/22–1922/23 гг. были организованы школы фабзавуча при фабриках Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста. Среди них мы выделили три школы, на примере которых можно раскрыть основные проблемы организации подобных учебных учреждений. С 1 апреля 1922 г. первых учеников приняла школа ФЗУ при Тейковской мануфактуре. На этапе восстановления экономики ей руководили Ясинский Я.О., Берсенева В. и Арбеков [Там же. Д. 805. Л. 203]. При Родниковской фабрике школа открылась с 15 мая 1922 г. по инициативе подотдела Союза текстильщиков и после ряда совещаний технического персонала предприятия с заводоуправлением [Там же. Д. 610. Л. 10]. Первого заведующего школы Мамлова М.А. с сентября 1924 г. заменил Потемкин – член РКП(б), около 12 лет проработавший в механических отделах фабрик Иваново-Вознесенского промышленного района [Там же. Д. 805. Л. 154]. 9 октября 1922 г. по инициативе губпрофобра была создана Кохомская текстильная школа фабзавуча. 80 % ее учащихся прикреплялись к Большой Кохомской мануфактуре, остальные 20 % – к Кохомской Льняной мануфактуре [Там же. Д. 805. Л. 59]. Должность заведующего занимал инженер-механик А.И. Кучеров, помощником при нем состоял техник И.Н. Обжерин [Там же. Д. 805. Л. 60].

Основные руководящие функции по управлению школой фабрично-заводского ученичества выполнял школьный совет (здесь подводились итоги работы, готовились отчеты, ставились новые задачи, планировалась переподготовка преподавателей и инструкторов). Рассмотрением же чисто учебных вопросов (расписание предметов, корректировка учебных программ, планов, подготовка экзаменов, контроль успеваемости и т. д.) занимался педагогический совет школы и его методические секции [Там же. Д. 805. Л. 60]. Сами учебные программы разрабатывались и присылались Иваново-Вознесенским губпрофобром.

Кроме того, существовал ученический комитет, который формировался следующим образом. От каждой группы учащихся по классам в учком избирался один представитель (он же был представителем от учеников в школьном совете), к ним присоединялся человек от фабричной ячейки РКСМ и от райкома РКСМ. Ученический комитет выписывал газеты для учащихся, следил за порядком в школе, подтягивал малоуспевающих учеников, организовывал вечера, готовил помещения к школьным праздникам и в своей деятельности отчитывался перед общим собранием учащихся, являясь их исполнительным органом [Там же. Д. 805. Л. 61].

С определенной регулярностью школы фабзавуча предоставляли отчеты руководящим органам и профессиональным организациям. Ежемесячно доклад о работе школы получало правление Ивгостреста, один раз в три месяца сдавался отчет о жизни школы губпрофобру. Регулярно отсылались протоколы школьного совета, педагогического совета, учкома в губпрофобр, культотдел губсоюза текстильщиков и Союза работников просвещения, незамедлительно в ЦК Союза текстильщиков и Главпрофобр [Там же. Д. 805. Л. 62].

Поскольку школа фабзавуча прикреплялась к конкретному предприятию, то и ее учениками, в первую очередь, становились рабочие подростки, далее дети рабочих и, если оставались вакантные места, допускались дети-сироты и вольнослушатели (последние имели право только на общее образование, без прохождения специальных предметов). Интересно то, что в первых наборах учащихся подростки с фабрик оказались в меньшинстве. Например, из 122 человек, записавшихся в Тейковскую школу ФЗУ в 1922 г., только 39 работали на предприятии, остальные 83 человека были детьми рабочих [Там же. Д. 181. Л. 4]. 15 мая 1922 г. из 95 желающих поступить в Родниковскую школу лишь 2 человека выходили из среды работающих подростков [Там же. Д. 610. Л. 10]. В 1924 г. процент учащихся в школах ФЗУ от общего количества подростков в брони фабрик составлял 25–30 % [Там же. Д. 805. Л. 60 об., 136 об., 203 об.].

В школы фабзавуча принимались молодые люди в возрасте от 14 до 18 лет (реже старше), преимущественно мальчики, что, без сомнения, создавало трудности для их обучения.

**Разделение учеников в школах ФЗУ по полу и возрасту
(по данным на июнь 1924 г.) [Там же. Д. 805. Л. 136 об., 204]**

	От 14 до 16 лет	От 16 до 18 лет	Старше 18 лет
Ученики Тейковской школы ФЗУ	47	52	19
Ученики Родниковской школы ФЗУ	79	62	25
	Всего	Мальчики	Девочки
Ученики Тейковской школы ФЗУ	118	94	24
Ученики Родниковской школы ФЗУ	166	131	35

Не меньшей проблемой был уровень образования поступающих. Предполагалось, что в школе фабрично-заводского ученичества могли

учиться только те, кто прошел не менее 4-х лет обучения в школе 1-й ступени. В действительности же знания учащихся носили самый разнообразный характер. Так, в протоколе заседания педагогического совета Родниковской школы фабзавуча (23 июня 1922 г.) дана характеристика учеников, прошедших вступительный экзамен: «Несмотря на окончание 3-х годичного курса начальной школы уровень их знаний очень низок. По арифметике забыты даже основные действия над числами, таблица умножения, большинство не имеет понятия о дробях, не имеет основных сведений по грамматике, слабо пересказывает прочтенное, не обладает знаниями по истории и географии» [Там же. Д. 610. Л. 9]. В школе при Тейковской фабрике в числе поступивших в 1922 г. 123-х учеников было: 6 неграмотных, 7 малограмотных, 40 учившихся в начальной школе, но не закончивших ее, 56 окончивших начальную школу, 7 закончивших министерское училище и другие учебные заведения повышенного типа [Там же. Д. 181. Л. 9]. Вместе с возрастом учащихся разнилось и время получения ими предыдущего образования. Кто-то закончил школу 5–6 лет назад, другие – 4–5 лет, третьи – 2–3 года и лишь немногие – год назад. В связи с этим все ученики разбивались на группы сильных, средних и слабых с правом перехода из одной группы в другую после летних каникул [Там же. Д. 610. Л. 8].

Срок обучения в школе ФЗУ на этапе восстановления экономики составлял 3–4 года. Занятия проходили таким образом, чтобы учащийся проводил в среднем 4 часа в классе (как правило, с 8.00 до 12.00) и 4 часа на фабрике (послеобеденное или вечернее время). Направление подготовки зависело от специализации предприятия, к которому была прикреплена школа. В текстильных школах при фабриках треста классы делились на 3 основных отделения: прядильное, ткацкое и красильное. В течение 1-го года обучения ученики прядильного и ткацкого отделений работали постепенно во всех отделах мануфактуры в порядке процесса производства по 1–2 месяца в каждом. Со 2-го года обучения они уже работали только в тех отделах, которые выбрали себе для специализации. Ученики же красильного отделения с 1-го года распределялись в один из подотделов аппретурной фабрики (граверный, красильный, ситцепечатный, отбельный и др.), а с соприкасающимся производством знакомились экскурсионно-демонстративным путем [Там же. Д. 805. Л. 52 об., 53]. Такие занятия проходили под руководством высшего технического персонала фабрики.

При преподавании общеобразовательных предметов больше внимания уделялось математике, физике, черчению и обществоведению. Химию изучали только ученики красильного отделения. В итоге школа ФЗУ выпускала подмастерьев и поверяльщиков чесального, банкаброшного, ватерного и мюльного отделов, ткачей, помощников мастеров

ситцепечатного, граверного и отбельного отделов, как в хлопчатобумажном, так и льняном производстве.

Обучение слесарному, кузнечному, токарному и столярному делу ученики проходили в мастерских при школе или при механическом отделе фабрики, но на протяжении всего восстановительного периода состояние учебных помещений вызывало много вопросов. Так, под Тейковскую школу фабзавуч выделялось небольшое помещение на бумагопрядильной фабрике рядом с банкаброшным и чесальным отделом, состоявшее из 3-х классов, коридора и комнаты под библиотеку (при полной нагрузке школа могла вместить не более 210 учеников). Физический и химический кабинеты летом 1924 г. «находились в стадии начального оборудования», а учебных мастерских при школе не было совсем, ученики практиковались вместе с фабричными рабочими [Там же. Д. 805. Л. 203–203 об.]. Помещение, занимаемое Кохомской текстильной школой, арендовалось у Кохомского волисполкома и использовалось совместно со школой II-й ступени (вмещало до 300 человек). Учебные мастерские находились в артельных казармах Большой Кохомской мануфактуры и занимали 3 светлые комнаты. В механических мастерских при фабриках не хватало оборудования (ученики разбивались на 6 подгрупп и чередовались между собой) [Там же. Д. 805. Л. 59 об.]. Хуже всех на учебном процессе отражалось состояние помещений Родниковской школы ФЗУ. В ее распоряжении находились два муниципализированных дома. Первый дом днем был занят школой I-й ступени, «имел чрезвычайно мрачный вид с плохим освещением, со стен маленьких комнатусек текло» [Там же. Д. 805. Л. 155]. Второй дом был отремонтирован, здесь, кроме школы ФЗУ, размещалась ликвидационная школа. Преподавателям приходилось обслуживать все учебные заведения поселка и фабзавучу они могли посвятить только вечерние часы (с 18.30 до 22.00). После занятий в мастерских и на фабриках ученики приходили в школу усталые, отработавшие с «лошадиным напряжением» [Там же. Д. 805. Л. 155]. Лучше обстояло дело у Родниковской школы ФЗУ с инструментальным наполнением механической мастерской: 25 слесарных тисков, 3 столярных верстака, один кузнечный горн с наковальней находились в распоряжении учеников. Летом 1924 г. школа получила трансмиссию и токарный станок. Правда, само помещение мастерской, располагавшейся в фабричном корпусе, было тесным, лишенным элементарных удобств (не было уборной) [Там же. Д. 805. Л. 136 об., 155].

Преподаватели школ фабрично-заводского ученичества в основном работали по совместительству: либо преподавали в школах I-й и II-й ступени, либо работали на фабриках. Большая часть имела высшее или среднее образование, педагогический и практический стаж

варьировался от 28 до 3 лет. Так в Родниковской школе ФЗУ работало 5 человек с высшим образованием, 6 – со средним и 1 – с низшим [Там же. Д. 805. Л. 136 об.]. В Тейковской школе преподавали 10 человек с высшим образованием, 5 – со средним и 4 – с низшим [Там же. Д. 805. Л. 203 об.].

С целью ознакомления преподавателей с задачами школ ФЗУ, методами преподавания в учебных мастерских и производстве, установления связи общеобразовательных предметов с производственными процессами при Иваново-Вознесенском губпрофобре были организованы курсы по переподготовке преподавателей школ фабзавуча для работников Иваново-Вознесенской, Владимирской, Рязанской и Тамбовской губерний (проходили с 10 августа по 1 сентября 1923 г.) [Там же. Д. 826. Л. 9].

Средства на содержание школ ФЗУ поступали с текстильных предприятий. Основными статьями расхода были: оплата учащихся, оплата преподавателей и инструкторов, оплата административного и технического персонала, снабжение учебниками, учебными пособиями, инструментом и материалами для мастерских, содержание, ремонт и отопление школьных помещений [Там же. Д. 805. Л. 59].

Таким образом, школы фабрично-заводского ученичества были важной частью жизни текстильных фабрик и одновременно их большой проблемой. В условиях острого экономического кризиса изыскание средств на организацию и содержание школ, подбор преподавателей, помещений, оборудования, снабжение учебными пособиями, выплата зарплат стали сложной задачей для фабричного руководства. Но понимание важности вопроса, того, что делается неоценимый вклад в развитие кадров, позволило хозяйственникам наладить и эту работу в восстановительный период экономики.

Д.Ю. Листопадов,

архивист 1-й категории Государственного архива Ивановской области

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ РУССКОГО ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА И ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА О ПОТЕРЯХ АРМИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается вопрос о потерях русской армии во время Первой мировой войны, проводится сравнение данных военного министерства с донесениями фронтов в Ставку.

Ключевые слова: Первая мировая война, военные потери, историография, статистика.

D.Yu. Listopadov,

Archivist (category 1), The State Archive of the Ivanovo region

REVISITING THE RELIABILITY OF THE RUSSIAN WAR MINISTRY AND THE GENERAL HEADQUARTERS DATA ON THE ARMY CASUALTIES IN WORLD WAR I

The article is devoted to the problem of the Russian army casualties in World War I. There is a comparison between the data of the War Ministry and the frontline reports to the Stavka of the Supreme Commander.

Key words: World War I, front casualties, historiography, statistics.

Первая мировая война является одним из ключевых событий в истории российского государства и общества в XX веке. Сейчас страна стоит во многом перед теми же вызовами, что и Российская империя более ста лет назад, и адекватная оценка ситуации и извлечение уроков из ошибок прошлого являются чрезвычайно актуальными. Тогда невиданная тяжесть войны стала шоком для общества и привела к полной трансформации российского государства в 1917 г. Однако вопрос о размере военных жертв до сих пор не закрыт. Основными данными о потерях русской армии долгое время являлись доклады военного министерства и данные Главного управления Генерального штаба, которые были систематизированы в 1925 г. советским Центральным статистическим управлением (далее – ЦСУ) в сборнике «Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах)» [5]. До недавнего времени эти сведения историки или принимали, или спорили с ними (см. напр.: [2, 7]), но в любом случае основывались на них.

Данные ЦСУ на первый взгляд выглядят солидно: делят боевые потери по категориям, а с августа 1915 г. и по месяцам [5, с. 30]. Однако внимательное изучение приводит к мысли, что эти сведения составлялись задним числом. Так, количество пропавших без вести в феврале 1916 г. по данным ЦСУ достигало 231440 человек, притом, что убито было всего 13484 человек. Такое соотношение возможно только при полном разгроме войск и массовом пленении личного состава, чего в этом месяце не наблюдалось. Очевидно, в феврале попросту были учтены какие-то потери предыдущих месяцев. Аналогичную картину мы видим и в начале 1917 г. – за январь-февраль «пропало без вести» более 269 тыс. при 17,5 тыс. убитых (ни о каком массовом дезертирстве до Февральской революции речь не идёт). С другой стороны, наиболее крупное русское наступление в июне 1917 г. якобы обошлось всего в 763 убитых, притом, что позиционные бои ноября 1917 г., по данным ЦСУ, стоили армии 3263 убитых, т. е. более чем в 4 раза больше. Доведя таким данным нельзя. При этом нами были обнаружены генштабовские «Сведения о потерях в личном составе действующих армий, полученных с театра военных действий» [1, ф. 2003, оп. 2, д. 1032, л. 90], которые однозначно подтверждают наше предположение о том, что некоторые данные учитывались позднее. По «Сведениям» можно вычислить потери с 1 января до 1 ноября 1916 г. По графам «умершие от ран», «отравленные удушливыми газами», «раненые», «контуженные», «пропавшие без вести» цифры абсолютно точно совпадают со сведениями, приведёнными ЦСУ. Но вот с графой «убитые» ситуация иная – ЦСУ насчитывает по ней на 76,5 тыс. больше. Всего же за 10 месяцев 1916 г. по «Сведениям» было убито 130678 человек, по данным ЦСУ – 207149 человек. Т. е. недостающие убитые были потом «добавлены» из других источников в итоговые данные Генштаба, послужившие основой для сведений ЦСУ. Таким образом, имело место скрещение «метров с литрами», и вопрос о низкой достоверности данных ЦСУ за тот или иной период становится риторическим.

Однако другая проблема остаётся: насколько всё же достоверны *итоговые* цифры Генштаба и, соответственно, ЦСУ? Возможно, «добрасывание» привело составителей сборника всё же к правильным итоговым цифрам? Так, из сведений ЦСУ в 626,4 тыс. зарегистрированных убитых на поле боя исходят такие авторитетные исследователи как Н.Н. Головин и Б.Ц. Урланис. Они указывают, что эта цифра включает только тех солдат, о смерти которых было достоверно известно, и приходят к мнению о действительных потерях в 1,3 млн человек [2, т. 1, с. 140] и 1,2 млн [7, с. 381] убитых на поле боя, включая сюда число пропавших без вести.

Однако изучение альтернативных сведений о потерях – донесений русских фронтов и армий, – ставшее возможным благодаря массовой оцифровке документов РГВИА, позволило нам выдвинуть иной тезис – военное министерство и Генеральный штаб по какой-то причине игнорировали сведения, подаваемые в 15-дневных и месячных донесениях в Ставку «снизу». Систематизировать и учитывать эти данные в принципе не пытались, а доверяли каким-то альтернативным, заниженным подсчётам. Конечно, трудно предположить, что сведения, подаваемые фронтами и армиями, не учитывались военным министерством, но складывается впечатление о несерьёзном к ним отношении. Так, некоторые донесения о потерях фронтов были обнаружены нами в деле под названием «О продовольственных запасах», где вряд ли кто-то стал бы их искать, не произошёл оцифровка этих документов.

Несоответствие сведений ЦСУ и документов фронтов уже было выявлено нами в одной из предыдущих статей [3], однако тогда мы располагали только частичными сведениями по одному из направлений, поэтому могли лишь констатировать несовпадение за 1914–1915 гг. В настоящий момент стало доступно значительно большее количество донесений фронтов, которые, несмотря на имеющиеся существенные лакуны (поэтому точных цифр нам вычислить пока не удаётся), позволяют сравнить направляемые в Ставку сведения с итоговыми докладами военного министерства и Генерального штаба, и тем самым однозначно констатировать неполноту итоговых сведений ЦСУ. При этом основной категорией, которая станет предметом нашего внимания, будут зарегистрированные убитые. К сожалению, по другим категориям подобного сравнения произвести не получится – фронты очень часто смешивали раненых и больных в графе «эвакуированные», и выделить именно кровавые потери проблематично (но есть доклад главного санитарного инспектора, где можно найти интересующие нас обобщённые сведения). Что касается пропавших без вести, то более 900 тыс., или 25 % от сведений ЦСУ, относятся к 1917 г., т. е. в связи с революционными событиями установить судьбу многих таких людей является предельно трудным. Заметим также, что в самих фронтовых сводках, которые будут рассматриваться ниже, есть некоторые упущения: так, в кампании 1915 г. отсутствуют потери Новогеоргиевской крепости, 12-й и 13-й армии за 1–15 августа (все даты будут приводиться по старому стилю). Поэтому реальные цифры в ряде случаев могут быть больше указанных в донесениях, однако порядка величин это не поменяет. Кроме того, имеющиеся на настоящий момент сведения позволяют нам оценить уровень демографических потерь России во всей Первой мировой войне.

Северо-Западный фронт (СЗФ) в 1914 г. потерял убитыми **55676** человек [1, ф. 2019, оп. 2, д. 21, л. 2], Юго-Западный (ЮЗФ) – **66840** человек [1, ф. 2003, оп. 2, д. 662, л. 84], Кавказский – **2640** человек [1, ф. 2003, оп. 2, д. 733, л. 110], а всего **125156** человек. По данным военного министерства, которое использовало и ЦСУ, в 1914 г. было зарегистрировано **42907** убитых [6, с. 7], т. е. можно говорить о примерно трёхкратном занижении этой категории потерь на высшем уровне.

За январь-июль 1915 г. потери Северо-Западного фронта составили **159754** убитых [1, ф. 2019, оп. 2, д. 21, л. 46, 80, 104, 144, 185, 211, 229, 245, 257; ф. 248, оп. 2, д. 96, л. 1, 23, 36, 62, 96, 135]. С августа этот фронт был разделён на Западный и Северный фронты, потери убитыми до конца 1915 г. первого из них составили **47531** человек [1, ф. 248, оп. 2, д. 96, л. 164, 187, 214, 239, 252, 268, 285, 296, 308], а второго **16779** человек [1, ф. 2031, оп. 2, д. 332, л. 32, 37, 56, 70, 71, 74, 86, 89; д. 331, л. 4, 6]. Юго-Западный фронт потерял убитыми в 1915 г. **193564** человек (без учёта потерь 1–15 декабря, о которых донесение нами не обнаружено) [1, ф. 2003, оп. 2, д. 662, л. 84, 85; д. 481, л. 86, 321; д. 482, л. 50, 246; д. 483, л. 65, 367; д. 478, л. 265; д. 484, л. 66; д. 428, л. 69, 166; ф. 2067, оп. 1, д. 550, л. 105, 139, 166; д. 551, л. 1]. По Кавказу есть данные лишь за январь 1915 г. – **442** человек убитых [1, ф. 2003, оп. 2, д. 733, л. 110]. Итого, фронты в 1915 г. по неполным данным (т. к. Кавказ почти полностью выпал) потеряли убитыми не менее **418070** человек. Военное министерство и ЦСУ отмечают в 1915 г. 269699 убитых [6, с. 8]. То есть можно констатировать улучшение учёта на верхнем уровне относительно 1914 г., однако фронтовые данные превосходят данные ЦСУ примерно в полтора раза.

Потери Северного фронта убитыми за 1916 год составили **21563** человек [1, ф. 2031, оп. 2, д. 331, л. 12, 21, 29, 32, 38, 46, 48, 60, 69, 77, 80, 84, 92, 99, 100, 119; д. 423, л. 7]. По другим фронтам мы, к сожалению, имеем лишь частичные данные – потери Ю-ЗФ за январь, 16 марта – 31 июля, ноябрь 1916 г. составили **109509** чел. убитыми [1, ф. 2067, оп. 1, д. 551, л. 2, 82, 190, 216, 243 об.; ф. 2003, оп. 2, д. 489, л. 87; д. 444, л. 28, 124], 4-я, 6-я и 9-я армии Румынского фронта потеряли за декабрь 1916 г. **4753** убитых [1, ф. 2085, оп. 1, д. 15, л. 122, 122 об., 123 об.]. 1-я и 2-я армия Западного фронта в марте 1916 г. под Нарочью потеряли **12050** человек убитыми [1, ф. 2003, оп. 2, д. 259, л. 113–117], в мае-июле фронт лишился по этой графе **33364** человек [1, ф. 2003, оп. 2, д. 489, л. 87]. Всего по неполным сведениям в 1916 г. было убито **181239** чел., в то время как ЦСУ насчитывает **261096** чел. Но в периоды, по которым фронтовые донесения не обнаружены, были убиты десятки тысяч русских солдат, поэтому, вероятно, сведения ЦСУ по 1916 г. близки к сведениям фронтов о собственных потерях.

По 1917 г. сведения ещё фрагментарнее. В январе-марте Северный фронт потерял **4905** человек убитыми [1, ф. 2031, оп. 2, д. 423, л. 14, 22; д. 376, л. 35]. Ю-ЗФ в апреле-мае, а также за 18 июня – октябрь 1917 г. потерял по этой графе **15404** человек [1, ф. 2067, оп. 1, д. 465, л. 444 об.; д. 570, л. 111 об.; д. 2775, л. 171; д. 467, л. 343; д. 3860, л. 229, 432]. По крайне неполным данным выходит **20309** чел., при этом совсем нет сведений о потерях на Западном и Румынском фронтах, а также на Кавказе. С.Г. Нелипович насчитывает около 40 тыс. убитых в 1917 г. [4], но он учитывает только активные боевые операции, без периодов позиционной войны. Если взять во внимание и этот фактор, цифра ЦСУ в **52737** убитых за 1917 г. в общем, должна соответствовать действительности.

Все отчётные документы фронтов и армий по имеющимся у нас неполным сведениям за 1914–1917 гг. дают **744874** человек зарегистрированных убитых, что уже превышает цифру ЦСУ почти на 120 тыс. человек. Если же учесть выпадения некоторых частей из отчётности, имеющиеся лакуны (так, Кавказский фронт подсчитан лишь до февраля 1915 г.), то количество учтённых в документах в качестве убитых солдат и офицеров за 1914–1917 гг. должно приближаться к 900 тыс. человек. Сюда не входят те погибшие, которые были учтены в графе «пропавшие без вести», их количество достигает нескольких сотен тысяч, с учётом же и этой категории потери русской армии убитыми на поле боя за Первую мировую войну мы оцениваем в 1,3–1,4 млн человек.

Сходный недоучёт мы наблюдаем и по раненым. Согласно сведениям действительного статского советника Козловского [1, ф. 2003, оп. 2, д. 1030, л. 21, 21 об.], с начала войны до 1 сентября 1916 г. (по Кавказскому фронту – до 1 июня) было ранено и контужено **2932976** человек, из них 1001025 чел. – с 1 января 1916 г. Это больше сведений ЦСУ о раненых и контуженых не только до 1 сентября 1916 г. (1947667 раненых и контуженых, из них лишь 427161 с 1 января, т. е. разница почти 1 млн человек), но и до конца ноября 1917 г. (2715603 чел.). Потери русской армии ранеными за всю войну можно оценить примерно в 4 млн человек. Общее же число демографических потерь русской армии, с учётом умерших от ран и болезней (исходя из сведений Козловского мы оцениваем их количество примерно в 160 тыс. и 135 тыс.), а также погибших в плену (до 130 тыс.), составляет 1,8–1,9 млн чел., т. е. соответствует оценкам Б.Ц. Урланиса [7, с. 381] и Н.Н. Головина [2, т. 1, с. 172].

Итак, итоговые сведения русского военного министерства и Главного управления Генерального штаба о потерях в Первой мировой войне, на которых основывались данные ЦСУ, являются серьёзно заниженными, и противоречащими как донесениям фронтов, так и сведениям

санитарной службы русской армии. Причины этого не вполне понятны. В некоторых случаях можно предположить и намеренное занижение потерь из соображений «чести мундира» (как в случае доклада военного министра о потерях за 1914 г., возможно, Сухомлинов был в курсе истинных размеров потерь, но предпочёл не озвучивать их Николаю II). Однако более вероятным нам кажется развал системы учёта на самых верхних уровнях. В то же время по ходу войны общий уровень учёта улучшался, хотя так и не достиг должного уровня. Пренебрежительное отношение к учёту потерь, когда существовали по сути две малопересекающиеся реальности, и даже высшее руководство не имело адекватного представления на этот счёт, дорого стоило стране и армии. В то время как Великобритания публиковала сведения об убыли своих войск в газетах, в России некоторые военачальники считали потери не критичными, а людской потенциал страны практически неисчерпаемым, и не жалели людей. Общество и народ, в свою очередь, были шокированы огромными жертвами, и в 1917 г. зазвучало требование прекратить войну.

Библиографический список

1. <https://gwar.mil.ru>. Документы Российского государственного военно-исторического архива.
2. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939.
3. Листопадов Д.Ю. К вопросу о потерях русской армии в Первой мировой войне (на примере северо-западного направления) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIX Междунар. науч. конф., Иваново 25–26 марта 2020 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 581–586.
4. Нелипович С.Г. Русская армия в кампании 1917 г. // Великая война 1914–1918. Вып. 6. М., 2017. С. 51–82.
5. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925.
6. Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. (сборник документов). Куйбышев, 1942.
7. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960.

УДК 930.1

Ю.Г. Листопадов,

руководитель Центра развития палаточных лагерей

ДВИЖЕНИЕ ШКОЛЬНЫХ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫХ ЛАГЕРЕЙ В РСФСР (1950–1960 ГОДЫ)

В статье рассматривается становление системы школьных комсомольско-молодежных лагерей в РСФСР в 1950–1960-х годах.

Ключевые слова: школьные летние лагеря, школьники, комсомол.

Yu.G. Listopadov,

Head of Tented camps` development centre

THE SCHOOL KOMSOMOL YOUTH CAMPS MOVEMENT IN THE RSFSR (1950s–1960s)

The establishment of the school komsomol youth camps system in the RSFSR in 1950s–1960s is considered in the article.

Key words: school summer camps, schoolchildren, Komsomol.

Комсомольско-молодежные лагеря (далее – КМЛ) школьников появились в РСФСР в середине 1950-х годов. Их возникновение диктовалось объективной необходимостью: в стране остро не хватало рабочих рук, особенно в сельском хозяйстве и строительстве. Поскольку в России опыт организованного вовлечения школьников для помощи в сельском хозяйстве был апробирован еще во время 1-й мировой войны [10] и участники этих трудовых дружин в 1950-х годах были еще даже не пенсионерами, то вполне очевидно, что привлечение городских школьников в летнее время в качестве рабочей силы было предпринято.

Считается, что первым КМЛ был лагерь, созданный старшеклассниками 2-й средней школы г. Луги Ленинградской области, в 1955 году. Позитивные материалы об этом лагере напечатали «Комсомольская правда», «Учительская газета». На уровне ЦК ВЛКСМ опыт проведения лужского КМЛ был одобрен и рекомендован к внедрению. Лужский КМЛ за 1957 год провел три смены (с 22.06. по 25.08.), в которых приняли участие 155 человек, работали школьники по 5 часов, обрабатывали 43 га, из которых 16 га – кукуруза, 21 – картофель, 6 – корнеплоды. Кроме того: оборудовали 6 силосных траншей на 300 кубометров, заготовили, подвезли, измельчили на силосорезке и уложили в силосные траншеи 60 тонн силоса, заготовили березовых веников

33500 штук, провели сгребание, копнение и сушку сена на площади 26 гектаров. Заработали школьники 27 000 рублей, а затраты совхоза составили 21560 рублей.

Опыт 2-й средней школы г. Луги был описан в книге [9], представлен на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и получил широкое распространение в Ленинграде и Ленинградской области (в 1957 году было организовано более 200 КМЛ). После того, как опыт организации КМЛ в 1956 году распространил Центральный институт повышения квалификации руководящих работников народного образования [5], начался бурный рост таких лагерей по всей стране, при этом создание КМЛ обычно активно поддерживалось на местах. В течение 1956–1958 гг. опыт создания КМЛ, вслед за Ленинградом, распространился сначала в Москве, а затем такие лагеря довольно активно стали проводить в других областях: Орловской [8], Пензенской [6], Псковской [4], Калининской [7], Свердловской [2] и т. д. Отметим, что в ряде регионов аналогичную работу начали еще до широкого распространения опыта лужан. Так, например, первый КМЛ в Новосибирске был проведен в 1956 году, а в Московской области в 50-е годы с успехом работал лагерь юных мелиораторов [1]. Более того, уже в 1958 году по материалам работы КМЛ была написана и защищена диссертация [3].

Создание КМЛ происходило следующим образом: на комсомольском собрании школы принималось решение о том, чтобы летом комсомольцы школы оказали помощь какому-либо предприятию (как правило, КМЛ были сельскохозяйственного профиля, хотя не обязательно), для чего с помощью этого предприятия обустроивался летний лагерь. Финансирования КМЛ не получали, а все необходимые средства зарабатывали в ходе работы лагеря. Школа заключала договор с предприятием, иногда принимался Устав КМЛ [12]. Иногда КМЛ работали год-другой, но бывало, что лагерь становился традиционным. Так, более 10 лет подряд старшеклассники 178-й ленинградской школы выезжали в Приозерский район, где в совхозе «Петровское» был организован комсомольско-молодежный лагерь.

Минпрос РСФСР рекомендовал городским школам производить учебно-производственную практику в форме КМЛ в течение двух недель, на практике сроки разнились: 10 дней, 15 дней, месяц. Например, комсомольцы 12-й средней школы г. Саратова приняли решение участвовать в КМЛ всем комсомольцам (кроме больных), лагерь работал в три смены по 15 дней, причем многие родители ребят не хотели отпускать, но «с этими родителями работали». Ребята брали с собой постельные принадлежности, деньги на дорогу, рабочую одежду. Рабочий день был 6 часов и «опыт показал, что 6 часов достаточно, чтобы принести пользу колхозу и возместить стоимость питания», лагерь отработал

в 1956 и 1957 году, и только на 1958 год запланировали «произвести ремонт помещений, приобрести для мальчиков несколько палаток, благоустроить очаг для приготовления пищи, приобрести кровати».

Наиболее широко были распространены КМЛ городских школ в колхозах, совхозах, лесхозах, но действовали и другие типы КМЛ:

- КМЛ старшеклассников сельских школ, которые также называли культстанами, ученическими производственными бригадами, колхозно-трудовыми лагерями (в том числе были и межколхозные). Например, в школе № 2 п. Гирей Краснодарского края с 1957 г. работал при школе комсомольско-молодёжный лагерь «Смена». Учащиеся 8-х классов трудились в сельскохозяйственном производстве, учащиеся 9-х классов на ремонте сахарного завода;

- туристско-трудовые и спортивно-трудовые лагеря;

- КМЛ, где старшеклассники были задействованы большую часть времени на сельских детских площадках в качестве помощников воспитателей, например, в 1964 г. таких лагерей в Калужской области было 23 [11, с. 31–32].

- КМЛ при ударных стройках комсомола, например, такие лагеря действовали на строительстве Волгоградского химкомбината, Чебоксарского химкомбината, а в Тюменской области было несколько таких КМЛ: на строительстве узкоколейки «Тарманы – ТЭЦ», кожевенного завода, птицефабрики, завода силикатного кирпича. Особо отметим Республиканский КМЛ им Павла Корчагина на строительстве Киевской ГЭС (работал в 1962, 1963, 1964 гг.)

- «железнодорожные КМЛ», которые организовывали комсомольцы школ, работавших в структуре Министерства путей сообщения. Эти КМЛ привлекались для строительства и обслуживания железных дорог. Такие лагеря МПС проводило уже в 1957 году, результатами было довольно и выдало предписание на следующий год: «Не позднее 10 апреля разработать вопрос о возможности организации летом 1958 года КМЛ учащихся старшеклассников в путевом хозяйстве и на других объектах железнодорожного транспорта». При этом для жилья могли использоваться спальные вагоны [13].

В начале 60-х получили распространение лагеря с участием трудных подростков (например, в Свердловской области работал палаточный лагерь «Юность», в котором из 360 подростков только 24 учились в школе или техникуме, а в Волгограде действовал лагерь «Республика бодрых, в котором работали 100 дзержинцев и 31 трудный подросток).

И еще один вид КМЛ – это лагеря актива, в которые собирались ребята не из одной школы, а из нескольких.

Также считаем важным отметить, что в ряде случаев КМЛ работали вообще без педагогов – жизнь и работу полностью организовывали

сами старшекласники (приведем в качестве примера КМЛ старшекласников из Горловки).

КМЛ не получали реальной государственной поддержки, хотя идеологическую и организационную помощь, конечно, партийные и хозяйственные органы в той или иной мере обеспечивали. Однако в основе все же лежал энтузиазм самих старшекласников, которые работали фактически бесплатно, жили обычно в сложных бытовых условиях и при этом, помимо производственной деятельности и «внутренних мероприятий» проводили культурно-просветительскую работу. К сожалению, энтузиазм не безграничен, а отсутствие нормальных условий неизбежно приводил к травматизму и болезням, поэтому движение КМЛ к середине 60-х годов иссякло. Однако польза от подобных лагерей была очевидна, и с середины 60-х годов уже государственные органы начали выстраивать систему летних трудовых лагерей старшекласников, но уже на других основаниях.

К сожалению, опыт проведения таких лагерей был утрачен за последние десятилетия, но мы надеемся, что созданная государством в 2022 году новая детско-молодежная организация Российское движение детей и молодежи «Движение первых» начнет восстанавливать подобные лагеря.

Библиографический список

1. Будущие мелиораторы. Воспитание в труде. М.: Молодая гвардия, 1955.
2. Воспитательная работа в комсомольско-молодежном лагере: сборник статей из опыта работы школ г. Свердловска / сост. В.М. Божедомова, заслуж. учитель школы РСФСР. М.: Учпедгиз, 1958.
3. *Гончаров И.Ф.* Педагогические основы сельскохозяйственного труда городских школьников в комсомольско-молодежном лагере: автореф. дис. ... канд. пед. наук / М-во просвещения РСФСР. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л., 1958.
4. Из опыта работы комсомольско-молодежных лагерей школ г. Пскова. Псков, 1957.
5. Комсомольско-молодежные и пионерские лагеря в колхозах. М., 1956.
6. Комсомольско-молодежные лагеря в колхозах и совхозах области (Из опыта работы летом 1956 г.). Пенза, 1957.
7. Комсомольско-молодежный лагерь. Калинин, 1957.
8. *Косарев Н.А.* Опыт организации школьных комсомольско-молодежных лагерей. Орел, 1957.
9. *Крижанский В.П., Сюзмак Е.В.* Комсомольско-молодежный лагерь в колхозе и совхозе: опыт работ. Л.: Лениздат, 1958.
10. *Листопадов Д.Ю., Листопадов Ю.Г.* Деятельность трудовых дружин учащихся во время Первой мировой войны (взаимодействие государственных и общественных структур // Государство, общество, церковь в истории России

XX века: материалы XIV Междунар. науч. конф., Иваново, 18–19 марта 2015 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. Ч. 2. С. 409–415.

11. *Савонин Г.* Учащиеся заботятся о дошкольных площадках // Народное образование. 1964. № 11.

12. Устав Комсомольско-молодежного лагеря школы № 43 в колхозе. М., 1958.

13. *Чайковский А.Д.* Опыт организации общественно производительного труда учащихся в путевом хозяйстве (работа комсомольско-молодежного лагеря по ремонту пути). М., 1958.

УДК 378

Н.А. Макаров,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ РОССИИ (по материалам юбилейных конференций)

В статье анализируются работы о методике преподавания различных аспектов истории российской революции 1917 года в школьном курсе истории России в материалах юбилейных конференций, которые прошли в 2017 году в различных регионах страны. Намечаются пути совершенствования методики изучения темы революции 1917 года в школьном курсе истории России.

Ключевые слова: революция 1917 года, юбилейные конференции, историко-культурный стандарт, методика преподавания истории в школе, проектная деятельность.

N.A. Makarov,

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

THE REVOLUTION OF 1917: PROBLEMS OF TEACHING THE HISTORY OF RUSSIA IN THE SCHOOL COURSE (based on the materials of the anniversary conferences)

The article is devoted to the analysis of the methodology of teaching various aspects of the history of the Russian revolution of 1917 in the school course of the history of Russia in the materials of the anniversary conferences that took place in 2017 in various regions of the country. Ways are outlined for improving the methodology for studying the theme of the revolution of 1917 in the school course of the history of Russia.

Key words: revolution of 1917, anniversary conferences, historical and cultural standard, methods of teaching history at school, project activities.

События Великой Российской революции 1917–1922 годов стали переломными в судьбе нашего Отечества. Оценки данных перемен неоднозначны и порой противоречивы. Одной из важнейших задач ученых в отечественной историографии является создание объективной и взвешенной культурно-исторической картины прошлого. Взгляд на нее есть ключевой элемент в формировании исторической памяти россиян, которая необходима как для самоидентификации каждого отдельного гражданина нашего государства, так и для прогрессивного, гражданско-правового развития общества [3, с. 289].

Одним из важнейших аспектов формирования является изложение данного материала в школьном курсе истории России. В нашей статье мы попытаемся рассмотреть, как данная проблема рассматривается и анализируется в материалах юбилейных конференций, которые прошли в 2017 году в различных регионах страны [1, 4, 5]. Необходимо отметить, что участники конференций поднимали различные проблемы. Так, представив историографический анализ дискуссионных вопросов, рассмотренных авторами докладов в рамках Юбилейных конференций в Архангельске на базе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ) и во Владимирском филиале РАНХиГС, Г.А. Будник обратила внимание на дискуссии по вопросам, связанным с выявлением предпосылок и причин революции, причин прихода к власти большевиков, а также определение значения революции для России и мира. Отдельное внимание уделялось вопросам роли интеллигенции и церкви в революционных событиях 1917 года, а кроме того, важным являлось обращение ряда исследователей к проблеме «человек в революции» [3, с. 291]. Решение вопросов причинно-следственных связей событий 1917 года проходят через большинство научных работ в рамках исторических форумов, круглых столов, конференций.

Однако, на наш взгляд, заслуживает внимание освещение этих фундаментальных аспектов данного исторического события не только в академических исследованиях, но и в преподавании истории.

Так, в Ярославле прошла региональная научно-практическая конференция «Великая Российская революция 1917 г.: трудные вопросы истории», на которой авторы работ обращают свое внимание на проблемах преподавания вопросов Великой Российской революции в школе. Учитель истории и обществознания МОУ Красноткацкой СШ ЯМР Н.Е. Валькова обращает внимание на субъективные и объективные проблемы усвоения учебного материала по данной теме для школьников. Среди субъективных проблем Н.Е. Валькова выделяет трудности в усвоении противоречивых явлений революции в подростковом возрасте,

удалённость для современного школьника событий Октября 1917 г., отсутствие у детей начитанности и принятие фэйковой информации в Интернет-пространстве за истинные события, а объективными – сложность понимания самого вопроса Октябрьской революции в исторической литературе, ограниченность во владении понятийным аппаратом, а также небольшое количество времени на изучение вопроса Октябрьской революции в рамках школьной программы [5, с. 4–5].

Не менее интересный взгляд, и как шаг по решению вышеперечисленных проблем, представил сотрудник Ярославского архива О.А. Шанина, которая подчеркивала, что при подготовке уроков и исследовательских проектов неоценимую помощь могут оказать документы фондов Ярославского губкома ВКП(б), Ярославского Совета профсоюзов, фотоколлекции и особенно фондов Отдела истории партии Ярославского горкома ВКП(б) и партийного архива Ярославского обкома КПСС [5, с. 62]. Выделены следующие блоки документов, которые помогут создать целостную картину событий 1917 года, в том числе и для преподавания в школе и создания индивидуальных проектов по материалам Ярославского региона: 1. Блок документов, характеризующих положение в Ярославской губернии накануне революции. 2. Блок документов, отражающих деятельность кружков РСДРП(б) на территории Ярославской губернии в предреволюционное и революционное время. 3. Хроники революционных событий края, составленные на основании проработки огромного материала, состоящего из документов, воспоминаний и газетных публикаций.

Безусловно, обращение к историческому источнику и работа с ним является основным в деятельности преподавателя и учителя в рамках изучаемой проблематики. Региональный компонент позволяет ученику стать соучастником тех далеких от современности событий на примере формирования связей с его «малой» Родиной. Таким образом, локальный аспект исторического знания, в том числе и в судьбах известных деятелей того времени приобретает все более громкое звучание в изучении проблем Великой российской революции 1917 г.

В рамках Ярославской конференции старший преподаватель Ярославского института развития образования Л.А. Харитонova обратила свое внимание на обновление подходов и содержания темы: «Великая российская революция 1917 года» в соответствии с историко-культурным стандартом. Примерная основная образовательная программа среднего общего образования, включенная в реестр государственных образовательных программ, предполагает широкое рассмотрение причин революции: обострение экономического и политического кризисов, война как революционизирующий фактор, национальные и конфессиональные

проблемы, незавершенность и противоречия модернизации, а также более подробное освещение событий Февраля и Октября 1917 года. Таким образом, в докладе подчеркивается, что в историко-культурном стандарте изучение событий Великой революции относится к так называемым «трудным вопросам истории России» [5, с. 55].

Представленный выше региональный аспект подтверждают дискуссии вокруг вопросов преподавания Революции 1917 года и в материалах конференций московских вузов. Так конференция Московского государственного педагогического университета также обратила свое внимание на данную тему.

Интересна работа Долговой А.В. «Великая российская революция 1917 г.: проблема преподавания в средней школе», которая сравнила методику преподавания темы в советской и российской школах. Ссылаясь на методологические аспекты в преподавании советских педагогов И.Ф. Рымарева, В.О. Пунского [11, с. 93–100], Н.С. Куровой [8, с. 88–93], она сделала выводы, что при проведении урока по истории Великой Российской революции 1917 г. советский учитель должен был в изложении материала использовать как минимум план урока, карту, схемы, документы, портреты личностей, напечатанные на машинке или написанные от руки тексты.

Современные российские учителя одной из успешных методик преподавания считают использование образных схем, позволяющих наиболее ярко представить как основные причины тех или иных событий, так и их хронологию [2, с. 68–69]. Однако автор статьи (а мы, являясь практикующим учителем, с этим мнением полностью согласны) считает, что одной из проблем усвоения материала является использование технических средств, которые сводят урок к просмотру фильма или презентации, фотографированию схем и таблиц без проработки полученного материала [6, с. 358].

Помимо снижения уровня усвоения учащимися учебного материала в виду применения достижений информационных технологий, существуют серьезные педагогические проблемы изучения Революции 1917 года: работа с историческими терминами, проблемными вопросами (например, свержение самодержавия, альтернативные варианты развития российского общества в 1917 году и др.), запоминание дат и событий, роль личности в истории и пр. [6, с. 359]. Решение данных вопросов находится в плоскости уровня преподавания педагога и зависят исключительно от грамотного выстраивания причинно-следственных связей событий прошлого с событиями будущего, что мотивируют изучение обучающимися данной проблематики.

Одним из передовых методик изучения считается методика проблемного изучения истории в школе. Вопросы революции 1917 года

представляются наиболее удачными для демонстрации данного опыта в контексте трансформации «трудных вопросов» (по историко-культурному стандарту) в дискуссионные вопросы [12, с. 386]. Автор статьи О.Ю. Стрелова предлагает рассуждение вокруг содержательных линий «История и художник», «История и кино», «История и писатель», которые подводят школьников к восприятию художественных произведений как возможных и знаковых для определенной исторической ситуации, создают условия для всестороннего анализа источников: историк – художник (поэт) режиссер, исторический факт – историко-художественный миф, сторонники – противники и др.

Данная проблематика характерна не только для преподавания темы в школе, но и в вузах. Она также освещается в докладах юбилейных конференций. Но концептуально и содержательно не отличается от выводов по методике работы со школьниками, за исключением ввода дополнительной историографической информации и более детального анализа исторических источников.

Подводя итог изучения материалов юбилейных конференций о Великой российской революции, можно сделать вывод о том, что данное эпохальное событие двадцатого столетия находит отражение как в материалах фундаментальных исследований о причинах и роли революции, так и в работах о методике преподавания данной темы в школьном курсе истории России. Данный аспект является той темой, рассуждение в рамках которой позволяет использовать весь педагогический и методологический преподавательский ресурс с целью формирования нового понимания событий 1917 года в контексте дискуссионных вопросов.

В частности, исследователи обращают внимание на фундаментальные проблемы возникновения предпосылок революционных событий в России, причин прихода к власти большевиков, рассмотрение основных фактов, в том числе на региональном материале. Кроме того, в рамках изучения возможностей преподавания данной темы авторы докладов на конференциях рассматривают основные сложности в усвоении материала, такие как использование технических средств, которые подчас трансформируют урок просмотр фильма или презентации, трудности в работе с историческими терминами, проблемными вопросами, запоминанием дат и событий, рассмотрением роли личности в истории.

Вместе с тем, на наш взгляд, недостаточно рассмотрены проблемы, связанные с использованием в преподавании темы исторических источников путем их анализа. Использование методики проблемного изучения, и превращение урока-лекции в урок-дискуссию сводится к выделению формулируемых аспектов автором того или иного учебника или общедоступных не верифицированных материалов. Основные причины данной проблемы мы видим в формальном подходе при изложении

учебного материала учителем. А также в отсутствии у обучающихся умений и навыков работы с историческим материалом.

Таким образом, решение проблемы взвешенного и методически правильного изложения материала по Революции 1917 года в школьном курсе истории России мы видим в комплексном подходе подготовки педагогических кадров к работе с историческими источниками. Кроме того, нужна и систематическая подготовка школьников к усвоению сложных вопросов курса истории России, и, в первую очередь, работы с историческими материалами, умению выделять и идентифицировать представленную информацию.

Библиографический список

1. 1917 год: эпоха перемен (к столетию Великой русской революции): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (28 ноября 2017 г.). Т. 1: сб. статей / науч. ред. Г.В. Савицкий, Г.Б. Брагиров, А.В. Пахомов. Оренбург, 2018.
2. *Бельский Э.Н.* Схемы по истории России XX века // Преподавание истории в школе. 2014. № 10.
3. *Будник Г.А.* Великая Российская революция в свете новейших конференций // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 8 (4).
4. Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания: сборник статей по итогам Международной научной конференции (24–25 апреля 2017 г., г. Москва). М., 2017. 398 с.
5. Великая Российская революция 1917 г.: трудные вопросы истории. К 100-летию Великой Российской революции: материалы региональной научно-практической конференции / сост. Н.В. Страхова, Л.А. Харитоновна; отв. за выпуск Н.В. Страхова. Ярославль, 2017.
6. *Долгова А.В.* Великая российская революция 1917 г.: проблема преподавания в средней школе // Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания: сборник статей по итогам Международной научной конференции (24–25 апреля 2017 г., г. Москва). М., 2017. С. 355–360.
7. Концептуальные основы историко-культурного стандарта [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3483> (дата обращения: 03.12.2022).
8. *Курова Н.С.* Победа Октябрьской революции в Москве // Преподавание истории в школе. 1977. № 1.
9. Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии»: сб. докладов. СПб., 2012.
10. Российская революция 1917 года и ее место в истории XX века. М., 2018.
11. *Степанова В.Е.* Республиканские «педагогические чтения» 1957 г // Преподавание истории в школе. 1957. № 3.
12. *Стрелова О.Ю.* От «трудных вопросов» по истории революции 1917 г. – к дискуссионным, актуальным для школьников XXI в. / Великая рос-

сийская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания: сборник статей по итогам Международной научной конференции (24–25 апреля 2017 г., г. Москва). М., 2017.

УДК 930. 1

М.С. Малафай,

аспирант, Московский государственный областной педагогический университет (Мытищи)

КИРИЛЛОВЦЫ И НИКОЛАЕВЦЫ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ 1920–1930-Х ГГ.

Рассматривается отражение конфликта среди сторонников Великого князя Николая Николаевича и Кирилла Владимировича Романова в эмигрантской периодике 1920–1930-х гг. В статье показано значение изучения политической культуры николаевцев и кирилловцев в Русском Зарубежье.

Ключевые слова: Дом Романовых, русская эмиграция, периодическая печать, монархисты, николаевцы, кирилловцы.

M.S. Malafay,

Postgraduate student, Moscow Region Pedagogical State University

KIRILLOVETS AND NIKOLAYEVETS IN IMMIGRANT PRESS IN THE 1920–1930S

The article examines the reflection of the conflict among the supporters of Grand Duke Nikolai Nikolaevich and Kirill Vladimirovich Romanov in immigrant periodicals in the 1920–1930s. The article shows the importance of studying the political culture of Nikolayevets and Kirillovets in the Russian abroad.

Key words: House of Romanov, Russian émigrés, periodicals, monarchists, nikolayevets, kirillovets.

Ликвидация основных очагов сопротивления большевикам в европейской части России к концу 1920 г. привела к «Великому исходу» и формированию антибольшевистских центров в эмиграции, где формировались концепции и проекты политического переустройства страны после предполагаемого падения советской власти. Объявление Великим князем Кириллом Владимировичем себя в 1921 г. местоблюстителем престола, а в 1924 г. – императором Всероссийским Кириллом I спровоцировало в монархических кругах эмиграции, где сведения о гибели царской семьи подвергались сомнению, раскол. Наиболее острым противостояние было с середины 1920-х гг. до середины 1930-х гг. [1, р. 2–3], когда в эмигрантской прессе наблюдались изменения оценок Дома

Романовых с преимущественно отрицательных на благожелательные [7], до середины 1930-х гг. [1, р. 2–3]. Это было связано с процессами тоталитаризации власти в Европе.

Конфликт между сторонниками Великого князя Николая Николаевича-младшего и легитимистами-кирилловцами, который в Союзе дворян удавалось избегать [10, с. 586], отразился на страницах эмигрантской прессы. В газете «Бирючъ», издававшейся в 1926 г. в Белграде при участии Е.Е. Ковалевского и В.Н. Хрусталёва, Ю.П. Граббе среди главных антибольшевистских сил Русского Зарубежья выделял «верноподданническое» сообщество под предводительством Великого князя Кирилла Владимировича, сторонников Великого князя Николая Николаевича-младшего и эсеров, идеология которых была схожа с большевистской, но обладала «робостью и недоговоренностью» [5]. Отсутствие же идеологии для осуществления борьбы с большевиками во Всероссийском масштабе в эмиграции он считал недопустимым, ведь именно безыдейность Белого движения в годы Гражданской войны стала одной из причин поражения дела А.В. Колчака, Л.Г. Корнилова и А.Н. Деникина [5]. Признавая Кирилла Владимировича императором, Ю.П. Граббе негативно относился к консолидации Великого князя Николая Николаевича и П.Н. Врангеля с Высшим монархическим советом [5]. По его мнению, она должна была придать этому движению видимость монархизма при признании ряда «завоеваний» Февраля 1917 г. [5]. Автор статьи утверждал, что данная организация одного из течений русских монархистов не обладала ни определенной нравственной идеей, ни логикой, ни цельностью, в результате чего не могла противопоставить советской власти ничего, кроме лидера в лице Великого князя Николая Николаевича-младшего [5]. Подобная концепция устройства Высшего монархического совета не могла являться «твердым основанием» для борьбы с большевиками [5]. Ю.П. Граббе писал, что провозглашение принципа выборной монархии, основанной на «пресловутой воле народа», нарушало принцип богоизбранности монарха, подрывая способное противостоять советской власти верноподданническое движение, а обращение к понятию «легитимность» не отражала русский национальный характер [5].

В то же время легитимисты-кирилловцы признавали популярность Врангелевской Русской Армии среди беженцев, но она, с их точки зрения, была неспособна объединить всю военную эмиграцию Русского Зарубежья [6]. Признавая храбрость и решительность П.Н. Врангеля, они считали его неэффективным главнокомандующим и слабым политиком, о чем свидетельствовала Крымская катастрофа и неудачный союз с Польшей, в связи с чем военная эмиграция должна была объединиться под Императорским Штандартом и предводительством правопреемника Венценосных Державных Вождей Российской Император-

ской Армии [6]. По мнению Ю. Дмитриева, признание всей эмиграцией Кирилла Владимировича преемником Николая II должно было способствовать передаче золотого запаса Российской империи из стран, где он находился, что укрепило бы антибольшевистские силы и активизировало их деятельность на территории СССР [9]. Так как П.Н. Врангель и Великий князь Николай Николаевич-младший таких возможностей не имели, царская власть Кирилла Владимировича выступала в качестве средства, которым можно было спасти Россию от большевистского ига [9].

Восстановление самодержавия авторами газеты «Бирючь» приравнивалось к восстановлению России, которое было возможно лишь тогда, «когда в Москве среди куполов святых соборов и седых стен Кремля – сердца России – будет православный русский Царь – душа и совесть русского народа» [3]. Ни диктатура большевиков, ни эсеров, ни кадеты Н.Д. Меркулова и правителя Приамурского земского края М.Х. Дитерихса, по их мнению, не смогли заменить принцип абсолютной монархии, в силу чего среди диаспоры и жителей СССР сформировался запрос на ее восстановление [9]. В их понимании Российский Зарубежный Съезд в Париже признанием власти Великого князя Николая Николаевича-младшего снизил свой авторитет как среди мигрантов, так и зарубежных стран [9]. Его участники, среди которых были П.Б. Струве, А.Ф. Трепов, П.Н. Краснов, Н.Е. Марков, С.С. Ольденбург, И.А. Ильин, именовались «нерусскими людьми» [9], что свидетельствует о склонности кирилловцев к радикализму.

Ряд сторонников Николай Николаевич-младшего печатались в газете «Возрождение», выпускавшейся в Париже в 1925–1940 гг. под редакцией П.Б. Струве и Ю.Ф. Семенова. Сам Великий князь отмечал, что данное издание должно было способствовать единению здорового ядра Зарубежной России вокруг основных начал, которые могли объединить широкие слои эмигрантской общественности [2]. В противовес кирилловцам он обосновывал необходимость принятия помощи со стороны зарубежных стран для борьбы с большевиками, а также внепартийный характер власти после ожидаемого падения советской власти, так как ее основные черты, среди которых ограничение личной свободы и инициативы, безбожие и деморализация, ставка на мировую революцию, довели Россию до состояния крайнего напряжения [2]. Поддержка николаевцев отразилась и в газете П.Н. Милюкова «Последние новости», выходившей в 1920–1940 гг. в Париже, хотя у коллектива издания были непростые отношения с монархическими кругами эмиграции. На ее страницах бывший атаман Всевеликого войска Донского П.Н. Краснов, считавший Николая Николаевича единственным заступником казачества, под покровительством которого оно могло вновь

возродиться, требовал от войскового атамана А.П. Богаевского подчинения Великому князю и П.Н. Врангелю [8].

В газете «Общее дело», печатавшейся под редакцией В.Л. Бурцева в Париже 1918–1934 гг., обвиняли Великого князя Кирилла Владимировича в соучастии с европейскими государствами, действия которых были направлены на экономическое разорение России [4]. Утверждалось, что он связан с комитетом France-Orient, который отстаивал финансовые интересы Франции в Восточной Европе и на территории СССР, а именно Украины, Грузии, Азербайджана, Армении и Северного Кавказа, выступая сторонником предоставления независимости этим территориям, «находящихся под игом советов», и обещая народам, проживающим на них, лично защищать их право на самоопределение [4]. Но данные стремления Кирилла Владимировича к децентрализации СССР не нашли отклика среди немалой части Русского Зарубежья, с точки зрения которой человек, претендовавший на русский престол, не мог гарантировать предоставление независимости национальным окраинам бывшей Российской империи, на что не согласились ни большевики, ни даже В.М. Чернов в «Социалистической лиге нового Востока» [4].

Политический конфликт кирилловцев и николаевцев, ставший следствием вопроса русского престолонаследия, не способствовал консолидации монархистов и выстраиванию общего для всей эмиграции политического проекта свержения советской власти с дальнейшим реформированием русской государственности. Подтверждение этого служат публикации в эмигрантской прессе 1920–1930-х гг.

Библиографический список

1. *Beyda O., Prtrov I.* «Crowned Pawns»: The Great Hopes and Small Forces of the Russian Monarchists // «Stakeholders, Hangers-On, and Copycats: the Russian Right in Berlin in 1933» Institute for European, Russian, and Eurasian Studies – The George Washington University. Iliberalism Studies Program Working Papers no. 6, April 2021.

2. Беседа вел. кн. Николая Николаевича с редактором газеты «Возрождение» // *Возрождение*. 1925. № 18. С. 1.

3. Бирючь. 1926. № 1. С. 1.

4. Великий Кн. Кирилл Владимирович разбазаривает Россию // *Общее дело*. 1929. № 2. С. 4.

5. *Грaббе Ю.* Русские освободительные движения // *Бирючь*. 1926. № 2. С. 2–3.

6. *Дмитриев Ю.* Российская императорская армия // *Бирючь*. 1926. № 1. С. 2–3.

7. *Дризeн Н. В.* Памяти В. К. Константина Константиновича // *Возрождение*. 1925. № 20. С. 2.

8. *Казак Булавин*. Казачество и генерал Краснов // Последние новости. 1924. № 1148. С. 3.

9. Когда вернемся // Бирючь. 1926. № 3. С. 2–3.

10. *Менделеев П. П.* Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017.

УДК 930

С.А. Матвеев,

аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного педагогического университета (МГОПУ)

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ТРУДАХ Л.М. СУХОТИНА

В статье рассматриваются вопросы социальной истории в трудах историка Л.М. Сухотина. Основной темой работ ученого является история служилого сословия. Для Л.М. Сухотина характерен многосторонний анализ социальной истории, сочетание ее элементов с источниковедением и археографией.

Ключевые слова: Социальная история, В.О. Ключевский, Л.М. Сухотин, Московская школа, русская эмиграция.

S.A. Matveev,

Postgraduate student of the Department of Contemporary History of Russia, Moscow Region State Pedagogical University (MRSPU)

SOCIAL HISTORY IN WORKS OF L.M. SUHOTIN

The article considers the reflection of issues of social history in the works of historian L.M. Sukhotin. The main theme of the scientist's works is the history of the nobility. L.M. Sukhotin's approach is characterized by a multifaceted analysis of social history, a combination of its elements with source studies and archeography.

Key words: Social history, V.O. Klyuchevsky, L.M. Sukhotin, Moscow Historical School, Russian emigration.

Социальная история является важной частью современной исторической науки. В ходе развития этого направления обогащались его проблематика и методология, что способствовало появлению нескольких подходов к пониманию социальной истории: антропологическому, социологическому, социально-экономическому и политическому [2]. Однако их объединяет понимание того, что социальная история изучает какой-либо элемент общества в исторической перспективе, будь то социальный класс, жизнь отдельного человека или движение народных

масс в ходе политических перемен. Становление социальной истории, начавшееся в XIX в., не могло не найти отражения в трудах русских ученых-историков. Одним из самых заметных ее проявлений стал социологический метод В.О. Ключевского и основанная им Московская школа с характерным для нее сосредоточением на истории общества [3, с. 40]. К ученым, воспринявшим и развивавшим идеи изучения социальной истории, можно отнести и Л.М. Сухотина – автора ряда работ по истории боярства и служилого сословия XVI–XVII вв., генеалогии и истории опричнины.

Л.М. Сухотин родился в Москве 25 декабря 1879 г. После окончания гимназии Н.И. Поливанова в 1898 г. он поступил в Императорский Московский университет. Обучаясь на историко-филологическом факультете, Л.М. Сухотин занимался у таких ученых, как В.О. Ключевский, В.И. Герье и П.Г. Виноградов [4, с. 127]. В то же время историк приступил к сбору сведений для составления собственного родословия и изучению истории Московского государства XVII в. Первой его опубликованной работой стал «Род дворян Сухотиных» [14], увидевшей свет в 1909 г. Главная задача данного труда носила, прежде всего, позитивистский характер – сбор и систематизация всех сведений о представителях рода Сухотиных. Однако архивная работа с материалами боярских книг и десятен подтолкнула историка к расширению тематики исследований.

В период с 1911 по 1915 гг. Л.М. Сухотин опубликовал три сборника документов по истории Московского государства XVI–XVII вв. В начале XX в. наблюдался рост интереса исследователей к эпохе Смутного времени, связанный с приближающимся юбилеем – 300-летием Романовых. Так свет увидели работы А.М. Гневушева, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, С.Ф. Платонова и др. Со многими из них Сухотин был знаком лично, с некоторыми его связывало ученичество или дружба. Каждое из изданий источников, подготовленных Сухотиным, было снабжено обширным предисловием, содержащим не только археографическое описание издаваемых документов, но и элементы, связанные с социальной историей. Например, в предисловии к первому сборнику «Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610–1611 гг.» Л.М. Сухотин уделил много места разбору «дела Чичерина», в котором отразились попытки представителей тушинцев, перешедших к Владиславу, сохранить свое положение и поместья, пожалованные при Лжедмитрии [6, с. XV]. Кроме того, в предисловии были включены биографические сведения о некоторых деятелях Смутного времени, содержащиеся в издаваемых документах [6, с. XXIII]. Рассматривая историю пожалований поместий, Л.М. Сухотин в первую очередь изучал историю служилого сословия, противоречия, возникшие в нем в результате пожалований вотчин и поместий сторонникам одного

лагеря за счет их противников, а также значение этих пожалований для служилого сословия при первых Романовых.

В предисловии к следующему сборнику, получившему название «Четвертки Смутного времени», Л.М. Сухотин уделил внимание анализу социального состава четвертчиков, распределению их происхождения по городам и принадлежности к определенным родам [17, с. XIX]. Кроме того, он обратил внимание на значение получения жалования «с четью» в XVI в., придя к выводу, что оно способствовало продвижению по внутрисословной иерархии [17, с. XVI, прим. 1]. В предисловии к третьему сборнику – «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: Столпы Печатного приказа» Л.М. Сухотин анализировал социальный состав выборщиков царя и поднимал вопрос об общественных ожиданиях, связанных с его избранием, отразившихся в челобитных. Кроме того, автор затронул и социально-экономический аспект – а именно, феномены «разорения» и «бедствия», возникших в ходе Смуты [13, с. XIV].

Материалы, отобранные для публикации Л.М. Сухотиным, имеют тесную связь со всеми аспектами социальной истории. Сам же ученый разносторонне подходил к их анализу, совмещая подходы источниковедения, археографии и социальной истории.

Параллельно с археографической работой Л.М. Сухотин занимался активной научно-исследовательской деятельностью. Одной из тем, вызывавших интерес ученого, была история народных движений эпохи Смутного времени. Например, в феврале 1913 г. Л.М. Сухотин выступил на заседании Общества истории и древностей Российских с речью, посвященной народным движениям 1611 и 1612 гг., которая позднее была опубликована [11]. В речи историк сравнивал ополчение П. Ляпунова с ополчением князя Пожарского и Кузьмы Минина. Главным инициатором освободительных движений Л.М. Сухотин видел народные массы. Отмечая высокую роль личностей на ход событий, связанных с освобождением России от поляков, историк считал, что они зачастую являлись выразителями идей и интересов каких-либо общественных сил. Главной причиной поражения первого ополчения Л.М. Сухотин считал борьбу между дворянством, боярами и казаками. Историк выделял смуту как «особое состояние народного духа», а одну из причин успеха второго ополчения он видел в том, что оно «формировалось в менее зараженной смутой среде» [11, с. 15]. Развивая тему народных движений в другой статье, посвященной причастности князя Пожарского и патриарха Гермогена к первому ополчению, историк пришел к выводу о сильной роли в его формировании противодействия «украин», представленных казаками, и служилыми дворянами, политике центра, представленного боярами [8].

После Октябрьской революции Л.М. Сухотин эмигрировал в Югославию, где работал в русско-сербской смешанной гимназии, а затем возглавил женскую гимназию в Белграде. Для учащихся этих школ историк разработал серию учебников, составлявших курсы всеобщей и российской истории. Учебники должны были решить сложную задачу по одновременному сохранению идентичности детей эмигрантов и их адаптации к принимающему обществу. Решая эту проблему, Л.М. Сухотин уделял большое внимание истории культуры. Он представлял историю не просто как следующие друг за другом события, а подчеркивал общественные и культурные процессы, связывающие их. Социальная история представлена в разных формах. Например, в учебнике по всеобщей истории нового времени мало места уделяется анализу общественных отношений, взаимодействию социальных групп и т. д., однако в дополнительных материалах мы можем найти фрагменты источников, связанных с историей европейской повседневности [7, с. 207]. В учебниках по российской истории социальному строю в различные временные периоды посвящены отдельные параграфы [16, с. 13].

Помимо педагогической работы в эмиграции, Л.М. Сухотин продолжил изучение истории России XVI–XVII вв., сосредоточившись на теме опричнины. Рассматривая ее историю, ученый затронул тему боярской думы XVI в. Этой теме Л.М. Сухотин посвятил вторую часть цикла статей под общим названием «К пересмотру вопроса об опричнине» [10], а также работу «Несколько наблюдений о боярской думе XVI века» [12]. Историк произвел реконструкцию состава боярской думы 1565–1572 гг. Анализируя списки бояр – членов думы, Сухотин пришел к выводу, что рост численности опричной боярской думы осуществляется за счет назначения в думу угодных царю представителей «обычного круга боярских родов», а не за счет неродовитых людей [10, с. 45]. Кроме того, после отмены опричнины «княжат» в думе стало еще больше. Это вывод разрушает тезис о демократизации социального состава думы. Изучая боярскую думу, Л.М. Сухотин развивал подход В.О. Ключевского к этому институту, сосредоточив внимание не на его функциях и политическом значении, а на социальном составе и влиянии на боярскую думу различных социальных процессов, происходивших в Московском государстве.

В конце 30-х гг. XX в. Л.М. Сухотин сотрудничал с редакцией историко-генеалогического журнала «Новик». В данном журнале вышло несколько интересных для нас публикаций историка. Во-первых, это публикация списка опричников Ивана Грозного, на материале которого автором строится подтверждение тезиса о том, что в опричную организацию входили не только представители «худородных» семей, но и члены старых аристократических семей [15]. Во-вторых,

это статья «Дети дворянские после Смуты», в которой Л.М. Сухотин рассмотрел процесс складывания дворянского сословия на территории Московского государства в XVII в. Рассматривая внутреннюю стратификацию этого класса, историк пришел к выводам, что «дворянская политика [в области распределения по разрядам] не столько направлялась из центра, сколько приспособлялась к взглядам местных служилых групп» [5, с. 327]. Л.М. Сухотин пользуется термином родословное самосознание, отмечая, что в тех районах, где оно было развито, распределение происходило по отчеству, а там, где было развито в меньшей мере, большее значение придавалось заслугам.

Данная статья Л.М. Сухотина являлась одной из глав из приготовленного историком к печати труда «Происхождение и формирование служилого класса (XV–XVII вв.)». К сожалению, данный труд так и остался неопубликованным, а следы его черновиков после смерти историка в 1948 г. теряются. Однако краткий конспект этой работы содержится в письме Л.М. Сухотина к П.Б. Струве. Из него видно, что труд должен был представить целостную картину эволюции служилого класса от княжеской дружины до дворянского сословия. Историк выделял ключевые события политической истории, повлиявшие на становление дворянства, анализировал внутреннюю структуру сословия на разных этапах и исторические источники, в которых она отразилась [1].

Несмотря на то, что Л.М. Сухотин никогда не определял себя как историка-социолога (в отличие, например от В.О. Ключевского), социальная история занимает важное место в трудах историка. Видимо, с этим связано отсутствие стремления ученого к масштабным обобщениям и теоретизации. Историк провел большую работу по сбору и публикации источниковой базы для исследований по истории служилого класса и элиты Московского государства. Для Л.М. Сухотина характерен многофакторный подход к социальной истории. Он рассматривал различные ее проявления, начиная от антропологического и заканчивая политико-экономическими аспектами.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1003. Оп. 15. Д. 19. Папка 10. Нумерация листов отсутствует.
2. Крупа Т.А. Особенности теоретико-методологического аппарата дисциплины социальная история // E-Scio. 2021. [Электронная публикация].
3. Погodin С.Н. Социологический метод В.О. Ключевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1. С. 40–49.
4. Сухотин Л.М. Автобиография // Русская генеалогия в эмиграции: избранные статьи журнала «Новик». М.: Старая Басманная, 2018. С. 126–134.

5. *Сухотин Л.М.* Дворяне и дети боярские после Смуты // Русская генеалогия в эмиграции: избранные статьи журнала «Новик». М.: Старая Басманная, 2018. С. 313–327.
6. *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610–1611 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. Вып. 8. С. III–XXXV.
7. *Сухотин Л.М.* История нового времени: в 2 ч. Белград: Издательская комиссия палаты академии наук, 1931. Ч. 1. 208 с.
8. *Сухотин Л.М.* К вопросу о причастности Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг.: Тип. Б.Д. Брукера, 1917 С. 318–346.
9. *Сухотин Л.М.* К истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. // ЧОИДР. 1915. Кн. 3. С. 40–53.
10. *Сухотин Л.М.* К пересмотру вопросу об опричнине II–VI // Зап. РНИИБ. 1936. Вып. 13. С. 39–67.
11. *Сухотин Л.М.* Народные движения 1611 и 1612 гг. // ЧОИДР. 1913. Кн. 4 (247). Отд. III. С. 8–18.
12. *Сухотин Л.М.* Несколько наблюдений о составе боярской думы XVI века // Сборник Русского археологического общества в кор. Югославии. Т. III. Белград, 1940. С. 87–100.
13. *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) // ЧОИДР. 1915. Кн.4. С. III–XXIV, 1–238.
14. *Сухотин Л.М.* Род дворян Сухотиных. М.: Типография торгового дома М.В. Балдин и ко., 1908. 105 с.
15. *Сухотин Л.М.* Список опричников Ивана Грозного // Новик. 1940. № 3. С. 19–25.
16. *Сухотин Л.М.* Учебник русской истории: младший курс. Ч. 2. Белград: Русская типография С. Филонова [Новый Сад], 1927. 143 с.
17. *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.) // Смутное время Московского государства // ЧОИДР. 1912. Кн. 2 (V). С. I–XXXVII).

А.Н. Ожиганов,

аспирант, Алтайский государственный университет (Барнаул)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ХАКАСИИ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х – НАЧАЛА 1990-Х ГГ.*

В работе рассматривается вопрос изменения и формирования подходов и оценок в исследовании государственно-конфессиональных отношений в Хакасии в 1965–1991 гг. в отечественной историографии советского и постсоветского периодов. На основе анализа работ, опубликованных в этот период, выделяются трактовки взаимоотношений государства и религиозных организаций, их роли и оценки в контексте регионального исследования государственно-конфессиональных отношений в регионе.

Ключевые слова: Хакасия, государственно-конфессиональные отношения, протестантизм, религиозная организация, историография.

A.N. Ozhiganov,

Postgraduate student, Altai State University (Barnaul)

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN KHAKASSIA IN 1965–1991 IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The paper considers the issue of changing and forming approaches and assessments in the study of state-confessional relations in Khakassia in 1965–1991 in the historiography of the Soviet and post-Soviet periods. Based on the analysis of works published during this period, the author determines the interpretations of the relationship between the state and religious organizations, their role and evaluation in the context of a regional study of state-confessional relations in the region.

Key words: Khakassia, state-confessional relations, Protestantism, religious organization, historiography.

В современной историографии в рамках изучения государственно-конфессиональной политики в 1965–1991 гг. принято разделять два этапа: советский (1965–1991 гг.) и постсоветский (начало 1990-х – до настоящего времени). Данное разделение обуславливается разницей в подходах у исследователей, идеологией и другими факторами. К первому

© Ожиганов А.Н., 2023

* Исследование выполнено в рамках реализации грантов РФФИ (проект N 21-011-44027) и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

этапу относят исследования, опирающиеся на марксистско-ленинскую теорию, вследствие чего ретранслировали официальное, сдержанное отношение к религии в СССР. В то время как для второго этапа характерен методологический и оценочный плюрализм, в частности критический подход к проблематике взаимоотношений советского государства и религиозных организаций.

В работах советского времени пристальное внимание уделялось вопросам атеистической работы среди населения со стороны советских и партийных органов власти и критика реакционного «сектантства» [9, 13, 16–17], роль и деятельность религиозных общин описывались как фактор, препятствующий построению социализма. Вместе с тем, необходимо отметить, что данные исследования ценны фактическими материалами и статистическими данными, несмотря на то, что государственная политика в отношении религиозных общин Хакасии не являлась предметом специального рассмотрения. Следует выделить таких авторов, как В.И. Гараджа [8], А.И. Клибанов [14], А.Т. Москаленко [18], в работах которых предпринималась попытка конструктивной оценки, делались выводы на основе вероучительных текстов и данных социологических исследований с позиций критики роли религии и церкви.

К концу 1970-х гг. критические оценки в отношении религии в отечественных исследованиях постепенно нивелируются, смещая упор в сторону научно-атеистической пропаганды, что связывается с подписанием Хельсинского Заключительного акта в 1975 г. и принятием новой Конституции 1977 г. в СССР. В исследованиях, отражающих идеологические установки, уделяется внимание рассмотрению нового законодательства, проблемам свободы совести и положения религиозных организаций.

К концу 1980-х гг. под влиянием общественных изменений в историографии появляются новые подходы к проблематике взаимоотношений государства и религиозных организаций, делается попытка объективной оценки атеистической работы. Примером может служить выход в 1989 г. двух сборников трудов [19], авторы которых пересматривают формы строительства государственно-конфессиональных отношений, предлагая диалоговый формат, в т. ч. и по отношению к Православной Церкви. В это же время начинают выходить и ряд обобщенных работ о взаимоотношениях государства и религиозных организаций в СССР за авторством В.А. Алексеева (1991, 1992) [1–2], М.И. Одинцова (1989) [22], Л.Н. Митрохина (1997), М.В. Шкаровского (1999) и др. К середине 1990-х гг. в научный оборот вводятся материалы из засекреченных архивных фондов, содержащих информацию о государственно-конфессиональных отношениях. В частности, на их основе делается попытка переоценки вопросов взаимоотношений органов власти и религиозных организаций, выделяя роль Советов по делам РПЦ и Советов

по делам религиозных культов, Совета по делам религий при СМ СССР в религиозной политике СССР [21]. Не менее существенным был вклад Л.М. Алексеевой [3], изучившей независимые общественные движения среди православных, баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня.

Необходимо отметить работы Т.К. Никольской, освещающие русский протестантизм. Согласно выводам автора, в 1970–1980 гг. государственно-конфессиональная политика была направлена на сохранение равновесия во взаимоотношениях государства и церкви, проводилась регистрация лояльных религиозных общин, соблюдавших законодательство о культах, вместе с тем сохранялась борьба с нелегальными религиозными объединениями. В период т. н. «перестройки», который пришелся на период руководства страной М.С. Горбачевым, по мнению исследователя, протестантские деноминации переживали не только период подъема, но и кризисные явления [20, с. 129].

В начале 2000-х гг. увеличивается интерес к проблеме государственно-конфессиональных отношений на региональном уровне, в частности исследования религиозных организации в Западной Сибири в 1940–1960-е гг. В работах Л.И. Сосковец [23–26] рассматривается деятельность Совета по делам РПЦ, Совета по делам религиозных культов, Совета по делам религий при СМ СССР и их уполномоченных на местах, где автор оценивает роль данных структур, как ограничивающую деятельность религиозных организаций в сибирских регионах. В исследовании А.В. Горбатова выделены тенденции развития конфессиональной картины Сибири, особенностей состава и деятельности религиозных общин, воздействия на них органов власти [11–12].

Примером региональной историографии темы следует упомянуть работу А.Н. Гладышевского [10], в которой исследователь описывает процесс христианизации хакасского народа и освещает значение православия для истории и культуры хакасов. Данное исследование отражает тенденцию роста интереса ученых к региональной проблематике.

В информационно-аналитическом издании «Современная религиозная жизнь России» один из разделов в общих чертах затрагивает деятельность религиозных общин в Хакасии в 1965–1991 г. [6, с. 339–340, 347]. Также необходимо отметить и публикацию В.А. Бурнакова [7], в которой представлено положение религиозных общин в Хакасии в советское время. Автор приходит к выводу о негативном воздействии религиозных организаций пятидесятнического направления на этническую культуру хакасов.

В 2006 г. коллективом авторов была опубликована монография [4], в которой рассматривается история протестантизма в Южной Сибири в период 1820 г. – нач. XXI в. и современное воздействие протес-

тантских общин на культуру коренных этносов региона: тувинцев, хакасов, бурят, алтайцев. В одном из разделов монографии дается характеристика религиозной ситуации в Хакасии в советское время, взаимоотношения государства и протестантских объединений в 1920–1950-е гг., вопросы положения хакасских протестантов в 1960–1980-е гг.

Для постсоветской историографии одним из направлений исследований стала тема баптистских и пятидесятнических общин. В работе Н.А. Беляковой, М. Добсон [5, с. 345], описывается разнообразие установок, ролей и практик, присущих верующим женщинам в советское время. Помимо документов в рамках темы исследования, авторы публикуют обращение в 1979 г. в международные инстанции верующей М.П. Чмыхаловой, принадлежащей к пятидесятникам г. Черногорска (Хакасия).

Таким образом, в региональной историографии вопросы положения религиозных общин в Хакасии во второй половине XX в. начинают концептуально разрабатываться только на современном этапе. Хотя научный интерес и проблематика стали формироваться раньше. При этом недостаточно исследовано влияние государственных и местных органов власти на жизнь религиозных объединений. Малоизученным является вопрос о деятельности уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР по Красноярскому краю. Отсутствуют работы, комплексно рассматривающие деятельность и положение религиозных объединений в Хакасии в условиях государственно-конфессиональной политики с середины 1960-х – по 1991 г.

Библиографический список

1. *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. М., 1991.
2. *Алексеев В.А.* «Штурм небес» отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992.
3. *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; Москва: Весть, 1992.
4. *Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М.* Протестантизм и народы Южной Сибири: История и современность. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр., 2006.
5. *Белякова Н.А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. М.: Индрик, 2015.
6. *Бурдо М., Филатов С.* Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1. М.; СПб.: Летний сад, 2005.
7. *Бурнаков В.А.* К проблеме протестантизма в Хакасии (о харизматической церкви прославления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археол. и этногр. СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 10. Ч. 2.

8. *Гараджа В.И.* Протестантизм. М.: Политиздат, 1971.
9. *Герасимец А.С.* Критика идеологии современного иеговизма: дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 1965.
10. *Гладышевский А.Н.* К истории христианства в Хакасии. Абакан: ООО «Фирма “Март”». 2004.
11. *Горбатов А.В.* Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009.
12. *Горбатов А.В.* К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
13. *Квардаков А.И.* Религиозные пережитки в сознании и быту сельского населения и пути их преодоления: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1969.
14. *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973.
15. *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство и современность. М.: Институт истории АН СССР, 1969.
16. *Ламанская Е.Г.* Деятельность партийной организации Красноярского края по научно-атеистическому воспитанию населения (1956–1964): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 1968.
17. *Ламанская Е.Г.* Из опыта научно-атеистической пропаганды газеты «Ленин-Чоль» // Ученые записки. Вып. XII. Абакан: Красноярское книжное изд-во, Хакас. отд-ние, 1966.
18. *Москаленко А.Т.* Идеология и деятельность христианских сект. Новосибирск, 1978.
19. На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989.
20. *Никольская Т.К.* Возрождение или кризис? Вызовы «перестройки» в конфессиях русского протестантизма // Народы и религии Евразии. 2021. № 2 (26).
21. *Одинцов М.И.* Путь длиной в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству: (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М., 1989.
22. *Одинцов М.И.* Русская Православная Церковь XX столетия (общая оценка состояния, организационная структура, социально-политическая деятельность). В помощь лектору-пропагандисту. М., 1989.
23. *Сосковец Л.И.* Антирелигиозные практики советского государства: цели, структура, этапы, средства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-2 (35).
24. *Сосковец Л.И.* Правовое положение религиозных организаций в Советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. 2003. № 1 (20).
25. *Сосковец Л.И.* Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск, 2003.
26. *Сосковец Л.И.* Советы по делам религий как проводники государственной политики в отношении церкви // Известия Томского политех. ун-та. 2008. № 6.

В.С. Околотин,

профессор, Ивановский государственный университет

ОТРАЖЕНИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В ИСТОРИИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 ГГ.

Статья посвящена краткому отражению вклада Ивановской области в успешное завершение Сталинградской битвы, ее участия в восстановлении народного хозяйства Сталинградской области в 1942–1943 гг. и других ярких страниц, связывавших данные регионы в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Сталинградская битва, Ивановская область, стрелковые дивизии, А.М. Василевский, Сталинградская область, восстановление народного хозяйства.

V.S. Okolotin,

Professor, Ivanovo State University

REFLECTION OF THE BATTLE OF STALINGRAD IN THE HISTORY OF THE IVANOVO REGION OF 1942–1943

The article is devoted to a brief reflection of the contribution of the Ivanovo region to the successful completion of the Battle of Stalingrad, its participation in the restoration of the national economy of the Stalingrad region in 1942–1943 and other bright pages that connected these regions during the Great Patriotic War.

Key words: Battle of Stalingrad, Ivanovo region, rifle divisions, A.M. Vasilevsky, Stalingrad region, restoration of the national economy.

Сталинградское сражение, определившее исход Великой Отечественной войны, продолжалось с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. После его успешного завершения началось восстановление народного хозяйства г. Сталинграда и Сталинградской области, для которого потребовалось привлечение крупнейшее количество людских, материальных и финансовых ресурсов всего советского государства. К полноправным участникам битвы за Сталинград и его восстановления следует отнести жителей Ивановской области. Прежде всего, потому, что десятки тысяч ивановцев участвовали в Сталинградском сражении, многие из них погибли в ожесточенных боях с нацистами на подступах к волжской твердыне. После их завершения жители области оказали огромную помощь в восстановлении экономики Сталинградской области. Несмотря на отдаленность тех событий от современности, они продолжают сохраняться

не только в общественном сознании ивановцев, но и в стремлении их увековечить в региональном историко-культурном наследии.

Отражение указанных героических событий в истории Ивановской области условно можно разделить на несколько этапов. К первому из них следует отнести формирование на ее территории в 1942 г. и отправку под Сталинград семи стрелковых дивизий. Второй, это участие нашего земляка маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского в разработке и реализации Сталинградской наступательной операции по кодовым названием «Уран». Третий, – оказание жителями Ивановской области посильной гуманитарной помощи для восстановления народного хозяйства Сталинградской области. И последний этап, довольно специфический, связан с пребыванием в лагере № 48, располагавшемся в с. Чернцы Лежневского района, плененных в Сталинграде генералов штаба 6 армии германского вермахта, в числе которых был и фельдмаршал Фридрих Паулюс. Их совокупность заметно отличает историко-культурное наследие Ивановской области от истории других регионов современной России.

Формирование стрелковых дивизий. В 1942 г. на территории Ивановской области в границах до августа 1944 г. в числе других воинских соединений были созданы 7 стрелковых дивизий, принявших участие в Сталинградской битве. Среди них пять (49, 207, 292, 299 и 316) стрелковых дивизий 2 формирования и 2 (36 и 38) гвардейские стрелковые дивизии. Кроме того, ивановцы воевали под Сталинградом в составе других воинских соединений и за свой ратный подвиг были награждены медалью «За оборону Сталинграда».

49 стрелковая дивизия 2 формирования. Она была сформирована на основе дивизии народного ополчения, истребительных отрядов и отрядов истребителей танков, созданных на территории Ивановской области во втором полугодии 1941 г. Ее подразделения были расквартированы в городах Иванове, Шуе, Кинешме и Владимире. О том, что предшествовало этому событию, секретарь обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцев рассказал на собрании партийного актива г. Иванова 30 июля 1942 г. По его словам, «когда Сталин узнал о наличии этой дивизии (Ивановской дивизии народного ополчения. – *О. В.*) он сказал, что спасибо, ивановцы, но пусть эта дивизия защищает Иваново на подступах к Москве». Обеспечение дивизии обмундированием, амуницией, инвентарем и вооружением во многом осуществлялось за счет местных ресурсов. До начала марта 1942 г. дивизия находилась на территории Ивановской области, а затем погружена в эшелоны и отправлена в Московскую зону обороны. Не приняв в силу различных причин участия в сражениях под Москвой, в сентябре 1942 г. 49 стрелковая дивизия вошла в состав 66 армии и участвовала в сражениях на Сталинградском фронте.

207 стрелковая дивизия 2 формирования. 6 августа 1942 г. на площадке между деревнями Красное и Строкино Ивановского района состоялся торжественный митинг, посвященный вручению соединению дивизионного Красного знамени. Его вручил секретарь обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцев. С ответным словом выступил командир дивизии С.С. Гузенко. На митинге также были озвучены обращение к трудящимся Ивановской области и содержание приветственного письма наркому обороны И.В. Сталину. Затем части дивизии прошли торжественным маршем мимо трибуны. Вручение от трудящихся районов города Иваново знамен полкам дивизии (полковых знамен) было осуществлено по местам их дислокации. С 1 сентября 1942 г. дивизия была переподчинена 66 армии Сталинградского фронта.

292 стрелковая дивизия 2 формирования. Ее формирование происходило на базе 74 морской бригады Каспийской флотилии, прибывшей в Шую 27 мая 1942 г. Командиром дивизии был назначен генерал-майор береговой службы С.В. Лишенков, а военным комиссаром - полковник В.С. Баландин. В первой половине августа дивизия отбыла на Сталинградский фронт и там переподчинена 66 армии.

299 стрелковая дивизия 2 формирования. Ее формирование происходило на базе 157 особой курсантской стрелковой бригады летом 1942 г. в Коврове. В июне ее командиром был назначен подполковник Г.В. Бакланов, который за короткий срок смог создать полноценное боевое соединение. 23 августа 1942 г. ковровчане торжественно проводили дивизию на фронт. Всем стрелковым полкам дивизии от трудового коллектива завода № 2 были вручены шефские Красные Знамена. 1 сентября 1942 г. дивизия была переподчинена 66 армии, сражавшейся на Сталинградском фронте. 8 сентября 1942 г. ее полки приняли боевое крещение в боях возле балки Сухая Мечетка, а в дальнейшем участвовали в оборонительной и наступательной операциях под Сталинградом.

316 стрелковая дивизия 2 формирования. 316 стрелковая Краснознаменная дивизия первого формирования под командованием генерал-майора И.В. Панфилова героически сражалась под Москвой в 1941 г., понесла большие потери и за боевые заслуги была переименована в 8 гвардейскую стрелковую дивизию. В результате прежний номер этой дивизии, оказавшийся свободным, был присвоен новому воинскому соединению, которое стало формироваться на базе значительно поредевшей в боях 27 стрелковой бригады, передислоцированной под Вязники. 12 июня командиром вновь создаваемой 316 стрелковой дивизии 2 формирования 9-й резервной армии был назначен подполковник И.Е. Зубарев. 23 августа 1942 г. она была передислоцирована на Сталинградское направление. Бойцы и командиры дивизии героически

сражались на Сталинградском фронте, почти все десять тысяч ее бойцов погибли в ожесточенных боях, а воинское соединение расформировано.

36 гвардейская стрелковая дивизия. Особенность ее создания заключается в том, что она была сформирована на базе 9 воздушно-десантного корпуса, дислоцировавшегося в Киржаче. После ухудшения обстановки на южном направлении и создании Сталинградского фронта 1 августа 1942 г. 9 воздушно-десантный корпус был преобразован в 36 гвардейскую стрелковую дивизию. 5–6 августа 36 гвардейская стрелковая дивизия была погружена в эшелоны и отправлена под Сталинград, где вошла в состав 57 армии.

38 гвардейская стрелковая дивизия. Она была сформирована на базе уже отличившегося в боях 4-го воздушно-десантного корпуса, состоявшего из 8, 9 и 214 бригад, дислоцировавшихся в Тейкове. Формирование осуществлялось со 2 по 9 августа 1942 г. 9 августа 1942 г. вновь сформированная 38 гвардейская стрелковая дивизия была направлена в состав 1 гвардейской армии Сталинградского фронта, где уже с 15 августа приняла участие в боевых операциях.

По-разному сложился боевой путь указанных стрелковых дивизий, но начинался он в городах и районах Ивановской области, ресурсы которой были максимально направлены на их обмундирование, комплектование и вооружение.

Операция «Антифриз». Она считается первой крупной транспортной операцией с начала войны. В ее проведении были задействованы 1 и 2 учебные авиационные планерные полки и транспортные самолеты, расположенных на базах Киржача и Тейково. Им предстояло доставить антифриз для техники Сталинградского фронта под командованием А.И. Еременко, готовившейся к наступлению согласно плану операции «Уран». 10 ноября 1942 г. полки были подняты по тревоге. Им была поставлена задача подготовить планеры к полету на расстояние 1200 км с грузом в 1000 кг на каждом. В сложнейших условиях задача командования была выполнена.

Разработка операции «Уран». Уроженец Ивановской области Александр Михайлович Василевский совместно с Г.К. Жуковым и И.В. Сталиным был разработчиком наступательной операции «Уран» под Сталинградом. Вплоть до середины января 1943 г. он координировал ее реализацию, за что был произведен в генералы армии, а 16 февраля 1943 г. – в маршалы Советского Союза.

Восстановление Сталинградской области. Вся страна протянула руку помощи несломленному врагом городу. Одними из первых стали жители Ивановской области. Инициатива исходила от колхозников Палехского района, которые первые внесли 310 пудов семенного материала и выделили 65 голов крупного и мелкого рогатого скота для

восстановления сельского хозяйства Сталинградской области. 15 февраля 1943 г. газета «Правда» опубликовала письмо секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева председателю ГКО И.В. Сталину, в котором говорилось о первых результатах помощи Сталинграду. В феврале 1943 г. ЦК ВКП(б) провел совещание секретарей обкомов партии областей и республик Поволжья, на котором обсуждались практические меры по осуществлению шефства над Сталинградом и Сталинградской областью. Всего колхозами, совхозами, предприятиями и учреждениями Ивановской области было собрано и отправлено в Сталинград 44 вагона различных вещей и материалов. Кроме того, были отправлены комплекты для кузниц и походных мастерских, оборудование для школ, детских и яслей, медикаменты для 5 больниц, 2 вагона оконного стекла, 18 вагонов строительного леса и пиломатериалов», большое количество мелкого сельхозинвентаря, а также оборудование для типографии, двух радиоузлов, двух коммутаторов и т. д.

По призыву ЦК ВЛКСМ в области был сформирован первый комсомольский отряд из 400 человек, который уже в апреле 1943 г. отбыл в Сталинград. Помощь ивановцев была с благодарностью воспринята жителями Сталинградской области. Об этом свидетельствует телеграмма секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) В.Т. Прохвятилова от 21 февраля 1943 г. в адрес секретаря Ивановского обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева. В ней выражалась «...горячая благодарность колхозникам, рабочим, учащимся и всем трудящимся Ивановской области за оказываемую помощь деньгами, одеждой, продовольствием населению освобожденных районов Сталинградской области».

Лагерь № 48. Самый известный «генеральский» лагерь № 48 был организован в 1943 г. Он располагался в с. Чернцы Лежневского района Ивановской области. За 13 лет его существования через него прошло около 400 немецких, японских, венгерских, итальянских, румынских и австрийских генералов.

Первая партия военнопленных прибыла 3 июля 1943 г. В нее вошли 31 генерал (22 немецких, 6 румынских, 3 итальянских), а также несколько старших офицеров вермахта в чине полковника. В основном это были плененные в Сталинградской битве генералы 6-й армии. Среди них был и ее командующий генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. Он был одним из разработчиков плана «Барбаросса». Цель работы с Паулюсом заключалась в том, чтобы выявить военных преступников и склонить генералов к сотрудничеству в составе Национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров», имевших антифашистскую направленность. Уже к августу 1943 г. несколько генералов, а в дальнейшем и другие, заявили о своем желании вступить в антифашистское движение. В июле 1944 г. к ним присоединился

фельдмаршал Фридрих Паулюс. В 1945 г. на Нюрнбергском процессе он, как разработчик плана «Барбаросса» по оккупации Советского Союза, выступил свидетелем № 1.

Таковы лишь малые страницы из истории участия жителей Ивановской области в Сталинградской битве и восстановлении этого героического волжского города и народного хозяйства Сталинградской области.

УДК 94(47).083

С.А. Орлова,

старший преподаватель, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский государственный университет (Иваново)

ПОЛНОМОЧИЯ СЕНАТА В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕРИОД)

В годы Первой мировой войны в России продолжал функционировать институт сенаторских ревизий. Император назначил три расследования. В ходе ревизий полномочия сенаторов максимально расширились, по сравнению с предыдущими этапами развития данного государственного института.

Ключевые слова: Сенаторские ревизии периода Первой мировой войны, ревизия Н.С. Крашенинникова, ревизия Д.Б. Нейдгарта, ревизия А.А. Ширинского-Шихматова.

S.A. Orlova,

Senior Lecturer, Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Ivanovo State University (Ivanovo)

THE POWERS OF THE SENATE IN THE SPHERE OF CONTROL AND SUPERVISION IN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR (IMPERIAL PERIOD)

During the First World War, the institute of senatorial audits continued to function in Russia. The emperor appointed three investigations. During the audits, the powers of the senators were expanded to the maximum in comparison with the previous stages of development of this state institution.

Key words: Senatorial revisions of the period of the First World War, revision by N.S. Krashennnikov, revision by D.B. Neidgart, revision by A.A. Shirinsky-Shikhmatov.

В последние десятилетия существенно вырос интерес ученых к исследованию сенаторских ревизий, проводившихся в начале XX века в Российской империи. Написано десятки статей, раскрывающих те или иные аспекты указанной проблематики [3, с. 688–693]. Однако в науке нет ни одной работы, посвященной анализу полномочий ревизирующих сенаторов, представленных им в годы Первой мировой войны.

Данный вопрос кажется нам актуальным, поскольку в условиях войны государство создало новые органы власти, обладающие чрезвычайными полномочиями: Особые совещания, штаб Верховного главнокомандующего и др. Интересно выяснить, имели ли право ревизирующие сенаторы обращаться к данным органам за содействием в раскрытии преступлений, и продолжалась ли тенденция по расширению прав ревизирующих сенаторов, наблюдавшаяся на всех этапах развития данного института.

В период Первой мировой войны император Николай II назначил три сенаторские ревизии. Первая из них была вызвана событиями, которые произошли в Москве в мае 1915 года. Тогда, в ходе немецкого погрома (ненависть к немцам во многом была вызвана неудачами российских войск на фронтах и экономическими трудностями) пострадало около 700 человек, а ущерб превысил 50 млн рублей [12].

Проведение ревизии поручили сенатору Николаю Сергеевичу Крашенинникову (1857–1918) [9, с. 1788; 10, с. 2583], которому дали соответствующую инструкцию по осуществлению расследования [13]. Особенностью данного дела стало то, что по соглашению министров все материалы должны были быть направлены в военно-окружной суд.

Анализ данной 23 июня 1915 года Н.С. Крашенинникову инструкции позволяет прийти к выводу, что объем полномочий сенатора был таким же, как у ревизоров до войны [7; 14]. Прав, предоставленных Николаю Сергеевичу, хватило, чтобы провести порученное ему расследование. В результате ревизии за бездействие власти уволили главноначальствующего над Москвой князя Феликса Феликсовича Юсупова графа Сумарокова-Эльстон (1856–1928), предали суду градоначальника Александра Александровича Адрианова (1861–1918) и полицеймейстера Александра Николаевича Севенарда [4, с. 37–40]. Правда, преследование против А.А. Адрианова было возбуждено Московской судебной палатой, из чего можно сделать вывод, что дело не передавалось в военно-окружной суд.

Таким образом, при проведении первой в условиях войны ревизии полномочия сенатора не расширились.

Однако когда император узнал от управляющего Министерством внутренних дел князя Николая Борисовича Щербатова (1868–1943) о тех тяжелых проблемах, которые возникли в обеспечении Московского

района углем, а также о том, что, по мнению министра торговли и промышленности князя Всеволода Николаевича Шаховского (1874–1954), требуется использовать самые решительные действия для ликвидации указанной проблемы, Николай II принял 5 ноября 1915 года решение назначить новую сенаторскую ревизию. Проведение ее было поручено гофмейстеру, сенатору, тайному советнику Дмитрию Борисовичу Нейдгарту (1861–1942). В официальном издании биографий сенаторов фамилия Нейдгарта указана как «Нейдгардт» [8, с. 67–68].

В его задачу входило обследование причин и условий, вызывающих затруднения в снабжении углем Российской империи в целом, в том числе в промышленных центрах и на территориях, где идут военные действия. Он обязан был выяснить, каким образом возможно снабдить минеральным топливом армию и флот. Докладывать о результатах расследования ревизор должен был лично императору [11, л. 3].

К сожалению, материалы данной ревизии не найдены [6, с. 171]. О задачах ревизии, а также об объеме полномочий сенатора можно узнать из «Особого журнала Совета министров» за 10 ноября 1915 года, в котором содержится ход обсуждения инструкции для Д.Б. Нейдгарта и сам текст проекта инструкции [11, л. 3–14]. Данное обсуждение в Совете министров важно тем, что в нем впервые анализируется возможность расширения полномочий ревизирующего сенатора с учетом создания в России по закону от 17 августа 1915 года Особых совещаний [11, л. 4; 2].

В соответствии с инструкцией Д.Б. Нейдгарт имел право требовать от всех подчиненных Сенату государственных учреждений, в том числе судебных (что было впервые), правоохранительных органов, почты и телеграфа, необходимые ему данные. Кроме того, кредитные учреждения всех форм собственности, хозяйственные заведения (казенные и общественные) и частные лица обязаны были предоставлять сенатору по его требованию документы и давать показания. При этом сам сенатор мог отказывать в этом и не давать никаких объяснений (как лично, так и члены его ревизии) соответствующим органам и лицам.

Сенатор обладал полномочиями привлекать к работе в ревизии, как государственных служащих, так и частных экспертов. Все ведомства обязаны были содействовать проведению сенаторского расследования [11, л. 5–6].

Для членов Совета министров принципиально было указать в инструкции, что Нейдгарт может получать сведения только от подчиненных Сенату органов власти, поскольку вопрос снабжения страны углем входил в компетенцию указанных выше Особых совещаний, «коим никакое правительственное место или лицо не дает предписаний и не может требовать от них отчета» [11, л. 4]. Далее министры указывали: «Само собою, разумеется, однако, что упомянутая оговорка не устраняет

возможности для сенатора Нейдгарта пользоваться, в целях наилучшего освещения порученной ему задачи, сведениями и данными подлежащих особых совещаний, по соглашению с их Председателями, а равно освещать последних о замеченных им пробелах и недостатках в постановке дела снабжения углем» [11, л. 4]. Для того, чтобы осуществить следствие на территориях, где шли боевые действия, Д.Б. Нейдгарту необходимо было связываться с начальником штаба Верховного главнокомандующего [11, л. 5]. Однако данные пояснения в текст инструкции не вошли.

В феврале 1917 года была назначена последняя при императоре ревизия – общая проверка всей постановки дела предоставления отсрочек и освобождений от призыва на службу военнообязанных, равно изъятий от военных повинностей и реквизиций [15].

Выполнение данной ревизии было поручено сенатору, члену Государственного совета, гофмейстеру Высочайшего двора князю Алексею Александровичу Ширинскому-Шихматову (1862–1930), который с 1916 года являлся председателем Особого комитета для борьбы со злоупотреблениями, порожденными тыловой обстановкой (уклонение от военной повинности и пр.) [5, с. 171–183].

Следует отметить, что сенатору была дана не инструкция, а «наказ», состоящий из 6 пунктов [15]. Компетенция Алексея Александровича максимально расширялась. Он получал право вести следствие в отношении военнослужащих не только армии, но и флота, применяя нормы Военно-Морского судебного устава [15].

Начавшаяся в феврале 1917 года революция помешала проведению ревизии. А.А. Ширинский-Шихматов был арестован Временным правительством и вместе с другими сановниками «старого режима» некоторое время находился в заключении в Таврическом дворце [1, с. 495–509]. После освобождения из-под стражи Алексей Александрович вместе с единомышленниками попытался спасти царскую семью, а когда это сделать не удалось, сбежал из России по поддельным документам во Францию [1].

Таким образом, к февралю 1917 года права ревизующих сенаторов становились настолько широкими, что они могли вести предварительное следствие даже в отношении военнослужащих морского ведомства.

Библиографический список

1. *Иванов А.А.* «Верный до гроба». Князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов (1862–1930) (в соавторстве с А.Д. Степановым) // *Воинство святого Георгия: Жизнеописание русских монархистов начала XX века / сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов.* СПб., 2006.

2. *Ильин А.В.* Особые совещания Российской империи: их место и роль в государственном механизме 1915–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ленинград, 1989. 247 с.
3. *Орлова С.А.* Проблемы изучения института сенаторских ревизий начала XX века в современной исторической науке // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XX международной научной конференции, Иваново, 31 марта – 1 апреля 2021 г. / редакционная коллегия: А.А. Корников (ответственный редактор) [и др.]. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021.
4. *Орлова С.А.* Ревизия сенатора Н.С. Крашенинникова 1915 года // Научный поиск. 2015. № 1.5.
5. *Орлова С.А.* Сенаторские ревизии начала XX в. в России // Правоведение. 2012. № 5.
6. *Паина Э.С.* Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начала XX века) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX века. Л., 1967.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXX. 1910. Отд. I. СПб., 1913. № 32956.
8. Правительствующий Сенат. СПб., 1912.
9. Право. 1915. № 25.
10. Право. 1915. № 41.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1019.
12. *Руга В., Кокорев А.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011.
13. Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (СУ и РП). СПб., 1915. Отд. I. № 188. Ст. 1430.
14. СУ и РП. 1910. Отд. I. № 18. Ст. 137.
15. СУ и РП. 1917. Отд. I. № 51. Ст. 326.

УДК 94 (470)

А.А. Перевозников,

учитель истории, ГБОУ «Школа № 1468» (Москва)

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО ОЛИМПИЙСКОГО КОМИТЕТА В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (АВГУСТ – ДЕКАБРЬ 1914 ГОДА)

В статье рассматриваются направления деятельности Московского Олимпийского комитета в первые месяцы после вступления Российской империи в Первую мировую войну. Анализируется отношение руководящего органа московского спорта к германским и австро-венгерским подданным, являвшимися членами московских спортивных организаций, рассматриваются вопросы помощи фронту и раненым, затрагиваются вопросы отношения к спортивным состязаниям на фоне войны.

Ключевые слова: Московский Олимпийский комитет, «Спортивная дружина», спортивные общества, спортивные организации, Первая мировая война.

A.A. Perevoznikov,

Teacher of History, Secondary General School № 1468 (Moscow)

DIRECTIONS OF MOSCOW OLYMPIC COMMITTEE'S ACTIVITY AT THE BEGINNING OF WORLD WAR I (AUGUST – DECEMBER 1914)

This article considers directions of Moscow Olympic committee's activity in the first months after Russia entered World War 1. The relation of leading Moscow sports body forward to German and Austrian subjects, who were the members of Moscow sports organizations, is analyzed here. Also, the questions of helping front and wounded soldiers, especially, an activity of organizations like voluntary «Sports squad» or a infirmary of Moscow Olympic committee, and relation to sports competitions with a background of war, are affected and considered in this article.

Key words: Moscow Olympic committee, «Sports squad», sports societies, sports organizations, World War 1.

Летом 1914 года Российская империя вступила в Первую мировую войну. Данное известие встретило широкую поддержку различных слоев населения. Страна откликнулась готовностью оказать помощь фронту. Не стали исключением и спортивные организации. Флагманом спортивного движения в Москве к 1914 году являлся Московский олимпийский комитет, который стремился к объединению московских спортивных лиг по видам спорта и отдельных спортивных организаций города с целью координации их деятельности.

В конце лета 1914 года спортивная жизнь Москвы практически остановилась, в Москве повсеместно открывались лазареты для раненых воинов, под их нужды передавались и помещения спортивных организаций. Московский Олимпийский комитет был вынужден перестраиваться в связи с политическими событиями в стране.

Деятельность Комитета практически не изучена историками спорта, также как и деятельность добровольной «Спортивной дружины», созданной при комитете. Таким образом, целью работы являлось определить и проанализировать основные направления деятельности Московского Олимпийского комитета в первые месяцы Первой мировой войны.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) определить позицию Олимпийского комитета Москвы к членству в спортивных организациях немецких и австро-венгерских подданных; 2) проанализировать деятельность Комитета в отношении помощи раненым и руководстве «Спортивной дружиной»; 3) определить отношение Комитета к проведению спортивных состязаний на фоне участия России войне.

В работе использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, описательный), так и специальные исторические методы (сравнительно-исторический, ретроспективный и т. д.).

Источниковая база основана на публикациях в периодических спортивных изданиях 1914 года, в частности журналах «Русский спорт» и «Вестник спорта и туризма», газете «К Спорту!», являвшейся в 1914 году приложением к журналу «К Спорту!».

Московский олимпийский комитет, как ведущая и руководящая спортивная организация города, практически сразу включился в работу, осознавая необходимость перестройки деятельности в условиях вступления Российской империи в Первую мировую войну. Первая проблема, с которой столкнулся Комитет, это отношение к германским и австро-венгерским подданным, являвшимся членами московских спортивных организаций и зачастую возглавлявшими их. Официальных разъяснений по этому поводу не было и местные руководящие спортивные организации действовали по своему усмотрению.

Олимпийский комитет и его председатель, Р.Ф. Фульда в данном вопросе, видимо, были достаточно лояльны. Так, в сентябре в помещении комитета состоялась собрание лиги тяжелой атлетики под председательством германского подданного А.А. Мау. Председателю Московского комитета Р.Ф. Фульда пришел официальный запрос от помощника Главного наблюдателя, председателя Российского Олимпийского комитета В.И. Срезневского с требованием разъяснений произошедшего [1, с.7]. В ответном письме Р.Ф. Фульда отмечал, что А.А. Мау не желал председательствовать в собрании, но его убедили товарищи по комитету

лиги тяжелой атлетики. Ответ выглядел скорее, как оправдание и Фульда понимал свою оплошность. В ответ Спортивное ведомство настаивало на исключении всех германских и австро-венгерских подданных из спортивных организаций, которые не догадались сделать этого сами [1, с. 8].

Только в начале ноября было опубликовано заявление Министра внутренних дел Н.А. Маклакова об исключении подданных воюющих с Россией государств из состава всех обществ и союзов [2, с. 7].

Остается добавить, что еще в октябре месяце, при лояльном отношении Московского Олимпийского комитета, немцы состояли членами московских спортивных организаций, что привело к открытому письму члена «Общества любителей лыжного спорта» А. Чистякова о выходе из членов общества, так как «любезное немцам общество», стоящее в стороне от событий, не только не желает расстаться с немцами, но и «продолжает находиться под главенством пруссака, сражающегося в рядах прусской армии» [3, с. 7].

Таким образом, деятельность Московского Олимпийского комитета по отношению к германским и австро-венгерским подданным, являвшимся членами и руководителями московских спортивных организаций можно рассматривать как достаточно лояльную, отчасти попустительскую, на что обращали внимание многие российские спортсмены, а также представители органов власти.

Другим направлением деятельности Олимпийского комитета стала организация лазарета для раненых. Заметим, что большинство общественных организаций предоставляли свои помещения под лазареты, и инициатива олимпийского комитета Москвы не была исключением. Уже в августе в помещениях МОК на средства Московской футбольной лиги был открыт лазарет для раненых воинов [4, с. 7].

В конце октября Московский олимпийский комитет переменял патронаж на «госпиталь второго разряда» с медицинским заведыванием доктора Б.Н. Какушкина. Персонал из спортсменов стал осуществлять перевязку раненых на месте, а не в лазарете Св. Татьяны. Заведовала лазаретом г-жа Мехель [5, с. 1].

«Дружинники» выполняли в лазарете функции «сестер милосердия» и другие должности, направленные на помощь лазарету. Помимо Какушкина, среди лиц медицинского персонала, осуществлявших перевязки и оказывавших помощь раненым, значились Гостев, Карфрейтаг и Четвериковы [6, с. 14].

Помимо лазарета, интересной была инициатива московских спортсменов создать при Московском Олимпийском комитете добровольную «Спортивную дружину». В сентябре был выбран временный комитет Дружины, была составлена программа действий, которая включала в себя оказание помощи раненым на вокзалах и их транспортировка

по месту назначения, перевязки и уход за ранеными, дежурства и обслуживание санитарных поездов, а также организация из числа спортсменов отряда с необходимым инвентарем для посылки на фронт и организация лазарета на собственные средства [7, с. 6–7].

Дружина позиционировала себя как добровольный комитет при Московском олимпийском комитете, поэтому даже пожертвования принимались в помещении Московского олимпийского комитета в Орликовом переулке в Москве, в доме Орлика [7, с. 10].

Основные работы Дружина сосредоточила на Пресненском эвакуационном пункте. В обязанности членов Дружины входили регистрация раненых (ежедневно в пункт прибывало по 1–2 поезда, в каждом из которых находилось по 400–600 раненых), эвакуация раненых по лазаретам (члены Дружины развозили их на автомобилях и трамваях), помощь раненым принимать ванны и работа в «заразном» отделении. Дружина всецело заведовала внутренним распорядком лазарета, включая медицинскую работу по поручению Московской городской управы, а также постоянное дежурство старост Дружины [6, с. 14].

Отличительным знаком членов Дружины являлась нарукавная повязка желтого цвета с надписью «Спортивная дружина» с порядковым номером и печатью Московского олимпийского комитета, которую следовало носить на левой руке [6, с. 14; 8, с. 2].

27 октября состоялось Общее собрание членов «Спортивной Дружины» в помещении Московского олимпийского комитета. В состав нового комитета вошли: председатель – А.В. Мак-Киббин, товарищи председателя – А.С. Четверикова и Б.Н. Какушкин, секретарь – М.М. Гостев, товарищ секретаря – М.Я. Захарченко, казначей – Н.И. Раевский, члены комитета – Дударев, Бухаров, Федоров, Галашин, кандидаты в члены – М.Ф. Карфрейтаг, г. Четвериков, В.И. Генц. Кроме того, почетным председателем Спортивной дружины был избран председатель Московского олимпийского комитета Р.Ф. Фульда [8, с. 2].

Несмотря на интересные начинания, в конце ноября Дружина была распущена. Причиной тому стали разногласия в Комитете, большой объем работы и новые назначения членов Комитета. Однако, лазарет при Московском Олимпийском комитете продолжил свое функционирование.

Еще одним вопросом, который стоял перед Комитетом, был вопрос о продолжении соревнований под патронажем МОК. В конце ноября Комитет принял решение продолжить спортивную деятельность на прежних основаниях, т. е. устраивать соревнования и разыгрывать призы [9, с. 9].

Признанием заслуг Комитета стал визит Главнаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи генерал-

майора В.Н. Воейкова в Московский Олимпийский комитет, который высоко оценил помощь Комитета фронту и отдал должное московским спортсменам, «пришедшим в трудную минуту на помощь Родине и принявших на себя попечение о раненых воинах» [10, с. 7].

Таким образом, анализ деятельности Московского Олимпийского комитета в первые месяцы войны позволяет сделать следующие выводы.

1) С первых дней войны Московский Олимпийский комитет активно помогал фронту, принимал пожертвования со стороны спортивных организаций Москвы, содержал лазарет на собственные средства.

2) Массовый уход спортсменов на фронт, первые потери среди членов Комитета способствовали патриотическому подъему среди спортсменов, организовавших «Спортивную дружину» для помощи фронту и раненым.

3) Тесные связи с иностранными подданными, игравшими значительную роль в управлении спортивным движением Москвы, привели к тому, что Олимпийский комитет Москвы не настаивал на незамедлительном исключении последних из рядов спортивных организаций.

4) Осознание необходимости физической подготовки будущих воинов способствовали принятию решений о возобновлении соревновательной деятельности, однако, подчеркивалась умеренность в изъятии радости и получении призов.

Таким образом, в первые месяцы войны Московский Олимпийский комитет не остался в стороне от событий в стране, оказывал сильную помощь фронту и сохранил управление спортивным движением Москвы.

Библиографический список

1. Русский спорт. 1914. № 34.
2. Русский спорт. 1914. № 39.
3. Русский спорт. 1914. № 35.
4. Русский спорт. 1914. № 32.
5. К Спорту! (приложение к журналу № 42). 1914. № 15.
6. Вестник спорта и туризма. 1914. № 11.
7. Вестник спорта и туризма. 1914. № 10.
8. К Спорту! (приложение к журналу № 43). 1914. № 16.
9. Русский спорт. 1914. № 42.
10. Русский спорт. 1914. № 44.

И.Б. Полуэктов,

заведующий архивом, Самарский государственный медицинский университет
(Самара)

**К ВОПРОСУ О НАГРАЖДЕНИИ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА
АРМЕЙСКИХ ГУСАРСКИХ ПОЛКОВ РУССКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ОРДЕНОМ СВЯТОГО
ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ
И ГЕОРГИЕВСКИМ ОРУЖИЕМ
(на примере 5-го гусарского Александрийского полка)**

В статье представлен краткий количественно-хронологический анализ награждений Георгиевскими отличиями офицеров 5-го гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка за период существования указанной воинской части.

Ключевые слова: Русская императорская армия, армейская регулярная кавалерия, 5-й гусарский Александрийский полк, кавалерийские офицеры, орден Святого Георгия, Георгиевское оружие.

I.B. Poluektov,

Head of the Archive, Samara State Medical University

**ON THE ISSUE OF AWARDING THE OFFICERS
OF THE ARMY HUSSAR REGIMENTS OF THE RUSSIAN
IMPERIAL ARMY WITH THE ORDER OF THE HOLY GREAT
MARTYR AND VICTORIOUS GEORGE
AND ST. GEORGE'S WEAPONS
(On the example of the 5th Hussar Regiment of Alexandria)**

The article presents a brief quantitative and chronological analysis of the St. George's awards to officers of the 5th Hussar of Alexandria of Her Majesty Empress Alexandra Feodorovna of the regiment for the period of existence of this military unit.

Key words: Russian Imperial Army, Army regular cavalry, 5th Hussar Regiment of Alexandria, cavalry officers, Order of St. George, St. George's Arms.

В современном историческом сообществе продолжает сохраняться и углубляться интерес к изучению наградной системы Российской империи, в том числе таких её аспектов, как история учреждения орденов, принципы награждения ими, жизненный путь и карьера их кавалеров.

В числе имперских отличий всегда выделялся орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, жаловавшийся за безупречную военную службу и выдающиеся подвиги на полях сражений. Его авторитет и значимость были настолько велики, что, несмотря на различные исторические катаклизмы, через 222 года он был восстановлен в системе наград Российской Федерации [8], а в 2000 г. вновь стал высшей военной наградой России [9].

В новейшей отечественной историографии изучению истории учреждения ордена Св. Георгия, особенностей награждения им, биографий георгиевских кавалеров посвящено значительное количество научных исследований и научно-популярных работ. Колоссальное количество информации по данной тематике сконцентрировано в вышедшем в 2004 г. библиографическом справочнике, являющимся наиболее полной публикацией сведений о награждённых орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием за весь период существования отличий [2]. Среди последних публикаций, посвящённых жизнеописанию и подвигам кавалеров ордена Св. Георгия из числа военных медиков, следует отметить статью О.В. Чистякова [10].

К рассмотрению данного вопроса в преломлении к истории 5-го гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка обращался и автор данной работы [5; 6]. Вместе с тем, с момента выхода в свет названных статей удалось выявить ряд новых данных, позволяющих дополнить сведения об офицерах-александрийцах, удостоенных Георгиевских отличий за всё время существования «бессмертных» гусар.

Так, по подсчётам автора, с момента формирования полка в 1783 г. вплоть до его роспуска в рамках демобилизации «старой армии» в 1918 г., орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия было награждено 38 офицеров, получивших заветный белый крестик либо в период службы в указанной воинской части, либо пришедших в полк георгиевскими кавалерами. Кроме того, в ходе Первой мировой войны состоялось шесть награждений Георгиевским оружием и шесть – солдатским Георгиевским крестом с лавровой веткой.

По временным периодам наибольшего количества Георгиевских отличий александрийцы были удостоены в ходе войн с наполеоновской Францией (19 награждений), Первой мировой войны (15 награждений, с учётом Георгиевского оружия и Георгиевского креста с лавровой веткой), русско-турецких войн конца XVIII – XIX в. (11 награждений), а также за подавление Польского восстания 1794 г. (3 награждения).

Некоторые из них были удостоены нескольких степеней ордена Св. Георгия. В этом ряду первое место по праву занимает генерал-майор барон Иван Евстафьевич Ферзен, сформировавший 24-го июня 1783

года по приказу императрицы Екатерины II на базе Далматского и Македонского поселенных гусарских полков 6-ти эскадронный Александрский легкоконный полк. Он трижды был награждён орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия: 4-й степенью (22 июля 1770 г.) – в чине премьер-майора за сражение при Ларге 07 июля 1770 года; 3-й степенью (26 ноября 1775 г.) – в чине подполковника за турецкую кампанию 1770–1773 гг.; 2-й степенью (9 ноября 1794 г.) – в чине генерал-поручика «Во уважении на усердную службу и отличной храбрости, оказанной им 29-го сентября противу мятежников польских при Мациовице, где он взял главного возмутителя Костюшку с чиновниками и пленил всю его артиллерию» [3, с. 132].

В число георгиевских кавалеров включены пять шефов полка:

– генерал-майор Игнатий Иванович Гижицкий (1 января 1795 г. награждён орденом Св. Георгия 4-й степени за усердную службу и отличное мужество, проявленные 15-го октября 1794 г. «<...> противу мятежников польских при местечке Кобылке <...>» [7, с. 57]; шеф с 09 октября 1797 г. по 26 октября 1798 г.);

– генерал-майор Иван Андреевич Никорица (26 ноября 1789 г. пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени; шеф с 26 октября 1798 г. по 02 октября 1799 г.);

– генерал-майор (с 30 августа 1811 г. – генерал-адъютант; с 21 октября 1812 г. – генерал-лейтенант) граф (маркиз) Карл Осипович де Ламберт (31 января 1807 г. удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени «<...> В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражении против французских войск 11-го декабря при Чарнове, где, командуя всеми аванпостами, примером неустрашимости ободрял подчинённых, а егерскими постами мужественно отражал несколько раз неприятеля, причём и ранен в ногу <...>» [2, с. 133]; шеф с 19 февраля 1803 г. по 01.09.1814 г.);

– генерал-фельдмаршал генерал-адъютант светлейший князь Варшавский граф Иван Фёдорович Паскевич-Эриванский (шеф с 01 сентября 1845 г. по 20 января 1856 г.; на момент назначения шефом являлся кавалером всех четырёх степеней ордена Святого Георгия);

– великий князь Николай Николаевич Старший (шеф с 25 января 1856 г. по 26 апреля 1891 г.; орден Св. Георгия 2-й степени – 15 июля 1877 г. «<...> За переправу армии через Дунай у Систова <...>» [2, с. 121]; 1-й степени – 29 ноября 1877 г. «<...> За овладение 28-го ноября 1877 г. твердынями Плевны и пленение армии Османа-паши, упорно сопротивлявшейся в течение пяти месяцев доблестным усилиям находившихся под предводительством Его Высочества войск <...>» [2, с. 115]).

Следующую по численности категорию награждённых составляют 14 человек, командовавших Александрийским полком в различные периоды его истории, в том числе и первый командир полка генерал-майор Александр Петрович Тормасов (орден Св. Георгия 3-й степени – 18 марта 1792 г. «<...> Во уважение на усердную службу, храбрые и мужественные подвиги, оказанные <...> в сражении при Мачине и разбитии <...> многочисленной турецкой армии <...>» [2, с. 129]).

Наиболее многочисленная часть георгиевских кавалеров-александрийцев представлена 19 офицерами в чинах от корнета до полковника. Из них:

- корнетов – 2;
- поручиков – 2;
- штабс-ротмистров – 2;
- ротмистров – 4;
- секунд-майоров – 1;
- майоров – 4;
- подполковников – 2;
- полковников – 2.

Возглавляет эту плеяду героев первый георгиевский кавалер полка – секунд-майор Иван Михайлович Титов, пожалованный 31 марта 1792 г. 4-й степенью ордена Св. Георгия за отличную храбрость, оказанную при взятии приступом крепости Измаил [2, с. 129].

Последним офицером-александрийцем, удостоенным этой высокой военной награды, судьба предопределила стать корнету Георгию Михайловичу Алибекову. Приказом по 12-й Армии № 1035 от 29 октября 1917 г. он был награждён орденом за то, что 22 августа 1917 г. в бою у деревни Глажскуны (Хинценберг), будучи начальником пулемётного взвода, подготовил атаку энергичным огнём пулемётов, вслед за чем, воодушевив личным примером подчинённых ему гусар, во главе их доблестно бросился в атаку и, сбив противника, захватил у него с бою 2 пулемёта [1].

Он же стал одним из шести офицеров полка, награждённых в 1917 году вновь учреждённым для офицерского состава «Революционной армии свободной России» отличием – солдатским Георгиевским крестом с лавровой веткой. Данный знак за № 982359 вручён корнету Г.М. Алибекову «<...> за то, что в бою 22.08.1917, при ж.д. будке близ д. Глажскуны, находясь с пулемётом в передовых цепях, которым было приказано во что бы то ни стало оттеснить германские цепи, наступавшие к ж.д. будке на наши поезда с грузом тяжёлой артиллерии и множеством провианта, заставил пулемётным огнём отхлынуть назад германскую цепь, следствием чего было продвижение наших частей вперёд,

затем, продолжая двигаться временами впереди своей цепи, на опасно близких дистанциях, заставил замолчать два неприятельских пулемёта, которые, отойдя, снова начали было стрелять и здесь были им, вместе с прислугой пулемёта, атакованы во фланг, и действующими взяты, следствием чего был отход германских цепей и поезда смогли выйти благополучно. В бою 27.08.1917 при д. Бридуль, находясь с пулемётом в передовых цепях, под губительным ружейным огнём неприятеля, содействовал огнём атаки, окончившейся взятием д. Чайной, причём сам был тяжело ранен <...>» [4, 680].

Изучение служебного положения награждённых орденом Св. Георгия офицеров-александрийцев подтверждает статусный характер этой высокой военной награды: из числа 38 георгиевских кавалеров полка на момент пожалования лишь семь человек пребывали в обер-офицерских чинах. Так, например, из 19 награждённых за отличия в ходе войн с наполеоновской Францией лишь Пётр Фёдорович граф Буксгевден состоял в чине поручика.

Таким образом, в ходе проведённого источниковедческого анализа автор ввёл в научный оборот материалы, раскрывающие ранее неизвестные стороны, связанные с награждением Георгиевскими отличиями офицерского состава армейских гусарских полков Русской императорской армии.

Библиографический список

1. Алибеков Георгий Михайлович // Russian Estonia. [2015–2019]. Дата обновления: 25.02.2019. URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=%D0%90%D0%BB%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B9_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87&oldid=60879 (дата обращения: 10.01.2023).

2. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник / отв. сост. В.М. Шабанов. Федеральное архивное агентство. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). М.: Русский мир, 2004. 928 с.: ил.

3. Кавалеры императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I и II степеней / авторы-составители: Ф.А. Талберг, Н.И. Подгорная. Рига: LOTTA Co. LTD, 1993. 320 с.

4. *Патрикеев С.Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. IV степень. № 900 001–1000 000. М.: Духовная Нива, 2014. 870 с.

5. *Полуэктов И.Б.* Офицерский состав армейских гусарских полков Русской императорской армии накануне Первой мировой войны (на примере 5-го гусарского Александрийского полка) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXI Междунар. науч. конф., Иваново, 30–31 марта 2022 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2022. С. 475–480.

6. *Полуэктов И.Б., Юсупова С.Н.* Шефские части Русской императорской армии (на примере 5-го гусарского Александрийского полка) // Георгиевские чтения: сборник трудов по военной истории Отечества. Вып. 2 / ред.-сост. К.А. Пахалюк. Издательский дом «Российское военно-историческое общество»; М.: Вече, 2022. С. 85–106 (Библиотека Российского военно-исторического общества).

7. *Топорков С.А.* Шефы и Командиры Александрийского гусарского полка. Рукопись // Коллекция документов Музея 5-го гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка (г. Самара).

8. Указ Президиума Верховного Совета РФ от 2 марта 1992 г. № 2424-1 «О государственных наградах Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. 19 марта. № 12. Ст. 633.

9. Указ Президента Российской Федерации от 8 августа 2000 г. № 1463 «Об утверждении Статута ордена Святого Георгия, Положения о знаке отличия – Георгиевском Кресте и их описаний» // Российская газета. 2000. 29 августа. № 167.

10. *Чистяков О.В.* Русские военные врачи Первой мировой войны – кавалеры ордена Святого Георгия // Георгиевские чтения: сборник трудов по военной истории Отечества / ред.-сост. К.А. Пахалюк. М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество»; Яуза-каталог, 2021. С. 239–248.

УДК 930,2

В.П. Пушков,

старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

НИЖЕГОРОДЦЫ – ПЕРВОКУРСНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1917 Г.

В 1917 г. Нижегородская губерния заняла 10-е место по числу первокурсников (41) Московского университета, в их лице были представлены 3 уезда губернии (из 11). В основном это были гимназисты и семинаристы. Впервые 4 девушки стали студентками. По социальному составу чаще всего это были выходцы из семей духовенства, мещан и крестьян.

Ключевые слова: 1917, Московский университет, Нижегородская губерния, первокурсники.

V.P. Pushkov,

Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University

NIZHNY NOVGOROD FIRST-YEAR STUDENTS OF MOSCOW UNIVERSITY IN 1917

In 1917 Nizhny Novgorod province stood on the 10th place by the quantity of first-year students of Moscow university (41). 3 districts out from 11 were represented. Mainly there were gradutors of gymnasia and the seminary. For the first time 4 girls became students. Principally the social structure of students included clergy, petty bourgeoisie, and peasantry.

Key words: 1917, Moscow University; Nizhny Novgorod region; first-year students.

О процессе демократизации высшей школы в результате Февральской революции 1917 г. убедительно свидетельствует подготовленный университетской канцелярией объемный «Алфавитный список студентов, принятых в 1917/18 академическом году» [1], основная информация которого в форме электронной таблицы вошла в базу данных «Первокурсники Московского университета 1917 г.» [2].

Итак, в 1917/18 учебном году в Московский университет было принято 2389 первокурсников, хотя, по опубликованному 6 июля 1917 г. решению университетского Ученого совета, планировалось зачислить в полтора раза меньше – 1450 человек [3]. Впервые на равных правах с мужчинами было принято 154 женщины (6,4 %). В сложное военно-революционное время Московский университет не только продолжал оставаться ведущим центром отечественной высшей школы, но даже усилил свои позиции в деле научной мобилизации талантливой молодежи. В этот год в его стены пришли молодые люди и девушки из 212 населенных пунктов 80 губерний и областей страны [2, с. 303, 304], тогда как за предыдущее сорокалетие 1877–1916 гг. таких мест исхода университетских воспитанников было 202 [4, с. 224–226], что свидетельствует о серьезном приращении национального интеллектуального пространства. Максимально широкая география университетских новобранцев позволяет достаточно полно выявить источники формирования умственного капитала на переломе исторических эпох, с тем, чтобы обеспечить возможность их сравнения с советским временем. И одним из ведущих центров формирования национального интеллекта, естественно, всегда была Москва, уроженцы которой продолжали лидировать и в 1917 г. составляли не более одной трети от всего нового набора – 828 человек.

41 нижегородский уроженец занимал весьма высокое 10-е место среди всех университетских первокурсников 1917 г., выходцев из

провинциальных губерний [2, с. 303]. Древняя Нижегородская земля в этот год была представлена в Московском университете своим центром и двумя уездными городами (из 11) – Арзамасом и Городцом, причем абсолютное большинство университетских новобранцев (23 человека) получили гимназическое образование.

33 первокурсника из самого Нижнего Новгорода оказались воспитанниками пяти государственных и частных учебных заведений, основная доля которых (14 человек) вышли из главной губернской 1-й гимназии, пять студентов дала 2-я гимназия и по одной первокурснице подготовили Мариинская и частная Сусанинская женские гимназии (всего 21 человек). Губернская Духовная семинария дала университету 11 новобранцев (как правило, они становились медиками) и лишь один человек оказался воспитанником Нижегородского кадетского корпуса имени А.А. Аракчеева. Уезды были представлены только двумя средними учебными заведениями, подготовившими по три абитуриента – Городецкая гимназия и Арзамасское реальное училище.

О высокой академической подготовке нижегородских гимназистов свидетельствуют полученные ими четыре медали (по две золотых и серебряных, т. е. каждый шестой гимназист стал медалистом, но все они были выпускниками 1-й гимназии). Из четырех нижегородских гимназисток три были из Мариинской и одна из Сусанинской гимназии (все поступили на юридический факультет). Это, например, дочь врача Евгения Бедрина 1898 года рождения и одна из трех еврейских девушек дочь купца Бейля Трпель 1896 года рождения. Естественно, подавляющее большинство нижегородских первокурсников были православными (32 человека, в том числе один «единоверец»). Из остальных 9 первокурсников – 7 человек, в том числе три девушки, были иудейского и два римско-католического вероисповедания.

Из 38 первокурсников, назвавших свое сословие, 13 человек (34 %) оказались выходцами из духовенства. Другие сословные группы были представлены гораздо слабее. Это по 5 первокурсников из дворян и чиновников, мещан (4 сына и 1 дочь), купечества (3 сына потомственных почетных граждан и по 1 сыну и дочери купцов), медицинских работников (по 1 сыну и дочери врачей, два сына провизора и 1 сын дантиста). Из 4 представителей крестьянства – 3 были сыновьями крестьян, а выпускник 1-й гимназии Петр Лобенский назвался просто «крестьянином», то есть он был главой семьи и вел самостоятельное хозяйство. И один первокурсник, видимо, затрудняясь в определении своего социального статуса, назвался «сыном горнозаводского мастера».

Научные приоритеты нижегородских первокурсников явно склонялись в сторону физико-математического факультета, поскольку абсолютное их большинство – 23 из 41 избрало именно этот факультет,

причём с огромным предпочтением его естественного отделения над математическим – 19 человек против 4, тогда как на все остальные факультеты – историко-филологический, юридический и медицинский – пришлось по 6 нижегородцев. Заметим, что за все предреволюционное 40-летие с 1877 по 1916 г. картина была диаметрально противоположной: среди нижегородских выпускников (775 человек) были юристами – 289 человек или 37,3 % их общего числа. В эти годы Нижегородская земля по числу университетских выпускников среди всех провинциальных губерний занимала очень высокое 4-е место.

На фоне всех 2389 университетских новобранцев 1917 г. относительно физико-математического факультета нижегородские первокурсники примерно соответствовали общему уровню (56,3 % против 53,0 %), но заметно превышали его по юрфаку (14,6 % против 9,7 %), однако существенно уступали по медицинскому факультету (14,6 % против 22,8 %) и немного по историко-филологическому: 14,6 % против 17,5 %. Приведенный ранжир научных интересов нового революционного университетского поколения коренным образом отличается от соответствующей картины за довоенное время, когда, наоборот, наиболее привлекательным был именно юридический факультет. Огромное падение интереса к юриспруденции, видимо, объяснялось малым авторитетом права и законов на переломном этапе истории, тогда как естественнонаучные специальности были остро востребованы военной промышленностью и наукой.

Подавляющее большинство нижегородских первокурсников были молодыми людьми в возрасте 17–0 лет: по 11 человек 1898 и 1899 годов рождения, 10 – 1897, 5 – 1896 и 3 – 1895-го. Самым возрастным оказался поступивший на историко-филологический факультет бывший семинарист сын священника 41-летний Перфирий Иванович Виноградов 1876 года рождения, а зачисленный на математическое отделение физико-математического факультета 17-летний сын потомственного почетного гражданина воспитанник Арзамасского реального училища Александр Сперанский стал самым молодым студентом.

Среди 38 нижегородских фамилий три встретились дважды: Боявленский, Воскресенский и Гинзбург (в последнем случае студент и студентка). Кроме первых двух названных обращает на себя внимание большое количество и других церковно-семинарийских фамилий и не только среди бывших семинаристов (Архангельский, Виноградов, Иорданский, Лебединский, Лепорский, Малиновский, Митропольский, Модератов, Розанов, Сперанский, Троицкий, Фиванский), что убедительно говорит о большом вкладе духовного сословия в формирование отечественной умственной элиты. Среди же 21 личного имени первокурсников чаще одного раза встретились всего 9 имен: Александр и Николай

(по 5 человек), Василий, Владимир, Иван, Михаил – по 3 и Валентин, Константин, Петр – по 2 раза, которые имели 28 первокурсников (68 %), а каждый четвертый носил царские имена, так что их родителей можно заподозрить в некой имперской ментальности, потому что среди 21 имени (отчество) отцов нижегородских первокурсников, лидировали именно 6 Иванов, за которыми шли по 4 Михаила и Николая, а уже за ними по 3 Александра и Сергея.

Конечно, далеко не всем нижегородским первокурсникам удалось завершить свое университетское образование – их ждали великие исторические потрясения, но многие внесли достойный вклад в науку, образование, культуру, общественно-политическую жизнь страны. Более полные данные о нижегородских первокурсниках Московского университета можно получить по адресу электронной почты pushkov@wwcom.ru.

Библиографический список

1. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14 л. Д. 13312.
2. Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Списки первокурсников Московского университета 1917–1918 академического года как массовый источник // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке. М., 2009. С. 302–311.
3. Русское слово. 6 июля. 1917.
4. Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Профессионально-географический состав выпускников Московского университета. 1877–1916 гг. // История Московского университета: 1755–2004: материалы V научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева. М., 2004. С. 222–234.

УДК 94(47).084

А.Д. Реутова,

доцент, Ивановская государственная медицинская академия (Иваново)

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Комиссии для несовершеннолетних были созданы в период становления советской власти для борьбы с беспризорностью. С первых дней своей работы они стали заниматься защитой детей от негативного влияния социальной среды.

Ключевые слова: Беспризорность, несовершеннолетние, правонарушение, советская власть.

A.D. Reutova,

Associate Professor, Ivanovo State Medical Academy

FROM THE HISTORY OF CREATION COMMISSION FOR MINORS

Commissions for minors were created during the formation of Soviet power to combat homelessness. From the earliest days of the work, they began to protect children from the negative influence of the social environment.

Key words: Homelessness, minors, offenses, Soviet authority.

События, произошедшие в нашей стране в первой четверти XX века, имели много негативных последствий. Одним из них был рост преступности, в том числе среди детей и подростков. Миллионы беспризорных детей, оказавшиеся в трудных условиях, были выброшены на улицу, которая имела много соблазнов и опасностей. Советская власть вынуждена была заняться решением детского вопроса. В ходе борьбы с беспризорностью был выработан целый комплекс мероприятий, создан аппарат по её ликвидации. Одним из органов, который должен был заниматься детьми, являлся Комонес.

Комонес был образован по декрету СНК РСФСР от 9 (22) января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» [1, с. 337]. Именно так расшифровывалась указанная аббревиатура. Впоследствии комиссии будут образованы во всех союзных республиках.

В дореволюционной России дела несовершеннолетних разбирал детский суд. Советское правительство отказывалось от судов и тюремного заключения малолетних и несовершеннолетних детей. Согласно вышеуказанному декрету к ним должны были применяться не юридические наказания, а меры общественного воспитания. Комонес организовывались при Народном Комиссариате Просвещения и его губернских и уездных органах. В состав комиссии должно было входить не менее трёх человек, представлявших Народные комиссариаты общественного призрения, народного просвещения и юстиции. Председателем комиссии был педагог, а членами – народный судья и врач. При этом наличие последнего было обязательно. В дальнейшем в состав Комонес также входили представители комсомола, профсоюзных и общественных организаций, общества «Друг детей». В обязанности Комонес входило не только предупреждение беспризорности, но и предупреждение правонарушений, защита прав и интересов детей. Он рассматривал дела о правонарушениях несовершеннолетних до 17 лет и мог применять только меры воспитательного характера. Впоследствии возраст несовершеннолетних подведомственных Комонес будет меняться. Так с 1920 г. он

увеличится до 18, а с 1926 г. уменьшится до 16 лет. Очевидно, это связано с подъёмом и спадом количества беспризорных детей. В постановлении указывалось, что дела несовершеннолетних, находившиеся на дату подписания декрета в суде или закончившиеся обвинительным приговором, необходимо было пересмотреть созданными комиссиями. После заседания Комонес, в зависимости от ситуации и совершённого деяния, ребёнок либо отпускался, либо направлялся в одно из учреждений Народного комиссариата общественного призрения (детский дом, лечебно-воспитательные учреждения, трудовую коммуну). Дела детей старше 14 лет, в отношении которых устанавливалась невозможность применения к ним мер медико-педагогического воздействия, могли передаваться в народный суд, который мог определить подростка в специальное учреждение.

Таким образом, большевики старались не допустить детей в общие места заключения. Они верили, что либеральные методы в отношении злых хулиганов помогут подросткам отказаться от преступного прошлого. К правонарушителям должны были применяться меры трудового и воспитательного характера. Упор делался, насколько это было возможно в тех условиях, на улучшение условий жизни детей.

Система комиссий для несовершеннолетних совершенствовалась. 4 марта 1920 года вышло постановление СНК за подписью В.И. Ленина [4]. Оно более чётко обозначило сферу деятельности государственной комиссии. Во-первых, было дано определение понятию «несовершеннолетний». Под данную категорию попадали лица обоего пола не достигшие восемнадцатилетнего возраста. Во-вторых, было обращено внимание на воспитание, обучение и лечение морально-дефективных подростков. Дефективными считались дети с умственными и физическими, а часто и с нравственными отклонениями. Под этот термин попадали как дети с трудным агрессивным характером поведения, так и педагогически запущенные, то есть беспризорные. Таких несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях, Комонес направляла в соответствующие лечебно-воспитательные учреждения, так называемые дома для дефективных. Не случайно в Инструкции комиссии для несовершеннолетних подчёркивалось: «Комиссии есть учреждения медико-педагогические» [2. А-482. Оп. 11. Д. 78. Л. 14]. Самыми распространёнными мерами медико-педагогического характера, принимаемыми Комонес в отношении беспризорных, являлись: беседа, разъяснение, замечание, помещение на работу, в школу, отправка на родину.

С целью регламентации деятельности комиссий для несовершеннолетних и повышением их значимости 22 мая 1925 года была создана Центральная Комонес [2. А-2306. Оп. 69. Д. 46. Л. 30]. Это был высший

орган, направлявший, контролировавший и надзиравший за деятельностью местных отделений. Центральная комиссия следила за правильностью и единообразным применением законов, разрабатывала и осуществляла через соответствующие органы мероприятия, направленные на борьбу с правонарушениями несовершеннолетних. О повышении статуса комиссии свидетельствует также назначение на должность председателя Центральной Комонес народного комиссара просвещения А.В. Луначарского.

В дальнейшем серьезных изменений в работе комиссий для несовершеннолетних не было. А в 1935 году они и вовсе были ликвидированы. По-видимому, это было связано с несколькими факторами. Во-первых, в этом году было заявлено о ликвидации беспризорности в СССР. Во-вторых, 7 апреля 1935 года было принято постановление ЦИК и СНК о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних [3, с. 11]. По нему любые преступления подростков (в основном кражи и хулиганство) должны были караться по уголовному кодексу. Дела детей с двенадцатилетнего возраста отныне поручались не народным, а уголовным судам. С этого же года расширялись полномочия милиции в отношении родителей, не справлявшихся со своими обязанностями.

Опыт работы комиссий по делам несовершеннолетних в 1918–1935 гг. оказался востребованным в начале 1960-х годов, когда они были вновь организованы.

Библиографический список

1. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
3. О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Постановление ЦИК и СНК СССР // Советская юстиция. 1935. № 13. С. 11.
4. Постановление СНК от 4 марта 1920 г. // Известия. 1920. 6 марта.

УДК 94(470.315).084.8

Д.С. Сафолов,

аспирант, Ивановский государственный университет

В.С. Околотин,

профессор, Ивановский государственный университет

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ТЕКСТИЛЬНЫХ ГЛАВКОВ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ ВО 2 ПОЛУГОДИИ 1942 ГОДА

Данная статья посвящена отражению мер Наркомата текстильной промышленности СССР по обеспечению трех текстильных главков Ивановской области квалифицированной рабочей силой в 1942 году. Необходимость принимаемых мер объяснялась требованиями советского государства по увеличению выпуска продукции, предназначенной для бесперебойного обеспечения потребностей действующей армии и тыла. Статья подготовлена на основании архивных данных, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: текстильная промышленность, Ивановские главки, рабочая сила, формы подготовки, результаты.

D.S. Safolov,

Postgraduate student, Ivanovo State University

V.S. Okolotin,

Professor, Ivanovo State University

PROVISION OF THE TEXTILE ENTERPRISES' CHIEF ADMINISTRATIONS OF IVANOVO REGION WITH LABOUR IN THE 2ND HALF OF 1942

This article is devoted to the reflection of the measures of the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR to provide three textile heads of Ivanovo region with the workforce in 1942. The need for the measures taken was explained by the requirements of the Soviet state to increase the output of products designed to ensure uninterrupted supply of the needs of the active army and the rear. The article was prepared on the basis of archival data introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: textile industry, Ivanovo chief administrations, workforce, forms of training, results.

Выполнение плановых заданий 2 квартала 1942 г. было невозможно без обеспечения текстильных предприятий средним техническим персоналом и квалифицированной рабочей силой. Увеличение числа

призывных возрастов и практическое отсутствие на предприятиях текстильной промышленности бронирования привели к острейшему кадровому голоду. Достаточно сказать, что по двум ивановским главкам должности поммастеров и мастеров занимали всего лишь 47 и 263 человека соответственно. Хотя по номенклатуре должностей все 8545 поммастеров и мастеров обязаны были иметь средне-специальное образование. В масштабах всей текстильной промышленности страны потребность в техниках исчислялась десятками тысяч человек, что свидетельствовало о настоятельной необходимости усилить подготовку будущих специалистов [9].

Более того, при подготовке кадров важно было учесть не только естественную убыль рабочих, но и необходимость развертывания производства на полную мощность. В этой связи начальникам главков приказом НКТП СССР от 5 мая было предложено развернуть набор рабочей силы для переподготовки в школах ФЗУ, школах поммастеров и путем индивидуального обучения, а также организовать освоение вторых профессий в необходимых размерах. Директорам предприятий было приказано пересмотреть порядок оплаты труда для учеников школ ФЗУ, допустить их к сдельным работам и организовать среди них соревнование «на лучшее освоение своей профессии и досрочное окончание обучения».

В случае успешного и досрочного окончания обучения работник, самостоятельно трудившийся при типовом уплотнении и выполнявший норму выработки, подлежал премированию от 50 до 150 руб. Кроме того, директорам предприятий предложено ввести улучшенное питание для отдельных категорий специалистов, рабочих вредных цехов и выполнявших тяжелую физическую работу. Это условие распространялось также на тех, кто был переподготовлен на более высокую квалификацию и пенсионеров, привлеченных для работы на предприятиях [1].

О планах по обеспечению рабочей силой предприятий текстильной промышленности Ивановской области во 2 квартале свидетельствует таблица 1.

Для обеспечения рабочей силой текстильных предприятий в 3 квартале также были приняты значительные организационные меры, определенные приказом наркомата от 4 июля 1942 г. Прежде всего, начальникам ивановских главков был установлен план ее подготовки в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО), на курсах повышения квалификации и стахановских школах. Для чего выделялось соответствующее финансирование. Сведения о подготовке рабочих кадров и ее финансировании представлены в таблицах 2–4.

Таблица 1

План подготовки рабочей силы во 2 квартале 1942 г. [2]

Вид подготовки	Планируемое количество (чел.)
1 Главивхлоппром	
Обучение в школах ФЗУ и поммастеров	2750
Индивидуальное обучение	2405
Освоение второй профессии	735
2 Главивхлоппром	
Обучение в школах ФЗУ и поммастеров	4250
Индивидуальное обучение	2300
Освоение второй профессии	705
3 Главивхлоппром	
Обучение в школах ФЗУ и поммастеров	2650
Индивидуальное обучение	1380
Освоение второй профессии	540
Всего по Главкам	17815

Таблица 2

План подготовки рабочей силы в школах ФЗО на 3 квартал 1942 г. [3]

Главные управления	План приема на 3 квартал	План выпуска в 3 квартале	Переходящий контингент	Среднеквартальный контингент	Сумма расходов, тыс. руб.
1 Главивхлоппром	1850	450	2900	2700	480
2 Главивхлоппром	1700	1000	1000	3500	600
3 Главивхлоппром	1400	600	600	2600	450
Итого	4950	2050	4500	8800	1530

Примечание: для предприятий Ивановской областей планировалась подготовка большей части рабочей силы, установленной планом наркомата.

Таблица 3

**План подготовки рабочей силы в школах и на курсах поммастеров
с отрывом от производства на 3 квартал 1942 г. [4]**

Главные управления	План приема на 3 квартал	План выпуска в 3 квартале	Переходящий контингент	Среднеквартальный контингент	Сумма расходов, тыс. руб.
1 Главивхлоппром	240	190	450	450	400
2 Главивхлоппром	356	250	600	600	550
3 Главивхлоппром	150	150	300	260	240
Итого	746	590	1350	1310	1190

Таблица 4

**План подготовки рабочих на курсах без отрыва от производства
и повышение квалификации на 3 квартал 1942 г. [5]**

Главные управления	Курсы повышения квалификации		Краткосрочные стахановские школы		Курсы поммастеров без отрыва от производства	
	Контингент, физ. лица	Сумма расходов, тыс. руб.	Контингент в физ. лицах	Сумма расходов, тыс. руб.	Контингент в физ. лицах	Сумма расходов, тыс. руб.
1 Главивхлоппром	900	30	1250	25	300	15
2 Главивхлоппром	1200	65	2250	50	500	25
3 Главивхлоппром	900	50	1250	25	400	20
Итого	3000	145	4750	100	1200	60

Примечание: для предприятий Ивановской областей предстояло подготовить в общей сложности 8960 человек квалифицированных рабочих, на подготовку которых предстояло потратить 245 тыс. руб.

12 ноября 1942 г. нарком текстильной промышленности И.Н. Акимов на основании соответствующего постановления СНК СССР подписал приказ о переводе части служащих главных управлений и хозяйственных организаций на производство. В результате, в течение ноября на текстильные предприятия предстояло перевести 1215 чело-

век. Сведения о количестве служащих ивановских главков, подлежащих направлению на производство, представлены в таблице 5.

Таблица 5

**Сведения о переводе служащих главков на производство
в ноябре 1942 г. [6]**

Названия Главных управлений	Количество служащих (чел.)
1 Главивхлоппром	140
2 Главивхлоппром	280
3 Главивхлоппром	180
Итого	600

Примечание: из 1215 инженерно-технических работников в ивановские главки было направлено в общей сложности 600 человек, что свидетельствовало об их производственной значимости в структуре наркомата.

Перевод служащих надлежало осуществить с учетом их постоянного места жительства и, в первую очередь, из числа молодежи и лиц, ранее работавших на производстве с учетом специальности и квалификации. Начальники главков и директора предприятий обязывались провести для них производственное обучение. В приказе был назван и ряд ограничений. Так, перевод не распространялся на служащих с высшим и средне-специальным образованием, лиц, не достигших 16-летнего возраста, беременных женщин, мужчин и женщин старше 50 и 45 лет соответственно [7].

20 ноября 1942 г. приказом по НКТП СССР были утверждены условия социалистического соревнования в школах ФЗУ и поммастеров. Для награждения победителей было учреждено переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и НКТП СССР. Кроме знамени, победители соцсоревнования получали звание «Лучшая школа Наркомтекстиля СССР», а также денежные премии. Председателем жюри по подведению итогов был назначен заместитель наркома текстильной промышленности А.В. Прошин [8].

Таким образом, для выполнения плановых заданий советского государства во 2 полугодии 1942 г. Наркоматом текстильной промышленности СССР были предприняты срочные меры по подготовке квалифицированной рабочей силы. Для этого были задействованы различные формы производственного обучения доступные для данного периода времени с соответствующим финансированием. Кроме того, на работу в производство из управлений ивановских главков были переведены 600 человек, что позволило смягчить дефицит в инженерно-технических работниках на предприятиях области. Организация социалистического соревнования среди школ ФЗО и курсов поммастеров была направлена на более тщательную подготовку рабочей силы. В целом, принятые

меры были вызваны недостатком рабочей силы на текстильных предприятиях Ивановской области, способствовали ее частичному восполнению и усилению производственных темпов по выпуску продукции для фронта и тыла.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФР-1689. Оп. 6. Д. 1108. Л. 31–32.
2. ГАИО. ФР-1689. Оп. 6. Д. 1108. Л. 33.
3. ГАИО. ФР-1689. Оп. 42. Д. 1109. Л. 132.
4. ГАИО. ФР-1689. Оп. 42. Д. 1109. Л. 132.
5. ГАИО. ФР-1689. Оп. 42. Д. 1109. Л. 133.
6. ГАИО. ФР-1689. Оп. 6. Д. 1111. Л. 140.
7. ГАИО. ФР-1689. Оп. 6. Д. 1111. Л. 142.
8. ГАИО. ФР-1689. Оп. 6. Д. 1111. Л. 114.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф-4372. Оп. 42. Д. 726. Л. 40.

УДК 93/94

Е.Ю. Синин,

аспирант, Московский городской педагогический университет (Москва)

ГРИГОРИЙ ЗИНОВЬЕВ И ФОРМИРОВАНИЕ «МОНОЛИТНОГО ЕДИНСТВА» БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

Статья посвящена изучению роли Г.Е. Зиновьева в формировании окончательно сложившегося при И.В. Сталине «монолитного единства» большевистской партии, а также его взглядов на вопросы партийного единства. На основе анализа публицистики Г.Е. Зиновьева, ряда других вождей ВКП(б), а также архивных материалов сделан вывод о значимости партийного единства для Г.Е. Зиновьева как важного фактора развития СССР и революции. Г.Е. Зиновьев неоднократно публично подчёркивал необходимость соблюдения единства рядов партии: как и во время своего нахождения в её руководстве, так и после. Учитывая роль Г.Е. Зиновьева и степень его влияния на рядовых членов ВКП(б) во время пребывания у власти, можно сказать, что он был одним из архитекторов «монолитного единства» партии.

Ключевые слова: Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин, внутривнутрипартийная борьба, ВКП(б), большевики.

E.Yu. Sinin,

Postgraduate student, Moscow City Pedagogical University (Moscow)

GRIGORI ZINOVIEV AND SHAPING OF "MONOLITHIC UNITY" OF THE BOLSHEVIK PARTY

The article is devoted to the study of the role of Grigori Zinoviev in the formation of the "monolithic unity" of the Bolshevik Party, which finally took shape under Joseph Stalin, as well as his views on issues of party unity. Based on the analysis of the journalism of Grigori Zinoviev, a few other leaders of the VKP(b), as well as archival materials, the conclusion is made about the importance of party unity for Grigori Zinoviev as a principal factor in the development of the USSR and the revolution. Grigori Zinoviev repeatedly publicly emphasized the need to maintain the unity of the ranks of the party: both during his time in its leadership and after. Given the role of Grigori Zinoviev and the degree of his influence on the rank-and-file members of the VKP(b) during his time in power, we can say that he was one of the architects of the "monolithic unity" of the party.

Key words: Grigori Zinoviev, Joseph Stalin, internal party struggle, VKP(b), Bolsheviks.

Большевистскую партию зачастую считают примером «монолитного единства», имея в виду сложившуюся при И.В. Сталине структуру. Во многом так оно и было, так хотели себя презентовать и сами большевики: в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938) был развит тезис о единой, сплочённой и монолитной ленинской партии [9, с. 41, 46, 135, 343–345]. Однако, монолитом большевики были не всегда. Конечно, элементы централизации и дисциплины имелись у них изначально [10, с. 47, 99–133, 137]. Но даже в 1917 г. РСДРП(б) была далека от тотального единомыслия и представляла собой гибкий политический организм [14, с. 331–332]. Например, даже по важным вопросам вроде однородного социалистического правительства позиция верхов партии не всегда предопределяла позицию низов [25, с. 41]. Сталинское «монолитное единство» окончательно сложилось только к рубежу 1920–1930-хх гг. в рамках процесса разрушения коллективного руководства ВКП(б) [1, с. 173–174]. Поскольку «монолитное единство» сформировалось именно по итогам внутривнутрипартийной борьбы 1920-х гг., то необходимо рассмотреть роль, которую в этом процессе играли оппоненты Сталина. Особенный интерес вызывает роль Г.Е. Зиновьева, который, будучи в 1918–1926 гг. главой Северной столицы и в 1919–1926 гг. председателем Исполкома Коминтерна, был одним из ведущих партийных идеологов.

Классическое марксистское учение предполагает активное участие масс в управлении обществом, а также организацию рабочего класса в коммунистическую партию [11, с. 99–100, 116; 12, с. 427]. Однако

на практике всё было не столь гладко. Низкий культурный уровень населения и тяготы Гражданская война не давали широко внедрять демократические практики, на что обращал в 1919 г. внимание Н.И. Бухарин [3, с. 152]. Роль партии же возросла, она фактически и была властью. Уже в 1920 г. констатировалось, что именно РКП(б) осуществляет диктатуру пролетариата, и от чистоты партийных рядов во многом зависит развитие страны [2, с. 58]. Г.Е. Зиновьев в ноябре 1920 г. обращал внимание на вынужденное состояние «военной диктатуры», которое превращает власть Советов во «власть верхушки исполкомов, власть президиумов, власть совсем маленькую по числу людей», из чего и вытекал бюрократизм [4, с. 169–171].

На рубеже 1920–1921 гг. наступил кризис политики военного коммунизма, которая позволила стране выжить, но легла тяжким бременем на народ. Политическим выражением этого стало возникновение внутривнутрипартийных споров о роли профсоюзов. Троцкий выступал за огосударствление профсоюзов, Рабочая оппозиция – за передачу им управленческих функций, а В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев и ряд иных составили «платформу 10-ти», выступавшую за партийное руководство над профсоюзами [13, с. 8]. Вопрос обсуждался на X съезде РКП(б) (март 1921 г.), где Г.Е. Зиновьев обратил внимание как раз на связь вопроса о профсоюзах с тяжёлым положением партии и страны. Он указывал на необходимость «единства воли» в условиях общего кризиса революции, малочисленности партии и сильного влияния мелкобуржуазных идей, а также предлагал сделать осуждение идей «Рабочей оппозиции» «законом для всей партии» [26, с. 343–344, 348–350].

Перед началом съезда случилось восстание в Кронштадте, ставшее угрозой Советской власти. В такой ситуации активность «Рабочей оппозиции» была признана нежелательной и съезд принял резолюцию «О единстве партии», запрещающую создание фракций внутри РКП(б) [26, с. 585–587]. Продолжение жарких споров связалось отныне в головах вождей с угрозой нового Кронштадта и тем самым стигматизировалось [1, с. 26]. Именно тогда началось усиление нарратива «партийного единства» и стремления к охране чистоты рядов. В 1922 г. Г.Е. Зиновьев даже предлагал закрыть доступ в партию до следующего съезда, поскольку ей угрожают низкий уровень членов, а также неизбежная в условиях монополии на власть социальная разнородность состава [4, с. 226–227]. Можно сказать, что в условиях разорённой войнами страны, малочисленности социальной базы партии (как и самой партии), низкого культурного уровня населения, сохранения экономической и военной угрозы, а также добавившихся с 1921–1922 гг. противоречий НЭПа, большевики осознанно сделали ставку на централизацию руководства [19, с. 237–238]. Стоит отметить, что тенденции к централизации были

не только на партийном уровне, но и в Коминтерне: к его IV конгрессу (конец 1922 г.) Зиновьев предложил закрепить возможность «давать отдельным партиям директивы», а также исключать членов ЦК иностранных компартий за несоответствие линии Коминтерна [22, с. 90–91].

Необходимость укрепления «монолитного единства» обострилась в связи с начавшейся в 1922 г. болезнью В.И. Ленина. Публично говорилось о необходимости коллегиального руководства в партии и соблюдения её единства [1, с. 20–21, 24–25]. Во многом с целью недопущения Л.Д. Троцкого к преемству Ленину была образована «тройка» Зиновьева–Каменева–Сталина. Начался и процесс канонизации вождя: на XII партсъезде (весна 1923 г.) Г.Е. Зиновьев сравнил Ленина с «могучим прожектором», освещавший путь партии [27, с. 9]. На том же съезде он, сетуя на отсутствие Ленина, указал на необходимость того, «чтобы в это время мы насчёт единства партии не допускали ни малейшей двусмысленности, никаких кривотолков» [27, с. 52]. Однако, уже осенью 1923 г. началась дискуссия о внутрипартийной демократии. Г.Е. Зиновьев (как и другие ораторы со стороны большинства) критиковал оппозицию за нарушение партийного единства, обосновывая его нуждами социально-политической обстановки: «помни, что мы являемся единственной легальной партией, что мы окружены врагами со всех сторон, что мы не должны доводить дело до образования группировок» [7, с. 111].

Г.Е. Зиновьева можно считать одним из архитекторов будущего «монолитного единства». Именно он на XIII съезде (май 1924 г.) от лица партии выразил максимально направленные на «монолитное единство» партии настроения: «В вопросе о фракциях, весь переплёт, о котором я говорил, не показывает ли он, что нам нужна монолитность, в тысячу раз большая, чем до сих пор... что нам нужна ещё более железная сплочённость <...> Самое умное и достойное большевика, что могла бы сделать оппозиция – это <...> выйти на трибуну партсъезда... и сказать: я ошибся, а партия была права» [28, с. 104, 106]. Во время «литературной дискуссии» осени 1924 г. Зиновьев был одним из организаторов политической дискредитации главного оппозиционера – Л.Д. Троцкого, а также настаивал на наиболее жёстких оргвыводах против него [18, с. 346–347; 29, с. 502]. Критикуя Л.Д. Троцкого за непонимание основ большевизма (которыми объявлялись запрет на фракции и обязательность сохранения единства партии), Г.Е. Зиновьев занял радикальную позицию: «партия не дискуссионный клуб, а партия, да еще действующая в такой сложной обстановке, как наша. Лозунг сегодняшнего дня: <...> идейная борьба против троцкизма» [5, с. 236]. В условиях монополярной политической роли РКП(б) и давления на неё извне нужна была «максимальная однородность партии, максимальная твердость руководства, максимальная прививка ленинизма партии» [5, с. 225].

Однако победа над Л.Д. Троцким не привела ни к концу дискуссий, ни к однородности. В 1925 г. начались разногласия между Г.Е. Зиновьевым и И.В. Сталиным по вопросам крестьянства и развития СССР в условиях задержки мировой революции. В этих обстоятельствах Г.Е. Зиновьев написал монументальную работу под названием «Ленинизм», позднее названную Н.И. Бухариным «евангелием» оппозиции [15, л. 86]. Григорий Евсеевич однозначно указывал на невозможность диктатуры пролетариата без диктатуры партии, которая составляет основу советской государственной системы [6, с. 359–360, 372–374]. Партийное единство также обязательно: всячески способствуя внутрпартийной демократии на принципах демократического централизма, «партия должна быть вылита из одного куска. В плоть и кровь партии должно войти сознание необходимости добровольной железной дисциплины в её рядах» [6, с. 376–377].

Разногласия стали публичным на XIV съезде (декабрь 1925 г.). В ходе острой полемики Г.Е. Зиновьев обвинялся в нарушении партийного единства и фракционизме [29, с. 503, 508]. Он, в свою очередь, апеллировал к нему и отрицал противопоставление оппозиции партии [29, с. 453, 467–468]. По итогам съезда «ленинградская» оппозиция уступила сталинско-бухаринскому большинству. Борьба на этом не завершилась: в 1926 г. Зиновьев, Каменев и Троцкий составили «объединённую оппозицию» против Сталина. В ходе борьбы обе стороны обвиняли друг друга в способствовании контрреволюционным настроениям и допускали в полемике личные нападки [24, с. 68–71]. Г.Е. Зиновьева пытались представить беспринципно перешедшим на сторону троцкистов и забывшим принцип единства партии [8; 15, л. 47; 21, с. 237].

Однако, Г.Е. Зиновьев в данном вопросе не был беспринципным. Вопреки мнению, он зачастую занимал политически адекватную и последовательную точку зрения [31, с. 31; 32, с. 1–2]. В вопросе о «монолитном единстве» Г.Е. Зиновьева был последователен даже во время пребывания в оппозиции. Правда, под единством он понимал именно целостность самой партии, а не тотальное единомыслие её членов. В одном из черновиков, датированных 1926 г., он, анализируя сталинские ошибки, закончил запись фразой: «Возможно ли тем не менее единство» [16, л. 82]. Во многом стремление оппозиционеров соблюдать принцип единства партии привело к попыткам прекращения фракционной борьбы, в частности составленному при участии Г.Е. Зиновьева заявлению от 16 октября 1926 г. Но закончить борьбу не удалось, что вынудило Григория Евсеевича 31 декабря обратиться к Н.И. Бухарину, бывшего союзником генсека. Г.Е. Зиновьев писал ему: «Надо кончать спор во что бы то ни стало... осуществлять диктатуру пролетариата при нынешних

трудностях, при осложняющемся международном положении без полного и абсолютного единства в партии нельзя» [4, с. 388].

Однако достичь соглашения не удалось. К концу 1927 г. внутрипартийная борьба достигла кульминации: 14 ноября Г.Е. Зиновьев вместе с Л.Д. Троцким был исключён из ВКП(б), а сталинское большинство поставило оппозиции условие полной идейной и организационной капитуляции, несмотря на то, что меньшинство и так было готово подчиниться решениям партии [4, с. 377–378; 30, с. 82]. Даже в такой ситуации Г.Е. Зиновьев остался верен своему пониманию партийного единства, используя его для обоснования капитуляции перед Сталиным. Автор данной статьи подготовил об этом статью, которая выйдет в 2023 г. в сборнике конференции «Советский Союз: история, изучение, оценки» (12 декабря 2022 г., РГГУ). На XV съезде (декабрь 1927 г.) Г.Е. Зиновьев сотоварищи также обратились к сюжету «партийного единства». В составленном им проекте заявления к съезду делался такой акцент: «...единство ВКП при диктатуре пролетариата есть главное условие победы рабочего класса» [17, л. 69]. Капитуляция, правда, не избавила его от незавидной политической судьбы: по оценке Л.Д. Троцкого, она обрекла его на политическую смерть, а позднее он ради возврата в ВКП(б) был готов даже на публичное покаяние [20; 23, с. 614].

На основе вышеизложенного можно сделать ряд выводов:

1. Роль Г.Е. Зиновьева в формировании «монолитного единства» большевистской партии сложно переоценить. Фактически, он являлся одним из его архитекторов и защитников – как в период пребывания у власти, так и во время оппозиционной борьбы.

2. Взгляды Г.Е. Зиновьева на партийное единство отличались постоянством и базировались на ряде моментов: марксистско-ленинском учении о роли партии, тезисе о необходимости единства партии при диктатуре пролетариата, конкретных обстоятельствах развития советской системы в сложных социально-политических условиях.

3. Г.Е. Зиновьев понимал «монолитное единство» не сколько посталински («единомыслие»), сколько в политической целостности партии перед лицом внутренних и внешних угроз. При допустимости высказывания собственного мнения членами партии, Г.Е. Зиновьев зачастую полагал крупные дискуссии вредными, исходя из объективных социально-политических трудностей.

Библиографический список

1. *Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективно-го руководства» к сталинской диктатуре. М., 2022. 192 с.

2. *Боева Л.А.* Участие ВЧК–ОГПУ в «оздоровлении» рядов РКП(б) в начале 1920-х годов // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2008. № 1 (1). С. 58–66.
3. *Бухарин Н.И.* Азбука коммунизма. М.: Алгоритм, 2018. 304 с.
4. *Жуков Ю.Н.* Григорий Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции. М.: Концептуал, 2021. 560 с.
5. За ленинизм, против троцкизма (по поводу «Уроков Октября» тов. Троцкого). М.: Молодая гвардия, 1925. 242 с.
6. *Зиновьев Г.Е.* Ленинизм: введение в изучение ленинизма. Л.: Государственное издательство, 1925. 400 с.
7. *Зиновьев Г.Е.* Судьбы нашей партии. М.: Красная новь: Главполитпросвет, 1924. 173 с.
8. Зиновьев о фракциях и группировках: сборник / предисл. Н.К. Харьков: Пролетарий, 1926. 37 с.
9. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Партиздат, 1938. 356 с.
10. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1963. 619 с.
11. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М.: Госполитиздат, 1969. 433 с.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 17. М., Госполитиздат, 1960. 841 с.
13. Проект постановления 10-го съезда Р. К. П. по вопросу о роли и задачах профсоюзов в производстве: (проект предлагают: Ленин, Зиновьев, Томский и др.). Челябинск: Государственное издательство, Челябинское отделение, 1921. 16 с.
14. *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: пер. с англ. / общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М.: Прогресс, 1989. 416 с.
15. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 2. Д. 246.
16. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 49.
17. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 75.
18. *Синин Е.Ю.* Как планировалась дискредитация Л.Д. Троцкого: из истории «литературной дискуссии» 1924 года // Гусевские чтения – 2022. Три измерения политической истории России: Идеология, политика, практики: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Москва, 11–12 апреля 2022 года. М.: Книгодел, 2022. С. 343–351.
19. *Синин Е.Ю.* Л.Д. Троцкий как преемник В.И. Ленина: соотношение желаемого и возможного // Актуальные вопросы гуманитарных наук: сборник научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов. Выпуск 4 / под ред. А.А. Сорокина, Г.В. Калабуховой. М.: Книгодел, 2021. С. 236–246.
20. *Синин Е.Ю.* Риторика выступления Г.Е. Зиновьева на XVII съезде ВКП(б) как приём политической легитимации И.В. Сталина // Клио. 2022. № 7 (187). С. 129–137.

21. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 406 с.
22. *Суздальцев И.А.* IV конгресс Коминтерна: особенности проведения и освещение в коммунистической прессе // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 2 (46). С. 85–96.
23. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М.: АСТ, 2022. 672 с.
24. *Фицпатрик Ш.* Команда Сталина: годы опасной жизни в советской политике. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 528 с.
25. *Юрьев А.И.* Раскол в рядах большевиков и завершение формирования первого советского правительства (начало ноября – декабрь 1917 года) // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2018. № 3 (31). С. 37–44.
26. X съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. М.: Партиздат, 1933. 954 с.
27. XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Издательство политической литературы. 1968. 903 с.
28. XIII съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 884 с.
29. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1926. 1026 с.
30. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 1416 с.
31. *Black C.* Zinoviev re-examined: comments on Lars Lih's «Populist Leninist» // The NEP Era: Soviet Russia, 1921–1928. 2008. № 2. P. 25–38.
32. *Lih L.* Zinoviev: populist Leninist // The NEP Era: Soviet Russia, 1921–1928. 2008. № 2. P. 1–23.

УДК 656.7

В.А. Смирнов,

библиограф, Центральная универсальная научная библиотека
Ивановской области

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1970–1980-Е ГОДЫ

Статья посвящена проблеме развития авиационного транспорта Ивановской области в 1970–1980-е гг. В данный период Ивановский объединенный авиаотряд превращается в одно из крупнейших в СССР авиационных предприятий по объему пассажирских и грузовых перевозок за счет внедрения современных воздушных судов и расширения географии полетов.

Ключевые слова: гражданская авиация, Ивановский авиаотряд, «Ан-24», «Ту-134», «Ми-2».

V.A. Smirnov,

Bibliographer, Ivanovo Regional Central Universal Scientific Library

FROM THE HISTORY OF THE CIVIL AVIATION OF IVANOVO REGION IN 1970s–1980s

The article is devoted to the problem of development of air transport of Ivanovo region in 1970s–1980s. In this period Ivanovo united air squadron was transforming into one of the largest air enterprises in the USSR by volume of passenger and freight traffic because of introducing modern aircraft and expanding the geography of flights.

Key words: civil aviation, Ivanovo united air squadron, The Antonov An-24, The Tupolev Tu-134, The Mil Mi-2.

В 2023 г. гражданская авиация Ивановской области отмечает свой вековой юбилей: в 1923 г. в Иваново-Вознесенске было создано общество друзей Воздушного Флота, а 24 июня того же года на импровизированный аэродром на Ярмарочной площади (ныне – район 1-го Рабочего поселка) произвел посадку пассажирский самолет-моноплан «Юнкерс-262» Российского общества добровольного воздушного флота (ОДВФ, «Добролет»), выполнявший пробный полет по маршруту Москва – Нижний Новгород, ставший затем регулярным [4, 10]. В июле 1939 г. было создано первое в области звено гражданской авиации, состоявшее из 4 самолетов-бипланов «У-2» и 5 человек летного состава, выполнявшее широкий спектр хозяйственных функций – от авиалесоохраны до санитарной и почтовой службы [4]. Регулярные пассажирские рейсы из аэропорта «Иваново» начались с 1953 г. – года строительства первого в Иванове аэровокзала [4].

К началу 1970-х гг. Ивановский Объединенный Авиатряд Управления гражданской авиации Центральных районов Министерства гражданской авиации СССР состоял из 2 эскадрилий воздушных судов типов «Ан-2» (12 мест) и «Ли-2Т»(14 мест), выполнявших полеты по 23 внутриобластным и ряду межрегиональных воздушных линий со среднемесячным пассажирооборотом около 35 тысяч человек и грузооборотом 100 тонн [11]. С 1970 г. началась постепенная замена устаревших поршневого самолета «Ли-2» на современный 44-местный турбовинтовой авиалайнер «Ан-24», ставший основным на межрегиональных маршрутах на последующие 8 лет. Модернизация авиапарка предприятия позитивно сказалась на основных экономических показателях: так, только за I полугодие 1973 г. было перевезено 130 тыс. пассажиров, 718 т народнохозяйственных грузов и 250 т почты. В тоже время существенно расширилась география полетов по СССР: помимо Москвы и

Ленинграда, воздушные суда из Иваново летали в Сочи, Киев, Симферополь, Казань, Свердловск, Уфу, Куйбышев и Челябинск [12].

Столь интенсивный рост пассажиро- и грузооборота Ивановского аэропорта актуализировал вопрос о коренной модернизации существующего аэродромного хозяйства. В 1972 г. был разработан генеральный план развития аэропорта, в рамках 1 очереди реализации которого к ноябрю 1977 г. были введены в строй новые рулежные дорожки, стоянки воздушных судов и взлетно-посадочная полоса с бетонным покрытием протяженностью 2500 м, способная принимать воздушные суда любого типа [13]. В рамках II очереди модернизации аэродромного хозяйства в 1976 г. началось строительство нового аэровокзального комплекса, растянувшееся на 11 лет. В условиях роста пассажиропотока, достигшего к 1981 г. 270 тыс. человек, вполне обоснованно звучали претензии заместителя начальника Ивановского аэропорта Н. Аленина к сотрудникам подрядных организаций, к осени 1981 г. частично приостановившим строительные работы на объектах комплекса, частично нарушившим технологию строительства, в результате чего объект находился на грани обрушения. В то же время пассажиры в ожидании своего рейса вынуждены были ютиться в адаптированном под аэровокзал здании багажных помещений с пропускной способностью 100 человек [1]. Лишь 4 ноября 1987 г., в преддверии 70-й годовщины Октября, новый аэровокзал открыл свои двери для многочисленных пассажиров, чье суммарное количество к середине 1980-х гг. достигло 240 тыс. в год [16].

1978–1990 гг. можно по праву назвать «золотым веком» ивановской гражданской авиации. Именно в данный период объемы пассажиро- и грузопотока Ивановского аэроузла достигли максимальных значений: со 180 тыс. в 1978 г. к 240 тыс. в 1985 г., достигнув 450 тыс. пассажиров в год в 1990 г.; аэропорт перешел на круглосуточный режим работы [2, 9]. Расширилась структура отряда: в 1977 г. начала свою деятельность вертолетная эскадрилья, оснащенная легкими вертолетами типа «Ми-2» [15]. По данным А. Горстера, служившего в 1970–1980-е гг. в Ивановском авиаотряде на различных должностях летно-подъемного состава, к 1990 г. в составе отряда, помимо эскадрильи легких самолетов-бипланов «Ан-2» – 32 машины, обслуживавших местные воздушные линии, трудившихся на сельскохозяйственных работах в Ивановской, Ростовской, Смоленской областях РСФСР и Казахстане (в 1985 г. были обработаны 350 тыс. га сельхозугодий), действовали эскадрилья турбореактивных лайнеров «Ту-134» – 8 машин, турбовинтовых «Ан-24» – 15 машин, а также упомянутая выше эскадрилья из 15 легких вертолетов «Ми-2» [3, 9]. Вертолетчики с момента основания эскадрильи приняли на себя многочисленные функции социального обеспечения населения Ивановской области: в круг их обязанностей

вошли санитарная служба, патрулирование лесных массивов в пожароопасный сезон, автомобильных трасс в интересах ГАИ [15].

Базовым фактором скачка производственных показателей, помимо реконструкции наземной инфраструктуры аэропорта Иванова, получившего к началу 1980-х гг. статус «воздушного перекрестка» всего Центрального района РСФСР (запасного аэродрома для ряда транзитных рейсов), стало внедрение прогрессивных образцов авиационной техники, в нашем случае – турбореактивного 70-ти местного авиалайнера «Ту-134», ставшего флагманом отряда вплоть до его фактической ликвидации [1]. Впервые на ивановскую землю «туполенок», как именовали данную машину летчики «Аэрофлота», приземлился 30 августа 1977 г. рамках технического рейса [13]. Еще около полугода потребовалось для разработки нормативной и технической документации, подготовки экипажей и трассы будущего маршрута Иванова – Актюбинск – Ташкент, и 2 февраля 1978 г. первый коммерческий рейс прибыл из столицы Узбекской ССР на родину первого Совета [7]. Символичен сам маршрут первой трассы турбореактивных лайнеров «Ту-134»: Ивановскую область с хлопководческой республикой с 1960-х гг. связывали прочные экономические и социокультурные нити, нашедшие отражение, как в топонимике Иванова, так и в семейно-брачных отношениях [8].

Возросшая по сравнению с «Ан-24» скорость (900 км/ч против 450 км/ч), дальность (2000 км против 1500 км) и пассажироместимость (76–80 человек против 44 человек) повысила эффективность пассажирских перевозок и позволила расширить географию рейсов: в 1978 г. открылись воздушные трассы Иванова – Донецк – Минеральные Воды, Иванова – Кишинев, Иванова – Архангельск, Иванова – Сочи, Иванова – Свердловск, Иванова – Симферополь, Иванова – Ижевск – Новосибирск. Ряд рейсов в город-герой Ленинград также стал выполняться самолетами данного типа [2]. С января 1982 г. заработал «воздушный мост» Иванова – Воронеж – Краснодар – Баку. Воздушная трасса Иванова – Набережные Челны (Татарская АССР) – Челябинск перешла на обслуживание самолётами «Ту-134» вместо «Ан-24» [6]. Таким образом, к середине 1980-х гг. аэропорт Иванова был связан с 50 населенными пунктами региона и страны [16].

Внедрение современной авиационной техники, вкупе с расширением географии полетов и увеличением числа рейсов, позитивно сказалось на финансовом состоянии предприятия: так, уже в 1978 г. авиаотряд из убыточного стал прибыльным, получив более 1200 тыс. рублей. В 1980 г. Ивановский Объединенный авиаотряд по итогам Всесоюзного социалистического соревнования среди авиационных предприятий СССР занял

первое место, получив переходящее Красное знамя Министерства Гражданской авиации и ЦК профсоюза авиационных работников [1].

Особое внимание руководством авиаотряда уделялось повышению качества обслуживания пассажиров. С 1969 г. в Иванове и области начали работу агентства «Аэрофлота», информировавшие население о текущем расписании полетов на аэродромах Ивановского аэроузла, а в 1978 г. вошла в строй система «Сирена» – специализированная сеть передачи и обработки данных, предназначенная для резервирования авиабилетов на всей территории СССР [11, 14].

К концу 1980-х гг. Ивановский Объединенный авиаотряд, как и весь «Аэрофлот», готовился к освоению новой техники. Помимо уже садившихся в аэропорту Иванова среднемагистральных турбореактивных самолетов «Ту-154», использовавших его аэродром как запасной в Московской воздушной зоне с начала 1980-х гг., ожидался прием новых машин типа «Як-42» и «Ил-114», со временем призванных заменить на линиях морально устаревающие «Ту-134» и «Ан-24» [1]. Для удобства доставки пассажиров в новый аэровокзальный комплекс, расположенный в 3 км от прежнего, в 1988 г. продлили трассу городского троллейбуса маршрута № 11 [5]. Однако, с распадом в 1991 г. СССР и «Аэрофлота», к 1997 г. авиаотряд вошел в полосу затяжного финансового кризиса, в 1998 г. фактически приостановив свою деятельность, а в 2003 г. ивановский аэропорт прекратил свою деятельность, распродав свой некогда богатый авиапарк. С 2006 г. аэропорт «Иваново-Южный» возобновил свою деятельность фактически как резервный порт ряда отечественных авиакомпаний без собственного авиапарка и летно-подъемного состава [9].

Библиографический список

1. *Аленин Н.* Иваново как воздушный перекресток // Раб. край, 1981. 4 сент. С. 2.
2. *Ардатов В.* За высотой – высота // Раб. край, 1979. 11 февр. С. 4.
3. *Ардатов В.* Крепкие крылья // Раб. край, 1985. 18 авг. С. 2.
4. *Ардатов В.* Чистого неба и мягкой посадки // Раб. край, 1983. 12 февр. С. 2.
5. *Богданов Е.* То взлет, то посадка // Раб. край, 1987. 14 нояб. С. 4.
6. *Бяковский В.* Удобный маршрут // Правда, 1982. 7 янв. С. 6.
7. *Клименко И.* И сокращаются большие расстояния // Раб. край, 1978. 3 февр. С. 3.
8. *Котляр В., Романов Г.* Воздушный мост дружбы // Раб. край, 1978. 8 февр. С. 3.
9. *Парышева А.* Среди его пассажиров был Герман Титов // Иван. газ. 2016. 2 февр. С. 6.
10. *Первый самолет в Иваново-Вознесенске* // Раб. край, 1923. 26 июня. С. 2.

11. *Пресняков Н.* Воздушные ворота города // Раб. край, 1969. 16 авг. С. 4.
12. *Смирнов А.* Хозяева пятого океана // Раб. край, 1973. 18 авг. С. 4.
13. *Сухов В.* Там, где строится воздушная гавань // Раб. край, 1977. 16 дек. С. 1.
14. *Сухоруков В.* Билет по...телевизору // Раб. край, 1978. 20 авг. С. 4.
15. *Устинов В.* Самая молодая // Раб. край, 1977. 21 авг. С. 4.
16. Цифры и факты // Раб. край, 1986. 1986. 9 февр. С. 4.

УДК 93/94

А.А. Сорокин,

кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

СИСТЕМА ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ПО ЗАКОНУ 3 ИЮНЯ 1907 Г. В ОЦЕНКАХ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»

Данная статья посвящена изучению реакции журнала «Вестник Европы» на введение нового Положения о выборах в Государственную Думу в 1907 г. Показаны основные составляющие критики нового законодательства о выборах.

Ключевые слова: выборы, «Вестник Европы», избирательные права, Государственная Дума, избирательный закон 3 июня 1907 г.

A.A. Sorokin,

Docent, PhD in History (Candidate of historical sciences)

Lobachevsky State University (National Research University) of Nizhny Novgorod

THE SYSTEM OF ELECTIONS TO THE STATE DUMA BY LAW JUNE 3, 1907 IN THE ESTIMATES OF THE JOURNAL «VESTNIK EVROPY» («HERALD OF EUROPE»)

This article is devoted to the study of the reaction of the journal «Bulletin of Europe» to the introduction of a new Act on elections to the State Duma in 1907. The main components of criticism of the new election legislation are shown.

Key words: elections, «Vestnik Evropy» («Herald of Europe»), electoral rights, the State Duma (Imperial Duma), the Act on elections to the State Duma on June 3, 1907.

3 июня 1907 г. одновременно с роспуском II Государственной Думы Российской империи было принято новое Положение о выборах в

Думу, что стало значимым событием в истории думской монархии. К настоящему времени вопрос о третьеиюньской избирательной системе затронут в ряде работ [1; 5; 6; 9; 10, с. 182–200; 14, с. 51–69]. Вместе с тем фактически единственным исследованием, специально посвященным изучению общественной реакции на новый избирательный закон, является статья Н.Ф. Сычева [13]. В ней впервые дается подробная оценка нового Положения о выборах, представленная на страницах одного из ведущих либеральных изданий – журнала «Вестник Европы».

Согласно принятому новому Положению о выборах, лишалась представительства в Думе часть национальных окраин (Акмолинская, Закаспийская, Самаркандская, Семипалатинская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Ферганская и Якутская области). У другой части окраин представительство было уменьшено: с 44 до 15 депутатов – в Азиатской России, с 37 до 14 – в Польше, с 29 до 10 – на Кавказе. Это объяснялось в манифесте тем, что «созданная для укрепления Государства Российского, Государственная Дума должна быть русскою и по духу». Тем самым, по воле законодателя, иные народности, имея представительство в Думе, «не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских». Приостанавливались же выборы в тех областях, где «население не достигло достаточного развития гражданственности» [4].

С 26 до 7 сократилось число городов с прямыми выборами: отныне такие выборы проходили только в Варшаве, Киеве, Лодзи, Москве, Одессе, Риге и Санкт-Петербурге. Важной нормой нового закона становилась ст. 12, согласно которой каждый избиратель отныне мог осуществлять свое право на участие в выборах только в одном съезде или разряде избирателей [4].

Общее число выборщиков в 53 губерниях уменьшалось с 5838 до 5161 (более чем на 10 %). Число выборщиков от крестьян уменьшалось с 2535 до 1147 (почти в 2,5 раза). При этом число выборщиков от землевладельцев возрастало с 1965 до 2644 (на 1/3), а от горожан – с 1258 до 1338 [4].

С увеличением числа выборщиков от землевладельцев существенно сокращалось количество землевладельцев-избирателей. Если по прежнему Положению о выборах на предварительных съездах землевладельцев право голоса имели все жители уезда, владевшие землей или иной недвижимостью (даже при отсутствии полного избирательного ценза), то согласно новому закону из числа уездных избирателей исключались члены сельских и волостных обществ данного уезда, т. е. большая часть крестьян теряла право представительства в уездных избирательных съездах [4].

Городские избиратели были разделены на две курии. В первом городском избирательном съезде участвовали крупные собственники: владельцы недвижимости, оцененной по городской оценке для взимания городского сбора (в Санкт-Петербурге и Москве – не менее 3 тыс. руб., Киеве, Одессе и Риге – не менее 1,5 тыс. руб., в губернских городах и городах численностью свыше 20 тыс. душ – не менее 1 тыс. руб., в остальных городах – не менее 300 руб.); владельцы торгово-промышленных предприятий, имеющие свидетельства 1 разряда (для торговых) или первых трех разрядов (для промышленных) в Москве и Санкт-Петербурге, первых двух (для торговых) и первых пяти (для промышленных) разрядов для прочих городов [4].

Во втором съезде участвовали собственники недвижимости, оцененной на сумму ниже, чем для первого съезда, а также владельцы торговых и промышленных свидетельств низших разрядов, плательщики налога на личные промысловые занятия, квартирнаниматели и пенсионеры. Каждый городской съезд избирал выборщиков (в городах с прямым избранием – депутатов Думы) в губернское избирательное собрание. Ограничивались избирательные права рабочих [4].

Губернское избирательное собрание состояло из выборщиков от городских съездов, землевладельцев, крестьян и фабричных рабочих (в некоторых губерниях). Оно избирало сначала по одному члену Думы из числа крестьянских выборщиков, затем последовательно – из землевладельческих, из городских (в некоторых губерниях – по одному от каждого из съездов) выборщиков, от казачьих станиц (в 3 губерниях) и от рабочих (в 6 губерниях), а затем из числа всех выборщиков – оставшееся количество депутатов, подлежащих избранию от данной губернии [4].

Таким образом, куриальная система обеспечивала большинство землевладельцам в губернских избирательных собраниях. «Вестник Европы» последовательно раскритиковал большую часть положений нового избирательного закона. Так, критике было подвергнуто решение о сокращении представительства от окраин. Отмечалось, что в многонациональном государстве Дума, «в которой равномерно представлены все элементы населения, удовлетворяет в большей степени, чем Дума, в которой искусственно уменьшено или вовсе устранено представительство тех или других национальностей» [3, с. 354–355]. Недоумение вызывало лишение или сокращения представительства тех окраин, где была высокой доля русского населения: «У каждой обездоленной местности есть свои особенности, свои специальные нужды, которые, при отсутствии представительства, могут быть неправильно поняты или забыты» [3, с. 355–356].

Негативные оценки получило и уменьшение доли крестьян в числе выборщиков, поскольку ранее они составляли большинство в

13 губерниях: «самый размер их владений не соответствует более чем скромной роли, отведенной им новым законом» [7, с. 345]. Сам «Вестник» объяснял это тем, что «вторая Дума окончательно поколебала доверие власти к избирателям-крестьянам» [8, с. 348].

Расширение прав министра внутренних дел в части возможности деления избирательных съездов расценивалось как широкое поле для различных подтасовок: «Всего опаснее отсутствие каких бы то ни было правил, которыми регулировалось бы вмешательство министра внутренних дел – вмешательство, стимулы которого, за невозможностью личного ознакомления министра с местными условиями, неизбежно будут приходиться со стороны, из источников весьма различного достоинства» [11, с. 350].

Изменения состава губернских по делам о выборах комиссий воспринимались как усиление губернаторского надзора. Общий вывод был весьма сдержанным – ожидалось, что большинство в Думе, возможно, «окажется именно таким, какое желательно для кабинета П.А. Столыпина», однако при этом подчеркивалось: «Как бы ни были неблагоприятны условия борьбы, созданные новым избирательным законом для сторонников конституционного строя и социального прогресса, участие, деятельное участие их в борьбе совершенно необходимо: бойкот Думы был бы теперь еще более крупной ошибкой, чем полтора года тому назад» [2, с. 356–357].

Критике был подвергнут и новый принцип избрания депутатов в губернском избирательном собрании (сначала от курий, а затем из общего числа выборщиков): «Член Государственной Думы призван не к тому, чтобы стоять за свое сословие, свой класс, свою общественную группу; он должен сознавать и чувствовать себя представителем всего государства, всего народа». Отмечалось, что отныне «выборщики не-свободны», поскольку если согласно предыдущему избирательному закону крестьяне избирали крестьян, то теперь «неизбежны чисто случайные выборы, выборы на удачу, с завязанными глазами», потому что, с одной стороны, непонятно, «по каким признакам землевладельцы и горожане будут определять, кого именно из рабочих надлежит проводить в депутаты», а с другой – «каким бы доверием и уважением ни пользовались из числа выборщиков одной и той же категории два или три лица, выбрано может быть только одно из них» [12, с. 351–352].

Таким образом, новая избирательная система по Положению о выборах в Думу 1907 г. «Вестником Европы» оценивалась негативно. К числу отрицательных сторон Положения редакция относила сокращение представительства национальных окраин, уменьшение доли крестьян в числе выборщиков, возможность произвольного разделения

избирательных съездов, а также новый порядок избрания депутатов в губернском избирательном собрании.

Библиографический список

1. Видова Т.А., Головастова Ю.А. Третьеиюньская политическая система в России: политические предпосылки и политические последствия // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 99–102.
2. Выборные комиссии // Вестник Европы. 1907. Кн. VII. Отд. II. С. 356–357.
3. Выборы на окраинах империи // Вестник Европы. 1907. Кн. VII. Отд. II. С. 353–356.
4. Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную Думу // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXVII. № 29242.
5. Емелина Н.А. Третьеиюньский государственный переворот (правомерным ли было принятие нового избирательного закона Государственную Думу?) // Государство, право, общество: проблемы взаимодействия (политология, юридические науки, история, религиоведение, социология): сборник статей IV Международной научно-практической конференции / ред. Н.Г. Карнишина. Пенза, 2017. С. 86–90.
6. Земцов Б.Н. Третьеиюньский переворот // История государства и права. 2011. № 14. С. 33–38.
7. Изменения в числе и в распределении выборщиков // Вестник Европы. 1907. Кн. VII. Отд. II. С. 344–346.
8. Исключение местных крестьян из состава избирателей-землевладельцев // Вестник Европы. 1907. Кн. VII. Отд. II. С. 346–348.
9. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и её депутаты, 1906–1917. Пермь, 1995. 168 с.
10. Мальшева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М., 2018. 240 с.
11. Новые полномочия министра внутренних дел // Вестник Европы. 1907. Кн. VII. Отд. II. С. 349–350.
12. Новый порядок избрания членов Думы // Вестник Европы. 1907. Кн. VII. Отд. II. С. 350–353.
13. Сычев Н.Ф. Император Николай II и Третьеиюньский манифест в освещении либеральной периодической печати (июнь – ноябрь 1907 г.) // Церковь. Богословие. История. 2022. № 3. С. 59–65.
14. Щукин Д.В. Кадеты в III Государственной думе России (1907–1912 гг.). Ч. 1: На пороге III Думы. Елец, 2015. 186 с.

УДК 94 (470.55) «1920/1930»

А.И. Сысов,

учитель истории МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 112»
(Трехгорный, Челябинской области)

**ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАРТИЙНЫХ ЯЧЕЕК КАК ОДНО
ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЙКОМОВ ВКП(Б)
ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА
В СЕРЕДИНЕ 1920-Х – СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГГ.**

В статье рассматривается такое направление работы районных комитетов ВКП(б) горнозаводской зоны Южного Урала в 1920-х – середине 1930-х гг., как обследование низовых партийных ячеек. Данное направление их работы представлено как часть осуществляемой партийными органами функции контроля за сферами общественной жизни в условиях формирования в СССР тоталитарного политического режима.

Ключевые слова: горнозаводская зона Южного Урала, районные комитеты (райкомы) ВКП (б), партийные ячейки, пленум, партийное бюро, тоталитарный политический режим.

A.I. Sysov,

Teacher of History, MBOU «Secondary General School № 112»
(Trekhgorny, Chelyabinsk region)

**SURVEY OF PARTY CELLS AS ONE OF THE ACTIVITIES
OF THE DISTRICT COMMITTEES OF THE CPSU(B)
MINING ZONE OF THE SOUTHERN URALS
IN THE MID-1920S – MID-1930S**

The article considers such direction of work of the district committees of the CPSU(b) of the mining zone of the Southern Urals in the 1920s-mid-1930s as a survey of grassroots party cells. This direction is presented as part of the function of control over the spheres of public life carried out by the party bodies in the conditions of the formation of a totalitarian political regime in the USSR.

Key words: mining zone of the Southern Urals, district committees (district committees) of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, party cells, plenum, party bureau, totalitarian political regime.

На протяжении 1920–1930-х гг. в СССР, как на центральном, так и на региональном уровне шел специфический процесс складывания особой системы политической власти. Ее главной особенностью было

параллельное развитие двух компонентов – советских органов и комитетов коммунистической партии. Причем, несмотря на декларируемый во всех официальных документах (включая и Конституции) приоритет советских органов государственной власти, практически на всем протяжении 1920-х гг. сохранялась устойчивая тенденция к установлению доминирования партийных органов над советскими структурами. Эта тенденция привела в 1930-х гг. к становлению партийной власти в качестве основной политической силы в обществе. Организационное оформление партийных органов разных уровней началось фактически сразу после захвата власти большевиками и в рассматриваемый период их структура основывалась на положениях Устава ВКП(б) [5, с. 295–311]. Высшими органами партийной власти на конкретной административной территории являлись партийные конференции (областные, окружные, районные), избиравшие соответствующие партийные комитеты. Внутри парткомов для текущей работы формировались партийные бюро. Во главе парткомов стояли секретари, для избрания которых на эту должность был необходим определенный партийный стаж и утверждение вышестоящих партийных органов. Партийное бюро в 1920–1930-е гг., как правило, состояло из 5 человек (хотя допускалось его увеличение до 7 человек), из которых трое должны были заниматься только партийной работой [5, с. 295–311]. Существовали некоторые различия в периодичности созыва партийных органов власти различного уровня. Так в середине 1930-х гг. областная партконференция созывалась раз в 1,5 года, пленум обкома собирался раз в три месяца, районная партконференция созывалась один раз в год, пленум райкома собирался один раз в 1,5 месяца [6, с. 160–173].

Деятельность районных комитетов партии в середине 1920-х – середине 1930-х гг. отличалась разнообразием направлений. Сформированные на районных партийных конференциях райкомы утверждали с санкции окружного (с 1930 г. – областного) комитета городские, сельские, поселковые, партийные организации и ячейки в районе, организовывали различные учреждения партии в пределах района, руководили их деятельностью, назначали редакторов районных печатных органов, работающих под их руководством и контролем, руководили партийными группами внепартийных организаций, вели регистрацию всех коммунистов, организовывали свои предприятия, имеющие районное значение, распределяли в пределах района силы и средства партии, заведовали районной кассой, направляли через партийную фракцию работу районного исполкома, предоставляли отчет о своей деятельности в окружной (областной) комитет (ст. 56 Устава ВКП(б) 1926 г., ст. 46 Устава ВКП(б) 1934 г.) [5, с. 295–311; 6, с. 160–173]. Хотя деятельность районных партийных органов по многим направлениям пересекалась

с деятельностью советских органов власти, однако в первую очередь парткомы уделяли внимание вопросам идеологии и политическому подтексту тех или иных мероприятий, следили за соблюдением точного выполнения решений центральных органов партии.

Среди широкого спектра задач, стоявших перед райкомами, значительный интерес представляет такое направление работы райкомов, как обследование деятельности партийных ячеек и местных Советов, которое позволяло выяснить состояние партийной работы на местах, вскрыть имеющиеся недостатки. Данное направление партийной работы являлось частью осуществлявшегося партийными органами контроля за общественно-политической жизнью в стране. Партийный контроль должен был компенсировать фактическое отсутствие общественного контроля в условиях формирования тоталитарного политического режима в стране. Также необходимо было следить за политической лояльностью, дисциплиной и моральным обликом членов правящей партии и государственных органов власти, регулировать их состав и численность. О том значении, которое придавалось большевистским руководством контролю за обществом свидетельствует существование в СССР в 1920-х – середине 1930-х гг. разветвленной сети рабоче-крестьянских инспекций и партийных контрольных комиссий, возглавлявшихся Народным комиссариатом РКИ и ЦКК ВКП(б) соответственно. В какой-то степени контролирующая функция реализовывалась в ходе чисток партийного и государственного аппарата управления. В течение 1920-х – середины 1930-х гг. масштабные общегосударственные чистки, целью которых провозглашалось освобождение от «социально чуждых, разложившихся, неустойчивых и примазавшихся элементов», а также обеспечение «железной пролетарской дисциплины», проводились несколько раз: генеральная чистка партийных рядов проходила в 1921, 1929, 1933 гг., чистка деревенских ячеек в 1925–1926 гг., перерегистрация членов партии и кандидатов в 1920 и 1927 гг., чистка советского аппарата в феврале – марте 1930 г.

Рассмотреть обследование партийных ячеек как отдельный вид партийной работы можно на примере функционирования в середине 1920-х – середине 1930-х гг. райкомов ВКП(б) горнозаводской зоны Южного Урала, значительная часть которой в указанный период входила в состав Уральской области РСФСР. Обследование низовых партийных ячеек обычно включалось в план работы райкомов, в котором четко устанавливались сроки его проведения и ответственные лица. Мероприятия по обследованию сельсоветов, как правило, планировались фракцией ВКП(б) райисполкома. При этом в целях сохранения партийного контроля над этими процессами в комиссию по проведению обследования сельсоветов всегда включался представитель от райкома

ВКП(б). Так, например, в апреле 1927 г. в состав комиссии Катавского райисполкома по обследованию сельсоветов района в качестве представителя от райкома партии был назначен Н.В. Попов, фактически и руководивший работой этой комиссии. Для обследования местных партийных организаций и органов власти на места, как правило, выезжали инструкторы или иные работники райкома партии, которые изучали документацию по определенным направлениям работы, беседовали с местными должностными лицами, с населением. По окончании обследования составлялась аналитическая записка о результатах с указанием положительных и отрицательных моментов в работе ячеек и местных Советов, давались рекомендации и наставления по исправлению недостатков. Среди недостатков в отчетах наиболее часто указываются: недостаточное внимание работе с беднотой, национальными меньшинствами, домохозяйками, слабая подготовка местных властей к проведению выборов, распространенность ряда негативных явлений среди должностных лиц (пьянство и др.), непропорциональное распределение партийной нагрузки среди коммунистов ячеек [4, л. 1–2 об.]. Периодически с инспекционными поездками по району выезжали секретари районных комитетов партии, как это делал, например, секретарь Катавского райкома Доронин в октябре 1927 г. [1, л. 5]. Есть примеры, когда в результате обследования местных ячеек происходил их роспуск с последующей перерегистрацией членов. Так, в мае 1932 г. Катавским райкомом ВКП(б) была распущена Бедярышская ячейка. Причин называлось несколько: засоренность ячейки и местного Совета классово-чуждым элементом, сращивание руководства с кулачеством, извращение классовой линии в работе сельских организаций, доведение колхоза до грани распада, невыполнение производственного плана [3, л. 57–59]. Особую актуальность обследования и проверки работы сельских Советов и ячеек приобрели в период коллективизации и раскулачивания, что позволяло на месте выяснить недостатки, провести разъяснительную работу, наказать виновных в «перегибах» и злоупотреблениях, что, например, было сделано в ходе проверки деятельности Екатеринбургского и Тюбеляесского сельских Советов Катавского района в апреле 1932 г. [2, л. 33–33 об., 38–38 об.].

Повышенный интерес при обследовании деятельности низовых партийных ячеек вызывали, прежде всего, вопросы идеологии. Так, летом 1930 г. Миньярский райком ВКП(б) потребовал от низовых (сельских, цеховых, транспортных и т. д.) ячеек проработать решения XVI съезда ВКП(б). Ввиду особой важности этого мероприятия, для координации и контроля за его осуществлением на места были направлены представители райкома (Озимин, Аксенов, Глебова, Плотников и др.) [4, л. 22–22 об.].

Не менее значимым вопросом было участие местных парторганизаций в организации и проведении выборов в партийные, государственные и общественные структуры. Тот же Миньярский райком ВКП(б) после проведения обследования деятельности партийных ячеек района в марте 1928 г. потребовал от местных коммунистов оживления работы в этом направлении. При этом под особым контролем Миньярского райкома находились как раз перевыборы бюро местных партийных ячеек, являвшихся важнейшим инструментом проведения в жизнь партийных решений на местах. График перевыборов и контрольных мероприятий с указанием срока их выполнения местным партийным ячейкам был разослан райкомом заранее [4, л. 29–29 об.].

В горнозаводской зоне Южного Урала, где промышленный пролетариат был важнейшей опорой Советской власти, было необходимо поддерживать высокий уровень работы партийных ячеек на производственных предприятиях. Регулярные обследования производственных ячеек были одним из распространенных методов осуществления этой задачи. От заводских партийных ячеек районное руководство требовало глубокого и всестороннего проникновения во все производственные проблемы, вплоть до управления технологическими процессами. Например, Миньярским райкомом партии в 1928 г. отмечалась слабая работа партийных ячеек по рационализации производства на заводах района. Райком требовал от ячеек перейти от формального отношения к этим проблемам к непосредственному партийному руководству, для этого предлагалось шире задействовать потенциал производственных совещаний, улучшить работу с информацией о ситуации внутри цехов и трудностях вокруг производства. Указывалось на важность применения массовых форм работы (стенгазеты, лекции и др.), работы с профсоюзным активом и комсомольской организацией, особенно в вопросах рационализации производства [4, л. 31 об., 33–34].

Кроме того, обследования производственных ячеек позволяли выяснить настроения не только среди членов партии, но и простых рабочих. Так, согласно докладной записке Миньярского райкома ВКП(б) № 679 от 20 июня 1928 г., составленной для Златоустовского окружкома ВКП(б), настроения рабочих были удовлетворительными вплоть до начала перебоев с хлебоснабжением в 1927 г. Затем эта проблема стала катализатором роста недовольств среди рабочих МЕСТНЫМИ властями, действия которых, по мнению жителей, приводили к ухудшению материального благосостояния рабочих (рост цен на продукты, нерациональное распределение средств советскими органами власти и т. д.). Поэтому, в целях исключения конфликтных ситуаций, райком настоятельно рекомендовал всем производственным партийным ячейкам

приложить усилия для налаживания взаимодействия между администрацией и рабочими коллективами [4, л. 31–32, 48].

Таким образом, среди большого количества направлений деятельности районных комитетов ВКП (б) одним из важнейших является осуществление контроля за общественно-политической жизнью в районах. Реализации этой задачи в середине 1920-х – 1930-х гг. служило такое направление партийной работы, как обследование местных партийных организаций и органов власти. Хотя, безусловно, приоритетными задачами обследования ячеек были вопросы идеологии и управления, однако, в условиях складывания тоталитарного политического режима, коммунистическая партия стремилась установить свой контроль и над социально-экономической сферой, чему также способствовали обследования низовых партийных ячеек и советских органов власти. Кроме того, данное направление партийной работы являлось неплохим способом мониторинга общей ситуации в стране.

Библиографический список

1. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-308. Оп. 5. Д. 3.
2. ОГАЧО. Ф. П-308. Оп. 7. Д. 6.
3. ОГАЧО. Ф. П-308. Оп. 8. Д. 5.
4. ОГАЧО. Ф. П-310. Оп. 1. Д. 211.
5. Устав ВКП (б) 1926 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Изд. 8. Т. 3. 1924–1927. М.: Политиздат, 1970.
6. Устав ВКП (б) 1934 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Изд. 8. Т. 5. 1931–1941. М.: Политиздат, 1971.

УДК 94(470.67) «20» – 029:02

Л.А. Труженикова,

профессор, Дагестанский государственный университет (Махачкала)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В 2000-Е ГОДЫ

В статье рассматриваются вопросы развития библиотечного дела в республике в 2000-е годы. Акцентируется внимание на проблемах в организации функционирования библиотек, а также социальных функциях, которые выполняют библиотеки в современном обществе.

Ключевые слова: Республика Дагестан, библиотеки, финансирование, культурно-просветительская деятельность.

L.A. Truzhenikova,

Professor, Dagestan State University (Makhachkala)

PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF LIBRARY MANAGEMENT IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN IN THE 2000S

The article deals with the development of library management in the republic in the 2000s. The attention is focused on the problems in the organization of the functioning of libraries, as well as the social functions that libraries perform in modern society.

Key words: Republic of Dagestan, libraries, financing, cultural and educational activities.

В начале 2000-х годов практически во всех отраслях экономики Республики Дагестан наметились позитивные тенденции, получившие развитие в последующие годы. Активность предпринимателей, особенно в сфере потребительского рынка, легкой и пищевой промышленности, в сельхозтоваропроизводстве, дала возможность по ряду параметров иметь значения, в процентном соотношении превосходящие среднероссийские. Подвижки в экономике региона объяснялись как изменениями в экономической конъюнктуре, так и значительной помощью со стороны Федерального центра [3, с. 5]. Увеличение валового регионального продукта, рост доходов населения и поступлений в государственный бюджет способствовали увеличению ассигнований на нужды социокультурной сферы, в том числе – на развитие библиотечного дела.

В начале XXI столетия библиотеки республики находились не в лучшем состоянии, испытывая последствия затяжного кризиса 1990-х гг. Практически отсутствие внимания со стороны властных структур к социокультурным запросам населения, катастрофическая нехватка финансовых средств привели к резкому сокращению числа читателей и потере интереса к культурно-образовательной работе, проводимой библиотеками. Например, если в 1993 г. городские библиотеки республики посетили 340,3 тысяч человек, то в следующие годы их количество только уменьшалось [4, с. 340–341]. Если в 1986 г. библиотечным обслуживанием было охвачено 51,2 % населения, то в 2003 г. этот показатель снизился до 37,4 %. Скудное финансирование сказалось и на материально-техническом оснащении библиотек: в 1990-е годы поступление литературы ежегодно сокращалось в среднем на 13 %. Только с 1998 года начался медленный рост пополнения фондов библиотек: в 2002 г, по сравнению с 1997 г., объем поступлений увеличился более чем в два раза.

В Дагестане к 1997 г. в библиотечном обслуживании населения было задействовано 2720 библиотек различных типов, видов и ведомственной принадлежности; в том числе – 1013 общедоступных (публичных)

библиотек, объединенных в 50 централизованных библиотечных систем (ЦБС), 753 школьные библиотеки, а также библиотеки вузов и сузузов [2, с. 81]. Однако многие профсоюзные и ведомственные библиотеки прекратили свое существование.

Предпринимаемые государством меры по восстановлению и дальнейшему развитию социокультурной сферы способствовали заметному оздоровлению культурной жизни дагестанского общества. С 1999 г. начинается постепенное увеличение бюджетного финансирования на нужды культурного строительства. Возобновляется строительство школ, клубных учреждений, библиотек, укрепляется их материальная база. Наметился небольшой, но все же рост заработной платы работников учреждений культуры, в том числе – библиотек, что способствовало снижению текучести кадров.

«Образовательный бум» на рубеже XX–XXI веков обозначил проблемы информационно-библиографического обслуживания учебно-го процесса. Большой приток учащейся молодежи в библиотеки, связанный с плохим комплектованием учебниками и другой литературой школ, техникумов, вузов, открытием большого числа новых учебных заведений, не обеспеченных пособиями, вызвал значительные изменения в библиотечном деле во всех регионах России, в том числе – и в Дагестане.

Однако качество литературы, которой пополнялись книжные и журнальные фонды, не соответствовало современным информационным требованиям. В фондах Центральной библиотечной системы республики содержалось много устаревшей литературы, при этом часто запрашиваемая художественная и детская литература, литература по экономике, техническим наукам, медицине, сельскому хозяйству давно обветшала, а заменить ее на новую не было возможности. Скучное комплектование приводило к росту количества отказов, особенно по краеведческой литературе.

Отсутствие пока еще стабильного систематического финансирования библиотечной деятельности требовало активного поиска и привлечения внебюджетных средств. Поэтому библиотеки становились участниками различных проектов и грантов для закупок новой литературы и технического переоснащения. Деньги, полученные от платных услуг, использовались в основном на покупку дорогостоящих книг по политическим, экономическим наукам и юриспруденции.

К концу первого десятилетия нового столетия стала наблюдаться положительная динамика развития библиотечного дела. Размер совокупного книжного фонда публичных библиотек республики составил 8211200 единиц хранения. В 2010 г. в библиотеки поступило 127900 тысяч экземпляров печатных документов (книг, периодики, нот, карт

и т. д.), за это же время выбыло 113230 тысяч экземпляров устаревших печатных изданий. Совокупное финансирование библиотечного обслуживания в республике в расчете на одного жителя составило 99,1 рублей, т. е. увеличилось на 5,8 %.

Среднее число жителей на одну библиотеку составляло 2516 человек; процент охвата населения региона библиотечным обслуживанием – 35,4 %. Число зарегистрированных в 2010 году читателей составило 993400 тысяч человек, увеличившись по сравнению с предыдущим 2009 годом, на 1,2 %.

В Республике Дагестан насчитывалось 1088 публичных (общедоступных) библиотек, подведомственных Министерству культуры, из них 1024 библиотеки находилось в сельской местности. В 2010 году были открыты новые библиотеки в Ботлихском, Кайтагском, Магарамкентском и Рутульском районах.

Наиболее крупными библиотеками республиканского уровня являлись: Национальная библиотека имени Р. Гамзатова, Республиканская детская библиотека имени Н. Юсупова, Республиканская юношеская библиотека имени А.С. Пушкина, Республиканская специальная библиотека для слепых. Среди библиотек республики 15 было подключено к сети Интернет, 13 – имели свою электронную почту.

Важными направлениями деятельности библиотек, кроме непосредственного обслуживания читательского интереса населения, были патриотическое воспитание граждан, правовое просвещение населения, реализация мероприятий по республиканским целевым программам, пропаганда творчества поэтов, писателей, ученых и общественных деятелей, краеведческие мероприятия, а также сотрудничество с заинтересованными организациями, учреждениями и институтами по популяризации их деятельности в области духовно-нравственного просвещения и воспитания.

Так, например, деятельность Национальной библиотеки Республики Дагестан имени Р. Гамзатова в этот период была направлена на максимальное удовлетворение информационных, образовательных и культурных потребностей пользователей. Было приобретено программное обеспечение «Система автоматизации библиотек ИРБИС-64», которое позволило решить проблему автоматизации большинства библиотечных процессов и способствовало активизации работы библиотеки по всем направлениям.

Основной задачей Республиканской детской библиотеки являлось привлечение детей и подростков к активному чтению с помощью традиционных форм библиотечной работы. Здесь был создан литературный клуб «Вдохновение». Среди читателей библиотеки проводились

уроки миролюбия, нравственности и толерантности. Тема профилактики преступности и наркомании среди несовершеннолетних также не оставалась без внимания и была одной из востребованных.

Одним из направлений деятельности Дагестанской специальной библиотеки для слепых была социальная реабилитация инвалидов по зрению и максимальное предоставление им возможностей для получения нужной информации в альтернативных форматах. В библиотеке был сформирован банк данных по проблемам инвалидности, с 2002 года создан и активно функционировал Центр правовой помощи для лиц с нарушениями зрения, который активно работает и сегодня, обеспечивая в том числе доступ к глобальной сети Интернет и электронной почте всем читателям библиотеки.

Необходимо отметить, что в 2000-е годы отчетливо наметилась тенденция активизации работы библиотек по различным направлениям, стабилизировалось финансирование, стали обновляться и пополняться фонды. Заметные изменения произошли в организации и решении одной из важнейших задач в деятельности библиотек – просветительской работы среди населения, их взаимодействие с государственными и общеобразовательными учреждениями в вопросах патриотического и духовно-нравственного воспитания населения вышло на качественно новый уровень.

Сегодня библиотека является социальным институтом, который включает в себя информационные и культурные компоненты и обеспечивает устойчивость связей и отношений в рамках общества. Происходит эволюция социальной роли библиотеки, становятся более разнообразными ее функции. Библиотека стала одним из наиболее посещаемых учреждений культуры, бесплатно предоставляющим свои услуги населению. Росту числа посетителей способствует не только то, что сегодня в современной библиотеке стало возможно найти любую книгу, как на бумажном носителе, так и в электронном виде, но также ее переформатирование, организация работы по запросам и интересам посетителей [1]. Библиотеки республики, преодолев сложный период 1990-х годов, сегодня продолжают развиваться как центры образования, науки и культуры региона.

Библиографический список

1. *Боярова Б.* Как сегодня живут библиотеки и что в них читают дагестанцы // Молодежь Дагестана. 2022. 10 марта / [Электронный ресурс]. URL: <http://md-gazeta-ru.turbopages.org> (дата обращения: 11.12.2022).
2. *Гебеков Г.Ф.* Культура Дагестана на современном этапе: основные тенденции и противоречия развития (1992–2005 гг.). Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. 196 с.

3. Дагестан – 2002. Ч. 1. Стат. сборник. Махачкала: Комитет Госстатистики РД, 2003. 360 с.

4. *Мирзабеков М. Я., Ананьева Е. С., Юнаева В. Д.* Культура дагестанского города XX века. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2007. 384 с.

УДК 93/94

А.С. Хрипунов,

заведующий музеем истории и развития ИГЭУ, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ БАЛТИЙСКИХ, ФИНСКИХ И ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Развитие системы национального образования было одной из ключевых проблем национального вопроса в России на рубеже XIX–XX вв. В статье рассматриваются основные программные положения в области развития системы народного обучения региональных политических партий Финляндии, Прибалтики и Польши.

Ключевые слова: Политические партии, национальный вопрос, национальные окраины, народное образование.

A.S. Khripunov,

Head of the Museum of History and Development of the ISPU, Ivanovo State Power Engineering University V.I. Lenin

PUBLIC EDUCATION IN THE PROGRAM DOCUMENTS OF THE BALTIC, FINNISH AND POLISH POLITICAL PARTIES IN THE LATE XIX – EARLY XX CENT.

The development of the system of national education was one of the key problems of the national question in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. The article deals with the main program provisions in the field of development of the public education system of regional political parties in Finland, the Baltic states and Poland.

Key words: Political parties, national question, national regions, public education.

Национальный вопрос был одним из самых сложных и включал в себя множество проблем, одной из которых являлось образование. В отношении практически всех национальностей российское правительство

проводило жесткую русификаторскую политику, которая часто выражалась не только в отсутствии всякого самоуправления в национальных окраинах, но и в повсеместном насаждении русского языка в качестве единственного средства общения в образовательных и прочих общественных и государственных учреждениях. Исходя из этого, вопросы образования и воспитания занимали одно из важных мест в программных документах многих национальных политических организаций и партий.

Особенно выделялись северо-западные национальные окраины империи. Сюда мы включаем Царство Польское, Прибалтику и Великое княжество Финляндское. Данная территория выделена по следующим причинам: 1) схожий социально-экономический и общественный уклад; 2) абсолютное большинство населения, проживавшего здесь, не было русским, имело серьезные культурные особенности, иной язык, вероисповедание; 3) эти территории управлялись по особым специальным законам, которые в одних случаях расширяли права местного населения, а в других – ущемляли их.

Различные политические движения в этих регионах стали формироваться во второй половине XIX в., а с политикой контрреформ и наступлением на некоторые свободы в 1880–1890-е гг. процесс ускорился, и к рубежу XIX–XX вв. здесь уже существовали свои политические партии разной идеологической ориентации. Наибольшая политическая активность здесь стала проявляться в годы революции 1905–1907 гг., когда правительство пошло на уступки. В этот период произошло окончательное организационное оформление партий.

Классификация национальных политических партий крайне трудна, т. к. все они были неоднородны, придерживались разных идеологий и по-разному относились к участию в общероссийских учреждениях, к другим политическим партиям. На наш взгляд, в контексте образовательной проблематики уместно будет делить все партии по национальному признаку, т. к. в вопросах образования зачастую представители социал-демократических, либеральных, автономистских и прочих взглядов стояли на очень схожих позициях.

Таким образом, условно мы можем выделить следующие группы национальных партий – польские (действовали главным образом на территории Царства Польского, но имели связи и с общероссийскими партиями), финские (действовали практически исключительно на территории Великого княжества Финляндского), прибалтийские (акцентировали внимание на внутренних проблемах остзейских губерний, сохраняя при этом связи с общероссийскими партиями). В этот список мы не включаем еврейские партии, которые действовали здесь. Евреи

имели иной правовой статус, они входили в число «инородцев». Финны, прибалты и поляки в эту группу включены не были.

Рассмотрим взгляды партий на проблемы образования. Среди польских партий наиболее видными считались Польская социалистическая партия (ППС), Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и праволиберальная Национально-демократическая партия Польши (НДП). Если первые две партии относились к революционным, то последняя активно участвовала в работе Думы, была нацелена на сотрудничество с российским правительством, добиваясь большей автономии для Польши [1, с. 210].

Программы ППС и СДКПиЛ выделяют общие черты народной школы – уничтожение всякого неравенства в образовательных учреждениях (национального, религиозного, классового и полового), возможность каждой нации обучаться на родном языке, бесплатность начального образования, для наиболее успешных учеников – бесплатность среднего и высшего обучения [2, с. 108, 116]. Важным пунктом, характерным для всех социалистических партий, было требование светской школы [3, с. 16, 22].

Гораздо больше внимания проблемам воспитания и образования уделялось в программах НДП. Соглашаясь с тезисами социалистов, партия отмечала особо важную роль Католической церкви в духовном и нравственном становлении польского народа [4, с. 12–13]. Одной из целей своей просветительской деятельности они указывали необходимость «политического взросления» поляков в национально-патриотическом духе.

Несмотря на умеренные позиции, члены НДП открыто отмечали губительную русификаторскую политику царского правительства, поэтому одной из своих задач они определяли максимально возможное бойкотирование официальных учебных заведений и «широкую организацию в городах и деревнях тайного начального обучения». Они предлагали развитие сети тайных библиотек, организацию лекций, издание газет и журналов [4, с. 34–35].

Подобная деятельность НДП была широко известна правительству, о чем свидетельствуют различные указы, запрещавшие деятельность таких учреждений. Представители Польского Коло в Государственной думе (многие из которых были членами НДП) неоднократно подвергались нападкам со стороны представителей правых фракций [5, с. 170–174].

Довольно широко различными политическими партиями была представлена Прибалтика. Если в Эстонии существовало множество разрозненных малых организаций, то в Литве и Латвии появились полноценные партии. Это были социалистические – Латышская социал-

демократическая рабочая партия, Социал-демократия Латвии, Социал-демократическая партия Литвы и некоторые другие. Все они имели тесные связи с РСДРП.

Либералы были представлены главным образом Демократической партией Литвы, Балтийской конституционной партией. Причем, если первая настаивала на независимости Литвы, то последние выражали интересы местного немецкого населения, выступали за тесное сотрудничество с правительством, за либеральные реформы, принимали участие в думской работе.

Если требования социалистических партий в целом повторяли программные положения своих единомышленников из Польши, то партии либеральной ориентации вносили некоторые существенные дополнения. Так, в программе Демократической партии Литвы, которая была утверждена в 1905 г., содержались следующие требования – все образование должно всецело быть передано в органы местного самоуправления, начальное образование – бесплатное и обязательное, свободное учреждение учебных заведений частными лицами, открытие университета в Вильно, начальное образование каждый житель Литвы получает на родном языке (в том числе и не литовцы), а по возможности и на других ступенях обучения, уничтожение всех преград между всеми ступенями школ и прочее [2, с. 40–42].

Таким образом, программа Демократической партии содержала конкретные и прогрессивные требования. Следует отметить, что они были тесно увязаны с политическими требованиями свободы совести, вероисповеданий, широкой автономии Литвы в составе демократической России с последующей полной независимостью. Взгляды партии на проблемы образования были близки с кадетскими, однако конечная цель всей их деятельности – независимость – не позволила ей выйти в своей деятельности за границы Литвы.

Балтийская конституционная партия, появившаяся в октябре 1905 г., делала упор на языковые проблемы, указывая в числе требований необходимость преподавания в начальной школе и по возможности на высших ступенях на родном языке учащихся. Обязательным они считали и изучение русского – государственного языка, – чтобы будущий гражданин имел широкие возможности (культурные, деловые, образовательные) в остальных частях России. При этом образование предполагалось передать на места с сохранением надзора и участия центральных органов власти [2, с. 44–46]. По своим взглядам Балтийская конституционная партия больше всего была похожа на октябристов.

На примере этих партий видны разные подходы к решению проблем образования. Эти отличия диктовались идеологической ориента-

цией той или иной партии. Проблема взаимосвязи школы и церкви, местного образования и общегосударственных структур, вообще статус той или иной территории вызывали серьезные разногласия в рядах политической интеллигенции. Такая ситуация характерна абсолютно для любой окраины империи.

Интересно взглянуть на политическое положение Финляндии в начале XX в. Хронологически политические партии стали складываться в Финляндии раньше, чем в других регионах России – в 1880-е годы. Эти процессы связываются с начавшейся политикой контрреформ, постепенным наступлением царского правительства на финскую автономию и усилившуюся русификацию.

Социалистическое направление здесь было представлено Финляндской социал-демократической партией, которая занималась исключительно финскими вопросами, имела слабые контакты с РСДРП, предпочитая оставаться независимой организацией. Несколько раз делегировала своих представителей в финский парламент. Либеральное крыло было представлено двумя основными партиями – так называемой Финской партией (старофинны), которая была настроена на сотрудничество с российским правительством и видела своей целью сохранить привилегированное положение Финляндии в составе России, и Конституционной финской партией (младофинны), которая своей главной конечной задачей ставила независимость Финляндии.

Финские социал-демократы уделяли проблемам образования много внимания. Так, они требовали обязательного обучения в начальной школе для детей 7–15 лет, ориентацию образования на современные нужды, выстраивание последовательной системы между всеми ступенями обучения [6, с. 76–77].

Гораздо больше внимания этим вопросам уделяли либеральные партии. Старофинны особо выделяли проблему языка и указывали на необходимость ведения всего обучения на финском языке и обеспечения права шведов обучаться на своем языке. О русском языке в их программе нет ни слова. Младофинны особо подчеркивали, что для усиления позиций финского языка необходим рост национального самосознания финнов, которое угнетается со стороны центральной власти [6, с. 47–48].

Важное место в документе занимают финансовые вопросы – указываются источники средств на строительство школ, необходимость повышения заработной платы учителям. Отмечается, что образование должно отвечать современным экономическим и общественным нуждам и в связи с переменахми 1905–1907 гг. высшее образование должно стать доступно каждому жителю, т. к. теперь все они задействованы в политической жизни княжества.

Младофинны ключевой задачей видели обеспечение доступности средних и высших учебных заведений по всей Финляндии. Много внимания они уделяли вопросам финансирования образования. По их мнению, казна должна не только открывать и содержать официальные школы, но и субсидировать открытие частных учебных заведений, а также материально помогать учащимся из бедных семей, обеспечивать их учебными принадлежностями [6, с. 57–58].

Таким образом, проблемы народного образования и культуры в целом занимали важное место в политических программах самых разных партий северо-западного региона России. Большой отпечаток на их содержание наложила идеологическая направленность той или иной партии, базовые установки и принципы, на которые они опирались. В программах партий из Польши, Прибалтики и Финляндии мы видим уникальные черты и особенности, которые в полной мере отражали наиболее важные проблемы той или иной области и народа, в ней проживающего.

Всех без исключения волновала проблема языка. В каждом из регионов ее решение видели по-разному, но все отмечали пагубность русификаторской политики в области образования. Если важное место в программах польских, литовских и латышских партий занимали вопросы начального образования, то главными в программах финских партий были проблемы среднего и высшего обучения, что отражает более высокий уровень развития Финляндии в этом вопросе в начале XX в. Партии последней также имели гораздо больше шансов на реализацию своей программы в связи с введением здесь в 1906 г. всеобщего избирательного права. Их устраивала деятельность внутри самой Финляндии, от общероссийской политики они пытались максимально дистанцироваться.

Поляки, литовцы и латыши, ставя в приоритет свои коренные земли и преобразование системы преподавания и воспитания, все-таки не были так сильно обособлены, принимали участие в деятельности местных органов власти, избирались в Государственную думу, где зачастую вынуждены были присоединяться к позиции других крупных думских фракций.

В целом их позиция в вопросах народного образования не сильно отличалась от центристских партий, соответствовала прогрессивной русской мысли того времени и признавалась многими. И все же их сепаратистские устремления, опыт нелегальной деятельности всегда бросали тень на репутацию этих партий, оставляли им мало простора для реализации своих образовательных программ.

Библиографический список

1. Государственная дума. Созыв 2-й. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 55 Учреждения Государственной думы. СПб., 1907.
2. Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Вып. 1. М., 1996.
3. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М., 1995.
4. Программа национально-демократической польской партии и деятельность последней в «русском захвате». М., 1907.
5. *Георгиевский Евлогий*. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита. М., 1994.
6. Политические партии в Финляндии. СПб., 1909.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

Грошева И.А., Грошев И.Л., Грошева Л.И. Ценности патриотизма в молодёжной среде: гендерный подход	5
Павлюченков Н.Н. К постановке проблемы взаимодействия церкви, общества и государства в России XX – начала XXI века	11
Чикаева Т.А. Г.В. Флоровский о Родине и патриотизме	15
Черноперов В.Л. Благотворительная и миссионерская деятельность святого праведного Иоанна Кронштадтского	20
Смирнова О.С., Павлычева Ю.Ю. Закрытие храмов на территории Романовского сельсовета Суздальского района в 1930-е годы	26
Юдин К.А. СССР и США: эпизоды «холодных» культурно-кинополитических сопряжений (конец 1960 – начало 1980-х гг.)	32

Секция 1

«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

Бурдин Е.А., Сафин К.В. Ренессанс РПЦ в Среднем Поволжье: культовые сооружения, образовательная деятельность и веротерпимость (1990–2010-е гг.)	38
Вашкау Н.Э., Новиков Н.С. Антирелигиозная пропаганда в 1920–1930-х гг. на страницах журнала «Безбожник»	43
Верещагин И.Ф. Сотрудничество церкви с правительством и парламентом в России	48
Гаврилова В.В. Система моральных ориентиров в современной РПЦ и российском обществе	53
Горожанина М.Ю. Советская власть и православное духовенство Кубани в 1930-е годы	58
Игумен Герман (Г.И. Дворцов). Православные общины на территории Иваново-Вознесенской губернии в 1918–1920 гг.: количественный состав и имущественные отношения	64
Дианова Е.В. Антирелигиозные статьи Е.М. Ярославского в журнале «Пионер»	69

Дмитриев Н.А. Жизнь и служение архиепископа Калининского и Кашинского Варсонофия (Гриневича)	75
Иванова Т.П. Русская Православная Церковь в годы Первой мировой войны	81
Кашаева М.В. Реализация советской конфессиональной политики в отношении РПЦ в начале 1920-х гг. на Алтае	86
Кураев А.Н. Религиозный вопрос в Российской империи в начале XX века	91
Лешинский А.Н. К периодизации церковных разделений	97
Менщиков И.С. «Семья православного – малая церковь». Религиозная жизнь Зауральских крестьян в начале XX в.	102
Минько С.И. Празднование 1030-летия православия на белорусских землях	107
Епископ Рыбинский и Романово-Борисоглебский Вениамин, Новоторцева А.М. Духовно-религиозная жизнь Ярославского края в послевоенное время в 1946–1953-е годы (по материалам отчетно-информационных докладов и переписки по вопросам Церкви уполномоченного Совета по Ярославской области)	113
Половникова М. Ю. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское общество в истории Вятской губернии в конце XIX в.	119
Рашитова О.А. Вклад священнослужителей в защиту Отечества	124
Ревякин Е.С. Взаимоотношения между государством и религиозными организациями в 1929–36 годах (по материалам Ивановской Промышленной области)	129
Садвокасова З.Т. Источники по изучению крещения калмыков в Казахстане в 60–70-х годах XIX века (по материалам ЦГА РК)	133
Сазонов Д.И. Принципы и основные положения практик собирания церковной общины на примере руководств Н. Неплюева и епископа Макария (Опоцкого)	139
Седова Г.В. (инокиня Евфросиния). Сотрудничество Рижской епархии и Реальной русской гимназии Л.И. Тайловой, конец XIX – начало XX в.	144
Сергеев Ю.Н. Уфимская епархия в событиях 1917–1921 гг.	149
Соколов А.С. Политика государства по отношению к Русской православной церкви в период отказа от принципов нэпа 1928–1929 гг. (На материалах Рязанской губернии)	153
Степанов А.В. Святейший синод РПЦ о курсе Закона Божия в средних школах (1910 г.)	157

Стогов Д.И. Деятельность Поместного Собора Православной российской церкви по утверждению трезвости	163
Суханова Н.И. Антирелигиозная политика в СССР как фактор распада государственности	169
Федотов А.А. Положение Русской Православной Церкви в СССР в 1943–1958 гг.	175
Шушканова Е.А. Значение сибирской крестьянской общины в жизни церковного прихода	180
Щавинская Л.Л. Илария Булгакова – хранительница православного наследия ближнего Русского Зарубежья	186
Якунин В.Н. Взаимоотношения с властью и обществом, основные события и повседневная жизнь Самарской и Сызранской епархии в 2012 г.	191

Секция 2

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (РУБЕЖ XIX–XX вв. – РУБЕЖ XX–XXI вв.)

Анисимова А.П. Московский еврейский театр «Шалом» в российско-израильских отношениях	197
Афанасьева М.А. Проблемы глобализации религиозного сознания в русской религиозной философии	201
Бойко С.И. Религиозный вектор в политической культуре государственности современной России	206
Буданова Д.С. С.Н. Булгаков и И.С. Шмелев: параллели жизни и творчества	211
Вакарчук А.Ю. «Сказку сделать былью»: тенденция переделок классических балетов в советском театре 1930-х гг.	216
Воробьев Е.П. Культурная жизнь в Царицыне в период революции 1917 г.	222
Воскресенский Б.А., Орлова М.С. Некоторые антропологические и клинические аспекты проблемы «религиозность и психические расстройства»	227
Гладышев Д.Ю. Религиозно-философское учение Л.Н. Толстого глазами современников и авторов советского периода	232

Дежнев В.Н. Великая Отечественная война как противостояние Русской православной и западно-европейской католико-протестантской цивилизаций	238
Жульков М.В. Русская национальная идея: на стадии проектирования	244
Заварин А.Д. Новые медиа: работа современного историка, как отражение трансформации российского общества	249
Климович Л.В. Роль «русской школы» за рубежом в формировании национального самосознания молодежи (по материалам российской эмиграции в 1920–1930-е гг.)	254
Ковров Э.Л. Интегральное мировоззрение – русский проект Питирима Сорокина	258
Комаров А.С. Развитие учения о религиозной свободе в российской евангельско-баптистской теологии	263
Комиссарова И.А. Налоговая мысль и новая экономическая политика (попытка обобщения)	269
Конев Е.В. Религиозная деятельность немцев Западной Сибири середины XX века	275
Крайнов Г.Н. Почему распался СССР?	280
Купцова И.В. Проблема конформизма интеллигенции в новейшей отечественной историографии	286
Лабынцев Ю.А. Именем православных Варшавы: идея возведения собора Александра Невского и ее осуществление в начале XX в.	290
Личак Н.А. Преподавание истории в техническом вузе: новые ориентиры	294
Лукьянчикова Л.В. Эволюция российского патернализма XIX–XXI вв.	297
Медоваров М.В. Александр Киреев и общественное мнение по вопросам внешней политики России в начале XX в.	303
Михайлов С.С. К вопросу о судьбе старообрядческого беспоповского согласия «Бабушкина вера» в XX столетии	309
Музафарова Н.И. Отношение Советской власти к сектантству 1917–20-е гг. (на примере Урала)	315
Начапкин М.Н. Иван Ильин об отношении Запада к России и основных положениях будущей государственной идеологии	320
Павлов К.В. Как изучать русскую интеллигенцию пореволюционных лет? Несколько примеров современных регионоведческих и литературно-нарративных исследований	326

Полещук Ю.А. Коммуникативные и организаторские склонности в контексте профессиональной направленности будущих специалистов социэкономических профессий	332
Решетов Е.А. Советско-шведские отношения в 1918–1926 годах на страницах газеты «Правда»	336
Сипейкин А.В. История буддизма в советской России в 1920-е гг. в современной историографии	341
Суздальцева И.А., Шихамиров М.С. Становление советской системы исторического образования в 1930-е годы	346
Точенов С.В. Евгений Евтушенко и Ивановский Молодежный народный театр Регины Гринберг	351
Тумаков Д.В. Политические предпочтения чеченского общества в конце 1994 года в оценках российской печати	357
Усманов С.М. Спорная сталиниана британского историка	363
Шупенько Т.И., Ефимович Е.В. Правовое регулирование организации подбора кадров для государственной службы из числа молодых граждан в Российской Федерации	366

Секция 3

«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

Балдин К.Е. Проблемы земской медицины в городе Иваново-Вознесенске (конец XIX – начало XX в.)	372
Безубов С.С. Благотворительная деятельность Вичугского купечества в XIX – начале XX века	378
Белов А.М., Булюкин Д.А. Депутаты IV Государственной Думы от Костромской и Ярославской губерний в годы Первой мировой войны	383
Белоногов Ю.Г. Эволюция трудового законодательства в отношении прогулов по неуважительным причинам в период довоенной индустриализации	389
Бунин А.О. Количественные параметры кооперативных звеньев системы кредитования российской деревни в 1925–1927 годы	395
Бутрин Е.С. Плёско-Яковлевский район между Костромой и Иваново-Вознесенском	400
Ганчар А.И. История «Зельвенского дела» (2 января 1907 г.) ...	408
Горячев И.В. Развитие территориального общественного самоуправления в городском округе Иваново на рубеже XX–XXI вв.: историко-правовой аспект	414

Гулин А.О. Участие казачьих войск в боевых действиях на территории северной Персии в 1909–1913 гг.	419
Дроботушенко Е.В. Материалы к истории русских поселений на севере Китая в документах Председателя Союза сибиряков в Чехословакии И.А. Якушева	425
Дряблова Е.Е. Идеологическая политика советского государства в 20-е годы XX века и деятельность историко-партийных организаций	429
Ильин Ю.А. Перестроечные маневры советской продовольственной диктатуры в отношении мелкотоварного крестьянского хозяйства (рубеж 1918/1919 гг.)	433
Ковров Т.А. Открытие Вязниковского отделения Государственного банка и учреждение при нём учётно-ссудного комитета (1916–1917 гг.)	439
Комолов Д.Е. Структурное развитие 2-го Ивановского государственного хлопчатобумажного треста в 1935–1938 гг.: организация и управление	444
Коняев А.Е. Своевременный уход (Нотариус Ф.И. Штрахич: завершающий этап биографии. 1909–1917)	448
Корников А.А. Гербы Пензенской области: происхождение, символика и современное состояние	453
Красовицкая Т.Ю. Кроссворд для Сталина: взаимодействие идей федерализма с соседями по территории, конфессиональной близости, исторической памяти	458
Кудряшова А.С., Хорева Н.В. Социальная структура города Арзамаса в начале XX века	465
Кукушкин В.Л., Кукушкина И.А. Фронтовой юмор в письмах З.А. Лапшиной 1941–1943 гг.	470
Ладанова А.А. Организация школ фабрично-заводского ученичества при текстильных фабриках Ивгостреста в 1921/22–1924/25 гг.	476
Листопадов Д.Ю. К вопросу о достоверности сведений русского военного министерства и Генерального штаба о потерях армии в Первой мировой войне	482
Листопадов Ю.Г. Движение школьных комсомольско-молодежных лагерей в РСФСР (1950–1960 годы)	488
Макаров Н.А. Революция 1917 года: проблемы преподавания в школьном курсе истории России (по материалам юбилейных конференций)	492
Малафай М.С. Кирилловцы и николаевцы в эмигрантской прессе 1920–1930-х гг.	498

Матвеев С.А. Социальная история в трудах Л.М. Сухотина	502
Ожиганов А.Н. Историографический аспект изучения государственно-конфессиональной политики в Хакасии в середине 1960-х – начала 1990-х гг.	508
Околотин В.С. Отражение Сталинградской битвы в истории Ивановской области в 1942–1943 гг.	513
Орлова С.А. Полномочия Сената в сфере контроля и надзора в России в годы Первой мировой войны (императорский период)	518
Перевозников А.А. Направления деятельности Московского Олимпийского комитета в начале Первой мировой войны (август – декабрь 1914 года)	523
Полужэтов И.Б. К вопросу о награждении офицерского состава армейских гусарских полков Русской императорской армии орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевским оружием (На примере 5-го гусарского Александрийского полка)	528
Пушков В.П. Нижегородцы – первокурсники Московского университета 1917 г.	533
Реутова А.Д. Из истории создания комиссии по делам несовершеннолетних	537
Сафолов Д.С., Околотин В.С. Обеспечение предприятий текстильных главков Ивановской области рабочей силой во 2 полугодии 1942 года	541
Синин Е.Ю. Григорий Зиновьев и формирование «монолитного единства» большевистской партии	546
Смирнов В.А. Из истории гражданской авиации Ивановской области в 1970–1980-е годы	553
Сорокин А.А. Система выборов в Государственную Думу по закону 3 июня 1907 г. в оценках журнала «Вестник Европы»	558
Сысов А.И. Обследование партийных ячеек как одно из направлений деятельности райкомов ВКП(б) горнозаводской зоны Южного Урала в середине 1920-х – середине 1930-х гг.	563
Труженикова Л.А. Проблемы и перспективы развития библиотечного дела в республике Дагестан в 2000-е годы	568
Хрипунов А.С. Народное образование в программных документах балтийских, финских и польских политических партий в конце XIX – начале XX в.	573

**ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ
В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ**

Материалы XXII Международной научной конференции

Иваново, 29–30 марта 2023 г.

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 28.02.2023 г.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 34,2. Уч.-изд. л. 34,5. Тираж 300 экз. Заказ 2.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39.

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, стр. 8

☎ 8-930-330-36-20. E-mail: presto@mail.ru

